РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых замечательных книг выдающихся деятелей русского национального движения, посвященных борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

Аверкиев Д. В.
Айвазов И. Г.
Аквилонов Е. П.
Аксаков И. С.
Антоний (Храповицкий), митр.
Аракчеев А. А.
Бабурин С. Н.
Башилов Б.
Бондаренко В. Г.
Бородин Л. И.
Булацель П. Ф.
Буткевич Т. И.
Бутми Г. В.
Величко В. Л.
Винберг Ф. В.
Воробьевский Ю. Ю.
Восторгов И. И.
Вязигин А. С.
Голицын Д. П.
Грингмут В. А.
Державин Г. Р.
Достоевский Ф. М.
Дубровин А. И.
Дудко Д. С.
Жевахов Н. Д.
Жеденов Н. Н.
Замысловский Г. Г.
Иванов В. Ф.
Ильин И. А.
Книга русской скорби
Крупин В. Н.
Крушеван П. А.
Кузьмин А. Г.
Куняев С. Ю.
Личутин В. В.
Любомудров М. Н.
Марков Н. Е.
Меньшиков М. О.
Мержеевский В. Д.
Миронов Б. С.
Нечволодов А. Д.
Никольский Б. В.
Нилов В.
Нилус С. А.
Осипов В. Н.
Пасхалов К. Н.
Проханов А. А.
Рогозин Д. О.
Розанов В. В.
Ростопчин Ф. В.
Семанов С. Н.
Сенин А. А.
Солоухин В. А.
Суворин А. С.
Фотий (Спасский), архим.
Хатюшин В. В.
Цикунов А. К.
Чванов М. А.
Чивилихин В. А.
Шарапов С. Ф.
Шафаревич И. Р.
Шевцов И. М.
Шиманов Г. М.
Шипунов Ф. Я.
Шмаков А. С.

ГЕОРГИЙ ЗАМЫСЛОВСКИЙ

В БОРЬБЕ С НЕНАВИСТНИКАМИ РОССИИ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2013

УДК 930.85
ББК 63.3
З 26

Замысловский Г. Г.

З 26 В борьбе с ненавистниками России / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 720 с.

В книге впервые после 1917 г. публикуются статьи и выступления выдающегося русского правоведа, государственного и общественного деятеля Георгия Георгиевича Замысловского (1870–1920) – одного из последовательных защитников интересов русского народа в области права.

Речи его в стенах III и IV Государственной Думы, членом которой он был, вызывали восторг всех русских патриотов и злобную реакцию ненавистников России. Авторитет Замысловского в среде русских патриотов был непререкаем. Он получил широкую известность своими исследованиями ритуальных убийств, выпустил книги «Умученные от жидов», «Убийство Андрюши Ющинского». В 1913 г. вместе с А. С. Шмаковым был гражданским истцом на процессе по делу ритуального убийства христианского мальчика Андрея Ющинского, выступал на процессе с обличительной речью.

После 1917 г. Г. Г. Замысловский – один из руководителей подпольной организации «Великая единая Россия», выступавшей за возрождение России на началах законоприемственной монархии.

ISBN 978-5-4261-0068-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Георгий Георгиевич (Егорович) Замысловский (псевдоним Г. Юрский) – выдающийся русский правовед, публицист, депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов, родился в Петербурге 13 мая (ст. ст.) 1872 г. в семье потомственного дворянина. Его отец, Е. Е. Замысловский (06.06.1841–09.05.1896), был ординарным профессором по кафедре русской истории С.-Петербургского университета, членом-корреспондентом Петербургской академии наук. На протяжении многих лет он преподавал историю наследнику Престола, будущему Императору Николаю II.

Образование Замысловский получил в гимназии при Историко-филологическом институте, затем окончил юридический факультет С.-Петербургского университета, получив степень кандидата права в 1893 г. В университете Замысловский интересовался шахматной игрой и считался игроком первой категории. По окончании университета он стал кандидатом на судебные должности при С.-Петербургской судебной палате (Петербургском окружном суде) и вскоре был командирован для занятий в канцелярию гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. С 20 октября 1894 г. Георгий Георгиевич состоял помощником секретаря Комиссии по составлению местных запретительных книг при Министерстве юстиции, готовившей введение в России ипо-

течного устава; с 26 мая 1898 г. был назначен секретарем этой комиссии. С 1899 г. в течение четырех лет Замысловский занимал должность мирового судьи по Курляндской губернии (Прибалтийский край); с 18 января 1903 г. он стал товарищем прокурора Гродненского окружного суда, а с 29 мая 1904 г. – Виленского окружного суда.

В 1905 г. Замысловский получил чин надворного советника. С июня 1906 г. по ноябрь 1907 г. (до избрания в Государственную Думу) он исполнял должность товарища прокурора Виленской судебной палаты. В 1905–1907 гг. Замысловский часто выступал обвинителем почти по всем крупным процессам, вызванным революционным движением, в Виленской, Гродненской, Киевской и Минской губерниях. Тогда же он получил известность как борец с еврейским и польским засильем.

Известно также, что правый политик был женат на Марии Алексеевне Соколовой, имел двух дочерей: Марию (род. 31 июля 1896 г.) и Валентину (род. 25 августа 1898 г.).

В Государственной Думе и в монархическом движении

10 ноября 1907 г. Замысловский был уволен от службы в связи с избранием в III Государственную Думу от русского населения Виленской губернии. В российском парламенте он стал членом фракции правых. Кандидатура Замысловского была поддержана правыми организациями, объединенными вокруг Виленского Свято-Духовского православного братства. С избранием депутатом Думы он перешел в адвокатуру. В ноябре 1907 – октябре 1910 гг. политик стал старшим товарищем (заместителем) секретаря Думы. Также известно, что в 1911 г. Замысловский приобрел имение Бргданишки в 283 десятины земли в Виленском уезде.

В конце 1900-х гг. Г. Г. Замысловский становится видным деятелем русских правомонархических организаций – Русского собрания, Союза Русского Народа (СРН), а с 1908 г. – и Русского Народного Союза имени Михаила Архангела (РНСМА) (уставами этих организаций не возбранялось одновременное членство в СРН и РНСМА, и многие правые состояли одновременно в разных монархических организациях). Тогда же, с возникновением организации В. М. Пуришкевича, Замысловский стал сотрудником органа РНСМА – журнала «Прямой путь». Совместно с Пуришкевичем он принимал активное участие в создании правых академических союзов в вузах. В это же время он активно читал лекции для рабочих 1-го Российского экономического рабочего союза, созданного при РНСМА. После раскола в Союзе Русского Народа Замысловский поддержал Н. Е. Маркова, входя после раскола СРН в состав так называемого «обновленческого» Союза Русского Народа. Он разошелся с основателем СРН доктором А. И. Дубровиным, прежде всего, по вопросу об отношении к Государственной Думе, считая, в отличие от Дубровина, что деятельность российского парламента необходима и полезна Отечеству. 19 апреля 1912 г. Замысловский был введен в состав Устроительного Совета монархических съездов. Он также принял активное участие в Пятом Всероссийском Съезде Русских Людей в Петербурге 16–20 мая 1912 г.

В Государственной Думе Замысловский выступал преимущественно по национальному вопросу (еврейский вопрос, финляндский сепаратизм, немецкое засилье, лишение особых привилегий прибалтийского дворянства), по вопросам обороноспособности страны. Особенную известность получила его речь при обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев, произнесенная 25 апреля 1908 г. и впоследствии неоднократно

переиздававшаяся (ее текст приводится в нашем сборнике). Известность среди правых получила также речь Замысловского о развале высшей школы, произнесенная в Думе 20 апреля 1911 г. Наряду с Н. Е. Марковым, А. С. Вязигиным и Г. А. Шечковым и другими правыми депутатами за выступления в Думе в защиту Православной Церкви Замысловский удостоился благодарности и благословения от митрополита Московского Владимира (Богоявленского). В эти же годы он выступал как посредник между правыми организациями и правительством П. А. Столыпина (в частности, по вопросу субсидирования правых партий). В период работы III Думы правый политик входил в Бюро для взаимной осведомленности и совместных действий правых деятелей, которое состояло из трех членов Думы (графа А. А. Бобринского, А. С. Вязигина и самого Замысловского) и трех членов Государственного Совета (М. Я. Говорухо-Отрока, князя А. Н. Лобанова-Ростовского и А. С. Стишинского) под председательством члена Государственного Совета А. А. Ширинского-Шихматова.

Рассмотрим подробнее некоторые аспекты взаимоотношений П. А. Столыпина и правого депутата Г. Г. Замысловского как одного из проводников его политики в Государственной Думе. Отметим, что отношение Замысловского к Столыпину и его правительству диктовалось содержанием правительственных законопроектов, поступавших в Думу. В частности, Замысловский поддерживал законопроект по финляндскому вопросу, предложенный кабинетом Столыпина. Нельзя, заявил Замысловский с думской трибуны, терпеть существование области, расположенной в нескольких десятках верст от столицы, открыто стремящейся к сепаратизму, «которая во время государственного кризиса подготовляла вооруженное восстание, области, где система-

тически [...] прививают населению чувство ненависти к России, области, где дают широкий приют русским революционерам... Это состояние должно быть прекращено законодательным путем или силою оружия, если понадобится, – это все равно»[1].

Доклад по правительственному законопроекту о неприкосновенности личности в III Думе был сделан также Замысловским[2]. В нем правый политик критиковал принципы личной неприкосновенности, отраженные в законопроектах комиссии Государственной Думы второго созыва. Советская историография, исходя из марксистского подхода, подвергала резкой и ожесточенной критике работу Замысловского в Думе, как, впрочем, и других монархистов. Так, в частности, А. Я. Аврех заявлял, что Замысловский «обработал» столыпинский законопроект о неприкосновенности личности «в смысле полной ее прикосновенности»[3]. Так или иначе, в итоге столыпинский законопроект не был принят III Думой.

16 ноября 1907 г. П. А. Столыпин выступил перед III Думой с правительственной декларацией. По словам главы правительства, первой и основной задачей правительства являются не «реформы», а борьба с революцией. В свою очередь, Замысловский солидаризировался со Столыпиным и разъяснил суть позиции правых следующим образом. По словам правого депутата, конституционный демократ, член Думы В. А. Маклаков, который призвал правительство приступить к «реформам», «уверен, что из этого ничего худого не произойдет. А мы боимся, что если все это сейчас ввести, то повторится то самое, что наступило после 17 октября. И в весьма под-

1 Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Ч. IV. – СПб., 1911. – Стлб. 2609.

2 Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. 1905–1907. – М., 1997. – С. 85.

3 *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991. – С. 265.

робной речи депутата Маклакова я, например, страстно желал найти доказательства, что это не повторится, но именно этих доказательств нам депутат Маклаков не привел». Как заявил Замысловский, кадеты без конца жуют слова «законы», «законность», но их беда состоит в том, что «они не умеют подавлять революции. А вот людей, чтобы умели и революцию подавить, и не нарушить каких-нибудь статей пятнадцати томов Свода законов, таких людей, к сожалению, нет»[1]. Замысловский, как и другие правые, не выступал за то, чтобы поворачивать «колесо государственной жизни вспять», чтобы отказаться от «начал» Манифеста 17 октября 1905 г., но солидаризировался с позицией П. А. Столыпина и полагал, что в настоящее время «реформы» вводить нельзя, ибо нет гарантии, что они не послужат революции.

Вместе с тем Замысловский, оставаясь в целом проводником политики Столыпина в Думе, критиковал некоторые политические действия премьера, в частности, направленные на раскол правых. По словам правого депутата, националисты в Думе – это те правые, которые, «послушные желаниям Столыпина», вступили в соглашение с октябристами и потеряли свою независимость[2]. Видимо, это обстоятельство явилось причиной того, что, как отмечал в своем известном произведении А. И. Солженицын, из думской фракции правых демонстративно никто не поехал на похороны П. А. Столыпина – ни Н. Е. Марков, ни В. М. Пуришкевич, ни Г. Г. Замысловский[3], хотя все перечисленные лидеры правых выступали в свое время как активные сторонники политики премьера.

1 Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 2. Стлб. 2455, 2458. – СПб., 1908.; *Аврех А. Я.* Указ. соч. – С. 46.

2 *Юрский Г. Г.* Правые в Третьей Государственной Думе. – Харьков, 1912.

3 *Солженицын А. И.* Красное колесо. Узел 1. Август четырнадцатого / *Солженицын А. И.* Собр. соч. Т. 8. – М., 2006. – С. 275.

В 1912 г. Замысловский был избран депутатом IV Государственной Думы от русского населения Виленской губернии, состоял во фракции правых. Также он являлся членом Совета фракции правых Государственной Думы третьего и четвертого созывов.

Работая в IV Думе, Г. Г. Замысловский получил широкую известность, прежде всего, критическими выступлениями в адрес международного еврейства. Также в это время он опубликовал ряд сочинений по еврейскому вопросу (наиболее известные из них – «"Умученные от жидов". Саратовское дело» и «Убийство Андрюши Ющинского»)[1]. В 1913 г. вместе с А. С. Шмаковым Замысловский выступил гражданским истцом в Киевском окружном суде на процессе о ритуальном убийстве иудеями христианского мальчика Андрюши Ющинского как представитель матери погибшего и добивался обвинительного приговора. 24 октября 1913 г. Замысловский выступал на этом процессе с речью. После окончания процесса он выступал с лекциями о деле Бейлиса.

Участие Замысловского в процессе по делу Бейлиса встретило активное сочувствие в среде правых.

[1] *Замысловский Г. Г.* «Умученные от жидов». Саратовское дело. По актам подлинного производства. – Харьков, 1911; *Он же.* «Умученные от жидов»: киевская трагедия и саратовское дело – из актов подлинного производства по брошюре члена Государственной Думы Г. Г. Замысловского / [Протодиакон Василий Островидов]. – СПб., 1912; *Он же.* «Умученные от жидов». Саратовское дело. По актам Государственного Совета. – СПб., 1914. Это произведение Замысловского, посвященное ритуальному убийству иудеями русских мальчиков, произошедшему в Саратове в начале 1850-х гг., было репринтно переиздано в 1990 г. ограниченным тиражом, а также затем печаталось в волгоградской газете «Колокол» (1993. – № 24), в ряде других периодических изданий и, кроме того, было размещено в сети Интернет // Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/zamysl.html. См. также: *Замысловский Г. Г.* Убийство Андрюши Ющинского. Речь в Киевском Окружном суде 24 октября 1913 г. (С особым приложением 19 портретов и рисунков). – СПб., 1913; *Он же.* Убийство Андрюши Ющинского. Речь в Киевском окружном суде 24 октября 1913 г. – СПб., 1914; *Он же.* Убийство Андрюши Ющинского. Исследование в 3 ч: С 2 плакатами и 20 рисунками в тексте, из коих один в красках. – Пг., 1917.

В адрес Замысловского и Шмакова пришли многочисленные телеграммы поддержки, в т. ч. от Главного Совета Союза Русского Народа («обновленческого»), Совета Киевского Клуба Русских Националистов, Русского Монархического Союза (РМС). Главный Совет СРН приветствовал Замысловского и Шмакова такими словами: «...с доблестным выступлением на защиту невинных христианских отроков, злодейски умерщвляемых жидами-изуверами»[1].

Вполне естественно, что отношение леворадикальных политиков к Замысловскому было крайне отрицательным. Так, в те далекие годы И. В. Сталин писал о нем: «Группа крайне-черносотенных помещиков, с Замысловским и Марковыми во главе, с трудом скрывала свою радость по поводу ленских расстрелов. Помилуйте, власть показала силу и строгость – пусть знают "лодыри" рабочие, с кем имеют дело»[2].

Замысловский считался стратегом и «мозгом» фракции правых в Думе и главным посредником между правительством, думскими и внедумскими представителями правых. В годы Первой мировой войны он избирался в состав комиссии по военным и морским делам, являлся членом комиссии по судебным реформам, а также состоял в ряде других комиссий. Известно также, что правый политик выступал решительно против каких-либо привилегий для прибалтийского дворянства[3]. Кроме того, Г. Г. Замысловский наряду с В. М. Пуришкевичем, Г. А. Шечковым, А. Н. Хвостовым, С. В. Левашевым и другими правыми подписался под законодательным предложением лишить немецкое дворянство Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний особых

[1] Вестник Союза Русского Народа. – СПб., 1913. – № 158–159. – С. 3.

[2] *Сталин И. В.* Выводы // *Сталин И. В.* Соч. Т. 2. – М., 1946. – С. 245.

[3] Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 4. Стлб. 5469.– Пг., 1915.

прав (исключительное право рыбной ловли и охоты на землях и в лесах, право винокурения[1] и др.).

Известно также, что Замысловский требовал лишить привилегий финское дворянство («чухонских аристократов»), введя для них такие же повинности, как и для остальных народов Империи. Он выступал за введение для финнов воинской повинности, возмущаясь тем положением вещей, при котором Финляндия «не дает ни одного солдата и не платит ни одной копейки на военные расходы»[2]. А в правом салоне Б. В. Штюрмера, в деятельности которого также принимал активное участие Г. Г. Замысловский, относительно «финляндского вопроса» участники дискуссии сочли необходимым «не изменять курса правительственной политики в этой области» и стоять «за неуклонное требование выполнения населением Финляндии наравне с жителями России натуральной и денежной на нужды войны повинности»[3].

Выступая с думской трибуны, Г. Г. Замысловский пытался убедить парламентариев (естественно, безуспешно, учитывая факт наличия в российском парламенте либерального большинства) в том, что в первую очередь «евреи, в руках которых находились торговля, операции по продаже и перепродаже, просто не могут не быть основным фактором повышения цен. Впрочем,

---

[1] Подробнее об этом праве еще в начале 1900-х гг. писал П. Ф. Булацель, длительное время проработавший присяжным поверенным в Прибалтийском крае и хорошо знавший сущность проблемы: Конспект доклада Булацеля П. Ф. «Прибалтийская корчма и ее дальнейшая участь при введении казенной монополии». 1900-е гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1621. Оп. 1. Д. 47.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 575–575 об.; Вестник Союза Русского Народа. – 1915. – 7 марта.

[3] Показания С. П. Белецкого ЧСК // Падение царского режима. Стенограммы допросов и показаний ЧСК Временного правительства (1917 г.) / Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 4. – М. – Л., 1925.– С. 384–385.

им же отмечалось, что дело не в одних евреях, хотя роль еврейского фактора значительна»[1].

В августе 1915 г. Г. Г. Замысловский был избран Думой членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа). Также правый политик состоял участником Совещания монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде (Петроградское совещание), на котором выступал в прениях по вопросам о борьбе с прогрессивным блоком и беженцах, предложив свой проект резолюции о беженцах[2].

В итоговой резолюции по вопросам о формах и методах борьбы с прогрессивным блоком, к тексту которой приложил свою руку и Г. Г. Замысловский, в частности, подробно разбиралась представленная правительству «Декларация прогрессивного блока» и отмечалась опасность и вредность интересам России всех ее положений. Особую тревогу монархистов вызвал тот факт, что некоторые сановники «столкнулись с деятелями прогрессивного блока»[3]. Резолюция содержала предложение к правительству ужесточить контроль за деятельностью Земского и Городского союзов и военно-промышленных комитетов, которые рассматривались монархистами как главные очаги антимонархического заговора[4].

[1] Цит. по: *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. – СПб., 2006. – С. 93; См. также: Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 4. Стлб. 3033. – Пг., 1915.

[2] Извлечение из протоколов заседаний. Заседание 23 ноября // Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановления и краткий отчет. Печатано по постановлению Совета съездов. – М., 1915. – С. 39.

[3] Постановления Совещания монархистов 21–23 ноября в Петрограде. II. Прогрессивный блок. Пункт Б // Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановления и краткий отчет. Печатано по постановлению Совета съездов. – М., 1915. – С. 31.

[4] Там же; *Степанов А. Д.* Петроградское совещание монархистов // Русский патриотизм // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. – М., 2003. – С. 571.

По вопросу «о мерах по оказанию помощи беженцам» на Петроградском совещании выступили помимо Замысловского П. Ф. Булацель и священник М. П. Алабовский. Г. Г. Замысловский озвучил проект резолюции[1]. В ней предлагалось устранить несправедливость в помощи беженцам, когда правительство отпускает миллионы польскому, еврейскому, литовскому и латышскому комитетам и не замечает бедственного положения русских беженцев. Монархисты предлагали правительству заблаговременно принять меры к планомерному возвращению русского населения после изгнания неприятеля с оккупированных территорий[2].

Г. Г. Замысловский также вошел в Совет Петроградского совещания. Отметим, что всего в этот Совет входило 19 человек – видные деятели монархического движения: председатель Главного совета СРН Н. Е. Марков, председатель Главного совета Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (ВДСРН) А. И. Дубровин, депутат Государственной Думы Г. Г. Замысловский, члены Государственного Совета Н. А. Маклаков и граф А. А. Бобринский, одесский городской голова Б. А. Пеликан; председатели отделов СРН: Киевского – протоиерей М. П. Алабовский, Почаевского – архимандрит Виталий (Максименко), Одесского – А. Т. Донцов, Смоленского – генерал-лейтенант М. М. Громыко, Рязанского – епископ Димитрий (Сперовский), Житомирского – генерал-майор А. М. Красильников, Харьковского – Е. Е. Котов-Конышенко; авторитетные монархисты: епископ Макарий (Гневушев), К. Н. Пасха-

1 Извлечение из протоколов заседаний. Заседание 23 ноября // Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. – С. 39.

2 Постановления Совещания монархистов 21–23 ноября в Петрограде. V. В отношении помощи русским людям, бежавшим от нашествия германцев // Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. – С. 35–36; *Степанов А. Д.* Петроградское совещание монархистов // Русский патриотизм // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. – С. 572.

лов, генерал от инфантерии С. С. Бутурлин и товарищ председателя Главного Совета «обновленческого» СРН В. П. Соколов. Также в состав Совета были избраны и ранее не замеченные в монархическом движении влиятельные сановники – камергер князь С. Б. Мещерский и член Государственного Совета А. И. Мосолов.

По итогам прошедшего в Петрограде совещания монархистов был сформирован Совет монархических съездов, в деятельности редакционной комиссии которого принял активное участие и Г. Г. Замысловский. Так, в архивном фонде Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (ВДСРН) хранятся протоколы заседаний Совета монархических съездов. В Протоколе № 1 от 21 января 1916 г. говорится, что избраны члены Совета – Н. Н. Ознобишин, Н. Н. Родзевич, Н. Н. Тиханович-Савицкий. Также было решено разослать всем участникам совещания стенограммы речей, чтобы затем издать краткий отчет о работе совещания, содержащий в себе речи И. Г. Щегловитова, С. В. Левашева, резолюции совещания и протоколы в количестве 20 тыс. экземпляров. Кроме того, было принято решение создать редакционную комиссию для редактирования отчета в составе С. В. Левашева, Г. Г. Замысловского и В. П. Соколова. Средства на издание и рассылку обязался доставить Главный Совет «обновленческого» Союза Русского Народа. Наконец, было решено поручить особой депутации лично доложить о постановлении новому (назначен 20 января 1916 г.) председателю Совета Министров Б. В. Штюрмеру[1].

Также имеются сведения, что, как и во времена П. А. Столыпина, Замысловский наряду с некоторыми другими правыми политиками по-прежнему в эти годы получал негласную финансовую поддержку от правительства на партийные нужды. По данным МВД, в 1915–1917 гг.

[1] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 792. Л. 1.

Н. Е. Маркову и Г. Г. Замысловскому было выдано из секретных фондов от 163,5 тыс. руб. до 2444 тыс. руб.[1]

Известно, что к деятельности Г. Г. Замысловского с симпатией относилось руководство созданного в 1915 г. на базе Московской палаты Русского Народного Союза имени Михаила Архангела Отечественного Патриотического Союза (ОПС) во главе с монархистом В. Г. Орловым. Учредительное собрание ОПС, состоявшееся 21–22 июня 1915 г., направило приветственную телеграмму тогдашнему премьер-министру И. Л. Горемыкину, также было решено приветствовать Н. Е. Маркова и Г. Г. Замысловского за их монархическую деятельность в Государственной Думе[2].

Вообще, авторитет Г. Г. Замысловского среди правых, особенно после дела Бейлиса, был непререкаемым. К нему обращались с различными просьбами рядовые члены правых организаций, обращались также и руководители различных правомонархических партий и союзов. Так, к примеру, лидер Отечественного Патриотического Союза В. Г. Орлов в 1916 г. направил напечатанное на пишущей машинке письмо сразу по четырем адресам – Н. Е. Маркову, В. М. Пуришкевичу, Г. Г. Замысловскому, а также казначею Русского Собрания камер-юнкеру Сергею Владимировичу Штюрмеру следующего содержания: «Сообщаю Вашим Превосходительствам: происками, интригами врагов русского дела убирают [в] Екатеринославе губернатора [В. А.] Колобова, этого стойкого, выдающегося энергичного администратора. Екатеринослав – вулкан в сотнях тысяч рабочих. Колобов завоевал доверие рабочих, был угрозою инородцев, строгий законник, верный слуга Престола. Из Ростова убирают генерала [М. С.] Ко-

1 Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 857. Л. 13; Д. 862. Л. 125–128.

2 *Степанов А. [Д.]* Отечественный патриотический союз // Черная сотня. Историческая энциклопедия. – М., 2008. – С. 375.

миссарова[1], о заслугах которого знают все русские люди. Очевидно, идет чистка преследования правых. Обратите внимание: защитите, заступитесь, скажите, кому нужно, об этих доблестных слугах Царя и Родины и большой ошибке власть имущих правым бросать вызов»[2].

Г. Г. Замысловский, как, впрочем, и другие крайне правые, не всегда был в состоянии наладить отношения с правительственными чиновниками, даже с теми, кто пользовался большим уважением в правых кругах. Сложными, например, у него были отношения с А. Н. Хвостовым, занимавшим пост министра внутренних дел Российской Империи (с 26 сентября 1915 г. по 3 марта 1916 г.). В свою очередь, сам Хвостов пытался ослабить подчас резкие выступления активных правых депутатов Думы (Н. Е. Маркова, Г. Г. Замысловского и др.). Однажды министр прямо заявлял журналистам: «В дальнейшей работе на правительственной скамье я не смогу опираться только на крайне правое крыло Государственной Думы, как нельзя опереться и на другое крайнее крыло. Работать нужно со всеми партиями Думы, и я убежден, что путем переговоров удастся достигнуть соглашения с [прогрессивным] блоком»[3]. Таким образом, Хвостов, став министром, пытался проводить политику правых, однако более либеральными методами, подчас заискивая перед либералами[4].

[1] М. С. Комиссаров занимал пост градоначальника в Ростове-на-Дону с марта 1916 г., однако уже в августе того же года был уволен в отставку в чине генерал-майора. – *Д. С.*

[2] ГАРФ. Ф. 117. Оп. 3. Д. 5. Л. 18–21.

[3] Цит. по: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской Империи накануне падения старого порядка (1914–1917). – Рязань, 2004. – С. 106.

[4] Подробнее о политической деятельности А. Н. Хвостова см.: *Иванов А. А.* «Алексей Хвостов – у власти». Портрет правого политика // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. – 2008. – № 11 (66). – С. 193–202.

В IV Государственной Думе Г. Г. Замысловский активно боролся против прогрессивного (так называемого «желтого», по меткому выражению Н. Е. Маркова) блока, созданного лево-либеральным парламентским большинством летом 1915 г. с целью добиться ограничения Самодержавной власти Императора (в частности, они добивались создания правительства, ответственного перед Государственной Думой, а не перед Царем, и т. д.). В одной из своих речей в конце 1916 г. правый депутат прямо заявил лидеру «желтого блока» П. Н. Милюкову: «Когда во время войны вы занимаетесь революционными митингами, правительство до́лжно бы вас спросить: глупость это или измена?»[1].

Г. Г. Замысловский принял также активное участие в инциденте, связанном с выступлением В. М. Пуришкевича 19 ноября 1916 г. Пуришкевич, представ перед нижней палатой парламента, выступил с резкими антиправительственными заявлениями и встал, по сути дела, на откровенно антимонархические позиции. Н. Е. Марков, выступая с думской кафедры 22 ноября 1916 г., подверг критике позицию В. М. Пуришкевича, назвав его «новоявленным прогрессистом», и защищал правительство от нападок прогрессивного блока. Выступление Маркова закончилось скандалом: неоднократно прерываемый окриками и замечаниями со стороны леволиберального думского большинства, лидер Союза Русского Народа, уже сходя с кафедры, приблизился к председателю Думы М. В. Родзянко и трижды назвал его «мерзавцем». Объясняя причину своего демарша, Марков заявил: «Я сделал это сознательно, с этой кафедры осмелились оскорблять высоких лиц безнаказанно, и я в лице вашего председателя[2], пристрастного

[1] *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. – СПб., 1991. – С. 613.

[2] М. В. Родзянко. – *Д. С.*

и непорядочного, оскорбил вас»[1]. Затем Н. Е. Марков с единомышленниками (в том числе и с Замысловским) покинул зал заседаний Государственной Думы[2].

В итоге лидер Союза Русского Народа был наказан следующим образом: его удалили из Думы на 15 заседаний, что являлось высшей мерой взыскания для депутатов. За эту меру голосовали все члены Думы, кроме, естественно, единомышленников Маркова из фракции правых, покинувших во главе с Г. Г. Замысловским зал заседаний[3].

Участие Г. Г. Замысловского в работе правомонархических салонов

В канун революции, будучи одним из самых активных правых деятелей, Г. Г. Замысловский принял участие в подготовке выступления монархистов с целью предотвращения надвигающегося переворота. На этой стороне его деятельности стоит остановиться более подробно, рассмотрев аспекты, связанные с участием правого политика в работе монархических кружков и салонов.

Еще с 1914 г. правый политик активно посещал салон видного государственного деятеля Царской России Б. В. Штюрмера. В состав кружка сначала вошли личные знакомые его создателю члены Государственного Совета и сенаторы. Среди прочих, по признанию директора Департамента полиции Министерства внутренних дел России С. П. Белецкого, данному в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правитель-

1 Государственная Дума 1906–1917 гг.: Стенографические отчеты. – М., 1995. Т. 4. – С. 84.

2 *Родзянко М. В.* Крушение Империи. – Харьков, 1990. – С. 189–190; *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. – М., 2001. – С. 167; *Марков Н. Е.* Как это случилось // Курская быль. – 1916. – 11 декабря.

3 Речь. – 1916. – 23 ноября.

ства, в его работе участвовали «члены Государственного Совета: А. С. Стишинский, А. Ширинский-Шихматов, В. Ф. Дейтрих, А. А. Макаров, [П. П.] Кобылинский, В. И. Гурко, кн. Н. Б. Щербатов; сенаторы: […] Фриш, Римский-Корсаков, князь Голицын, его двоюродный брат Ф. Голицын, Судейкин, М. М. Бородкин, А. Б. Нейдгардт, Тверской губернский предводитель дворянства дворянин Павлов, князь Абамелек-Лазарев, граф А. А. Бобринский, князь Лобанов-Ростовский, Г. Г. Замысловский, Ф. Н. Чихачев (член Государственной Думы), Прутченко, князь Оболенский (градоначальник), А. П. Струков, князь Волконский, генерал Селиванов – герой Перемышля, и многие другие», губернские предводители дворянства, губернаторы, архиереи[1]. Заседания были «вечером в праздничные или воскресные дни раз в неделю, причем Б. В. Штюрмер по телефону предварительно посвящал каждого в то, кого из новых лиц он желает ввести в кружок, испрашивая согласия, и какие будут доклады, прося обдумать предстоящие обсуждению вопросы». Министров правого направления было решено не приглашать в кружок, дабы «не стеснять их публичным подчеркиванием влияния на них разных решений кружка и не стеснять себя в обмене взглядов, могущих иногда принять форму критического обзора программных действий того или иного министра»[2]. Заседания открывал Б. В. Штюрмер, который напоминал участникам результат предыдущей встречи, а затем вел прения, отражая в заключительном слове постановление большинства.

Салонные решения «передавались в форме пожеланий через особо избираемых каждый раз депутатов из видных представителей кружка председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину, интересовавшемуся

[1] Показания С. П. Белецкого ЧСК. Т. 4. – С. 383.

[2] Там же.

работами кружка и содействовавшему ему в его начинаниях, соответствующим министрам, принадлежавшим по своим политическим взглядам к правому направлению, и через Б. В. Штюрмера графу Фредериксу, которого Б. В. Штюрмер держал в курсе взглядов своего салона»[1]. По словам С. П. Белецкого, допрошенного ЧСК, «отражение взглядов этого кружка сказалось в некоторых правительственных мероприятиях того времени, в ревизионном объезде Галиции, в отпуске кредитов на поддержание православного духовенства в Галиции и на создание там церковно-приходских школ, в стремлении ввести деятельность союзных учреждений в рамки устава и пр.»[2]. Деятельность кружка, согласно показаниям Белецкого, «не могла не вызвать внимания к нему со стороны высоких сфер»[3].

Г. Г. Замысловский также был членом кружка А. А. Римского-Корсакова, где вырабатывались конкретные меры по противодействию революции[4]. В 1915 г. в кружок входили, кроме самого Римского-Корсакова, Н. Е. Маркова и Г. Г. Замысловского, член Государственного Совета В. Ф. Дейтрих, а также товарищ председателя «обновленческого» СРН В. П. Соколов, товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий. В 1916 г. главную роль в кружке играли бывший министр внутренних дел А. А. Макаров, Н. К. Кульчицкий, бывший обер-прокурор Св. Синода А. А. Ширинский-Шихматов, занимавший «очень центральное положение»[5],

---

1 Показания С. П. Белецкого ЧСК. – С. 385.

2 Там же. – С. 385–386.

3 Там же. – С. 386.

4 Сводная таблица выявленных петербургских-петроградских политических салонов периода правления Николая II // *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в). – СПб., 2007. – С. 297.

5 Допрос Н. А. Маклакова // Падение царского режима. Т. 3. – С. 89, 278, 382.

член Государственного Совета, впоследствии председатель Совета Министров Н. Д. Голицын, известный дворянский деятель Н. А. Павлов, генерал М. М. Бородкин. По словам одного из близких к кружку чиновников Н. А. Маклакова – из-за участия Павлова в работе кружка «дело не пошло». Анализ состава участников кружка позволяет сделать вывод, что в нем преобладали представители правой группы Государственного Совета, а также соратники А. А. Римского-Корсакова по Главному совету «обновленческого» СРН (в том числе и сам Замысловский).

О работе кружка мы узнаем главным образом из обстоятельных допросов и показаний С. П. Белецкого в ЧСК. По его словам, на заседаниях салона происходил «обмен взглядами» по вопросам внутренней политики, собирался «материал для предстоящего съезда монархистов в Петрограде и для Всероссийского дворянского собрания». Кружок был небольшим[1].

Осенью 1916 г. кружок Римского-Корсакова в очередной раз активизировал свою деятельность, и в ноябре новый председатель Совета Министров князь Н. Д. Голицын передал Николаю II так называемую «Записку». С. П. Белецкий в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства отмечал, что она составлена в кружке А. А. Римского-Корсакова в конце премьерства Б. В. Штюрмера, который не подал ее Царю, боясь, что «она не отвечает либеральному настроению его декларации»[2]. «Записка» была вторично отпечатана и отдана Н. Д. Голицыну, который в последние дни премьерства Б. В. Штюрмера передал ее Императору от сво-

[1] Показания С. П. Белецкого ЧСК. Т. 4.

[2] Показания С. П. Белецкого ЧСК. Т. 5. – М. – Л., 1926. – С. 247, 248; Записка, составленная в кружке А. А. Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Н. Д. Голицыным // Правые партии: Документы и материалы. Т. 2. – М., 1998. – С. 587; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 5.

его имени[1]. По словам Н. А. Маклакова, первоначально пытались доставить документ через министра внутренних дел А. Д. Протопопова, но «ему не очень верили»; утверждали, что это лучше сделать с Н. Д. Голицыным, «потому что все время ждали ухода Протопопова»[2].

Что это за документ? Следователям ЧСК в 1917 г. стало известно, что «Записка», текст которой, по утверждению Н. А. Маклакова, составлен одним из активнейших членов кружка А. А. Римского-Корсакова М. Я. Говорухо-Отроком, действительно была доставлена Императору[3]. Как пишет близкий к А. А. Римскому-Корсакову генерал А. И. Спиридович, еще сразу после убийства Распутина Маклаков передал Царю письмо, в котором выразил обеспокоенность «начавшейся анархией», а 8 января на приеме у Николая II он вручил ему «Записку» М. Я. Говорухо-Отрока, являвшуюся «дополнением к записке кружка Римского-Корсакова»[4]. По словам Н. А. Маклакова, М. Я. Говорухо-Отрок и в январе 1917 г. считал, что его «Записка» не дошла до Императора, хотя на самом деле Царь ознакомился с ней[5]. Текст документа как вышедший из кружка А. А. Римского-Корсакова был опубликован в книге А. А. Блока «Последние дни императорской власти». Создателя «Записки» Блок не указал, поскольку он не был известен С. П. Белецкому, со слов которого устанавливалось ее происхождение[6].

1 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 6.

2 Допрос Н. А. Маклакова // Падение царского режима. Стенограммы допросов и показаний ЧСК Временного правительства (1917 г.) / Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 3. – М. – Л., 1925.– С. 98.

3 Текст «Записки» опубликован в книге: *Блок А. А.* Последние дни императорской власти. – Пг., 1921. – С. 126–140.

4 *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция (1914–1917) / Отв. за вып. Ю. Г. Хацкевич. – Минск, 2004. – С. 457.

5 Допрос Н. А. Маклакова. Т. 5. – С. 287.

6 Допрос С. П. Белецкого. Т. 3. – С. 407; Т. 5. – С. 247; Показания С. П. Белецкого ЧСК. Т. 4. – С. 382;

М. Я. Говорухо-Отрока обычно считали автором только примечания к п. 2 этой «Записки», однако из показаний Н. А. Маклакова следует, что весь текст написан М. Я. Говорухо-Отроком[1]. Документ выработал «целый план мероприятий, направленных на подавление революционного движения и буржуазной оппозиции»[2]. Так или иначе, вероятнее всего, текст этой «Записки» первоначально вырабатывался коллективными усилиями всех участников кружка, и, конечно же, Г. Г. Замысловский как близкий к Н. Е. Маркову и А. А. Римскому-Корсакову человек принимал в ее составлении непосредственное участие.

В «Записке» предлагалось назначить чиновников, преданных Царской власти, способных «к борьбе с анархией»; распустить Думу манифестом без указания нового срока ее созыва; изменить некоторые статьи Основных законов; ввести в обеих столицах военное (или даже осадное) положение; снабдить гарнизоны пулеметами для подавления революционного движения. Правые рекомендовали царю закрыть органы левой печати; «милитаризировать» заводы, мастерские, работающие на оборону; назначить правительственных комиссаров в Союз земств и городов и в военно-промышленные комитеты с целью пресечения революционной пропаганды; предоставить местным начальникам право удалять участников антиправительственных выступлений; обновить состав Государственного Совета, устранив тех, кто симпатизирует прогрессивному блоку. А. А. Римский-Корсаков составил список желательных кандидатов в верхнюю палату. В нем значились думцы А. С. Вязигин и Н. Е. Марков, сенаторы Н. П. Зуев, В. Т. Судейкин и

---

1 Допрос Н. А. Маклакова. Т. 5. – С. 286–289.

2 *Дякин В. С.* Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России: 1895–1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. – Л., 1984. – С. 618.

Г. Г. Чаплинский. Однако только Г. Г. Чаплинский в итоге прошел в Государственный Совет[1].

Авторы «Записки» видели главную опасность для государства не в деятельности Думы и либеральной оппозиции, а в народном движении[2]. Они считали бессмысленным всякий сговор с буржуазной оппозицией, ибо «эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Уступки либералам Говорухо-Отрок и его предполагаемые соавторы «Записки» рассматривали как начало необратимого процесса полевения страны. Поэтому, несмотря на ряд существенных отличий, конечная точка зрения авторов документа совпадала с общей позицией крайне правых, например лидера астраханских монархистов Н. Н. Тихановича-Савицкого, также осуществлявшего в этот период активную политическую деятельность, – восстановить Самодержавие в полном объеме[3]. С. П. Белецкий считал, что «только нерешительность правительства, борьба за местничество из-за личных интересов помешала провести сразу то, что в записке намечено»[4].

С. П. Белецкий также отмечал, что вскоре в кружке была составлена еще одна «Записка», оставшаяся в итоге у него. Ее он хотел передать через дворцового коменданта В. Н. Воейкова, но тот в это время отсутствовал. В документе была «целая группа вопросов программного свойства» по каждому министерству. Также говорилось о «Записке», которая составлялась при Штюрмере[5]. Ее принесла супруга С. П. Белецкого,

[1] Показания С. П. Белецкого ЧСК. – С. 458; *Куликов С. В.* Указ. соч. – С. 354.

[2] *Дякин В. С.* Указ. соч. – С. 630.

[3] *Блок А. А.* Указ. соч. – С. 126–139.

[4] Допрос С. П. Белецкого. Т. 3. – С. 248.

[5] Там же. Т. 3. – С. 407.

и ее он охарактеризовал как план по каждому отдельному ведомству, как «разъясняющую записку» (когда как первая – «крупная политическая»)[1].

Не позднее 15 января 1917 г. А. А. Римский-Корсаков направил за своей подписью министру внутренних дел А. Д. Протопопову письмо и «Сводку общих положений и пожеланий»,[2] выработанные на происходивших у него «собеседованиях» (в них участвовали члены Главного совета Союза Русского Народа – «обновленческого», в том числе и Г. Г. Замысловский); они были изложены в самой общей форме, т. к. подробная их разработка представлялась делом соответствующих ведомств. По словам историка В. И. Старцева, в документе «по существу была изложена программа правых сил на предотвращение революции»[3]. Видимо, в конце декабря 1916 г. его текст был выработан в кружке и содержал предложения правых по борьбе с оппозицией[4].

В «Сводке», в частности, предлагались следующие меры: пересмотр Основных законов, касающихся прав Думы, ее обязанностей; усиление власти на местах; назначение правого, ответственного перед Царем Совета Министров, сохранение однородности его состава; направление всех сил правительства для водворения порядка и спокойствия в стране; усиление правого крыла Госсовета «надежными людьми»; усиление вырождающегося дворянства свежими элементами; ослабление Союзов земств и городов; организация ежедневной патриотической печати, не менее 10–12 органов (в связи с этим,

---

[1] Допрос С. П. Белецкого. Т. 5. – С. 250; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 9.

[2] Текст «Сводки» опубликован в «Красном архиве» (1927. – № 1 (20). – С. 242–244).

[3] *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. – Л., 1977. – С. 229.

[4] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. – Л., 1967. – С. 270.

по словам А. Д. Протопопова, предлагалось «из “Московских ведомостей” сделать большую правую газету»)[1]; цензура на все время войны; «драконовские наказания» по суду за клевету; применение военного закона о конфискации имущества государственных изменников, а также лиц, осужденных военным судом за возбуждение смуты; широкое награждение верноподданных, особенно низов; реформа полиции и усиление наказания за оскорбление должностных лиц; полная поддержка православного духовенства; упорядочение дел Церкви; организация сельскохозяйственных и ремесленных мастерских и школ; упорядочение лесных промыслов; хозяйственная разработка казенных лесов; развитие коневодства и животноводства; покупка хлеба министерством для заграничного экспорта; эксплуатация Сибири и Кавказа; пересмотр лесоохранительного закона; упорядочение продовольственного дела; монополизация нефти и угля; усиление добычи золота; переоценка городских имуществ; передача дел и сумм трезвости духовенству; усиление железнодорожного строительства; усиление правительственного надзора за школами; по военному ведомству – сокращение тыловых учреждений; сокращение отпусков с фронта; реорганизация Министерства иностранных дел – представители России должны быть «русскими по духу»; открытие за границей в крупных центрах органов печати, которые «должны работать в наших интересах»; развитие коммерческой агентуры; говорилось также о необходимости использовать все силы «союзников», не упуская из виду, что «гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий»[2].

---

[1] Допрос А. Д. Протопопова // Падение царского режима. Стенограммы допросов и показаний ЧСК Временного правительства (1917 г.) / Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 2. – М. – Л., 1925. – С. 289.

[2] «Сводка общих положений и пожеланий», выработанных членами главного совета Союза русского народа – обновленческого и направленных

Кроме того, в кружке и также, вероятно, при непосредственном участии Г. Г. Замысловского была составлена еще одна «Записка», рекомендовавшая для борьбы с надвигающейся революцией совершить новый государственный переворот – изменить статус о Государственной Думе и выборах в нее и ввести в стране военное и, более того, осадное положение. Документ, датированный, согласно исследованиям В. И. Старцева, 16 января 1917 г., дополнял один из пунктов «Записки» А. А. Римского-Корсакова и показывал, «что правым было свойственно предчувствие близкой народной революции»[1]. Дата передачи документа установлена по дневникам Императора Николая II[2]. Н. А. Маклаков утверждал, что он лично отдал документ Царю, подробно рассказав следователям ЧСК об истории передачи этой «Записки» Императору[3].

Проанализировав содержание этих «Записок», можно сделать вывод, что главные требования участников кружка А. А. Римского-Корсакова сводились к роспуску Государственной Думы и к пересмотру Основных законов в сторону уменьшения ее прав. Эти меры, а также введение осадного положения и ужесточение контроля над печатью, фактически привели бы к установлению в

А. А. Римским-Корсаковым министру внутренних дел А. Д. Протопопову (не позднее 15 января 1917 г.) // Правые партии: Документы и материалы. Т. 2. – С. 614–616; Программа Союза Русского Народа перед Февральской революцией / Сост. И. Тоболин // Красный архив. Т. 1 (20). – 1927. – С. 242–244.

[1] *Старцев В. И.* Указ. соч. – С. 230.

[2] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. – С. 270.

[3] Из дневника Императора Николая II известно, что он принял Н. А. Маклакова 16 января 1917 г. (понедельник) в 6 ч. вечера (Дневники Императора Николая II / Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокращений – В. П. Козлов и др. Общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. – М., [1992]. – С. 620). Видимо, в ходе этой встречи Маклаков и передал «Записку» Царю, о которой сам Император в дневнике, правда, вообще не упоминает.

России военной диктатуры при сохранении основ монархического строя.

Оценивая историческое значение рассмотренных нами документов, следует отметить следующее. Составители «Записок» выступали с крайне правых позиций. Их главные идеи – незыблемость монархического строя, введение в стране военной диктатуры, усиление контроля над печатью, активная борьба с революционным и даже либеральным движением – практически совпадали с требованиями Союза Русского Народа и других черносотенных организаций. Несмотря на то, что многие из разработчиков «Записок» занимали весьма высокие должности, а также имели связи при дворе, тем не менее, они не смогли реально претворить в жизнь, по сути дела, ни одной своей политической программы.

Эмигрантские историки писали о незначительной степени влияния «Записок» на политику Императора. С. П. Мельгунов пришел к следующим вполне справедливым, на наш взгляд, выводам: «В конце 1916 г. вопрос о снабжении войсковых частей пулеметами для подавления мятежа поднимала записка Римского-Корсакова, переданная министру внутренних дел. Сам Протопопов упоминает в показаниях о своем разговоре с Курловым, который считал целесообразным снабдить стражников пулеметами»[1]. По словам С. П. Мельгунова, «вопрос о пулеметах, действительно, косвенно, как бы в частном порядке, по инициативе некоторых администраторов и советчиков со стороны поднимался в правительственных кругах», но так и не был положительно решен[2]. По вполне справедливому утверждению современного историка А. Д. Степанова относительно «Записок», составленных

[1] См.: *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года // Возрождение. Т. 11. – 1950. – Сентябрь–октябрь. – С. 133.

[2] Там же.

в кружке, «ни князь Голицын, ни Протопопов не сумели и не захотели воспользоваться […] советами патриотов»[1].

Исследователь С. В. Куликов, говоря о причинах провала «Записок» в «высших сферах», утверждает, что «программа А. А. Римского-Корсакова как экстремистская не встретила сочувствия у Николая» и что «в начале 1917 г. А. А. Римский-Корсаков являлся скорее политическим маргиналом, нежели сколько-нибудь влиятельной фигурой»[2]. Вполне согласимся с утверждением исследователя, что А. А. Римский-Корсаков, Г. Г. Замысловский и другие правые с их программой в реальности оказались политическими маргиналами. Таких, как они, было по всей стране совсем немного. Бюрократический аппарат Российский Империи в подавляющем большинстве разделял идеи, совершенно далекие от монархизма. То же самое можно сказать и о генералитете русской армии[3]. И, видимо, Царь в сложившейся ситуации был совершенно прав, когда, как свидетельствует А. Д. Протопопов, в начале 1917 г. сомневался «насчет крайне правой политики, вместит или не вместит ее страна»[4]. Вместить эту политику страна в тот исторический период уже была, судя по всему, неспособна, а то, что предпринимали А. А. Римский-Корсаков, Г. Г. Замысловский, Н. Н. Тихановичь-Савицкий и другие правые, было, по сути дела, последней судорожной попыткой спасти монархию.

Характеризуя участие Г. Г. Замысловского в деятельности неформальных правых организаций (кружков,

---

[1] *Степанов А. Д.* Римский-Корсаков А. А. // Русский патриотизм // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. – С. 618.

[2] *Куликов С. В.* Указ. соч. – С. 358.

[3] Подробнее см.: *Куликов С. В.* Указ. соч.; *Кобылин В. С.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора / Под ред. Л. Е. Болотина. Изд. 2-е. – СПб., 2005.

[4] Допрос А. Д. Протопопова. 21 июня 1917 г. Т. 5. – С. 275.

салонов), следует также обратить внимание на следующие факты. Замысловский принадлежал к той группе правых деятелей, которая тесным образом была связана со сходными по политическим убеждениям правительственными кругами, представителями высшей бюрократии, придворными сферами. Фактически эта часть правых сама являлась одновременно неотъемлемой частью этой самой высшей государственной элиты в стране. Ее лидерами наряду с Г. Г. Замысловским были депутаты Государственной Думы Н. Е. Марков, С. В. Левашев, сенатор А. А. Римский-Корсаков и др. Они были тесным образом связаны с Министерством внутренних дел и непосредственно с товарищем министра внутренних дел С. П. Белецким. Эта часть правых отказалась от проведения массовых акций, считая их в сложившихся условиях войны ненужными и бесполезными, а все свои усилия направляла «наверх». В специальных группах, кружках и салонах (кружок А. А. Римского-Корсакова, салон Б. В. Штюрмера), при тесном взаимодействии с правыми чиновниками ими была выработана тактика влияния на правительство в целом и лично на Царя, основанная на контактах и связях при дворе. Кроме того, лидеры этой части правых вырабатывали свою политическую программу, сущностью которой являлось требование ужесточения режима вплоть до введения в стране военной диктатуры. Однако, как мы уже отметили, эта программа оказалась в тех условиях нереализованной.

В связи с этим современный исследователь О. А. Тарасов справедливо полагает, что в условиях начавшейся в стране «министерской чехарды» эта тактика потерпела неудачу, а попытка повлиять на назначение тех или иных министров, участие в «борьбе за портфели» только обостряли кризис власти. К тому же, как мы увидим это на конкретных примерах, Император, как правило,

не прислушивался к программам правых, не спешил реализовывать их на практике, ограничиваясь вынесением резолюций о том, что проекты монархистов «достойны внимания»[1].

Недоверию между Императором и видными правыми деятелями способствовало также и негативное отношение большинства монархистов к личности друга Царской Семьи Г. Е. Распутина-Новых, которого любила, уважала и почитала Царская Семья. К сожалению, как и многие другие правые, Замысловский поверил клевете, возводившейся на Распутина, выступал как его противник и даже, по-видимому, одобрял его убийство. Имеется свидетельство одного из лидеров правого крыла октябристов в Государственной Думе Н. В. Савича, что в конце 1916 г. Замысловский говорил ему буквально следующее: «Неужели не найдется ни одного патриота, который освободил бы Россию и династию от этого рокового “старца”?»[2].

После рокового февраля 1917 года

Следует признать, что, к сожалению, не с лучшей стороны Г. Г. Замысловский проявил себя после рокового февраля 1917 г. В марте 1917 г. правый депутат прислал на имя председателя Государственной Думы заявление, в котором говорилось, что он признает Временное правительство и обязуется ему повиноваться. Он также особо отмечал, что присылает заявление о признании нового правительства в письменной форме, т. к. «тревожное время еще продолжается»[3]. Тем не менее, несмотря на де-

1 *Тарасов О. А.* Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – С. 16.

2 *Савич Н. В.* Воспоминания. – СПб., 1993. – С. 188.

3 Новое время. 1917. – 10 (23) марта; *Чхартишвили П. Ш.* Черносотенцы в 1917 // Вопросы истории. – 1997. – № 9. – С. 134.

монстративное выражение лояльности новой власти, гонений Замысловский и его семья все равно не избежали. Так, уже в ночь на 30 марта был арестован брат политика прапорщик артиллерии А. Г. Замысловский, а совещание Думы потребовало от самого Г. Г. Замысловского объяснений в связи с появившимися в прессе обвинениями в получении денег из секретного фонда Департамента полиции МВД Царской России. Позже Замысловский был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Обвинения в его адрес, а также в адрес Н. Е. Маркова в получении правительственных субсидий, как мы уже отмечали, имели под собой реальное основание. Кроме того, они были подтверждены показаниями С. П. Белецкого перед ЧСК в 1917 г. Белецкий заявил следователям, что Н. Е. Марков и Г. Г. Замысловский, по крайней мере, с осени 1915 г. негласно получали ежемесячные субсидии из Департамента полиции[1].

Летом 1917 г. Замысловский состоял членом основанной Н. Е. Марковым подпольной монархической организации «Великая единая Россия», имевшей первоначальной целью спасение Царской Семьи. Для конспирации организация скрывалась под видом нескольких трудовых артелей. Кроме Маркова и Замысловского в организацию входили Н. Д. Тальберг и гвардейские офицеры, но почему-то Замысловский, как и Марков, не попали в поле зрения следственных органов[2]. После октября 1917 г. Замысловский перебрался в Киев, затем, в 1918 г., в Ростов, где пытался создать единый фронт, имевший лозунгом «великую, единую и неделимую Россию на основе законопреемственной монархии».

[1] См.: Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент. Ю. И. Кирьянов. Т. 2. – М., 1998. – С. 721.

[2] См.: *Марков Н. Е.* Думские речи. Войны темных сил / Сост., предисл. и примеч. Д. И. Стогова. – М., 2011. – С. 30.

В начале ноября 1918 г. правый политик пытался собрать монархический съезд, стараясь привлечь к нему в том числе и «представителей Добровольческой и Кубанской армии». В своих заявлениях он решительно выступил против ориентации на Германию в связи с революционными событиями в последней, ибо, как писал он, «ориентироваться на государство, находящееся в состоянии революции, явно невозможно»[1]. Также Замысловский пытался возродить одну из виднейших монархических организаций – Русское Собрание в Ростове; вокруг новой структуры сгруппировались бывшие участники Всероссийского Монархического Центра, Военно-Монархического Союза, Союза Русского Народа. Новое Русское Собрание издавало многотиражную (70 тыс. экземпляров) газету «Монархист». Позже Замысловский вошел в Национально-либеральную партию, отколовшуюся в апреле 1919 г. от Русского собрания, но не порвавшую с ним связи. Новая партия признавала невозможность осуществления в данное время самодержавной монархии и ратовала за введение монархии конституционной. Центр деятельности партии был перенесен в Кисловодск. Партия провозглашала лозунги поддержки Добровольческой армии, «борьбы с еврейским засильем» и «России для русских». Пропаганда велась главным образом в среде интеллигенции и мелкой буржуазии. Национал-либералы одно время активно поддерживали Союз русских национальных общин в его деятельности по сколачиванию блока близких по духу организаций. Однако вскоре у партии возникли разногласия с Союзом. В съезде в Ессентуках партия участия не приняла, а вместо этого

[1] Из письма Г. Г. Замысловского генералу А. С. Лукомскому от 5 ноября 1918 г. Цит. по: *Иванов А. А., Степанов А. Д.* Замысловский Георгий Георгиевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. – С. 212.

вновь вошла наряду со Всероссийским монархическим центром в Русское Собрание.

Г. Г. Замысловский скончался от тифа во Владикавказе в марте 1920 г. Точная дата его кончины неизвестна.

Судьба Замысловского была во многом типична для значительной части черносотенцев (В. М. Пуришкевич, М. О. Меньшиков, князь М. М. Андроников), которые в революционные годы пытались заявить о лояльности новой власти. Практически все они так или иначе пострадали в годы революционного лихолетья. Кто-то (как М. О. Меньшиков и князь М. М. Андроников) был расстрелян чекистами, кто-то (как сам Г. Г. Замысловский и В. М. Пуришкевич) умер от страшной болезни. Типичные в общем-то для того времени трагические судьбы русских патриотов-черносотенцев…

Думские речи Г. Г. Замысловского

На протяжении всей своей жизни (за исключением, правда, периода февраля-марта 1917 г.) Г. Г. Замысловский ревностно отстаивал идеалы Православия, Самодержавия и русской Народности. Его социально-политические взгляды явственно проявляются в публицистике, в выступлениях перед соратниками, в речах, произнесенных в стенах Государственной Думы.

При подготовке настоящего сборника нами был сделан акцент на думских речах известного политического и общественного деятеля. Это объясняется, прежде всего, тем, что Замысловский проработал в стенах российского парламента около 10 лет и за это время произнес огромное количество речей на самые злободневные темы. Думские речи – это своего рода вершина публицистики известного политика; именно в них проявился его многогранный талант пламенного оратора, ревностного патриота, защитника интересов

русского народа, отстаивавшего его исконные идеалы и боровшегося с либерально-революционными силами, пытавшимися пошатнуть, а затем и низвергнуть коренные устои, на которых в течение веков создавалась Российская держава.

Многие проблемы, выносившиеся Г. Г. Замысловским в его думских речах, не теряют актуальности и по сей день. Например, он касается вопроса о коррупции государственных чиновников. Правый политик, на практике хорошо знавший тогдашнюю российскую действительность, понимал, что корень этой проблемы следует искать в том числе и в бытовавшем в среде простонародья мнении, что взятка, которую берет тот или иной чиновник, есть дело, само собою разумеющееся. Однако, по народным представлениям, размер взятки должен быть умеренным. «Я утверждаю, что населению, среднему обывателю, больше всего нравится тот полицейский чин, который берет, но умеренно, по чину; если полицейский чин начинает брать уже неумеренно или, по народному выражению, дерет и с живого, и с мертвого, то такой чиновник населению, конечно, не по вкусу, но больше всего не нравится населению, возбуждает прямо-таки ненависть тот чиновник, который совсем не берет, но строго требует исполнения закона», – заявил Замысловский в Думе[1]. Поэтому, рассуждает далее оратор, дела о злоупотреблениях со стороны чиновничества не должны рассматриваться в суде присяжных: «Это значит портить дело, это значит создавать себе кумир, фетиш и ради этого кумира, ради либерального трафарета не желать смотреть на жизнь, как она есть»[2].

---

[1] Речь Г. Г. Замысловского о суде присяжных и об уголовном преследовании чиновников путем ложных доносов (19.11.1911) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 26. – СПб., 1911. – Стлб. 2259.

[2] Там же. – Стлб. 2261.

Г. Г. Замысловский в своих выступлениях также подробно останавливался на студенческих волнениях, имевших место в начале XX в. в Петербурге и других городах. Он доказывал, что либеральная профессура и революционно настроенное студенчество, как правило, действуют заодно, фактически дестабилизируя ситуацию в стране. Если же профессура по тем или иным причинам делает хотя бы мало-мальский шаг в сторону консерватизма, то за этим неизменно следуют гневные возгласы со стороны революционно настроенного студенчества: «Кричат “Предатель, Иуда” социалисты-студенты тем кадетам-профессорам, которые, по их убеждению, предали студентов и поступили, как Иуда»[1].

Г. Г. Замысловский в своих речах показывает, что высшие учебные заведения при попустительстве, а иногда и поддержке в той или иной форме со стороны либеральной профессуры, а также университетского и институтского начальства превращались в то неспокойное время в настоящий рассадник революционных идей. Такая неординарная ситуация сложилась, в частности, в Горном институте в Петербурге. С трибуны Государственной Думы Г. Г. Замысловский (наряду с В. М. Пуришкевичем и другими правыми депутатами) заявил о революционном засилье, царящем в этом учебном заведении среди студентов и профессорско-преподавательского состава при покровительстве директора учебного заведения Е. С. Федорова. Этот факт послужил поводом к увольнению Е. С. Федорова с поста директора. Известно также, что Пуришкевич в 1909 г. обвинил левых студентов в финансовых махинациях, а они, используя свои связи в суде и адвокатуре, привлек-

[1] Речь Г. Г. Замысловского о высшей школе (07.02.1911) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 4. Ч. II. Заседание 53. – СПб., 1911. – Стлб. 1487.

ли Пуришкевича к суду. Его защищали П. Ф. Булацель и Г. Г. Замысловский, в итоге Петербургский окружной суд 29 ноября 1909 г. оправдал Пуришкевича[1].

Касаясь «дела» о студентах Горного института, Г. Г. Замысловский в речи, произнесенной в Государственной Думе, привел цитату из показания свидетеля по этому «делу» студента Калинина, которая наглядно характеризует нравы, царившие в этом учебном заведении. Студент заявил: «Засилье левых организаций было ужасно, всякая свободная мысль, всякое свободное слово гнались и преследовались как черносотенные мысли, мысли высказывать можно было только по трафарету тех социалистических организаций, которые, однако, на своем знамени пишут: свобода слова, свобода мнений, свобода печати». «Я, – говорит Калинин, – случайно попал раз в библиотечную комиссию – в более важные комиссии нас не пускали, – и вот в этой библиотечной комиссии я поднял вопрос о том, чтобы выписывать "Новое время"; надо было, – говорит, – видеть, какой содом поднялся, какой поднялся крик, какая началась ругань. Я сейчас же должен был взять свое предложение обратно»[2].

Мало того, в высших учебных заведениях Петербурга и других городов России царил разврат, петербургское студенчество активно пользовалось услугами проституток. Так, свидетели показали, что в Новороссийском университете «университетские помещения

---

[1] О студенческих волнениях и финансовых нарушениях в Горном институте подробнее см., в частности: Идейные кассиры. Из истории Горного института Императрицы Екатерины II. Дело по обвинению В. М. Пуришкевича в клевете. – СПб., 1910; Речь В. М. Пуришкевича на заседании Государственной Думы о смете Горного института. 16.03.1909 // РГИА. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 28; Речь П. Ф. Булацеля в защиту В. М. Пуришкевича, обвинявшегося в клевете на фондовую комиссию студентов Горного института. – 1909 // Там же. Д. 29.

[2] Речь Г. Г. Замысловского о высшей школе (09.03.1911) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 4. Ч. III. Заседание 77. – СПб., 1911. – Стлб. 411–412.

были превращены в клозеты, а клозеты – в места для удовлетворения половых инстинктов»[1]. А в Петербурге в общежитии Лесного института «происходили оргии, именуемые афинскими вечерами, а именно ночью устраивались такие шествия: впереди шли два студента с факелами, за ними совершенно обнаженные студенты и женщины попарно, а сзади тоже два или три студента с факелами: такой факельцуг спускался по лестнице вниз и потом снова подымался наверх»[2].

Подобного рода примеров Замысловский в своей думской речи приводит немало. И творились эти безобразия при явном попустительстве руководства высшими учебными заведениями с их весьма либерально настроенным начальством.

На лекциях и в учебниках либеральная профессура не просто воспитывала студентов в духе своих идей, но и подчас занималась откровенно антигосударственной пропагандой. Например, «кадетские» (принадлежавшие к партии кадетов – конституционных демократов) профессора в лекциях заявляли, что «Государственный Совет играет в жизни государства отрицательную роль». Это утверждение аргументировалось, по словам Замысловского, в курсе государственного права очень простым соображением; там было сказано: «Это само собой разумеется»[3]. Такова логика либеральной профессуры, своей деятельностью подготовлявшей почву для грядущей революционной смуты, от которой в итоге пострадала впоследствии и значительная часть представителей этой самой либеральной интеллигенции, причем многие из них и вовсе лишились жизни в годы красного террора.

---

1 Речь Г. Г. Замысловского о высшей школе. – Стлб. 413.

2 Там же. – Стлб. 415.

3 Там же. – Стлб. 418.

Обращал внимание депутатов Думы Г. Г. Замысловский и на тесную связь либеральной профессуры с еврейским лобби. Так, в своей речи он приводит фамилии тех студентов С.-Петербургского политехнического института металлургического отделения электрохимического подотдела, которые были зачислены в качестве студентов в 1906 г., причем приводит их, по своему признанию, полностью, без каких-либо изъятий: «1) Беккер Израиль Янкелевич; 2) Бергман Меер Иосифович; 3) Вигзерович Альтер Лейбович; 4) Винс Иван Иванович; 5) Вржесневский Иосиф Брониславович; 6) Гарфункель Яков Гиршович; 7) Гинзбург Ерухим Ицкович; 8) Глазунов Александр Ильич; 9) Глускин Лейба; 10) Гольцман Моисей Мордкович; 11) Длугач Лев Шмулевич; 12) Доленко Владимир Ильич; 13) Зейлигер Исаак Вольф; 14) Иоффе Бениамин Израилевич; 15) Каган Абрам Зельманович» и т. д.[1] Приведя этот список, Замысловский подводит итог: «Всех в списке 55, из них 28 евреев, 6 поляков и 21 человек, принадлежащих к “остальным народностям, не исключая и русской”»[2].

Исходя из приведенных данных, депутат делает следующий весьма категоричный вывод: «Г[оспода], из того, *кого*[3] приняли, совершенно ясно, *кто*[4] принял: принимал тот, кто был связан с жидами политическими векселями, кто принужден был по этим политическим векселям платить; вот они и платили, и тогда платили, так сказать, полным рублем, а не гривенником, как платят теперь, когда возбуждают вопрос об отмене черты еврейской оседлости»[5].

[1] Там же. – Стлб. 420.

[2] Там же.

[3] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[4] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[5] Там же. – Стлб. 420.

Обрисовав ситуацию, сложившуюся в высшей школе, Г. Г. Замысловский в своих думских речах делал и конкретные предложения с целью остановить превращение высших учебных заведений страны в рассадник революционной крамолы. Например, по его мнению, правительству «давно пора снять с казенного пайка тех профессоров, которые поддерживают и сочувствуют забастовке». «Причем этих профессоров я назвал негодяями, – чего они и заслуживают», – добавляет оратор[1]. Эти слова, по просьбе левых думских депутатов дважды повторенные Замысловским с парламентской трибуны, особенно слово «негодяи» в адрес либеральной профессуры, вызвали у членов Думы шквал эмоций вплоть до выкриков: «Вон!». Хотя на самом деле оратор только и сделал, что призвал общество к наведению порядка и к необходимости пресечения революционных настроений в высших учебных заведениях. Лево-либеральным парламентариям вторил и тогдашний председатель Думы М. В. Родзянко, впоследствии один из организаторов революционного заговора в феврале 1917 г., поспешивший сразу после этой речи призвать Замысловского «к порядку».

Вообще, к слову сказать, лево-либеральное думское большинство постоянно всеми силами буквально травило Замысловского и других правых депутатов. Оппоненты политика-монархиста грубо перебивали его, вставляли по ходу его выступлений различного рода реплики, подчас откровенно оскорбительного характера, задавали оратору провокационные вопросы, пытались всяческим образом сорвать его выступления и т. д. Ряд левых членов Думы, например, однажды потребовали

1 Речь Г. Г. Замысловского о забастовке слушательниц С.-Петербургского женского медицинского института (24.10.1911) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 6. – СПб., 1911. – Стлб. 516.

от Замысловского не употреблять вслух слово «жид»[1]. Однако в связи с этим необходимо подчеркнуть, что в дореволюционной России слово «жид» (то же, что и «иудей») являлось общеупотребительным и не имело уничижительного и пренебрежительного оттенка. Достаточно вспомнить произведения русских классиков, таких как Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и многие другие, часто использовавших данное слово в своих литературных произведениях. Как известно, само оно пришло к нам из польского языка и означает «иудей», т. е. не национальную, а религиозную принадлежность определенной группы людей.

Вообще, анализируя думские речи различных депутатов, неизбежно приходишь к выводу, что правые члены Думы, несмотря на отдельные эксцессы (в основном ими «прославился» В. М. Пуришкевич, обладавший сложным характером и неуравновешенной психикой, впоследствии, волею обстоятельств, в 1916 – начале 1917 гг. вставший на откровенно антимонархические позиции и принявший активное участие в убийстве друга Царской Семьи Григория Ефимовича Распутина), вели себя куда более культурно, чем их лево-либеральные коллеги.

Г. Г. Замысловский в своих речах обращал внимание и на ту поистине жестокую травлю, которую развязывала либеральная интеллигенция против своих оппонентов, профессоров, придерживавшихся консервативных взглядов. Так, к примеру, профессора Томского университета Кошурникова за его правые убеждения либералы объявили «недостаточно развитым и недостаточно прогрессивным», студенты начали бойкотировать его лекции. Комментируя эти факты, Г. Г. Замысловский не без

1 Речь Г. Г. Замысловского о деятельности думских либералов (04.03.1916) // Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия 4. – Стлб. 1205–3502. Заседания 17–37 (с 09.02.1916 по 15.03.1916). – Пг., 1916. – Стлб. 2786.

юмора замечает: «Я думаю, что если бы он был лентяй, то современные левые студенты только радовались бы этому и ни в коем случае не стали бы его бойкотировать»[1]. А член Государственной Думы А. А. Булат, перебивая Замысловского, пошел еще дальше. Не приводя никаких доказательств, он безапелляционно заявил, что, вероятно, Кошурников – «мерзавец» и что якобы вследствие этого его лекции и стали бойкотировать[2].

О том, как в Томском технологическом институте травили Кошурникова, рассказал далее в своей речи сам Г. Г. Замысловский. «20 мая 1910 г. у Кошурникова был экзамен – в то время, когда он уже состоял под бойкотом. Лишь только Кошурников начал экзаменовать, у дверей аудитории произошла суматоха, замешательство, и когда он пожелал осведомиться, что там происходит, то оказалось, что в аудиторию ломится студент-кавказец с револьвером, крича: "Мы вас заставим считаться с нашим мнением". Вследствие этого студенты, пришедшие экзаменоваться, разбежались, заявив Кошурникову: "Они и нас, и вас застрелят". […] Далее состоялась сходка 17 января 1911 г., которая вынесла следующую резолюцию, невозбранно вывешенную на стенах университета: "Все за одного и один за всех. Студенческий комитет доводит до всеобщего сведения, в том числе и совета профессоров, что, согласно решения сходки 17 января, все занятия, экзамены, чертежные, лабораторные и другие работы прекращаются до 1 сентября 1911 г. Всякие попытки как приступить к занятиям, так и подорвать решение сходки стачечный комитет объявляет дезорганизаторскими, явно стремящимися к расстройству рядов борющегося

1 Речь Г. Г. Замысловского о студенческих волнениях в Томском технологическом институте (26.10.1911) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 8. – СПб., 1911. – Стлб. 640.

2 Там же. – Стлб. 639.

студенчества. Против всех таких попыток стачечный комитет оставляет за собою свободу действий". Ну, по тем экспериментам, которые производил пылкий кавказец на экзамене Кошурникова, можно судить, в чем должна была выразиться эта свобода действий»[1], – с иронией замечает думский депутат.

И подобного рода вопиющие случаи были в то время не единичны, некоторые из них также приводит в своих речах Г. Г. Замысловский. Так, в студенческих аудиториях при попустительстве, а подчас и при поддержке в той или иной форме со стороны руководства высшими учебными заведениями готовилась плодотворная почва для последующего революционного взрыва.

Примерно в это же время в Томском институте произошел поджог, организованный революционно-экстремистской частью студенчества. Этот факт Замысловский прокомментировал такими словами: «Студенты жгут институт, а институтское начальство систематически укрывает забастовщиков, поджигателей и не дает никаких сведений администрации о том, кто это совершает, но в то же время чрезвычайно яро обвиняет администрацию в том, что будто администрация не соблюла всех формальностей и некоторых задержала по ошибке. Да если бы университетское начальство в свое время приняло меры: 1) не было бы поджога, 2) не было бы ошибок. Оно своим попустительством вызвало поджог, оно поставило студентов в чрезвычайно тягостное положение, оно способствовало административным ошибкам и оно же теперь, в лице депутата Некрасова, заявляет нам об ужасном произволе администрации»[2].

В своих речах Г. Г. Замысловский также приводит факты, связанные с ярко выраженной симпатией рево-

1 Там же. – Стлб. 640.

2 Там же. – Стлб. 644.

люционным идеям со стороны некоторых профессоров. Например, профессор Малиновский сделался редактором газеты «Сибирская жизнь», в которой при явном попустительстве властей печатались публикации откровенно революционно-экстремистского характера. Мало того, этот профессор написал книгу «Кровавая месть и смертные казни». Это, по словам Замысловского, прямой апофеоз террора. «В книге проводится та мысль, что всякий народ в первые периоды своей истории всегда имеет институт кровавой мести, это было вполне естественно – мстили обидчику; обидчиком русского народа в настоящее время является правительство, угнетающее народ»[1], – заявил с думской трибуны, приводя основные положения книги сибирского профессора, правый депутат.

Вывод, сделанный из всего сказанного Г. Г. Замысловским, весьма резок, категоричен, но вполне объективен: «Вот, где язва: надо приняться, главным образом, за революционную профессуру. Она губит наше государство, губит нашу ни в чем не повинную молодежь»[2].

Говорят: рыба гниет с головы. Когда элита общества, значительная часть управленцев, профессорско-преподавательский состав ведущих вузов страны откровенно симпатизирует антигосударственным идеям, становится ясно, что рано или поздно наступит полный крах такого государства. Так и случилось с Российской Империей в феврале 1917 г., которая рухнула в одночасье. Как язвительно заметил в связи с этим видный философ и писатель В. В. Розанов, «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три»[3].

---

[1] Речь Г. Г. Замысловского о студенческих волнениях в Томском технологическом институте. – Стлб. 645.

[2] Там же. – Стлб. 647.

[3] *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени // *Розанов В. В.* Сочинения. – Л., 1990. – С. 469.

Кстати, факт резкого «полевения» в предреволюционные годы значительной части российского чиновничества признают многие серьезные исследователи. К примеру, как отмечает доктор исторических наук из Петербурга А. В. Островский, «пореформенная эпоха характеризовалась постепенным расширением круга чиновников и офицеров, которые тем или иным образом были связаны с либеральной оппозицией и революционным подпольем или же сочувствовали им». «А это означало, – продолжает историк, – постепенное, мирное и незаметное завоевание государственного аппарата антиправительственными силами, что вело не только к утрате эффективности выполнения им своих функций, но и к тому, что он становился способным действовать вопреки интересам тех социальных сил, которые стояли во главе государства»[1].

Выступая перед членами Государственной Думы, Г. Г. Замысловский, в отличие от большинства своих лево-либеральных коллег в течение ряда лет служивший товарищем прокурора судебной палаты, проявил себя как тонкий знаток крестьянской жизни, крестьянской психологии. Он особо выделял такие характерные для крестьян понятия, как общинность, соборность, коллективизм, круговая порука, когда в мире (общине) отвечают «один за всех и все за одного». В качестве иллюстрации правый депутат приводит весьма характерный пример: «Мне по прежней моей судебной деятельности приходилось знакомиться с такими судебными делами о крестьянских самосудах и в качестве товарища прокурора палаты приходилось быть в тяжелом положении – писать обвинительный акт о тех крестьянах, которые учинили самосуд. А как они учинили самосуд? Завелись у них конокрады, от которых житья не было. В конце кон-

[1] *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? – М., 2004. – С. 556.

цов, крестьяне поймали этих конокрадов и начали бить, но как били: позвали всех должностных лиц в деревне, чтобы и те руку приложили, чтобы бить всем миром. Был там почтеннейший седой крестьянин, старик, проведший свою жизнь самым безупречным образом, чуть ли не лучший в деревне хозяин, какой-то десятский или сотский, и его притащили: «И ты, дедушка, ударь, чтобы отвечать всем миром». И дедушка тоже взял полено и тоже раза три этих конокрадов ударил»[1]. И, естественно, понес, как и все, уголовное наказание за убийство.

Левые же политики, напротив, на словах ратуя о «правах» народа, совершенно не знали, да и не хотели знать психологию простого народа, занимаясь политиканством. Не ведая реального положения в деревне, они предлагали абсурдные по своему содержанию законодательные предложения – например, «отменить право сельских обществ удалять из общества проживающих в его среде членов»[2]. Что это будет означать на деле? – задается вопросом Замысловский. В случае принятия такого предложения, по словам оратора, произойдет следующее: «Человек осужден за три, четыре кражи подряд, известный вор, отбыл наказание и ворочается в деревню, и деревня обязана его принять, не может не принять!»[3]. И это, доказывал правый депутат, просто абсурд! Но лево-либеральное большинство только и печется, что о так называемом «равенстве в правах», конечно же, чисто формальном. Мало его заботили реальные нужды простого народа. Вот отсюда и такие абсурдные по своей сути законопроекты, которые резко критиковал Замысловский и его коллеги по правой фракции. Однако при

[1] Речь Г. Г. Замысловского о законопроекте по крестьянскому вопросу (13.06.1916) // Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия 4. Заседание 55. – Пг., 1916. – Стлб. 5259.

[2] Там же. – Стлб. 5256.

[3] Там же. – Стлб. 5258.

рассмотрении тех или иных законопроектов они, как правило, оказывались в меньшинстве, и Дума подчас принимала те или иные популистские решения, далекие от реальных нужд и чаяний простого народа.

То же самое касается и рабочего вопроса, которого также не обошел своим вниманием в думских речах Г. Г. Замысловский. Он отмечал, например, что «профессиональные союзы в качестве союзов беспартийных, стремящихся улучшить быт рабочих, чуждые политике, – явление весьма желательное, явление, которое надо приветствовать». Но, по словам правого политика, «именно г[оспода] социал-демократы и не позволяют создаться таким союзам, ибо немедленно настаивают, чтобы всякий профессиональный союз был окрашен социал-демократической программой и из внепартийного превратился бы в революционную ячейку. Доказать это можно литературой самих социал-демократов, их статьями, их постановлениями»[1].

Кроме того, продолжает Замысловский, подчас в профессиональные союзы попадали политиканы, совершенно далекие от чаяний простого народа. К примеру, отмечает оратор, «в Харькове, в Союзе портных, обязанности секретаря исполнял зимой 1907 г. Хаим Давидов Вейцман – студент Харьковского университета. Спрашивается, какое дело студенту Харьковского университета до профессионального союза портных? Там же бывал Вацлав Родзевич – председатель социал-демократической фракции Харьковского университета. В этом же Харькове, в Союзе рабочих печатного дела, выдающуюся роль играли Яков Цедербаум и его сестра Софья Натановна Цедербаум, а их брат, Пантелей Цедерба-

---

1 Речь Г. Г. Замысловского по рабочему вопросу (04.11.1909) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909. Сессия 3. Ч. I. Заседание 13. – СПб., 1910. – Стлб. 1362.

ум, бежал за границу, ибо был секретарем Харьковского социал-демократического комитета. В Ростове-на-Дону 20 марта 1907 г. было задержано собрание Общества печатного дела, председателем которого оказался член социал-демократической партии Мордух Кункес»[1].

Касается в одном из своих думских выступлений Г. Г. Замысловский и трагических событий на Ленских приисках. Напомним, что Ленский расстрел произошел 17 (4) апреля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, расположенных в районе г. Бодайбо на реках Витим и Олекме, когда в результате забастовки и организованной революционерами провокации, которая привела к последующему расстрелу рабочих правительственными войсками, пострадали, по разным оценкам, от 250 до 500 человек, в том числе 107–270 человек погибли. Правый депутат показал темную роль в этих событиях тогдашнего владельца Ленских приисков барона А. Г. Гинсбурга: «Создается ажиотаж и спекуляция около ленских акций. Такой ажиотаж, такая спекуляция, что возникает подозрение: да, может быть, сами заправилы и хотели всего этого разгрома, чтобы сыграть сначала на понижение, а потом на повышение»[2].

Характеризуя непосредственно сам факт расстрела, Г. Г. Замысловский высказал мнение, что «в самой стрельбе решительно никакого нарушения закона нет». Вот как он описывал происшедшее: «Этот самый ротмистр Трещенко, о котором так много здесь говорили, он вовсе не распоряжался стрельбой, он передал власть военному начальству, и военное начальство, т. е. строевой офицер, приказал дать сигнал на трубе. Был дан три

1 Речь Г. Г. Замысловского по рабочему вопросу. – Стлб. 1366.

2 Речь Г. Г. Замысловского о положении на Ленских приисках (09.04.1912) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия 5. Ч. III. Заседание 99. – СПб., 1912. – Стлб. 1689–1690.

раза сигнал на трубе, и после сигналов началась стрельба. Я утверждаю, что если бы офицер поступил иначе, то он подлежал бы суду, и вот тогда действительно была бы незакономерность с его стороны. […] Да, можно и в таких случаях до́лжно…[…], потому что толпа идет на насильственное освобождение арестованных. За 160 шагов ее предупредили, чтобы она дальше не шла. К толпе отправился инженер Тульчинский, вмешался в толпу и начал ее уговаривать. Толпа, тем не менее, пошла дальше. В нее дали первый залп, но перед залпом толпа бросилась ничком, и, по-видимому, этот первый залп толпе особого вреда не причинил, т. к. после него толпа вскочила и с криком "Ура!" вновь бросилась на войска. […] Тогда уже на расстоянии 100 шагов действительно последовал тот расстрел, который причинил целый ряд убитых. Вот как было дело в действительности, и в этом никакой незакономерности ни со стороны ротмистра Трещенко, ни со стороны войск вы не усмотрите. Незакономерность есть только в действиях тех, кто поощряет всяких жидов Гинсбургов, кто поощряет г<оспод> Тимирязевых, кто вообще преклоняется перед этими капиталистическими вожделениями»[1].

Несколько думских речей Г. Г. Замысловский посвятил польскому вопросу, который был крайне актуален в начале XX в. Напомним, что Польское государство («Речь Посполита») в 1772, 1793 и 1795 гг. было разделено между Российской Империей, Австрийской Империей и Пруссией. Тогда к России отошли Правобережная Украина, Белоруссия и Литва, т. е. земли, не имеющие прямого отношения собственно к Польше. Мало того, Волынь и Подолия (Правобережная Малороссия – Украина), а также Белоруссия искони являлись землями, на которых шло становление русской циви-

[1] Там же. – Стлб. 1693.

лизации. Однако впоследствии в результате трагических событий XIII–XIV вв. западнорусские земли стали развиваться своим собственным путем, отличным от великорусских земель. И теперь, в годы царствования Императрицы Екатерины II, наконец, произошло их долгожданное воссоединение с единым Русским государством. Часть собственно польских земель оказалась в составе Российской Империи после Наполеоновских войн, в 1815 г. эти земли, вошедшие в состав России, получили название Царства Польского, имели на тот момент широкую автономию и одну из самых либеральных конституций. В результате польское население, являвшееся подданными Российской Империи, обладало значительно бо́льшими правами и возможностями, чем русские подданные. Несмотря на это, польские сепаратисты всячески стремились дестабилизировать ситуацию в регионе, натравливая одни национальные группы на другие (имеются в виду проживавшие в Западной России поляки, литовцы, малороссы, белорусы, немцы, евреи и т. д.). Апофеозом в их деятельности стало так называемое Польское восстание 1831 г., после подавления которого Император Николай II вынужден был лишить Польшу конституции.

Однако сепаратистски настроенная польская общественность и впоследствии продолжала вынашивать планы отделения Польши от России, желала создания так называемой «Великой Польши», в которую входили бы, помимо собственно польских земель, и исконно русские – украинские и белорусские. В 1863 г. сепаратистами был поднят новый бунт, который вскоре перекинулся в Литву и Западную Белоруссию. Против «повстанцев» были направлены правительственные войска. Поскольку сепаратисты начали терпеть поражение, то их главари обратились за помощью к иностран-

ным державам и европейскому так называемому «общественному мнению». Возникла опасность иностранного вмешательства в дела Российской Империи, при этом страна еще не успела восстановить свой военный потенциал после поражения в Крымской войне. В таких тяжелых условиях приходилось действовать российским властям. Тем не менее, Царскому правительству удалось подавить польский мятеж, одновременно не допустив вмешательства Запада в дела России.

Г. Г. Замысловский, выступая в Думе, неизменно подчеркивал агрессивно-террористический характер польского националистического движения, действовавшего бок о бок с католической Церковью. В частности, оратор привел вопиющие факты зверств со стороны польских «повстанцев», которые имели место во время восстаний 1831 и 1863 гг. Эти факты были извлечены Замысловским, по его собственному признанию, из Синодального архива. Так, польские бунтовщики «православных священников вешали на воротах домов, […] секли прутьями, […] жгли [им] бороды»[1]. При этом оратор подчеркивал, что такие изуверства оказались возможными при фактическом попустительстве местных властей, которые ничего не сделали, дабы избежать масштабного кровопролития.

Также широкую известность в свое время получили думские речи Г. Г. Замысловского по финляндскому вопросу, который был в начале XX в. не менее злободневен, чем польский. Чтобы лучше понять позицию правого оратора, рассмотрим более подробно положение дел в Финляндии в начале XX в.

Требование частью финского общества широкой автономии вплоть до полного отделения от России объ-

[1] Речь Г. Г. Замысловского по польскому вопросу (06.03.1913) // Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 15.11.1912 по 20.03.1913). – СПб., 1913. – Стлб. 2024.

ективно противоречило официальной политике государственной власти Российской Империи. И, что вполне естественно, часть российских государственных сановников, а также правых деятелей (включая Г. Г. Замысловского) выступали за русификацию [1] Финляндии и полное включение финляндской территории в общую систему власти страны.

Великое княжество Финляндское вошло в состав Российской Империи в результате Русско-шведской войны 1808–1809 гг., и в 1809 г. Александр I фактически закрепил за Финляндией положение автономного Великого княжества. Особый статус Финляндии в составе Российской Империи способствовал тому, что в тогдашней юриспруденции – как отечественной, так и зарубежной – велась дискуссия: является ли собственно Финляндия суверенным государством, или же это все-таки неотъемлемая часть России? Точки над i в определенной степени расставила докторская диссертация известного ученого барона Вольфа фон дер Остен-Сакена «Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве» (“Die staatsrechtliche Stellung des Grossfurstentums Finnland im Russischen Reiche”). Работа была представлена на факультет политических наук Тюбигенского университета на немецком языке и успешно защищена. Позже работа была переведена на русский язык[1].

Остен-Сакен, как об этом писал в те же годы видный русский правый политик, соратник Г. Г. Замысловского присяжный поверенный П. Ф. Булацель, «фактически доказал, что Финляндия есть лишь область Русской Империи, что Финляндия вовсе не составляет особого

[1] *Остен-Сакен Вольф, фон дер*, барон. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве / Пер. с нем. барона В. дер Остен-Сакена. – СПб., 1910.

государства и что власть Совета Министров и генерал-прокурора Правительствующего Сената распространяются и на финляндские губернии»[1].

Опираясь на подобного рода утверждения, значительная часть правительственных чиновников начала XX в. вынашивала идею постепенной ликвидации финляндской автономии и ее русификации. Еще в 1898 г. Финляндским генерал-губернатором и командующим войсками Финляндского военного округа был назначен генерал-адъютант Николай Иванович Бобриков (1839–1904). Находясь на посту Финляндского генерал-губернатора, Бобриков последовательно отстаивал тезис о единой и неделимой России при господствующем положении русского народа. 3 февраля 1899 г. не без влияния генерал-губернатора вышел царский Манифест о порядке издания в Финляндии общих государственных законов. Тогда же были изданы «Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского». Законы для Финляндии теперь должны были издаваться Императорской властью.

Н. И. Бобриков также добился того, что в 1901 г. в Финляндии была ликвидирована самостоятельная армия и финнов стали призывать на общих основаниях в русскую армию. В делопроизводство Сената был введен русский язык, основана «Финляндская газета», учебные заведения поставлены под бдительный контроль, «нелояльные» учителя устранены и т. д. Бобриков боролся с финской националистической прессой, многие газеты ликвидировал; в 1902 г. испросил особые полномочия и на основании их выслал за границу в административ-

---

1 *Булацель П. Ф.* Прошение. Его Высокопревосходительству Председателю Совета Министров П. А. Столыпину. Просит защитник Николая Максимовича Юскевич-Красковского – присяжный поверенный П. Ф. Булацель. – СПб., [1909]. – С. 3.

ном порядке многих сепаратистски настроенных финских общественных деятелей.

Курс Н. И. Бобрикова на сближение Великого княжества с остальной Империей и на фактическую русификацию Финляндии вызвал резкую антипатию у представителей финской интеллигенции (среди которой, кстати сказать, значительное место занимали этнические шведы), как правило, националистически настроенной. 3 июня 1904 г. он был смертельно ранен в здании финского Сената в Гельсингфорсе сыном финляндского сенатора-шведа Эйгеном Шауманом.

Многие консервативные политики и общественные деятели конца XIX – начала XX в. солидаризировались с политикой Н. И. Бобрикова. Поддерживал его, в частности, редактор-издатель «Гражданина», известный консервативный деятель князь В. П. Мещерский, который в 1902 г. после убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина даже рекомендовал Николаю II кандидатуру Бобрикова на должность министра внутренних дел[1].

Политику генерала впоследствии одобряли министр внутренних дел В. К. Плеве и такие консервативные периодические издания, как «Новое время», «Московские ведомости» и др. Император Николай II также положительно отзывался о деятельности генерал-губернатора. Получив известие об убийстве Бобрикова, Царь написал в дневнике: «Утром с прискорбием узнал, что Бобриков тихо скончался в час ночи! Огромная трудно заменимая потеря!»[2].

Революционный взрыв 1905–1907 гг. вынудил Государя пойти на серьезные уступки относительно управления Финляндией. В результате этих уступок

---

[1] Письмо Николая II В. П. Мещерскому 5 апреля 1902 г. // Oxford Slavonic Papers. – Vol. 10. – 1962. – P. 130.

[2] Дневники Императора Николая II. – М., [1992]. – С. 212.

реализация практически всех русификаторских начинаний Н. И. Бобрикова была приостановлена или же свернута вовсе. Манифестом 22 октября 1905 г. было приостановлено действие всех законов, оспаривавшихся финляндцами, начиная с Манифеста 3 февраля 1899 г. Мало того, 7 июля 1906 г. Император утвердил новую финляндскую конституцию и избирательный закон, основанный на всеобщем избирательном праве и пропорциональном представительстве.

Изменения в политике Николая II относительно Финляндии вызвало бурное обсуждение в правомонархических салонах. Как известно, именно в этих своего рода неформальных структурах с участием высших правительственных сановников во многом решались важнейшие политические вопросы[1]. В своих письмах видный участник салона известного идеолога монархизма генерала Е. В. Богдановича барон Н. Д. Остен-Сакен высказывал супруге генерала А. В. Богданович свои соображения по финляндскому вопросу, отмечая непоследовательность правительственной политики в отношении Финляндии. К точке зрения барона А. В. Богданович отнеслась с пониманием и одобрением[2].

В ст. 2 проекта Основных государственных законов Российской Империи было записано: «Великое Княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства». Н. Д. Остен-Сакен предлагал вторую статью уничтожить и считал, что имперские законы должны иметь преимущество перед местными (как в Германии). Тем более, по его мнению, это касается

---

[1] О салонах и их политическом значении подробнее см.: *Стогов Д. И.* Указ. соч. – С. 8–9; 290–292.

[2] РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 191. Л. 2.

Финляндии[1]. Барон при этом заметил: «Я не посягаю на финляндское законодательство вообще, но, по силе вещей, объединение некоторых законов (как, например, закон морского права, торгового мореплавания, уголовные) настоятельно напрашивается»[2]. Таким образом, в отличие от тогдашней правительственной политики Остен-Сакен предлагал сохранить основные положения законов 1899 г. относительно Финляндии.

Период думской монархии наложил свой отпечаток на решение финляндской проблемы. Попытки ограничить финляндскую автономию во многом были связаны с тем, что многие политически неблагонадежные элементы находили себе поддержку в Финляндии. Премьер П. А. Столыпин, выступая в 1908 г. на заседании Государственной Думы, особо отметил, что на территории Финляндии «готовились и организовывались […] многие из тех покушений, которые имели место в Петербурге»[3].

Руководствуясь подобными доводами, П. А. Столыпин в некоторой степени попытался вернуться на путь, оставленный в 1905 г. Для разработки законов и мероприятий, касающихся Финляндии, при Совете Министров было образовано Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского под председательством П. А. Столыпина. В его состав входили также член Государственного Совета В. Ф. Дейтрих, министр юстиции И. Г. Щегловитов и Финляндский генерал-губернатор генерал Ф. А. Зейн[4].

---

1 РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 191. Л. 4–4 об.

2 Там же. Л. 2 об.

3 Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной Думы 5 мая 1908 г. // *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия… // Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К. Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю. Г. Фельштинского. – М., 1991. – С. 133.

4 *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья дума. – М., 1968. – С. 46.

Правительственный документ, внесенный в Думу 14 марта 1910 г., вызвал многочисленные протесты среди думской оппозиции, однако был принят большинством. Одобренный также и Государственным Советом, документ стал законом 17 июня 1910 г.[1] Теперь финский сейм сохранял только совещательный голос во всех существенных вопросах как общеимперского, так и внутреннего законодательства (государственный бюджет, воинская повинность, о печати, о собраниях и союзах, о народном образовании, о полиции и т. д.). Эти вопросы непосредственному разрешению сейма теперь не подлежали и должны были разрешаться законодательными учреждениями России[2]. До издания новых законов в силе, однако, оставались старые, и фактически особых перемен в Финляндии не произошло.

Финляндский законопроект породил бурные дискуссии в монархических кругах. Некоторые правые высказывались вразрез с намерениями правительства. К примеру, князь В. П. Мещерский выступил в 1910 г. за предоставление широкой автономии Финляндии, полагая, что националистическая политика Столыпина по отношению к финнам приведет к еще большим сепаратистским настроениям в самой Финляндии. Мнение Мещерского вызвало ожесточенную критику со стороны значительной части правых[3].

Ставший премьером после трагической гибели П. А. Столыпина В. Н. Коковцов, судя по высказываниям современников, воспринимался ими (например, А. В. Богданович) как «сторонник финнов», назначение которого «повергнет в уныние всех преданных

1 Окраины России. – 1911. – № 33–34. – С. 458.

2 *Балабанов М.* Царская Россия XX в. (накануне революции 1917 г.). – [Харьков], 1927. – С. 94.

3 РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 452. Л. 184.

Царю людей»[1]. И действительно – постепенно шел процесс отступления от столыпинской политики в отношении Финляндии.

В период Первой мировой войны Финляндия уже фактически проявила себя как суверенное государство, провозгласив нейтралитет в войне. В правых кругах, которые, как известно, в ту пору уже не имели столь широкого влияния на императорскую политику, как ранее[2], тем не менее финляндская проблема вновь стала предметом обсуждения. Так, в салоне тогдашнего премьера Б. В. Штюрмера (в работе которого, как мы отмечали, принимал активное участие и Г. Г. Замысловский) относительно «финляндского вопроса» участники дискуссии сочли необходимым «не изменять курса правительственной политики в этой области» и стоять «за неуклонное требование выполнения населением Финляндии наравне с жителями России натуральной и денежной на нужды войны повинности»[3]. Однако февральский переворот 1917 г. и последующие события вплоть до полного провозглашения независимости Финляндии окончательно поставили точку на всех разговорах и дискуссиях по финляндскому вопросу.

Отметим, что политика России начала XX в. относительно Финляндии в целом отличалась непоследовательностью. То же самое можно сказать и об отношении к финляндскому вопросу в высших правительственных кругах. «Сколько раз изменялось отношение к нему[4] Русского правительства – и как быстро происходили эти перемены!», – восклицали журналисты «Вестника

[1] РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 453. Л. 144.

[2] Подробнее о влиянии правых на политику Николая II в период Первой мировой войны см.: *Стогов Д. И.* Указ. соч. – С. 189–289.

[3] Показания С. П. Белецкого ЧСК. Т. 4. – С. 384–385.

[4] Финляндскому вопросу. – *Д. С.*

Европы»[1]. Попытки русификации Финляндии, предпринимавшиеся генерал-губернатором Н. И. Бобриковым, оказались только попытками, хотя в свое время они практически полностью одобрялись в правительственных кругах. Революция 1905–1907 гг. и последующие события вынудили правительство перейти от «кнута» к «прянику», и, несмотря на некоторые непоследовательные шаги П. А. Столыпина, направленные на закрепление положения Финляндии в составе Российской Империи, объективно Финляндия все более и более, буквально с каждым годом, обособлялась от России, и закономерным итогом этого процесса явилось ее полное отделение от России в революционном 1917 г.

В таких условиях невнятности и аморфности политики центральной власти относительно Великого княжества Финляндского приходилось действовать Г. Г. Замысловскому. Естественно, увидев в действиях кабинета П. А. Столыпина попытку упорядочить ситуацию в этой части Российской Империи, отчасти (хотя, конечно, далеко не полностью) вернуться к курсу, провозглашенному в свое время Н. И. Бобриковым, Замысловский поддержал планы столыпинского правительства в своих думских речах о Финляндии.

Правый оратор указывал, в частности, что местная администрация, состоявшая из финнов, всяческим образом пыталась создать все необходимые условия для полного отделения Финляндии (уже и так фактически являвшейся «государством в государстве») от России. Этому способствовали, в частности, издававшиеся при поддержке местных властей финляндские газеты. Этому способствовали и различные общественные финские организации и союзы, также возникавшие при одобре-

1 Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Кн. 12. – СПб., 1911. – Декабрь. – С. 372–373.

нии со стороны властей. «В Финляндии, несомненно, замечается стремление по возможности децентрализовать власть и, децентрализовав, перелить ее в эти собрания и союзы; тогда на все требования, обращенные к финляндским властям, они вам ответят: мы тут не при чем, это не мы, это сделали собрания и союзы, а собрания и союзы подлежат ведению нашего финляндского законодательства»[1], – констатирует Г. Г. Замысловский.

В своих думских речах Г. Г. Замысловский не раз касается и еврейской проблемы. Конечно, правый депутат был далек от симпатий к еврейству, и в его произведениях, в том числе и в думских речах, можно встретить те или иные пассажи, которые, используя современную терминологию, можно было бы назвать «антисемитскими», «нетолерантными» и т. д. Например, однажды в Думе оратор прямо заявил, касаясь вопроса о правах евреев в Финляндии, что «евреи есть зло и величайшее зло. Усиливать значение зла не следует»[2].

Но почему Замысловский придерживался столь категоричного мнения? С чем это было связано? Безусловно, каждый здравомыслящий человек, а тем более христианин, не может разделять столь жесткие и категоричные обвинения со стороны тех или иных деятелей, возводимые им в адрес *всех* евреев. Как сказано в 11-й главе Послания святого апостола Павла к Римлянам: «*Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал... Так и в нынешнее время, по*

[1] Речь Г. Г. Замысловского о Финляндии (26.05.1910) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия 3. Ч. IV. Заседание 121. – СПб., 1910. – Стлб. 2497.

[2] Речь Г. Г. Замысловского о правах евреев в Финляндии (02.11.1911) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 13. – СПб., 1911. – Стлб. 1056.

избранию благодати, сохранился остаток... Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили, а прочие ожесточились... » (Рим. 11:1–2, 5, 7). Однако, обращаясь к историческим фактам, неизбежно приходишь к выводу, что обвинения, которые озвучивали в своих речах Г. Г. Замысловский и его соратники, вполне справедливы применительно к *определенной части* мирового еврейства, вынашивающей преступные планы по установлению мирового господства. Если мы обратимся к контексту думских речей Замысловского, то явственно увидим, что под понятием «еврейство» он подразумевал, в первую очередь, как раз именно эту *определенную часть* еврейства.

Судя по думским речам, Г. Г. Замысловский полностью разделял мнение об употреблении, по крайней мере, среди части иудеев крови христианских младенцев в ритуальных целях. «Народ, который употребляет кровь христианских детей, не может говорить о своих правах»[1], – заявил он, рассуждая о том, можно ли предоставлять права евреям в Финляндии. Естественно, политик делал вывод, что предоставлять права евреям не следует. Свою точку зрения он аргументировал также и экономическими причинами, высказывая мнение, что евреи-купцы и торговцы, обладая такими качествами, как предприимчивость, пронырливость, а также допускавшие (согласно талмудическому «Шулхан Арух») возможность обмана неевреев («гоев»), создадут ситуацию, при которой русские предприниматели окажутся в нужде и разорении и будут полностью вытеснены еврейскими предпринимателями. Таким образом, позиция Замысловского по еврейскому вопросу диктовалась, прежде всего, его желанием *оградить* русский народ от нежелательных для него последствий (опасность соверше-

[1] Там же. – Стлб. 1058.

ния ритуальных преступлений, опасность не выдержать конкуренции с еврейскими купцами и пр.), т. е. носила всецело *охранительный*, а *не агрессивный* характер.

Известный публицист и политический деятель В. В. Шульгин в книге о причинах и сущности антисемитизма выделил три основных типа этого явления: «1. Антисемитизм расовый или инстинктивный; 2. Антисемитизм политический или рационалистический; 3. Антисемитизм мистический – в порядке “сверхчувственном”, “трансцендентальном”, “интуитивном” и так далее»[1]. Какой из этих типов антисемитизма преобладал в мировоззрении Г. Г. Замысловского? Думается, все же второй. Он, как и другие правые, обладал некоторым чувством презрения к «пархатым жидам», однако все же на первое место в оценке тех или иных деятелей-евреев выдвигал их мировоззренческие установки и политические пристрастия.

Отметим, что, по признанию самих еврейских писателей и публицистов, ни одна нация не дала столь большое количество революционно настроенных элементов, как еврейская. По еврейскому вопросу существует достаточно обширная литература[2]. В частности, в статье исследователя еврейского происхождения О. Будницкого, опубликованной в сборнике «Евреи и русская революция. Материалы и исследования», приводятся следующие факты. В 1903 г. в беседе с Теодором Герцлем председатель Комитета министров С. Ю. Витте указывал ему, что евреи составляют около половины численности революционных партий, хотя их всего 6 млн. в

---

1 *Шульгин В. В.* «Что нам в них не нравится…». Об антисемитизме в России. – СПб., 1992. – С. 8.

2 См., например, кроме вышеуказанной работы В. В. Шульгина, следующие издания: *Бейзер М.* Евреи в Петербурге. – Иерусалим, 1990; *Дикий А.* Евреи в России и в СССР. – Новосибирск, 1994; Евреи и русская революция. Материалы и исследования. – М.; Иерусалим, 1999; *Эльяшевич Д. А.* Евреи в России. История и культура // Сб. науч. тр. – СПб., 1995.

136-миллионном населении России[1]. По данным, которые приводит американский историк Норман Неймарк, в начале XX в. среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи составляли около 30%. Около 15% членов партии социалистов-революционеров были евреями, а некоторые «максималистские и анархистские террористические группы почти полностью были еврейскими»[2]. На V съезде РСДРП (Лондон, 1907) около трети делегатов были евреями[3]. В составе ВЦИК первых пяти созывов, как правило, около 20% депутатов были евреями: наибольшая цифра – 22% среди членов ВЦИК первого созыва (июнь 1917 г.), наименьшая – около 17% – 3-го (январь 1918 г.)[4]. Учитывая выше сказанное, следует отметить, что в сознании русского обывателя – от люмпена до интеллигента – роль евреев в русской революции представлялась еще большей, чем была на самом деле[5].

В итоге Г. Г. Замысловский, как и большинство представителей правого политического спектра, понятие «еврейство» мог ассоциировать с понятием «революционная сила», ярым противником которой он как монархист, естественно, являлся.

В частности, он в своих речах много говорил об имевшей место пропаганде революционных идей на страницах тогдашней периодической печати. При этом Замысловский, как и другие правые, констатировал факт зависимости значительной части тогдашней прессы от международного еврейства[6]. В качестве доказательства

[1] *Будницкий О.* В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и русская революция. – С. 3.

[2] Там же. – С. 4.

[3] Там же.

[4] Там же. – С. 14.

[5] Там же. – С. 4.

[6] Речь Г. Г. Замысловского по законопроектам о мировом и волостном судах (17.05.1912) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия 5. Ч. IV. Заседание 134. – СПб., 1912. – Стлб. 1674.

справедливости утверждения оратора приведем перечень наиболее известных российских газет начала XX в. с указанием имен их издателей: «Речь» (Гессен), «День» (Кугель), «Биржевые ведомости» (Проппер), «Петроградский курьер» (Нотович), «Копейка» (Катловкер), «Всемирная панорама» (Коган) и др.[1]

Отметим, что особое место в думских выступлениях Г. Г. Замысловского занимает характеристика революционных настроений в различных сферах жизни тогдашней России. По его словам, революционная зараза постепенно проникала во все области общественной жизни. И происходило это опять-таки при явном попустительстве властей. Например, в одной своей речи он касается вопроса, связанного с пребыванием осужденных за антиправительственную деятельность на каторге. В связи с этим оратор процитировал доклад комиссии III Государственной Думы № 608 от 1911 г., касающийся существования Нерчинской каторги. В докладе говорилось: «Эти преступники […] с самого начала не были подчинены в порядке содержания действующему тюремному закону и существующим на этот счет инструкциям и состояли на положении, ничего общего с положением ссыльно-каторжных не имеющем; так, напр[имер], ссыльно-каторжные имели свою одежду, белье и обувь, не были закованы в кандалы, – а это категорическое требование закона, имели свой стол, свои лавки, где продавались всякого рода продукты, образовали общества на коммунистических началах, открыто вели собеседования на революционные темы, имели свои библиотеки, в которых находились книги антиправительственного и даже революционного содержания, пользовались сношениями с лицами, находящимися на

[1] См.: *Иванов А. А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). – СПб., 2006. – С. 109.

свободе, причем деньги и корреспонденция свободно передавались из тюрьмы в тюрьму»[1].

Особое место в думских речах Г. Г. Замысловского занимало разоблачение деятельности думских леволиберальных политиков, которые своими деяниями потворствовали росту революционно-экстремистских настроений. Оратор отмечал, что благодаря усилиям этих самых либеральных думских депутатов, а также либеральной прессы (газета «Речь» и др.) постоянно муссируется тема существования правых кружков и правых организаций, в которые входил и сам Г. Г. Замысловский[2]. При этом либералами сознательно формировалось общественное мнение, что именно в этих правых кружках, за кулисами самодержавной власти формировалась внутренняя и внешняя политика Российской Империи, что на деле далеко не всегда соответствовало действительности, ибо, как доказано в последних исследованиях, Император Николай II хотя и прислушивался к мнению правых, но, как правило, принимал самостоятельные решения[3].

---

1 Речь Г. Г. Замысловского о наказании за революционную деятельность (30.01.1913) // Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 15.11.1912 по 20.03.1913). – СПб., 1913. – Стлб. 1225.

2 Речь Г. Г. Замысловского о деятельности думских либералов (04.03.1916) // Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия 4. – Стлб. 1205–3502. Заседания 17–37 (с 09.02.1916 по 15.03.1916). – Пг., 1916. – Стлб. 2781.

3 Подробнее см.: *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда в системе власти Самодержавной России (конец XIX – начало XX в.) // Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – СПб., 2005; *Он же.* Салон князя М. М. Андроникова и система власти Российской Империи // Клио: журнал для ученых. – 2006. – № 3 (34). – С. 127–132; *Он же.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в).; *Он же.* Салон графа Н. Ф. Гейдена в структуре черносотенного движения начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2012. – № 7 (21). Ч. 1. – С. 185–190 и др.

Сочинения Г. Г. Замысловского по вопросу о ритуальных убийствах

Помимо думских речей в настоящем сборнике опубликован ряд публицистических произведений Г. Г. Замысловского, касающихся проблемы ритуальных убийств. Это прежде всего брошюра «Саратовское дело», посвященное ритуальному убийству, совершенному иудеями в Саратове в середине XIX в.

Особо отметим, что, как известно, обвинения евреев в употреблении ритуальной крови были распространены еще с древних времен – с тех пор, когда иудеи в результате разорения Иерусалима римлянами оказались в рассеянии. Практически нет страны и народа (среди которых жили евреи), в истории которых не было случаев обвинений и процессов в ритуальных убийствах[1].

По утверждению следствия, в декабре 1852 г. и в январе 1853 г. иудеи замучили в Саратове двух христианских мальчиков и добыли из них кровь. Расследование этого преступления натолкнулось на множество препятствий. Еврейская общественность делала все, чтобы сформировать общественное мнение в том духе, что обвинение иудеев в «кровавом навете» есть средневековая дикость и мракобесие. Кроме того, представители иудейской верхушки обращались во властные структуры Российской Империи с требованием закрыть дело. На сторону иудеев встали даже департаменты Правительствующего Сената. Когда же дело стало решаться в Государственном Совете, но не в их пользу, то еврейская общественность обратилась непосредственно к Государю Императору.

Шеф жандармов послушно доложил о прошении иудеев Александру II, но Царь самостоятельного решения принимать не пожелал. По его повелению шеф жан-

[1] См.: *Дикий А. И.* Указ. соч. – С. 114–115; *Бейзер М.* Указ. соч. – С. 45.

дармов 8 июня 1860 г. передал ходатайство еврейской общественности председателю Государственного Совета князю А. Ф. Орлову. Уже на следующий день, 9 июня, князь представил доклад Императору по этому вопросу. Председатель Государственного Совета писал, что считает своим долгом «довести до Высочайшего сведения Вашего Императорского Величества, что дело об означенном убийстве уже кончено в Государственном Совете». Ознакомившись с докладом, Царь положил такую резолюцию: «Нахожу ваш взгляд на дело совершенно правильным»[1].

В итоге большинством голосов (22 против 3) 6 июня 1860 г. Государственный Совет вынес такой обвинительный приговор: 1. За убийство в Саратове двух христианских мальчиков «через истязания и мучения» Янкелю Юшкевичеру и Михелю Шлифферману – 20 лет каторжных работ в рудниках. 2. Сыну Янкеля Юшкевичера Федору Урлову – 18 лет каторжных работ в рудниках. 3. Ицку Берлинского, Эздру Зайдмана и сторожа жидовской молельни Янкеля Бермана за участие в убийстве «оставить в подозрении» и сослать на жительство «в места Сибири, не столь отдаленные». 4. Богданова и Локоткова признать укрывателями убийства. По закону за это они должны быть наказаны каторжными работами, но, учитывая их раскаяние, чистосердечные признания и помощь следствию, наказание им Государственный Совет существенно смягчил. Богданова отправили на два года в исправительное арестантское отделение, а Локоткова отправили на два года в рабочий дом. 5. Ивана Крюгера, виновного в недонесении, но также раскаявшегося и давшего чистосердечные показания, – «выслать на жительство в одну из отдаленных губерний». 6. Пристава Вандышева «за подлоги и бес-

1 *Замысловский Г. Г.* Убийство Андрюши Ющинского. – Пг., 1917. – С. 407–408.

порядки по должности» лишить всех прав состояния и сослать на поселение в Сибирь. 7. Работницу в доме Янкеля Юшкевичера Акулину Дмитриеву за ложные показания «отдать на полтора года в рабочий дом». Император Александр II утвердил этот приговор.

В Киеве в 1911 г. было совершено жестокое ритуальное преступление – злодейское убийство русского мальчика Андрея Ющинского, в котором обвинялся иудей Мендель Бейлис. Труп в результате убийства был обескровлен, само убийство носило ярко выраженный ритуальный характер. Бóльшая часть тогдашнего российского общества, особенно либеральные и революционные круги, мнение которых в значительной мере зависело от еврейской общественности, выступила резко против осуждения Бейлиса. Они считали, что весь процесс был сфабрикован представителями судебной власти. Кроме того, местный полицейский розыск под давлением иудейских кругов начал утверждать, что на самом деле мальчик был убит воровской шайкой, возглавляемой Верой Чеберяк (Чеберяковой)[1]. Отсюда – распространенное среди правых обвинение в адрес полиции, что она была подкуплена евреями.

Помимо Г. Г. Замысловского, на Киевском судебном процессе подчеркивали ритуальный характер убийства такие видные консервативные деятели, как московский адвокат А. С. Шмаков, а также ряд сотрудников газеты «Новое время». Также было немало людей среди русской общественности (например, эксперт на суде И. А. Сикорский, прокурор О. Ю. Виппер и др.), кото-

[1] Версия об убийстве Ющинского бандитской шайкой Веры Чеберяк наиболее подробно изложена в работе А. С. Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса» (репр. изд. М., 1996), хотя, по мнению современного исследователя, позицию которого в данном случае никак нельзя признать тенденциозной, Тагер довел свою версию, изложенную первоначально журналистом С. И. Бразулем, до абсурда (подробнее см.: *Степанов С. А.* Черная сотня в России. – М., 1992. – С. 314).

рые чисто теоретически допускали возможность существования среди евреев какой-либо изуверской секты, как существуют изуверские секты (например, скопцы), отколовшиеся от Православной Церкви[1]. Эти деятели отнюдь не считали, что за действие какой-то секты несут ответственность *все* иудеи, однако выявленные непосредственные виновники злодеяния, согласно их позиции, должны понести заслуженное наказание. Среди тех, кто выступал против осуждения Бейлиса, следует отметить националиста В. В. Шульгина, которого за этот шаг соратники обвинили в предательстве.

Члены различных правых организаций выражали свою поддержку обвинителям Бейлиса. Приведем в качестве примера найденную нами в фондах Российского государственного исторического архива телеграмму от группы правых «туркестанцы» в адрес редакции крупнейшей черносотенной газеты «Русское знамя» от 7 ноября 1913 г. Вот ее текст, приводимый полностью, без сокращений (публикуется впервые).

«*Мы не находим слов, чтобы выразить все свое негодование и чувства презрения по отношению содеянного в "Деле Бейлиса" торговым домом "Шульгин, Павлов, Троицкий, Бехтерев и К°", а потому просим занести сие на столбцы своей газеты.*

Шлем привет и искренние пожелания дорогим защитникам христианского долга и России г<осподам> Випперу, Замысловскому, Шмакову, Косоротову, Сикорскому, нашему Туркестанцу О. Пранайтису и др.

Туркестанцы»[2].

На судебном процессе по делу Бейлиса присяжным были заданы два вопроса: о факте убийства и о

1 См.: Экспертиза профессора Сикорского // Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. II. – Киев, 1913. – С. 256; Речь прокурора // Там же. Т. III. – С. 52–53.

2 РГИА. Ф. 786. Оп. 1. Д. 1. Л. 135 об.

виновности Бейлиса; при этом в первом вопросе были объединены подвопросы о самом факте злодеяния, его месте и способе убийства. По данному вопросу присяжные вынесли положительный вердикт. Признавая факт убийства, они также признали, что оно было совершено на заводе иудея Зайцева путем многочисленных ударов колющим оружием в целях обескровливания, т. е. признали *ритуальный* характер злодеяния [2]. По второму вопросу (о виновности конкретно М. Бейлиса) присяжные вынесли отрицательный вердикт. 28 октября 1913 г. в 6 ч. вечера Бейлис был оправдан. Безусловно, на окончательное решение присяжных (о невиновности Бейлиса) повлияло сильное давление либеральной общественности. Тем не менее, несмотря на это, присяжные не смогли отрицать ярко выраженный ритуальный характер убийства.

Несмотря на оправдание М. Бейлиса, факт признания ритуального характера убийства не мог не вызвать удовлетворения в среде правых. Так, приват-доцент Римского права Б. В. Никольский писал в дневнике (запись от 28 октября 1913 г.): «После обеда узнал от Евреинова об оправдании Бейлиса. Тот был в отчаянии, но я сразу почувствовал, что тут что-то не так. И действительно, добившись текста вопросов, я успокоился и даже нахожу, что лучше и быть не могло: Бейлис оправдан, ритуал признан. Жиды, видимо, ликуют, но это ликование плохое. Подумав, они опомнятся. Ведь кассация невозможна. Это даже лучше обвинительного по отношению к Бейлису приговора. Жиды вопили: обвинив Бейлиса, вы обвините всех евреев. Но приговор говорит: на-те, – Бейлис невиновен, но вы-то виновны…»[1].

Кстати, подобная трактовка результатов судебного процесса была распространена и среди простого народа.

[1] РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4б (по новой нумерации – д. 1). Л. 325 об.

Известен факт, что мальчишки-газетчики после оглашения решения суда кричали на улицах Киева: «Бейлис оправдан – жиды обвинены!»[1].

7 ноября 1913 г., сразу после окончания процесса по делу Бейлиса, Б. В. Никольским у себя на квартире был дан обед в честь «героев киевского процесса», т. е. обвинителей Бейлиса. На обеде среди прочих присутствовали: А. И. Дубровин, журналист М. О. Меньшиков из «Нового времени», киевский митрополит Флавиан, прокурор О. Ю. Виппер, министр юстиции И. Г. Щегловитов[2]. Г. Г. Замысловский лично не смог присутствовать на банкете. Однако он получил составленную Никольским от имени присутствовавших на обеде, по их поручению, циркулярную приветственную телеграмму. Такая же телеграмма была направлена прокурору Г. Г. Чаплинскому, следователю Н. А. Машкевичу, экспертам И. А. Сикорскому и Д. П. Косоротову и А. С. Шмакову. Их приветствовали «за благородное гражданское мужество и высокое нравственное достоинство неподкупных и независимых русских людей», за «желание своим сочувствием, уважением и самым горячим сердечным расположением перевесить и покрыть ту ненависть, клевету и яростные нападки, которые расточают против наших доблестных сограждан все темные силы России со своими продажными, преступными или безумными приспешниками»[3]. Вскоре от получателей приветствия, в том числе и от Замысловского, были направлены в Петербург ответные благодарственные телеграммы[4]. По поводу же самого банкета его организатор Б. В. Никольский в дневнике

1 *Дикий А. И.* Указ. соч. – С. 118.

2 Там же. Л. 326–326 об.; *Тагер А.* Указ. соч. – С. 247.

3 Цит. по: *Тагер А.* Указ. соч. – С. 247.

4 Там же. – С. 248.

заметил: «Трата большая, но эффект важный. Больше таких обедов долго устраивать не буду»[1].

Выступая перед депутатами Государственной Думы в связи с Киевским процессом, Г. Г. Замысловский обращал внимание на следующее важное обстоятельство, ранее уже отмеченное нами. Как заявили члены правой фракции Государственной Думы, киевская полиция пошла на поводу у еврейской общественности и стала отрабатывать версию убийства Андрея Ющинского не иудеями, а воровской шайкой во главе с Верой Чеберяк. Однако, отмечал Замысловский, киевское простонародье глубоко уверено, что убийство совершили именно «жиды» в ритуальных целях. В связи с «неправильными действиями чинов полиции г. Киева при производстве дознания по делу об убийстве Андрея Ющинского» правые депутаты инициировали запрос[2]. Они полагали, что чины полиции своими «незакономерными» действиями, по сути дела, возбуждают ненависть и рознь в среде простонародья, толкая его на путь преступления, самосуда. Вот как свою точку зрения объяснял сам правый оратор: «Я скажу больше: я скажу, что рассмотрение запроса необходимо в смысле правильного понимания государственных задач. Русское простонародье Западного края глубоко уверено, что Ющинский замучен жидами для выполнения ритуального обряда, и мое убеждение такое же; на глазах этого русского простонародья полиция всячески старается затемнить дело и выгородить виновников, простонародье это видит, как ускользают евреи от рук правосудия, мало того – оно видит, что и Дума как будто не хочет заняться этим запросом, не хочет по-

[1] РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4б (по новой нумерации – д. 1). Л. 326.

[2] Речь Г. Г. Замысловского о ритуальном убийстве Андрея Ющинского (07.11.1911) // Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 17. – СПб., 1911. – Стлб. 1428.

ставить его на свою повестку и обсудить его так, как оно того заслуживает, не хочет даже выслушать заявления правительства по этому поводу. Господа, вы толкаете это русское простонародье таким поведением на плохой путь, ибо русское простонародье, в конце концов, может извериться во всем и может сказать, что единственное средство против засилья евреев – народная с ними расправа. Не доводите его до этого»[1].

На страницах нашего сборника в сокращении представлены некоторые думские выступления Г. Г. Замысловского на тему ритуального убийства и его выступления перед судом в Киеве, рассматривавшим дело Бейлиса.

Д. И. Стогов

1 Там же. – Стлб. 1438.

ЭКОНОМИКА РОССИИ

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 2. Заседание 26. 03.12.1908. Речь Г. Г. Замысловского о железнодорожном строительстве

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Я сделаю попытку доказать, что и запрос, и вопрос [1] подлежит отвержению. Настоящая стадия рассмотрения дела – это, конечно, стадия формальная; вот почему по существу вопроса я почти ничего говорить не буду и коснусь этого существа лишь в самых общих чертах, чтобы выяснить ту позицию, на которой я стою. По существу вопроса мы, конечно, находим большие недочеты в постройке частных железных дорог с гарантией от казны. Мы находим, что многое в этой области обстоит неблагополучно, что эта область нуждается в коренных реформах, что в этой области совершается целый ряд злоупотреблений и чем скорее на эти злоупотребления будет пролит свет, тем лучше. Но вот тот способ, которым задумали проливать свет, настолько неправилен, что по рекомендованному нам пути мы идти совершенно не можем.

Вносится запрос о незакономерности действий министра финансов, каковые незакономерные действия вы-

разились не в тех или иных злоупотреблениях в постройке частных железных дорог с гарантией, а лишь в том, что министр финансов соответствующие дела вносил не на рассмотрение Государственной Думы, а на рассмотрение Государственного Совета. Вопрос в том, куда должен был вносить эти законопроекты г<осподин> министр финансов, сводится к толкованию п. 6 ст. 69 Учр<еждения> Гос<ударственного> Совета и п. 5 ст. 31 Учр<еждения> Гос<ударственной> Думы. Я допускаю, что п. 6 ст. 69 Учр<еждения> Гос<ударственного> Совета изложен, может быть, в редакционном отношении несколько неясно, неточно и неполно и что такая его редакция допускает толкование в том смысле, что будто бы вопрос о постройке частных железных дорог, раз по ним есть правительственная гарантия, должен рассматриваться не Государственным Советом, а иными учреждениями. Но если некоторая неточность есть в изложении ст. 69 Учр<еждения> Гос<ударственного> Совета, то уже совершенно точна и лаконична ст. 31 Учр<еждения> Гос<ударственной> Думы, именно п. 5; там совершенно категорично сказано, что Государственная Дума рассматривает вопрос о постройке железных дорог лишь в том случае, если эти дороги строятся или казною, или за ее счет. Следовательно, все остальные постройки дорог ведению Государственной Думы не подлежат по точному смыслу ст. 31 и, в частности, не подлежат ее ведению и дела о постройке частных железных дорог, хотя бы по ним и была правительственная гарантия и хотя бы эта правительственная гарантия выразилась даже в точной цифре. Но, г<оспода>, это все вопросы юридического толкования, и пока я на них не настаиваю. Допустим, что то юридическое толкование, которое я даю, совершенно неверно. Но ведь мы здесь рассуждаем не о том или ином толковании, а о незакономерных действиях, а ведь меж-

ду спорным юридическим толкованием и незакономерным действием целая бездна, и вас приглашают внести запрет по ст. 33, которая гласит, что Государственная Дума обращается с запросами по действиям правительства, которые представляются ей незакономерными. Вотируя этот запрос вот сейчас, вы тем самым заявите, что известные действия министра финансов представляются вам незакономерными. Это надо твердо запомнить, ибо такой ваш вотум будет чреват последствиями. Ведь если министр финансов неправильно, незакономерно внес эти дела на рассмотрение Второго департамента Государственного Совета, то в равной мере незакономерно поступил и Второй департамент Государственного Совета, ибо он эти незакономерно внесенные ему дела принял к своему производству. Говоря о незакономерных действиях министра финансов, вы в то же самое время констатируете и незакономерные действия Второго департамента Государственного Совета, а, по-моему, это немыслимо, ибо здесь констатировать незакономерные действия тех членов Законодательной Палаты, которые призваны к сотрудничеству с вами в законодательной работе, никоим образом не приходится. Но этого мало. Попытка расширить права Думы в том смысле, чтобы передать на ее рассмотрение дела о постройке частных железных дорог с правительственной гарантией, уже делалась: она была сделана в I Думе, где в Наказ был внесен § 33 п. 6, который гласит, что «финансовая комиссия избирается для предварительного рассмотрения дел, касающихся финансового законодательства, дела об отчуждении части государственных доходов или имуществ о постройке железных дорог за счет казны или с ее гарантией». Вот текст § 33 Наказа I Думы. Вам известно далее, что этот Наказ Государственной Думы был представлен в Прав[ительствующий] Сенат и Прав[ительствующий]

Сенат некоторые параграфы Наказа признал незаконными. Но, вероятно, многие из вас не знают, что Сенат признал незаконным вот как раз и этот параграф, который я огласил; и указ Сената от 12 июня 1906 г. – вы его можете найти в нашем Наказе на с. 77 – указ, на авторитет которого ссылались здесь не раз, и ссылалась не правая половина Думы, а ссылался центр, этот указ, между прочим, гласит следующее: «Останавливаясь засим на п. 6 § 33, Прав[ительствующий] Сенат не может не признать, что при распределении занятий Государственной Думы между ее комиссиями, в кругу ведомства сих последних могут быть отнесены лишь те дела, разрешение коих предоставлено самой Государственной Думе в силу ее Учреждения. Пункт 6 § 33 возлагает на финансовую комиссию, между прочим, рассмотрение дел по сооружению железных дорог с гарантией от казны. Между тем ст. 331 Учр<еждения>. Гос<ударственной> Думы 20 февраля 1906 г., очеркивая круг ведомства Государственной Думы, из числа дел железнодорожного строительства относит к ведомству Думы лишь дела по сооружению железных дорог непосредственным распоряжением казны и за ее счет. Признавая, что расширение компетенции Государственной Думы в смысле отнесения к ее ведомству дел по постройке железных дорог не только за счет казны, но и с ее гарантией может последовать не иначе как в порядке законодательном, Прав[ительствующий] Сенат находит, что впредь до соответственного в этом порядке изменения п. 6 ст. 31 Учреждения существующая редакция § 33 Наказа является несогласованной с указанной статьей думского Учреждения. Из Наказа II Думы уже эта фраза, не одобренная Сенатом, опротестованная им, была вычеркнута. Итак, господа, мы имеем указ Сената, который разрешает вопрос, что называется, в лоб; но вы можете говорить о том, пожалуй, хотя раньше говори-

лось отсюда другое, что указ Сената для нас не обязателен; пожалуй, но ведь для министра-то он обязателен. Так как же при наличности такого указа можно говорить о незакономерности действий министра, который действовал в точном соответствии с этим указом? Оказывается, что все незакономерно: и министр незакономерно действует, и Второй департамент Государственного Совета незакономерно действует, и Прав[ительствующий] Сенат, это хранилище закона, тоже незакономерно действует; закономерно действуют только 30 человек господ кадет<ов>, внесших этот закон. (*Рукоплескания справа.*) Да, да, таковы мои доводы по вопросу о том, что запрос никоим образом принят быть не может. Но вот тут фронт несколько изменяется. Ну, хорошо, говорят, так мы внесем вопрос. Вот теперь я докажу, что и вопроса тоже внести нельзя. Пункт первый моих доказательств, опять-таки чисто формальных, относится к тому соображению, что комиссия по запросам не имеет ни малейшего права перекраивать и перефасонивать того, что на ее рассмотрение вносят интерпеллянты. Если интерпеллянты вносят запрос, то в пределах их требовательного пункта комиссия и должна оставаться, а перекраивать запрос на вопрос – это значит, с одной стороны, отнимать то неотъемлемое право, которое принадлежит интерпеллянтам, ибо интерпеллянтам, несомненно, принадлежит право, чтобы их требование о запросе было доложено Думе, выслушано Думой и пробаллотировано Думой. Это право от них совершенно незаконно отнимается. Но, с другой стороны, отнимая это законное право от интерпеллянтов, комиссия присваивает себе самой те права, которые, разумеется, не принадлежат ей, потому что ей предоставлено разбираться только в пределах тех просительных пунктов, которые даны уже ей готовыми, даны ей интерпеллянтами, но никоим образом не предоставлено

ей создавать собственных просительных пунктов, потому что на создание собственных просительных пунктов, собственных требований эту комиссию никто не уполномочивал и никто ей на это права не давал, и право такое дать может ей отнюдь не Наказ, а лишь только специальный закон. Это первое соображение. Если запрос перекраивать на вопрос, то ведь затем и вопрос перекроят на запрос, но позвольте – я согласен был спросить правительство, находя, что оно совершенно закономерно поступает, вы же припишете мне, что я как будто хочу упрекать правительство в незакономерных действиях, чего я совершенно не думал делать, – вот к чему ведет это перекраивание. Нужно рассматривать запрос, а не вопрос, и ни в каком случае это перекраивание допускать нельзя. Но если бы вы даже допустили его, если бы вы не стали баллотировать того, что вам предложено интерпеллянтами, а стали баллотировать то, что совершенно неправильно предложено комиссией, то и в этом случае вы должны вопрос отвергнуть, ибо ст. 40 Учр<еждения> Гос<ударственной> Думы совершенно категорически говорит: «Государственная Дума может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельных частей за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемого ею дела». Г<оспода>, ведь здесь вопрос весь в том, что дело Думой не рассматривается, вы и настоящий вопрос вносите о том, почему мы не можем таких дел рассматривать, и, внося вопрос о том, почему мы не можем рассматривать, вы делаете это на основании статьи, которая говорит о том, что вы уже рассматриваете, – это прямой абсурд, абсурд и логический, и грамматический. Вот по этим соображениям, не входя в существо дела и, может быть, даже сочувствуя мысли осветить непорядки частного железнодорожного хозяйства, я нахожу, что, к большому сожалению, г<оспода> интерпел-

лянты избрали настолько неправильный путь этого освещения, что по этому пути следовать Государственной Думе решительно нельзя. *(Рукоплескания справа.)*

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 70. 12.03.1910. Речь Г. Г. Замысловского о расходах по Министерству торговли и промышленности

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Те возражения, которые я слышал от министра торговли и промышленности, вынуждают меня вторично просить о вашем внимании. В речи министра торговли и промышленности было нечто, вполне меня удовлетворившее, но были отдельные части, против которых я должен возражать. Меня вполне удовлетворило то обстоятельство, что министр торговли и промышленности, выступив сюда, возражал только на вторую половину моей речи, на то, что я говорил о Горном институте [1], и не привел ни одного возражения по поводу первой части моей речи, где я говорил о Политехническом институте, указывая ряд фактов, близко подходящих к тем, которые обнаружились в Горном институте[1]. Если министр торговли и промышленности считал необходимым вообще мне возражать, возражал только на вторую часть моей речи, то я из этого делаю вывод, что правильность тех доводов, которые я привел

[1] О студенческих волнениях и финансовых нарушениях в Горном институте подробнее см., в частности: Идейные кассиры. Из истории Горного института Императрицы Екатерины II. Дело по обвинению В. М. Пуришкевича в клевете. – СПб., 1910; Речь В. М. Пуришкевича на заседании Государственной Думы о смете Горного института. 16 марта 1909 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1621. Оп. 1. Д. 28; Речь П. Ф. Булацеля в защиту В. М. Пуришкевича, обвинявшегося в клевете на фондовую комиссию студентов Горного института. 1909 // Там же. Д. 29.

в первой части моей речи, он признал, а это меня глубоко удовлетворяет, ибо если он их признал, то, несомненно, он энергично приступит к искоренению того зла, которое было мною обрисовано. Но по поводу первой части моей речи, того, что я говорил относительно Политехнического института, мне пришлось выслушать несколько возражений со стороны представителей оппозиции, на которые мне попутно тоже хотелось бы ответить. Первое возражение было приведено со стороны члена Государственной Думы Шингарева [2], который говорил, что мы, правые, странные поборники высшей школы, ибо в своих речах мешаем быль и небылицы. Но, г<оспода>, мы все время ждем, чтобы нам здесь сказали, какие именно небылицы мы говорили о высшей школе, и вместо доводов мы слышали крик, стук, треск разбиваемых пюпитров, но ведь доводов, г<оспода>, доводов мы не слышим. (*Голоса справа:* «Браво!».) Те доводы, которые приводит член Думы Шингарев, касаются вопросов третьестепенной, чуть ли не четверостепенной важности. Вы видите, что ораторы, выходящие мне возражать, главные пункты моей речи оставляют без возражений, а базируются на вопросах четверостепенной важности. Когда был основной список ораторов (теперь идет дополнительный список), ни один человек на главные мои обвинения не возражал. Но я не хочу оставить без ответа и тех третьестепенных возражений, которые делал депутат Шингарев. Я утверждал, что в Политехническом институте имеется кафедра основ общественной медицины, которую занимает врач Шингарев и которая не имеет никакого отношения к общему плану преподавания. То, что такая кафедра или не «кафедра», а «курсы» (может быть, в этом депутат Шингарев прав) – существует, – это признано моим оппонентом; что эту кафедру занимает врач Шингарев – это тоже признано моим оппонентом –

это быль, а вот небылица то, что эта кафедра «никакого отношения к общему плану преподавания не имеет». Член Думы Шингарев говорит: нет, и даже сам подотдел немыслим без этой кафедры. Я охотно верю, что член Думы Шингарев, занявший эту кафедру, говорит искренно; ему, может быть, действительно кажется, что без этого предмета сам подотдел немыслим, но ведь член Думы Шингарев сам себя опровергает немедленно тем, что заявляет: подотдел немыслим, но курсы читаются только с настоящего года, а до этого года они не читались. Далее член Думы Шингарев говорит, что он приглашен, я не расслышал, на полгода или год, но не больше, чем на год. Опять-таки, если это такой необходимый предмет, без которого немыслим подотдел, странно приглашать лектора на год, и еще страннее, что, как этот лектор утверждает, он по такому необходимому предмету прочел только несколько лекций. Я согласен, что это объект спора третьестепенной важности, но должен я возражать потому, что мне говорилось о каких-то небылицах, будто бы приводимых с этой кафедры. Точно так же третьестепенное возражение привел другой мой оппонент, член Думы Степанов [3], которому я ответил в свое время. Дальше выступил социал-демократ Кузнецов [4]. Он говорил, что этот фонд, касса взаимопомощи Политехнического института, не находится в еврейских руках, что это будто бы небылица и что в числе членов этой кассы огромное большинство русских и лишь небольшое количество евреев. (**Кузнецов** *с места*: «Членов правления».) Да, членов правления кассы. В этом факте член Государственной Думы Кузнецов очень может быть прав, но я ни разу не утверждал, что правление членов кассы сплошь евреи или что там большинство евреев; этого я не говорил. И то обстоятельство, что там именно много русских, вовсе не исключает того положения, что

фактически касса в еврейских руках, ибо нам известно, что евреи за последнее время усвоили себе такую тактику: вперед, напоказ, они выдвигают русских, но за этими русскими стоят евреи и дергают этих русских за ниточку, а то обстоятельство, что это в отношении кассы взаимопомощи верно, устанавливается фактом, которого никто не опровергает, что эти русские, которые состоят в кассе, пособия выдают евреям. Вот то, что я доказывал, и в этой части я не опровергнут. Я приводил списки, я указывал, что на одном семестре было отказано десяти русским, одному поляку, одному немцу и ни одному еврею, и что по сумме выданных пособий евреи получили больше, чем русские. И вы видите, что оппоненты мои, страшно желая меня опровергнуть, самого главного опровергнуть не могут. Так как я уже начал говорить о Политехническом институте, укажу еще на одно обстоятельство, которое я в первой своей речи пропустил. Я говорил тогда, что профессора жертвуют студенческими интересами ради своих личных выгод, выгод отчасти политических, а отчасти, может быть, и материальных благ; и как на яркий пример этого я указывал на открытие захватным правом трех отделений, открытие, сделанное для того, чтобы снять с себя такую обузу, как студенческое общежитие, по поводу которого профессура ставилась правительством в неблагоприятное для нее положение, т. к. оно требовало от профессуры надзора за этим общежитием. И вот, г<оспода>, обратите внимание на то обстоятельство, что захватное открытие этих трех отделений, прежде всего, страшно понизило учебный и ученый уровень политехникума, ибо раньше в политехникум шли отборные ученики средних учебных заведений, шли лишь те, у кого были круглые пятерки, золотые медали; но когда захватным правом открыли три отделения, то с каждого поступавшего туда студента

брали подписку, что, т. к. отделение может быть в любой момент, даже посреди учебного года, закрыто, и если отделение таким образом будет закрыто, ибо оно существует нелегально, находящиеся на отделениях студенты решительно никаких ни к кому претензий иметь не будут. При таких условиях разве могли идти на эти отделения отборные студенты? Само собою разумеется, нет; само собою разумеется, что лучшие кадры студенчества, привлекаемые в Политехнический институт раньше, теперь от этого института отхлынули. Профессура умышленно понизила высокий учебный состав студентов ради своих политических выгод, ибо открытие общежития либеральному ортодоксализму представлялось неподобающим. Но этого мало. Открытие двух отделений захватным правом, гибельное для студентов, было очень выгодно профессорам и в материальном отношении, ибо вместе с отделениями были открыты лаборатории, а за заведование лабораториями преподаватели получают весьма солидное вознаграждение за каждую лабораторию отдельно. И вот, благодаря этому открытию тот, кто заведовал раньше двумя лабораториями, стал заведовать четырьмя и получать двойную плату. Вы видите, г<оспода>, при сопоставлении интересов профессуры и интересов студенчества, вы видите, как безобразно интересы студенчества приносились в жертву интересам профессуры. Эта профессура выполняет свои либеральные формулы во вред студенчеству и одновременно натравливает его на правительство (**Володимеров** [5] *с места*: «Браво!».) Вот то, что я имею сказать о Политехническом институте. Перехожу к Горному институту. И здесь уже мои возражения будут сосредоточены на том, что говорил г<осподин> министр торговли и промышленности [6]. Он говорил, что преступного бездействия не было, ибо меры принимались, «меры

принимались, лишь только выяснились непорядки», – таково выражение г<осподина> министра; а «выяснились непорядки», говорит он, «в 1908 г.». Г<оспода>, запомните эту дату, и тогда для вас все будет ясно, и будет ясно, что преступное бездействие было, ибо, г<оспода>, непорядки в Горном институте возникли не в 1908 г.; уже в 1903–1904 гг. там была ожесточенная борьба политических партий студентов – представителей левого студенчества, именовавших себя свободомыслящими, и представителей правого студенчества, именовавших себя свобододействующими. Уже в то время левое студенчество, так громко вопящее о вреде сыска и доносов, опубликовало известный проскрипционный список – список тех правых студентов, которые будто бы делают что-то такое неподобающее в отношении левого студенчества, и этот список правого студенчества, заключавший более 100 фамилий, был разослан на все рудники и заводы с призывом к бойкоту, с призывом, чтобы тех, кто помещен в список, подвергали презрению, чтобы их не считали товарищами. Возмущенное правое студенчество потребовало тогда третейского суда, говоря, что ни один из фактов, вменяемых в вину правому студенчеству свободомыслящими, не верен. Этот третейский суд состоялся. Он был произведен лицами далеко не правого направления, и тем не менее третейский суд обвинения правому студенчеству, этим «свобододействующим», вынести не решился. Заседания третейского суда отпечатаны и представляют себой объемистый труд, около 800 страниц мелкой печати, озаглавленный «Из истории студенческих волнений». Опубликовано это издание левым студенчеством, в чем вы можете убедиться, взяв в руки эту книгу и прочитав: «Чистый доход с издания поступает в стачечный фонд». Книжка эта в 1906 г. продавалась совершенно свободно; теперь ее достать довольно

трудно, хотя она у меня имеется. В ней на с. 728 – речь одного из свобододействующих на суде, правого студента Грунвальда *(читает)*: «Горечь всех обвинений, хотя мало обоснованных, а отчасти вовсе голословных, усугубляется для нас еще тем, что во главе наших обвинителей стали наши учителя. От них мы услышали вчера прямо и определенно высказанное обвинение в нравственной слабости и позорном падении». Несколькими строками ниже читаем продолжение речи того же лица (*читает*): «Теперь Иван Петрович – по контексту видно, что это профессор Долбня, – говорит нам, что общество вас уже осудило. Вы послужили темным силам. Когда я шел на суд, я, откровенно говоря, не предполагал, что обсуждение чисто студенческого конфликта благодаря участию профессоров приобретает значение политического процесса исключительной важности. Тот, кто подписывает приговор о нравственном умерщвлении сотни граждан, как то сделали г<оспода> обвинители-профессора, тот, прежде всего, сам обнаруживает, что им руководит лишь злой порыв партийной вражды». (*Голос справа*: «Правильно!».) «Профессора же упрекают нас за то, что мы послужили темным силам, совершили, следовательно, ложный политический шаг. Мне кажется, что уже одно высокое имя профессора должно было бы предостеречь от быстрого осуждения и от желания привить обществу свой взгляд на нас». Вот что удостоверяет отчет, составленный левым студенчеством; вот что говорилось в первых числах 1905 г., когда не было ни В. М. Пуришкевича [7], ни правой фракции, ни даже вообще Государственной Думы. Уже в то время правое студенчество поняло, в чем дело, и утверждало: «Это профессора ведут в институте политику и натравливают на нас массы, ибо, оказывается, этот ужасный проскрипционный список – дело рук профессуры». И дальше вы

слышите вопль другого правого студента на суде: «Они – профессора – лгали обществу, нагло лгали». Это значится в отчете, составленном левым студенчеством, на с. 733. Г<оспода>, все это было в 1905 г., а министр нам говорит, что непорядки выяснились в 1908 г.; а ведь книжка была издана в 1906 г., а самый процесс был в начале 1905 г. Процесс назывался «Коноваловский конфликт», а г. Коновалов [8] состоит товарищем министра торговли и промышленности. Министр говорит уже по поводу возражений слева: «Директора Федорова никто не увольнял, потому что, собственно, директор не был назначен». Г<оспода>, анализ этой фразы тоже приводит к ужасным выводам. Оказывается, профессорский совет выбрал директором профессора Федорова в январе 1909 г.; затем этого директора – фактически он перестал быть директором – в течение очень долгого промежутка времени, больше года, Министерство и утверждало, и не утверждало, оно оставляло известное фактическое состояние: человек был избран, фактически был директором, а Министерство не отстраняло его и не утверждало; поэтому министр был прав, говоря: «Мы никого не увольняли», действительно, они никого не увольняли, потому что никого и не утверждали и, не утверждая, оставляли известное фактическое состояние, и вот вся тактика Министерства в отношении Горного института проникнута эти принципом. Они не легализуют, ибо легализовать нельзя, т. к. это противоречит Высочайшему повелению. Но они оставляют известное фактическое состояние, преступное состояние, революционное состояние. (*Голоса справа:* «Безобразие, верно!».) Дальше министр говорит: «Я написал, и фонд упразднен, я написал, и междусоветская комиссия упразднена»; министр прибавляет: «пресловутая» комиссия. Мне кажется, что для представителя правитель-

ства обязательна большая точность выражений. Комиссия, в которой заседают четыре лица, состоящие на государственной службе, и четыре заведомых революционера, едва ли может быть названа «пресловутой» комиссией; и если, г<оспода>, министр думает, что это только «пресловутая» комиссия, то он ошибается, – это преступная комиссия. (*Рукоплескания справа.*) Ну, г<оспода>, каковы же члены этой «пресловутой» комиссии? Профессор Долбня, Яковлев, Бауман и Никитин, это те самые четыре лица, о которых говорил студент Грунвальд в прочитанном мною процессе. Те самые лица, относительно которых студент Макаров говорил: «Они лгали»; те самые лица, которые подстрекали в 1904 г. студентов, подстрекали послать проскрипционный список на заводы. Тогда этих профессоров для приличия на некоторое время уволили, а затем они были взяты снова, и вот как раз эти самые четыре лица являются членами «пресловутой комиссии», где заседают один представитель от независимых левых, два представителя от эсдеков[1] и один от социал-революционеров. (*Голоса справа*: «Хорошая компания!».) Г<осподин> министр говорит, что резкие слова, которые я бросил с этой кафедры по адресу товарища министра, слова незаслуженные, ибо они основываются только на отдельно выраженной фразе процесса. Г<оспода>, слово это, резкое слово, имеет более глубокое значение, и я бы не позволил себе так легкомысленно это слово бросить, ибо мы, правые, сторонники сильной власти, крепкой власти, и не в наших интересах вообще власть дискредитировать. (*Голоса справа*: «Верно!».) Если я, тем не менее, сказал это, то руководствовался не отдельной фразой, выдерну-

[1] Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), основанная в марте 1898 г. и являвшаяся одной из крупнейших левых, революционных организаций России начала XX в.

той из процесса. Вы видите, г<оспода>, что уже с 1904 г. идет полный развал Горного института, вы видите, что все организации института в руках социалистов-революционеров и социал-демократов, а фондовая комиссия – это учреждение, через которое проходит совершенно бесконтрольно до 65 000 руб. в год, и в институте вывешиваются совершенно открыто резолюции, что надо отчислять известный процент на нужды революции. Все это производится совершенно гласно, об этом печатается в газетах, и г<осподин> министр говорит, что непорядки «выяснились в 1908 г.», а постановление студенческой сходки о революционных отчислениях было в конце 1906 г. Как же явилась эта дата? Как явился 1908 г.? Да очень просто. С одной стороны, по поводу этих 300 тыс. руб., о которых упоминал г<осподин> министр, были сообщения контроля, а с другой стороны, по поводу фондовых безобразий были статьи Пуришкевича. Вот тогда-то и выяснились непорядки, а пока Пуришкевич не стал бить в набат, до тех пор с 1904 г. непорядки не выяснились. И если, г<оспода>, мы говорим резко, то мы завоевали себе это право говорить резко, мы завоевали его дорогой ценой.

В. М. Пуришкевич, имея полную возможность оставаться безнаказанным, ибо за то, что говорится с этой кафедры, к ответственности не привлекают, он нарочно писал в газетах, и его посадили на скамью подсудимых. Три дня он на этой скамье просидел (*голос слева*: «Надо бы 33»; *голос справа*: «Молчите, социалисты!»), и я видел, как он волновался. Поэтому теперь мы говорим: да, мы завоевали это право, ибо те возмутительные непорядки, которые царят в Горном институте, они обнаружены нами, они обнаружены нами ценою дорогих искупительных жертв. (*Голос справа*: «Верно, браво!».) И вот мы заявляем правительству, что мы, правые, же-

лаем точного и определенного ответа. Когда нам говорят, что фонд упразднен и ставят точку, этого для нас недостаточно; фонд упразднен, и кто же заведует теми 65 тыс. руб., которые ежегодно проходят через руки фонда? Действительно ли это дело крепко и властно взяло в свои руки правительство, или здесь идет только известное перекрашивание вывесок: упразднен фонд, но зато учреждена касса взаимопомощи; упразднена касса взаимопомощи, но зато учреждена экспертная комиссия? Мы желаем твердого ответа. Мы желаем знать: уничтожены ли беспорядки Горного института и привлечены ли к ответственности те лица, в отношении которых имеется, несомненно, преступное бездействие власти, в отношении которых тяготеет обвинение: над одними – в совершении растрат и подлогов, а над другими – в попустительстве этим растратам и подлогам. Если правительство действительно желает бороться с этим злом, бороться энергично, то, конечно, мы, правые, всемерно ему поможем; но если это идет перекрашивание вывесок, если это идет отписка, если это идет замазывание зла, тогда мы правительству не помощники. (*Продолжительные рукоплескания справа; шиканье слева.*)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 56. 30.01.1912. Речь Г. Г. Замысловского о купцах-евреях Киева

Председательствующий. Переходим к повестке; п. 1: продолжение обсуждения предложения о рассмотрении в порядке спешности заявления 58 членов Государственной Думы об обращении к министру финансов в порядке ст. 33 Учр[еждения] Гос[ударственной] Думы

с запросом по поводу неправильной выдачи купеческих свидетельств некоторым евреям-купцам г. Киева. За спешность выскажется член Государственной Думы Тимошкин [1].

[…]

Председательствующий. За спешность выскажется член Государственной Думы Замысловский.

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Прежде всего, два слова возражения на юридические доводы члена Государственной Думы Лучицкого [2]. Он говорил, что основание запроса опровергается содержанием ст. 5 прил[ожения] к ст. 68 Уст[ава] Пасп[ортного] и что эту статью он нам прочтет. Прочел он так: «В г. Киеве постоянное пребывание дозволяется евреям на основании следующих правил: 1) евреям-купцам первой гильдии, не опороченным судебными приговорами, не замеченными по делам контрабанды, не содержащимся под надзором полиции, разрешается постоянное жительство в г. Киеве, на общих основаниях, установленных в местах, для постоянного жительства евреев определенных». Здесь член Государственной Думы Лучицкий поставил точку, и вы могли думать, что в этом заключается вся ст. 5, которая опровергает запрос. Но дело в том, что в ст. 5 несколько пунктов, и, прочтя пункт первый, последующих пунктов член Государственной Думы Лучицкий вам не прочел, а между тем в одном из них значится: «Приезжающим в г. Киев на постоянное жительство евреям дозволяется останавливаться и жить в Лыбецкой и Плоцкой частях, в других же частях дозволяется им временное пребывание не иначе как с разрешения главного местного начальства». Таков, по-видимому, профессорский способ цитировать: читают п. 1 ст. 5, а тот другой пункт, которым ограничивается этот п. 1, не

читают. (*Голос справа*: «Известно – иезуитская партия»; **Захарьин** *с места*: «Это – квартирная часть!».) Но самое главное в том, что пункт ст. 5, на которую ссылается член Государственной Думы Лучицкий, говорит о *проживании*[1], но не о *праве торговли*[2], а проживание и право торговли – две разные вещи. (**Нисселович** *с места*: «А купцы торгуют».) Не волнуйтесь, Нисселович, я вам сейчас это выясню. Вот если бы мы внесли запрос о том, что различные купцы из черты оседлости – виленские, гродненские, минские, могилевские – приезжают в Киев и живут там целый год, то такой запрос можно было бы до известной степени отвести ст. 5, но мы говорим совсем не об этом, а о том, что незаконно евреям-купцам дозволяют приписываться к киевскому купечеству, приобретать право торговли, гильдейские права – права купцов первой гильдии; это совсем не то, что право проживания, а гораздо большее. Об этом праве торговли, праве приписываться в число купцов, не состоя раньше купцов в черте оседлости, ст. 5 ничего не говорит, а ст. 12 постановляет совершенно категорически: если хочешь приписаться к купцам не в черте оседлости, то изволь пробыть 5 лет купцом в черте оседлости. Вот непоколебимое основание запроса, не поколебимое нисколько, не опровергаемое ст. 5, которая говорит о законе сепаратном. (*Голоса справа и в центре*: «Совершенно ясно, верно!».)

Перехожу к основаниям спешности. Я уже в пятницу, в первой своей речи, говорил вам, что спешность надлежит принять, ибо русская торговля разоряется в Киеве под напором еврейского капитала. Теперь эту свою мысль я позволю себе осветить с несколько иной точки зрения: Министерство финансов в лице конторы

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[2] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

Киевского Банка всемерно против выселения (**Нисселович** *с места*: «Вот где собака зарыта!») евреев из г. Киева, ибо выселить их – значит немедленно обнаружить ту колоссальную Панаму, которая происходит в Киевской конторе Государственного Банка. (*Шум слева.*) Я вам это докажу документально. (**Шингарев** *с места*: «Привлекут за клевету».) Если окажется, что я сообщаю ложь... (*Шум слева.*)

Председательствующий. Прошу соблюдать тишину.

Замысловский. Итак, я говорю: сегодня выселяют из Киева евреев-купцов первой гильдии, завтра раскрывается колоссальная Панама в Киевской конторе Государственного Банка. Дело в том, что влиятельные служащие этого Банка успели зарваться в области мошеннических афер и азартных спекуляций так, что они уже слились в тесный клубок и одной аферой стараются покрыть убытки по другой афере. Пока эти аферисты и спекулянты в Киеве, до тех пор из неиссякаемого источника Государственного Банка можно эти аферы так или иначе прикрывать, но когда эти евреи-аферисты будут выселены, все аферы немедленно же будут разоблачены. (*Шум слева*; **Аджемов** *с места*: «Где же доказательства?».) Я вам сейчас приведу доказательства.

Председательствующий. Покорнейше прошу без переговоров.

Замысловский. Я хорошо понимаю вашу страстность в вопросе защиты еврейства. (*Голос справа*: «Это ясно; браво, Замысловский»; *шум слева*; *звонок председательствующего.*) Несмотря на эту страстность, соблюдайте хоть элементарное приличие; ведь на вашем знамени написано: «Свобода слова». (*Рукоплескания справа*; **Крупенский** *с места*: «Молодец, Замысловский!»; *шум слева.*) Г[осподин] Шингарев, дайте мне говорить, пожалуйста.

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский, прошу вас без обращения к личностям. (*Шум слева*; **Крупенский** *с места*: «О жидовских деньгах заговорили, они и взбесились».)

Замысловский. Я понимаю, что вам нельзя сидеть спокойно. От вас требуют… (**Аджемов** *с места*: «А от вас что требуют?».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Аджемов, покорнейше прошу вас не обращаться к оратору и быть потише.

Замысловский. В правой печати появилась весьма обстоятельная статья под заглавием «Оргии в Киевской конторе Государственного Банка», и хотя журнал, поместивший статью, было гораздо легче привлечь за клевету, чем членов Государственной Думы, но, тем не менее, за эту статью никто обвинения в клевете не возбуждал и даже данных, которые заключались в статье, не опровергал, да и трудно было бы опровергать. (**Нисселович** *с места*: «Потому что нуль внимания».) Несколько лет производится судебное расследование о миллионных делах Якова Эпштейна, о колоссальном предприятии товарищества Романовских свеклосахарных заводов. Дело это уже прошло через администрацию, прошло через конкурс и через уголовный суд. (**Нисселович** *с места*: «Нет, здесь еще не прошло».) Ну, проходит в значительной мере (*смех слева*), а некоторые его стадии уже прошли, напр[имер], обвинительный акт о юрисконсульте Киевской конторы Государственного Банка Финне уже утвержден. (**Нисселович** *с места*: «Он-то вам и сообщает эти сведения»; *шум*.)

Председательствующий. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Замысловский. Итак, г<оспода>, оказывается, что Эпштейном было выпушено бронзовых векселей, т. е.

векселей безденежных, фиктивных, на 1 205 000 руб. Так как главным кредитором Эпштейна состоит Киевская контора Государственного Банка, то вы понимаете, что этот акт явно направлен в ущерб казне, это мошенничество против интересов казны. Между тем, выяснено, что в операциях по этому выпуску фиктивных векселей на 1 205 тыс. руб. принимал участие юрисконсульт Киевской конторы Государственного Банка присяжный поверенный Финн. Вправе ли я говорить после этого, что там происходит Панама? Я вам оглашу буквально то, что имеется в актах судебного расследования: «Не желая ссориться с управляющим Киевской конторы Государственного Банка Афанасьевым, Яков Эпштейн возвратил ему бóльшую часть вышеуказанных векселей (**Нисселович** *с места*: «Все возвращены») под условием урегулирования его, Эпштейна, дел». Вы видите, как служащие Государственного Банка от аферы затягиваются в прямое преступление: сначала они покровительствовали евреям-аферистам и спекулянтам, ибо это хорошо влияло на обороты Банка, но аферисты и спекулянты очень быстро от аферы перешли к прямому преступлению, и вы видите, как следом за ними идут и служащие конторы Государственного Банка: управляющий конторой узнает о фиктивных векселях на огромную сумму, и что же он делает? Вместо того чтобы сообщить прокурору и требовать, чтобы лицо, выпустившее бронзовые векселя, немедленно было взято под стражу, оно его призывает, начинает с ним разговаривать и просить его, чтобы бóльшая часть векселей была передана ему, Афанасьеву, а тот соглашается на это под условием, что Афанасьев урегулирует его дела. Хорош управляющий Банком, который регулирует дела человека, выпускающего бронзовые векселя в явный подрыв государственному кредиту. (**Гегечкори** *с места*: «Откуда это известно?».) Меня спрашивают, откуда это

известно. Это известно, во-первых, из статьи «Оргия Киевской конторы Государственного Банка». (**Гегечкори** *с места*: «Это вы ее написали?».) Статья эта мне не принадлежит, о ней я узнал сравнительно недавно, она была помещена в журнале «Прямой путь». (*Возгласы слева*: «О-о-о!») Позвольте, г<оспода>, я удовлетворю ваше любопытство, не беспокойтесь. Только минутку терпения. (*Шум слева.*) Член Думы Милюков, ведь вы же специалист по Финляндии.

Председательствующий. Покорнейше прошу не обращаться к отдельным членам Государственной Думы.

Замысловский. Далее. Сообщаемое мне известно из так называемых докладов акционерам «товарищества Романовских сахарных заводов», составленных группою этих акционеров. Когда акционеры увидели, что их разоряют бронзовыми векселями и мошенническими махинациями, то они выступили с рядом печатных докладов. В докладах этих заключается то, о чем я говорю. Наконец, многое известно мне также из личных расспросов в Киеве, где я был две недели тому назад. Итак, Эпштейн выпускает на 1 205 000 руб. бронзовых векселей, а управляющий конторой Киевского банка говорит: «Дайте мне их, а я урегулирую ваши дела». Что же делает в это время юрисконсульт конторы Банка Финн? Он советует Эпштейну: «Без вознаграждения вы этих бронзовых векселей не выдавайте, вы устройте так, чтобы за эти бронзовые векселя вы получили от Банка все-таки известное вознаграждение». В докладах, на которые я только что сослался, помещена любопытная справка, озаглавленная так: «Счет суммам, извлеченным из средств товарищества Романовских сахарных заводов, конкурсного управления по делам Эпштейна, полученных от членов семьи Эпштейна юрисконсультом Киевской конторы Государственного Банка при-

сяжным поверенным Финном и директором той же конторы А. М. Тараниным за время с 15 марта 1906 г. по 24 сентября 1909 г.». Идет подсчет сумм, и под ними итог – 200 тыс. руб. Вот сколько, как это значится в печатном докладе, выкачали из администрации по делам Романовского товарищества г<оспода> служащие Государственного Банка. Далее в докладе значится: «За то же время Государственный Банк в счет причитающихся ему от Романовского товарищества сумм получил около 60 тыс. руб.». Там 200 тыс. руб, а здесь 60 тыс. руб.! Всему Киеву известна история с большой партией сахара в 330 тыс. пуд[ов], которая был отправлена сначала в Данциг, а потом оказалась испорченной, не годной для заграничной приемки, и была возвращена в Россию и сбыта заводу Кенига в Петербурге. Партия принадлежала товариществу Романовских заводов, и здесь опять-таки, в прямой ущерб казне, Эпштейн и юрисконсульт Киевского Банка Финн, поехав в Петербург, выговорили себе у Кенига куртаж по 5 коп. с пуда, а при количестве 330 тыс. пуд[ов] это составляет довольно солидную сумму. Вот что, опять-таки буквально, мы читаем по этому поводу в актах судебного расследования: «В разговорах с Эпштейном Финн неоднократно говорил, что не заработать 25–30 тыс. руб. на таком деле прямо грешно. (*Смех справа.*) И что Государственный Банк – главный кредитор Романовских заводов – не обеднеет, если на его долю придется на несколько десятков тысяч рублей меньше». Добавлю, что Финн в 1906 г. был редактором радикальной, почти революционной газеты «Киевское слово» и, по-видимому, своим радикализмом покорил сердце управляющего Киевской конторы Банка Афанасьева. (*Смех справа.*) Когда возник вопрос об объявлении Эпштейна несостоятельным должником, то Финн в явный ущерб казне стал предпринимать ходы, дабы

такое объявление несостоятельным было отсрочено. В актах судебного расследования имеются данные, что к Финну был подослан Эпштейном некий Аарон Лурие и Финн запросил с него 30 тыс. руб. за то, чтобы несостоятельность Эпштейна была отсрочена. Не доверяя друг другу, Лурие и Финн составили о сем письменный договор, правда, на подставное лицо – на иудея Шпигеля, но в черновике договора были найдены пометки, сделанные рукой г. Финна. Вот что происходит, г<оспода>, в Киевской конторе Государственного Банка, и все это страстно хочет прикрыть член Думы Лучицкий, в других случаях так охотно выступающий с разоблачениями о незакономерных действиях правительства! В настоящее время все дело Романовских сахарных заводов сдано в аренду некоему Иенни. В докладе про него пишут, что он приобрел благоволение Афанасьева тем, что покрыл растрату, совершенную одним из служащих Киевской конторы Государственного Банка. Правда, Иенни состоит владельцем машиностроительного бердичевского завода «Прогресс», но сведущие люди утверждают, что хотя он и числится таковым, но материальное положение его вовсе не столь блестяще, чтобы ему передать в аренду огромное свеклосахарное дело. Заканчиваются доклады такой фразой: «Если бы слухи об уходе Афанасьева оправдались и Афанасьев покинул бы свой пост, то банкротство Иенни, полный разгром Романовского товарищества и потеря Киевской конторой Государственного Банка всех вложенных в Романовское товарищество денег – вот тот адрес, который поднесут г. Афанасьеву в день ухода его из Банка сотрудники его и товарищи, присяжный поверенный Финн и статский советник Александр Таранин». (Цитирую по докладу от 16 июля 1911 г.) Я уверен, г<оспода>, что после изложенного мною, после этих документаль-

ных данных никто не будет отрицать той Панамы, которая происходит в конторе Киевского Государственного Банка. (*Голоса справа*: «Верно!».) Банк зарвался в сношениях своих с аферистами и спекулянтами, а когда дела этих аферистов и спекулянтов начали лопаться, то, чтобы как-нибудь прикрыть аферы, пришлось прибегнуть к прямому преступлению. Государственный Банк так втянут во все это дело, так тесно все переплелось, что он не может порвать своей связи с этими аферистами и спекулянтами. Тут уже все перемешалось: неизвестно, где кончается маклер, где начинается адвокат и где этот адвокат переходит в юрисконсульта Банка; неизвестно, где кончается комиссионер и начинается директор конторы Банка. Вот что происходит в Киеве, а отсюда понятна та страстность, с которой Киевская контора Государственного Банка отстаивает проживание незаконно поселившихся в Киеве евреев; ясно, что дать их выселить – это значит обнажить то, что в Киеве происходит, а теперь есть хоть какая-нибудь надежда все это прикрыть. Такова, г<оспода>, истинная подкладка настоящего запроса. Вы можете отмалчиваться от запросов, покуда они касаются только евреев, но когда дело идет прямо о мошенничестве, о воровстве, о расхищении государственного достояния, то здесь, мне кажется, отмалчиваться вам нельзя. (*Рукоплескания справа.*) Вы не можете, вы не имеете права хоронить подобных вопросов: если вы будете их хоронить, то скоро вы похороните и вашу политическую репутацию. (*Рукоплескания справа.*)[1]

---

[1] Данный запрос усилиями либерального, проеврейски настроенного большинства Государственной Думы не был признан спешным, он был отклонен большинством: 104 голоса против 74 и был передан в комиссию по запросам (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия 5. Ч. II. Заседания 42–83 (с 10.01.1912 по 03.03.1912). Заседание 56. – СПб., 1912. – Стлб. 1124).

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 1. Заседание 46. 14.05.1913. Речь Г. Г. Замысловского о бюджете на 1913 год

Председательствующий. Переходим к п. 1 повестки[1]. Член Государственной Думы Замысловский.

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Из двух обширных речей, произнесенных г<осподином> министром финансов, мое главное внимание привлекает первая речь, а именно те выводы, которыми она кончилась. На второй речи я остановлюсь очень мало, потому что она носила полемический, я бы даже сказал, узкополемический характер, и, следовательно, если на нее будут возражать, то те лица, которых коснулась эта полемика. Я о ней скажу только несколько слов. Как я уже упомянул, здесь было много полемики ради полемики. Г<осподин> министр финансов старался сразить своих оппонентов сначала шутками, насмешками и, я бы даже сказал, балагурством. Он, напр[имер], рассказал, оппонируя левому оратору Коновалову, о германской выставке, где продавались шерстяные зайцы. Эти зайцы вкладывались в аппарат, поворачивалась ручка, и из аппарата выскакивали уже не зайцы, а шляпы. Вот те приемы полемики, которые возбуждали наш смех и били по тому оратору, против которого эта полемика была направлена. После тех шуток, которыми г<осподин> министр сражал своих оппонентов слева, он перешел к оппонентам справа. Здесь в его речи следует отметить одно место, которое произвело на меня сильное впечатление. Он сказал буквально следующее: «30 мил-

1 Продолжение обсуждения доклада бюджетной комиссии по государственной росписи доходов и расходов на 1913 г. – *Примеч. сост. Стенографических отчетов*.

лионов торговому дому Лазаря Полякова [1] я не выдавал, они были выданы гораздо раньше, тогда, когда я никакого влияния на финансы страны не имел. Они были выданы, г<оспода>, я открыто говорю это с кафедры, – не в угоду Полякову, а по настойчивому требованию того, кто погиб в Москве, может быть, за то, что относился крайне резко и враждебно к еврейскому элементу в Москве, – Великого князя Сергия Александровича». Эта часть речи В. Н. Коковцова [2] меня чрезвычайно поразила. Мне, прежде всего, представлялось непонятным, зачем понадобилось после всех этих шуток о зайцах и шляпах, из-за полемики о делах Лазаря Полякова тревожить память Великого князя, погибшего ужасною смертью, так сказать, прикрываться его именем, ибо ведь все-таки распоряжение о выдаче 30 млн. руб. было сделано не Великим князем; сама выдача, надо полагать, была произведена тогдашним министром финансов гр<афом> Витте [3], а распоряжение о выдаче последовало или от того же министра финансов, или от Государя Императора. Далее, внимание останавливается на этом признании, что Великий князь погиб жертвою еврейства, и, наконец, удивил меня тот оттенок, оттенок осудительный, которым было охарактеризовано отношение Великого князя к евреям. Председатель Совета Министров заявил, что Великий князь относился к ним «крайне резко и враждебно», занимая, однако, тот высокий государственный пост, который требует спокойного и ровного отношения. Есть, г<оспода>, пословица: «Ради красного словца не пощадит и родного отца». Мне кажется, что наш впечатлительный министр ради успеха этой личной полемики не пощадил в данном случае тех чувств и тех воспоминаний, которые требовали бы, казалось, крайне бережного к себе отношения. (*Справа рукоплескания и голоса*: «Совершенно верно!».) Вот то немногое, что я хотел отметить

в отношении второй речи министра финансов, носившей этот раздражительный полемический характер и посвященной в течение трех часов иногда даже чрезвычайно мелким спорам с теми оппонентами, которые, видимо, уязвили его самолюбие. Гораздо существеннее те выводы, к которым пришел министр финансов в своей первой речи. Он сказал нам в конце ее, что необходимо во что бы то ни стало поддерживать бюджетное равновесие и воздерживаться от займов. Конечно, вообще говоря, это бесспорная истина, это труизм[1]. Само собою разумеется, что желательно, дабы расходы не превышали доходов и дабы займы не были заключаемы. Это столь простая истина, понятная всякому, что о ней нечего говорить. Если министр финансов, тем не менее, о ней говорил, ее подчеркивал и даже ставил ее своим лозунгом, своим девизом, то, очевидно, он говорил об этих общеизвестных вещах не в обыкновенном, а в некоем особенном смысле. Само собою разумеется, что при такой трактовке дела он и бюджетное равновесие, и воздержание от займов ставил нам в виде некоего категорического императива, в виде такого абсолютного требования, которому все и вся должно быть принесено в жертву, перед которым должны отступить все другие требования, все желания, все потребности. И вот при такой постановке вопроса, при такой трактовке этого бюджетного равновесия и воздержания от долгов, я думаю, что это лозунги весьма сомнительного достоинства. Вам уже были указаны в предшествующих речах некоторые тому примеры. Вам приводилось, напр[имер], состояние ипотечного дела, где в значительной мере орудуют частные ипотечные банки, действующие по преимуществу в еврейских руках. Вам, г<оспода>, было указано, что заемщики этих банков, т. е.

[1] Существительное, образованное от слова *true* (фр., англ.) – правда, истина.

русские землевладельцы, заплатили весьма большие суммы, исчисляемые десятками миллионов, помимо процентов на занятый капитал и помимо погашения этого капитала заплатили по всяким пеням, по операционным расходам, расходам по управлению и т. д. – все это пошло в руки частных коммерческих банков, в руки этого акционерного, большею частью еврейского, капитала и чрезвычайно отяготило наше русское землевладение. Спрашивается: почему же это ипотечное дело не было взято в руки самого правительства, ведь тогда случилось бы одно из двух: или оно отказалось бы от этих крупных пеней, от этих вздутых расходов по управлению и операционных и этим облегчило бы положение русских землевладельцев, или если бы правительство от этих расходов не отказалось, то хотя положение землевладельцев было бы по-прежнему тяжелое, но, во всяком случае, все эти миллионы от пеней, от управления, от операционных расходов – они бы остались в кассе государства, и государство, затратив сравнительно небольшой капитал, но, конечно, капитал, который ему пришлось бы взять путем известного позаимствования, оно приобрело бы солидную ценность, хороший процент и помогло бы русскому землевладению. Вот тот пример, который показывает, что это воздержание от займов во что бы то ни стало есть принцип, который можно очень и очень оспаривать. Вам были приведены и другие примеры; было сказано, напр[имер], что оборудование портов стоит всего-навсего 90 млн. руб., но этих денег не дают из опасения обременения бюджета, а ежегодные портовые расходы вследствие необорудования портов достигают 50 млн. руб. Вам было далее сказано, что не находится сравнительно небольших денег на шлюзование днепровских порогов, а убытки, причиняемые населением оттого, что эти пороги нешлюзованы, достигают по сравнению с тем капиталом,

который надо было бы затратить, колоссальных цифр. А еще далее – область нашего железнодорожного строительства. Вы видите, как в этой области правительство воздерживается от постройки своими средствами и за свой счет новых железнодорожных линий: оно строит лишь те линии, которые совершенно бездоходны, на которые не найдется частных предпринимателей, но которые нужны государству по соображениям или стратегическим, или колонизационным, вроде, напр[имер], Амурской дороги, а остальные линии все переданы для постройки обществам частных железных дорог; строятся, следовательно, на акционерный капитал, акционерами же являются банки, – это признал и министр финансов, следовательно, опять-таки все эти постройки находятся главным образом в еврейских руках. Но что же делает правительство? Оно гарантирует эти постройки, оно ручается перед кредиторами за то, что должники будут исправными плательщиками. Если предшествовавшие примеры показывали нам сомнительность того принципа, который был выставлен министром финансов, то эти случаи указывают, мне думается, на полную неразумность этого принципа. В самом деле, представьте себе человека, который ставит своим девизом никогда не подписывать векселей: он сокращается в своих расходах, не производит различных полезных издержек, но все-таки он выдерживает этот девиз – векселей он не подписывает; и мы должны сказать, что, может быть, здесь есть ошибка, но во всяком случае самый принцип довольно почтенный. Но представьте себе, что тот, кто во что бы то ни стало не желает подписывать векселей, одновременно щедрой рукой ставит бланки на векселях, которые выдают его добрые знакомые, – тогда вы уже прямо скажете: такой человек действует неразумно, ибо он не получает того, что получает векселедатель, не получает суммы

долга, не получает занятых денег, но в то же время несет в полной мере ответственность по всем этим долгам. Не такова ли в данном случае практика нашего правительства? Министр финансов выдвигает нам как девиз воздержание от новых займов, соблюдение бюджетного равновесия, и в то же время ставит правительственный бланк на предприятия, весьма доходные, если нет злоупотреблений, и необходимые государству, т. е. ручается по чужим долгам, несет по ним ответственность, не получая от этих займов никакой прибыли, никакого дохода. Вот, г<оспода>, почему эти принципы представляются нам крайне сомнительными. Они ведут на практике, как уже и было сказано, к поощрению главным образом спекулянтов в ущерб и потребителям, и производителям. Но когда член Думы Н. Е. Марков развивал теорию о том, что наш Государственный Банк покровительствует вот этим спекулянтам в ущерб государственным интересам, народному хозяйству, то случилось весьма странное недоразумение. На Н. Е. Маркова было объявлено своего рода «слово и дело», было сказано, что он шельмует весь торгово-промышленный класс России, что он отрицает заслуги этого класса и требует, я не знаю, чуть ли не его уничтожения. Сюда на кафедру появился член Думы Ростовцев [4], принадлежащий к фракции октябристов. Мы ожидали речь лидера консервативной конституционно-демократической партии Львова [5], он был записан в очередь, но, по-видимому, уступил место представителю октябристов, Ростовцеву. Мы ожидали фракционные речи по бюджету, но вместо этого услыхали негодование по поводу того, что будто бы Марков-второй [6] опорочил весь торговый класс. Еще раньше член Государственной Думы Ростовцев то же самое говорил на торгово-промышленном съезде и говорил еще в более резких выражениях. Он начал там свою речь, согласно стено-

грамме съезда, так: «Как там ни говори, какая бы эта Государственная Дума ни была, но трибуна ее открыта для всего народа, для всех газет». Прежде всего, довольно странная трактовка Думы со стороны представителя фракции, которая все-таки и теперь говорит, что она «руководящая»: «Как там ни говори, какая бы Государственная <Дума>ни была…». Но вот дальше еще любопытнее: «Я бы лично предложил съезду торговли и промышленности обратиться к министру торговли и промышленности, чтобы он считал долгом с трибуны заявить, что не все биржевые комитеты, которые пишутся под его инициалами М. Т. П., не все мошенники и воры (*смех справа*), пусть он нас обелит с той же трибуны Государственной Думы». (*Аплодисменты съезда.*) Прежде всего, странный способ обращаться к министру, чтобы он обелил вот эти биржевые комитеты. Это опять та впечатлительность, которая роковым образом сказывается, как только дело доходит до министра финансов, как только люди становятся к нему в известное приближение. Член Думы Ростовцев, заняв место лидера консервативных конституционалистов Львова, говорит, находясь в несомненной близости к интересам Министерства финансов, – и сразу же обнаруживает эту чрезвычайно странную впечатлительность. Ведь сами же октябристы принадлежат к тем политическим партиям, которые жалуются все время на стеснение общественной самодеятельности; они говорят: дайте нам самим работать в этой области, мы сами справимся. А вот единственный их представитель, который говорил по бюджету, он на торговом съезде заявляет: нет, бежим скорее к министру и его будем просить, и он нас будет обелять. Да, единственный, потому что уважаемый М. М. Алексеенко [7] говорил как председатель бюджетной комиссии и как докладчик. Я сомневаюсь, чтобы в одном лице можно было совмещать и докладчика, и

фракционного оратора. С одной стороны, нам говорят, что правительство давит, что оно стесняет всякую самодеятельность, а с другой стороны бегут к этому же правительству с жалобами на членов Думы, которые позволили себе сказать что-то непочтительное и не понравившееся известной организации. Но, помимо такого весьма оригинального способа воздействия, ведь член Думы Ростовцев не прав и по существу. Против торгового класса как такового решительно никто ничего не говорил. Само собой разумеется, что развитие торгово-промышленного класса – правильное, здоровое его развитие – так же нужно государству, как развитие и дворянства, и крестьянства, и вообще всех здоровых классов и сословий. И дело вовсе не в этом, а в том, что в данном случае торгово-промышленный класс подменивается спекулянтами, у которых интересы совсем не те, как интересы здоровой торговли. Солидный торговый дом, он, прежде всего, думает о том, чтобы наладить здоровый кредит, чтобы добросовестно обращаться и с покупателями, и с поставщиками. Вот интересы здорового торгового класса. И совсем иначе действует спекулянт, в особенности из еврейского племени. Он норовит достать денег для оборотов, потому что собственного у него почти ничего нет. Эти деньги, как мы доказывали и будем доказывать, ему предупредительно дают государственные кредитные учреждения или частные банки, которые опять-таки кредитуются от этих государственных кредитных учреждений. И вот, получив таким образом ссуду, спекулянт идет, что называется, “va-banque”[1], идет на

[1] Ва-банк (фр. va banque) – в карточных играх ставка игроком всех денег, имеющихся в его распоряжении. Остальные игроки должны либо также поставить все имеющиеся деньги, либо пасовать, в результате чего выигравший забирает весь банк, а остальные игроки теряют все. Употребляется чаще в словосочетаниях: «пойти ва-банк», «играть ва-банк» и т. п. В переносном смысле означает действие, сопряженное с крупным риском.

то, чтобы или проиграть – тогда его объявят несостоятельным, но ему в конце концов от этого ни жарко, ни холодно, или уже на выхваченную ссуду нажить колоссальные деньги, хотя бы путем обмана и производителей, и потребителей. Вот что такое спекулянт, вот про кого мы говорим: его никоим образом нельзя отождествлять с торговым классом. Здоровому торговому классу мы всячески желаем процветания и развития, а с такими спекулянтами государство должно бороться, потому что они, прежде всего, подрывают интересы именно торгового класса, а государство вместо того, чтобы бороться, их-то именно и поощряет, их-то именно и культивирует, их-то именно и разводит чрезвычайно легкой выдачей ссуд именно такого рода лицам. В этом отношении мы вам приводили целый ряд примеров. Я напомню, что еще в III Думе нами был внесен запрос, касавшийся возмутительной деятельности конторы Киевского Государственного Банка, и лица, стоявшего во главе этой конторы, Афанасьева. Запрос этот не попал на думскую кафедру, ибо тогда не пропускали ни одного запроса, не желательного еврейству, но, во всяком случае, комиссией этот запрос был принят, был признан правильным. И вот мы видим, что министр финансов в своей полемике останавливается даже на мелочах, он останавливается на том, что оратор сказал «частью», хотя в действительности он сказал «к счастью», а стенографистки ошиблись. Он останавливается на отдельных возгласах с мест, чуть ли не на запятых, а вот о таком капитальном вопросе, как хищения в конторе Киевского Государственного Банка, он не считает нужным ничего говорить. Ведь после нашего запроса что же появилось? Было одно интервью в вечерней газете с управляющим Государственным Банком Коншиным, основанное на том, что для Банка, как он говорил, если правильно передает интервьюер, «несть ни эл-

лин, ни иудей», и другое интервью в «Киевской мысли» Афанасьева, где, если опять-таки правильно передает интервьюер, Афанасьев говорит, что он не привлекает члена Думы Замысловского за клевету только потому, что вообще принципиально против привлечения депутатов за клевету, ибо считает их безответственными. Спрашивается: зачем же Афанасьеву идти таким сложным и трудным путем привлечения депутатов, когда все, что я говорил, были цитаты из повременных изданий, которых привлекать за клевету очень просто, и, однако, ни одно из этих повременных изданий привлечено за клевету не было? Вот и все те ответы, которые мы получили от правительства по такому капитальному вопросу, по вопросу о хищениях и спекуляциях в такой конторе Государственного Банка, которая по своим оборотам является чуть ли не первой или во всяком случае одной из первых. Мы тогда указывали на ту роль, которую играет в этой конторе не кто-нибудь, а юрисконсульт конторы Финн, лицо должностное, занимающее довольно высокий сравнительно класс должности. Говорилось о том, что Киевская контора кредитовала общество Романовских свеклосахарных заводов в сумме 705 тыс. руб., но это общество, носящее такое громкое и благозвучное название, в действительности заключалось в спекулянте Эпштейне, который не замедлил обанкротиться; 705 тыс. руб. увязли в этом предприятии; была назначена администрация, которою орудовал юрисконсульт Киевской конторы Государственного Банка Финн. Мы тогда указывали на историю с продажей партии данцигского сахара, испорченного и подмоченного, приемки которого добивались ухищрениями весьма некрасивого свойства, вследствие чего Финн и несколько других лиц были преданы суду за растрату, за растрату не должностную, а по ст. 1681 Улож[ения] о Наказ[аниях]. Я считаю нужным огласить

нечто из этого процесса, но должен оговориться: меня, может быть, упрекнут в том, что я скрываю некоторые данные, – поэтому я начну с них. Процесс закончился тем, что Финн и другие подсудимые были оправданы присяжными заседателями по обвинению в растрате (*голос слева:* «Так о чем же говорить?»), но это нисколько не умаляет значения происходившего в смысле картины тех порядков, которые господствовали в Киевской конторе Государственного Банка, тем более что у того же Финна есть другие дела, по которым он привлечен в качестве должностного лица, и, насколько мне известно, – очень жаль, если я ошибаюсь, но я говорю вполне добросовестно, – эти дела еще разрешения не получили, а по поводу того процесса, который я упомянул, вышла брошюра: «Яков Борисович Эпштейн, Киевская контора Государственного Банка и присяжный поверенный Вильгельм Финн». Читаю из нее: «На скамью подсудимых посажено лицо, занимавшее весьма ответственный пост в крупной конторе казенного банка, лицо, которому управляющий этой конторой считал возможным доверять очень сложные операции. Кроме того, процесс начал вскрывать такие любопытные факты, обнаружил такие стороны управления этого громадного кредитного учреждения, которые невольно приковывают к себе внимание. Характерны эти непрерывные указания обвинительного акта: Финн за содействие к достижению отсрочки потребовал 10 тыс. руб., получил столько-то и устроил отсрочку. Финн за учреждение администрации потребовал 15 тыс. руб., Финн повлиял на Афанасьева так-то, добился того-то и получил 5 тыс. руб. и т. д.». Бесконечной вереницей тянутся эти «потребовал», «добился», «получил». Позвольте после этого спросить вас, что же это такое? Контора Государственного Банка или банкирская контора? Или прислушайтесь к свидетельским показани-

ям. Вот свидетель Лурье дает показание, что Финн убедил управляющего Киевской конторой Государственного Банка Афанасьева, на которого имел уму непостижимое влияние, – не правда ли недурная характеристика отношений? А вот другой свидетель Шварцман (заметьте, все евреи: Лурье, Шварцман и т. д.) показывает: «Кредит в Киевской конторе Государственного Банка всегда можно было устроить при посредстве Финна», причем Финн в каждом деле любил получить «штюкеле», что значит «кусочек». Над этим «штюкеле» можно было бы хохотать, если бы оно так ярко и так грустно для Государственного Банка не рисовало того, что там, по-видимому, творится уже много лет в его Киевской конторе, очевидно, чувствующей особые симпатии к российским коммерсантам, говорящим на том прелестном языке, откуда взято слово «штюкеле».

Вот, г<оспода>, один эпизод из того, что происходит в Киевском отделении Государственного Банка. В обвинительный акт прямо были занесены слова Финна, что в таком деле, как продажа данцигского сахара, «грешно было бы не нажить 25–30 тыс. руб. Государственный Банк не обеднеет, если получит несколькими десятками тысяч меньше». А вот другое дело, по той же Киевской конторе Киевского Банка, рассказанное в газете «Последние новости, Киевская вечерняя газета» от 19 мая 1912 г. № 1697. Газета левого направления. Статья озаглавлена «Смещение администрации по делам Южно-Русского завода». Опять оказывается, что был «Южно-Русский завод», который Киевская контора Государственного Банка кредитовала в размере 1200 тыс. руб. Завод обанкротился, опять администрация, опять во главе администрации г. Финн, окруженный какими-то еврейскими дельцами. И вот какая по этому поводу телеграмма посылается в Петербург, как удостоверяет ле-

вая газета «Последние новости»: «Петербург. Его превосходительству управляющему Государственным Банком. На общем собрании 2 мая администраторы, ставленники Киевской конторы Государственного Банка Финн и Альтшулер закрывают злоупотребления, раскрытые следователем Пуриком. Записано по книгам завода, что платили подкуп за казенные заказы чиновникам Министерства путей сообщения и финансов. Прошу вашей помощи раскрытию злоупотреблений и недопущения утверждения отчета 1911 г., ибо утверждение отчета закроет все». Я, конечно, не знаю, насколько достоверные сведения приводятся в телеграмме, был ли подкуп или его не было, я охотно готов верить, что, в конце концов, подкупа не оказалось, но для меня характерна вся эта атмосфера, в которой протекают операции Киевской конторы Государственного Банка. Она кредитует таких людей, спекулятивность которых доказывается тем, что они банкротятся, и когда они банкротятся, то выясняется, на какую огромную сумму они были кредитованы Государственным Банком: там 705 тыс., здесь 1200 тыс. Затем начинается вакханалия спекуляции: учреждается администрация, в которую затягивается Киевская контора Банка, образуются партии, которые друг друга упрекают во всевозможных мошенничествах, подлогах, спекуляциях и т. д. Разве так надо ставить дело государственного кредита; и разве можно, полемизируя по поводу всяких пустячных слов и выражений, придираясь чуть не к запятым, оставлять без ответа такие крупные вещи, как указание на беспорядочное ведение дела в Киевском отделении Государственного Банка? Председатель Совета Министров говорил нам, что он был другом покойного П. А. Столыпина [8], – в этом, конечно, мы должны ему верить, хотя мне кажется, что эта дружба, во всяком случае, носила несколько свое-

образный оттенок: но едва ли будет отрицать Председатель Совета Министров, что тот же самый Столыпин несколько раз убеждает его убрать Афанасьева из Киева, указывая на противогосударственную деятельность этого чиновника, и, тем не менее, его своеобразный «друг» держит Афанасьева в Киеве и по сие время. А вот доклад, который был читан в Киеве в клубе националистов о положении там русско-еврейской торговли. Цифры за 1911 г.: евреи получили из Банка кредита 21 173 тыс. руб., русские – только 15 180 тыс. руб., поляки – 7 766 тыс. руб. и иностранцы – 3 294 тыс. руб. Несомненно, что под рубрикой «иностранцы» тоже в значительной мере скрыты евреи, только заграничные. Таким образом, оказывается, что евреи кредитованы, если переводить на проценты, в размере 44%, а русские – в размере только 32%, поляки – в размере 16,4% и иностранцы – в размере 7,2%. Разве мы не правы, говоря, что наш Государственный Банк, наша государственная политика систематически покровительствует евреям-спекулянтам в ущерб и здоровому русскому торговому классу, и помещичьему классу, и крестьянству. Другим девизом, который выставил министр финансов, было бюджетное равновесие: расходы не должны превышать ни в коем случае доходов. Да, это положение, конечно, правильно, взятое вообще, но министром финансов оно было выдвинуто в качестве опять-таки такого категорического императива, который для него, по-видимому, служит оправданием действий, вовсе неправильных. Каждый год ведомственные сметы срезаются елико возможно, и на кого же падают эти урезки, эти сокращения? Они падают главным образом на мелких правительственных служащих, на тех несчастных, которые служат за 25–30 целковых в месяц, а иногда еще и того менее; положение этих лиц поистине ужасное; оно и раньше было не блестяще, но за

последнее время жизнь вздорожала на 80–100%, а они за целый ряд последних лет если и получили прибавки, то в размере 25–30% первоначального жалованья. Положение мелких правительственных служащих в настоящее время гораздо хуже, чем положение рабочих на заводе. Но пойдем дальше. Ну, хорошо, эти служащие ограничат свои потребности, будут жить холодные и голодные, но ведь у них есть дети – этим детям надо дать какое-нибудь образование; если не давать образования, то, значит, им предстоит физический труд, но к физическому труду, выросшие в городах, в отвратительных квартирах и при отвратительном питании, они уже совершенно неспособны, и, значит, только остается труд умственный и интеллигентный, а для этого труда необходимо хоть какое-то образование; однако теперешний мелкий служащий дать образование своим детям, если их несколько, положительно не может на то жалованье, которое он получает. Стоит вопль во всех ведомствах, и что же мы видим? Все попытки отдельных ведомств увеличить содержание своих мелких служащих, довести их до маломальски сносной нормы встречают систематическое противодействие, систематически отвергаются министром финансов именно во имя вот этого «бюджетного равновесия». На последних выборах много говорилось о том, что города, крупные центры «полевели»; наблюдение до известной степени было верное: отчасти это можно объяснить влиянием левой прессы, отчасти влиянием различных кооперативных товариществ, попавших в левые руки, но в значительной мере «полевение» объясняется именно состоянием наших мелких служащих. Они говорили с отчаянием: «Что бы ни было, нам хуже не будет, нам терять нечего», и это неудержимо толкало их в левый лагерь. Поверьте, они шли в этот левый лагерь не потому, что ожидали получить дюжину свобод, – им

не до дюжины свобод, но им надо мало-мальски сносного человеческого существования, которого не дают им во имя этого бюджетного равновесия (*рукоплескания справа*), этого систематического урезывания всяких прибавок. Дальше возьмем положение полиции. Полиция получает (большинство ее) столько, что на это содержание жить немыслимо. Городской пристав на свою канцелярию часто обязан тратить больше, чем он получает всего жалования, и многие чины полиции видят из этого один выход – жить за счет обывателя, и это все знают. Но вот вносится реформа, чтобы поставить полицию надлежащим образом, чтобы обеспечить ее хорошим содержанием, но зато чтобы беспощадно преследовать всех взяточников; ведь именно это взяточничество, практикуемое некоторыми чинами полиции, и есть источник недовольства населения полицией, а это недовольство полицией переносится широкими классами населения на правительство. Возникает недовольство правительством вообще на почве этого, к сожалению, часто практикуемого мелкой полицией взяточничества. Что же, когда вносится проект о том, чтобы оздоровить полицию, нормально ее поставить, кто является первым его противником? Министр финансов, который говорит, что у него нет денег. (*Рукоплескания справа.*) Обратитесь к междуведомственным трудам комиссии, работавшей над реформой полиции, вы там увидите, как постоянно совали палки в колеса представителям Министерства внутренних дел представители Министерства финансов. Конечно, это делалось на весьма законном основании в лощеных, гладких, круглых фразах; все прикрывалось необходимостью справок, дополнительных денег, недостаточным улучшением наших кредитов, но, тем не менее, воз и поныне там, – эта реформа не может сдвинуться, потому что министр финансов не дает денег. Что же

получается? Обыватель уплачивает на содержание полиции совершенно столько, сколько он платил бы, если бы у этой полиции были очень крупные штаты, но только теперь он часть уплачивает в государственное казначейство на содержание полиции, а часть – этой полиции непосредственно. Г<оспода>, я не понимаю этой политической экономии: ведь обыватель и теперь платит то, что он платил бы при высоких полицейских штатах, но только теперь это распределяется возмутительным и даже, может быть, преступным образом, это теперь идет не лучшим, а худшим; но когда ту же самую сумму желают распределить, как следует, то наши финансисты говорят: у нас нет денег, ибо мы должны поддерживать бюджетное равновесие. На полицию возложен сбор податей, так называемое выколачивание недоимок, – обязанность, им вовсе не свойственная, потому что, конечно, это функция Министерства финансов. Но когда говорят Министерству финансов о том, что вы, мол, возьмите себе эту обязанность, избавьте от нее полицию, потому что полиции это мешает отправлять непосредственные обязанности, то Министерство финансов не желает: это новый расход, на него Министерство финансов не согласно. И вот, с одной стороны, этот несчастный стражник, выколачивающий недоимки, сплошь и рядом живущий, к сожалению, от населения, а с другой стороны, министр финансов, который произносит нам такие красивые речи, который говорит нам о законности, о поддержании бюджетного равновесия. Не напоминает ли это вам, г<оспода>, то, что сказано в Притче о мытаре и фарисее? [9] (*Рукоплескания справа.*)

Наконец, еще один вопрос из той же области: вопрос пенсионного обеспечения. В III Думе был проведен закон о воспособлении жертвам террора. Хотя с левой стороны принято говорить, что правые были в

III Думе только для того, чтобы ее взрывать, но фактически единственное крупное законодательное предположение, сделавшееся законом, исходило именно из правых кругов. Это крупный принципиальный закон о воспособлении жертвам террора, внесенный в качестве законодательного предположения и сделавшийся законом. Я бы просил, чтобы слева мне указали, какое законодательное предположение, шедшее слева и имеющее принципиальное значение, сделалось законом. (**Шингарев** *с места*: «Юго-восточное земство».) Итак, вот тот закон, который, по нашему мнению, должен был облегчить несчастных, потерявших здоровье, трудоспособность в борьбе с революцией. Уже когда этот закон рассматривался в подкомиссии Государственной Думы, где я состоял членом, мною было обращено внимание на некоторые неточности и недомолвки закона и тогда же об этом было заявлено представителям правительства. Представители правительства мне ответили, что я напрасно смущаюсь: если бы закон предназначался для решений судебных мест, если бы можно было ожидать гражданских процессов и различных придирок со стороны истцов и ответчиков, то, пожалуй, надо было бы сделать редакцию более точной и ясной. Но ведь закон, говорили мне тогда, будет применяться самим же правительством, и неужели, мол, вы думаете, что правительство окажется несправедливым, станет обсчитывать тех, кто пострадал, потерял свое здоровье на службе правительству? Эти возражения мне показались убедительными, я не настаивал на уточнении редакции, и в такой редакции законопроект сделался законом. Что же затем оказалось? А оказалось, что Министерство финансов систематически сокращает применение закона, не применяет его к тем случаям, к которым оно обязано было его применять, не дает усиленных пенсий тем несчаст-

ным, тем пострадавшим от революционных действий, которые имеют законное право на получение этих пенсий. Вы видите, г<оспода>, куда ведет эта гладкая фраза о необходимости соблюдать бюджетное равноправие. Дело дошло до того, что между нашим так называемым объединенным правительством возник принципиальный спор, и Министерство внутренних дел обратилось в Сенат с требованием разъяснить закон, который, по мнению Министерства внутренних дел, толкуется Министерством финансов в превратном смысле, в смысле нарушения тех законных прав, которые принадлежат несчастным, умирающим с голоду лицам, пострадавшим от террора. Что же решил Сенат? Он признал, что практика Министерства финансов совершенно не правильна и не законна! Когда я возбуждал этот вопрос в бюджетной комиссии и обращался за разъяснением к министру финансов, он мне ответил, что в некоторых случаях будто бы Сенат признал правым Министерство финансов, а в некоторых случаях – правым Министерство внутренних дел. Теперь, когда мне удалось достать подлинный указ Сената, – он в нашем финансовом отделе, и желающие могут его обозреть, то я утверждаю, что ни одного случая, где бы Сенат признал, что Министерство финансов право, в этом указе нет, а есть только несколько случаев, когда Сенат говорит, что за разрешением данного вопроса надо обращаться не в Сенат, а предварительно в Совет Министров, что, конечно, уже совсем не одно и то же в смысле отказа в требованиях. Но это только в некоторых случаях, а во всех остальных Сенат признал, что Министерство финансов поступало совершенно неправильно. Какие же это случаи? А вот, напр[имер], когда назначается пенсия человеку, пострадавшему от террора, то Министерство финансов желает вычитать отсюда то, что это лицо получает в ка-

честве эмеритуры[1]. Вы понимаете трагизм положения. Человек много лет платил, делал взносы, имеет право на эмеритуру, а ему говорят: хотя ты имеешь это право, но мы в соответствующей сумме не дадим тебе пенсии, т. е., другими словами, прямо лишают его того, что ему принадлежит по неотъемлемому праву, что он накопил за время состояния на своей службе. Это во-первых. Дальше. Некоторым из пострадавших, выслуживших пятилетнюю прибавку долговременной и беспорочной службой, – им, оказывается, Министерство финансов не желает распространять льготные статьи закона на тех железнодорожных служащих, которые хотя и исполняли правительственные функции, но служили по вольному найму. Эти лица пострадали, давая отпор террористам, пострадали во время революции, а Министерство финансов обсчитывает их в нескольких рублях, обсчитывает совершенно незаконно и неправильно. Следующий пункт касается назначения пенсии тем пострадавшим чинам полиции и их семействам, которые после ранений продолжали состоять на службе более или менее продолжительное время, но при увольнении их установлена тесная причинная связь между ранениями и тем, что они оставляют службу. И вот этим лицам Министерство финансов тоже не желает давать льготной пенсии. Вы подумайте, г<оспода>, какой здесь приводится антигосударственный принцип: человек пострадал, но несколько времени он еще служил; затем служить ему стало невмоготу, – случаи, происходящие очень часто хотя бы при так называемом травматическом неврозе:

[1] Эмеритура, эмеритальная касса – капитал, образуемый путем обязательных вычетов из жалованья служащих в некоторых ведомствах (Министерстве юстиции, военно-сухопутном, морском, Ведомстве инженеров путей сообщения и др.) в видах выдачи впоследствии пенсий, дополнительных к тем, которые причитаются по закону; некоторые эмеритальные кассы пользуются и ежегодными пособиями от казны (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

это знают и врачи, и судебные деятели, человек получил тяжкое повреждение, но некоторое время еще может работать, затем наступают последствия травматического невроза – и он уже никуда не годен. Но т. к. он перемогался и прослужил месяц-два, то на этом основании министр финансов желает лишить его льготной пенсии. Сенат признает это совершенно незаконным. Наконец, последний случай: служащие, пострадавшие от террора, уже получали пенсию, но маленькую, недостаточную. По новому закону, проведенному нами, пенсия должна быть им увеличена. Министерство финансов говорит: да, но она может быть им увеличена лишь в том случае, если они сами подадут об этом прошение, а раз они прошения не подают, то и увеличивать пенсии им не надо. Г<оспода>, что же это такое, как не возмутительная спекуляция на народном невежестве? Какой-нибудь несчастный сотский, волостной старшина или мелкий железнодорожный служащий, пострадавший от террористов, получает пенсию, при которой он почти умирает с голоду. По новому закону он должен получать больше, но ввиду того, что он не подал прошения, – а он не подал потому, что безграмотен и о новых законах не знает, – Министерство финансов, ссылаясь на то, что никто отговариваться неведением законов не может, ему этой усиленной пенсии не дает. Г<оспода>, это антигосударственная политика, это ведет к возбуждению недовольства среди тех классов населения, которые именно доказали свою преданность Царю и Родине. (*Рукоплескания справа.*) И эта история проводится под предлогом соблюдения бюджетного равновесия, иначе, изволите видеть, можно выйти из бюджетного равновесия! Вот, г<оспода>, почему я утверждаю, что разобранные два принципа, может быть, совершенно правильные, говоря вообще, возведены министром фи-

нансов в качество такого категорического императива, который ведет к политике антигосударственной. Член Думы Керенский [10] говорил нам, что Государственный Банк предоставил еврейскому обществу «Лензото» свой шифр. Это общество, которое довело на Лене русских рабочих до расстрела [11], обратив их в кабалу, пользовалось шифром Государственного Банка, если верны слова члена Государственной Думы Керенского. Мы находимся не в столь привилегированном положении; мы шифром Государственного Банка не пользуемся, но мне думается, что нам и без шифра удалось расшифровать политику Министерства финансов. Эта политика ведет к возбуждению сплошного недовольства среди тех классов населения, которые именно и являются преданными Царю и Родине, она ведет к закабалению России еврейским акционерным капиталом. (*Продолжительные рукоплескания справа.*)

АРМИЯ И ФЛОТ

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 24. 29.01.1908. Речь Г. Г. Замысловского о государственной обороне

Замысловский (Виленская губ.). Господа члены Думы. Здесь утверждают, что партия правых хочет во что бы то ни стало устранить всю оппозицию от участия в комиссии по государственной обороне. Это не совсем так. Против участия оппозиции как таковой в комиссии по государственной обороне партия правых ничего особенного не имеет, и не в оппозиции как таковой здесь дело, а дело в том, что среди этой оппозиции, по нашему мнению, есть отдельные партии, в отношении которых, нам кажется, действительно должно применяться правило: чем дальше они будут от дела государственной обороны, тем лучше. Это правило должно действовать потому, что, по нашему мнению, принципы, исповедуемые этими партиями, в корне противоречат самой идее государственной обороны. Постараюсь пояснить свою мысль несколькими примерами. Если партия считает допустимым в моменты государственного кризиса, в моменты обострения партийной борьбы обращаться к народу с призывом не платить податей и не исполнять

повинностей, то, мне кажется, такая партия исповедует принципы, которые органически исключают дело государственной обороны, потому что человек, который обращается к народу с речью: «Ни копейки в казну, ни одного солдата в армию», тем самым заявляет, что он совершенно устраняется от всякого участия в деле государственной обороны, потому что одно исключает другое. (*Рукоплескания справа*.) Мне на это возразят, что все было, но прошло, что в настоящую минуту никто с призывом не платить податей и не исполнять повинностей более к народу не обращается. Да, совершенно верно, в настоящую минуту о таком призыве нет речи. Но почему? Да только потому, что время не то, момент неподходящий, а принципы, ведь принципы-то остались те же (*рукоплескания справа*), и тождество принципов было еще недавно громогласно и торжественно засвидетельствовано в Петербурге. А если принципы те же самые, то какое у нас ручательство, что, может быть, очень быстро наступит момент, когда партия скажет: опять надо применять ту тактику, исходящую из неизменного для партии принципа, которую она применила полтора года тому назад?

Сошлюсь на другой пример. Одна из партий ставит конечной своей целью временную диктатуру пролетариата, опять-таки не теперь, нет, пока не время, но в удобный для того момент[1]. Эта временная диктатура пролетариата должна быть подготовлена вооруженным восстанием, а вооруженное восстание – пропагандой среди войск, пропагандой о том, чтобы войско не подчинялось военной дисциплине и не слушалось своего начальства. Вот опять-таки, мне кажется, тот принцип,

[1] Имеется в виду Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), левая марксистская партия, основанная в 1898 г. В III Думе в разные годы ее существования было от 13 до 19 социал-демократов.

который органически противоречит самой идее государственной обороны, ибо тот человек, который обращается к солдатам и говорит им: «Когда начальство приказывает стрелять, стреляй, но в само это начальство, а не в кого другого», – такой человек тем самым говорит, что он всецело устраняется от государственной обороны. (*Голоса справа и в центре*: «Правильно, правильно».) Ведь в самом деле, что такое государственная оборона, каковы ее цели и ее задачи? Цели и задачи государственной обороны – создать такую армию и флот, которые были бы сильны не только своим количеством, не только своим вооружением, но, и это, главным образом, своим духом, создать такую армию, к которой население относилось бы с любовью, которая представляла бы предмет народной гордости. Но мы знаем, что речи, которые произносились публично некоторыми из представителей партий, о которых я говорил, возбуждают не к любви и уважению по отношению к армии, а, наоборот, к ненависти и презрению. И действительно, если армия будет предметом народной гордости и народной любви, то как почувствуют себя те агитаторы, которые в удобный для этого момент, в тот момент, когда прикажут им партии, исходящие из неизменных для них принципов, как почувствуют себя эти агитаторы, когда они обратятся к народу и скажут: не давайте в эту армию, в эту любимую, обожаемую нами армию, не давайте денег, не давайте рекрутов? Мне кажется, что, создавая сильную духом армию, тем самым мы уничтожаем возможность подобной агитации, а раз мы ее уничтожаем, то в корне подрываем тот принцип, который думали и думают осуществить в настоящее время, только в удобный момент, те партии, которых мы не хотим, не считаем возможным пускать в комиссию по государственной обороне. Поэтому я твердо и определен-

но заявляю партии конституционно-демократической и партии социал-демократической: мы сделали все, от нас зависящее, чтобы не допустить вас в эту комиссию в качестве членов (*рукоплескания справа и возгласы*: «Браво!»), теперь мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы не допустить вас туда и в качестве слушателей. (*Рукоплескания справа и в центре.*)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 53. 25.04.1908. Речь Г. Г. Замысловского о комплектовании Императорской армии и флота

Замысловский (Виленская губ.). Господа члены Думы. Законопроект, предложенный нашему обсуждению, о контингенте новобранцев на 1908 г. сводится к более общему вопросу о правильном комплектовании нашей армии. Вопрос этот, конечно, очень сложный и очень важный. Для того чтобы рассмотреть его всесторонне во всех частях, необходимо продолжительное специальное изучение, необходимо, может быть, даже профессиональное образование. Я ни тем, ни другим в достаточной мере не обладаю; поэтому рассматривать вопрос во всей его полноте не беру на себя смелости. Но я постараюсь осветить одну часть вопроса, на мой взгляд, чрезвычайно важную. В армии, господа, только тогда дело комплектования может считаться поставленным правильно, когда нет ежегодного недобора, или если этот недобор и есть, то не достигает мало-мальски значительных цифр. Наоборот, если из года в год систематически в армии существует недобор, если этот недобор достигает значительной, скажу даже более, несколько угрожающей цифры, то в таком случае что-то в

деле комплектования обстоит неблагополучно, есть какой-то дефект, и этот дефект надо по возможности быстро устранить, иначе он может вызвать серьезное расстройство в деле комплектования. У нас в нашей армии, к сожалению, за последние годы недобор достигает настолько значительной суммы, что с ним приходится считаться серьезно. Говорить о нем я буду, прежде всего, на основании строго проверенных официальных данных, на основании как «кратких», так и подробных отчетов, ежегодно составляемых управлением по делам о воинской повинности, состоящим при Министерстве внутренних дел, на основании отчетов, которые представляются на Высочайший доклад. Таким образом, у меня есть полная гарантия того, что цифры, на которые я буду ссылаться, являются цифрами официальными, цифрами проверенными. В этих цифрах недобор сведен в четыре графы: первая графа – христиане, вторая графа – евреи, третья графа – магометане, четвертая графа – язычники. Сопоставление первых двух граф с соседней графой, которая трактует о лицах, не явившихся на призыв без законных оснований, или, другими словами, о лицах, уклонившихся от призыва, показывает, что сумма недобора является прямым последствием именно вот этой неявки на призыв без законных оснований, или уклонения от воинской повинности. Есть, положим, другая причина, но она имеет второстепенный и производный характер. Эта другая причина заключается в том, что лица, признанные годными на службу в уездном воинском присутствии, затем бракуются в воинских частях. Эту причину я назвал второстепенной и производной, потому что браковка в значительной мере зависит от различных злоупотреблений, к которым прибегают некоторые элементы новобранцев. Таким образом, значит, явление это того же порядка, как и уклоне-

ние от призыва. Затем эта причина производная потому, что тогда, когда в уездное присутствие является большое количество новобранцев, уездное присутствие не находится под угрозою недобора и бракует чрезвычайно придирчиво все сомнительные случаи, решая в пользу негодности. Наоборот, когда в уездное воинское присутствие является мало народу и возможен недобор, то эти сомнительные случаи присутствием, чтобы избежать недобора, толкуются обыкновенно в сторону принятия. И вот затем эти принятые бракуются уже в частях. Таким образом, мне кажется, я прав, что вторая причина всецело зависит от первой, от уклонения. Перехожу теперь к сопоставлению тех граф, на которые я ссылался ранее. Первые две графы, как я сказал, это христиане и евреи. Общее их соотношение заключается в том, что процент евреев, призываемых к службе ежегодно, относится к проценту неевреев в цифре 5 и с небольшою дробью процентов – вот тот процент евреев, который призывается в армию ежегодно по сравнению со всем ее составом. Итак, господа, из 100 чел. 5 – такова сумма призыва евреев. Когда мы переходим к цифре уклонившихся, т. е. не явившихся на призыв без законных оснований, то здесь соотношение уже совершенно иное. В 1907 г. уклонились от призыва 87 тыс. чел. – мелкие цифры я откидываю, – из них евреев было 21 тыс., т. е. 24 %. Эта цифра довольно стойкая, ибо в 1906 г. уклонившихся было 77 тыс. чел., из них евреев 20 тыс., т. е. 26 %, приблизительно $^1/_3$ всего того количества евреев, которые призывались. В 1905 г. уклонение равнялось 83 500; из них евреев – 20 тыс., т. е. 23%; приблизительно то же – в 1904 и 1903 гг. Таким образом, этот процент – приблизительно 24 – является процентом, проходящим через пять последних лет. Следовательно, сумма уклонившихся евреев была больше сум-

мы уклонившихся христиан не меньше как в 5 раз, а, например, в 1904 г., в годы войны, цифра уклонившихся евреев в 9 раз превышала цифру уклонившихся христиан. Итак, на весь призыв, на 100 чел., приходится 5 евреев, а когда мы говорим об уклонившихся, то на 100 чел. уже приходится их 24 чел. Пойдем далее к последствиям уклонения – недобору, последствиям, осложненным той второй причиной, о которой я упоминал. Здесь процент еще более разительный. Недобор в 1907 г. выразился в сумме 19 500 чел. Из них евреев было 10 800 (*голос*: «А помещиков?»), т. е. 55 %. Итак, с 5 чел. мы перешли на 24, а теперь, когда заговорили о недоборе, на 55 чел. Опять цифра стойкая, потому что в 1906 г. общий недобор был 21 500; из них евреев 8 800 чел.; в 1905 г. – 25 500, из них евреев – 11 600, и в 1904 г. – 19 500, из них евреев – 11 100, т. е. 56,7%. Итак, господа, один главный составной элемент, мне кажется, этими цифрами достаточно вскрывается. Но если внимательнее порыться в отчетах, о которых я говорил, то можно найти и остальные элементы этого уклонения, остальные элементы этого недобора. Следующие по количеству цифры уклонившихся и недобранных падают на христианское население Привислинских губерний. Тут я буду говорить только о христианах, о сумме евреев я окончил, дальнейшие цифры будут относиться к христианскому населению тех местностей, которые я буду называть. Обращаю внимание на то обстоятельство, что в Привислинских губерниях уклонение и недобор замечаются не повсеместно, не во всех десяти губерниях: Радомской, Люблинской и Седлецкой уклонение гораздо меньше, а недобора или совсем нет, или он выражается в цифре ничтожной. Напомню, что Люблинская и Седлецкая губернии – это так называемая Холмская Русь с коренным русским населением. Что касается

остальных семи губерний – Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Петроковской, Плоцкой и Сувалкской, то цифры уклонения и недобора, замечаемые там, я сейчас приведу. В 1907 г. уклонившихся по этим семи губерниям, т. е. не явившихся на призыв без законного основания, было 15 тыс. чел., а взято всего 20 400, и эта цифра 15 тыс., цифра очень стойкая, она повторяется в 1906 г., а в 1905 г. дает 16 тыс. уклонившихся; в зависимости от нее и недобор в 1907 г. равнялся 4600, в 1906 г. – 4500 и в 1905 г. – 5500. Взято было приблизительно в среднем за 3 года по 19 тыс. чел. Если приглядитесь в эти отчеты далее, то вы увидите, что следующие местности по недобору – Виленская и Ковенская – опять-таки постольку, поскольку они населены христианским элементом, евреи выделены в особую рубрику. (*Голос*: «А помещики?».) Там число уклонившихся в 1907 г. равнялось 9 тыс. чел., и эта цифра опять-таки стойкая. В 1906 г. – тоже 9 тыс. и в 1905 г. – 9500; в зависимости от этого и недобор в 1907 г. равнялся 1 тыс., в 1906 г. – 1 тыс. и в 1905 г. – 1200 чел., а взято по этим губерниям в среднем 8 тыс. чел. Идя далее в такой же постепенности – процент уклонения и процент недобора – мы видим, что следующие губернии – это губернии Кутаисская, Тифлисская и Елисаветпольская, другими словами, Закавказье, там число уклонившихся в 1907 г. – 4 тыс., в 1906 г. – 5 тыс. и в 1905 г. – 6 тыс., а взяты было приблизительно в среднем 7300 чел. В зависимости от этого и недобор выразился в 1907 г. в 400, в 1906 г. – в 1400 и в 1905 г., год войны, – в 2600 чел. Вот когда, господа, мы сопоставим эти цифры, эти категории лиц и местностей, которые я называл, то получим следующие выводы, которые воистину являются поразительными. Эти категории в смысле уклонения дают в 1907 г. 49 тыс. чел., или 56% всех уклонившихся за 1907 г., но

еще более разительно соотношение к цифре недобора за 1907 г. Весь недобор был 19 500 чел., а на означенные четыре категории лиц и местностей упадает 16 800 чел. – на все остальные приходится 2700. Сколько же дали армии местности, на которых 87% недобора? Они дали всего-навсего 52 тыс. чел. или 11 с дробью процентов, $^1/_9$ часть армии дали нам окраины и 87% недобора. Вдумайтесь, господа, в эти цифры, взятые из официальных отчетов. Но и на эти 2700 чел. недобора упадают 1100 чел. магометан, таким образом, приходится на все – русского населения, давшего почти $^8/_9$ армии, всего-навсего 1600 чел. Коренная Россия недобора не знает. (*Рукоплескания справа и в центре*.) Эти цифры уклонения и недобора я позволю себе иллюстрировать примерами по отдельным губерниям: так, в Ковенской губ. в 1907 г. взяты 3500 чел., а уклонились 5600 чел. Хороший был бы призыв, господа, если бы везде он проходил с таким успехом. (*Возгласы слева* – **Тимошкин** [1] – от русского населения Закавказья *с места*: «Просим не мешать».)

Председательствующий. А вас прошу не делать замечаний.

Замысловский. В Сувалкской губернии в 1907 г. взяты 1100 чел., а уклонились 3500 чел., и в зависимости от этого недобор в 1300 чел., т. е. значит, если у нас контингент будет теперь – 460 тыс., и если везде набор пойдет так, как он шел в Сувалкской губернии, то мы получим не 460 тыс., а 230 тыс. и даже меньше. И эта цифра стойкая. Она повторяется по Сувалкской губернии почти буквально в 1906 г., а в 1905 г. взяты было 700 чел., уклонились 3500 человек и недобор 1600 чел. Возьму еще губернию на справку, Ломжинскую губернию. В ней в 1907 г. взяты 1700 чел., уклонились 3 тыс. чел. и недобор 1 тыс. чел., опять почти 50 на 50. Почти та же

цифра повторяется в 1906 г., а в 1905 г. взяты 900 чел., уклонились 2600 чел., и недобор 1100 чел. Вдумайтесь, господа, если бы по всей России набор проходил бы так, как он проходил в этих трех губерниях, цитированных мною, ведь это было бы ужасное состояние: мы были бы без армии. Итак, господа, ввиду таких цифр мы имеем право предложить правительству вопрос. Недобор повторяется из года в год. В тех размерах, о которых я говорю, он констатирован официальными отчетами. Что делает правительство, чтобы избежать его? Ведь положение ненормальное. Недобор громаден, недобор не в русском населении – положение ужасное, и не только никаких мер мы не принимаем, но я уверен, что о тех цифрах, о которых я говорил, о тех цифрах, которые касаются губерний Сувалкской, Ковенской, Ломжинской, никто из вас в печати ни одной строчки не прочел. Когда надо, умеют молчать. (*Голоса справа*: «Верно, верно!».) Но, господа, если мы можем упрекнуть правительство в том, что оно, по-видимому, не принимало никаких мер к пресечению уклонения и недобора в Привислинском крае, в губерниях Виленской и Ковенской и Закавказье, то по отношению к евреям в этом правительство упрекнуть нельзя. Здесь правительство боролось и принимало меры достаточно энергичные, и историю этих мер довольно любопытно проследить. Воинский Устав введен у нас, как известно, в 1874 г.[1] – раньше был рекрутский – и уже тогда при введении Воинского Устава раздавались голоса в Государственном

[1] Имеется в виду Устав о воинской повинности от 1 января 1874 г. Устав явился составной частью военной реформы Александра II и ознаменовал переход от принципа рекрутского набора в армии к всесословной воинской повинности. Целью военных реформ Александра II было сокращение армии в мирное время и одновременно обеспечение возможности ее развертывания во время войны (см.: Устав о воинской повинности. – СПб., 1874; Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. Т. 49. Огд. 1. № 52983).

Совете о том, что в отношении евреев нужно создать совершенно особые правила, и если и возложить на них воинскую повинность, то на совершенно иных особых основаниях. Однако восторжествовало иное мнение, мнение, может быть, весьма гуманное, но исходящее, к сожалению, из начал слишком теоретических, слишком отвлеченных, и несоответствие этого отвлеченного теоретического воззрения с реальной жизнью не замедлило сказаться; наступил 1875 г. и дал недобор в 3800 человек, из которых евреев было 2900 чел. 46% всех призывавшихся евреев оказалось в недоборе. Вслед затем вспыхнула Русско-турецкая война [2]. О войне Русско-японской нам много говорили, что будто бы в войске многие служили без достаточного воодушевления, потому что война была не популярна, но ведь про войну Русско-турецкую этого никак нельзя сказать. Это была война идейная, война, сопровождаемая огромным подъемом патриотизма и всеобщим энтузиазмом. А вот от энтузиазма перейдем к цифрам: в 1877 г. недобор – 5 тыс. чел., а из них евреев – 4400 чел. (88,2%), а принято 4900 чел. всего в армию. Согласитесь, что если бы в армии не было этих 4900, то война бы велась точно так же. (*Голос*: «Даже лучше».) В 1878 г. общий недобор 3 тыс. чел. – после войны он спал – из них евреев 2666 чел. – 81,8%. И вот тогда правительство изменяет ту отвлеченную и теоретическую точку зрения, на которой оно стояло в 1874 г., и становится на иную точку зрения. Оно говорит, что на призыв должны идти даже те евреи, которые пользуются льготою первого разряда, и эти евреи должны идти на пополнение еврейского недобора. Мера, как видите, очень суровая, и мотивируется она сурово. Сказано: «Впредь до того времени, когда надобность минует вследствие лучшего исполнения еврейским населением своих обязанностей к госу-

дарству». И действительно, на некоторое время недобор пал; но затем он опять пошел такими же шагами, и в 1886 г. принимается другая, еще более суровая мера: за каждого уклонившегося еврея семейство этого еврея штрафуется на 300 руб. Итак, вы видите, господа, что в 1874 г. были признаны теоретические начала о равенстве, а уже в 1886 г. пришлось даже отступить от того основного правила уголовного кодекса, что каждый несет ответственность только сам за себя и за свои поступки, что человек не может отвечать за те поступки, которые совершили члены его семьи, даже, может быть, без его ведома. Но значение этой меры оказалось очень реальным, потому что в 1887 г. недобор евреев составил всего 407 человек, по-видимому, отдельные лица семьи действовали не без ведома целой семьи; а вслед затем недобор опять стал расти и вырос в те огромные цифры, о которых я вам говорил вначале. Итак, господа, меры принимались, меры принимались очень суровые, не согласные, пожалуй, и с гуманностью, и с требованиями уголовного права, но из этих мер ничего не вышло. Укажу еще на одно обстоятельство, господа, кроме недобора и уклонения, укажу на некоторые картины болезней, которые возникают среди тех элементов, которым не хочется служить. Ведь известно, что существуют такие болезни, которые не угрожают опасностью для жизни, даже, пожалуй, в не особенно большой мере понижают и трудоспособность, если она тем более специализирована в известных ремеслах, но, тем не менее, освобождают от воинской повинности. И вот мы замечаем, что как раз среди еврейских новобранцев необыкновенное развитие этих болезней. Я должен, господа, оговориться: в этой области у меня цифр официальной статистики нет. Думаю, что ввиду серьезности вопроса правительство нам в недалеком будущем эти

сведения доставит. Достать их из военных госпиталей очень нетрудно, но, господа, всякий, кто присутствовал при наборе и особенно на переосвидетельствованиях в военных госпиталях, знает, что эта картина болезней, которую я собираюсь нарисовать, совершенно соответствует истине. Главные болезни, которыми болеют еврейские новобранцы, были: грыжа, прободение барабанной перепонки и парша. Процент паршивых был настолько велик, что правительство приняло героические меры: оно изменило расписание болезней и стало брать паршивых в армию. Вот, господа, логическое следствие тех отвлеченных теорий, которые в действительности оказываются чрезвычайно трудно применимыми. Когда правительство на эти героические меры пошло, когда паршивые стали служить, то процент паршивых сразу упал. Эти меры сразу излечили болезнь. (*Голос слева*: «Это фантазия!».) Может быть, когда правительство доставит нам сведения, вы увидите, фантазия это или истина. Далее, господа, остаются болезни ушей и грыжи. Об этих болезнях опять-таки цифровых данных нет, но в сведениях военного ведомства о мобилизации прямо сказано, что процент евреев, приходивших на сборные пункты с этими двумя болезнями – грыжею и ушною, – огромный и несравненно больший, чем соответствующий процент христиан. Вот, господа, те основания, по которым оказывается, что евреев взять в армию чрезвычайно трудно. Но вот другой вопрос: надо ли их вообще брать? И по этому вопросу имеются цифры, достаточно убедительные. Ведь нам важна армия не в мирное время, а в военное. Ведь этот огромный контингент в 460 тыс. чел. нужен нам не для того, чтобы парадировать на смотрах, и даже не для того, чтобы усмирять внутренние беспорядки, как это думают некоторые. Нет, он нам важен. (*Голос слева*: «А для чего он нам?».)

Председательствующий. Покорнейше прошу не задавать вопросов.

Замысловский. Нет, он нам важен для того, чтобы в решительный момент, в момент войны развернуть внушительную боевую силу. Посмотрим же, как эта сила развертывается и как к этому развертыванию относятся некоторые из тех элементов, о которых я говорил. Я приведу цифровые данные о мобилизации 1904 г. Эта мобилизация, между прочим, происходила в четырех округах, входящих в черту еврейской оседлости, именно в Виленском, Варшавском, Киевском и Одесском. Делалась она в три призыва: в сентябре, октябре и декабре. Начинается мобилизация, как вам, вероятно, известно, рассылкой так называемых призывных карт, где указывается, куда и в какой срок запасный чин должен явиться, тот запасный чин, который состоит на учете и, следовательно, местонахождение которого известно военному начальству. Процент вручения призывных карт христианскому населению достигает обыкновенно 96, т. е. только 4 человека из 100 состоящих на учете оказываются неизвестно куда выбывшими. Между тем среди евреев в сентябре процент вручения призывных карт был 62. Таким образом, треть всех евреев, которые были на учете, неизвестно куда выбыли, и взять их в мобилизацию нельзя было. Эта цифра довольно стойкая: в октябре было 64%, но в декабре – 61%, следовательно, в среднем 62% с дробью. Но вот что далее любопытно. В мобилизацию в сентябре из прибывших на сборный пункт евреев 72% с большой дробью объявили себя больными. Хорошая, господа, армия, где почти три четверти солдат заявляют, что они больны и воевать не могут. Часть этих больных оказались действительно больными, и по преимуществу, как я указывал, грыжей или прободением барабанной перепонки.

В отношении остальных было признано, что их заявления не подтверждаются, и в конечном итоге из 54 тыс. призывавшихся евреев по мобилизации можно было принять только 21 тыс., или 39%, но из этих 39% надо было еще отсчитать многосемейных и лиц пожилых давнего призыва. То обстоятельство, что эти лица хотя и призываются мобилизацией, но не попадут в войска, было заранее известно, потому что мобилизация проделывалась уже раньше в других округах, и вот явка этих лиц была как раз довольно аккуратна. Когда и этих лиц исключили, то оказалось, что, например, в Виленском округе в декабрьскую мобилизацию было принято 20% всех призывавшихся евреев. Опять-таки, господа, как вы себя почувствовали бы, если вы думаете поставить в поле 100<-тысячную> армию, а вместо этого вам удается поставить только 20 тыс.? Мне кажется, что если бы вообще в государстве было нечто подобное, то, несомненно, наступил бы конец государства, гибель его; как военная сила это государство перестало бы существовать. Такова была мобилизация, а что последовало за мобилизацией, об этом повествует нам довольно популярный военный писатель Мартынов [3]. (*Голос*: «Кадет… какой кадет?». *Смех*.) Мартынов этот писал и в «Руси» [4], и в «Молве» [5], в газетах, как известно, прогрессивных. Таким образом, заподозрить Мартынова в юдофобстве, по-видимому, никаких оснований не представляется. Он издал книжку «Из печального опыта Русско-японской войны»[1], книжку тоже очень популярную, в настоящее время уже издание разошлось. Характерно то, что раньше большинство отрывков из этой книжки печаталось в виде фельетонов в прогрессивных газетах, и вот тот кусочек, который

[1] См.: *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. – СПб, 1906.

я вам оглашу, был напечатан в газете «Молва» в № 20 за 1905 г. Как известно, «Молва» – та же «Русь»: когда закрывалась «Русь», открывалась «Молва». (*Смех.*) Так вот он пишет (*читает*): «Попав на театр войны, евреи обыкновенно старались устроиться на всевозможные нестроевые должности: если это не удавалось, то притворялись больными, нарочно совершали преступления, дезертировали или даже просто передавались неприятелю. В одной дивизии за время с 1 апреля 1904 г. по 1 мая 1905 г. бежали 256 евреев, солдат всех других национальностей за то же самое время бежали только 8. Евреи в строю обыкновенно дурно влияют на товарищей и вследствие своей нервной натуры были главными распространителями всевозможных паник и первые производили замешательство. Конечно, и между евреями попадались хорошие солдаты, но они представляли единичные исключения, в общем же еврейская национальность, отличительными чертами которой являются крайняя трусость и физическая слабость, совершенно непригодны к военной службе. Влить в хорошую строевую часть большой процент евреев – это значит ее наверняка деморализовать». Вот то, что писал Мартынов, и то, что напечатано в газете «Молва». Таким образом, господа, к чему же мы приходим? Оказывается, евреи, уклоняющиеся от военной службы, вносят, несомненно, расстройство в дело комплектования армии, потому что таким путем образуется большой недобор, и хотя за еврея христианин в этом году не идет, но в следующем году, несомненно, он идет, потому что этот недобор приходится пополнять в следующем году возвышением контингента. Таким образом, евреи, не являющиеся на призыв, уклоняющиеся, приносят вред, а евреи неуклоняющиеся, являющиеся, приносят вред сугубый. (*Смех.*) Это видно из того, что только что было оглаше-

но. Вот почему, господа, я нахожу, я вполне убежден, что евреям в армии не место. (*Рукоплескания справа и в центре. Голоса:* «Браво!».) Да, господа, идея равенства и братства – это великая идея, но существует еще идея государственной необходимости и государственного величия; эта идея, в особенности в настоящее, в тяжелое для Руси время, увы, должна стоять даже выше тех высоких идей, о которых я сказал раньше. Я нахожу, господа, что если мы увлечемся теоретическими соображениями и поступим так, как поступили в 1874 г., то мы поставим на карту мощь и силу нашей армии: этого на карту ставить не следует, и потому я убежденно говорю: евреям в армии не место! (*Голоса справа:* «Браво!»; *рукоплескания справа и в центре; шиканье слева*.)

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 75. 29.05.1908. Речь Г. Г. Замысловского по вопросу о бунте арестантов в Екатеринославской тюрьме и об изменении законодательства о судопроизводстве

Замысловский (Виленская губ.). Фракция правых будет голосовать против признания запроса [1] спешным. Уже из слов депутата Кузнецова [2] можно сделать вывод, что мы стоим, так сказать, перед целой серией подобных спешных запросов, и действительно, к тому имеются некоторые документальные данные позднейшего происхождения. Так, например, только что получено известие, что в Читинской тюрьме найдены вполне снаряженные четыре бомбы. Таким образом, мы должны серьезно отнестись к тому, можно ли вклинивать в наши весьма серьезные занятия эти запросы? Мне думается, что нельзя. Ведь в самом деле, господа, если мы обратимся к тексту запроса, к тому, что нам представили интерпеллянты[1], то что же мы видим? В Ека-

[1] Интерпеллянт – лицо, вносящее интерпелляцию. Интерпелляция (от лат. *interpellatio* — перебивание речи, жалоба перед судом; англ. *Interpellation*) – особый вид официального запроса депутата парламента правительству

териноcлавской тюрьме из камеры № 10, где содержались арестанты довольно серьезные – некоторые из них были уже приговорены к смертной казни, вывели этих арестантов на прогулку, причем арестанты попросили позволить им посушить тюфяк, а когда они поставили этот тюфяк к тюремной стене, – все это нам рассказано интерпеллянтами, – то раздался сильнейший взрыв (*голос слева*: «Это по существу!») и в стене образовалось отверстие, арестанты же открыли стрельбу из револьверов и бросились к отверстию; тогда тюремная стража открыла по ним огонь из винтовок. (*Голоса слева*: «Это не по спешности… это неправильно!».)

Председательствующий. Прошу Вас говорить по вопросу о спешности.

Замысловский. Я передаю то, что написано в запросе. (*Голос слева*: «Вы извращаете факты!».) Может быть, я и извращаю, но я это делаю со слов интерпеллянтов. Не зная текста запроса, мы не можем судить, спешен он или нет. Как мы можем говорить о спешности того, чего не знаем? Итак, интерпеллянты признают далее, что поведение арестантов камеры № 10 было не вполне корректно, но они говорят: «Позвольте, ведь стреляли еще и по арестантам камеры № 12, а эти арестанты, так сказать, чище снега». Но из тех

или какому-либо члену правительства по определенному вопросу, право парламента официально задавать вопросы правительству. В парламентах многих стран каждый депутат парламента имеет право делать запросы (возможно, ограниченное их число в течение определенного периода времени) членам правительства. Соответствующий министр обязан дать ответ и обосновать политическую линию правительства. Тем самым интерпелляция позволяет парламенту контролировать деятельность правительства. Отличие интерпелляции от других видов депутатских запросов состоит в том, что ответ сопровождается прениями, заканчивающимися принятием резолюции с изложением мнения парламента по поводу ставшего предметом интерпелляции действия или линии правительства в целом и вынесением парламентом вотума доверия или недоверия.

документов, которые приложены самими интерпеллянтами, видно, что, во-первых, как это установлено осмотром, ограда, в которой гуляли арестанты камеры № 12, была разогнута, а, во-вторых, в камере, где эти арестанты содержались, найдены шесть патронов с гремучим студнем, а гремучий студень, как вам известно, – вещество взрывчатое весьма большой силы. Далее интерпеллянты говорят, что, кроме того, были убиты три человека и в самих камерах, но опять-таки в тех материалах, которые они нам представили, сказано: да, три арестанта были убиты, но в то время, когда эти содержавшиеся в камерах арестанты начали выламывать двери камер и рваться на коридор тюрьмы. Вот, господа, те обстоятельства, которые изложены в документах, представленных самими интерпеллянтами. Только в этих пределах я и говорю, потому что вне этих пределов мне ничего не известно. Таким образом, если можно говорить о какой-нибудь спешности, то только о такой, чтобы спешно пресечь ту возможность, благодаря которой арестанты хранят у себя бомбы и револьверы. Но говорить о какой-нибудь спешности в отношении расследования незакономерных действий власти едва ли приходится, потому что если надзиратели, в которых стреляли из револьверов и бросали бомбы, и вышли за пределы необходимой обороны, допустим это, то и здесь для расследования их будто бы неправильных действий нам не стоит отвлекаться от того нормального хода занятий – весьма серьезных, в который Дума втянулась. (*Голоса*: «Правильно!».)

[…]

Замысловский. Я только два слова. Я никогда не заявлял с этой кафедры, что будто бы нахожу, что тюремная стража Екатеринославской тюрьмы превысила

пределы необходимой обороны. Если я говорил о превышении, то оговаривался, что это с точки зрения интерпеллянтов.

[…]

Замысловский. Господа члены Государственной Думы, я не буду говорить о необходимости рассматриваемого нами закона, мне кажется, необходимость его сознается огромным большинством Думы. Я только хотел сказать о том, с какого времени он должен быть введен в действие. Мне кажется несомненным, что здесь мы имеем дело с законом процессуальным. Ведь и до издания этого закона вымогательные угрозы представляли себой преступление, были обложены наказанием. Таким образом, никакого нового преступного деяния мы не создаем. Мы говорим лишь о том преступном деянии, которое существовало до издания настоящего закона, и все вносимые нами изменения относятся только к порядку преследования, а ведь порядок преследования – это, несомненно, норма процессуального, а не материального права. Вот если бы известное деяние не было обложено наказанием до сих пор, а мы бы сказали, что с этого времени оно облагается наказанием, тогда мы бы установили новое преступное деяние, новую норму материального права. Но раз мы говорим о том, что это самое преступное деяние раньше преследовалось в таком-то порядке, с соблюдением таких-то форм и обряда производства, а теперь оно будет преследоваться в ином порядке, с соблюдением иных форм и обрядов, то, разумеется, мы говорим о законе процессуальном. А то обстоятельство, что процессуальный закон имеет обратную силу, признается всеми выдающимися криминалистами, и в подтверждение своих слов я могу сослаться на такой авторитет уголовного права, как, например, Таганцев [3]. У меня в руках первый том его

«Уголовного права»[1], где на с. 964 читаем: «Может ли иметь закон процессуальный обратную силу? Утвердительный ответ дают даже писатели, отрицающие возможность обратной силы закона. Как говорит Берто [4]: "При определении нужно иметь в виду два предположения: обвиняемые и подсудимые или невиновны, или виновны; в первом случае новый закон, как предполагается, предоставляет невино<вно>сти все гарантии, в которых она нуждается для своего торжества, т. к. как без такого предположения новый закон был бы несправедлив и по отношению к деяниям, совершенным после его обнародования; в случае же их виновности нельзя допустить, чтобы преступность могла иметь по отношению к обществу какие-либо права, основывающиеся на удовлетворительном законе, дающем им возможность избегнуть возмездия"[2]. Итак, раз мы признаем существующий до сего времени закон "неудовлетворительным", то, по мнению Берто, никоим образом не можем давать права "избегнуть законного возмездия"». Дальше Таганцев приводит мнение Нормана совершенно аналогичное и, наконец, указывает на прецеденты из русской судебной практики. Так, например, он говорит: «Когда 17 апреля 1866 г. в С.-Петербургском округе была введена судебная реформа, то действие Устава Уголовного Судопроизводства было распространено и на дела уголовные, начатые до того момента и находящиеся уже в производстве…». Мне казалось бы, что ввиду такого научного авторитета, каким представляется Таганцев, да и по существу вопроса нужно согласиться с судебной комиссией и принять законопроект в его целом, т. е. как первый его пункт, так и второй.

[1] См.: *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. Изд. 2-е. – СПб., 1902.

[2] См., например: *Bertauld A.* Cours de code penal et lecons de legislation criminelle. 4-е изд. – 1873.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 2. Заседание 3. 20.10.1908. Речь Г. Г. Замысловского о реформе судебной системы

Замысловский (Виленская губ.). Предложение Совещания [Государственной Думы. – *Д. С.*] сводится к тому, чтобы в четверг слушать законопроект о местном суде. Вот в этих пределах я и буду говорить. Я не буду становиться в плоскость рассуждения: или законопроект о местном суде, или законопроект аграрный – на эту плоскость рассуждения я становиться не буду, потому что нам об аграрном проекте пока не сказано ничего со стороны Совещания. Нам предлагают обсуждать законопроект о местном суде – и только. Я и буду доказывать, что этого законопроекта в четверг обсуждать нельзя, при этом я совершенно присоединяюсь к оратору, говорившему только что, что судебная система – дело неотложное, что местный суд у нас функционирует плохо, что реформа его, возможно скорая реформа, вообще необходима. Но дело в том, что, если мы в четверг приступим к рассмотрению того проекта, который нам предложен, мы эту реформу не подвинем вперед в смысле скорости ни на йоту. Дело в том, что предлагаемый нам законопроект о преобразовании местного суда вовсе не выражает всего законопроекта о реформе. Нет, законопроект о реформе местного суда разрезан комиссией на две части – одна часть пущена в общее собрание в виде доклада, а другая часть еще оставлена в комиссии. Казалось бы, если разрезают таким образом законопроект, то должны представить нам более или менее веские соображения о том, что разрезают его правильно, что эта первая часть может слушаться отдельно и независимо от второй. Та-

ких соображений в докладе нет, и я смею утверждать, что разрезан этот законопроект совершенно неправильно. Его можно было разрезать на две части, но не так, как это сделала судебная комиссия. Г<оспода>, мы приступаем впервые к рассмотрению сложного, большого, принципиальной важности законопроекта: желательно, чтобы с деловой, с технической точки зрения у нас все было бы оборудовано безукоризненно, чтобы в этом отношении не было ни сучка, ни задоринки. Но неужели можно приступить к рассмотрению такого законопроекта, который технически, в чисто деловом отношении получил направление совершенно неправильное? В докладе выделено судопроизводство, т. е. рассуждение о том, какие должны быть судьи – выборные или назначенные; должен ли быть волостной суд, или нет; но что будут судить эти судьи, об этом не сказано в докладе ни слова. Я вас спрашиваю: как же можно рассуждать о том, какие у нас будут судьи, когда мы не знаем, что эти судьи будут судить? Для меня такое положение вещей логически представляется совершенно невозможным. Далее: ведь один из главных вопросов – во сколько эта реформа нам обойдется. И вот в докладе говорится, что она обойдется в 13 млн. руб. А почему так? А потому, что будет 4500 судей. А почему будет 4500 судей? Почему не 5500, не 6500, не 2500? А потому, что они будут разбирать известный комплекс дел, а какой комплекс – этого мы не знаем; а раз мы не знаем комплекса дел, то мы не можем говорить, будет ли 4500, или 2500, или 6500 судей; а раз об этом мы не можем говорить, то стоимость реформы – это вопросительный знак, а между тем о стоимости в докладе говорится. (*Рукоплескания справа.*) Вот почему я утверждаю, что, к большому сожалению, по первому же серьезному делу у нас составлен доклад, который не удовлетворяет техническим, деловым требованиям. Таким

образом, к большому сожалению, нам надо вернуть этот доклад в комиссию и сказать, чтобы она его поправила, а поправить его очень просто – надо включить положение о подсудности. Положения о гражданской подсудности уже разработаны и приняты комиссией, значит, ничего не стоило, если бы только хотели составить правильный план, их включить. Положения о подсудности уголовной еще не рассмотрены, но, во-первых, у комиссии было сколько угодно времени их рассмотреть, а во-вторых, рассмотрение их отнимет у комиссии три или четыре заседания – не более. Это подтвердит всякий член комиссии. Но, помимо того, если бы мы принялись за рассмотрение предложенного Совещанием доклада, то я не вполне понимаю, что бы мы в сущности разбирали. В начале, после объяснительной записки, весьма краткой, занимающей восемь страниц, идут основные начала преобразования. Я полагаю, что это лишь продолжение объяснительной записки, а никоим образом не предмет самостоятельной баллотировки, ибо, напр[имер], в п. 1 «Начал» читаем: «Упразднение волостного суда». Ведь нельзя же, в самом деле, это баллотировать, потому что ведь, чтобы упразднить волостной суд, надо раньше решить, чем мы его заменим. Если мы его заменим чем-либо лучшим, его надо упразднить, а если мы его заменим чем-либо худшим, то его надо оставить. Или, напр[имер], п. 6 «Нравственный ценз» – и точка. Ведь нельзя же, в самом деле, баллотировать «Нравственный ценз». Таким образом, эти основные начала – не предмет для баллотировок и для делового обсуждения, это лишь продолжение объяснительной записки. Дальше идут постатейные уже суждения, отдельные статьи. И здесь опять-таки берет неразрешимое сомнение: что является предметом нашего обсуждения – местный ли суд, или изменение закона, именуемого «Учреждение

Судебных установлений». А это, г<оспода>, две вещи совершенно разные; местный суд и Учреждение Судебных установлений – это совсем не одно и то же, и я вправе требовать от доклада, чтобы там было изложено, что является предметом нашего обсуждения. В заголовке написано, что мы рассматриваем местный суд, а между тем в ст. 406–22 доклада говорится: «Защитниками по уголовным делам во *всех* судебных установлениях могут быть такие-то и такие-то лица». (*Голоса*: «К делу; это по существу!».) Таким образом, раз меняется соответствующая статья учреждения и говорится, что защитниками во *всех* судебных установлениях могут быть такие-то лица, то предметом нашего суждения является уже не местный суд, а Учреждение Судебных установлений вообще. Но если мы желаем менять Учреждение Судебных установлений, то дайте нам, пожалуйста, в докладе текст этого учреждения; а что мы видим в докладе? Первые 76 статей идут подряд, без пропуска, но после ст. 76 идет сразу ст. 97, потом сразу ст. 119, потом ст. 249, потом примечание к ст. 380, а самой ст. 380 в докладе нет. Как мы будем рассуждать о примечании к ст. 380, не имея перед собой самой статьи, я решительно не понимаю. Таким образом, одно из двух: если мы желаем обсуждать местный суд, то извольте выкинуть из доклада все, что не касается местного суда, все, что хотя и касается Учреждения Судебных установлений, но до местного суда отношения не имеет, если же мы будем обсуждать не местный суд, а изменение закона, именуемого Учреждением Судебных установлений, то дайте нам весь текст соответствующего закона, чтобы мы могли рассуждать не только о примечании к ст. 380, но и о самой статье. (*Голоса*: «Верно!».) Вот ввиду того, что доклад, к сожалению, составлен так, что его в четверг технически слушать невозможно, я и вношу предложение,

чтобы обсуждение его было отложено, в каковом смысле я и подаю соответствующее заявление. (*Рукоплескания справа и на некоторых скамьях слева.*)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 2. Заседание 18. 19.11.1908. Речь Г. Г. Замысловского о Главном военном суде

Замысловский (Виленская губ.). <Господа> члены Государственной Думы. Уже в то время, когда настоящий запрос [ряда депутатов Думы о Главном военном суде. – *Д. С.*] обсуждался с точки зрения формальной, я имел честь высказать по поводу него некоторые общие положения. Я считаю нужным повторить их теперь, присовокупив, что они разделяются и той фракцией, к которой я имею честь принадлежать. Уже в то время мы совершенно категорически заявили, что относимся к провокации как к деянию с нравственной точки зрения гнусному, а с точки зрения юридической – преступному; уже в то время мы заявили, что такое деяние, как подкуп солдат, хотя бы примененный и в делах раскрытия преступления, недопустим, что армия должна быть в этом отношении неприкосновенна и что никакие интересы сыска не могут опорочивать этого общего положения. Устанавливая такой общий взгляд по вопросу, который был затронут, мы в то же время протестовали против тех обобщений, которые делаются на почве единичного, весьма старого и весьма затрепанного факта. Эти обобщения повторяются и теперь; нам говорят об «общих приемах управления», нам говорят о безобразиях в сыскных отделениях и прибавляют, что раз в сыскных отделениях дело обстоит неблагополучно, то, следовательно, весьма вероятно, такие

же злоупотребления совершаются и в отделениях охранных. Мы находим, что раз прибегают к таким обобщениям, то нельзя ограничиваться одним отрывочным фактом, имевшим место три года тому назад, а надо привести что-нибудь посущественнее, надо привести ряд фактов, и только на основании ряда фактов, на основании целой цепи событий можно делать те выводы, которые в настоящем положении дела представляются совершенно необоснованными. Эти выводы нельзя делать еще и потому, что надо принять во внимание то время и ту обстановку, при которых произошло событие, положенное в основание запроса. Это время гораздо ближе к тому периоду, когда российской полицией управляли г. Лопухин [1] и кн<язь> Урусов [2], перешедшие затем в ряды кадетской партии. (*Рукоплескания справа*; *голос слева*: «Старо!»), чем к тому времени, когда во главе кабинета стал П. А. Столыпин, чистое имя которого служит нам порукой, что правительство никогда к провокациям прибегать не будет. (*Рукоплескания справа и голоса*: «Браво!».) Таковы общие положения, разделяемые фракцией, которые я считал нужным привести по данному вопросу. Далее, уже от своего имени, я перейду к фактическому разбору тех положений, которые лежат в основе запроса. Нам прежде всего выставляют авторитет судебного решения. Нам говорили прежде, когда были формальные прения, что оттого три года с этим запросом и медлили, что все дожидались вот этого судебного решения, этой, так сказать, брони, говорили, что вот, мол, мы заручились авторитетом судебного решения, и, таким образом, запрос наш покоится на незыблемом основании. Теперь представитель правительства заявляет, что решение-то было, но оно отменено, оно [ан]нулировано, оно сведено на нет, но у представителя кадетской партии и на это сейчас же находится соответствующее возражение. Там

ее представитель нам говорил, что авторитет судебного решения, хотя бы и военно-окружного суда (насколько это искренне сказано, я не знаю), стоит необыкновенно высоко, но когда ему ответили, что это решение отменено решением Главного военного суда, то он парирует: да, но вот новое решение Главного военного суда – это разврат. Вы видите, как точка зрения диаметрально меняется в зависимости от того, что мне удобно или неудобно. (*Голоса справа*: «Браво, браво!».)

Далее, когда он начал говорить уже не о военном суде, а о судах общих, так и тут он заявил, что вот раньше агентурные сведения во внимание судом не принимались, а теперь они принимаются, и, следовательно, эти решения ничего не стоят. Опять, г<оспода>, взгляд на судебные решения и на их авторитет очень быстро стал вверх ногами, и все это говорят нам вследствие тех очков, которые втирают всем и каждому агенты правительства. Успокойтесь, очки нам втирают не агенты правительства, а г<оспода> кадеты. (*Рукоплескания справа; смех и голоса слева*: «По пятачку за слово; слабовато».) Для вас и это хорошо. Но, помимо вот этих формальных соображений, формальных рассуждений об авторитете судебных решений, я, г<оспода>, хочу все-таки несколько вникнуть в вопрос о том, что же было за решение, и т. к. среди вас довольно много не юристов, то я начну это с довольно наглядного, мне кажется, примера. Вероятно, большинству из вас случалось бывать присяжными заседателями и разбирать такие заурядные дела, как дела о краже. И вот, представьте себе, что во время разбора такого дела получается указание на злоупотребления, учиненные по делу агентами полиции. Говорит об этом один, другой свидетель, говорит об этом подсудимый; как поступает суд? Он продолжает рассматривать дело о краже и постановляет по этому делу свое решение, имеющее авторитет

судебного приговора; но в то же время, усмотрев указания на злоупотребления полиции, он составляет особое определение, где пишет: у нас есть указания, у нас есть известное подозрение. Насколько оно достоверно, мы не знаем и знать не можем, хотя бы по той простой причине, что мы не выслушали обвиняемых. Может быть, они приведут нам такие объяснения, которые разобьют это подозрение на нет; но известное указание, известное подозрение у нас есть, поэтому мы и сообщаем соответствующему правительственному месту: будьте добры вот эти указания, вот эти подозрения проверить; может быть, они разобьются – тогда, конечно, не о чем и разговаривать, а, может быть, они подтвердятся – тогда, конечно, вы привлечете виновных к суду; вот такое определение по частному делу и было составлено военным судом. Ведь что он разбирал? Он разбирал дело о нижних чинах, чинах пограничной стражи, которые обвинялись в том, что вместо того, чтобы задержать контрабандистов на границе, они пропускали их через границу и потом уже начали задерживать, причем так поступили под влиянием взятки. Вот дело, которое разбиралось военным судом и было им решено. При рассмотрении этого дела о нижних чинах было прочитано показание свидетеля Грама, и суд усмотрел некоторое указание, возымел известное подозрение на неправильные действия полиции. Поэтому суд пишет: вот это наше указание, наше подозрение, не худо бы проверить. Вот чем исчерпывается значение этого приговора, даже если бы он не был отменен. Говорить, что приговором установлена виновность всех этих должностных лиц, говорить, что запрос покоится на незыблемых основаниях вот этого приговора, это значит смешивать частное определение с решением по существу дела. Ну, для не юристов такая ошибка возможна, но для юриста, мне казалось бы, таких ошибок не может быть, а

т. к. я не могу допустить, чтобы вас сознательно вводили в заблуждение, то я решительно не знаю, как объяснить эту ссылку на необыкновенную авторитетность определения военного суда.

Далее, нам много говорили о Граме, причем ему дают самые разнообразные эпитеты: еврей, контрабандист, а депутат Маклаков [3] прибавляет: агент правительства, а я ему тогда уж добавлю: и американский экскурсант. (*Смех справа; шум.*) Я добавлю это потому, что, как было сказано, Грам бежал в Америку и даже оттуда не возвратился. (*Голос справа*: «Жаль, что Милюков [4] возвратился»; *смех; шум справа; голос слева*: «А как же это узнали?».) Так нам сказал представитель правительства. Но, повторяю, не в этом дело; кто кого вводил в заблуждение, тоже для меня несущественно. Но вот чего я не могу допустить, это того, чтобы чин охранного отделения, и в частности подполковник Шебеко [5], действовал явно вопреки здравому смыслу, а если мы признаем доказанным то, что ему приписывается, то мы, несомненно, припишем ему действия, которые явно противоречат здравому смыслу. (*Шум и одобрительные возгласы справа; звонок председательствующего.*)

Надо сказать, что наша западная окраина в октябре 1905 г. кишела боевыми дружинами, и в ней был в чем угодно недостаток, но в противоправительственных прокламациях недостатка не было. Но этого всего, оказывается, для г. Шебеко было мало: этих дружин для него было мало и этих прокламаций было мало. Он хочет еще тому населению, у которого нет прокламаций, их раздать, тому населению, у которого нет оружия, дать это оружие. Для каких целей? Для целей провокации. Что же он для этого делает? У него в канцелярии вдоволь и оружия, и противоправительственных прокламаций, так что, если бы он хотел давать эти прокла-

мации мирному населению через своих агентов, он мог поступить очень просто: он мог призвать этих агентов, дать им оружие и сказать: раздавайте! Но нет, Шебеко поступает совсем иначе: он нанимает агента, посылает его за границу, платит ему деньги, говорит: купи за границей противоправительственные издания (точно у нас их было мало), затем подкупи пограничную стражу и все это провези. Вот что делает подполковник Шебеко; но, г<оспода>, это деяние явно не согласно со здравым смыслом. Если действительно подполковник Шебеко это делал, прибегал к этому необыкновенно кружному и сложному пути, когда у него под руками был путь чрезвычайно простой, то немедленно надо было освидетельствовать состояние его умственных способностей. Я не буду путаться в том, что говорит Грам, Качизна, Смелов, но для меня ясно, что такого противоречащего здравому смыслу действия подполковник Шебеко никоим образом предпринять не мог.

И вот в настоящее время я вижу со стороны интерпеллянта, что эти разговоры о провокации как будто утихают; в вину подполковнику Шебеко ставится уже не провокация, а его общение с американским экскурсантом Грамом. На это переносится центр тяжести, причем нам добавляют, что «индивидуальные черты отдельного запроса нас мало интересуют». Я думаю, что мало интересуют, когда они вдребезги разбиты и от них ничего не осталось. (*Рукоплескания справа.*)

Вот, г<оспода>, ввиду всех этих данных, ввиду тех заявлений, которые мы слышали от правительства, я от имени фракции правых предлагаю следующий переход к очередным делам: выслушав с полным удовлетворением мнение правительства, что провокация – деяние преступное, и находя в дальнейших заявлениях правительства достаточную гарантию, что мнение это полу-

чает и будет получать реальное осуществление, Государственная Дума переходит к очередным делам.

[…]

Замысловский. В каком порядке должны баллотироваться формулы, – вопрос очень существенный, если считать существенными сами формулы. Вопрос этот Наказом не предусмотрен. Нам говорят, чтобы баллотировать от одного края к другому. Мне кажется, принципиально против этого возражать нечего, но мы не понимаем, почему надо баллотировать слева направо, что для нас невыгодно, а не справа налево, что для вас, по известным соображениям, представляется выгодным. Мы думаем, т. е. я, положим, говорю лично от себя – фракция меня не уполномочивала; мы не имеем никаких указаний, чтобы начинать слева или начинать справа; тут надо применить правило, которое говорит: *prior tempore potior est jure*[1]: кто первый по времени, тот и пользуется преимуществом. Первой была подана переходная формула правых, вот почему я нахожу, что с этой формулы надо начать.

[…]

Замысловский. Господа. Проверка голосования по Наказу происходит, когда за эту проверку высказываются 50 чел[овек]. Поэтому прежде всего надо поставить вопрос: проверять ли голосование или нет. (*Шум; голоса*: «Не слышно!».) Первый вопрос, который должен быть поставлен, это – проверять голосование или нет; я прошу этот вопрос поставить на голосование. (*Шум.*)

[…]

Замысловский. Я имею честь заявить, что наш Наказ действительно делится на две части: принятую и непринятую, но в вопросах о голосовании мы все время

[1] «Кто раньше по времени, тот прежде по праву», т. е. кто явился раньше, пользуется законным преимуществом (лат.).

руководствовались непринятой частью. По стенограммам можно указать целый ряд прецедентов, где мы руководствовались при голосовании непринятой частью Наказа. Почему же теперь, г<оспода>, когда руководящая фракция боится остаться в меньшинстве, мы тем прецедентам, которые установлены в целом ряде случаев, начинаем изменять и говорить, что проверить голосование мы не хотим, когда по стенограммам я вам докажу, что 20 раз были такие случаи проверки.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 2. Заседание 32. 15.12.1908. Речь Г. Г. Замысловского о железнодорожной полиции и по Положению об усиленной чрезвычайной охране

Замысловский (Виленская губ.). Я, г<оспода>, никак не предполагал, что прения по настоящему законопроекту обернутся в такую сторону и мы по поводу учреждения двух должностей судебных следователей будем говорить о железнодорожных хищениях. Но раз уже речь зашла об этом, то я, не возражая против формулы перехода к очередным делам предложенной бюджетной комиссии, должен сказать, что корень зла здесь, конечно, гораздо глубже. Пока будет существовать теперешняя система возбуждения уголовного преследования против должностных лиц (**Маклаков** *с места*: «Верно!»), до тех пор вы, как следует, не излечите железнодорожное хозяйство. Необходима реформа именно в этой области (**Розанов** [1] *с места*: «Безусловно!»), а до тех пор реорганизация судебной власти, реорганизация власти полицейской не искоренит зла, потому что выше стрелочника эти власти брать не будут. В настоящее время мы сплошь

и рядом видим, что и полицейские, и судебные власти наталкиваются на такие железнодорожные хищения, в коих виноваты те железнодорожные агенты, которые являются агентами правительства. И как судебная власть, так и полицейская беспомощно останавливаются, ибо в отношении этих агентов они не могут принять никаких мер до возбуждения против них преследования их начальством. Затевается переписка по поводу возбуждения этого уголовного преследования, а покуда эта переписка идет, следы преступления стираются так, что потом уже восстановить их решительно нельзя. Таким образом, если вы желаете прекратить хищения в железнодорожном ведомстве, вы можете, конечно, идти путем замены существующих агентов другими агентами, путем так называемой чистки ведомства. Может быть, этот путь принесет известную пользу, но главный путь – это коренное изменение порядка возбуждения уголовного преследования за хищения правительственных агентов. Не установив нового порядка преследования (**Шингарев** *с места*: «За всякие преступления?») за преступления должностных лиц, вы хищений не прекратите. В этом 1-й пункт реформы. Пункт 2-й – это неудовлетворительная постановка у нас железнодорожной полиции. На железных дорогах полицейские функции несут офицеры и нижние чины отдельного корпуса жандармов. Здесь они, может быть, очень хорошо несут так называемую наружную службу, именно службу, касающуюся благоустройства на станциях, но розыскную службу они несут очень плохо; и в этом отношении порядки тут господствуют тоже удивительные. Напр[имер], в области политических преступлений, как вам известно, жандармы прибегают иногда к очень утонченным формам сыска, а в области железнодорожной службы они, наоборот, решительно никакого сыска не допускают; существует циркуляр, который запрещает

железнодорожным унтер-офицерам прибегать к переодеванию. Само собой разумеется, что железнодорожных воров можно ловить только в случае, если переодетый жандармский унтер-офицер или вообще полицейский агент сидит в поезде, едет в поезде и следит за лицами, которые ему подозрительны, которые у него, так сказать, на примете. Только таким образом можно действительно выследить железнодорожных воров. И вот та самая жандармская полиция, которая в области преступлений политических сплошь и рядом прибегает к переодеванию и даже к целой системе шпионажа, она здесь циркуляром запрещает своим низшим агентам прибегать к таким элементарным формам сыска, а потому эти унтер-офицеры красуются на станциях при проходе поездов, мечтают о том, как бы им попасть в весовщики на железнодорожных станциях, – это мечта каждого хорошего жандармского унтер-офицера, но в области действительного розыска почти ничего не делают. Наконец, 3-й пункт борьбы с железнодорожными хищениями заключается в необходимости дать в руки судебной следственной власти известный большой железнодорожный район и освободить эту судебную власть от производства других, не железнодорожных дел; сделать так, чтобы следственная власть занималась только железнодорожными делами, возникающими в довольно большом районе. Таким путем обнаружится масса преступлений, ибо следственная власть видит, что вот на одной станции совершается хищение путем известных приемов и способов и на другой станции за 150 вер[ст] хищение совершается опять-таки теми же приемами и способами; то же самое происходит на третьей станции, находящейся в другой стороне. <Отмечая> тождественность, однотипность этих приемов и способов, следственная власть, конечно, видит, что между всеми этими хищениями, в разных пунктах совершае-

мыми, существует связь, и, установив такую связь, она получает общую картину, благодаря чему захватывает все преступление достаточно широко. Вот три способа, которыми можно и дóлжно бороться с железнодорожными хищениями: во-первых, установление ответственности должностных лиц на новых началах; во-вторых, реформа железнодорожной полиции, и в-третьих, сосредоточение у судебных свидетелей сравнительно большого железнодорожного района с тем, чтобы они занимались только железнодорожными делами.

Затем здесь высказывалось мнение, что тут во всем виноват инородец, что вот инородцев пустили в железнодорожное ведомство, и от этого пошло все зло… (*Смех.*) Я так далеко идти не буду, но все-таки здесь приводились исторические справки. Именно из хроники судебных дел мы знаем две большие железнодорожных эпопеи. Одно – знаменитое контрабандное дело – слушалось в Петербургской судебной палате с массой привлеченных лиц. Нити этого сообщества начинались за границей и кончались в Петербурге во всяких галстучных магазинах, которые выписывали себе контрабанду. Это дело в свое время очень нашумело и привлекло внимание лучших адвокатских сил. Оказалось, что центром деятельности контрабандной шайки был именно г. Вильна, где <по причине действий> еврейски<х> агент<ов> подменялись посылки, шедшие железною дорогою из-за границы, на другие посылки, которые отправлялись в Петербург. Это одно дело. Другое железнодорожное дело, тоже очень нашумевшее в судебном мире, это огромные хищения по так называемым навалочным грузам, где по причине громадных железнодорожных злоупотреблений предъявлялись заведомо неправильные иски к казне, и казна заплатила по этим искам несколько миллионов рублей. Опять-таки центром этого дела был г. Варшава. Так что

отрицать видное участие инородческого элемента окраин в деле железнодорожных хищений не приходится. (*Рукоплескания справа.*)

[…]

Председательствующий. Угодно этот запрос [Запрос 44 членов Государственной Думы по поводу постановления Московского генерал-губернатора о дополнительных мерах по борьбе с левой печатью] признать спешным? (*Баллотировка.*) Спешность принята. Переходим к обсуждению запроса по существу. Слово принадлежит члену Государственной Думы Замысловскому.

Замысловский. По вопросу, г<оспода>, о пределах обязательных постановлений в местностях, где введено Положение об усиленной чрезвычайной охране, можно спорить очень много, определение пределов этих обязательных постановлений вовсе не так просто, как это кажется с первого взгляда. Доказывается это тем, что и Сенат не раз задумывался над тем, где кончается граница законности этих обязательных постановлений и где начинается область незаконных обязательных постановлений. Очень вероятно, что, взвесив все обстоятельства дела и обсудив всесторонне обязательное постановление генерал-губернатора Гершельмана [2], возможно усмотреть в нем некоторую незакономерность, но, во всяком случае, говорить, что эта незакономерность очевидна, что она бросается в глаза, что действия генерала Гершельмана можно признать незакономерными только на основании того, что прошло перед нами, – едва ли возможно. Ведь перед нами прошло только чтение текста запроса – и мы уже в течение каких-нибудь десяти м[инут] должны эту весьма сложную материю обсудить. Я говорю, что в такой короткий срок и при таком малом количестве данных решить вопрос о незакономерности нельзя: а чтобы дать вам некоторое представление о том,

насколько велики полномочия генерал-губернатора, я прочту некоторые статьи Положения о чрезвычайной охране, и вы увидите (*голоса слева*: «Знаем!»), насколько эти полномочия широки.

Нам говорилось, что данным обязательным постановлением Москва отдается на произвол администрации. Конечно, г<оспода>, не следует вводить чрезвычайную охрану в тех местностях, которые спокойны; но чрезвычайная охрана вводится на основании Высочайшей воли, поэтому рассуждать, правильно она введена или неправильно, мы не можем. Раз есть чрезвычайная охрана, то, значит, этим констатируется, что местность, в которой она введена, охвачена смутой, дошедшей до большой степени напряжения. Раз введено Положение о чрезвычайной охране на основании Высочайшей воли, то для нас, значит, представляется совершенно несомненным и лежащим вне спора то обстоятельство, что эта местность, в которой оно введено, охвачена сильной смутой, и по этому вопросу мы уже вдаваться в споры не можем. А если местность объявлена в состоянии смуты, то, действительно, администрации на точном основании закона предоставляются такие права, которые отдают обывателя на произвол администрации. Да, это так, но это на основании закона, и если вы прочтете закон, то вы в этом убедитесь. Так, напр[имер], генерал-губернатору предоставляется право изъятия из общей подсудности дела по известного рода преступлениям и проступкам; право налагать на срок объявления Положения [о] чрезвычайной охране секвестр на недвижимые имущества и арест на движимое имущество и доходы с них. Значит, генерал-губернатор и поступит закономерно на основании п. 4 ст. 26 Пол[ожения] о чрезв[ычайной] охране. Вы скажете, что это произвол. Я отвечу: да, это произвол, но произвол, который введен в закон на том основании, что

страна охвачена смутой. Далее: право подвергать в административном порядке лиц заключению в тюрьме и крепости, право устранять от должности на время объявления Положения о чрезвычайной охране, право разрешать экстренные, приостанавливать и закрывать очередные собрания сословных, городских и земских учреждений. Таким образом, опять-таки генерал-губернатор вправе остановить течение всей общественной жизни, все заседания, все собрания, даже частные; он может совершенно закрыть их и поступить вполне закономерно на основании ст. 26. Далее, он вправе приостанавливать периодические издания, таким образом, он может оставить Москву совершенно без газет, – ни одна газета в Москве не будет выходить. Пусть это произвол, но это произвол установленный опять-таки ст. 26, и, поступая таким образом, генерал-губернатор поступает вполне закономерно. Далее – право закрывать учебные заведения на срок не более одного месяца. Таким образом, все учебные заведения города Москвы могут быть закрыты генерал-губернатором, и, закрыв эти учебные заведения, установив эту страшную меру, тем не менее, генерал-губернатор будет оставаться в пределах своих полномочий. Вот, г<оспода>, когда вы обсудите те огромные, те колоссальные права, которые предоставлены генерал-губернатору по чрезвычайной охране, ибо чрезвычайная охрана – это не шутка, то тогда, мне кажется, вы можете задуматься над тем, было незакономерно оглашенное вам обязательное постановление или не было. Да, оно страшно стесняет граждан, оно устанавливает за ними страшный контроль, чуть не каждый человек может быть подведен под штраф, оно тяжко, оно ужасно – с этим никто не спорит. Но, г<оспода>, обратите внимание на то, что это Положение о чрезвычайной охране, то Положение, где, оставаясь в пределах своей власти, генерал-

губернатор имеет право закрыть все газеты, закрыть все торгово-промышленные заведения (*смех и голоса слева*: «Булочные, может, закрыть? Продолжайте, очень интересно – что еще он может сделать?»), право закрыть все учебные заведения и право прекращать все частные собрания. Если Государь облекает генерал-губернатора такими колоссальными правами и вдобавок снабжает его правом издавать обязательные постановления, пределы которых определены очень туманно, ибо сказано: «Издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка», то при наличности таких колоссальных прав говорить так сразу, в течение десяти м[инут], что вот эти обязательные постановления незакономерны, я, по крайней мере, не считаю возможным. (*Голос слева*: «А надо подготовиться!»; *рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 7. 24.10.1909. Речь Г. Г. Замысловского по поводу уголовного законодательства

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Вам внесен целый ряд, целый цикл законов, общая цель которых – смягчение участи осужденных или находящихся под судом и дарование им известных гарантий. Мне уже приходилось высказывать свой общий принципиальный взгляд на эти законопроекты. Я говорил, что, конечно, ничего нельзя иметь против гуманности, против снисходительного отношения к осужденным и находящимся под судом, против того, чтобы, по возможности, гарантировать их права. Но, к сожалению, все эти законопроекты имеют обратную

сторону. Все эти гарантии прав, которые даются ворам и грабителям, отражаются на тех, кого грабят и кого обворовывают. Вся гуманность, которая к ним применяется, сама по себе очень хорошая, к сожалению, тяжело отражается на мирном трудящемся населении и тяжело отражается в двояком отношении. Во-первых, она уменьшает ту защиту, и без того минимальную, которой пользуется наше сельское население. Ему теперь и так житья нет от всевозможных преступников, а вот этими гуманными законами и та малая защита, которую оно имеет, окончательно устраняется. Другая вредная сторона закона та, что все эти привилегии и гарантии ворам и грабителям стоят денег, а деньги, затраченные на обеспечение всяких удобств ворам и грабителям, ложатся также на мирное население. Излишек расходов, вызываемых рассматриваемым циклом законопроектов, уплачивается не теми, кому вы даете гарантии, не ворами и разбойниками, а тем трудящимся людом, который обворовывают и обкрадывают. Часть законопроектов этого цикла уже принята Государственной Думой, часть взята министерством обратно, и вот остался последний, но зато и самый вредный законопроект (*слева смех и голоса*: «Великолепно!»), к рассмотрению которого мы приступаем. Идея, принцип его хороши. Отправные точки законопроекта очень гуманны, против них ничего нельзя было бы возражать. Но, к сожалению, вся разработка, вся конструкция закона произведены неправильно, почему и сам закон, по моему убеждению, подлежит отклонению.

Я не желаю умалчивать о хороших сторонах закона, которые в нем есть. Эти хорошие стороны заключаются в применении закона к мелким преступлениям, к мелким кражам. Действительно, бывают случаи, когда человек стянет что-нибудь с голодухи; формально он виноват, над ним надо постановить обвинительный

приговор и заключить в тюрьму. Коронный судья обязан это сделать; но, с другой стороны, конечно, такого человека очень жалко сажать в тюрьму, потому что он совершил преступление в силу тягостных, весьма несчастливо для него сложившихся обстоятельств. И вот если бы только этими случаями ограничивались в применении закона, конечно, возражать против него не приходилось бы, но он сконструирован так, что эти случаи как раз отодвинуты на задний план, главная же цель закона заключается не в этих случаях, а совершенно в иных, о которых я буду говорить дальше. Но ведь и относительно рассмотренных случаев, где закон, казалось бы, полезен, надо сказать, что прежде всего он останавливается на полпути: ведь для человека, которого сажают в тюрьму за то, что он с голодухи стянул кусок хлеба, главное-то зло все-таки не тюрьма, а тот волчий паспорт, который вы выдаете ему вашим приговором; ведь вы к нему приклеиваете ярлык вора, и приклейка этого ярлыка, закрывающего путь к дальнейшему заработку, конечно, в десять раз тяжелее, чем те полтора месяца тюрьмы, которые ему придется отбыть и которые сами по себе для такого вора вовсе не особенно тягостны, потому что в тюрьме он живет лучше, чем на свободе. Поэтому, если вы говорите о гуманности, будьте последовательны и проводите эту гуманность до конца, позаботьтесь о том, чтобы как-нибудь избавить такого осужденного от этого позорного ярлыка, чтобы как-нибудь обеспечить ему дальнейший заработок, а то ведь настоящим законом вы, поверьте, для таких людей не делаете почти ничего, делаете очень мало.

Вот, г<оспода>, все хорошие стороны, которые можно в законе усмотреть. (*Голос слева*: «Маловато».) Если бы он говорил только об этих мелких кражах, если бы он был приурочен к ним, то, повторяю, никаких возражений

сделать было бы нельзя, можно было бы даже говорить о некотором расширении закона в смысле избавления подсудимого от того позорного пятна, которое ложится на него даже при действии настоящего законопроекта. Но, г<оспода>, закон приурочен вовсе не к тем маловажным преступлениям, не к тем несчастным, укравшим с голодухи, о которых я только что говорил. Ввиду системы нашего уложения о Наказании и Уголовного Уложения окажется, что под действие закона подойдут такие деяния, как, напр[имер], покушение на убийство, подойдут такие виды герценштейновских [1] иллюминаций, как, напр[имер], поджог хлеба, поджог склада дров, подойдут покушения на грабеж, а затем в области политических деяний, правда, не подойдут бомбисты, о которых упомянул член Думы Аджемов [2], но зато подойдут, напр[имер], члены преступных сообществ, поставивших себе целью ниспровержение существующего общественного строя. (*Голос слева*: «Союз Русского Народа» [3].) Все виды преступных воззваний, призывов к бунту (*голоса слева*: «К погромам»), учреждение революционных типографий, все эти политические деяния, в которых обыкновенно о раскаянии преступника не бывает и речи, – все они подойдут под действие рассматриваемого закона. Я понимаю, г<оспода>, что именно эта сторона закона (*обращаясь влево*) нам особенно приятна.

Председательствующий. Прошу не переговариваться.

Замысловский. Эти переговоры вызываются тем, что меня перебивают невозбранно.

Председательствующий. Прошу не перебивать оратора и не вызывать его на ответы.

Замысловский. Мне могут сказать, что и среди тех преступлений, которые я перечислил, среди преступлений вовсе уже не маловажных могут быть такие,

когда преступник вовлечен в преступление тоже благодаря стечению несчастных для него обстоятельств, где преступника хотя и надо наказывать формально, но, тем не менее, очень жаль, где, следовательно, есть наличность тех обстоятельств, которые вызывают отсрочку наказания. Может быть, мне приведут такой классический пример, как покушение на убийство любовника, совершаемое мужем. Да, действительно, такие исключительные случаи могут быть и в области тяжких преступлений, но корректив для них уже есть: он существует в виде помилования, а просьбы о помиловании, по существующим законам, исходят ведь не только от обвиняемого, но и от самого суда. Сам суд в настоящее время, по действующему закону, приговаривая такого подсудимого к строгому наказанию, к тому наказанию, которому он подлежит на точном основании закона, в то же время может возбудить ходатайство о помиловании, может просить, чтобы или совсем отменить наказание, или свести его к незначительному аресту или тюрьме, так что об этих случаях заботиться особенно не приходится. Так, в маловажных кражах можно говорить, что нельзя беспокоить Государя Императора по всяким пустякам; маловажных краж по всей России совершается бездна, и нельзя по таким мелким делам восходить к Государю Императору с прошением о помиловании. Но в крупных, важных делах – их, поверьте, во всей России не очень много, – когда такие исключительные случаи имеют место, когда действительно серьезный преступник, обвиняемый в покушении на убийство, оказывается вовлеченным в преступление такими исключительными обстоятельствами, суд всегда весьма серьезно обсуждает вопрос, не надлежит ли войти с ходатайством о помиловании. Таким образом, та хорошая сторона закона, которая относится к тяжким пре-

ступлениям, она уже существует в действующем праве, существует даже в гораздо лучшем, по моему мнению, виде, чем вы хотите ввести, и тут ничего нового в смысле гуманности вы не выдвигаете.

Но зато, г<оспода>, вред, причиняемый этим законопроектом, будет весьма серьезен. Представьте себе положение сельского жителя, какого-нибудь крестьянина, которого обокрали, ограбили, изранили, у которого сожгли его хлеб или его лес. Он употребляет чрезвычайные усилия, чтобы найти преступника, изобличить его; тот увиливает, ссылается на всяких лжесвидетелей – алибистов; наконец, дело идет на суд. Обвинитель и все его свидетели приезжают туда, приезжает и вор, поджигатель или грабитель, и в результате что же? «Да, этот человек виновен, – говорит судья, – т. к. он действительно украл, т. к. он действительно сжег хлеб, т. к. он действительно покушался ограбить, но я его отпускаю на все четыре стороны, и никакого наказания ему пока не будет!».

Г<оспода>, русский простой народ никогда не поймет этого закона, он всегда будет глубоко возмущен тем, что человек, которого изобличили, которым причинен в деревне огромный вред, едет с этого суда по той же дороге, тут же рядом, в соседний ближайшей таратайке с тем, кого он ограбил, сжег, обокрал. Возмущение таким положением вещей создастся огромное потому, что и теперь страна стонет от бессудия, от страшно увеличивающегося количества преступлений. Это создаст недоверие к суду, озлобление против суда, именно то, что нужно революционным элементам, потому что революционным элементам более всего нужно посеять раздор между властью и населением. (*Голоса справа*: «Правильно, верно!».)

Вообще, г<оспода>, между правосознанием города и правосознанием деревни – огромная, колоссальная разница, я сказал бы даже – пропасть, и тем, кто прича-

стен к судебному делу, кто судил и в городе, и в деревне, это совершенно ясно. Чем больше городской центр, тем больше и процент оправдательных приговоров у присяжных заседателей. Помню, напр[имер], как в Виленском окружном суде присяжные заседатели вынесли в одну из сессий восемь оправдательных приговоров подряд; в меньшем центре, в Гродне, такого случая за все существование суда не бывало ни разу. Объясняется это тем, что судит городская интеллигенция, люди, которые знают о преступлениях по газетным статьям, по различным книжкам, но которые сами не испытали, что такое преступление. Если у такого интеллигента вытащили из кармана кошелек, то ему от этого, в конце концов, беда не большая; эта интеллигенция не видала воочию людей, разоренных преступлениями, и вот она судит так, что оправдания идут быстрым темпом. Наоборот, на выездных сессиях, на тех сессиях, где судит крестьянское население, где судит русская деревня, которая по себе знает, что такое преступление и что такое преступник, там на всю сессию приходится два-три оправдательных приговора, не больше; присяжные заседатели судят чрезвычайно строго. Эту разницу, это взаимное непонимание надо учесть, а мне кажется, г<оспода>, что вы его не учитываете и поступаете, прежде всего, чрезвычайно непоследовательно. Еще в прошлом году вы приняли – по думской, а не по правительственной инициативе – закон, усиливающий наказание за конокрадство и вообще за кражу крупного скота; вы усилили репрессию за известную область имущественных преступлений, но ведь эта область от других аналогичных областей направлением злой воли не отличается, а направление злой воли – это именно и есть тот элемент, за который главным образом в уголовном праве карают. И что же? В прошлом году вы приняли закон, усиливающий уголовную репрессию, а в

этом году вы собираетесь принять закон, ослабляющий уголовную репрессию. Я должен, впрочем, оговориться; и правая сторона Государственной Думы, и левая сторона – они вели себя в данном случае очень последовательно: левая сторона чрезвычайно желала выдвинуть настоящий закон, ослабить репрессию и горячо возражала против закона, усиливающего репрессию, – это было последовательно; правая сторона выдвигала закон, усиливающий репрессию, и возражает против закона, ослабляющего репрессию, – это тоже последовательно. Но я совершенно не понимаю центра, который в прошлом году был за усиление наказания, а в этом году – за ослабление. (*Голоса в центре*: «Ничего подобного!»; *голоса справа*: «Полевели!».) Неужели такое изменение можно объяснить только переменой политической конъюнктуры? Ведь, г<оспода>, вы, правда, оговариваетесь, что к лицам, признанным виновными в краже лошади, настоящий закон неприменим; вы это оговариваете, но вы забыли, что тот прошлогодний закон применяется не только к краже лошади, а к краже вообще крупного скота. Таким образом, в прошлом году вы сказали, что за кражу крупного скота надо наказывать гораздо строже, во много раз строже, чем наказывали до сих пор, а в этом году собираетесь сказать: нет, за кражу крупного скота надо наказывать гораздо слабее, чем раньше, – тут все, что хотите, но только нет последовательности.

Нам много говорили об иностранном законодательстве – и о Новой Зеландии, и о Массачузете[1], и еще о целом ряде других более или менее экзотических стран. В этих странах, говорят нам, действие закона об условном осуждении чрезвычайно благотворно, так благотворно, что уже одно это обстоятельство заставляет

[1] Так в тексте. Имеется в виду Массачусетс – один из штатов США (Северо-Американских Соединенных Штатов). – *Д. С.*

поскорее внести такой закон и у нас. Пока я, слушая докладчика, собирался приводить аргументы против этого его построения, он уже перешел к последующей стадии своей речи и сам эти аргументы привел, так что мне остается только их повторить. Докладчик нам сказал, что в этих экзотических странах действуют, прежде всего, «пробацион-агенты», которые исследуют вопрос, можно ли применить условное осуждение или нельзя, которые наблюдают за поведением условно осужденных. Далее, он нам сказал, что там совершенно иная организация полиции: там существуют специально приспособленные полицейские агенты, которые за условно осужденными наблюдают. И вот здесь уже, г<оспода>, начинает проскальзывать и второй мотив, о котором я говорил вначале: дороговизна для трудящегося населения этих гарантий и привилегий. Итак, специально приспособленная полиция, особые учреждения, «вносящие залоги», – вот что существует за границей. Далее, г<оспода>, за границей существуют общества патроната, которые там образовались на почве общественной самодеятельности, а не на почве министерского циркуляра, как у нас. И вот при правильной организации всех этих учреждений, да, действительно, очень возможно, что закон об условном осуждении приносит хорошие плоды, но для этого нужна специальная организация полиции, нужны специальные пробацион-агенты, нужна общественная самодеятельность, нужно хорошее развитие обществ патроната. Наконец, г<оспода>, необходима хорошая регистрация населения, это первое условие для правильного функционирования настоящего закона, а у нас регистрации населения никакой нет. В г. Вильне существует базар Басаки, где фальшивые паспорта представляют собою совершенно такую же товарную меновую ценность, как поношенные пальто и старые сапоги. Как примеряют

на ноги чужие сапоги, так смотрят и на паспорт, чтобы он приблизительно подходил к приметам. Таким путем Иван свободно обращается в Петра, а Шмуль в Ицка. Но, г<оспода>, ведь это существует не только на базаре Басаки; мы знаем, что и в другой области, совершенно иной, Хаим обращается в Ефима и Аарон – в Аркадия. (*Рукоплескания справа*.)

Таким образом, повторяю, чтобы внести в действие закон об условном осуждении, нужно сначала добиться, чтобы была хорошая регистрация населения, и здесь я подхожу к чрезвычайно важному вопросу – вопросу о рецидиве. В области имущественных преступлений наибольшее внимание законодатель обращает именно на повторение преступления, на рецидив, причем юридический счет преступлений не совсем совпадает со счетом житейским, обыденным. Юридический счет таков, что, напр[имер], второй кражей признается кража, совершенная после осуждения и отбытия наказания за первую. Таким образом, если преступник совершил сначала одну кражу и затем, не отбыв наказания за нее, совершил другую, то по юридическому счету это будут «две первых кражи». Может быть, такое выражение звучит для обывателя дико, но по юридической терминологии это так: субъект совершил две первые кражи и ни одной второй. И вот, г<оспода>, когда вы вводите закон об условном осуждении, то вы одну кражу со счета выкидываете, и, конечно, статистические цифры вам покажут ослабление рецидива и по очень простой причине, потому что со счета вы скинули одну кражу. Ведь за первую кражу вы осуждаете «условно», и осужденный наказания не несет, поэтому, когда он после этой первой кражи совершит вторую кражу (по житейскому счету), то эта вторая кража по счету юридическому окажется тоже первой, потому что за насто-

ящую «первую» кражу наказание не отбыто. В списках приговоров не будет проставлен п. 8 ст. 170 Уст[ава] о Нак[азаниях], который говорит о краже, совершенной во второй раз; раз этот пункт не проставлен, Министерство юстиции обязано регистрировать первую кражу, а не вторую. Само собой разумеется, что будет падение рецидива, но оно будет на бумаге, в статистических цифрах, а вовсе не потому, что люди действительно будут совершать меньше повторных краж.

В области имущественных преступлений для избежания этого усиленного наказания за рецидив воры сейчас же после осуждения стараются переменить имя, выдают себя за другого, и если вы проследите область преступлений, совершаемых рецидивистами, то обнаружите массу таких случаев. Конечно, довольно часто рецидивистов уличают в этом, но часто они остаются неуличенными, и человека судят за первую кражу, когда на душе у него 4–5 краж, за которые он отбыл наказания. Теперь против такого явления существует хоть какая-нибудь узда, потому что если человек сидел в тюрьме и назвался затем другим именем, то есть средство изобличить его, предъявив тому тюремному начальству, где он отбывал наказание. Вводя же закон об условном осуждении, при действии коего условно осужденный вор не будет сидеть в тюрьме, вы и этого способа лишаетесь, у вас все будет «первая» кража, потому что при условном осуждении и при полном отсутствии регистрации населения условно осужденный вор сейчас же примет другое имя, из Арона обратится в Аркадия и, как я говорил, будет фигурировать на суде второй раз как укравший в первый раз. Это общее ослабление репрессий, которое вводится настоящим законом, совершенно несвоевременно, потому что страна, население, крестьянство стоном стонут от ужасающей разнузданности преступлений.

Такова первая часть моих соображений, так сказать, принципиального свойства; перехожу ко второй части, может быть скучной, но которую я считаю все же необходимым изложить. Я попробую доказать вам, что помимо принципиальной стороны дела настоящий законопроект технически совершенно не разработан, написан, что называется, юридически безграмотно. Прежде всего, закон говорит, что отсрочка наказаний неприменима к нарушению устава акцизного, но тогда неприменима, когда за это нарушение полагается денежное взыскание. Значит, когда полагается арест или тюрьма, тогда отсрочка наказания применима (ст. 4 законопроекта). Теперь представьте себе, что обвиняемый за акцизные нарушения приговорен к денежному взысканию в 50 руб. с заменой при несостоятельности арестом. Спрашивается: этот арест можно отсрочить или нельзя? Если нельзя, тогда получается несообразность: за более тяжкое наказание, когда назначается арест без штрафа, наказание можно отсрочить, а там, где назначается арест условный, на случай несостоятельности, в замену штрафа, наказание арестом отсрочить нельзя. Если же вы скажете, что в случае замены денежного штрафа арестом арест может быть отсрочен, то, само собой разумеется, ни один человек денежного штрафа не внесет. Зачем ему вносить денежный штраф, платить деньги, когда можно увильнуть от всякого наказания путем отсрочки? Это первая несообразность.

Теперь далее. Обращаю ваше внимание на статью, которая внесена в законопроект целиком комиссией, на ст. 16 (*читает*): «Если дело разрешается судом с участием присяжных заседателей и наказание, угрожающее подсудимому по закону или в случае дачи снисхождения, может быть назначено в пределах ст. 1» – т. е. сведено к году и четырем месяцам тюрьмы или крепости, – и

в то же время имеются и другие указанные в сем законе условия, при наличности коих допускается применение отсрочки наказания, то председатель суда разъясняет присяжным заседателям, что, отвечая на вопрос о виновности подсудимого и давая или не давая (если это не требуется) подсудимому снисхождение, они могут прибавить: «И кроме сего имеются основания для применения к подсудимому строгого наказания»; «такое признание присяжных обязательно для суда».

Статья написана, прежде всего, чрезвычайно двусмысленно. Что это значит: «обязательно для суда»? Представьте себе, что присяжные говорят: «Да, виновен, но наказание надо отсрочить». Права суда в понижении наказания очень велики. Это понижение может быть доведено до шести степеней (четыре за покушение и две в порядке ст. 135 Улож[ения] о Наказ[аниях]). Суд, однако, может понизить наказание и только на две степени. Таким образом, от суда часто зависит назначить наказание на срок менее одного года четырех месяцев тюрьмы и более года и четырех месяцев. Спрашивается: неужели вы обязываете суд непременно назначить наказание в минимуме? Если вы это хотите сказать в вашей статье, тот не называйте ваш законопроект законопроектом об условном осуждении, а назовите его законопроектом о том, что суд в определении мер наказания должен всецело действовать по директивам присяжных. Но этого, по-видимому, вы сказать не хотите. Значит, хотя бы присяжные и заявили, что наказание должно быть отсрочено, такое заявление все же не может обязывать суд назначить наказание в минимуме, а тогда получается следующая картина. Представьте себе, что суд колеблется: наказать подсудимого более строго, назначить ему наказание год и шесть месяцев тюрьмы, или наказать его менее строго, только на один год. Теперь оказы-

вается, что вы ставите суду дилемму: или наказывать на один год и шесть месяцев, или совсем не наказывать, потому что если суд накажет только на один год, то в силу вердикта присяжных он обязан вовсе «отсрочить» наказание. Вы пробуете создать гуманный закон и говорите в нем как раз обратное гуманности, потому что ставите суд в невозможное положение. Суд не желает отсрочивать наказание, но желает наказать подсудимого мягко, заключить его на один год в тюрьму, а вы говорите суду: или заключайте его на год и шесть месяцев, или совсем не заключайте, а наказать, но мягко вы не имеете права. Таково положение, в которое вы ставите суд принятой комиссией ст. 16, – ее в правительственном законопроекте не было, – и вы, несомненно, по-моему, совершаете то, что именуется технической ошибкой.

Но этого мало. Весьма серьезное значение по законопроекту придается вопросу о тунеядстве и праздности. Это тот момент, который, собственно, и определяет, можно ли отсрочить наказание или нельзя; если человек совершил преступление по тунеядству или по праздности, наказание нельзя отсрочивать, а если не по тунеядству и не по праздности, можно отсрочивать. Вот, значит, краеугольный камень, на котором зиждется законопроект. Об этом тунеядстве и праздности говорится в нескольких статьях законопроекта. Я приведу лишь одну как наименее характерную и как наиболее нужную мне для дальнейших выводов. Именно ст. 7. Она гласит: «Если осужденный ранее истечения назначенной ему отсрочки будет признан виновным в преступном деянии, совершенном до присуждения к наказанию, исполнение которого отсрочено, то наказание это *может быть* приведено в исполнение. Если же вновь обнаруженное деяние учинено по тунеядству или праздности, или по привычке к преступной деятельности, или вслед-

ствие обращения ее в промысел, или, будучи умышленным, повлекло наказание свыше заключения в тюрьме на один год и четыре месяца, то отсроченное наказание *обязательно* приводится в исполнение». Эту статью, написанную юридическим языком, я попробую объяснить житейским примером. Обвиняемый совершает мелкую кражу, но в соучастии с двумя-тремя лицами. Один из этих последних как вор-рецидивист подсуден окружному, а не мировому суду, следовательно, и все дело переносится в окружный суд. Производится предварительное следствие, пишется обвинительный акт, дело поступает в суд, где и слушается. Но тем временем, пока происходит вся эта процедура, довольно длинная, подсудимый совершает вторую кражу, уже подсудную мировому суду. Мировой судья присуждает к тюрьме, наказание отсрочивает, и вот этот приговор мирового судьи в виде дополнительной переписки поступает к тому делу, которое находится в окружном суде. Я привожу случаи, которые на практике бывают сплошь и рядом; я не занимаюсь теорией, не делаю экскурсий в Массачузет, а говорю вам о том, что постоянно наблюдается в судебных делах. У окружного суда, следовательно, неизбежно возникает вопрос: совершено ли преступление по тунеядству и по праздности или не по тунеядству и не по праздности, и этот вопрос может возникнуть в любом деле. Нет такого дела, за исключением разве очень тяжких преступлений, где была бы гарантия, что означенный вопрос не возникает, да и в очень тяжком преступлении он может возникнуть: путем ограничительных ответов эти тяжкие преступления обращаются присяжными заседателями в менее тяжкие. Итак, по каждому делу перед судом может стать вопрос: преступление совершено по тунеядству и по праздности или нет? Суд обращается к материалам, имеющимся у него, чтобы решить этот вопрос, а в этих

материалах о тунеядстве и праздности нет ни единого слова. Суд обращается к прокурору и говорит: «Ваше заключение, по тунеядству или по праздности совершено преступление, или не по тунеядству и не по праздности?» Добросовестный прокурор может дать только одно заключение: «Я не знаю»; другого заключения он дать не может. И вот, г<оспода>, в чем дело – средств узнать вы не даете; ведь суд, казалось бы, должен вернуть дело следователю, чтобы тот дополнил производство следствием и выяснил вопрос о праздности и тунеядстве, но судебный следователь по закону обязан «собирать доказательства, изобличающие подсудимого и устанавливающие его невиновность», собирать и выяснять улики, но тунеядство и праздность не есть улика – это обстоятельство привходящее и до сего времени нашему закону неизвестное в качестве решающего элемента. Следовательно, создавая настоящий закон, вы должны были создать и соответствующие статьи в тех главах закона, которые трактуют о производстве предварительного следствия; не дав там этих статей, вы ставите суд в совершенно невозможное положение: он должен трактовать о тунеядстве и праздности – это *conditio sine qua non*[1], а материалов у суда нет, и даже добыть эти материалы он не может, потому что, напр[имер], когда прокурор получит дело для написания обвинительного акта и для дачи ему дальнейшего хода, то, видя, что там нет ни звука об этом тунеядстве и праздности, видя, что он будет поставлен на суде в невозможное положение, прокурор не имеет права вернуть дело к доследованию, потому что случаи возвращения дел указаны в законе и среди этих случаев «тунеядства и праздности» нет. Таким образом, вы в своем стремлении «как можно меньше сажать в тюрь-

---

[1] Условие, без которого невозможно деяние, творчество, осуществление чего-либо (лат.) .

мы» превращаете суд в учреждение, к которому с уважением никто относиться больше не будет, потому что когда суд смаху решает вопрос о тунеядстве и праздности, а материалов для решения не имеет и не может иметь, то каково же может быть уважение к такому суду? Может быть, циркулярным путем будут даны инструкции, как собирать сведения о тунеядстве и праздности, но едва ли это будет правильно и едва ли хорошо со стороны Государственной Думы толкать Министерство на этот циркулярный путь. Но предположим, что вы поправите закон или его поправят в циркулярном порядке. Допустим, что сведения о тунеядстве и праздности собираются, но ведь они должны собираться по каждому делу, потому что по каждому делу этот вопрос может возникнуть ввиду той конструкции закона, которую вы ему дали. Подумайте же, г<оспода>, какую огромную дополнительную работу вы взваливаете на судебный персонал, заставляя по каждому делу исследовать вопрос о тунеядстве и праздности; если это делать добросовестно, – а вы должны издавать такие законы, на добросовестное исполнение которых рассчитываете, – то на следующий же год министр юстиции должен представить вам законопроект о значительном увеличении штатов судебного ведомства, потому что вы взваливаете на него огромную новую работу. И вот по этой статье расхода расплачиваться будет опять мирное население. Не эти воры и грабители, интересы которых так дороги некоторым из здесь присутствующих, а именно то мирное население, которое ради этих грабителей будет платить за увеличение судебного персонала. (*Голос справа*: «Браво!».) Мало того: вы знаете, что в суд обвиняемый почти всегда вносит ходатайство о вызове дополнительных свидетелей. Ходатайства эти часто обусловливаются даже не стремлением избавиться от наказания, нет, просто-напросто

один арестант просит другого: мне, мол, желательно из одной тюрьмы пропутешествовать в другую, – а это ему всегда желательно, т. к. это прекрасный случай для побега, так вот сошлись на меня как на свидетеля, и меня из той тюрьмы, где я сижу, пошлют в ту тюрьму, где производится над тобой суд. По этим и по многим иным соображениям обвиняемые подают почти всегда, почти по каждому делу прошения с указанием на целый ряд новых свидетелей. В настоящее время у суда есть право войти в обсуждение вопроса о том, в подтверждение существенного или несущественного обстоятельства вызываются эти новые свидетели, и если свидетели вызываются в подтверждение обстоятельств несущественных, то суд в вызове отказывает. Вопрос этот опять-таки связан с материальными интересами казны, ибо хотя судебные издержки и возлагаются на осужденного обвиняемого, но фактически огромное большинство этих обвиняемых оказываются несостоятельными, и издержки платит казна. Теперь представьте себе при действии нового закона, что каждый обвиняемый подает прошение, в котором указывает целый ряд новых свидетелей. Ведь обвиняемый ничем не рискует, он может их указать хоть 100 человек, ему это решительно ничего не стоит. Вправе ли суд отказать в вызове свидетелей, если обвиняемый ссылается на них в доказательство того, что совершил преступление не по тунеядству и не по праздности? Суд, охраняя свое достоинство, охраняя свое беспристрастие, обязан вызвать этих свидетелей. И вы тогда увидите, какой опять громадный расход вы возложите на казну этим так называемым гуманным законом. Вот, г<оспода>, та техническая сторона закона, которая совершенно не разработана и которая делает его неприемлемым. (*Голоса справа*: «Браво!».) Сводя воедино все сказанное, я утверждаю, что настоящий законопроект,

по моему глубочайшему убеждению, подлежит отклонению не потому, что идея его неправильна, или принцип, положенный в его основание, неверен, – нет, принцип и идея хороши, но комиссионная разработка их совершенно ложная, ложная потому, что разрабатывающий клал в основание разработки не интересы вот этого несчастного человека, который стащил булку, а совершенно другие интересы, интересы тех, которые добиваются, чтобы, согласно словам докладчика, «сажать в тюрьму как можно меньше» не потому, что преступность уменьшается, а потому, что им желательно увеличение преступности. (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 12. 02.11.1909. Речь Г. Г. Замысловского о судебной реформе

Председательствующий. Заседание возобновляется. Слово принадлежит члену Государственной Думы Замысловскому.

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. То обстоятельство, что судебная реформа назрела, что она необходима, что существующий местный суд во многих отношениях неудовлетворен, – едва ли можно отрицать, но тот способ, которым его хотят реформировать, тот проект преобразования, который мы теперь рассматриваем, мне кажется совершенно неудовлетворительным. Я думаю, что реформа, если она будет проведена в том виде, как предлагается теперь, не улучшит, а ухудшит положение местного суда. Нам предлагают создать единоличного выборного мирового судью с весьма широкой компетенцией: он бу-

дет разбирать дела от рубля до тысячи, в том числе и дела земельные, дела о праве собственности на недвижимость, а затем, в порядке понудительном, исполнение по актам, дела на всякую сумму – и на 10, и на 20, и на 40 тыс. руб. Таких судей предполагается создать 4500, не считая окраин, не считая Финляндии, Прибалтийского края, Привислинского, Кавказа, Туркестана и Сибири. Может быть, создание такой внушительной армии мировых судей отзовется большим сокращением в отношении некоторых других должностей? Но этого нет: земские начальники останутся, т. к. главные их функции административные, а не судебные, о сокращении их числа в законопроекте ничего и не говорится. Будут упразднены городские судьи, но городских судей немного: едва ли общее число их превышает 500 чел. Далее идут уездные члены окружных судов. И вот здесь мы видим, что законопроект имеет лишь, так сказать, эскизный, поверхностный характер, ибо вопрос об уездных членах, об их сохранении или упразднении остается нерешенным.

Обязанности уездных членов в настоящее время трояки. Во-первых, разбор известных дел, преимущественно исков от 300–500 руб, – в качестве судей первой инстанции. Эти функции, безусловно, будут переданы мировым судьям. Во-первых, уездные члены, за отсутствием предводителей дворянства, председательствуют в уездных съездах. Эти функции также от них отойдут. В-третьих, они выполняют поручения окружных судов, производят по их требованию местные осмотры и допросы свидетелей. Эти обязанности уездных членов – весьма сложные и трудные, сопряжены с разрешением чрезвычайно важных земельных исков, подчас на очень большую сумму. И вот нам не дают ответа: будут ли и эти функции отнесены к области ведения мировых судей – и тогда, следовательно, уездные члены упразднены – или

же производство этих местных осмотров, этих поверочных действий по большим и сложным делам, производимым в окружных судах, нельзя отнести к ведению мировых судей, и уездные члены должны остаться? Между тем это вопрос далеко не маловажный. Таким образом, повторяю, сокращения в служебном персонале получаются небольшие, следовательно, не велика будет и экономия в смысле расходов, зато увеличение их окажется весьма значительным: 4500 участковых судей обойдутся казне в 13 500 тыс. руб. новых расходов. Но кроме участковых судей потребуются судьи добавочные; в каком количестве – об этом опять доклад молчит, но мне думается, что на пять участковых судей потребуется один добавочный, и тогда цифра добавочных судей выразится в количестве 900 чел. Наконец, потребуются председатели мировых съездов. Сколько будет этих председателей хотя бы приблизительно – опять в докладе не сказано; думаю, понадобятся около 500 чел. Если мы упраздним уездных членов окружного суда, у нас будут готовые кадры для председателей мировых съездов, но вопрос об упразднении их, повторяю, не решен, он висит в воздухе, и, следовательно, эти 500 председателей мировых съездов лягут новым расходом на казну.

Далее. Мировым судьям надо отпускать из местных средств квартирное довольствие, определенное законопроектом лишь в minimum'е – в количестве 180 руб. на судью; но опять-таки, несомненно, что на этом minimum'е остановиться нельзя, потому что квартира стоит не 180 руб., а значительно больше, и едва ли земские собрания решатся предлагать мировым судьям в вознаграждение за их квартирные расходы такую смехотворную сумму, как 180 руб. в год, тем более в больших городах. Но, помимо квартиры, у мирового судьи должна быть камера – помещение из нескольких комнат; откуда возьмутся

эти камеры – законопроект ответа не дает. Если масса мировых судей будет жить в селах, то ведь там ничего похожего на подобные помещения нет, значит, их надо построить вновь, и эта постройка опять потребует большого расхода. Такова сторона финансовая, но, конечно, сама по себе она серьезным препятствием для приведения законопроекта в действие служить не может. Обращу внимание еще на одно обстоятельство, тоже, может быть, второстепенное, но для последующего изложения довольно важное. Законопроектом впервые вводится так называемая стационарная система, вводятся «разъездные» судьи, разбирающие дела, по возможности, в местах их возникновения. Эту систему необходимо было создать, раз упраздняется волостной суд. Нельзя, в самом деле, заставлять крестьянина из-за рублевого иска идти к судье за 20 с лишком верст – это вызовет такие накладные расходы, которые при мелких исках равносильны отказу в правосудии. Во избежание такого дефекта и введена стационарная система, введены последовательные объезды мировыми судьями своих участков. Когда шли рассуждения о ней в комиссии – докладчик рисовал такие разъезды в красках весьма идиллических; он говорил, что в деревне будут предупреждать мужичков – тогда-то приедет судья; собираются мужички, судья действительно приезжает; посудит он этих мужичков и поедет дальше; а там то же самое – предупрежденные мужички приходят судиться.

Г[осподин] министр юстиции был не так идилличен, но и он предполагал, что все эти круговые объезды будут производиться по заранее составленному точному маршруту. Мне думается, ошибается не только докладчик, но и г[осподин] министр юстиции. При наших расстояниях, при нашем климате и при наших дорогах составлять заранее подобные маршруты можно, но выполнять их

нельзя. (*Голос справа*: «Верно!».) В действительности эти постоянные разъезды, несомненно, будут производиться хаотически. Соблюсти здесь срок, последовательность, выдержать определенный маршрут едва ли представляется возможным: то помешает метель, то распутица, то, наконец, судью задержат совершенно непредвиденно, потому что явятся новые свидетели, понадобится осмотр на месте, а в это время уже стемнеет и ехать дальше будет нельзя. Но, главным образом, введение стационарной системы, необходимое вследствие упразднения волостных судов, имеет крайне вредную обратную сторону. Одно из важнейших достоинств суда заключается в том, чтобы тяжущийся всегда имел уверенность, что он застанет судью в определенное время в определенном месте. Это требование чрезвычайно важно, и в особенности оно важно при той широкой компетенции, которую вы даете вводимому вами мировому судье, при том условии, что в порядке понудительного исполнения по актам иски разбираются на любую сумму – на 20 тыс. и на 40 тыс. руб. Совершенно очевидно, что такие судебные действия, как обеспечение иска или выборка исполнительного листа, отлагательства не терпят. Не обеспечить иск своевременно – очень часто значит совершенно упустить из рук все взыскание, потом уже нечего будет обеспечивать. Вот почему, раз судье даны важные дела в смысле цены иска, то необходимо, чтобы население всегда имело уверенность, что оно в определенное время застанет судью в определенном месте и судья без всякого замедления исполнит все требования, которые по самому существу отлагательства не терпят. Вводя постоянные разъезды, вы создадите «судей-невидимок», и тяжущийся, когда ему нужно по неотложному делу видеть судью, будет беспомощно метаться, не зная, где судью застать. Этого мало, не говоря уже о крупных взыскателях, у которых обеспе-

чение иска, выборка исполнительных листов не терпят отлагательства. Возьмем обыкновенного простолюдина, у которого мелкие рублевые иски. Войдите в его положение: он, не осведомленный в судебной процедуре, раз является в судейскую резиденцию и не застает судью; говорят: когда вернется судья – неизвестно; он приходит второй раз, и опять нет судьи. Что же ему делать? Единственный выход – пойти к адвокату, который услужливо ждет и все сделает. Вот, г<оспода>, последствия той стационарной системы, которую вы вводите, последствия весьма серьезные, их надо учесть; но, повторяю, это лишь замечания предварительные; сами по себе они, конечно, всецело опорочить законопроект не могут.

Перехожу к возражениям более существенным. Если вы создадите выборных судей, то, несомненно, нужно твердо и определенно сначала установить: кто будет выбирать; только решив этот вопрос, можно логически перейти к следующему: кого будут выбирать. Рассуждать, кого будут выбирать, не зная, кто будет выбирать, логически совершенно недопустимо, это логический абсурд. Кто же будет выбирать? Нам говорят – земские собрания; но ведь вы же сами, г<оспода>, находите, что это учреждения, функционирующие неудовлетворительно; вы же сами говорите, что не сегодня-завтра их надо преобразовать. Насколько мне известно, именно центром Государственной Думы, который особенно стоит за настоящий законопроект, выработано законодательное предположение об изменении, о реформе земского самоуправления. И сознавая, что органы, которые будут выбирать, неудовлетворительны, затевая, так сказать, спор о том, кто будет выбирать, вы желаете, чтобы раньше, чем мы решим этот спор, мы бы вам сказали, кого надо выбирать. Мне думается, это логически совершенно недопустимо. Мало того, в комиссии по самоуправлению имеется уже прави-

тельственный законопроект, значительно подвинувшийся рассмотрением, о волостном самоуправлении. В этом законопроекте есть, между прочим, статья, гласящая, что избрание уездных земских гласных производится всесословным волостным собранием; таким образом, меняется вся система земских избирательных собраний. Проект уже здесь, он рассматривается комиссией, он мог бы через месяц-два поступить в Общее Собрание Государственной Думы, если бы этого действительно серьезно пожелали. И вот, накануне такого законопроекта, накануне коренной ломки вопроса о том, кто будет выбирать, мы занимаемся совершенно бесплодным вопросом – кого будут выбирать, какая-то неизвестная нам величина, какой-то X.

Основное требование, предъявляемое судье, – независимость и несменяемость. Раз создают выборного судью, то несменяемость отпадает, так сказать, сама собою; но взглянем на другое качество – на независимость. Вы вверяете выбор судей земским собраниям. Но разве вам не известно, что в настоящее время в этих собраниях идет жестокая политическая борьба, что выборы в эти собрания в большинстве случаев производятся вовсе не на экономической платформе, а на платформе политической? В газетных отчетах вы все время читаете, что в таком-то губернском земстве победили правые и забаллотированы кадеты, а в таком-то победили кадеты и забаллотированы правые, и вот в эти собрания, где кипит и, к сожалению, вероятно, долго еще будет кипеть политическая борьба, вы передаете выборы тех судей, в основу деятельности которых вы кладете независимость и несменяемость. (**Марков-второй** *с места*: «Браво!».)

Г<оспода>, вам уже было сказано, что крестьян вы совершенно от выборов судей устраняете, и, конечно, крестьяне этим довольны быть не могут; острые нотки

раздражения, нотки горькой обиды уже сквозили в речах крестьян с кафедры Государственной Думы. Мало того, эти жалобы осложнились тем, что уже совершенно нежелательно при рассмотрении такого делового законопроекта, как настоящий, – зазвучало противоположение крестьян дворянам. Я глубоко осуждаю тех, кто стал бы по настоящему законопроекту в такую плоскость рассуждения, я осуждаю за эту часть речи члена Думы Челышова [1], который именно так ставил вопрос. Но уже то обстоятельство, что здесь, может быть, даже невольно, может быть, в пылу ораторского увлечения, этот вопрос встал, заставляет подумать о том, как будет принят настоящий законопроект крестьянским населением. Член Думы Челышов противопоставлял дворянство крестьянству, чего, повторяю, делать не следовало, и за это я всемерно осуждаю его. Ну, хорошо, а дворяне, этот поместный элемент, он, по крайней мере, спрошен? Для крестьян законопроект явно не желателен. Ну, а для поместного элемента он желателен или нет? Вы его спрашивали? Спрашивали ли вы хотя бы о том, найдется ли на местах эта армия в 4500 судей? Вам указывали, что, когда речь зашла о каких-то рогожных мешках, и тогда спрашивали сведущих людей с мест. В настоящее время обсуждается вопрос о введении земства в девяти западных губерниях [2]. Что сделало правительство? Оно первым делом вызвало сведущих людей с мест, вызвало русских, поляков, и первый вопрос, который оно им предложило: «Найдутся ли у вас культурные силы, необходимые для того, чтобы ввести земство?». Раз вы даете населению выборный мировой институт, то первое, что надо, это спросить население: будут ли люди, которые могут служить по выборам? А ведь в данном случае такого вопроса не предлагалось, никто не спрошен, и я вполне убежден, что таких людей не найдется,

их не найдется вообще, потому что теперь деревня слаба культурными силами; их не найдется и вследствие тех очертаний, которые вы придали законопроекту, а очертания эти таковы, что человек, желающий заниматься сельским хозяйством, не может идти в мировые судьи, потому что если он идет в мировые судьи, то, будучи человеком добросовестным, должен сельское хозяйство забыть, ибо для сельского хозяйства у него не останется ни одной минуты свободного времени. В самом деле, вы создаете мировые участки с пространством в среднем 900 кв. вер[ст] и возлагаете на единоличного судью приблизительно в среднем 1500 дел. Это, г<оспода>, работа огромная, работа, которая в связи с разъездами, с местными осмотрами отнимет все свободное время. Как только наступит весна, как только земля просохнет, мировому судье придется приниматься за массу накопившихся у него земельных осмотров – сложных, тянущихся по несколько дней. Как только он развяжется к осени с этими осмотрами, у него уже будет груда дел, которые он будет разбирать до следующей весны. Мне, может быть, возразят, что в городах судьи рассматривают не 1500 дел, а гораздо больше – 4–5 тыс. (*Голос в центре*: «12 тысяч!».) Но, во-первых, у городских судей нет разъездов, а во-вторых, городские дела и сельские – несоизмеримые величины. Большинство городских гражданских дел основано на документах: это взыскания по векселям и иным бесспорным обязательствам, взыскания по подписанным счетам, дела, которые возникнут на основании квартирного найма, на основании книжек, которые опять-таки подписаны. Для разрешения таких дел много времени не надо. Масса дел об охране имущества, которые решаются путем чуть ли не простого штемпелевания. Совершенно не то в деревне. Деревня безграмотна, и почти все деревенские иски основаны

на словесных договорах, на словесных сделках. Это в большинстве случаев или дела о земле, или дела по поводу земли, а все дела о земле и по поводу земли очень сложны. Они требуют массу свидетелей и массу времени, вот почему мировой судья, имеющий район в 900 кв. вер[ст], обремененный 1500 дел, сопряженных с осмотром и допросом массы свидетелей, а может быть, обремененный еще поручениями окружных судов, – мы этого не знаем, – он, повторяю, ни единой свободной минуты иметь не будет, так что заниматься сельским хозяйством, быть сельским хозяином и мировым судьей одновременно – для добросовестного человека станет невозможным. Если бы вы спросили местных людей, то, конечно, они придумали бы вам такую конфигурацию суда, при которой можно было бы сочетать и то и другое. В частности, именно то, что предлагает член Государственной Думы Челышов, – создание бессословных судов по образцу гминных[1], конечно, даст возможность председателю этого суда, в большей или меньшей мере, заниматься сельским хозяйством и в то же время отправлять правосудие.

Мне, может быть, еще возразят, что ведь были мировые судьи в 60-х и 70-х гг., которые, оставаясь сельскими хозяевами, справлялись и с делами, но, во-первых, тогда был иной уклад жизни, гораздо более патриархальный, гораздо более простой экономически, а затем от этих мировых судей была изъята вся подсудность снизу, потому что параллельно с мировыми судьями существовали волостные суды, которые вы теперь хотите уничтожить. А для того, чтобы понять соотношение между делами той и другой категории,

[1] Гмина (польск. *gmina* – волость) – наименьшая административная единица Польши. Название произошло от немецкого *gemeinde* (русск. – община). Гмины объединяются в повяты, а те в свою очередь – в воеводства.

я приведу несколько цифр. Если мы, с одной стороны, возьмем все дела, решаемые волостными судами, а с другой стороны, дела, решаемые городскими судьями, земскими начальниками и уездными членами окружных судов, то получим пропорцию 6 : 1, а может быть, 7 : 1. Волостные суды в 6, а может быть, и в 7 раз больше решают дел, чем городские судьи, земские начальники и уездные члены окружных судов, вместе взятые. Далее, из дел, находящихся в производстве волостных судов, приблизительно лишь 15% исков от 50 до 100 руб., а вся остальная масса – 85% – это дела менее 50 руб.; если же взять дела менее 50 руб., то и здесь огромное количество выпадает на мелкие иски – менее 30 целковых. Но эти мелкие иски, тем не менее, требуют больших хлопот и большой работы для их разрешения; вот почему и сравнение с мировыми судами 60-х и 70-х гг., мировыми судами, действовавшими по уставам Императора Александра II [3], тоже в настоящее время неуместно.

Г<оспода>, от судей требуют обыкновенно одно из двух качеств – одно из двух, потому что оба, к сожалению, почти несовместимы: или требуют, чтобы судья был профессионал-юрист, чтобы он хорошо знал законы и умел в них разбираться, для чего нужно, главным образом, высшее юридическое образование, или, поступаясь этим требованием, предъявляют другое – чтобы судья без высшего образования был местным жителем, знал местный быт, местные обычаи, нравы, условия местной жизни. Опыт сочетания того и другого и представляет собою суд с присяжными заседателями. Обыкновенно в высших судах требуется первое условие и поневоле игнорируется второе; в судах низших налегают на второе условие и поневоле игнорируют первое. Я утверждаю, что в судах, проектируемых вами, не будет соблюдено ни то, ни другое; от первого условия вы

с самого начала отказываетесь, вы говорите, что мировыми судьями могут быть люди со средним образованием; получить диплом среднего образования в настоящее время весьма не хитро, и поэтому можем заранее сказать, что в мировые судьи будут попадать лица, очень мало сведущие в юриспруденции. Тот практический экзамен, который будет им производиться, едва ли может служить задерживающим центром. Но будут ли это люди местные, знакомые с местной жизнью, обычаями, с местным населением? Главную волну местного населения, крестьянство, вы совершенно оттираете. Поместных владельцев вы не спросили: хватит ли у них людей для пополнения огромного комплекта судей, вы не спросили и о том, пойдут ли эти люди в судьи при тех условиях, в которые вы поставили мировой суд? Но зато вы широко открываете двери для людей, с местной жизнью ничего общего не имеющих. Создавая имущественный ценз, вы его формируете следующим образом: «Достаточно, чтобы судья в пределах той губернии, по которой он выбирается, числился по документам в течение года собственником городской недвижимости, оцененной в 3 тыс. руб., т. е. вы не требуете почти ничего, ибо числиться по документам собственником городской недвижимости, оцененной в 3 тыс. руб., может человек, ничего общего с данной местностью не имеющий. И вот такой человек со средним образованием, очень часто неудачник, недоучка, которому надо как-нибудь пристроиться, заручившись таким фиктивным цензом, выставляет свою кандидатуру в мировые судьи и выбирается потому, что никого больше нет, людей нет. Я боюсь, что в руки таких лиц вы отдаете мировой институт, а эти лица представляют, конечно, элемент наименее желательный, потому что, гоняясь за заработком, гоняясь за куском хлеба и находясь на выборных должностях, они

все свое внимание устремляют на то, чтобы удержаться всеми способами. Мы знаем, какие это способы, – быть приятным влиятельным избирателям. Я боюсь, что вы, отстранив от суда крестьянство и поместный элемент, заполните суд людьми нежелательными, которые погубят мировой институт. (*Голоса справа*: «Браво!».) Но, г<оспода>, мне, может быть, скажут: «Критика легка, а вот создайте что-нибудь положительное; вы забраковываете тот законопроект, который разработан, а что вы даете взамен? Неужели вы – сторонник этих волостных судов, в которых господствует взяточничество, пьянство, в которых всем вершит волостной писарь, в которых дикое применение обычаев?». Я отвечу: нет. Я совершенно такой же противник волостных судов в их теперешней постановке, как и докладчик [4], как и министр юстиции [5]. Я говорю, что таких судов больше существовать не должно, они должны быть уничтожены, но вот дальше мы расходимся с докладчиком, потому что тут он, по моему мнению, делает логический скачок. Он говорит: если нельзя удержать теперешние волостные суды, то, следовательно, надо ввести единоличного мирового судью, который будет избираться земским собранием, а я возражаю: нет, это совсем не «следовательно». Волостные суды следует устранить, но на место их надо ввести вовсе не единоличного мирового судью, а нечто иное. А для того, чтобы понять, что именно можно ввести на место этих волостных судов, надо разобраться в тех их недостатках, которые выдвинуты.

Первый недостаток – сословность; суд не должен быть сословным. И действительно, до последнего времени этот недостаток был непреоборим, потому что сословной была та территориально-административная ячейка, из которой образовывался волостной суд; раз волость была сословной, то, само собою разумеется,

должен был быть сословным и тот суд, который из этой волости проистекал, и это был тот камень преткновения, о который спотыкались все реформаторы. Все они должны были считаться с тем, что сословный суд не должен существовать, и как только эти реформаторы хотели отказаться от сословности, так из области судебной реформы они поневоле попадали в запретную для них в то время область реформы административной, область реформы самоуправления и на этом останавливались. Но именно теперь ларчик открывается просто; волшебный ключ к нему найден, потому что у вас есть законопроект, который говорит о бессословной волости, и вы сами, большинство, этот законопроект, по-видимому, поддерживаете; вы говорите, что волость должна быть всесословная, а если так, если вы эту территориально-административную ячейку делаете из сословной бессословной, то, само собой разумеется, что и тот суд, который проистекает из этой ячейки, делается сам собою бессословным. Отпадает то первое обвинение, которое вы ставите волостному суду. Обвинение второе – взяточничество и пьянство; в нем много преувеличенного, много неверного. Однако, чтобы не осложнять спора, я в отношении взяточничества и пьянства готов признать все то, что говорилось г[осподином] докладчиком и министром юстиции. Но вам уже было доложено, что взяточничество и пьянство происходит от невозможной постановки волостного суда, оттого, что этот суд оплачивается грошами и в него идут не лучшие крестьяне, а худшие, а по худшим крестьянам вы не имеете права судить о лучших. Возьмите любую отрасль суда или управления и обставьте ее так, что человек, идущий туда поневоле, должен жить доброхотными даяниями, потому что жалованья ему не хватает даже на расходы, сопряженные с должностью. Само собой разумеется,

что на такой должности сейчас же начнутся и взяточничество, и другие безобразия, которых в других отраслях управления, лучше оплачиваемых, нет. Таким образом, аргумент о взяточничестве, справедливый для теперешнего волостного суда, совершенно отпадает, раз мы говорим о реформированном всесословном суде. Такой же категории и третий аргумент, что в волостных судах вершат все по указке волостного писаря. Опять-таки, г<оспода>, если вы создадите должность секретаря и должность председателя и обставите должность секретаря лучше, чем должность председателя, назначите лучшее жалованье, дадите секретарю большее влияние, то, само собой разумеется, что более смышленые, более энергичные люди пойдут не на должность председателя, а на должность секретаря. А т. к. более смышленый, более энергичный будет всегда верховодить менее смышленым, менее энергичным, то, разумеется, секретарь будет верховодить председателем. Это бывало и в наших старых судах. Раз должность секретаря обставлена лучше, он верховодит над председателем, но сделайте наоборот: дайте всесословному суду отдельных писарей, но обставьте должность этих писарей хуже, а должность председателя лучше, и тогда влияние писарей пропадет, тогда, само собой разумеется, не секретарь будет верховодить председателем, а председатель секретарем.

Наконец, четвертое обвинение – это ужасное применение обычая. Но, г<оспода>, вы валите здесь с больной головы на здоровую. Назначьте в известный участок самых идеальнейших, самых лучших судей. Первое, что они спросят: где те законы, по которым мы будем судить? Им на это ответят: многого хотите, законов у нас никаких нет, вы судите так, по вашему разумению. Они будут судить по своему разумению, практически, может быть, очень здраво судить, но, само собой разумеется,

что в их решениях получится пестрота, что один будет решать известный случай на один манер, а другой – на другой. В совершенно таком же положении находятся и волостные суды: ведь гражданских законов, пригодных для крестьянского быта, не создано до сих пор; создавался, г<оспода>, целый ряд прогрессивных законов, потому что их писать было очень легко: брали законодательство Мадагаскара, брали мнения двух-трех западноевропейских ученых, вроде сенатора Беранже [6], печатали статью в журнале «Право», читали доклад в Юридическом обществе – и прогрессивнейший законопроект был готов. (*Рукоплескания справа*.) Но, г<оспода>, создать гражданское право, пригодное для крестьянского быта, на основании законодательства Массачузета и Новой Зеландии нельзя, для этого надобно серьезное изучение, которое совершенно не модно (*рукоплескания справа*), не встречает одобрения у ученых Западной Европы, которые скажут: что такое ваш крестьянский быт? Это уродство, это извращение кристальных понятий Римского права, на котором мы все воспитались. Да, г<оспода>, с точки зрения Римского права это уродство, это извращение; но, тем не менее, это то право, по которому живут миллионы людей; а вы этого права изучить не хотите, и до сих пор у вас нет ни учебников, ни законов, которые бы регулировали право нашего крестьянства, и вот, не создав этих законов, вы вдруг сваливаете всю вину на несчастный волостной суд и говорите: он виноват, потому что судит по обычаю. Это прямо возмутительно. (*Справа рукоплескания и голоса*: «Браво!».)

И заметьте, что вы делаете теперь: создавая мировой суд, вы признаете, что по крестьянским делам и мировой судья тоже будет руководствоваться обычаем; иного вы и сказать не можете, ибо чем же он будет руководствоваться, если нет закона? Г[осподин] министр

юстиции говорит нам, что из дел, решаемых волостными судами, только 16% касаются надельной земли и вопросов наследования, т. е. той области, где уже и по признанию министра юстиции без обычая обойтись нельзя. Да, совершенно верно, в 16% дел без обычая ни одного шага вступить нельзя, а в области остальных 84% кое-что без обычая сделать можно, кое-что, но, тем не менее, очень мало. Я возьму для примера область обязательного права: все крестьянские договоры – это договоры словесные; а откройте том X, и вы увидите, как он относится к словесным договорам. Он везде требует сделки письменной, формальной, значит, X томом руководствоваться при крестьянских договорах тоже, разумеется, нельзя, значит, и в области договорного права – а это уже не 16%, а гораздо больше – вы тоже поневоле должны руководствоваться обычаем, потому что закона нет, и то ужасное положение, в которое вы поставили народ, вы сваливаете на шею опять-таки самого народа, вы в этом вините не себя, а его (*справа рукоплескания и голоса*: «Браво!») и говорите: народ судит по обычаю, поэтому судит безобразно, а поэтому надо уничтожить его суды и устранить его из суда. (*Голос справа*: «Браво, правильно!»; **Марков-второй** *с места*: «Великолепно!».)

Наконец, г<оспода>, огромное достоинство суда – это близость к тяжущимся и непосредственность в отправлении правосудия. И вот даже тот волостной суд, который вы так хулите, он этими достоинствами обладал – он был близко к народу, и тяжущиеся могли в него непосредственно обращаться. Это было громадное преимущество для самих тяжущихся и для народа вообще, потому что только таким путем может выработаться, может выковаться, может быть, десятилетиями, правильное народное правосознание, которое, наконец, удастся собрать в известный кодекс. Но теперь вы ставите меж-

ду судьей и народом плотную стену всяких адвокатов. Правда, по закону мировой судья может принимать словесные жалобы, записывать то, что говорят на словах, но обойдите все мировые участки и посмотрите: много ли этих словесных жалоб записано мировыми судьями? Их нет, потому что систематически судьи отучают население от того, чтобы записывать жалобы, отучают потому, что это будет огромная дополнительная работа для судьи, с которой он не справится. Если это было так до сих пор – а я удостоверяю, что это, безусловно, было так – то никаких надежд, что это изменится впоследствии, нет, а раз писанные прошения, то, значит, и адвокаты, потому что деревня безграмотна. Такое положение вещей усугубляется еще тем, что вы создаете судей-невидимок, как я говорил в начале речи: тяжущиеся приходят и судью не застают; куда идти? Понятно, к адвокату.

И вот, г<оспода>, когда зашла речь об адвокатах, то у судебной комиссии, что называется, взыграло сердце: первое, что она сделала, – вышла из рамок предмета обсуждения; предметом ее обсуждения является местный суд, а судебная комиссия обратилась к примечанию к ст. 380 Учр[еждения] Суд[ебных] Уст[авов], в котором говорится о присяжных поверенных, тогда как присяжные поверенные состоят не при местном суде, а при окружном суде, а реформы окружных судов мы пока не касаемся. Несмотря на это, судебная комиссия отменила примечание к ст. 380, которое ограничивало доступ евреев в адвокатуру: теперь этот доступ будет совершенно бесконтрольный. Далее, хотя и не без колебаний, судебная комиссия приняла, правда, статью правительственного законопроекта, карающую за ходатайства по чужим делам, сопряженные с явной недобросовестностью из корыстных видов, но, с другой стороны, комиссия чрезвычайно расширила право именно так называемых под-

польных адвокатов – именно той язвы, которая губит деревню. (*Голоса справа*: «Браво!».) Если занимающийся ведением чужих дел не входит в состав присяжных поверенных, – а туда доступ довольно трудный, нужно высшее образование, – то он делается частным поверенным. Сделаться частным поверенным ничего нет легче: нужно выдержать весьма снисходительный экзамен в судебном учреждении и не быть явно запятнанным в смысле нравственной репутации. Следовательно, если человек не может попасть и в частные поверенные, то это уже, несомненно, или совершенный невежда, или темная, грязная личность, которую не принимают в число частных поверенных из-за опороченной репутации.

Надо было бы безусловно преградить всякий доступ к суду этим подпольным адвокатам. А между тем, что же делает комиссия? Согласно ст. 406–18 Учр[еждения] Суд[ебных] Уст[авов] в комиссионной редакции, поверенными в мировых судебных установлениях могут быть кроме частных поверенных и другие лица «по получению исполнительных листов, денег, имущества, по ведению дел по понудительному исполнению по актам, по исполнению судебных решений об утверждении в правах наследства по закону», а затем даже лишенные прав могут «подавать прошения, вносить пошлины, сборы, получать и представлять копии, документы и справки» – все без изъятия лица, даже лишенные прав!

Г<оспода>, ведь вы отдаете народ на жертву всяким темным силам. Неужели же вы этого не видите? Неужели вы не знаете, что делают подпольные адвокаты? Первое, что они делают, – внушают недоверие и озлобление к суду. Ведь у народа внедряется сознание, что дело выигрывается не тем, кто правее, а тем, кто плутоватее. Дела выигрываются при помощи так называемых «годовых свидетелей», подпольный ходатай

берет какого-нибудь пропойцу, дает ему годовую плату, и за эту годовую плату нанятый обязан выступать по всем делам такого ходатая, говорить на суде все то, что ему такой ходатай прикажет. Существование «годовых свидетелей» установлено судебными расследованиями. Под влиянием подпольных ходатаев крестьяне начинают думать, что надо дать поверенному, надо дать его свидетелям и надо сверх того дать то, что передаст поверенный судье. Подпольная адвокатура самым тесным образом связана с кабаком. Обыкновенно около судебной камеры стараются завести постоялый двор; с одной стороны, содержатель постоялого двора всех приезжающих судиться крестьян направляет к ходатаю, который с ним в соглашении, а с другой стороны, этот ходатай наблюдает, чтобы все мировые сделки, все их «впрыскивания» совершались именно в этом кабаке. Большее безобразие трудно себе представить! Волостной суд при всех своих недостатках хода подпольным адвокатам не давал, их в волостном суде не было, а в вашем суде разведутся целые полчища.

Я, г<оспода>, кончаю. Несмотря на то, что судебная реформа необходима, я высказываю свое искреннее убеждение не только как партийный деятель, но и как человек, который пошел по судебной дороге, потому что любил это дело. Я выражаю уверенность, что вы создадите вредный законопроект; вы устраняете от суда крестьян, что несправедливо; вы говорите о том, кого будут выбирать, не установив, кто будет выбирать; вы отдаете выборы в руки такого учреждения, где кипят политические страсти, политическая борьба; вы забраковываете волостной суд, указывая на те его недостатки, которые не составляют органической его принадлежности, которых легко избежать, которые зависят от современной несовершенной постановки суда, а вовсе не от его орга-

нических качеств. Вам предлагают: создайте волостной всесословный суд из двух лиц с низшим образованием – крестьян и из председателя со средним или даже с высшим образованием; при такой постановке дела вы действительно привлечете местный элемент. Если у вас там не будет юриста, юрист может всегда явиться во второй инстанции и там поправить дело в смысле юриспруденции. И когда вам это говорят, вы отмахиваетесь, вы даже не хотите серьезно рассмотреть это предложение, не хотите остановиться на том предложении, которое сохраняет все достоинства волостного суда, избегая всех его недостатков. Так, г<оспода>, законодателям делать не годиться. (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 17. 13.11.1909. Доклад Г. Г. Замысловского о неприкосновенности личности

Председательствующий. <...> Переходим к п. 6 повестки: первое обсуждение по докладу комиссии о неприкосновенности личности внесенного министром внутренних дел законопроекта о неприкосновенности личности. Докладчик – Замысловский [докладчик комиссии о неприкосновенности личности].

Замысловский (Виленская губ.). Господа члены Государственной Думы. Законопроект о неприкосновенности личности, к рассмотрению коего мы в настоящее время приступаем, представляет собой совокупность норм, устанавливающих те условия, те требования, при наличности которых граждане могут быть подвергнуты аресту, заключению, задержанию, обыску личному или имущественному и ограничениям в праве передвижения.

Общие начала в этой области предначертаны уже Законами Основными, но практические правила, которыми должны были бы руководствоваться власти при осуществлении этих общих начал, являются разбросанными в самых разнообразных частях Свода Законов, весьма неполными и значительно устаревшими. Уже одно это обстоятельство указывает на несомненную принципиальную необходимость того законопроекта, к которому мы приступаем. И действительно, против этой принципиальной необходимости не раздавалось до сих пор никаких возражений ни со стороны представителей тех или иных политических течений, ни со стороны правительства, ни в современной печати. Полное отсутствие таких возражений дает мне право быть чрезвычайно кратким, потому что подробно развивать принципиальную необходимость того, против чего никто не возражает, это значит ломиться в открытую дверь и только даром отнимать время у Государственной Думы.

На нашем думском техническом языке принципиальная приемлемость законопроекта именуется «переходом к постатейному чтению». И вот здесь уже приходилось встречать некоторые возражения; приходилось слышать, что хотя вообще законопроект о неприкосновенности личности необходим, но законопроект в той редакции, в какой он вышел из комиссии, настолько не отвечает известным политическим требованиям, что ввиду такого несоответствия его лучше совсем отклонить. По этому вопросу я не согласен со взглядом, который был высказан докладчиком по только что заслушанному нами большому законопроекту о местном суде, что раз реформа необходима, то надо переходить к постатейному чтению, что бы ни заключал тот законопроект, к постатейному чтению которого мы переходим. С этим взглядом, слишком радикальным, я не

согласен. Но дело в том, что в комиссии, обсуждая правительственный законопроект, мы в то же время постоянно имели в виду и труды в области неприкосновенности личности Государственной Думы первого и второго созывов. Государственная Дума и первого, и второго созывов вопросом о неприкосновенности личности занималась усиленно в смысле комиссионных работ. Во II Думе был правительственный законопроект, а в I – законодательное предложение. Дума и первого, и второго созывов была распущена как раз тогда, когда они хотели приступить в Общем Собрании к рассмотрению этого законопроекта. Таким образом, подготовительная деятельность была почти закончена. Этими подготовительными работами в качестве материалов мы постоянно пользовались, и оказалось, что в смысле существа дела, конечно, законопроект в настоящей редакции значительно отличается от тех законопроектов, которые были изготовлены Государственной Думой первого и второго созывов перед их роспуском; но в смысле внешнем, в смысле редакционном, эти изменения сравнительно настолько незначительны, что путем поправок при постатейном чтении очень легко от законопроектов, составленных Думой первого и второго созывов, перейти к нашему и от нашего перейти к законопроектам Государственной Думы первого и второго созывов. Такая незначительность в разнице законопроектов в смысле внешнем, редакционном опровергает то возражение, что будто бы надо отвергать настоящий законопроект, не переходя к его постатейному чтению.

Далее возникает вопрос о спешности этого законопроекта, о том, насколько он должен быть предметом законодательства в первую голову; но этот вопрос я оставляю без обсуждения, потому что он разрешен уже тем обстоятельством, что законопроект поставлен на повестку.

Что касается общей конструкции, общей схемы законопроекта, то здесь краеугольной является ст. 22, и с обсуждения этой статьи мы начали нашу комиссионную работу. Я думаю, что если Государственной Думе угодно будет перейти к постатейному чтению, то и в Общем Собрании лучше всего начать с обсуждения именно этой ст. 22. Она определяет условия и предел действия рассматриваемого законопроекта. При обсуждении этих условий, этих пределов мы мыслили так: законопроект о гарантиях личности должен действовать в тех областях государства, кои находятся в спокойном состоянии; наоборот, если известные области государства находятся в состоянии неспокойном, то наличность такого неспокойного состояния дает основание в этих областях применять закон о неприкосновенности личности с такими изъятиями, которые определены уже в иных законоположениях, именуемых военными и исключительными. Таким образом, мы противополагали спокойное состояние государства состоянию неспокойному, а под неспокойным состоянием разумели, во-первых, состояние войны, во-вторых, подготовки к военным действиям, в-третьих, беспорядков – бунта, мятежа, и в-четвертых, подготовки к беспорядкам – смуты и волнения. Мы думали, что раз известные области государства находятся в состоянии неспокойном, то имеется наличность угрозы самому бытию государства и при всей важности прав и интересов отдельных граждан эти права и интересы должны, однако, уступать место другим, более важным правам и интересам – правам государства. И раз опасность угрожает бытию государства, то на первом плане должны быть поставлены интересы государства, а интересы отдельных граждан должны быть отодвинуты на второй план. Поэтому мы сказали, что законопроект о неприкосновенности личности действует лишь до тех

пор, пока известная местность не объявлена на исключительном или военном положении. В тех же местностях, кои объявлены на военном или исключительном положении, нормы законопроекта о неприкосновенности личности действуют лишь постольку, поскольку они не отменены этими военными и исключительными положениями по принадлежности. Вот та схема, по которой мы шли в своих дальнейших рассуждениях. Отношение настоящего законопроекта к законопроекту об исключительном и военном положениях такое же, как отношение общего правила к исключению. При нормальном течении событий должен действовать законопроект о неприкосновенности личности, а при исключительном течении событий, когда возникает опасность бытию государства, действие этого законопроекта приостанавливается и вступают в действие те положения, существование которых не подлежит спору, ибо оно установлено ст. 15 Зак[онов] Осн[овных].

Переходя к отдельным нормам законопроекта, я считаю необходимым изложить, что нормальным органом, уполномоченным производить аресты, обыски, выемки, подвергать задержанию и заключению, является, разумеется, власть судебная, Но, с другой стороны, нельзя совершенно отнимать это право у власти полицейской – иначе законопроект о неприкосновенности личности может превратиться в законопроект о неприкосновенности воров и грабителей.

Говоря о полиции, мы разумели не только чинов полиции общей, но и иных стражей, несущих полицейские обязанности, куда мы относили стражу карантинную, корчемную, пограничную, полевую, лесную, а также караулы и дозоры.

Далее. Весьма серьезный вопрос был возбужден в комиссии по поводу действий чинов Отдельного корпуса

жандармов. Действия эти распадаются на три категории. Во-первых, действия чинов Отдельного корпуса жандармов в качестве полиции железнодорожной. Эта область сомнений не возбуждала, потому что здесь права и обязанности чинов Отдельного корпуса жандармов приблизительно такие же, как права и обязанности общей полиции. Во-вторых, деятельность чинов Отдельного корпуса жандармов по усиленной и чрезвычайной охране. Эта область также не интересовала комиссию, потому что, разумеется, действия по усиленной и чрезвычайной охранам несовместимы с действием закона о неприкосновенности личности, и, таким образом, они отпадают сами собой, они выходят из сферы обсуждения комиссии. Наконец, в-третьих, чины Отдельного корпуса жандармов производят так называемые формальные дознания в порядке ст. 1035 и след[ующей] Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства]. Здесь они пользуются не только общеполицейскими правами, но и правами, присвоенными судебным следователям. Такое положение вещей комиссия признавала ненормальным; она находила, что в этой части закон должен быть пересмотрен, и выразила это в своем пожелании, внесенном в доклад; но тогда перед комиссией стал второй вопрос: должна ли она произвести реформу в этой области при самом рассмотрении настоящего законопроекта, так сказать, попутно, или же эта реформа выходит за пределы ведения и власти комиссии, касаясь весьма серьезных вопросов, затрагивающих целый ряд статей Учреждения Судебных Установлений и Устава Уголовного Судопроизводства, сопряженных с новыми штатами, с новыми бюджетными ассигнованиями. Комиссия остановилась на том выводе, что производить реформу дознаний в области государственных преступлений попутно не приходится. Этот вопрос, по ее мнению, настолько серьезен и сложен, что должен быть

предметом особого законодательного акта и что даже те лица, которые заинтересованы скорейшей реформой в рассматриваемой области, должны присоединиться именно к такому взгляду, потому что, несомненно, особый законопроект о реформе дознания в области государственных преступлений можно провести как менее сложный гораздо скорее, чем настоящий законопроект, введение коего в действие правительство ставит в зависимость от реформы местного суда.

Таким образом, в смысле скорости, конечно, гораздо удобнее реформу политических дознаний вести и путем особого законопроекта, и если бы члены Государственной Думы, которые считали этот вопрос спешным, внесли бы в начале III Думы соответственное законодательное предположение, то, конечно, раз оно было бы признано законодательством в первую голову, то это законодательное предположение могло бы быть в настоящее время давным-давно рассмотрено Государственной Думой и передано в Государственный Совет. И вот повторяю: по всем этим соображениям, признавая всю ненормальность существующего порядка, комиссия ограничилась одним пожеланием, ибо признала дальнейшее выходящим из сферы ее компетенции.

Итак, нормальным органом лишения свободы является власть судебная; власть полицейская содействует власти судебной в случаях исключительных, в порядке изъятия. Чтобы оградить население от произвола полицейских властей в тех случаях, когда по необходимости этим властям присваиваются те функции, которые, собственно говоря, принадлежат власти судебной, законопроект и остановился на мерах троякого свойства: прежде всего, он установил перечень тех случаев, тех изъятий, когда, помимо власти судебной, власть полицейская снабжена правом арестов и обысков, – это первая катего-

рия гарантий. Вторая категория заключается в том, что власть полицейская должна в этих случаях составлять письменные постановления и протоколы и выдавать эти протоколы на руки заинтересованным лицам, предоставляя им право обжалования. Соблюдение этих формальностей является второй категорией гарантий. Наконец, третья категория гарантий, неизвестная действующему праву и вводимая настоящим законопроектом впервые, заключается в том, что лица, задержанные полицией, в течение 24 ч. должны быть представлены власти судебной. Такова общая схема, общая конструкция того законопроекта, который подлежит вашему суждению. Более подробные доводы я предлагаю дать или по выслушании каких-либо возражений, или при постатейном обсуждении. (*Рукоплескания справа.*)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 18. 16.11.1909. Доклад Г. Г. Замысловского о неприкосновенности личности

Продолжение обсуждения законопроекта о неприкосновенности личности

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. По настоящему законопроекту уже высказались представители целого ряда фракций, а потому я нахожу своевременным представить некоторые возражения, причем буду идти в этих возражениях слева направо. Первый, кому я буду возражать, это члену Думы Гегечкори, но возражения ему будут весьма просты. Он говорил, что о неприкосновенности личности нечего рассуждать, ее надо завоевывать. Этим предрешается и возражение. Вот когда член Думы Гегечкори

попробует завоевывать неприкосновенность личности, тогда ему будет дан и соответствующий ответ. Этот ответ будет дан не с думской кафедры и не речами, а иными аргументами. И если суждено будет его давать, тогда, может быть, член Думы Гегечкори убедится, что характеристика, которую он давал Союзу Русского Народа, совершенно неверна и что это вовсе не гнойник, а нечто совершенно иное. Вот, собственно, все те возражения, которые можно представить лицам, говорящим, что надо не рассуждать, а завоевывать. Более сложными представляются возражения члену Думы Маклакову. Он говорил, что напрасно вообще писать законопроект о неприкосновенности личности в теперешнее время, потому что ведь и раньше был ряд законов, которые ограждали личность, но законы эти не соблюдались правительством. Равным образом при теперешнем положении вещей не будет соблюдаться и тот закон, который будет действительно гарантировать неприкосновенность личности. Эти мотивы нам давно известны; впервые они были высказаны тем же самым членом Думы Маклаковым еще при первом обсуждении сметы Министерства внутренних дел почти два года тому назад. Уже тогда он произнес речь на тему, что «принципы управления не соответствуют приемам управления», и вслед за тем он эту тему воспроизводит систематически. Да, конечно, приемы управления не соответствуют их принципам в кадетском понимании этих принципов. Член Думы Маклаков совершенно прав, добиваясь, чтобы приемы управления сделались соответствующими принципам так, как понимают эти принципы кадеты, потому что это равносильно призванию кадетов к власти. Понятно, что раз правительство смотрит на «принципы» не так, как они представляются кадетской партии, то, следовательно, «приемы» будут соответствовать принципам тогда, когда эти принципы

будут осуществляться кадетами, и вот эту тему из раза в раз воспроизводит член Думы Маклаков. Она, собственно, к деловому отношению законопроекта имеет очень мало отношения, точно так же, как и примеры, которые приводил член Думы Маклаков, ибо, во-первых, отдельный пример не есть доказательство, а во-вторых, в частности, те примеры, которые так часто «попутно» приводит Маклаков, к сожалению, уже не раз оказывались не вполне верными со стороны фактической: таковы примеры о Жданове, Гершельмане, о покушении на министра юстиции Щегловитова [1].

Обращаясь к возражениям, которые относятся к деловой стороне законопроекта, я должен остановиться, прежде всего, на том, что говорил член Думы Маклаков в отношении жандармских дознаний. Он рисовал ужасающую картину произвола, который, по его словам, жандармами практикуется, и утверждал, что весь этот произвол комиссией, так сказать, санкционирован. Но, как я уже говорил в докладе, жандармские дознания разделяются на две категории: на дознания, производимые в порядке усиленной и чрезвычайной охраны, – они законопроектом безусловно отсекаются, и на дознания «формальные», производимые в порядке ст. 1035 Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства]. И вот член Думы Маклаков давал описание как раз первого рода дознаний, тех неформальных дознаний, которые отсечены комиссией, и это описание приурочивал к формальным дознаниям и ставил его, таким образом, в вину комиссии. (**Пуришкевич** *с места:* «Передернул по обыкновению».) Такой прием в деловом обсуждении едва ли допустим. Член Думы Маклаков говорит: всякий и каждый должен знать, что по жандармским дознаниям арестуют людей не только в случае *обвинения*[1] их в преступлениях тяжких, но и в

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

случаях *подозрения*[1] в каком-либо преступлении, даже не влекущем тяжкого наказания, противополагая, таким образом, обвинение подозрению. Я утверждаю, что это не так, что в порядке усиленной и чрезвычайной охраны действительно жандармы могут арестовывать по подозрению, но в порядке формальных дознаний, производимых по ст. 1035, – а именно о них-то и речь, именно из-за них-то и упрекал член Думы Маклаков комиссию, – по подозрению арестовывать нельзя: нужно формулированное обвинение, такое обвинение, которое вообще предъявляется судебным следователем или иной судебной властью, нужно постановление о привлечении, где будет сказано, за что именно, за какие конкретные действия, подходящие под определенную статью карательного закона, человек привлекается. Далее член Думы Маклаков говорил, что по этим формальным дознаниям можно человека посадить в тюрьму и держать его там сколько угодно, так сказать, чуть ли не забыть о нем; и это по любому обвинению. Такое утверждение опять-таки неверно, ибо существует ст. 1035–14, которую я позволю себе огласить *(читает):* «При производстве дознаний лица, производящие оные, могут заключать под стражу обвиняемых и в таких преступных деяниях, которые влекут за собой наказание ниже исправительного дома, если эта мера представляется необходимой для предупреждения сношений обвиняемых между собой или сокрытия следов преступного деяния». Таким образом, вот два непременных условия: сокрытие следов преступного деяния и предупреждение сношений нескольких обвиняемых. Значит, если обвиняемый один, и он сознался, то его, за силой этой статьи, никоим образом взять под стражу нельзя. Таким образом, лицо, у которого найден целый пук преступных воззваний и которое созналось в этом, в

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

порядке формального дознания не может быть взято под стражу ввиду ст. 1035. Таким образом, нельзя говорить, что по какому угодно подозрению можно взять под стражу. (**Маклаков** *с места:* «Неверно!».)

Председательствующий. Прошу с места не говорить.

Замысловский. А далее о таковом распоряжении немедленно доводится до сведения лица прокурорского надзора, наблюдающего за дознанием, которое имеет право предложить письменно об отмене сей меры, если по обстоятельствам дела признает, что она не вызывается необходимостью. Таким образом, всех лиц, которые обвиняются в преступном деянии, где наказание ниже исправительного дома, можно сажать под стражу жандармской властью только с согласия прокурорского надзора. (**Маклаков** *с места:* «Посмотрите конец ст. 16; нельзя же пользоваться правом докладчика таким образом».) Член Государственной Думы Маклаков желает, чтобы я прочел конец ст. 1035–16. Я ее прочту *(читает):* «В обоих случаях сделанное распоряжение о личном задержании обвиняемого или о взятии с него залога сохраняет свою силу до разрешения возникшего затруднения» (**Маклаков** *с места:* «Кем?»), которое немедленно идет на разрешение прокурора судебной палаты, т. е. опять-таки власти судебной, а не жандармской. Таким образом, утверждение, что жандармская власть может кого угодно схватывать и держать Бог знает сколько времени под стражей, неверно. Я, г<оспода>, не оправдываю существующего порядка. Я первый сказал в комиссии, что не худо этот порядок изменить, но я против сгущения красок и неверной передачи фактов. Уж если здесь говорить о произволе, то надо говорить о произволе прокуратуры, а не о произволе жандармерии; между тем член Государственной Думы Маклаков

ни единым словом не упомянул о правах прокуратуры, которые являются решающими, а все время говорил о жандармерии, и только о жандармерии. (**Маклаков** *с места:* «И об отсутствии судебной проверки»; **Марков-второй** *с места:* «Маклаков, успокойтесь».)

Председательствующий. Покорнейше прошу с места не говорить.

Замысловский. Если говорить, что этого самого обвиняемого можно держать под стражей сколько заблагорассудится, то ведь, г<оспода>, тогда возникнет вопрос о медленности в производстве дела, а между тем большинство этих дел идет на суд судебной палаты, слушается при открытых дверях и с участием защиты. Я спрашиваю: а много ли было жалоб на медленность производства дел? Такие жалобы, если они и были, представляют явление исключительное. Значит, опять-таки: зачем же говорить, что людей держат под стражей, сколько заблагорассудится? Это неверно. (**Маклаков** *с места:* «Нет, верно».) Наконец, если и есть в деле какая-нибудь медленность, то за нее отвечает не жандармская власть, а в первую голову прокурорский надзор, а прокурорский надзор не гладят по голове за медленность и за бездействие власти. Таковы те неверности в фактическом изложении, которые допустил член Думы Маклаков. Но то, что говорит он дальше, вызывает совершенное недоумение. Он говорит: комиссия высказала пожелание о том, чтобы формальные жандармские дознания были отменены. Прошло целых два года, и что же сделало правительство? Прислушалось ли оно к этому пожеланию? Нет, оно не прислушалось, и в этом вина правительства. Я не буду входить в обсуждение вопроса, насколько вообще правительство обязано прислушиваться к думским пожеланиям, не прошедшим через Государственный Совет, ибо ведь у нас система за-

конодательства двухпалатная, а не однопалатная. Этого общего вопроса я касаться не буду, но я скажу, что если даже признавать значительную силу за думскими пожеланиями, прошедшими через Общее Собрание Думы, то едва ли можно признавать хоть какую-нибудь силу для правительства в комиссионных пожеланиях. Да потом, ведь сам же член Государственной Думы Маклаков все время говорил, что к голосу именно комиссии о неприкосновенности личности прислушиваться не надо, что это Бог знает что такое – не комиссия, а «срамота», ведь сам он все время это говорил, и все время писалось в левых газетах, что не надо слушать этой комиссии. (*Рукоплескания справа; звонок председательствующего.*) А здесь он говорил: почему же правительство целых два года не прислушивалось к голосу комиссии, тогда как правительство, прежде всего, не знало, как Общее Собрание Думы отнесется к постановлениям и пожеланиям комиссии. Член Думы Маклаков бросал упреки правительству в том, что два года оно не вносило законопроекта, но он забыл, что г<оспода> кадеты в течение двух лет могли то же самое законодательное предположение внести в порядке законодательной инициативы. Г<оспода> кадеты, бросая обвинение правительству, почему оно не вносило, забывают ответить, почему они сами не внесли. (*Голоса справа:* «Браво!».) Правительство виновато, что оно не вносило, что оно не обращало внимания на неприкосновенность личности и на это ужасное состояние жандармских дознаний. А почему же вы не внесли, если это так? Следующее обвинение заключается в том, почему в законопроекте оставлен прежний порядок ответственности должностных лиц в случае, если они погрешат против законопроекта о неприкосновенности личности. Этот порядок ответственности должностных лиц, говорит член Думы Маклаков, есть, в сущности, пол-

нейшая безнаказанность; должностные лица при существующем порядке пользуются полнейшей безнаказанностью – и даже этого, мол, комиссия не сочла нужным изменить. Но при этом член Думы Маклаков вспоминает, что внесен общий законопроект об изменении порядка ответственности должностных лиц, и на это говорит так: положим, такой законопроект внесен, но он совершенно безнадежен – в этом законопроекте так все плохо, что прежняя безнаказанность остается. Я спрошу члена Думы Маклакова, почему же он и его партия требуют от нас, чтобы мы меняли ответственность должностных лиц по частному случаю, а сами не желают постараться изменить эту ответственность по общему вопросу, по общему законопроекту? Почему они ставят в вину комиссии, что она не изменила частного случая, а не хотят поработать над тем, чтобы был изменен общий порядок? Ведь смешно же говорить о частных случаях, когда в Думе лежит законопроект, говорящий об ответственности вообще, и ставить в вину комиссии, что она не остановилась на частных случаях, когда параллельно есть законопроект, говорящий об общей ответственности. Но если бы комиссия последовала рецепту члена Думы Маклакова и занялась бы изменением вопроса об ответственностях должностных лиц, нарушающих специальные постановления о неприкосновенности личности, оставив, как говорит член Думы Маклаков, остальную ответственность «совершенно фиктивной», то получилось бы следующее: полицейский чин задержал важного преступника, положил на это массу времени и стараний, но в пылу усердия превысил свою власть, не составил в нужный момент постановления о задержании и не представил задержанного преступника в течение 24 ч. к судье, а несколько просрочил, будучи занят допросом задержанного. За такие прегрешения этого полицейского

чина тянут в общем порядке по частной жалобе и строго наказывают. А рядом с этим другой полицейский чин взял с преступника взятку, этого преступника отпустил и остается совершенно безнаказанным. (*Голоса слева:* «Почему?».) А потому, что по вашей же теории общая ответственность должностных лиц – «фикция»! (**Аджемов** *с места:* «Значит, министр не разрешает; *голоса справа:* «Тише»; **Пуришкевич** *с места:* «§ 38 Наказа»; **Гегечкори** *с места:* «Параграф вам знакомый».)

Председательствующий (*звонит*). Пожалуйста, без переговоров, господа.

Замысловский. Вот какое положение дел воспоследует, если мы примем рецепт члена Думы Маклакова. Может быть, такое положение для кадетской партии очень желательно, но с деловой точки зрения оно представляется весьма странным. Перехожу к некоторым возражениям третьему оратору, говорившему от фракции прогрессистов, к возражениям члену Думы Соколову-второму [2]. Он говорил, что настоящий законопроект никуда не годен и его надо отвергнуть, потому что в 16 томах Свода Законов есть масса устаревших, отживших постановлений, дающих право администрации на произвол, что надо было бы пересмотреть все 16 томов Свода Законов, отменить все эти устаревшие постановления, создающие произвол, вот тогда был бы действительно законопроект о неприкосновенности личности, а так – это нечто совершенно бесполезное. Прежде всего, если бы комиссия действительно занялась пересмотром всех 16 томов Свода Законов и отменой всего того, что в них есть отжившего и несовременного, то, конечно, она и по сие время была бы далека от окончания своих работ и тогда на нее посыпались бы упреки, горшие теперешних; ей бы тогда говорили, что она нарочно кладет под сукно вот эту дорогую неприкосновенность личности. Но не в

этом суть; конечно, если бы комиссия признала нужным, она бы занялась пересмотром 16 томов, не стесняясь тем, что о ней стали бы говорить, но дело-то вот в чем: член Думы Соколов-второй приписывает это известной политической тенденции комиссии, но он забывает, что ведь существовали подготовительные работы в Думе первого и второго созывов, совершенно законченные и доведенные до того, что их можно было слушать в Общем Собрании. Как же комиссия Думы <первого и второго созывов> отнеслась к тому вопросу, что в 16 томах Свода Законов масса устаревших и несоответственных статей? Она сказала, что попутно с неприкосновенностью личности отменять их отнюдь не следует, а после рассмотрения законопроекта о неприкосновенности личности надо составить особый законопроект, так называемую «исключительную часть», и вот в этой части поместить все те законы, которые подлежат отмене. Это, господа, говорили те комиссии, большинство которых принадлежали к партиям гораздо более радикальным, чем партия теперешних прогрессистов и мирнообновленцев; следовательно, то обстоятельство, что наша комиссия не занялась отменой всего этого старья, имеющегося в 16 томах Свода Законов, объясняется вовсе не какими-либо политическими взглядами, а чисто деловыми. На этой же точке зрения стояли и те комиссии, которые в политическом отношении совершенно расходятся с настоящей: и они говорили, что заниматься теперь отменой всего этого старья попутно нет никакой возможности. Член Думы Соколов-второй говорит нам: помилуйте, ведь в сущности вся административная высылка останется и после законопроекта. Нет, девять десятых ее, вся высылка, существующая в порядке усиленной и чрезвычайной охраны, она отпадает, а известная частица действительно останется – останется высылка, производимая по приго-

ворам крестьянских обществ. Но, спрашивается: что же мешает тому же члену Государственной Думы Соколову-второму или партии мирнообновленцев внести законодательное предположение, чтобы отменить эту ссылку по приговорам крестьянских обществ? Во всяком случае, времени было очень много, третий год идет, отчего же упрекают нас, что мы не занимаемся пересмотром этого старья по всем 16 томам Свода Законов, а сами не вносят хотя бы простого законодательного предположения об отмене ссылки по приговору крестьянских обществ? Ведь внесли же правые законодательное предположение об отмене административной ссылки вообще, они внесли это законодательное предположение, а здесь бросается упрек и комиссии, и правительству в ничегонеделании, а, однако, своим правом законодательной инициативы почему-то пользоваться не хотят.

Резюмирую изложенное. Господа социал-демократы говорят: настоящий законопроект совершенно не нужен, неприкосновенность личности надо не обсуждать, а завоевывать; господа кадеты говорят: настоящий законопроект совершенно не нужен; надо, чтобы приемы управления соответствовали принципу управления, другими словами, чтобы у власти были кадеты; пока этого нет – писать законы о неприкосновенности личности – праздный труд; и, наконец, господа мирнообновленцы говорят: настоящий законопроект не нужен, потому что раньше надо пересмотреть и отменить всю труху в 16 томах Свода Законов. Итак, господа, если эти три партии согласны, что настоящий законопроект пока не нужен и не своевременен, то зачем же они добивались, чтобы он теперь же был поставлен на повестку? (**Гегечкори** *с места:* «Чтобы увидеть вашу физиономию».) Ведь именно они добивались этого. Неужели же только для того, чтобы произнести те речи, которые,

правда, называются в левой печати изумительными по силе и яркости, но от которых ведь, в сущности, практических результатов никаких нет. (*Рукоплескания на некоторых скамьях в центре и справа*; **Пуришкевич** *с места:* «У вас разлитие желчи, Маклаков».) [...]

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 20. 20.11.1909. Доклад Г. Г. Замысловского о неприкосновенности личности

Окончание обсуждения законопроекта о неприкосновенности личности [Г. Г. Замысловский – докладчик комиссии о неприкосновенности личности]

Председательствующий. [...] Прежде чем перейти к обсуждению п. 1 повестки, позвольте доложить два заявления, поступившие на имя председателя Государственной Думы, касающиеся именно этого п. 1 повестки – продолжения первого обсуждения законопроекта о неприкосновенности личности. Первое предложение 31 члена Государственной Думы *(читает):* «Принимая во внимание: 1) что частичными поправками при постатейном чтении не представляется возможным исправить недостатки рассматриваемого законопроекта; 2) что действительная неприкосновенность личности может быть обеспечена лишь проведением целого ряда других законопроектов, согласованных с основной задачей законопроекта о неприкосновенности личности; 3) что указанная выше задача наилучшим образом может быть выполнена судебной комиссией, на рассмотрение коей уже внесены законопроекты, преследующие, между прочим, и задачи обеспечения прав

личности, Государственная Дума постановляет передать законопроект о неприкосновенности личности для нового рассмотрения по существу в судебную комиссию». Второе предложение (*читает*): «Прогрессивная группа и фракция народной свободы, полагая, что никто на пространстве Империи не может быть подвергнут ни наказанию, ни высылке, ни обыску или высылке без постановления компетентной судебной власти, и притом лишь на основании законом предусмотренных карательных норм, и находя, что в предлагаемом на рассмотрение Государственной Думы законопроекте о неприкосновенности личности указанные принципы не имеют даже и приблизительного осуществления, предлагает Государственной Думе, согласно § 118 Наказа, передать настоящий законопроект в комиссию нового состава из 22 чел[овек] для переработки его на основании изложенных выше соображений и представления доклада Государственной Думе в месячный со дня выбора комиссии срок»... На основании § 132 Наказа слово вне очереди принадлежит докладчику – члену Государственной Думы Замысловскому.

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. То предложение о возвращении в комиссию, которое вы сейчас будете голосовать, является естественным последствием речей тех ораторов, которые на этом настаивали. Прежде чем голосовать их предложение, мне кажется, вы должны выслушать и те объяснения, которые я как докладчик считаю своей обязанностью представить против заявлений о необходимости передачи настоящего законопроекта в комиссию. Большая часть таких заявлений шла слева и указывала на общую нецелесообразность предлагаемого законопроекта. Это, г<оспода>, неверно. Вы сами говорите, что главный произвол в русской жизни проис-

ходит от применения Положения об усиленной и чрезвычайной охране. И вот в местностях, в которых оно не объявлено, первый шаг к отмене названных Положений делается настоящим законопроектом. Уже одно это обстоятельство заставляет сказать, что настоящий законопроект весьма целесообразен. В самом деле, Положение об усиленной и чрезвычайной охране применяется ведь не только в тех местностях, где оно объявлено, не только в тех местностях, на которые оно прямо распространено, но и в других местностях спокойных, где ни беспорядков, ни смуты нет. Такое положение вещей вызывает, конечно, совершенно справедливые нарекания, и именно оно настоящим законопроектом отсекается, ибо законопроект постановляет, что исключительные меры могут применяться только в местностях, объявленных на исключительном положении. Вне этих местностей исключительных мер быть не должно; раз мы вносим такое чрезвычайной важности правило, новое правило, которого теперь не существует, то говорить об общей нецелесообразности законопроекта не приходится. Далее, вопрос о формальных жандармских дознаниях уже достаточно разобран, и возвращаться к нему я не буду. После речи представителя правительства едва ли может быть сомнение, что все формальные жандармские дознания находятся под самым строгим надзором прокуратуры. Если можно здесь говорить о произволе, то надо говорить о произволе прокуратуры, а не о произволе жандармерии. Затем нам ставили в упрек, что в законопроекте ничего не упомянуто об административной высылке и о полицейском надзоре; это, г<оспода>, мне кажется только плодом недоразумения, потому что если мы отменяем исключительное положение вообще, если мы говорим, что в местностях, где действует закон о неприкосновенности личности, неприменимо вообще

Положение о мерах усиленной охраны, то зачем же нам перечислять отдельные атрибуты этого Положения? Раз отпадает целое, значит, отпадают и части этого целого; в перечислении же таких частей никакой надобности нет. Только потому, что нет надобности перечислять отдельные части целого, мы в настоящем законопроекте ничего не говорили об отмене административной высылки и полицейского надзора, думая, что таковая отмена разумеется сама собой. Как я уже упоминал, законопроект о неприкосновенности личности стоит в очень тесной связи с законопроектом об исключительном положении, который разработан в той же комиссии. Если бы вы потрудились обратиться к этому второму законопроекту, вы увидели бы, насколько фактически неверно то, что здесь говорилось об административной высылке и полицейском надзоре. На с. 14–16 доклада об исключительных положениях мы читаем *(читает):* «Касаясь при обсуждении настоящего законопроекта ограничений права свободного избрания местожительства, нельзя не остановиться на вопросе, подлежит ли на будущее время сохранению в числе мер борьбы с нарушением государственного порядка и общественного спокойствия административная высылка, предусматриваемая действующими законами». А нам говорят, будто бы мы не имели административной высылки в виду. Цитирую далее с. 16 доклада *(читает):* «В силу приведенных данных, убеждающих в полной нецелесообразности правил об административной высылке, они вовсе не включены в настоящий законопроект, точно так же как и постановления действующего закона о полицейском надзоре, обычно сопровождающем высылку». Вот что мы говорим в докладе, а вот что вы найдете в тексте самого законопроекта об исключительном положении, на с. 45 *(читает):* «Отменить правила о по-

лицейском надзоре, учреждаемые по распоряжению административных властей, – т. XIV, ст. 1 прим. 2». Таким образом, в докладе комиссии прямо сказано, что полицейский надзор, налагаемый административными властями, отменяется, отменяется не только в местностях спокойных – что разумеется само собой, – но даже в местностях, охваченных беспорядками. И, несмотря на такое совершенно категорическое указание доклада, нам говорят, что будто полицейский надзор оставлен, будто комиссия о нем ничего не говорит. Таковы возражения, идущие слева, возражения, говорящие, что законопроект нужно вернуть в комиссию потому, что он недостаточно радикален, потому, что он оставляет слишком большую почву для произвола. Не менее интересны возражения, идущие из центра. От него говорили три оратора: кн[язь] Тенишев [1], который всецело присоединился к законопроекту и находил его вполне приемлемым; член Думы Антонов [2], который также находил законопроект приемлемым, и, наконец, бар[он] Мейендорф, полагавший, что законопроект надо передать в комиссию вследствие целого ряда его технических недостатков, которые не могут быть исправлены при думском обсуждении здесь. Так как, очевидно, эта речь бар[она] Мейендорфа и послужила основанием к тому исходящему от октябристов и только что оглашенному предложению, которое клонится к передаче законопроекта в комиссию, то на речи бар[она] Мейендорфа как источнике этого предложения я считаю своей обязанностью остановиться подробно и разобрать все его доводы, говорящие, будто законопроект технически плох и будто соответствующими постатейными поправками его исправить нельзя. Бар[он] Мейендорф начинает свое изложение с того, что он открыл в законопроекте целый ряд недочетов, целый ряд погреш-

ностей, которые, несомненно, ускользнули от внимания и правительственной, и думской комиссий, а им, бар[оном] Мейендорфом, теперь открыты. Надо сказать, что во главе правительственной комиссии стоял такой, несомненно, пользующийся в правых кругах авторитетом юрист, как сенатор Макаров [3], прошедший очень продолжительный судебный стаж, бывший затем товарищем министра внутренних дел и теперь стоящий во главе всей русской кодификации.

Далее. Законопроект поступил в комиссии Думы первого и второго созывов, где был целый ряд юристов, пользующихся большим авторитетом в левых кругах: таковы братья Гессен, Пергамент, Кузьмин-Караваев [4], Новодворский, и вот, несмотря на все это, по мнению бар[она] Мейендорфа, и те и другие юристы пропустили, просмотрели целый ряд дефектов, которые теперь открыты бар[оном] Мейендорфом, ибо нападки, которые делал бар[он] Мейендорф, относятся как раз к тем статьям, которые были и в правительственном законопроекте, и в законодательных предположениях, выработанных комиссиями Думы первого и второго созывов. Какие же это дефекты? Первое, что смущает бар[она] Мейендорфа, – это обстоятельство, что некоторые статьи законопроекта представляют собой почти дословное повторение Законов Основных. Бар[он] Мейендорф смущается: можем ли мы обсуждать и баллотировать эти статьи, но дело в том, что пределы компетенции Думы определяются ст. 31 и 32 ее Учреждения; в п. 1 ст. 31 значится, что «Дума обсуждает предметы, требующие издание законов»; следовательно, с положительной стороны, настоящий законопроект подходит под компетенцию Думы; статья же 32-я установляет из общей думской компетенции изъятие, говорящее о Законах Основных, а именно ст. 32 гласит: «Государственная

Дума может возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных Государственных Законов». Но подходит ли то, что мы предлагаем, под изъятие, установленное ст. 32? Само собой разумеется, что не подходит, ибо здесь нет никаких думских предположений об отмене; это законопроект правительственный, а вовсе не думское предположение, а затем законопроект вовсе не отменяет и не изменяет Законов Основных. Следовательно, подходя с положительной стороны под компетенцию Думы, он с отрицательной стороны не подходит под то изъятие, которое установлено в ст. 32. Бар[он] Мейендорф рассуждает дальше так: но могут быть внесены поправки, которые будут изменять Законы Основные. Позвольте, однако, поправки, изменяющие Законы Основные, могут быть внесены по любому крупному законопроекту: и по законопроекту земельному, и по законопроекту вероисповедному, и, наконец, по законопроекту о местном суде. По любому из них при желании можно внести такие поправки, которые будут изменять Законы Основные... Мне кажется, такие поправки нельзя ставить на баллотировку – вот и все. Во всяком случае, настоящий законопроект ничего специфического в рассматриваемом направлении не заключает. По настоящему законопроекту положение такое же, какое может быть по всякому другому крупному законопроекту. Дальнейшие возражения бар[она] Мейендорфа касаются ст. 4; он говорит, что ст. 4 редактирована плохо, исправить ее здесь, в общем заседании, нельзя, а потому надо и весь законопроект, за невозможностью исправить ст. 4, вернуть в комиссию. В чем же заключается дефект ст. 4 по мнению бар[она] Мейендорфа? Он заявляет, что в этой статье, говорящей о задержании, понятие «задержание» определено весьма туманно, неясно и будто не-

известно, что мы разумеем под названным термином: только ли задержание в смысле физического захвата или еще вдобавок и личный обыск. И вот, исходя из того предположения, что мы разумеем под задержанием личный обыск, и прибегая к логическому приему, известному под названием *reductio ad absurdum*[1], бар[он] Мейендорф действительно доказывает нелепость целого ряда дальнейших постановлений законопроекта. Но это происходит оттого, что в основу своих рассуждений бар[он] Мейендорф ставит предположение и совершенно неверное, и совершенно произвольное. Бар[он] Мейендорф не имеет никакого права утверждать, будто комиссия смешивает задержание и личный обыск, что она под понятие «задержание» подставляет также и личный обыск; не может он делать это потому, что между ст. 4 и 8, которые он цитировал, есть ст. 7, гласящая: «Без требования о том судебной власти лица, подозреваемые в совершении преступного деяния, могут быть подвергаемы личному обыску и задержанию в таких-то случаях». Если законопроект ставит рядом эти два понятия, если он говорит о личном обыске и задержании, то как же можно утверждать, будто законопроект смешивает эти два понятия и под задержание подставляет личный обыск. Этого говорить никоим образом не приходится, потому что в самом законопроекте, в самом его тексте, *expressis verbis*[2] сказано обратное. Но тогда бар[он] Мейендорф может возразить: неужели вы, давая полиции право задержания, не даете ей права личного обыска? Да, если бы права полиции исчерпывались только этой ст. 4, о которой говорит бар[он] Мейендорф, то, действительно, у полиции права личного обыска не было бы. Но дело в том, что ст. 4 права полиции не исчерпываются.

[1] Приведение к нелепости (лат.) – способ доказательства.

[2] Дословно (лат.).

Кроме этой статьи, которая говорит о первом моменте физического захвата, есть другие статьи, которые говорят о том втором акте, который может следовать за физическим захватом, о личном обыске. Они помещены только не в нашем законопроекте, а в Уставе Уголовного Судопроизводства; повторять же их в нашем законопроекте мы не считали нужным потому, что и в Уставе Уголовного Судопроизводства эта сторона дела обрисована совершенно правильно и достаточно гарантирует права личности. Право обыска изложено в ст. 258 Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства], на которую ссылался сам бар[он] Мейендорф. Статья 258 Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства] гласит *(читает):* «В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках». Вот статья Устава Уголовного Судопроизводства, статья неотмененная, которая дополняет ст. 4 и говорит, что после задержания, которое произведено на основании нашего закона, может наступить личный обыск на основании Устава Уголовного Судопроизводства. Далее бар[он] Мейендорф переходит к частным лицам, задерживающим преступников, и спрашивает: ну, а те как же? Неужели и частным лицам вы даете право обыска? Если вы им даете такое право, то почему же вы не оговорите отдельно правил о производстве обыска женщин? Нет, частным лицам мы не даем права обыска; ни в нашем законопроекте, ни в других законах нет такой статьи, которая давала бы частным лицам то право обыска, которое дано полиции Уставом Уголовного Су-

допроизводства. Следовательно, само собой разумеется, частные лица этого права обыска и не имеют вовсе.

Бар[он] Мейендорф находит, что надо упомянуть в законе о неприкосновенности личности еще о праве отобрания различных предметов. Но ведь право отобрания предметов в отношении полиции точно указано опять-таки в ст. 258, которая гласит, что полиция имеет право не только обыска, но и выемки, а выемка – это и есть отобрание предметов. Что же касается частных лиц, то они вообще не имеют права отобрания предметов; но, разумеется, если частному лицу грозят ножом или целятся в него револьвером, то частное лицо может вырвать этот нож или револьвер на основании общих правил о самообороне. Вот как разрешаются те вопросы, которые поставил бар[он] Мейендорф, и совершенно несправедливо его утверждение, будто бы здесь комиссия что-то позабыла и что-то не досмотрела. В последующем своем изложении он утверждает, что ст. 4 представляет, так сказать, шаг назад, что это не улучшение, а ухудшение действующих правил, и вот почему: «Ст. 4 есть сколок со ст. 257 Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства], но ст. 257 говорит не только о задержании, она говорит и о полицейском надзоре, и о поручительстве, и о залоге, а рассматриваемый законопроект все эти меры отсекает, оставляет только одно задержание и поступает, таким образом, гораздо строже, гораздо реакционнее, чем действующий закон». Но бар[он] Мейендорф смешивает два совершенно различных понятия. Наша ст. 4 говорит о задержании, а ст. 257 говорит о мерах пресечения. Задержание и избрание мер пресечения – это понятия более или менее родственные, но далеко не одинаковые, не тождественные. Избрание мер пресечения, о котором гласит ст. 257, наступает тогда, когда задержание уже осуществлено; когда человек захвачен, тогда можно вы-

бирать те или иные меры пресечения по ст. 257. Но право захватить человека, захватить преступника, конечно, определяется вовсе не ст. 257 Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства], а в настоящее время – ст. 1 Уст[ава] [о] Пред[упреждении] Прест[уплений][1], которая совершенно безбрежна. Она говорит, что полиция и войска и всякие иные власти должны принимать «все меры» – какие, не перечислено, – все меры для предупреждения и пресечения всяких нарушений. Конечно, наш законопроект идет не назад, а вперед, потому что это совершенно безбрежное право «принимать все меры» он ограничивает. То обстоятельство, что в настоящее время право захвата, право задержания совершенно не соответствует избранию мер пресечения, можно выяснить на целом ряде примеров. Этими же примерами можно убедить, мне кажется, и бар[она] Мейендорфа, что ограничивать право задержания только случаями тяжких преступлений, как он говорил, совершенно невозможно. Представьте себе: постовой городовой видит, как один прохожий ударил ножом другого. Я думаю, все, даже сидящие на самых крайних левых скамьях, скажут, что городовой должен задержать ударившего. Но вот оказывается, что нанесенная рана была легкая и что, следовательно, совершено преступление, не влекущее лишение прав состояния. Тогда, по мнению бар[она] Мейендорфа, оказывается, что городовой превысил свое право, что он задержал то лицо, которое не имел права задерживать, и за это должен сесть на скамью подсудимых, ибо задерживать можно только тогда, когда совершаемое преступление влечет за собой лишение прав состояния, когда это преступление тяжкое. Вот к чему приводит смешение мер пресечения, о которых гово-

1 Полное название – Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. Т. XIV. – СПб, 1890.

рит ст. 257, и задержания, захвата, о которых говорит ст. 4... Бар[он] Мейендорф смешал совершенно различные понятия: понятие о мерах пресечения и понятие о задержании, схватывании, когда на улице совершается какое-либо преступное деяние. Единственное, что было правильно в изложении бар[она] Мейендорфа, – это указание на не совсем удачную редакцию п. 5 ст. 12 законопроекта. Он привел пример, что если человек, привлеченный к дознанию по ст. 1035 Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства], учинит еще целую дюжину преступлений, то за эту дюжину преступлений его нельзя будет схватить... Я согласен, что в ст. 12 имеются некоторые недочеты, правда, только редакционные. Буквальный смысл ее позволяет дать ей такое толкование, какое дает бар[он] Мейендорф, но это обстоятельство совершенно легко и просто устраняется чисто редакционной поправкой; надо в п. б) прибавить слова: «в отношении тех преступлений, по коим возбуждено дознание» – и несообразность отпадает.

Вот, г<оспода>, все те возражения, которые были приведены здесь в пользу передачи законопроекта в комиссию. Я категорически утверждаю, что деловых оснований нет, что в деловом отношении комиссия ничего не просмотрела и никаких грубых дефектов не допустила. Другое дело, конечно, сторона политическая, другое дело – утверждение, что законопроект недостаточно радикален. В этом отношении можно спорить бесконечно, потому что тут играет роль несходство политических взглядов, но я упомяну только об одном: это первый большой законопроект, который вышел из думской комиссии в таком виде, в каком его предложило правительство; все остальные крупные законопроекты думскими комиссиями были изменены, так что правительственные очертания законопроекта становились почти совер-

шенно неузнаваемы. Это первый законопроект, который прошел приблизительно в правительственной редакции. И вот этот первый законопроект Дума находит настолько неприемлемым в политическом отношении, что его даже нельзя поправить отдельными поправками, что надо внести его в особую комиссию для коренной, радикальной переработки. Это очень характерно, и если законопроект действительно будет передан в комиссию, а вероятно, оно так и случится, то такая передача явится несомненным оппозиционным шагом. Но такие шаги, г<оспода>, уже делались неоднократно Государственной Думой и первого, и второго созывов: им предлагали очень много; они хотели взять все и не получили ничего. *(Рукоплескания справа.)* Я думаю, что когда вы не примете этого законопроекта, не примете того, что вам дают, то вы ничего не получите. (*Справа рукоплескания и голоса:* «Браво, правильно».)

Председательствующий. Приступаем к голосованию. Оба заявления, доложенные вам сегодня, заключают в себе предложение о передаче рассматриваемого законопроекта в комиссию, но в одном предлагается передать в одну комиссию, в другом – в другую комиссию. Поэтому я сначала поставлю на голосование общий вопрос о передаче рассматриваемого законопроекта в комиссию. Угодно Государственной Думе согласиться с этим предложением? (*Баллотировка.*) Предложение о передаче законопроекта в комиссию принято 204 голосами против 113. Теперь переходим к голосованию следующего вопроса. Фракции прогрессистов и конституционалистов-демократов предлагают избрать для рассмотрения законопроекта особую комиссию из 22 лиц. Фракция Союз 17 октября предлагает передать законопроект в судебную комиссию. Ставлю на голосование предложение фракций прогрессистов и народной свободы. (*Баллоти-*

ровка.) При первом голосовании в зале присутствовали 317 членов Государственной Думы; в настоящее время против предложения о выборе особой комиссии высказались 73 лица, а поэтому позвольте обратного голосования не делать и считать предложение принятым. Последний вопрос, подлежащий голосованию, это предложение о назначении этой особой комиссии из 22 лиц для рассмотрения законопроекта месячного срока. Ставлю это предложение на голосование. (*Баллотировка*.) Принято. Таким образом, принято целиком предложение фракций прогрессистов и народной свободы.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 81. 26.03.1910. Речь Г. Г. Замысловского о судопроизводстве в местном суде, о необходимости сохранения присяги только на русском языке

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Наши прения вращаются около двух поправок, близких между собою. Первая поправка, уже принятая при втором обсуждении, гласит, что при судопроизводстве в местном суде допускаются в известных пределах местные языки. По этому поводу я собираюсь говорить очень мало.

Принципиальная сторона вопроса разъяснена достаточно: это, несомненно, поход на общегосударственный язык во славу языков местных, языков инородческих; та форма, в которую вылились эти стремления, разъяснена тоже достаточно: министр юстиции, как дважды два – четыре, доказал, что эта форма безграмотна, что поправка с технической стороны не выдер-

живает ни малейшей критики. Я укажу еще только на одну деталь. В статье, которая уже принята при втором обсуждении и, по всей вероятности, будет принята и теперь, говорится, что введение местных языков предоставляется министру юстиции чрезвычайно широко и почти не определено никакими рамками: сказано, что он может допустить местный язык, если в местности – границы местности не указаны – значительная часть населения говорит на этом языке. Что такое «значительная часть» – можно спорить весьма долго: или суживать это понятие, или его расширять безмерно. Все это, повторяю, всецело предоставлено дискреционному распоряжению министра юстиции, и если бы министр юстиции вздумал свои права толковать широко, он имел бы законнейшее право ввести местные языки чуть ли не в половине внутренних губерний. И вот меня чрезвычайно удивляет со стороны оппозиции такое необычайное, безграничное доверие к министру юстиции. Ведь мы все время со скамей оппозиции слышим, что министр юстиции управляет не так, как надо управлять. Если собрать из стенограмм в виде выборки все те осудительные выражения, которые раздавались со скамей оппозиции по адресу министра юстиции, можно выпустить, я думаю, довольно солидную брошюру. Мало того, представители оппозиции идут дальше. Они говорят: правительство вообще не заслуживает доверия и не только в данный момент, но и раньше не заслуживало доверия, и нет никаких оснований думать, что в ближайшем будущем оно станет его заслуживать. И вот, при таком взгляде на правительство, в частности на министра юстиции, оппозиция принимает статью, где, повторяю, министру юстиции предоставлено широкое бесконтрольное усмотрение, принимает ее при таком положении вещей, когда сам министр юстиции открыто заявляет: «Я против

предлагаемой поправки, я местных языков допускать в суде не буду». И, тем не менее, несмотря на такое заявление, оппозиция говорит: а все-таки мы вашему бесконтрольному усмотрению вверяем этот вопрос.

К оппозиции в данном случае присоединяется и центр, который также – по крайней мере, за последнее время – смотрит на деятельность министра юстиции довольно скептически, что выразилось в весьма осудительной формуле перехода к очередным делам, внесенной недавно лидером фракции Союз 17 октября [1] по весьма серьезному вопросу, рассматривавшемуся недавно, именно по Министерству юстиции. Г<оспода>, одно из двух: если введение в суде местных языков вы считаете серьезным делом, то не относитесь к нему с кондачка, в виде какой-то шутки; вносите в закон точные условия, когда можно допустить на суде местные языки, а не делайте это так, как вы сделали, ибо вы вводите такой порядок, относительно которого сами уверены, что он практически не будет осуществляться. А если вы на это смотрите, как на шутку, то я должен сказать: это шутка, недостойная законодательного учреждения. Таким образом, г<оспода>, самая постановка вопроса, которая вами дана, совершенно нецелесообразна, и в этом убедится всякий беспристрастный человек. Нельзя давать дискреционного права тому, кто говорит: я с вами в данном вопросе не согласен. Еще более нельзя давать дискреционного права тому, кого вы сами постоянно осуждаете, утверждая, что он управляет не так, как должен был бы управлять.

В отношении рассматриваемой поправки считаю нужным дополнить свою речь еще несколькими словами. Оказывается, за эту поправку при первом голосовании была фракция националистов [2], чего я совершенно не могу понять, ибо как националистам голосовать за поправку, которая является отрицанием национализ-

ма, – для меня совершенно не понятно, и я констатирую это с кафедры, выражая свое чрезвычайное удивление по сему поводу и недоумевая, как фракция националистов будет голосовать теперь.

Перехожу к поправке, внесенной членом Государственной Думы от[цом] Мацеевичем [3], которая, несомненно, имеет шанс быть принятой, ибо комиссия ее приняла, а комиссия, конечно, является отражением Государственной Думы. Она гласит (*читает*): «Лица, приводимые к присяге, в случае заявленного ими о том желании принимают присягу на своем родном языке». Нам все время с этой кафедры левые ораторы выставляют два положения: 1) что в суд не надо вносить политику – это совершенно правильно, и 2) что на западе отношения русских с поляками, в сущности говоря, прекрасные, что там все идет мирно и только кучка шовинистов изображает положение вещей в извращенном виде, рассказывая про какие-то расприи непримиримо враждебные отношения. Но, г<оспода>, если там такая тишь да гладь и если в суд не надо вносить политику, то какой же смысл имеет поправка, предложенная ксендзом Мацеевичем? Ведь до 1905 г. ни единый человек на тот порядок, который существовал в отношении принятия присяги, жалоб не заявлял. Да и странно было бы их заявлять. Свидетелю-иноверцу предлагают принять присягу или у духовного лица православного вероисповедания, если он желает, или, если он не желает, то у духовного лица его вероисповедания или у председателя. Спрашивается, что же тут может возбудить какие-нибудь сомнения, какие-нибудь недоразумения, какие-нибудь споры, если нет племенной розни и религиозного фанатизма? Разумеется, такой порядок никаких нареканий возбуждать не может, и он действительно их не возбуждал до 1905 г. А именно в 1905 г. по наущению

ксендзов свидетели-католики начали требовать, чтобы их приводили к присяге непременно на польском языке; они начали это требовать под угрозой ксендзов, под угрозой всяких религиозных кар, недопущения, напр[имер], до исповеди. Вот когда вопрос обострился, обострился под влиянием религиозного фанатизма и национальной вражды! И Дума, вместо того чтобы утишить вражду, ее настоящей статьей только разжигает.

Если вы вдумаетесь в те доводы, которые приводятся в защиту поправки, то убедитесь, насколько они неискренни. Ксендз Мацеевич (*голос слева*: «Не ксендз, а член Государственной Думы»), от[ец] Мацеевич говорит нам, что поправка необходима, ибо «религиозные обряды должны быть производимы на родном языке». Это говорит представитель католической Церкви, в которой все богослужение происходит на латинском языке, а вовсе не на родном языке. (*Рукоплескания справа*.) Спрашивается: как же он может утверждать, что религиозные обряды должны быть на родном языке? Но этого мало. В католической Церкви существует так называемое дополнительное богослужение; и вот общее желание местного населения, чтобы дополнительное богослужение совершалось на родном языке – на белорусском или на литовском, а католическое духовенство на Западе делает все, от себя зависящее, чтобы не допустить там введения дополнительного богослужения на местном языке. (*Рукоплескания справа*.)

Не далее как два-три дня тому назад вы могли читать в газетах, что в одном из костелов произошла свалка, драка между поляками и литовцами только потому, что литовцы осмелились производить дополнительное богослужение на родном литовском языке. Вот, г<оспода>, что делают на местах ксендзы, а здесь они выходят на кафедру и утверждают, что надо внести со-

ответствующую поправку, ибо «религиозные обряды должны быть на родном языке».

Само собою разумеется, что настоящий смысл поправки не в этом, а в том, что существующее положение дает некоторое оказательство[1] того, что Православная вера есть господствующая вера, и вот это оказательство ксендзам желательно вытравить (*голоса справа*: «Верно!»), ибо в настоящее время православный может принимать присягу только у православного священника, католик же может принимать присягу и у ксендза, и у православного священника. Другими словами, ксендз может приводить к присяге только католика, а православный священник может приводить к присяге и православного, и католика, и лютеранина, и в этом население видит преимущество Православной веры, оно видит в этом явное и наглядное оказательство того, что Православная вера есть вера в государстве господствующая. Вот то обстоятельство, которое сидит, так сказать, бельмом на глазу у г<оспод> ксендзов (*голоса справа*: «Верно, правильно!»), и они его стараются всячески уничтожить. Ведь по краю велась ожесточенная пропаганда для доказательства того, что Православная вера вовсе не есть господствующая; рассказывались небылицы, и часть их вам воспроизводилась с этой кафедры во время прений о костеле в Ополье: вам рассказывалось, как пускали слухи, что Государь обратился в католичество, что у православных отберут землю и отдадут католикам, – все это для внушения населению мысли, что Православная религия вовсе не есть господствующая. Такой подход заключается и в этой поправке, ибо надо вытравить из народа сознание того обстоятельства, что православный священник может приводить к присяге не только православных, но и католиков.

1 Так в тексте. – *Д. С.*

Обращаясь далее к редакции статьи, к ее техническим особенностям, я утверждаю, что она редактирована очень плохо. В самом деле: лица, приводимые к присяге, принимают присягу на своем родном языке, – но как происходит эта процедура? Что же, духовное лицо читает им текст присяги на их родном языке, или же духовное лицо читает текст присяги по-русски, а переводчик переводит присягающему на его родной язык? Какая из этих двух процедур должна быть проделана? Если духовное лицо читает присягу на родном языке присягающих, получается такое положение, что судья не понимает того обряда, который перед ним происходит, – положение, в процессе недопустимое; судья должен себе отдавать отчет в каждом процессуальном действии. А если духовное лицо говорит то по-латышски, то по-эстонски, то по-еврейски, и судья этого не понимает, то положение судьи в процессе ненормальное. Если же вы остановитесь на втором положении, что текст присяги духовное лицо читает по-русски, и затем переводчик переводит прочитанное присягающим, то получается такая картина: допустим, в Петербурге на суд является финляндец, эстонец, латыш – все они лютеране – и тут же на суде пастор, но пастор говорит по-немецки, а ни латышского, ни эстонского, ни финляндского языков не знает. Если такой инородец заявляет о желании присягать на родном языке, то нужно остановить всю судебную процедуру и разыскивать по городу переводчика с финляндского, эстонского и латышского языков для того только, чтобы духовное лицо прочло присягу по-русски, и затем переводчик перевел бы ее на финляндский, эстонский и латышский языки человеку, который вслед затем превосходнейшим образом заговорит по-русски, ибо русский язык он прекрасно понимает. Вот какое положение вы создаете технически.

Очень возможно, г<оспода>, что некоторые из вас не отдают себе отчет, с какой целью внесена эта поправка. Ведь вот раньше, если бы фракция националистов отдавала себе отчет, что заключается в этой ст. 11–1, то, понятно, она, нося флаг национализма, за нее не голосовала бы. (*Голос справа*: «Мы не голосовали».) Это будет видно из стенограмм. Вот почему, г<оспода>, и теперь я считал своей обязанностью выступить с этим разъяснением. Вам говорят, что эту статью надо принять по тем основаниям, что «религиозные обряды должны быть на родном языке», а я утверждаю, что эта статья внесена с той мыслью, чтобы вытравить из суда доказательство, что Православная религия есть первенствующая. (*Рукоплескания справа*.)

[…]

Замысловский (Виленская губ.). Фракция правых будет голосовать против этой поправки как по соображениям, уже мною высказанным, так и по дополнительным соображениям. Текст поправки гласит (*читает*): «Лица, приводимые к присяге, в случае заявленного ими о том желании, принимают присягу на своем родном языке; при отсутствии же духовного лица того вероисповедания, к которому они принадлежат, они допрашиваются без присяги, ограничиваясь торжественным обещанием дать показание по чистой совести». Ни единого слова о том, знают они русский язык или не знают, в настоящей поправке не сказано. Поэтому когда член Государственной Думы докладчик Шубинский [4] говорил, будто эта поправка относится только к тем, которые не знают русского языка, то он привел нам фактически неверные сведения. (*Голос слева*: «Это не по мотивам».) Принимая во внимание, что хотя сначала эти фактически неверные сведения ввели некоторых из нас в заблуждение, но затем такое заблуждение было рассеяно, и мы голосуем против этой поправки.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 83. 27.03.1910. Речь Г. Г. Замысловского о введении имущественного ценза, ущемляющего интересы крестьянства, в местном суде

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. При втором обсуждении настоящего законопроекта я и большинство моих товарищей по фракции голосовали против имущественного ценза. Так я буду голосовать и при третьем обсуждении, хотя, вообще говоря, принципиально являюсь сторонником того, чтобы выборные должности были обставлены имущественным цензом. И если в данном случае я буду голосовать за отвержение имущественного ценза, то не в силу принципа «чем хуже, тем лучше», – хотя вообще допускаю применение такого принципа ради того, чтобы вредный законопроект не сделался законом: я допускаю, что в таком случае можно голосовать за те поправки, которым по существу не сочувствуешь, – но, повторяю, в рассматриваемом вопросе об имущественном цензе мне нет надобности действовать в осуществление этого принципа, ибо имущественный ценз в том виде, в каком он принят судебной комиссией и в каком он предлагается нам лицами, внесшими поправки, является цензом наизнанку: из него вытравлены все хорошие стороны имущественного ценза и оставлены все дурные. В самом деле: для чего вообще нужен имущественный ценз на выборных должностях, какова его идея? Ценз обеспечивает два условия: во-первых, чтобы избираемый был человек местный, во-вторых, чтобы он был человек обеспеченный, следовательно, сравнительно независимый. Первое условие в комиссионном законопро-

екте, конечно, не гарантировано, ибо там сказано: «Для избрания достаточно годичного владения имущественным цензом». Если человек в течение года владеет в данной местности недвижимостью, то, конечно, нельзя говорить, что он человек местный, знакомый с бытовыми условиями; видимо, и Государственная Дума не придавала этому первому условию значения, ибо при втором обсуждении была внесена поправка о так называемом «всероссийском» цензе, вследствие которой человек, владеющий имуществом, скажем, в Саратове, может выбираться в Пскове. Такая поправка встретила значительное сочувствие среди оппозиции и центра. Если она не была принята, то потому, что ценз был вовсе отвергнут; но даже помимо всероссийского ценза, предложение о коем теперь не возобновляется, мы видим, что ценз введен на всю губернию. Достаточно в уездном городе, расположенном на северном краю губернии, владеть недвижимостью, чтобы иметь право быть избранным в южном уезде, жизнь которого является в значительной степени различной. Это обстоятельство еще более побуждает меня утверждать, что первое условие ценза ни в какой мере не соблюдено. Нет никакого обеспечения, что на должность мировых судей будут попадать люди местные. Одинаковым образом не обеспечено и второе условие. Нет никаких гарантий того, что в мировые судьи будут попадать люди, имущественно обеспеченные, люди состоятельные и, следовательно, материально независимые. Прежде всего, здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что горожане поставлены в неизмеримо более привилегированное положение, согласно законопроекту, чем люди сельские. Согласно законопроекту в редакции комиссии необходимо или владение в уезде недвижимостью, нужной для избрания в гласные, другими словами, владение участком земли не

менее как в 120 дес[ятин] и до 300 дес[ятин], владение, представляющее стоимость никак не менее 15 тыс. руб., а вернее, тысяч 20 в среднем. Что же касается городов, то здесь достаточно владения недвижимостью, оцененной в 3 тыс. руб. Таким образом, вы видите, что город поставлен в неизмеримо более выгодные условия в смысле выбора, чем деревня. Между тем если говорить об устойчивости населения, о его местном характере, то, конечно, сельское население гораздо более является местным, чем городское. Поэтому вы должны убедиться в правильности моего заявления, что вы вводите имущественный ценз наоборот, имущественный ценз наизнанку. До известной степени эта ненормальность устраняется поправкой члена Думы Скоропадского [1], который вводит лишь половинный ценз для сельской местности, но и в этом виде, хотя и менее острая, но привилегия городских кандидатов по сравнению с уездными остается. Ведь вы, г<оспода>, не делаете перегородки, вы не говорите, что лицо, владеющее недвижимостью в городе, может избираться только по городу, – нет, лицо, владеющее этой трехтысячной недвижимостью в городе, может избираться и по уездам целой губернии. Этим способом вы прямо наталкиваете на создание фиктивных городских цензов, ибо представить документы, удостоверяющие, что человек в течение года владеет городской недвижимостью в 3 тыс. руб., это решительно ничего не стоит и ни о какой имущественной состоятельности не свидетельствует. Достаточно затратить 150–200 руб., чтобы такими документами запастись чуть ли не в любом уездном городе. Таким образом, вы широко открываете двери для третьего городского элемента, именно для того элемента, который наименее желателен в качестве местных судей, вовсе не представляет какого-либо имущественного обеспечения и в очень слабой

мере является контингентом местных жителей. *(Голос справа:* «Верно».) И, наоборот, вы этим вашим имущественным цензом окончательно оттираете от мировых судей крестьянство. (*Голос*: «Верно».). Хотя среди крестьян и мало людей со средним образованием, но таковые все же есть. Число их будет увеличиваться и вообще вследствие повышения образовательного уровня, и в особенности тогда, когда крестьяне сами увидят, что путем получения среднего образования можно добиться должности мирового судьи. Это будет, несомненно, громадным импульсом для того, чтобы мало-мальски зажиточный крестьянин старался хотя бы одному из своих сыновей дать среднее образование; и, само собой разумеется, что такой контингент будет неизмеримо лучше как кандидаты для мировых судей, чем городской третий элемент, обладающий средним образованием. И вот вашим цензом вы окончательно отсекаете крестьянство, окончательно преграждаете ему доступ в мировой институт; ведь если у крестьянства хватит образовательного ценза, у него не хватит имущественного ценза, ибо для крестьян этот имущественный ценз неизмеримо высок по сравнению с цензом горожан. Горожанину надо иметь недвижимость, оцененную в 3 тыс. руб., крестьянину надо иметь земельный участок в 150–200 дес[ятин], стоящий 15 тыс. руб. или 20 тыс. руб., и даже при поправке Скоропадского участок, имеющий 75–100 дес[ятин], оцененный в 8–10 тыс. руб. Вот еще одна несправедливость, которую вы делаете по отношению к крестьянству, внося такой имущественный ценз, о котором я имею честь говорить. Имущественная состоятельность измеряется не только суммой доходов, но и соотношением доходов к расходам, соотношением доходов к сумме потребностей, и в этом случае, само собой разумеется, крестьяне, владеющие небольшим участком

земли, гораздо состоятельнее, чем помещик, владеющий бóльшим участком земли, и чем горожанин, владеющий недвижимостью, оцененной в 3 тыс. руб.; крестьянин состоятельнее потому, что у него совершенно иной комплекс потребностей и совершенно иная, так сказать, смета расходов. И вот именно этот элемент, элемент местный и элемент сравнительно обеспеченный, вы от занятия должности мирового судьи окончательно отстраняете тем цензом, который представляет собой явную привилегию городскому третьему элементу. (*Голос справа*: «Верно».) Таким образом, г<оспода>, вы выкидываете консервативный флаг над контрабандным грузом. Вы отлично понимаете, что имущественный ценз – это флаг консерватизма: раз принят имущественный ценз, значит, законопроект представляет собой нечто консервативное, значит, в мировые судьи попадут имущественные классы, и левизны бояться нечего; но в то же время вы отлично знаете, что широкие круги не будут разбираться, в чем, собственно, состоит ваш имущественный ценз. Ведь когда было второе обсуждение законопроекта, то все газеты были полны рассуждения о «цензе», все говорили об «имущественном цензе», но в чем заключается этот имущественный ценз, что именно собиралась Дума принять и что она отвергла, в каких конкретных чертах выражался имущественный ценз, – об этом никто не говорил. Был только этот флаг, и вы отлично знаете, что он покроет контрабандный груз, и вы этот флаг поднимаете, вы вводите имущественный ценз, но такой имущественный ценз, который вовсе не обладает истинными свойствами имущественного ценза, ибо он не содержит ни того, что жители будут местные, ни того, что они будут имущественно обеспеченные, наоборот, вы сохраняете все вредные стороны имущественного ценза, потому что толкаете людей на

создание фиктивного ценза, создаете городской элемент, который поставит нужный контингент кандидатов и в то же время совершенно ототрет местное крестьянство, крестьянство образованное, крестьянство зажиточное, но по формальным условиям этому цензу не удовлетворяющее. (*Голос справа*: «Верно».) Очень возможно, г<оспода>, что ваш ценз пройдет – центр стоит за него горой, и мы знаем, что г<оспода> националисты собираются подать голоса вместе с центром по тому сердечному влечению, которое они к центру чувствуют; мы знаем, что и налево собираются подать голоса вместе с центром, но уже не по сердечному влечению, а по совершенно реальной комбинации. (*Голос справа*: «Браво!».) Вчера, только что, Дума голосами октябристов приняла поправку польского коло [2] о присяге. Это, по моему убеждению, и есть та реальная комбинация, благодаря которой вы получите голоса слева. (*Рукоплескания справа*.) И я только могу пожалеть, что предметом реальной комбинации послужил вопрос о присяге, вопрос религии, вопрос Православной веры. (*Рукоплескания справа*.) Итак, г<оспода>, вы удачно соединяете огонь и воду; вы получаете голоса и поляков, и националистов; националистов – по естественному влечению, поляков – вследствие принятия поправки, которую с ужасом встретит вся национальная западная Россия. Ну что же, г<оспода>, на здоровье, проводите ваш имущественный ценз, но не говорите о том, что будто бы вы стремитесь обеспечить судье и имущественную состоятельность, и его местное происхождение. Нет, вы заботитесь совершенно о другом; вы заботитесь о городском элементе в ущерб элементу сельскому, вы просто желаете прикрыться консервативным флагом, чтобы провести контрабандный груз. Я думаю, что вам, в конце концов, это не удастся. (*Рукоплескания справа; шиканье слева*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 4. Заседание 85. 21.03.1911. Речь Г. Г. Замысловского по законопроекту об отмене заключений прокурора по некоторым гражданским делам

Председательствующий. […] Переходим в п. 3 повестки: доклад особой комиссии, образованной для рассмотрения разномыслий, возникших между Государственным Советом и Государственной Думой по законопроекту об отмене заключений прокурора по некоторым гражданским делам. Вступительная часть к отд. I будет поставлена на голосование после того, как будут рассмотрены отдельные входящие в него статьи Устава Гражданского Судопроизводства. Ст. 179. Шесть членов согласительной комиссии предлагают изложить ее так: «По делам лиц, не достигших совершеннолетия, безвестно отсутствующих, глухонемых, умалишенных, а также признанных в установленном порядке расточителями, равно по делам сельских обществ, товарищ прокурора дает свое заключение по окончании состязания между тяжущимися». Один член согласительной комиссии предлагает для ст. 179 следующую редакцию: «По делам лиц, не достигших совершеннолетия, безвестно отсутствующих, глухонемых, умалишенных, а также признанных в установленном порядке расточителями, товарищ прокурора дает свое заключение по окончании состязания между тяжущимися». Наконец, пять членов согласительной комиссии предлагают ст. 179 отменить. Ставлю первое предложение на голосование. (*Баллотировка.*) Отклонено. Ставлю второе предложение на голосование. (*Баллотировка.*) Отклонено. Ставлю последнее предложение на голосование: ст. 179 отменить. (*Баллотировка*). Принято. […]

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Настоящий пункт разномыслия касается прокурорских заключений по гражданским делам, где одной из сторон являются подопечные, малолетние, умалишенные. В согласительной комиссии большинство склонились к тому мнению, что прокурорское заключение по этим делам надлежит оставить в силе, и вот по каким соображениям. Бывают случаи, когда по делам, где выступают малолетние, происходит между сторонами стачка, стачка между истцом и ответчиком. В качестве ответчика выступает опекун, который, в сущности, в делах малолетнего очень мало заинтересован, и вот он входит в стачку с истцом, признает иск правильным, ибо по этому иску будет расплачиваться не опекун, а малолетний, гражданский же суд, связанный формальными требованиями судопроизводства по такому совершенно неосновательному иску, по признанному недобросовестным ответчиком, присуждает взыскание, удовлетворяет иск, и, таким образом, страдают интересы малолетнего вследствие недобросовестности опекуна, интересы, которые гражданским судом, связанным формальными требованиями гражданского судопроизводства, ограждены быть не могут. Вероятно, многие из вас слышали имя известного юриста Боровиковского [1]. У него есть ряд статей, ряд очерков, в которых приводятся очень характерные дела, по которым на суде происходят такие стачки опекуна с истцом в ущерб малолетнему. Некоторой оградой от возможности такой стачки и является прокурорское заключение, ибо прокурор, конечно, может видеть, что в данном случае опекун признает иск недобросовестный, что опекун в стачке с истцом предает интересы малолетнего. Усмотрев наличность такой комбинации, прокурор может возбудить уголовное преследование против опекуна и во всяком случае вступиться

за интересы малолетнего в уголовном порядке, где формальная сторона, конечно, совершенно не такова, как в области гражданского процесса. Вот те соображения, по которым члены Государственного Совета и я вместе с ними признали в согласительной комиссии, что совершенно уничтожить прокурорские заключения по этой категории дел представляется рискованным. […]

Г<оспода> члены Государственной Думы. Предметом нашего обсуждения по настоящему законопроекту были прокурорские заключения по целому ряду гражданских дел и в отношении дел казенного управления между Думою и Государственным Советом разногласий нет: как Дума, так и Государственный Совет полагают, что в этой области прокурорские заключения при настоящем положении процесса являются излишними, затягивающими дело, – ими можно пожертвовать. Дальше идут прокурорские заключения по делам сельских обществ и по гражданским взысканиям с административных лиц. Здесь Государственный Совет считает нужным удержать прокурорские заключения; я лично думаю, что и по этим двум пунктам прокурорского заключения не имеют существенного значения, ими можно пожертвовать. Еще дальше идут прокурорские заключения по таким гражданским делам, где обнаружены признаки уголовного преступления или признаки несостоятельности. Здесь уже и член Думы Черницкий [2], докладчик, признает, что уничтожать прокурорские заключения в этой области никоим образом нельзя, и, конечно, было бы весьма опрометчиво пойти по пути наших первоначальных предположений, принятых большинством Думы, и сказать, что прокуроры не должны давать заключения там, где в гражданском деле обнаруживаются признаки деяния уголовного. Равным образом, весьма существенны прокурорские заключения, раз идет вопрос о свойстве

несостоятельности, о том, несчастная ли она или злостная, – с признаками банкротства. И вот, наконец, последний пункт – это вопрос о подопечных малолетних. Член Думы Черницкий, возражая мне, говорит, что прокурорские заключения по гражданским делам бывают в большинстве случаев неудовлетворительны, прокуроры не знают этих гражданских дел и дают заключения, что называется, с ветру. В этом отношении я не буду спорить с членом Думы Черницким. Действительно, прокурорские заключения по гражданским делам, в общем, даются малоудовлетворительные, но из того, что прокурорский надзор эту область своих обязанностей часто исполняет не так, как следует, разве можно делать вывод, что, следовательно, обязанности эти надо снять с прокурорского надзора? Мне кажется, никоим образом. Если какой-либо чиновник исполняет известный круг своих обязанностей неудовлетворительно, то разве можно говорить, что эти обязанности должны быть с чиновника сняты только потому, что они исполняются чиновником недостаточно хорошо? Такая аргументация, конечно, – не государственная аргументация. Член Думы Черницкий говорит о тех пагубных случаях, которые происходят, когда прокурор находится «в натянутых отношениях» с председателем; есть натянутые отношения – и ни одно прокурорское заключение не проходит. Так ведь это же, г<оспода>, злоупотребления или со стороны прокурора, или со стороны председателя, и такие злоупотребления надо пресекать немедленно в дисциплинарном, а то и в уголовном порядке; но опять-таки это никоим образом не аргумент, чтобы уничтожать прокурорское заключение. Член Думы Черницкий говорит, что прокурор не имеет достаточно прав в гражданском процессе, не может защитить малолетнего. Да, совершенно верно, в гражданском процессе он этого сделать не может, потому что он не име-

ет права апелляционного обжалования, но имеет право это сделать в другом порядке – в уголовном, где власть прокурора огромна: усмотрев в гражданском процессе злоупотребления, он в этом гражданском процессе помочь малолетнему сейчас, пожалуй, не может, но он может возбудить уголовное преследование против опекуна, он может проверить наличность злоупотребления путем дознания и, убедившись в том, что стачка была, предложить следователю производство следствия о злоупотреблениях, совершенных опекуном. Что это действительно так, я ссылаюсь на авторитет, которого не отрицает и член Думы Черницкий: на авторитет Боровиковского, представляющего огромный вес как раз в подобных делах, потому что, насколько я помню, Боровиковский был именно тем прокурором, который специализировался на даче заключений по гражданским делам, а потом был обер-прокурором Гражданского кассационного департамента. Затем, насколько я помню, в согласительной комиссии члену Думы Черницкому приводились случаи, когда такие злоупотребления обнаруживались именно благодаря прокурорскому заключению, благодаря тому, что прокурор предлагал производство следствия. Вот почему я считаю, что те положения, которые я отстаиваю, являются твердыми и заслуживающими уважения.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 6. 24.10.1911. Речь Г. Г. Замысловского о признании правильности выборов члена Государственной Думы С. В. Киндякова

Председательствующий. […] Переходим к п. 2 повестки: доклад II отдела о поверке выборных производств

по дополнительным выборам членов Государственной Думы от Саратовской губ[ернии] вместо отказавшегося Гримма [1] и скончавшегося от[ца] Златомрежева [2]. Докладчик – Люц [3]. Тут вопрос о правильности или неправильности выборов члена Государственной Думы Киндякова [4]. Позвольте напомнить про те параграфы Наказа [5], которые подходят к данному случаю, именно § 173, который говорит: «При проверке полномочий избранных членов Государственной Думы на голосование ставится, прежде всего, вопрос о правильности или неправильности выборов согласно заключению отдела. При признании выборов произведенными неправильно ставится вопрос, подлежат ли выборы отмене». Затем § 196 Наказа, который говорит, что «закрытое голосование посредством баллотировки шарами и подачи записок производится: при выборах должностных лиц и членов комиссий, при разрешении вопроса об отмене выборов членов Государственной Думы». […]

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Я буду рассматривать настоящий вопрос лишь постольку, поскольку он касается члена Думы Киндякова. Делаю я это потому, что юридическое положение члена Думы Киндякова и члена Думы Добровольского [6] не вполне одинаково. Правовое положение члена Думы Добровольского в данном случае несколько хуже. В отношении члена Думы Киндякова имеется только одно обстоятельство, опорочивающее выборы, именно то, что будто бы некоторые из его выборщиков в момент выборов не имели ценза. В отношении члена Думы Добровольского имеются два обстоятельства: во-первых, то, о котором я уже сказал, – некоторые из выборщиков, его выбиравших, не имели ценза, и, во-вторых, другое обстоятельство: доклад комиссии утверждает, что сам член Думы Добровольский в момент выборов ценза не имел.

Вот то второе обстоятельство, которое несколько ухудшает правовое положение Добровольского в сравнении с правовым положением Киндякова. Об этом втором обстоятельстве я говорить совершенно не буду, совершенно не буду касаться правильности или неправильности выборов члена Думы Добровольского, а сосредоточу все свои аргументы только на первом обстоятельстве, исчерпывающем те основания, по которым, согласно мнению комиссии, надо исключить Киндякова. Я нахожу, г<оспода>, что область исследования Государственной Думы в отношении выборов должна распространяться лишь на два момента: во-первых, имеет ли право избранный член Думы в ней заседать? Не лишен ли он права быть членом Думы? Это первое обстоятельство, подлежащее проверке. Второе обстоятельство: правильно ли действовала избирательная губернская комиссия? Вот те два обстоятельства, в пределах которых должно идти думское исследование. Если же мы будем простирать свои исследования на стадии предшествования, то придем к выводам совершенно абсурдным. Если мы будем говорить о правильности того, что было до составления губернского избирательного собрания, то мы совершенно запутаемся в дебрях противоречий. Ведь в самом деле, губернское избирательное собрание само не имеет права проверять, правильно ли участие в его составе отдельных сочленов или неправильно. Ст. 130 Пол[ожения] [о] выб[орах] [в] Гос[ударственную] Думу [7] говорит категорически: «Избирательные собрания, ограничиваясь производством выборов, не входят ни в какие рассуждения и не вправе делать никаких постановлений или распоряжений, не относящихся до производства выборов». Их дело – произвести выборы, а правильно или неправильно участвуют в составе собрания отдельные сочлены – это не дело собрания, это дело администрации. Теперь, если

вы будете проверять в Думе то обстоятельство, правилен ли состав губернского избирательного собрания, то получится вывод совершенно неожиданный: избирающийся, баллотирующийся в члены Думы находит, что некоторые члены губернского избирательного собрания попали туда неправильно. Что же ему делать? Заявлять об этом губернскому избирательному собранию он не вправе, снимать свою кандидатуру тоже нет оснований, и вот он идет на выборы, он избирается в члены Думы с твердым сознанием, что избирается только для того, чтобы впоследствии быть Думою исключенным. Мне кажется, такое положение совершенно нелепо. Дальше, если мы распространим нашу проверку на стадии предшествующие, то получатся и иные, не менее оригинальные положения. Так, напр[имер], в самом начале действия III Думы, в X отделе, где я заседал, была такая жалоба: по западным губерниям, говорили нам, неправильно исчислена администрацией площадь польского землевладения и площадь русского землевладения. Вследствие этой неправильности было неправильно высчитано число членов съезда русского и польского. Эта неправильная арифметика повела к неправильному распределению сил в губернском избирательном собрании и, следовательно, – к неправильным выборам. Неужели, г<оспода>, мы могли бы вступить в исследование всех этих доводов, которые, может быть, в некоторых частях даже имели известное основание? Ведь Дума, прежде всего, не обладает для этого нужным проверочным аппаратом.

Далее. Какое огромное количество времени нужно было бы для того, чтобы в точности установить по всем западным губерниям площадь того и другого землевладения, и, наконец, какие гарантии, что думские сведения по этому вопросу были бы достаточно точны? Отдел признал, что это та область, в исследование которой

он входить не может, что эта область, предшествующая формированию губернских избирательных собраний, исследованию Думы не подлежит. Но, г<оспода>, Дума в данном случае идет еще дальше; ведь ст. 142, определяющая проверку полномочий в Думе, говорит о *жалобах*[1], поступающих на выборы. В данном случае на выборы Киндякова никакой жалобы не было, а Дума поступила в порядке, так сказать, ревизионного начала. Она сама, по собственной инициативе начала откапывать вот эти неправильности так, что и в этом направлении чрезвычайно расширила предмет исследования. Она не только вошла в стадию, предшествующую губернским избирательным собраниям, но и руководствовалась не прямой жалобой заинтересованных лиц, а вообще «сведениями». В данном случае такими сведениями был указ Правительствующего Сената – сведение достоверное и авторитетное, но если бы это был не указ Сената, а другие сведения, гораздо менее достоверные, то юридическая позиция докладчика от этого ни малейшим образом не изменилась бы. Таким образом, положение получается следующее: в Думу поступили сведения, что один из числа членов губернского избирательного собрания, в котором более 100 членов, не имел в момент выборов ценза; сведения эти Думою проверяются, причем Дума приходит к выводу, что они правильны, что действительно один из ста членов не имел ценза. По теории докладчика[2], это является достаточным основанием, чтобы возбудить вопрос об исключении члена Думы и его исключить. Г<оспода>, вы сами понимаете, что при такой беспредельности исследования оно превращается в чистейший деспотизм, в ферулу[3] над теми

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[2] Депутата Л. Г. Люца.

[3] Ферула (от лат. *ferula* – растение ферула; розга) – гнетущий и бдительный надзор, гнетущая стеснительная опека, строгое обращение (переносный смысл).

членами Думы, которые принадлежат к партии меньшинства. Едва ли на такую почву надлежит становиться, хотя бы даже в смысле ограждения достоинства самой Думы. Закон совершенно ясно указывает пределы думского исследования: это, во-первых, правовое положение самого члена Думы, вопрос о том, имеет ли он право быть членом Думы или не имеет, и второй вопрос о том, правильно ли действовало губернское избирательное собрание или неправильно. Все остальное, все эти предшествовавшие стадии – лишь область думских кривотолков, которые внесут смуту, беспредельность исследования и совершенный произвол. (*Рукоплескания справа*.)

[…]

Председательствующий. Приступаем к голосованию. Итак, голосованию подлежит вопрос о правильности или неправильности выборов членов Государственной Думы Добровольского и Киндякова. На основании первой части § 173 Наказа ставлю на голосование вопрос: угодно ли признать Государственной Думе выборы члена Государственной Думы Добровольского правильными? (*Баллотировка*.) Принято 223 голосами против 55 и при 39 воздержавшихся. Угодно признать Государственной Думе выборы члена Государственной Думы Киндякова правильными? (*Баллотировка*.) Принято. […]

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 26. 19.11.1911. Речь Г. Г. Замысловского о суде присяжных и об уголовном преследовании чиновников путем ложных доносов

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Я вовсе не являюсь принципи-

альным противником суда присяжных. Суд присяжных весьма хорош для известной категории дел, но не надо ни из чего творить кумира, не надо себе творить кумира и из суда присяжных, а между тем многие, следуя старинным либеральным трафаретам, склонны это делать. Никто из вас не будет отрицать, что суд присяжных, прежде всего, в настоящее время вовсе не является судом, равным для всех. На первый взгляд, это может звучать парадоксом, но в действительности это так. Мы знаем, что когда присяжные заседатели судят в больших центрах, то уголовная репрессия чрезвычайно слаба, и оправдательные приговоры сыпятся, как из рога изобилия; но когда судят присяжные в другом составе, в составе сельских жителей, судят в уездных городах, то мы знаем, что оправдательных приговоров почти не бывает – обвиняют чуть ли не всех. Если бы суд присяжных был такой уж идеальный суд, то он судил бы одинаково, между тем оказывается, что в строгости судебной репрессии огромная разница, в зависимости от совершенно случайного приказа – попало ли данное дело на сессию в крупный центр или на выездную сессию. Таковы общие возражения, но они гораздо сильнее в данном конкретном случае, в применении к делам должностным; присяжные заседатели вообще вносят в дела обывательскую точку зрения, и когда они судят дела об убийствах или кражах, то это, пожалуй, и не худо; может быть, в этих делах и лучше стоять на обывательской точке зрения, чем на точке зрения казуистики и формализма. Но когда рассматриваются дела о должностных лицах, то уже на первый план должна выдвигаться не обывательская точка зрения, а государственная. Она, я полагаю, у присяжных заседателей будет в значительной мере отсутствовать. Их суд будет, в большинстве случаев, просто-напросто плебисцитом о том, нравится ли населению

данный чиновник или не нравится. Ведь и теперь вы не будете отрицать, что присяжные заседатели сплошь и рядом руководствуются такой психологией: «улики слабоваты; может быть, и в самом деле, не этот подсудимый совершил преступление, но мы все как местные жители знаем, что этот подсудимый – величайший мерзавец, а потому, несмотря на слабость улик, вынесем ему обвинительный приговор». И наоборот, присяжные заседатели рассуждают сплошь и рядом так: «Улики сильны, и виновность несомненна, но обвиняемый – хороший человек, а потому мы его оправдаем». Опять говорю, что в делах, напр[имер], о кражах вот эта обывательская точка зрения, которая несомненна и которую не будут оспаривать и защитники суда присяжных, она, может быть, большого вреда и не представляет, но в делах о преступлениях должностных, о преступлениях, совершаемых правительственными агентами, такая точка зрения сама является преступлением; и вы напрасно думаете, что введение суда присяжных в этой области будет способствовать справедливости и государственным интересам. Присяжные, повторю, будут учинять суд о том, какой чиновник нравится среднему обывателю и какой не нравится. И для примера возьмем того чиновника, который больше всего соприкасается с населением, – полицию. Я утверждаю, что населению, среднему обывателю, больше всего нравится тот полицейский чин, который берет, но умеренно, по чину; если полицейский чин начинает брать уже неумеренно или, по народному выражению, дерет и с живого, и с мертвого, то такой чиновник населению, конечно, не по вкусу, но больше всего не нравится населению, возбуждает прямо-таки ненависть тот чиновник, который совсем не берет, но строго требует исполнения закона. (*Голоса справа*: «Верно».) Предо мной опять-таки пример из жизни нашего Западного края.

У нас, напр[имер], целый ряд местечек занимается выделкой кож; это производство очень грязное, способное вызвать различные заражения, напр[имер] сибирской язвой, производящее чрезвычайную порчу воздуха. И вот, чтобы предупредить все это, существует благодетельный циркуляр о том, как производить работы по обделке кож; нужны, гласит циркуляр, особенные чаны, особенные цементные полы, особый отвод грязной воды, и т. д., и т. д. – циркуляр чрезвычайно благодетельно пресекает заразу, но он чрезвычайно удорожает производство, и строгое его применение делает невозможным промышленнику данного района конкурировать со своими соседями. На практике почти во всех местечках этот циркуляр не исполняется, вонь стоит такая, что за три вер[сты] к этому местечку свежему человеку подъехать нельзя, случаи сибирской язвы не переводятся, но производство дешево, и все довольны: довольны промышленники, довольны рабочие, у которых есть заработок, а если кое-кто и помрет от сибирской язвы, то считается, что беда не велика. И вот полицейский чин, который берет за то, что смотрит сквозь пальцы на несоблюдение циркуляра, берет умеренно, по чину, – он возбуждает чрезвычайно благожелательное отношение населения, и если угодит под суд, то местное население, попав присяжными, его, конечно, выручит, потому что он для местного населения благодетель. Если будет другой полицейский чин, который начнет брать с кожевенных заводов чересчур, то это, конечно, вызовет жалобы, но не слишком острые. Но вот попадает третий чиновник, который говорит: «Я взяток не беру, но требую, чтобы циркуляр со всей его строгостью был осуществлен». Как посмотрит местное население на такого чиновника? Как на своего злейшего врага, потому что этот чиновник население данной местности разоряет, и вы можете не сомневаться, что на тако-

го чиновника начнет поступать ряд жалоб, а т. к. нельзя жаловаться на то, что он требует исполнения циркуляра, то посыпется ряд выдуманных жалоб, найдутся лжесвидетели, и это потому, что чиновник разоряет, оставляет без куска хлеба производителей и рабочих, его надо поскорее убрать вон. И если такой чиновник попадет на суд к местному населению, оно не будет смотреть, прав чиновник или виноват. Оно его не выпустит, если он сядет на скамью подсудимых. Такова, г<оспода>, ваша обывательская точка зрения, с одной стороны, и государственная – с другой.

Таких примеров я мог бы вам привести несколько, именно жизненных, житейских. Вот почему в область должностных дел суда присяжных вводить нельзя; это значит портить дело, это значит создавать себе кумир, фетиш и ради этого кумира, ради либерального трафарета не желать смотреть на жизнь как она есть. Я упомяну еще об одном обстоятельстве. У нас есть области с инородным населением, и это инородческое население в иных местах озлоблено против правительства как такового, оно состоит вообще в оппозиции этому правительству, потому что правительство русское, а население исповедует инородческий сепаратизм. Возьму, напр[имер], Ковенскую губ[ернию], где в 1905 г. раздавался лозунг: «Долой русских!», где русских гнали из волостных правлений; говорилось: «Мы – литовцы; пусть будет здесь Литва; долой Россию». Если вы, – а в Ковенской губ[ернии] действует суд присяжных заседателей, – если вы этому суду передадите должностные дела, то, само собой разумеется, местное население, озлобленное против Русского правительства, воспользуется этим судом, чтобы сводить счеты с правительством путем наказания агентов правительства, путем несправедливых приговоров над этим агентами. Г<оспода>, если вы так посту-

пите, вы сделаете, несомненно, противогосударственное дело. (*Рукоплескания справа и в центре.*)

[…]

Я возражаю против той поправки, которая внесена от имени оппозиции. Недостаток производства преступных дел о должностных лицах заключается не только в административной гарантии, а в смешении двух моментов: начатия предварительного следствия о событии, о преступлении – это первый момент – со вторым моментом – с возбуждением уголовного преследования, с привлечением кого-либо в качестве обвиняемого. В делах общей подсудности эти два момента строго разграничены: совершается кража, совершается убийство, и предварительное следствие производится вот об этом событии – о краже, убийстве, пока безотносительно к обвиняемому, и уже затем, когда накапливаются улики, то наступает вот этот второй момент – привлечение кого-либо в качестве обвиняемого. Он, этот второй момент, может совпасть с первым, если, напр[имер], убийца, вор застигнут на месте, но чаще он не совпадает, он отделен, и вот это отделение второго момента есть огромный плюс, оно развязывает следственной власти руки: ей нет надобности в немедленном привлечении, пока она не наследует события.

Наоборот, в преступлениях должностных оба эти момента слиты, и предварительное следствие возбуждается не о преступлении, а о преступнике, не о событии, а о лице, и это огромное неудобство. Когда к судебному следователю поступает административная переписка о возбуждении уголовного преследования, то следователь обязан привлечь в качестве обвиняемого то лицо, которое в переписке указано, – таково категорическое разъяснение Правительствующего Сената. Этот порядок ведет к целому ряду весьма диких положений:

представьте вы себе, напр[имер], что в каком-либо присутственном месте из книги официальных документов злостно вырвана страница и уничтожена – это есть так называемый должностной подлог, ст. 362 Улож[ения] [о] Наказ[аниях]. Событие преступления несомненно: кто-то из служащих злонамеренно эту страницу вырвал, уничтожил официальный документ. Но кто вырвал – в этом могут существовать сомнения. По действующему закону предварительное следствие может быть возбуждено только при указании данного лица, при указании, что вырвало лицо А; и вот судебный следователь, приступая к производству предварительного следствия, обязан это лицо А привлечь; но затем выясняется, что вырвало страницу вовсе не лицо А, а лицо Б. Судебный следователь не вправе… (*Шум справа*.) Крупенский [1], не можете ли вы быть немного потише? (*Справа шум; смех; звонок председательствующего*.) Итак, судебный следователь убеждается в виновности лица Б, но он привлечь это лицо Б не имеет права, он должен сообщить об этом прокурору, прокурор должен сообщить начальству обвиняемого, и начальство обвиняемого возбуждает преследование против лица Б, а когда возбудит, то получается положение чрезвычайно дикое: в одном и том же предварительном следствии окажутся привлеченными и лицо А, и лицо Б, причем виновность лица Б будет исключать виновность лица А. Вот те чрезвычайно неудобные последствия, которые получаются вследствие того, что по делам должностным момент привлечения в качестве обвиняемого слит с моментом возбуждения предварительного следствия. В комиссии я указывал на это обстоятельство и говорил, что если нужно ослабить административную гарантию, то еще более внимания надо обратить вот на этот дефект, который путает дело много больше, чем путают административные гарантии. Эти

мои доводы комиссией не были приняты, и комиссия, комиссионный доклад, стоит все на той же точке зрения слития этих двух моментов. Комиссионный доклад говорит или о «возбуждении уголовного преследования», или о начатии предварительного следствия, но прибавляя «начатие предварительного следствия о служащем». Опять-таки это личный момент. Следовательно, и теперь вы мыслите должностное преступление как такое, которое должно быть непременно приурочено к известному лицу. Так вы определяете и подсудность: скажем, лихоимство – если оно совершено чином VII класса – оно имеет одну подсудность, если чином IV класса[1] – еще иную подсудность. Отсюда вы видите, что и самое возбуждение предварительного следствия, приуроченное к этой подсудности, мыслимо только тогда, когда одновременно возбуждается преследование против лица. Так весьма неудачно вы конструировали ваш законопроект. Теперь представьте себе, что выйдет, если вы в эту конструкцию вклеите, как вам предлагают кадеты, ст. 297. Тогда уже получится полная нелепость.

Ведь в самом деле, г<оспода>, ст. 297 устанавливает следующий порядок. Потерпевший заявляет: «Меня ограбили, обокрали, ранили, я требую производства предварительного следствия», – и ему нельзя отказать. Предварительное следствие возбуждается, но зато потерпевший несет ответственность за такое заявление, он несет ответственность за ложный донос. Предварительное следствие начато, но если потерпевший напрасно указал на известное лицо, то его могут привлечь за ложный донос. Это, так сказать, известное, что ли, страхование. И вот это страхование фактически сведе-

[1] Согласно Табели о рангах, чин VII класса гражданский: надворный советник; военный: подполковник; IV класса гражданский: действительный статский советник; военный: генерал-майор; придворный: камергер.

но на нет. Я спрошу присяжных поверенных, сидящих на скамьях оппозиции, много ли они знают обвинительных приговоров по делам ложных доносов? (**Тесленко** [2] *с места*: «Да, мало»; **Маклаков** *с места*: «Мало, но есть».) Напр[имер], в своей судебной практике, в которой было достаточное число приговоров обвинительных, я добился лишь один-единственный раз обвинительного приговора по ложному доносу. (**Маклаков** *с места*: «Это сенатская практика по мировым судам».) Подождите, Маклаков, ведь запись еще не закрыта. (**Маклаков** *с места*: «Виноват».)

Председательствующий. Прошу не переговариваться. Член Государственной Думы Маклаков, с места, пожалуйста, не говорите.

Замысловский. Теперь вы вводите эту же самую ст. 297 в ту область, где выступать с ложными доносами чрезвычайно соблазнительно, ибо этот путь, чтобы устранить нежелательного чиновника. Ведь у чиновника всегда есть враги по его служебной деятельности – это, несомненно, враги, которым чрезвычайно интересно чиновника выжить, и вот они являются с жалобой в качестве потерпевших, говоря, что такой-то чиновник взял взятку. Предварительное следствие обязательно, говорите вы, а вот как вы же сами слили момент предварительного следствия с моментом привлечения обвиняемого, то выходит так, что привлечение обязательно, иначе вы должны были бы расчленить эти два момента. Впоследствии оказывается, что жалоба вздорная, что никакой взятки не было, но каково же положение чиновника, который привлечен в качестве обвиняемого? Ведь он ошельмован, его положение в данной местности, пока все это разъяснится, становится невозможным. Таким образом, вы открываете широчайшие двери для сведения личных счетов недовольного обывателя с чи-

новником, совершенно независимо от того, прав чиновник или виноват. Вот что вы делаете своей поправкой. Я говорил, что вы к этому стремились введением суда присяжных в область должностных преступлений, и теперь вы опять стремитесь, я бы сказал, уже более грубым образом, к тому же путем вашей поправки. Если вы говорите о ст. 297, то одновременно вы должны будете перестроить законопроект в смысле строгого разграничения двух моментов: момента предварительного следствия от момента привлечения в качестве обвиняемого – это во-первых, и, во-вторых, вы должны были бы озаботиться тем, чтобы законодательство по ложным доносам не было пустым звуком, а чтобы оно представляло собою действительно серьезную угрозу, и только тогда сколько-нибудь можно было бы говорить о вашей поправке, а теперь она лишь поклонение кумиру либерального трафарета. (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 134. 17.05.1912. Речь Г. Г. Замысловского по законопроектам о мировом и волостном судах

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. В рассматриваемом законопроекте две главные части: выборный мировой суд и суд волостной. Отношение к волостному суду большинства Государственной Думы при первоначальном прохождении настоящего законопроекта вполне определенно: большинство Государственной Думы требовали полного уничтожения волостного суда, и <в ответ> на все наши доводы, что нельзя упразднять волостной суд, а надо его реформировать, мы встречались с полным нежеланием

что бы то ни было слушать; все проекты реформы волостного суда, которые мы предлагали, были отвергнуты, даже без рассмотрения. С думской кафедры нам тогда говорили, что мы присутствуем при «окончательных похоронах волостного суда». Такова буквальная фраза, на которую Пуришкевич ответил с места: «Ну, это мы еще посмотрим». Уважаемый докладчик[1] говорил нам о статуе, о мраморной статуе, которую представляла в 1864 г. мировая юстиция. Он продолжал, что к этой мраморной статуе затем прилипли куски самобытной бесформенной глины, исказившей статую. Волостной суд, земские начальники – это и была, по мнению докладчика, бесформенная самобытная глина, которая исказила контуры статуи. И наша задача, говорил докладчик, всю эту глину соскоблить, все эти налеты уничтожить. Вот как понимала свою задачу «руководящая фракция» (*шум; звонок председательствующего*) при первоначальном прохождении законопроекта. В таком виде он был принят Государственной Думой и поступил в Государственный Совет, а большинство Государственной Думы занялись тем временем «сосчитыванием» с Государственным Советом.

Чего только по адресу Государственного Совета г<осподами> членами «руководящей фракции» с думской кафедры ни говорилось! Заявляли, что это учреждение «немощное», учреждение «бессильное», что оно преследует какие-то «затаенные цели», а уважаемый докладчик приводил нам такое сравнение: он рассказывал о председателе управы в его местах, вся реформаторская деятельность которого выразилась в том, что этот председатель ввел употребление слов: «оному», «посему» и «поелику». Вот и деятельность Государственного Совета, утверждал тогда г[осподин] докладчик, сводится

[1] Имеется в виду депутат Н. П. Шубинский. – *Д. С.*

только к тому, что он вводит слова: «посему», «оному» и «поелику». Так в те времена морочил нас уважаемый докладчик. Но пока г<оспода> октябристы шумно, бурно, при помощи преданной им прессы «сосчитывались» с Государственным Советом, Государственный Совет втихомолку делал свое дело и настоящий законопроект переработал так, что теперь уже и уважаемый докладчик не говорил, будто бы эта переработка свелась только к вставлению слов: «оному», «посему» и «поелику». Нет, г[осподин] докладчик, в законопроекте вставлено многое другое, кроме слов: «оному», «посему» и «поелику». Что же именно вставлено? А вот что: думское большинство, составившееся из октябристов и левого крыла, ввело в законопроект статьи о местном языке в угоду инородцам – о том, что можно на местных языках подавать прошения в мировой суд. Государственный Совет эту историю вытравил, и г[осподин] докладчик против этого теперь не возражает. Таково первое изменение, сделанное Государственным Советом, о чем, однако, в докладе до сих пор мы ничего не слышали. Второе изменение: октябристы и левое крыло ввели в законопроект иноверческую присягу, не совместимую с понятием господства Православной Церкви. И это новшество Государственный Совет вытравил, и с этим г[осподин] докладчик согласился, но и об этом в своем докладе совершенно не упомянул. В-третьих, мы настаивали, что мировыми судьями не могут быть иудеи. От этого вопроса центр закрывался, сколько мог; он привел статью Наказа, по которой будто бы можно оставлять весьма серьезные вопросы в законопроекте без обсуждения. Мы возражали, говорили, что это безобразие. В результате Н. Е. Марков был исключен на 15 заседаний. (*Голос слева*: «За безобразие».) Но вот Государственный Совет статью о евреях включил в законопроект; он сказал, что евреи не могут быть миро-

выми судьями. Я думаю, это более крупное изменение, чем вставить в законопроект «оному», «посему», «поелику». (*Смех справа.*) Но и о сем почтеннейший докладчик молчит и ни словом в своем докладе не упоминает. Напротив, он принимает героическую позу и говорит: мы победили, а правые побеждены. И преданная ему пресса то же самое кричит на все лады – это ее дело, это вопрос рекламы, но, конечно, не законодательства.

Тем не менее, в законопроекте идея выборного мирового института осталась. Мы в свое время подробно развили наши доводы в этом направлении. Повторять их теперь не буду; скажу только, что идея выборного мирового института возбуждает в нас до сих пор серьезные опасения. Мы указывали тогда, указываем и теперь, что в губернских и уездных земских собраниях, где будут производиться выборы, к сожалению, очень часто идет политическая борьба. Та коллегия, где ведется политическая борьба, может выбирать судей тенденциозно, руководствуясь политическими мотивами, а не соображениями о достоинстве судьи.

Далее. Вы сами утверждаете, что уездное и губернское земские собрания накануне реформы. Если это так, то перелагать на них совершенно новую функцию в настоящий момент несвоевременно.

Далее. Сомнения у нас в том, найдутся ли достаточные кадры нужных подходящих людей? Удастся ли вам найти 4 тыс. опытных, хороших судей? То, что нам говорили об опыте 1864 г., конечно, неубедительно. Тогда были одни времена, теперь другие, тогда были одни условия жизни, теперь иные, и те элементы, которые тогда шли в мировой институт, теперь не пойдут. То, что нам говорили о столицах, об опыте столиц, где существует выборный мировой институт, также неубедительно, ибо условия жизни в столице и в деревне,

условия труда в столице и в деревне, подбор лиц в столице и в деревне – это величины несоразмеримые. Вот те опасения, те сомнения, которые были и есть у нас в отношении выборного мирового института. Здесь в наших отношениях ничего не изменилось. Мы говорим, что нам предлагается скачок в неизвестность. Может быть, он окажется удачным, а может быть, и неудачным. Но гораздо более важна для нас вторая половина реформы, а именно введение волостного суда. Итак, в этом направлении мы одержали огромную победу. Мы говорили вам, что волостной суд упразднять нельзя, его надо преобразовать, его надо реформировать, но немыслимо лишать крестьян народного суда, – и этот наш принцип восторжествовал. Теперь вы признаете в лице вашего большинства, что уничтожить волостной суд нельзя. Вы в этом отношении согласились с Государственным Советом, и все ваши разговоры о сосчитывании спрятали в карман. (*Голос в центре*: «Слава Богу, вам это лучше».) Но одно дело – провозглашение принципа, а другое дело – его практическая разработка, и в этом отношении вследствие вашей беспринципности мы попали в тяжелое положение. Когда мы хотели разрабатывать реформу волостного суда в Думе при первоначальном прохождении законопроекта, вы нам этого не позволили, говоря, что его нужно совершенно уничтожить. Когда мы хотим предпринять эту разработку теперь, то вы позволяете себе утверждать, что это какой-то заговор, какая-то интрига – утверждение, конечно, совершенно недостойное (**Марков-второй** *с места*: «Совершенно верно»), а спорных вопросов, над которыми надо подумать, много и очень много. Вопрос о подсудности возбуждал сомнение и в согласительной комиссии. Вы подсудность волостного суда совершенно обкорнали, она простирается по проекту до 100 руб. В настоящее время, когда жизнь

вздорожала, когда такой предмет крестьянского обихода, как лошадь, сплошь и рядом стоит более 100 руб., едва ли правильно ограничение волостной подсудности только 100 р[ублями]; вы ограничили подсудность и в отношении вненадельных земель, и в области семейных разделов, наследования. Когда хотят разобраться в этих вопросах, как следует, вы начинаете кричать, что это интрига и заговор. Размер жалованья волостным судьям определен чрезмерно низкий; немыслимо сажать волостных судей на жалованье 60 руб. в год, или 5 руб. в месяц, – теперь сторожа получают значительно больше; если вы назначаете такое вознаграждение, то едва ли добьетесь того, что в волостной суд пойдут хорошие люди. А вот судьям из вашей среды вы назначили очень хорошее жалованье, здесь вы были весьма щедры.

Еще спорный вопрос – участие в волостном суде адвокатуры. И о ней мы говорили в согласительной комиссии, и здесь уважаемый докладчик проявил беспринципность прямо рекордную. В ст. 69 Правил о волостном суде сказано, что присяжные поверенные в волостной суд не допускаются. Г[осподин] докладчик по сему поводу поднял в согласительной комиссии целую бурю; он заявил, что это выражение недоверия присяжной адвокатуре, что это немыслимо, что присяжная адвокатура заслуживает лучшего отношения, заслуживает большого доверия и что недопущение ее в волостной суд – такой акт в отношении присяжной адвокатуры, с которым он, присяжный поверенный Шубинский, помириться не может. Мы все, и правые, и члены оппозиции, бывшие в согласительной комиссии, – свидетели, как горячо уважаемый Н. П. Шубинский тогда говорил. Однако в согласительном заключении мы читаем: три члена оппозиции настаивали, чтобы в волостной суд была допущена адвокатура, а все остальные, *в том числе и член согласитель-*

ной комиссии, член Государственной Думы присяжный поверенный Шубинский[1], находят, что ее туда пускать не следует. (*Шум; смех справа.*) К сему приложены мотивы, заканчивающиеся фразой: «Поэтому допущение в волостной суд поверенных представляется нежелательным». Лица, не читавшие доклада, – а таких огромное большинство, – благоволят найти сие на с. 26.

Так вот я говорю, что в волостном суде много таких вопросов, о которых не мешало бы предварительно поговорить. Но мы хорошо понимаем, отчего руководящий центр не желает говорить лишнего по этим вопросам, хорошо понимаем, чем вызвано его вчерашнее голосование. Самое главное сомнение наше в отношении волостного суда заключается в том, что, по конструкции Государственного Совета, этот волостной суд отдан под начальство выборного мирового судьи; выборный мировой судья что хочет, то и будет делать в этом волостном суде. Вот такая отдача крестьян под начало выборного мирового судьи, это та сторона законопроекта, которая уже совершенно для нас неприемлема. Мировой судья председательствует в апелляционной инстанции, он обладает правом надзора в отношении волостных судей, правом возбуждения дисциплинарной ответственности, правом ревизии и, наконец, что чрезвычайно важно, правом назначения писарей волостного суда. Вот это очень большое право в связи с его правами, только что мною изложенными, делает мирового судью хозяином волостного суда. Я утверждаю, что такая постановка неправильна и теоретически, и практически. Что касается теории, то мы знаем выборный судебный институт, знаем и назначенный от правительства; мы знаем далее, что может быть смешение принципов: суд может быть отчасти выборный, отчасти назначенный; но что-

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

бы над одной выборной судейской коллегией стояла в качестве органа, чуть ли не начальствующего, другая, тоже выборная, коллегия, – этого мы не знаем, и теории права, насколько мне известно, такие построения незнакомы. А здесь они будут: проектируется крестьянский суд, выбранный известной коллегией выборщиков, а над этим судом в виде как бы его начальника будет стоять лицо, тоже выбранное, но совсем другим кругом лиц. А что касается практических результатов, то и они нежелательны, ибо, повторяю, будущий выборный мировой судья – таинственный незнакомец: мы пока не знаем, что это будет за фигура, и передавать ему во власть, в полную власть крестьянские суды – шаг явно неосторожный. Мы хотели исправить законопроект и для этого подвергнуть рассмотрению в комиссии, ибо исправление здесь, в общем собрании, совершенно невозможно: пришлось бы менять целый ряд статей, а перемена их вызвала бы большие технические трудности и осложнения, с чем я сейчас же и столкнулся в согласительной комиссии, где этот вопрос возбудил. Таково, г<оспода>, наше отношение к предлагаемой реформе. Она имеет, я бы сказал, лоскутный характер, глубоко компромиссный; всякой партии, всякой политической группе дается нечто, чтобы ее удовлетворить; левым – упразднение судебных функций ненавистного им земского начальника; это их не удовлетворило, этого им мало, но, во всяком случае, нельзя сказать, что им ничего не дано, нечто им дано; центру дан выборный мировой суд, который желают отождествить с судом 1864 г., дан выборный мировой суд и дана лакомая предвыборная конфетка, дана возможность говорить при выборах, что мы, мол, в III Думе необычайно много сделали, – хотя, в сущности, ничего не сделали (*смех справа*), – это дано центру; правым дан волостной суд, крестьянам

дано разгружение мирских сумм, снятие известных расходов с мирских сборов и переложение их на средства государственного казначейства. Правительству дан назначенный председатель съезда: это правительственное лицо, которое будет держать эти съезды, как следует, и направлять их по правительственному руслу. Таким образом, всем было дано, что можно. Осталось за флагом только польское коло – по той простой причине, что настоящий законопроект не будет иметь действия в губерниях привислинских. Но и о польском коло не забыли: т. к. его нельзя было удовлетворить в пределах данного законопроекта, то попечительное начальство удовлетворило его вне этих пределов. И после этого нам говорят о каком-то черно-красном противоестественном блоке. Г<оспода>, действительно, наше голосование совпало с голосованием левого сегмента, но ведь мы никаких взаимных обязательств друг другу не давали и ни в какие договоры друг с другом не входили. Ну, а вот этот блок, где в центре октябристы, с одной стороны русские националисты и, с другой стороны, польское коло – этот блок естественен или неестественен? (*Смех и рукоплескания справа*.) Можно ли о том блоке сказать, что он ни в какие договоры и во взаимные обязательства между собой не вступал? Вот разница между нашим блоком и вашим блоком. (*Смех справа*.) Наши выводы таковы… (**Марков-второй** *с места*: «А Холмщину [1] не продали?».) Об этом сведений нет. (**Марков-второй** *с места*: «По-видимому, к тому идет».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Марков-второй, прошу вас не перебивать оратора.

Замысловский. Марков, вас на этом законопроекте на 15 заседаний…

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский. Покорнейше прошу вас не об-

ращаться в вашей речи к отдельным членам Государственной Думы.

Замысловский. Вот я и нахожу, что в настоящем законопроекте нет особого блага, но нет и особого зла; так, по-видимому, и все находят. Иначе и нельзя находить, раз законопроект составлен со специальной целью всем угодить. Все и говорят: да, в законопроекте крупные недостатки, но и крупные достоинства. Никто иначе и не может говорить, потому что законопроект так и составлялся: специально на парламентский вкус. Нет в нем и особой спешности, потому что совершенно ясно, что действовать он будет только тогда, когда соберется IV Дума. Вот предвыборная спешность в нем, разумеется, большая, это «предвыборный багаж», и, само собой разумеется, таковой должен поспеть во благовремении. Но законодательной спешности, государственной неотложности здесь нет, ибо нужен специальный закон о введении в действие рассматриваемого нами законопроекта, а он будет подлежать лишь рассмотрению IV Думы.

Далее. По этому законопроекту возник вопрос об отношении к Государственному Совету, и здесь, хотя нашу партию называют крайней партией, мы проявили, мне кажется, то отношение, которое до́лжно проявлять: мы всегда относились с уважением к Государственному Совету, всегда высоко ставили его авторитет, но, с другой стороны, мы не желали творить из него себе кумира; мы не желали и не желаем без всякого рассмотрения ставить штемпель на то, что предполагается Государственным Советом. А та партия, которая сидит посредине, она именно в этом вопросе была крайней партией, потому что сначала шумно, крикливо, рекламно говорила по адресу того законодательного учреждения, с которым мы призваны сотрудничать, невозможнейшие вещи, брань,

злословие, а потом перешла к другой крайности и желает без всякого рассмотрения, огулом, ставить штемпель на то, что предлагает Государственный Совет.

То, что мы требовали, – предварительное комиссионное рассмотрение – это, несомненно, акт государственной мудрости, потому что новый законопроект в 96 статей, сложный и спорный, нельзя сразу рассматривать в общем собрании. Но раз уж это пришлось сделать, мы должны сказать, что у нас нет оснований становиться к данному законопроекту в резко враждебные отношения. По мировому институту мы добились целого ряда уступок: я уже упоминал об иноверческой присяге, о местном языке, о недопущении евреев. Ведь это именно все то, что мы выставляли при первоначальном обсуждении законопроекта. (**Марков-второй** *с места*: «Это наша программа».) Именно все это теперь принято, именно во всем этом центр, который желает изображать таких победителей, – вот во всем этом он уступил, а мы восторжествовали. Далее, во втором краеугольном вопросе о волостном суде опять восторжествовали мы. Сначала вы не хотели и слушать о сохранении волостного суда, теперь вы его сохраняете, решив и в этом вопросе уступить; мы не удовлетворены только в том, что вы нам не позволяете разработать организацию волостного суда так, как мы бы того хотели, – внести разумные и сложные поправки, о которых я говорил. Вот в этом отношении вы действительно тормозите нашу работу, не позволяете нам сделать то, что мы хотим, поэтому и ответственность за несовершенство этой волостной организации, конечно, падет на вас, а не на нас, ибо нас вы не желали слушать; вы не желали серьезного, делового, государственного рассмотрения этого важного вопроса. (*Рукоплескания на крайней правой скамье.*)

[…]

Г<оспода> члены Государственной Думы. Вопрос о писаре волостного суда довольно серьезный: несомненно, писарь волостного суда будет играть большую роль в отправлении волостного правосудия. Я уже говорил вам, что ставить его в зависимость от мирового судьи едва ли хорошо, потому что мировой судья является председателем апелляционной инстанции, а потому возбуждается сомнение, что, обладая правом увольнения и назначения волостных писарей, он будет этим правом пользоваться в тех случаях, когда решения некоторых волостных судов будут ему не нравиться. Этим назначением и увольнением может оказываться давление на решение, тогда как если мы перенесем это назначение и увольнение на председателя мирового съезда, то, естественно, избежим столь неблагоприятных последствий. Мировой съезд ведает ревизию волостных судов, он является органом надзора за волостными судами; следовательно, председатель мирового съезда будет знаком с физиономией волостных судов. Я сошлюсь на практику Прибалтийского края; там председатель съезда всегда знает более или менее, кто такие волостные судьи, хорош данный суд или плох, можно ли довериться представлениям председателя данного волостного суда или нельзя, хороший этот председатель, надежный, который не представит плохого человека, или это пьяница, взяточник, с представлениями которого нельзя считаться. Таким образом, и здесь, если мы передадим этот акт, весьма важный, – назначение писаря волостного суда – из рук мирового судьи в руки председателя мирового съезда, то, я думаю, мы внесем существенное улучшение в область волостной юстиции.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 99. 01.05.1910. Речь Г. Г. Замысловского о системе среднего образования

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Важность вопроса, возбуждаемого нами, не подлежит сомнению. То обстоятельство, что в школе царит развал, что там происходит не то, что должно происходить, – это несомненно. Можно спорить о причинах развала, можно спорить о том, чем должна быть высшая школа, но мы все сойдемся в утверждении: она не должна быть тем, что представляет собою в настоящее время. И вот, г<оспода>, попытки обнажить язвы школы делались нами, правыми, настойчиво с того самого момента, как мы попали в III Государственную Думу. Уже в декабре 1907 г. мы внесли запрос о высшей школе. После этого произошла смена министра народного просвещения [1]; мы думали, что дело пойдет в корне иначе, и запрос взяли назад, но уже во время бюджетных прений в первый раз, когда обсуждалась в Думе смета Министерства народного просвещения, мы старались возможно широко обнажить язвы, разъедающие высшую школу, и на наши доводы мы не

слышали возражений ни со стороны правительства, ни со стороны оппозиции. Но во время бюджетных прений это можно было делать лишь урывками, недостаточно стройно, до известной степени контрабандой. Ибо, говоря по смете Министерства народного просвещения, нельзя касаться тех политехнических институтов, которые состоят в ведении Министерства торговли, а говоря о смете Министерства торговли о политехнических институтах, нельзя говорить об университетах. Таким образом теряется цельность картины.

Далее. Сами прения перемежаются другими вопросами: по смете Министерства народного просвещения, напр[имер], начинают говорить о низшей и средней школах. Итак, поставить вопрос во всей широте нам не удалось. Я подчеркиваю, г<оспода>, что попытки делались, но, несмотря на их неоднократность, они ни разу не встречали возражений; от возражений отмалчивались. Впрочем, может быть, выражение «отмалчивались» – не совсем точно, потому что, когда говорил Пуришкевич, слева шумели, стучали, ломали пюпитры, так что в узком смысле слова нельзя назвать это отмалчиванием, но, несомненно, было отмалчивание в широком смысле, в смысле отмалчивания от доводов и возражения. (*Голос справа*: «Верно».) Нам говорят из центра: мы будем обсуждать университетский устав и тогда во всю ширину поставим вопрос о школе, который ведь должен же быть обсужден III Думой, потому что этого требуют интересы широких слоев общества, этого требуют интересы государства. Но, г<оспода>, ведь университетский устав еще не внесен в Государственную Думу. Допустим, что он будет внесен в самый краткий срок, осенью, в начале будущей сессии; год он пролежит в комиссии; значит, самое раннее, когда мы можем его рассматривать, это на пятый год нашего су-

ществования, а тогда, несомненно, мы услышим возражения, что не стоит приниматься за устав, потому что нет времени, потому что университетский устав – такая сложная и спорная вещь, что он не успеет пройти за год в Думе и в Государственном Совете.

Таким образом получается следующее положение. Нас все время называют какими-то реакционерами, мракобесами, которые не желают гласности, которые желают все прикрыть тайной. И вот в то время, когда мы делаем все усилия, чтобы добиться этой гласности в насущном вопросе русской жизни, в вопросе огромной важности, эти патентованные поборники гласности, эти прогрессивные течения, которые так о гласности кричат, устраивают так, что гласности-то и нет, а вопрос существенно важный, наболевший вопрос русской жизни остается без надлежащего широкого освещения. В самом деле, г<оспода>, обратимся к тем запросам, которые Дума рассматривала, хотя бы в текущую сессию. Мы рассматривали запрос о профессиональных союзах, внесенный партией социал-демократов; мы рассматривали запрос по поводу убийства полковника Карпова [2], внесенный партией конституционалистов-демократов. Сделано это было с необычайной спешностью: отодвинули в сторону все текущие дела и срочно занялись этим запросом, хотя именно здесь срочность способствовала не выяснению, а затемнению дела; нас на срочности хотели поймать и не дать получить тех сведений, которые обнаруживали истину, но, тем не менее, требование срочности было удовлетворено центром Думы, ибо запрос исходил от кадетской партии.

Далее мы рассматривали запрос о ст. 96 Зак[онов] Осн[овных], также внесенный социал-демократами; наконец, запрос о костеле в Ополье, внесенный польским коло. Итак, вы видите, в каком необычайно привилеги-

рованном положении оказываются левые партии. Вся сессия была занята рассмотрением только их запросов, причем по одному запросу была признана спешность и все отодвинуто на второй план. В каком же положении находятся правые партии? Мы, г<оспода>, не обременяли Государственную Думу запросами, внесенными зря, внесенными наобум; те немногие запросы, которые были внесены правой фракцией, касались серьезнейших вопросов государственной жизни, и вы должны признать, – даже наши противники, – что они были хорошо обоснованы. Первый наш запрос был запрос финляндский, и, может быть, теперешний законопроект, который вы скоро будете рассматривать [3], это есть последствие тогдашнего запроса о Финляндии (*смех слева*), и мы этим гордимся. (*Шум; звонок председательствующего.*)

Второй запрос, внесенный правыми, был запрос кавказский [4]. И уже здесь мы увидели попытки зажимания рта; мы увидели, как трудно было поставить запрос о Кавказе на повестку, сколько времени тянули и оттягивали, прежде чем, наконец, мы добились его внесения, и что же? Наш запрос был принят: несмотря на чрезвычайную неохоту центра, он внес такую формулу перехода к очередным делам, к которой мы, правые, вполне присоединились, потому что она подчеркивала незакономерность действий правительства.

Третий запрос – еврейский, тоже, несомненно, чрезвычайной важности; можно соглашаться или не соглашаться с нашей точкой зрения, но что запрос важен – несомненно, что незакономерность была – признано комиссией. И что же, г<оспода>? Этот запрос валяется полтора года в комиссии, он покрывается плесенью, и вы, поборники гласности, ни за что не хотите пустить его на думскую кафедру. (*Голос слева*: «Не оби-

жайтесь».) Вот почему, г<оспода>, во мне зарождается тревожное сомнение, что и настоящий запрос вы, поборники гласности, тоже начнете гноить в комиссии, и там он станет покрываться плесенью. Для нас, конечно, не важно, будет ли запрос обсуждаться сегодня, будет ли он обсуждаться через 2–3 дня и даже через неделю, пожалуй, через 2 недели, но для нас важно, чтобы этот запрос не испытал на себе судьбы запроса еврейского, который валяется в комиссии полтора года. Нам важно, чтобы настоящий запрос был заслушан Думой еще до разъезда на каникулы.

Г<оспода>, когда шли обсуждения по поводу настоящего запроса, то, между прочим, слышно было возражение, что факты, нами приводимые, стары, давно известны, что все это было, пожалуй, в 1905–1906 гг., но теперь в школе тишь и гладь и Божья благодать. Нет, г<оспода>, запрос полон свежими фактами, недавно совершившимися и свидетельствующими, что революционный развал в высшей школе продолжается по днесь.

Я не буду утомлять вашего внимания перечислением всех этих фактов, я остановлюсь только на одном. В запросе пишется, что испытали в марте 1910 г. студенты Политехнического института Калмаков и Захаров. Они работали в кассе взаимопомощи, и когда эта касса убедилась, что академическая организация, образовавшаяся в Политехническом институте, представляет опасность революционным течениям, то Калмакову и Захарову было сказано: или выпишетесь из Академического союза, или мы лишим вас заработка. Это факт возмутительный, факт гнусный. А между тем Министерство торговли и промышленности отделывается отписками, формальными отписками, на которые так шустры г<оспода> кадеты, что будто бы касса взаимопомощи – какое-то «частное благотворительное

учреждение», а «частное благотворительное учреждение» лишает заработка людей только потому, что эти люди принадлежат к Академическому союзу. Неужели, г<оспода>, вы можете оставаться равнодушными к таким фактам? Подумайте, г<оспода>, о тех родителях, которые являются вашими избирателями, к которым вы поедете летом?! Что скажут они вам по поводу поразительного безучастья, которое вы обнаружили к положению дела в высшей школе? Ведь осенью опять отправятся в Петербург новые транспорты юношей, которые составляют надежду и единственную опору своих родителей. А что будут думать эти родители? Они с ужасом будут думать, что пред ними стоит дилемма: или оставлять своих детей без высшего образования, или их, оторванных от семьи, впервые видящих, может быть, жизнь большого города, пускать, я бы сказал, в революционную реторту, где из человека наивного, не думающего о политике, г<оспода> Гессены [5] и Гредескулы [6] будут готовить революционеров, готовить то пушечное мясо, благодаря которому г<оспода> кадеты пробираются к власти. (*Голос слева*: «А вы каких профессоров слушаете?»; **Пуришкевич** *с места*: «Назовем».)

Итак, г<оспода>, я еще раз настаиваю: спешность или срочность для меня безразличны, но для меня важно, чтобы к обсуждению запроса Дума приступила до лета, чтобы к осени мы выяснили, наконец, и все узнали бы, какого мнения держится центр по поводу всех тех безобразий, которые творятся в школе. Я говорю о центре, ибо центр ведь именует себя партией «руководящей». Еще более интересно нам услышать ответ правительства, и мы думаем, что все-таки такой ответ услышим, ибо хотя, конечно, месячный срок на ответ не истечен, но мы думаем: раз правительство оказалось так предупредительным в отношении социал-демократов,

если оно по социал-демократическому запросу явилось поспешно сюда и два дня слушало красноречие Гегечкори [7], Милюкова, Булата [8] и Покровского [9], то оно явится и тогда, когда будет поднят вопрос о высшей школе. И вот именно от правительства, именно поскорее, именно до лета, до начала будущих занятий, мы желали бы, наконец, услышать и узнать, как относится правительство к тому, что творится в высшей школе: ряд ли это невольных ошибок, промахов, недосмотров, которые будут исправлены по мере их обнаружения, или это сознательный оппортунизм близоруких государственных деятелей? (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 4. Заседание 53. 07.02.1911. Речь Г. Г. Замысловского о высшей школе

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Наше отношение к запросам о высшей школе достаточно выяснилось еще прошлой весной: именно мы настаивали на скорейшей постановке этих запросов на повестку. Мы тогда говорили Государственной Думе, что если Дума отвергнет спешность, она, по крайней мере, должна признать срочность, она должна обсуждать эти запросы до весны, ибо осенью масса юношей из гимназий попадет в ту революционную реторту, которую представляет собой в настоящее время высшая школа. Может быть, своевременное обсуждение нашего запроса в Думе спасло эту молодежь, может быть, предотвратило то, что происходит теперь [1]. Нам ответили решительным отказом; большинство, составившееся из центра и левого крыла, отвергло не только

спешность, но и срочность запроса, и до сих пор на повестку он не поставлен. Теперь отношение левого крыла диаметрально изменилось: то, что прежде отвергалось, теперь признается; на этом настаивают, сами требуют от нас спешности. Г<оспода>, мы не желаем зажевать этого вопроса, не желаем его откладывать, но, с другой стороны, мы держимся того убеждения, что Государственная Дума не должна идти на поводу улицы, всяких «городских коалиционных комитетов» и прочих революционных организаций. (*Голос справа*: «Верно, правильно».) Мы находим, что еще менее приличествует Думе подталкивать на революционные эксцессы, обращаться с призывом к насилию и даже к убийствам. Между тем мы уверены, что если запрос будет слушаться теперь, когда беспорядки происходят, – те беспорядки, которые, по нашему убеждению, скоро прекратятся, – то с кафедры Государственной Думы подстрекательство к насилию и даже к убийствам, несомненно, раздастся.

И на это мы имеем веские доказательства. Припомните то, что не далее как в субботу говорил с этой кафедры член Думы Булат. Он, прежде всего, противополагал закон и автономию, он утверждал: «Что-нибудь одно: или закон, или автономия». Такие юридические понятия внушаются студентам с думской кафедры! Далее, рассказывая о том, что происходит в университете, Булат говорил: «Остается только поднять борьбу против всех угнетателей». Это прямой призыв к насилию. Еще дальше он заявил, что «повторятся еще более тяжелые события, которые уже бывали в университетах». Та химическая обструкция, которая там применяется, вызывая сильнейшее расстройство здоровья – кровохарканье, воспаление глаз[1], то избиение профессоров,

[1] Имеется в виду использование ядовитых веществ революционно настроенными студентами.

которое там происходит, это, изволите видеть, только прелюдия; должны наступить, по мнению Булата, «еще более тяжелые события», а каковы эти более тяжелые события, он поясняет далее: «Мы помним и ректоров избитых, и министров *убитых*»[1]. (**Булат** *с места*: «Да, а вы разве не помните?».) «И всегда, когда является насилие, является и достаточный отпор». Таким образом, «убитые министры» – это есть лишь «достаточный отпор», а теперешние события – прелюдия к тем более тяжелым событиям, которые всегда наступали и которые выражаются в зрелище этих убитых министров. Вот что вам невозбранно говорят с этой кафедры, когда приступают к обсуждению запроса о высшей школе. Я утверждаю, что это гнусное подстрекательство молодежи к убийству. (*Голоса справа*: «Верно, правда».) И если уж при обсуждении запроса о высшей школе нам на такие гнусные подстрекательства необходимо натолкнуться, то пусть это будет тогда, когда острая пора беспорядков пройдет, когда в высшей школе будет установлен хотя бы относительный порядок. Вот почему мы отвергаем спешность, мы говорим: подождите полторы недели, до будущей среды, ибо мы уверены, что к будущей неделе острый момент пройдет. Г<оспода>, мы отлично понимаем, почему так всполошилась кадетская партия, почему она выступает с этим запросом, которым желает реабилитировать, завернуть в героическую тогу так называемых «прогрессивных» кадетских профессоров.

Вспомним, что происходило в Думе в субботу; когда говорил с этой кафедры кадет профессор Некрасов [2], ему слева шикали, а он в ответ объяснял, что тяжело в такие минуты получать удары сзади, разумея удары, идущие от левых партий. То, что происходило в Думе,

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

это самое происходит в университете, но в форме гораздо более резкой: здесь шиканье и заявления об ударах сзади, там битье по физиономии и крики: «Предатель, Иуда!». Это кричат «Предатель, Иуда!» социалисты-студенты тем кадетам, кадетам-профессорам, которые, по их убеждению, предали студентов и поступили, как Иуда. И вот сейчас же сюда на думскую кафедру спешат сподвижники этих профессоров, члены кадетской партии, и стараются их реабилитировать, говоря о моральном авторитете профессуры, говоря, что этот моральный авторитет разрушен правительством. Но разве *правительство*[1] кричит кадетским профессорам: «Вы предатели, вы Иуды!»? Разве правительством был нанесен тот удар профессору, о котором все мы говорим с возмущением? Нет, г<оспода>, это было сделано теми социалистами, представители которых здесь говорят об убитых министрах.

Как произошло это столкновение, как произошла эта коллизия – весьма понятно. К теперешним беспорядкам подстрекнули студенческую молодежь именно кадетские профессора; они подстрекнули, думая, что этими беспорядками, по примеру прежних лет, удастся сорвать правительственные меры; они подстрекнули и сейчас же подняли ту шумиху, которая была рассчитана на то, чтобы добиться у правительства уступчивости, а когда правительство на уступки не пошло, кадетская профессура, боясь за свои многотысячные оклады, за свои гонорары, выкачиваемые из тощего студенческого кармана, они предали этих студентов (*рукоплескания справа*), а сами боязливо спрятались назад, а эти несчастные студенты, которых ссылают в Сибирь, бегут за этими профессорами, разжиревшими на их тощем кармане, и кричат: «Предатели, Иуды!». (*Рукоплескания справа*.)

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

Вот, г<оспода>, почему здесь говорят об ударах в спину, вот почему спешат с разговорами о гражданских доблестях профессоров. Нет, доблести нет, есть только трусость, предательство! Теперь профессора, конечно, не смеют признаваться в том, в чем они признавались в 1906 г.; тогда они высказывали прямо и открыто сочувствие забастовке. Вспомните процесс профессоров Новороссийского университета, с которым так хорошо знаком В. А. Маклаков. Вспомните, что там было на университетских советах? Правые профессора тщетно требовали от своих левых коллег, чтобы те осудили забастовку, но никоим образом не могли добиться этого, никоим образом кадетские профессора осудить забастовки не желали. Теперь, видя, что это прямо грозит их должностям, столь хорошо оплачиваемым, они забастовку осудили, но они поступили хитрее: они затеяли борьбу против всех тех мер, которые были направлены к подавлению забастовки. Студенты задыхаются в чаду химических обструкций. Эти химические обструкции производятся препаратами, которые взяты – откуда же? Да из тех же самых химических лабораторий университета. А я вас спрашиваю: сделали хоть что-нибудь профессора для того, чтобы обструкционисты не могли достать эти химические вещества из лабораторий? Нет, они ничего не сделали! Они требуют, чтобы полиция не была вводима в университет.

Член Думы Маклаков говорит, что введение полиции в университетские коридоры – это «хитрейший акт провокации». Да, позвольте, но что же было раньше? Введение ли полиции или беспорядки? Вот если бы сначала было введение полиции, а потом беспорядки, тогда, пожалуй, можно было бы говорить о провокации, но ведь сначала разыгрались беспорядки, а потом, я полагаю, была введена полиция. Как же можно

тут говорить о какой-то провокации? Тем не менее, все время летят в Министерство ходатайства, чтобы полицию из коридоров убрали. Расчет именно той хитрой провокации, о которой говорил член Думы Маклаков, только с другого конца. Когда уберут полицию из университетских коридоров, то, само собой разумеется, та молодежь, которая желает слушать лекции, будет совершенно бессильна. Несколько негодяев могут сорвать любую лекцию, бросив какой-нибудь химический препарат, этот пресловутый кокадилл, или вератрин[1]. (**Маклаков** *с места*: «Тиокол?»; *голоса справа*: «Они лучше знают, спросите их, они хорошо знают формулы».) Пока на коридоре стоит полиция – бросать небезопасно, но вот полицию удаляют вследствие настойчивых требований профессуры. Как только ее удаляют, так начинается химическая обструкция, и молодежь не может больше заниматься. В этом, я утверждаю, есть известный расчет: профессора желают добиться, чтобы сопротивление этой небольшой группы, которая хочет заниматься, было сломлено; тогда, конечно, у профессоров умыты руки; они могут сказать правительству: «Мы желаем читать, но у нас нет ни одного слушателя». А у них нет ни одного слушателя потому, что желающие слушать не могут больше слушать – они лежат с воспаленными глазами, они схватывают воспаление легких, потому что при шестнадцатиградусном морозе им приходится открывать окна. А чтобы добиться торжества, профессора неустанно обращаются к правительству, а члены кадетской партии, выходя сюда, на кафедру, все время вопят: «Уберите полицию из университетских коридоров». Нам говорят о каком-

[1] Вератрин (*veratrinum*, лат.) – белый порошок без запаха, сильно раздражающий слизистые оболочки, остро-жгучего вкуса, трудно растворимый в воде, щелочной реакции, аморфный (однако под микроскопом в нем можно открыть кристаллы). Чрезвычайно ядовит.

то героизме профессоров, о каком-то чувстве долга, о каком-то коллективном выходе в отставку. Ничего подобного нет, все это лишь шумиха с целью запугать правительство – не более того. От чего отказались ректор Мануйлов, проректоры Мензбир и Минаков? От ректорства и проректорства, но отнюдь не от профессуры, сопряженной с многотысячными окладами; они были *уволены*[1] от профессуры, но они не отказывались. А вся эта история с 35 профессорами, которые будто бы тоже выходят отставку? Ведь это же ложь, ведь они не выходят в отставку, ведь у попечителя нет их прошений об отставке, это только опять та шумиха, которою запугивают правительство. Как же левым студентам не возмущаться и не вопиять: «Вы предатели, вы Иуды! Вы натравили нас на правительство, а теперь вы нас предали, вы боитесь решительных мер, – правда, исподтишка вы нам помогаете, но только исподтишка!». Вот то положение вещей, которое создалось в высшей школе и стало поперек горла кадетским профессорам и тем их защитникам, которые сидят в Государственной Думе. «Нравственный авторитет профессуры», о котором они говорят, – нуль. Кого может убедить теперь кадетский профессор, кто ему верит, кто его уважает? Никто. (*Рукоплескания справа.*) Правительство не доверяет кадетским профессорам, оно говорит, что это скрытые революционеры. Правая молодежь не доверяет им и правильно делает. Левая молодежь презирает их и кричит: «Вы предатели, вы Иуды!». Где же нравственный авторитет, на котором будто бы базируются эти господа? Они лишь жалко цепляются за свои многотысячные оклады, а порядочное русское общество отвечает им глубочайшим презрением. (*Бурные рукоплескания справа и на отдельных скамьях в центре.*)

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 4. Заседание 77. 09.03.1911. Речь Г. Г. Замысловского о высшей школе

Заседание открывается в 8 ч. 45 м. вечера.

Председательствующий. Объявляю заседание Государственной Думы открытым. Журнал прошлого заседания находится у г[осподина] секретаря. Желающие сделать на него замечания благоволят обращаться к председателю. Приступаем к повестке: п. 1: продолжение обсуждения доклада комиссии по запросам по заявлению № 94 о запросе председателю Совета Министров по поводу положения дел в высшей школе. Слово принадлежит члену Государственной Думы Замысловскому как первому подписавшему.

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы, события в жизни высшей школы текут настолько быстро, а наши запросы попадают на думскую повестку настолько медленно, что факты, изложенные в настоящем запросе, уже представляют достояние истории: то, что теперь происходит в высшей школе, не вполне соответствует тому, что изложено в нашем запросе. Но, тем не менее, наш запрос от этого не потерял своего значения, не потерял важности и интереса, ибо, чтобы понять происходящее теперь, надо, несомненно, вникнуть в то, что непосредственно ему предшествовало. Ораторы справа, которые говорили до меня, осветили и историческую точку зрения на вопрос, и общую его концепцию; это позволяет мне держаться строго в рамках запроса, в области фактов, в области чисто делового изложения.

Первый пункт нашего запроса касается тех революционных организаций, которые вышли из подполья в

1905 г. и захватили школу. Эти революционные организации складывались из двух понятий: студент и революционер, причем главное значение придавалось второму признаку; для руководителей этих организаций важнее всего было то, что они революционны, и на втором плане уже стояло то, что они являлись организациями студенческими. Из этого вытекало, что когда интересы студенческие сталкивались с интересами революционными, когда эти интересы противоречили друг другу, то преимущество отдавалось интересам революционным, об интересах революционных говорилось прежде всего, а об интересах студенческих потом, они должны были уступать, занять подчиненное положение. (**Чхеидзе** [1] *с места*: «Правильно».) Формы, в которые вылились студенческие организации, были различны, но различие в формах не обусловливало различия по существу, – существо было везде одно. Что касается формы, то ее можно свести к трем типам. Первый тип, образчиком коего могут служить организации, бывшие в Горном институте, самый простой, самый обыкновенный: при выборах производилась баллотировка по всему институту, выборные студенческие комиссии комплектовались общими выборами по всем отделениям и по всем курсам, причем выборы происходили на строго партийной программе: заранее вывешивались плакаты – таков, мол, список социал-революционеров, таков список социал-демократов, таков список независимых левых, и на этих плакатах прямо писалось: «Товарищи, голосуйте за наш список, за список социал-революционеров, социал-демократов». В бюллетенях, которые опускались в урны, предупредительно приготовляемые начальством для подобной баллотировки, можно было прямо писать, не называя даже фамилий: «Голосую за список социал-демократов, голосую за

социал-революционеров». (**Гегечкори** *с места*: «Очень хорошо».) Это был самый простой тип, чисто политического свойства. Все эти студенческие комиссии – фондовые, столовые, библиотечные – выбирались на основании таких партийных голосований, причем попадали туда почти исключительно эсдеки и эсеры. Если проникали люди беспартийные, то в очень незначительном количестве, никакого влиятельного положения они занимать там не могли. Точно так же не могла проходить и так называемая «индивидуальная кандидатура», имела успех только кандидатура партийная, только та кандидатура, которая предварительно попала вот в эти партийные списки.

Другой тип студенческих организаций имеет своим образчиком Политехнический институт. Там производилась баллотировка по курсам и по отделениям, но от этого дело менялось мало, потому что на курсах и отделах то же самое: господствовали чисто партийные списки. Конечно, если отделение было невелико, то случайно там могло оказаться большинство не революционное, попасть какой-нибудь довольно правый человек или пройти индивидуальная кандидатура. Это было несколько легче, чем в Горном институте, но, тем не менее, в огромном большинстве и при выборах по этому второму типу попадали ставленники революционных организаций, потому что баллотировку производили по партийным спискам, а эти организации представляли собой сплоченное целое.

Наконец, третий тип, представителем коего является преимущественно Петербургский университет, – это выборы от землячеств. Мне уже приходилось говорить о землячествах раньше. Я говорил, что это учреждение, по идее, очень полезное и жизнеспособное. В самом деле, что может быть лучше, когда студент, приезжая из

далекой, глухой провинции, попадает в круг своих земляков, которые помогают ему устроиться, найти квартиру, найти стол, заказать одежду, приобрести учебники; но землячества издавна ушли в подполье. Я не буду в настоящее время задаваться вопросом, почему это произошло, кто в этом был виноват, что случилось сначала: раньше ли землячества сделались революционными и вследствие этого правительство их загнало в подполье, или раньше их правительство загнало в подполье и, вследствие этого, вследствие пребывания в подполье они сделались революционными. Это вопрос важный и интересный, но в настоящий момент ему не место. Так или иначе, факт тот, что в 1905 г., когда землячества из подполья вышли, они вследствие долгого нелегального существования, вследствие долгого пребывания в подполье представляли собою те же самые революционные ячейки. Большинство в них были захвачены строго партийным революционным элементом, который ревниво следил, чтобы власть от него ушла, и это было сделать очень просто, потому что уставов у землячеств вообще не было, а если у кое-каких и был, то только на бумаге, фактически же он не исполнялся; надзора тоже не было никакого, и вот вследствие этого, если гимназию кончал молодой человек правого направления, то его вовсе в землячество не принимали, его туда не приглашали, он туда попасть не мог; если же кончал гимназист левого направления, то его тотчас с распростертыми объятиями брали в землячество; точно так же туда принимали неопределенный элемент, не успевший еще себе составить политического миросозерцания.

Ввиду такого положения, в которое попали землячества, в них совершенно искусственно поддерживалось главенство чисто партийных левых элементов, которые тщательно смотрели, чтобы как-нибудь из их

рук не уплыло большинство. Таким образом, и выборы, производившиеся по этому третьему типу, тоже фактически были выборами строго партийными, строго революционными. Во всех учебных заведениях выборные студенческие комиссии, заведовавшие всей внутренней жизнью студенчества, были приурочены к одному из этих трех типов, с некоторой лишь модуляцией, везде при столкновении интересов студента и интересов революционера интересы студента должны были уступать и на первый план выдвигались интересы революционера. Что это так – выяснил процесс Горного института, происходивший в течение трех дней в С.-Петербургском окружном суде. Он выяснил такие злоупотребления, которые на первый взгляд казались прямо фантастическими. (*Голос слева*: «Что свидетелей подкупали, это выяснилось».) Преступления, которые там обнаружились, именуются на уголовном языке растратами. С точки зрения правосудия, мотив, побуждение при растрате не играет решающей роли для определения состава преступления, но для нас, когда мы рассматриваем вопрос не с уголовной, а с политической точки зрения, конечно, побуждения, мотивы приобретают решающее значение. И вот с этой точки зрения злоупотребления, вскрытые процессом, о котором я говорил, распадаются на два типа: некоторые растраты совершались просто-напросто по побуждениям личным, вследствие того, что человек жил выше средств, начинал кутить и растрачивал вверенные ему деньги, – такую растрату, напр[имер], совершил председатель столовой комиссии Горного института Попов, – но гораздо более интересен другой тип растраты, тип революционный, которую совершившие ее очень долгое время ставили себе в доблесть и заслугу, а вовсе не считали чем-нибудь предосудительным.

Заседание продолжается под председательством товарища председателя Государственной Думы М. Я. Капустина [2].

Замысловский. Общестуденческая сходка Горного института постановила: со всех стипендий и пособий производить революционные отчисления: со стипендий – в размере 10%, с пособий – в размере 25%. Объявление об отчислениях было вывешено на стене студенческой столовой и читалось целым рядом лиц, которые это удостоверяли под присягой на суде. Приводить постановление в исполнение было поручено фондовой комиссии. Но как привести в исполнение постановление общестуденческой сходки о систематическом отчислении 10% со всех поступающих казенных сумм в пользу революции? Его можно было осуществить только одним путем: так называемыми «фиктивными» стипендиями. С каждых 10 тыс. руб., скажем, поступающих в фондовую комиссию, 1 тыс. руб. надо было отчислить на революционные цели. Но суммы были казенные, и о них необходимо было представить известную отчетность, необходимо было перед казной отсчитаться в том, что действительно израсходовано 10 тыс. руб., тогда как в действительности лишь 9 тыс. руб. выдавались студентам, а десятая тысяча шла в пользу революции. Но чтобы удовлетворить казенные учреждения, казенный контроль, на эту десятую тысячу также надо было представить расписки. И вот эти-то расписки на десятую тысячу и были так называемыми «фиктивными стипендиями», другими словами, человека уговаривали расписаться в получении того, что он никогда не получал, и когда он такую расписку выдавал, то деньги, которые бы ему причитались, составляли те 10%, которые шли на нужды фиктивных стипендий, наличность которых была установлена строго документальными данными.

(**Степанов** *с места*: «Да вы же сами знаете, что это вранье».) Прошу вас (*обращаясь к председательствующему*) защитить меня от подобных замечаний с мест.

Председательствующий. Покорнейше прошу не делать замечаний с мест. Будьте любезны, продолжайте вашу речь.

Замысловский. Г<оспода>, мне говорят: «Вы сами знаете, что это вранье», и говорит это член Государственной Думы Степанов, который остается за такое выражение совершенно безнаказанным. Поэтому, если с моей стороны будут эксцессы, то знайте, что они вызваны наглым замечанием Степанова, который осмелился мне говорить: «Вы знаете, что это вранье». (*Рукоплескания справа*.) Он остается безнаказанным, а что моя речь была строго корректной и не задевала никого из сидящих налево, в этом вы все были свидетелями. (*Рукоплескания справа*.) То обстоятельство, что фиктивные доверенности, фиктивные стипендии имели место, доказывается следующим совершенно объективным фактом: казначей фондовой комиссии Липавский, прошедший по списку социалистов-революционеров, ежемесячно выбирал целый ряд доверенностей на получение чужих стипендий. Спрашивается: какой в этом смысл? Те бедняки, которые получают стипендии, могут же явиться сами, они ведь постоянно ходят в институт. Для чего же такая сложная комбинация: казначей получает доверенности и по доверенности берет деньги, чтобы эти деньги передать тому, кто выдал доверенность и кому гораздо проще самому взять деньги? А дело объяснялось тем, что вот по этим доверенностям и получались так называемые «фиктивные стипендии»; доверенность выдавалась для того, чтобы студент-казначей получил деньги, но обратно тому, кто выдал доверенность, отнюдь их не передавал, а засчитывал в тот десятипроцентный революционный

фонд, который надо было пополнять согласно постановлению общестуденческой сходки. Раз уж пошли на путь этих фиктивных стипендий, то их применяли и для некоторых других целей. Так, напр[имер], студент беден, но мало успешен, у него нет того, что называется «баллокоэффициентом», нет необходимой суммы экзаменационных зачетов. И вот ему выдавалась стипендия путем такой фикции. Более состоятельный студент с «баллокоэффициентом» расписывался, что он получил стипендию, но она передавалась другому студенту, который имел большую революционную успешность, но малую успешность в смысле прохождения студенческого курса. Одним словом, принцип успешности, который требуется законом, был заменен принципом революционности. Таково второе последствие, вытекшее из этих фиктивных стипендий.

Конечно, г<оспода>, раз в других высших учебных заведениях не было того судебного процесса, который был по Горному институту, то в отношении их мы не можем развернуть картину так широко, так наглядно и так документально. Но, несомненно, что и в других высших учебных заведениях фактически было то же, что и в Горном. Очень недавно и в «Прямом пути» [3], и в «Земщине» [4] появилась статья под заглавием «Левые студенты-лесники – воры». Эта статья не была даже опровергнута. Факты, которые в ней изложены, никем не оспаривались, а факты следующие: в Лесном институте существует столовая – всецело на казенные средства. Казна дает и помещение, и отопление, и освещение, и ежемесячную субсидию, весьма значительную. Хозяйничали студенты в столовой возмутительно, потому что жалобная книга пестрела жалобами самих же студентов: «Сегодня нашел в котлетах пуговицу», «Сегодня поймал в супе таракана» и т. д., кормили студентов

отвратительно, но революционные отчисления были; об этом опять-таки в столовой висел плакат, где прямо говорилось: постановлено отчислять в пользу сосланного товарища такого-то известный процент с обедов.

Укажу еще факт: в Ярославском Демидовском лицее существует студенческая финансовая комиссия; это то же, что и в Горном институте фондовая. Недавно студенты лицея заявили протест, что значится выданным пособие некоему Раковцу, а Раковец в действительности никакого пособия не получал. Финансовая комиссия успокоила протестантов, что здесь нет никакого хищения, что здесь просто «фикция», нужная для революционных целей, и вот для каких. Отправлялась депутация на похороны Муромцева [5], и издержки по отправке депутации постановлено было принять на казенный счет, на счет казенных стипендий и пособий, а чтобы отсчитаться перед казначейством, было выписано известное пособие Раковцу, а пошло оно вовсе не Раковцу, а тому, кто стоял во главе этой муромцевской депутации – иудею Либерману. (*Смех справа; голос слева*: «Чего обрадовались?».) Наконец, не лучше события происходили и в Политехническом институте. Я уже вам говорил, что там захватным правом, нелегальным порядком, были открыты три новых отделения. В свое время я указывал причины, по которым кадетской профессуре понадобилось открыть их. Так как отделения были нелегальны, то попавшие на них студенты по закону не имели права на получение стипендий и пособий, а там было много людей несостоятельных. Эти лица, попавшие на нелегальные отделения, бегали по всему институту и просили студентов легальных отделений: «Пожалуйста, подпишите просьбу о пособии или стипендии». – «С какой стати, – отвечали им, – мы не собираемся получать из казны денег». – «Да вы и не получайте, это вовсе не для вас пред-

назначается, получим мы, но нам нужны только титулы, подписи, чтобы отсчитаться перед казначейством». И вот студенты с легальных отделений давали подписи, а по этим подписям – студенты с нелегальных отделений, и профессура знала это, но «смотрела сквозь пальцы», другими словами, толкала студенчество на заведомый подлог, потому что хотя описанная комбинация, может быть, и вызвана желанием помочь нуждающимся, но форма, в которую она облекалась, – подлог. Таков, г<оспода>, институт фиктивных стипендий, который твердо вкоренился в жизнь высших учебных заведений, который был введен туда революционными организациями для того, чтобы отсчитаться перед казной, а казенные деньги употреблять не на то, на что они предназначались, не для покрытия студенческой нужды, подчас вопиющей, а для удовлетворения различных революционных вожделений. (*Шум и иронические возгласы слева*.)

Председательствующий. Покорнейше прошу не прерывать оратора; ведь это только останавливает ход дела. (**Пуришкевич** *с места*: «Герасимов [6] не может успокоиться»; *голос справа*: «А закон?»; *голос слева*: «Тоже фиктивная стипендия».) Будьте любезны (*обращаясь вправо*) с этой стороны не давать повода к беспорядкам. (**Пуришкевич** *с места*: «Это Герасимов; Герасимова призовите к порядку».)

Замысловский. По поводу этого первого пункта запроса я с большим удивлением выслушал речь члена Думы Капустина, который от имени центра говорил, будто бы центр первый пункт запроса собирается отвергнуть вопреки тому, что постановили члены центра в комиссии по запросам. Член Думы М. Я. Капустин заявил, будто бы первый пункт нашего запроса сводится лишь к тому, что при распределении стипендий обижали академистов, что академистам несправедливо дава-

ли слишком мало. Да, г<оспода>, это было, но ведь это лишь второстепенная подробность; смысл того, что изложено в п. 1 запроса, совершенно иной, а пристрастное отношение к академистам является только некоторым добавлением. Но раз член Думы М. Я. Капустин то, что мы считали вещью второстепенной, выдвигает на первый план, я позволю ему себе сказать, что и это обстоятельство вопреки мнению Капустина строго доказано. Оно логически вытекает из чисто партийного революционного состава всех этих фондовых и финансовых комиссий, заведующих деньгами. Если же члену Думы Капустину недостаточно этого общего соображения, то ведь в нашем запросе указаны конкретные факты. В кассе взаимопомощи Политехнического института, заведовавшей распределением стипендий, работали студенты Захаров и Калмаков. Когда касса взаимопомощи узнала, что это академисты, она им предложила категорически или уйти из кассы взаимопомощи, или лишиться тех платных мест, которые они занимали (один был кассиром, а другой заведовал издательской лавочкой, и за восьмичасовой тяжелый труд получали, кажется, по 15 руб.). Им предложили или оставить кассу взаимопомощи, или выйти из Академического союза. Они выйти из Академического союза не пожелали, и касса взаимопомощи их извергла, лишила платных должностей. Это факт, не подлежащий оспариванию. Захаров и Калмаков – не какие-нибудь мертвые души, и если бы члену Думы Капустину только захотелось, он мог бы отличным образом выслушать их заявление о том, что это было так, как я говорю, посмотреть документы кассы взаимопомощи с ее подписью и печатью, что эти два студента увольняются как принадлежащие к Академическому союзу. При наличности таких данных, при полной фактической доказанности всего того, что

я утверждаю, я решительно не понимаю, как можно отвергнуть первый пункт запроса.

Раз я заговорил об академистах, то я должен несколько на этом вопросе остановиться. Здесь пытались изобразить академическое движение чрезвычайно странным образом. В жизни нашей высшей школы это, несомненно, крупное историческое явление; между тем вам объясняли так: Пуришкевич свистнул, Столыпин топнул, и вдруг из-под земли неожиданно выросла масса академистов, – так объяснял, между прочим, и проф[ессор] Некрасов. Он назвал академистов «столыпинскими приспешниками». (*Голос слева*: «Верно».) Между тем академические организации существуют не только в Петербурге, академические организации существуют, напр[имер], в Киеве, и существуют там уже пять лет. Другими словами, они возникли в то время, когда еще Пуришкевич не занимался политической деятельностью, а Столыпин об академистах совершенно не знал и не помышлял. (**Гегечкори** *с места*: «И тогда шпионаж был».) Академические организации возникли в Томске, в Ярославле, а почему они возникли, это опять-таки на процессе Горного института под присягой выяснил свидетель студент Калинин. Он говорил: «Засилье левых организаций было ужасно, всякая свободная мысль, всякое свободное слово гнались и преследовались как черносотенные мысли, мысли высказывать можно было только по трафарету тех социалистических организаций, которые, однако, на своем знамени пишут: свобода слова, свобода мнений, свобода печати. Я, говорит Калинин, случайно попал раз в библиотечную комиссию – в более важные комиссии нас не пускали, и вот в этой библиотечной комиссии я поднял вопрос о том, чтобы выписывать “Новое время” [7]; надо было, говорит, видеть, какой содом поднялся, какой поднялся крик, какая началась ругань. Я сейчас же должен

был взять свое предложение обратно». Вот что показывал Калинин на суде под присягой.

Как противодействие такому гнету и возникли академические организации; они возникли стихийно, это историческое явление, это неизбежный отпор тому невероятному революционному засилью, которое воцарилось в школе. Кроме уже перечисленных мною организаций, образовалась, напр[имер], организация в Новой Александрии, в маленьком уездном городишке Привислинского края, где, я полагаю, ни о влиянии Пуришкевича, ни о влиянии Столыпина не было помину; и вот какие деяния сопутствовали возникновению этой организации: 10 октября 1910 г. состоялось ее учредительное собрание, члены новой корпорации собрались в институте в особой аудитории, около которой сейчас же появилась толпа левых студентов, пожелавших туда ворваться. Академисты заперли изнутри двери. Двери эти начали выламывать, но они оказались настолько прочными, что выломать их не могли. Тогда часть толпившихся около дверей левых студентов отправилась на соседний газовый завод, с этого газового завода взяли бревна и под руководством товарища Гангесова начали бревном громить двери, как тараном. После третьего удара, действительно, двери, в которые били бревном, сорвались с петель, и толпа поборников свободы слова ворвалась в аудиторию, где произошла свалка. Вот, г<оспода>, какими фактами сопровождается нарождение академических организаций, вот какому преследованию они подвергаются. Если они все-таки растут, если они крепнут, если они умножаются в числе, то лишь потому, что это неизбежное, историческое явление, это естественный отпор революционному засилью, и тот, кто объясняет рост академического движения какими-то случайными причинами, тот или совершен-

но не может разобраться в вопросе с более широкой точки зрения, или заведомо вводит вас в заблуждение. (**Пуришкевич** *с места*: «Верно»; **Марков-второй** *с места*: «Совершенно верно».)

Заседание продолжается под председательством председателя Государственной Думы [8].

Замысловский. Следующий пункт запроса, г<оспода>, касается сцен разврата. Я знаю, что когда об этих сценах начинают говорить с думской кафедры, то слева поднимается неистовый шум и ломанье пюпитров; тем не менее, я считаю своей обязанностью об этом пункте говорить. Он внесен в запрос, подписанный 96 членами Государственной Думы. Пункт этот обсуждался в комиссии, а комиссия – по идее, по крайней мере, – есть отражение думского большинства; в комиссии пункт о разврате был принят. Введен он в запрос, конечно, не для того, чтобы огульно обвинять молодежь, конечно, не для того, чтобы ее порочить, конечно, не для того, чтобы кидать в нее грязью. Нет, он введен, чтобы указать на язву, разъедающую высшую школу, чтобы указать, как эту язву можно было бы искоренить. Вот почему я о разврате в школе считаю себя обязанным говорить и буду говорить, причем постараюсь держаться чисто фактического, документального изложения.

Вам известен, конечно, процесс Новороссийского университета, процесс ректора Занчевского и проректора Васьковского. На этом процессе проф[ессор] Алмазов на суде под присягой показал: «Университетские помещения были превращены в клозеты, а клозеты – в места для удовлетворения половых инстинктов». Когда затем давал показания бывший министр народного просвещения фон Кауфман, то и он на суде удостоверил, что до него эти сведения доходили. Тогда фон Кауфман запросил ректора Занчевского – того ректора, который

обвинялся в бездействии власти и попустительстве, запросил следующее: «Правда ли, что в университете появился открытый разврат? Если студенты настолько дики и не могут сами сохранить своего нравственного достоинства, то это обязана сделать профессура». Вот что ответил Занчевский. Ему, Занчевскому, действительно известен один случай разврата между студентом и вольнослушательницей, но центральный орган, – а это та студенческая революционная организация, которая захватила в то время Новороссийский университет, – центральный орган выяснил, что случай этот произошел между лицом, державшим испытание в юридической комиссии, и посторонней девицей – массажисткой или фельдшерицей. В этом же процессе есть показание некоего Рацишевского, бывшего в момент процесса помощником полицеймейстера в Одессе, а в момент революционных беспорядков – начальником сыскного отделения. (**Гегечкори** *с места*: «Хорошая личность».) Вот что показал Рацишевский судебному следователю: «В октябре 1906 г., 9 числа, в 10 ч[асов] утра, в главном здании университета происходило собрание студентов и слушательниц Высших женских курсов, а также вольнослушателей по вопросу, как помянуть 14 и 15 октября – день забастовки учебных заведений и фабрик и годовщину баррикад. 11 октября эта сходка возобновилась, и на сходе массажистка Черенкова говорила, что женщина должна подстрекать мужчину к борьбе и что она вместе с курсисткой Никулиной будет вести агитацию в ночлежных приютах». Тот же самый Рацишевский показывает, что одним из главных деятелей в Новороссийском университете того периода была особа, личность которой установить не удалось, она скрылась, но была известна под кличкой «Манька Портовая» – эта Манька Портовая была одним из главных персонажей

тогдашних революционных беспорядков. Таковы события по Новороссийскому университету.

Что касается Политехнического института, то и о нем был тоже судебный процесс, именно процесс директора князя Гагарина [9], обвинявшегося в бездействии власти. Основанием для процесса послужил обыск в общежитии Политехнического института, во время какового были найдены бомбы, пироксилиновые шашки, но полиция ночью в общежитии нашла не только бомбы, она нашла и 42 женщины. Директор не счел нужным высказать порицание тем студентам, в комнатах которых эти женщины оказались; он сделал замечание только одному студенту, именно тому, в комнате которого одновременно оказались две женщины. (*Смех справа*.) Около того же времени в общежитии Политехнического института установился своего рода спорт: поздно вечером какой-нибудь из студентов выталкивал из своей комнаты в коридор совершенно обнаженную женщину, которая беспомощно начинала метаться по коридору, толкаясь то в одну, то в другую дверь, а студенты ее со смехом не пускали. Особенно часто такие случаи происходили с некоей иудейкой Бертой, и доводилось даже так, что сторож из человеколюбия эту обнаженную женщину из коридора впускал в комнату, предназначенную для посетителей и на ночь запиравшуюся. Там эта Берта спала на столе, завернувшись в скатерть, которой покрывался стол. Впоследствии Берта, заболев, подала в совет старост заявление, где просила выдать ей 200 руб. на лечение болезни, которую она получила, может быть, по вине некоторых членов этого совета, и указывала, что эти 200 руб. просит удержать с тех старост, которые пользовались ее расположением. Когда совет старост ей в просьбе отказал, она явилась на студенческую сходку и просила, чтобы ей

было предоставлено слово, но председатель сходки слова ей не предоставил. Вот факты по Политехническому институту, в основе которых также лежит судебный процесс, – о князе Гагарине.

Относительно Лесного института могу сообщить следующее. В его общежитии происходили оргии, именуемые афинскими вечерами, а именно: ночью устраивались такие шествия: впереди шли два студента с факелами, за ними совершенно обнаженные студенты и женщины попарно, а сзади тоже два или три студента с факелами: такой факельцуг спускался по лестнице вниз и потом снова поднимался наверх. Если вы присовокупите к этому, что в Императорском Петербургском университете существовал «кружок молодых», а также вспомните о тех антропометрических измерениях, которые там производились и о которых писал вовсе не в правых газетах проф[ессор] Передольский [10], человек тоже далеко не правый, то вы должны признать, что наш запрос и в этой части строго фактически обоснован. (**Степанов** *с места*: «Какая ложь!»; **Гегечкори** *с места*: «Грязные сплетни!»; **Пуришкевич** *с места*: «Не обращайте на них внимания, вы их фактами бьете».)

Председательствующий. Я просил бы не прерывать оратора.

Замысловский. Следующим пунктом запроса является совместное заседание профессоров Горного института со студентами. Тот факт, что эти заседания происходили, незыблемо установлен данными судебного процесса, но, тем не менее, представители октябристской и кадетской партии собираются этот пункт запроса отвергнуть. Чтобы подвести ему юридическое основание, я прочту выдержку из Высочайше утвержденных правил 11 июня 1907 г., именно § 4 этих Правил. Там сказано: «Никакие отдельные студенческие

кружки, общества и иные организации не могут быть признаваемы в качестве представительных органов всех студентов данного учебного заведения, и учебное начальство ни в какие сношения с такими организациями по вопросам, заявляемым от лица всего студенчества, не вступает». В данном случае студенты являлись представительством всего института; они были выбраны на общестуденческой сходке и, следовательно, в силу § 4 Правил 11 июня 1907 г. профессора ни в какие сношения с ними вступать не могли, а они, между тем, устраивали совместные заседания – четыре студента и четыре профессора. Чтобы опровергнуть это юридическое обоснование, представитель кадетской фракции проф[ессор] Некрасов поступил очень тонко: он, «между прочим», в виде «вводного предложения» нам заявил, что Высочайше утвержденные правила 11 июня 1907 г. незаконны. Правила незаконны, следовательно, нарушение этих незаконных Правил есть лишь восстановление законности. Чем с таким взглядом спорить, лучше спросить: если Высочайше утвержденные правила 11 июня 1907 г. незаконны, то отчего же кадеты ждали до 1910 г. и не внесли запрос о том, что университетская жизнь регламентируется явно незаконными правилами. (*Голос справа*: «Браво!».) Вы об этом молчали до поступления настоящего запроса, и, чувствуя, что из рассматриваемого пункта никак выйти вам нельзя, вы, «между прочим», заявили, что Высочайше утвержденные 11 июня правила незаконны. Представителю центра М. Я. Капустину так далеко идти было нельзя, – он не мог сказать, что Высочайше утвержденные правила незаконны. И он изобрел другой отвод, чтобы как-нибудь этот пункт отвергнуть. Он говорит: «У фракции имеются сведения, что министр знал об этих совместных заседаниях». Прежде всего, если у фракции имеются столь конфиденциаль-

ные сведения о деятельности министра, то было бы желательно, чтобы этими сведениями, тесно связанными с запросом, фракция поделилась с Думою, чтобы представитель октябристской фракции вышел на кафедру и сказал, каковы эти таинственные сведения, а засим, если действительно совместные заседания происходили с согласия и с разрешения министра, то разве в чем-нибудь дело меняется? Только в том, что поступали незакономерно не одни профессора, но и министр, ибо подобных дозволений, ввиду точного смысла этих Высочайших правил, министр, разумеется, давать не мог.

Наконец, последний пункт запроса касается профессорских лекций; выдержки из них к запросу приложены, каждый может их обозреть и убедиться, что это действительно не лекции, а политические памфлеты. Нам пробовали возражать на этот последний пункт двумя аргументами. Один аргумент формальный: говорят, что лекции изданы студентами, и мы-де не имеем твердой уверенности, что действительно профессора их читали. Я на это возражу: лекции изданы издательской студенческой комиссией, которая издает лекции лишь с разрешения профессора, и, конечно, заботится о том, чтобы никакой «отсебятины» в лекциях не было, потому что если будет отсебятина, то, прежде всего, издательская комиссия скомпрометирует саму себя, т. к. на экзамене студенты будут отвечать не то, что читал профессор, а вследствие этого выйдет осложнение, за которое ответит издательская комиссия. Это первое соображение. Дальнейшее, второе соображение то, что лекции Гредескула имеются в двух разновременных изданиях. Если в первом издании вкралась какая-нибудь ошибка, вкралось то, чего профессор не читал и не говорил, то, несомненно, это было бы исправлено во втором издании. Наконец, г<оспода>, неужели сами профессора, если на

них плетут то, чего в действительности они не читали, если им приписывают то, чего они в действительности не говорили, то неужели сами профессора не опровергнут этого и не скажут, что мы ничего подобного не говорили студентам, это лишь пагубная ошибка. Но, однако же, они молчат и молчат, а после того, как только появились наши разоблачения, проф[ессор] Гредескул начал экзаменовать не по своим лекциям, выдержки из которых приведены, а по другому чужому курсу; проф[ессор] Гессен, когда начал говорить на лекции о Самодержавии в последний раз недавно, то говорил уже не то, что говорил раньше и что запечатлено в его литографированных лекциях. Другой аргумент говорит, что наука свободна. Да, г<оспода>, наука-то свободна, но ведь в том-то и дело, что это вовсе не наука, а политические памфлеты. Если вам говорят, что закон 3 июня [11] есть акт незакономерный, что правосудие в России лишилось независимости и чести, что Сенат правосудия не дает (*голоса слева*: «Верно!»), что власти развращены от начала до конца, – и не приводят никаких оснований этим утверждениям, – то разве это курс науки? Нет, это передовая статья из «Речи» [12], а вовсе не научный курс.

Утверждение, напр[имер], что Государственный Совет играет в жизни государства отрицательную роль, аргументируется в курсе государственного права очень простым соображением; там сказано: «Это само собой разумеется». Таков способ научной аргументации г<оспод> кадетских профессоров, происходящий у них тоже вследствие необходимости. Как в студенческих организациях революционер стоит на первом плане, а студент на втором, так в профессорских кадрах, в кадрах кадетской прогрессивной профессуры на первом плане стоит кадетский партийный деятель, а на втором уже – специалист или ученый. Если интересы науки входят в

противоречие с интересами партийной кадетской программы, то, конечно, интересы кадетской партийной программы должны восторжествовать, должны быть поставлены на первое место, а интересы науки должны уступить, должны быть поставлены на второе место. Если вы опять-таки обратитесь к данным процесса Новороссийского университета, к тому, как там комплектовались профессорские кадры, то для вас это станет совершенно очевидным: прежде всего, политический пропагандист, а затем уже ученый. А т. к. политическая пропаганда и научное изложение предмета несовместимы, то курсы подобных профессоров и являются не научными лекциями, а политическим памфлетом. Возьмите, к чему теперь свелась наука? Какой-нибудь кадетский проф[ессор] Озеров [13] читает первые три дня недели в Москве в двух учебных заведениях, затем переезжает в Петербург и читает вторые три дня недели в двух учебных заведениях в Петербурге, а кроме того, состоит членом Государственного Совета и занимается широкой публицистической деятельностью. Да разве можно при таком способе работать и двигать вперед науку? Можно обогатиться на двадцатитысячном гонораре – да; но читать научные лекции и двигать вперед науку – совершенно невозможно. (*Голос справа*: «Правильно, верно».)

Другой пример. В Политехнический институт приглашается читать лекции врач Шингарев. Что общего между не имеющим ученой степени врачом Шингаревым и Политехническим институтом, где медицинская наука совершенно не читается? Но в смысле политической пропаганды, в смысле распропагандирования молодежи врач Шингарев, несомненно, очень полезен. И хотя он не обладает научной степенью и никаких медицинских предметов в Политехническом

институте нет, тем не менее, Шингарев туда приглашается и читает там лекции. (**Гегечкори** *с места*: «А общественная медицина?»; *Голос справа*: «Выгнать его!».) То обстоятельство, г<оспода>, что это кадетские партийные деятели, – с полной очевидностью явствует из списка тех, кого они принимали туда, в Политехнический институт, когда могли действовать по всей своей воле. У меня официальный список студентов С.-Петербургского Политехнического института приема 1906 г., металлургического отделения электрохимического подотдела. Я буду читать сплошь, г<оспода>, без выдержек, по порядку фамилий: «1) Беккер Израиль Янкелевич; 2) Бергман Меер Иосифович; 3) Вигзерович Альтер Лейбович; 4) Винс Иван Иванович; 5) Вржесневский Иосиф Брониславович; 6) Гарфункель Яков Гиршович; 7) Гинзбург Ерухим Ицкович; 8) Глазунов Александр Ильич; 9) Глускин Лейба; 10) Гольцман Моисей Мордкович; 11) Длугач Лев Шмулевич; 12) Доленко Владимир Ильич; 13) Зейлигер Исаак Вольф; 14) Иоффе Бениамин Израилевич; 15) Каган Абрам Зельманович» и т. д. (*Голоса справа*: «Читайте, читайте жидов».) Если мне предоставят говорить без срока, я буду читать, иначе у меня мало времени. Итак, всех в списке 55, из них 28 евреев, 6 поляков и 21 человек, принадлежащих к «остальным народностям, не исключая и русской», – употребляя фразеологию члена Думы октябриста Каменского [14]. Г<оспода>, из того, *кого*[1] приняли, совершенно ясно, *кто*[2] принял: принимал тот, кто был связан с жидами политическими векселями, кто принужден был по этим политическим векселям платить; вот они и платили, и тогда платили, так сказать, полным рублем, а не гривенником, как пла-

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[2] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

тят теперь, когда возбуждают вопрос об отмене черты еврейской оседлости [15]. (*Голоса справа*: «Браво!».)

Одновременно с сим, г<оспода>, правительство издает какой-то циркуляр о кадетах, о том, что профессора должны давать какие-то подписки о непринадлежности к кадетской партии. Вот это уже нечто совершенно странное и пахнущее фарисейством, потому что, с одной стороны, какой-то циркуляр и удостоверение, что читающие лекции не принадлежат к кадетской партии, а с другой стороны, в Политехническом институте читает врач Шингарев, который состоит товарищем председателя кадетской фракции в Государственной Думе. (*Голос справа*: «А подписку давал?».) Давал ли он подписку, я не знаю. И правительство в этом отношении делает удивительные вещи. Так, напр[имер], когда уже были оглашены данные запроса, где говорилось, что выборгские сидельцы [16] никоим образом не могут учить молодежь закономерности, ибо взгляд на закономерность у них оригинальный и весьма противоречащий взгляду государственному, выборгский сиделец Котляревский [17] был назначен в Москву читать государственное право. Или, напр[имер], существует приват-доцент Лазурский [18], пожелавший сделаться экстраординарным профессором. Совет профессоров в Одессе, состоявший в большинстве из правых, его забаллотировал. Ну, казалось бы, раз Лазурский – такой поборник автономии, он должен был бы этому подчиниться; нет, он немедленно едет в Петербург и начинает в Петербурге хлопотать, чтобы получить место помимо совета. А совет Лазурского забаллотировал потому, что он в 1906 г. был председателем Союза младших преподавателей, а что делал этот союз – видно из процесса: союз постановил бойкотировать клинику проф[ессора] Щеголева, и у проф[ессора] Щеголева около года не

было ни одного ассистента, вследствие чего терпел не только сам Щеголев, но, главным образом, те больные, которые были у него в клинике и которые не могли получить медицинской помощи, потому что ассистентские места в клинике были под бойкотом, а во главе организации этого бойкота стоял Лазурский. Когда его теперь не пускают в экстраординарные профессора, он едет в Петербург и здесь прибегает к различному кумовству в министерских прихожих. Или, напр[имер], существует проф[ессор] Линиченко [19], тоже ярко освободительного типа. Он в начале 1910 г., никого не спросив, поехал самовольно в отпуск за границу и вернулся только по истечении семестра; таким образом, его лекций студенты совершенно не слышали. (**Гегечкори** *с места*: «А Магена помните?»; *смех слева*.)

Председательствующий. Я покорнейше прошу вас вашими замечаниями не смущать оратора.

Замысловский. Прямо нет физической возможности говорить; меня их выходки не смущают, но у меня голоса не хватает.

Председательствующий. Прошу вас, пожалуйста, продолжайте вашу речь.

Замысловский. Итак, проф[ессор] Линиченко с начала января уехал за границу и до конца учебного года не читал, а гонорар со студентов он получил, и вот Министерство предписывает проф[ессору] Линиченко вернуть гонорар, который он взял со студентов за те лекции, которых он не читал. Таковы нравы в теперешней автономной профессуре. Мне кажется, г<оспода>, что изложенного совершенно достаточно, чтобы признать наш запрос совершенно основательным. Мы путем запроса желаем вскрыть те язвы, которые разъедают высшую школу. Мы утверждаем, что студенчество было до последнего времени захвачено революционными

организациями, которые действовали во вред студенчеству, развращали это студенчество духовно и обирали материально. Те деньги, которые правительство назначало для нуждающихся студентов, эти организации брали себе для каких-то подпольных целей, а студентов оставляли нуждаться. Они ввели в школу ужасающий разврат, факты которого я вам оглашал, и который, конечно, действует на студенчество самым тягостным образом. Таково студенчество. Что касается профессуры, то она вопит об автономии только для того, чтобы устроить себе совершенно беспечальное существование. Она получает многотысячные оклады, бо́льшие, чем получают министры, и решительно ничего не делает. Науки вперед не двигает, никаких выдающихся ученых исследований за последние года не происходит, по крайней мере, в области юридических наук – это та область, в которой я более компетентен, – никаких выдающихся научных исследований там нет, но зато есть сплошное распропагандирование молодежи и подуськивание ее к сопротивлению правительству.

Такое положение в школе терпимо быть не может. Те шаги, которые предприняты теперь правительством, показывают, что оно начинает бороться с революционным засильем студенчества и кадетской профессуры, но мы считаем, что это только начало борьбы, что правительство не должно останавливаться, должно идти дальше, оно должно главное свое воздействие обратить не на студентов, а на профессуру, должно вырвать высшие учебные заведения от этой сплоченной кадетской группы, которая там засела и которая превращает высшую школу в арену, где эта профессура наживается, пропагандирует, ничего не делает, а государство губит и подготовляет не слуг Родине, а пушечное мясо революции. (*Рукоплескания справа.*)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 6. 24.10.1911. Речь Г. Г. Замысловского о забастовке слушательниц С.-Петербургского женского медицинского института

Замысловский (Виленская губ.). Только что произнесенную речь [1] нельзя охарактеризовать иначе, как величайшим лицемерием, потому что именно партия центра[1] гноит в комиссиях по несколько лет вопросы действительно спешные. Я упомяну, напр[имер], о запросе еврейском: он внесен два с лишним года тому назад. Мы желаем «знать правду»: на каком основании правительство не соблюдает закона и позволяет жить вне черты еврейской оседлости тем евреям, которые не имеют на это права. Но центр упорно не хочет об этом говорить, упорно замалчивает запрос, задерживает его в комиссии, а теперь представители центра позволяют себе утверждать, что для них дороже всего правда, спешность и немедленное выяснение всех ставших на очередь вопросов. Нет, г<оспода>, об этом вы лучше помолчите. Что касается существа настоящего запроса, то им возбуждается целый ряд довольно сложных юридических контроверз[2], как, напр[имер], соотношение власти министра с властью совета высших учебных заведений и дисциплинарным судом. Это, несомненно, вопрос юридический и очень сложный, ибо для его разрешения надо предварительно решить, в какой мере действуют правила Университетского устава 1884 г. [2],

---

1 Имеется в виду фракция центра.

2 Контроверза (устар.) и контроверсия (от *controversio*, лат., книжн.). 1. Спорный вопрос, вызывающий отвлеченные философские прения. «Они готовы целые века спорить о мистических контроверзах» (А. И. Герцен). 2. Спор по поводу какого-нибудь разногласия.

и в какой мере они отменены последующими Временными правилами 1905 г. [3]. Те, кто следят за жизнью высших учебных заведений, знают, что в среде самих университетских советов по этому поводу возникали острые разногласия и длинные споры, что даже там вопрос о соотношении этих властей представлялся весьма неясным, спорным. Как же, г<оспода>, вы хотите теперь же, смаху, решать этот вопрос, когда к нему никто не подготовлен и когда мы слышали о нем только весьма неясное, неразборчивое чтение члена Думы Соколова. (*Голоса справа*: «Конечно, верно».) Г<оспода>, ведь это необычайно легкомысленное отношение к столь серьезному вопросу; если вы желаете правды, то назначьте срочность, потребуйте, чтобы дело слушалось ну хоть через неделю, но суть вовсе не в этом: вы желаете надавливать какие-то пружины в отношении нового правительства, заявить свою оппозиционность (*голоса справа*: «Верно»); так вы прямо и скажите, а теперешнему вашему заявлению [4], г<оспода>, ни один разумный человек не поверит. (**Крупенский** *с места*: «Предложите прямо двухнедельный срок»; *голос справа*: «Маргариновая оппозиция» [5].) Подоплека запроса, само собой разумеется, не в формальном нарушении – не в том, где кончается власть дисциплинарного суда и где начинается власть министра народного просвещения [6]. Разумеется, не ради этого внесен запрос. Запрос внесен совершенно по иным основаниям: медички вздумали бунтовать, бастовать; относительно них были приняты меры репрессии, вполне ими заслуженные и вполне правильные. Вот эти-то меры репрессии и возбуждают бешенство: вы добиваетесь, чтобы забастовки проходили безнаказанно, чтобы за них не было ответственных лиц, и в данном случае усиленно желаете спрятаться за так называемую групповую ответственность. Никто не ходил на занятия, но

среди неходивших были и те, кто не ходил на законном основании, потому что не мог ходить. Главная масса не ходила потому, что не хотела ходить, бастовала; но, конечно, были и такие, которые не могли ходить хотя бы потому, что были больны. И вот вы, играя принципом групповой ответственности, говорите: т. к. в этой массе неходивших были люди невиновные, то нельзя никого наказывать, ибо среди массы виноватых были те, которые не виноваты, а раз они были, то возлагать ответственность на общую массу нет возможности, нельзя ее наказывать. Вот на чем построены все махинации с забастовкой медичек. Но министр рассек великолепнейшим образом этот гордиев узел [7]. Он сказал: будут исключены все, а если кто докажет, что не ходил потому, что не мог ходить, то этих я приму обратно. Иного пути у Министерства не было, потому что вы нарочно подстраиваете этот принцип коллективной ответственности благодаря стачке бастующих воспитанниц с сочувствующими им революционно настроенными профессорами, которые продолжают оставаться на казенном пайке, которых правительство до сих пор не снимает с этого казенного пайка с той энергией, с которой этих преступников и негодяев следовало бы снять. (*Справа бурные рукоплескания и голоса*: «Браво!»; *шум слева*.)

Председательствующий. Объявляю прения прекращенными. (*Голоса слева*: «К порядку, призовите его к порядку!»; **Степанов** *с места*: «Просим призвать к порядку»; *голоса слева*: «Прочтите стенограмму»; *голоса справа*: «Правильно, правильно; пожалуйста, молодец Замысловский»; *голоса слева*: «Прочтите стенограмму».) Член Государственной Думы Замысловский, потрудитесь повторить слова, которых я не расслышал.

Замысловский. К сожалению, я не могу исполнить просьбы председателя, потому что я не знаю, какие из

моих слов он расслышал и каких не расслышал. (*Рукоплескания справа*.)

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский, потрудитесь повторить ваши последние слова.

Замысловский. Что касается последних моих слов, то, исполняя желание председателя, я постараюсь воспроизвести их довольно точно, но не ручаюсь, что воспроизведу с буквальной точностью. (*Голоса слева*: «Прочтите стенограмму; солжет что-нибудь».) Я сказал, что правительству давно пора снять с казенного пайка тех профессоров, которые поддерживают и сочувствуют забастовке, причем этих профессоров я назвал негодяями, чего они и заслуживают. (*Справа бурные рукоплескания и голоса*: «Верно!»; *голоса слева*: «Вон!».)

Председательствующий [8]. Член Государственной Думы Замысловский, я считаю недопустимыми такие слова с кафедры Государственной Думы (*голоса справа*: «Почему?») и поэтому призываю вас к порядку. (*Голоса справа*: «Что же такое сказано?».) [9] […]

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 8. 26.10.1911. Речь Г. Г. Замысловского о студенческих волнениях в Томском технологическом институте

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Против спешности настоящего запроса [1], прежде всего, может быть приведен тот аргумент, который я уже приводил по предшествующему запросу о высшей школе, а именно: соотношения власти министра, с одной стороны, и профессорского со-

вета, профессорского дисциплинарного суда – с другой, вовсе не так просты и ясны, чтобы решать дело сразу. Но кроме этого аргумента по настоящему запросу можно привести и иные в доказательство того, что запрос представляется далеко не таким простым и не может быть разрешен без предварительной подготовки. Дело в том, что события, разыгравшиеся в Томском технологическом институте, в действительности происходили совсем не так, как изображают это интерпеллянты и, в частности, член Думы Некрасов. Еще до всяких правительственных циркуляров и распоряжений, еще в первой половине 1910 г., в Томском технологическом институте имел место такой возмутительный факт, как бойкот проф[ессора] Кошурникова. Желательно было бы, чтобы профессор Томского института Некрасов объяснил нам: за что бойкотировали проф[ессора] Кошурникова? (**Булат** *с места*: «Мерзавец был, вероятно».) Член Думы Булат думает, что Кошурников, вероятно, был мерзавец, но дело в том, что не все будут мерить, подобно члену Думы Булату, на свой аршин (*справа рукоплескания и голоса*: «Браво!»; *смех*), и даже те, кто бойкотировал проф[ессора] Кошурникова, выставляли совершенно иной довод: что он недостаточно развит и недостаточно прогрессивен. (**Нисселович** *с места*: «Нет, что он лентяй был».) Я думаю, что если бы он был лентяй, то современные левые студенты только радовались бы этому и ни в коем случае не стали бы его бойкотировать. (*Шум; голоса справа*: «Верно».) Г<оспода>, дайте же говорить, так невозможно.

Председательствующий. Прошу не мешать оратору говорить.

Замысловский. Итак, 20 мая 1910 г. у Кошурникова был экзамен – в то время, когда он уже состоял под бойкотом. Лишь только Кошурников начал экза-

меновать, у дверей аудитории произошла суматоха, замешательство, и когда он пожелал осведомиться, что происходит, то оказалось, что в аудиторию ломится студент-кавказец с револьвером, крича: «Мы вас заставим считаться с нашим мнением!». Вследствие этого студенты, пришедшие экзаменоваться, разбежались, заявив Кошурникову: «Они и нас, и вас застрелят». Факт, который, несомненно, известен и члену Думы Некрасову, хотя, по весьма понятным соображениям, он предпочитает о нем не упоминать. Далее, состоялась сходка 17 января 1911 г., которая вынесла следующую резолюцию, невозбранно вывешенную на стенах университета: «Все за одного и один за всех. Студенческий комитет доводит до всеобщего сведения, в том числе и совета профессоров, что, согласно решению сходки 17 января, все занятия, экзамены, чертежные, лабораторные и другие работы прекращаются до 1 сентября 1911 г. Всякие попытки как приступить к занятиям, так и подорвать решение сходки стачечный комитет объявляет дезорганизаторскими, явно стремящимися к расстройству рядов борющегося студенчества. Против всех таких попыток стачечный комитет оставляет за собою свободу действий». Ну, по тем экспериментам, которые производил пылкий кавказец на экзамене Кошурникова, можно судить, в чем должна была выразиться эта свобода действий. Впрочем, события наглядно показали, как понимает «свободу действий» левое студенчество. Еще 10 декабря был экзамен у проф[ессора] Боборыкова [2]; пришли к нему экзаменоваться семь человек, но в аудиторию ворвалась толпа забастовщиков, вступила в рукопашную со служителем, который стоял у дверей аудитории, отбросила его в сторону, ворвалась в самую аудиторию и экзамен сорвала. Институтское начальство никаких мер к прекращению беспорядков не при-

нимало и никаких сведений ни центральному учебному начальству, ни попечителю учебного округа, а равно полиции не давало; напротив, оно старалось скрыть все происходившее в институте, изобразить, как будто бы там все благополучно. А теперь это начальство нам жалуется на «ошибки» правительства. Но позвольте, кто же виноват в этих ошибках? Мне кажется, тот, кто должен давать верные сведения, но их не дает и, не давая, тем самым, разумеется, вовлекает власть в ошибки, ибо власть фактически лишена возможности проверить обстановку дела с той полнотой, с которой она это сделала бы, если бы институтское начальство исполняло свои обязанности, если бы оно эти сведения давало своевременно. Вот только после описанных событий полиция приступила к арестам, но вовсе не к таким «массовым», о которых говорит проф[ессор] Некрасов: аресты были единичны. (**Марков-второй** *с места*: «Какой он профессор?».) Сибирский профессор. (*Смех*.)

Председательствующий. Прошу не перебивать ораторов.

Замысловский. Пока были арестованы человек 15, в том числе постарались арестовать и стачечный комитет. И русские члены стачечного комитета действительно были арестованы, а члены стачечного комитета жиды успели скрыться, именно скрылись – Моисей Келлерман, Абрам Эпштейн и Хаим Бронштейн: они благополучно предоставили расхлебывать кашу тем русским дуракам, которых подтолкнули на забастовку. Однако заветная мечта левого студенчества – провести полную забастовку – не удавалась, не удавалась потому, что в институте сформировалась группа академистов, которая держалась чрезвычайно стойко. Когда подобные группы организовывались в Петербурге, то говорили, что это люди, чуть ли не нанятые Столыпиным, чле-

ном Думы Пуришкевичем и вообще правыми членами Думы. Но смею вас уверить, что томских академистов никто из правых членов Думы никогда не видал в глаза, и весьма сомнительно, чтобы они имели хоть какое-нибудь отношение к деятельности П. А. Столыпина. Тем не менее, академисты сорганизовались и вели дело чрезвычайно энергично, несмотря на то, что фамилии их главарей сейчас же были прикреплены к так называемому позорному столбу, где и висели опять-таки невозбранно. И вот, когда левое студенчество убедилось, что забастовку провести нельзя, то оно прибегло к деянию, совершенно беспримерному в отношении того института, который проф[ессор] Некрасов называет «дорогим детищем». Левое студенчество попросту вздумало это дорогое детище сжечь (*смех*), что и привело в исполнение, а именно: 21 февраля 1911 г. огонь вспыхнул одновременно в восьми[1] местах института: в аудитории № 4, в аудитории № 5, в аудитории № 8, в аудитории № 13, в курильной комнате и в двух ватерклозетах. Удалось в нескольких местах пожар захватить в самом начале и при этом обнаружить те сложные приспособления для поджога, которые были приобщены к делу и переданы судебному следователю. (*Голос слева*: «А принесли провокаторы; это академисты подожгли».) Оказалось, что на особых шнурках были подвешены колбочки со спиртом и изонитрилом – веществом, которое не воспламеняется само, но когда на него попадет огонь, то очень быстро способствует воспламенению окружающих предметов. (**Некрасов** *с места*: «О, невежество».) К колбочкам с изонитрилом и спиртом были проведены шнурки, пропитанные смесью фосфора с сероуглеродом. (*Голос справа*: «Ученый народ».) Это приспособление, излюбленное при поджогах, напр[имер], с целью получения страховой

1 Так в тексте источника. – *Д. С.*

премии. Судебные деятели часто сталкиваются со случаями подобных поджогов. (*Смех слева*; **Пуришкевич** *с места*: «Уймите левых».)

Председательствующий. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Замысловский. Дело в том, что сероуглерод очень быстро испаряется, и когда он испаряется, то частицы фосфора, отлагаясь в чистом виде, воспламеняются, загорается шнурок, и таким образом огонь переходит на подвески. (**Булат** *с места*: «Опыты производили?».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Булат, призываю вас к порядку. (*Голос справа*: «Правильно»; **Марков-второй** *с места*: «Посыпьте их далматским порошком».) Член Думы Марков-второй, потрудитесь соблюдать тишину.

Замысловский. Колбочка вследствие этого падает, разбивается, и происходит пожар. Но чтобы обставить дело вернее, чтобы колбочки непременно разбились, в каждую из них был вделан особый, довольно тяжелый металлический круг. Вот тот способ, весьма сложный, требующий технических знаний, путем которого левая часть студенчества подожгла свой институт, названный проф[ессором] Некрасовым «дорогим детищем». Поджог был произведен довольно удачно, ибо хотя в некоторых местах он был захвачен в самом начале и колбочки отобраны, но власть не усмотрела, что они были положены еще около большой вентиляционной вытяжной трубы, и вот там пожар разгорелся весьма сильно. Были вызваны все пожарные части г. Томска, и только к вечеру огонь был потушен, успев причинить большие разрушения, оцененные около 20 тыс. руб. Была совершенно разрушена задняя часть чертежной, провалился потолок, сгорела крыша почти совсем. При этом, к удивлению присутствующих, обнаружилось, что балки

были деревянные, тогда как по смете значилось, что они должны были быть железными.

Председательствующий. Это к делу не относится.

Замысловский. Одновременно вспыхнул пожар в особом горном павильоне и в университете. Следует признать, таким образом, что в Томском институте поджог был широко задуман, организован и выполнен с успехом (**Пуришкевич** *с места*: «И дорогое детище сгорело».) Вот после этого действительно приступили к массовому исключению, к тому акту, который именуют здесь жестом «дворника с метлой»; но я утверждаю, что в такой момент подобных господ и следовало гнать грязной метлой. Что делают они? Студенты жгут институт, а институтское начальство систематически укрывает забастовщиков, поджигателей и не дает никаких сведений администрации о том, кто это совершает, но в то же время чрезвычайно яро обвиняет администрацию в том, что будто администрация не соблюла всех формальностей и некоторых задержала по ошибке. Да если бы университетское начальство в свое время приняло меры: 1) не было бы поджога, 2) не было бы ошибок. Оно своим попустительством вызвало поджог, оно поставило студентов в чрезвычайно тягостное положение, оно способствовало административным ошибкам и оно же теперь в лице депутата Некрасова заявляет нам об ужасном произволе администрации. (*Справа рукоплескания и голоса*: «Браво!».) Проф[ессор] Некрасов далее нам говорит: за что, собственно, постигли кары профессоров? По его словам, одного профессора, напр[имер], прогнали за то, что он поставил двойку академисту. (**Некрасов** *с места*: «Я этого не говорил».)

Г<оспода>, я позволю себе тоже осветить деятельность профессоров г. Томска, но только несколько с иной стороны. Так, напр[имер], я вам расскажу кое-что

о деятельности проф[ессора] Малиновского. Еще давно, задолго до 1911 г., он явился организатором митингов на научной подкладке, где читались различные якобы «рефераты», преимущественно жидами. Читал реферат и некий жид Аккерблюм, утверждая, что «русское государство – это человек, с головы до ног покрытый проказой». (*Смех.*) После этого проф[ессор] Малиновский сделался редактором газеты «Сибирская жизнь». Вот что писала названная газета в № 58, 1910 г. – речь идет о правых членах Думы, в частности о Пуришкевиче. «Когда под маской невменяемости уличный хулиган начнет творить разные каверзы (*смех слева*), каким нет имени, – вы, г<оспода>, к концу цитаты, несомненно, перестанете смеяться (*смех справа*), – каким нет имени, в такие мгновения все опрокидывается в душе, берут бич и гонят оскверняющих храм. Не только их бьют, но и *убивают*»[1]. (*Голос справа*: «Это профессор!».) Это, г<оспода>, мне думается, прямой призыв к убийству в газете, редактором которой был проф[ессор] Малиновский. А в № 198 от 7 сентября 1911 г. та же «Сибирская жизнь» пишет: «Столыпину по его делам, – тогда Столыпин был уже убит, – не могло быть другого конца». (*Голос слева*: «Марков сказал так».) Правда, надо пояснить, что в последнее время проф[ессор] Малиновский должен был оставить официальное редакторство «Сибирской жизнью» по требованию попечителя Западно-Сибирского учебного округа, но, несомненно, что и в 1911 г. фактическим вдохновителем «Сибирской жизни» был именно он. Но этого мало (*смех слева*), свое сочувствие террору проф[ессор] Малиновский проявил и в актах, гораздо более ярких. Передо мною его книга: «Кровавая месть и смертные казни». Это прямой апофеоз террора. В книге проводится та мысль, что всякий народ в первые перио-

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

ды своей истории всегда имеет институт кровавой мести, это было вполне естественно – мстили обидчику; обидчиком русского народа в настоящее время является правительство, угнетающее народ. (*Голос слева*: «Правильно».) Следовательно, совершенно естественно чувство мести народа к правительству; террористические акты есть проявление этого вполне естественного народного чувства. Такова тема книги. Вот оглавление приложений к ней: 1) «Манифесты Пугачева» [3]; 2) «Кровавая расправа пугачевцев»; 3) «Молодая Россия» – прокламация 1862 г.; 4) «Народная расправа» – прокламация Нечаева [4]; 5) Две прокламации 80-х гг. XIX в.; 6) Прокламация социал-революционеров начала XX в.; 7) Из «Земли и Воли» [5]; 8) Из листка «Земля и Воля»; 9) Из стихотворения «У гроба»; 10–17) «Показания Гольденберга, Люботович, Баранникова, Ширяева, Михайлова, Балмашева, Сазонова, Спиридоновой [6]»; 18–30) Воззвания Народного Союза; Воззвания к смольнянам; Рижское, бердичевское, западно-русское послание к русским крестьянам Еремы; Воззвание кременчугское, харьковское, орловский клич и т. д. Эти приложения занимают бóльшую половину книги, они занимают 155 страниц, тогда как на долю всего остального приходится только 145. В чем же они заключаются? Я позволю себе дословно огласить одно, очень короткое, за № 9: из стихотворения «У гроба»: «Политическое убийство есть акт мести, но мести не за личную обиду, а за обиду народную». Автор стихотворения «У гроба» на вопрос, кто убил Мезенцева [7], дает такой ответ:

Не злодей, не завистник, не недруг лихой,
Не свои вымещал он обиды,
То посланник смиренный, послушный боец
Всенародной святой Немезиды.

(*Голос слева*: «Это Малиновский».) Это из сборника приложений Малиновского. (**Пуришкевич** *с места*: «Проф[ессора] Малиновского»; *шум*.)

Председательствующий. Прошу соблюдать тишину.

Замысловский. Я вижу, что его лавры не дают вам спать, – что же делать? А лавры заключались в том, что Малиновский был за сию книгу привлечен по п. 1 ч. 1 ст. 129 Угол[овного] Улож[ения] как за призыв к деянию бунтовщическому, но, к сожалению, по слабости правительства гуляет еще на свободе и под стражу не взят. Итак, г<оспода>, если уволили проф[ессора] Малиновского, то ведь не за то, что он поставил двойку академисту, а за нечто иное и гораздо более серьезное, о чем проф[ессор] Некрасов тоже предпочитает умолчать. (**Некрасов** *с места*: «Отвечу, не беспокойтесь».) Вот, г<оспода>, какие совершенно невероятные события разыгрываются в Томске. Об увольнении проф[ессора] Малиновского попечитель учебного округа, начиная с 1905 г., представлял в Петербург 24 раза, – 24 раза он бесплодно писал в Петербург, чтобы Малиновского уволили, и когда, наконец, нашелся министр Кассо, который взял и уволил этого Малиновского, то понятно бешенство, овладевшее левым лагерем. Я полагаю, что подобные запросы надо отвергать всячески: и в смысле спешности, и в смысле существа. Если могут быть внесены запросы, то лишь о слабости административных властей, которые позволяли разыгрываться всей этой томской вакханалии, которые позволяли сжигать институт и писать сочинения в виде апофеоза террору. Вот где язва: надо приняться, главным образом, за революционную профессуру. Она губит наше государство, губит нашу ни в чем не повинную молодежь. (*Рукоплескания справа и в правом центре*.)

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 4. Заседание 55. 13.06.1916. Речь Г. Г. Замысловского о законопроекте по крестьянскому вопросу

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский.

Замысловский (Виленская губ.). Члены Государственной Думы. Рассматриваемый нами отдел законопроекта по тексту своему чрезвычайно краток, занимает всего три строчки: «отменить право сельских обществ удалять из общества проживающих в его среде членов». И вот сама редакция этого параграфа вызывает некоторые недоумения. Ведь законопроект все время говорит о расширении прав крестьян, идея законопроекта та, что у крестьян прав мало и этих прав надо прибавить, а здесь прямо сказано: «*отменить*[1] право сельских обществ»… Раз какие-либо права отменяют, то это не прибавка прав, а их убавка, уменьшение. И совершенно несомненно, что отмена § 16 повлечет не к увеличению крестьянских прав, а к их умалению. Действительно, увеличится право отдельных крестьян, преимущественно порочных и преступных; их права увеличатся – их нельзя будет

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

выселять, но право крестьянства как целого несомненно уменьшится. Это ясно, и этого даже нельзя было избежать в самой редакции соответствующего параграфа. Идея законопроекта та, что ведь теперешний крестьянин – это уже не прежний крестьянин, он вырос из пеленок, это уже не крестьянин, а равноправный гражданин. Вот идея. Как говорится в одном стихотворении:

Крестьянин дорос
Разрешить социальный вопрос.

Такая постановка. И вот все говорит о том, что этот крестьянин – уже полноправный гражданин Российской Империи, а здесь вдруг указывается, что крестьянин-то дорос, а прав удаления порочных членов крестьянскому обществу давать нельзя. Раз это зрелое общество, как вы утверждаете, почему же нельзя давать ему этих прав? Зрелое крестьянское общество и не будет таким правом злоупотреблять: если оно признает, что это право плохое, оно не будет его осуществлять, не будет им пользоваться. Таких приговоров вовсе не будет, закон будет существовать, но он не будет применяться. Все это рассуждение настолько, казалось бы, просто, что для опорочивания его пришлось прибегать не к аргументам, а просто к брани. Член Государственной Думы Керенский говорил, что вот направо сидят «демагоги» – крепостники, которые обманывают. Это вызвало сильные аплодисменты, ему аплодировал даже прошедший по первой курии г. Петрограда депутат Калугин [1]. Я не знаю, чему же тут аплодировать? Это брань, ничего не доказывающая; в чем тут демагогия и в чем обман? Но, оказывается, что, кроме этих завзятых крепостников, возражали против намерения комиссии и крестьяне. Тогда выходит член Государственной

Думы Чхенкели [2] и говорит, что он относительно крестьян настроен «далеко уже не так идиллистически»: крестьянин крестьянину рознь, есть крестьяне, а есть и просто прислужники власти. Также аргументация более чем слабая, напоминающая о стихотворении «Поток Богатырь»[1], где «Поток Богатырь» говорит:

«Ведь я тоже народ, почему для меня исключенье»?

А ему отвечают:

Ты народ, да не тот,
Русью править призван
Только черный народ.

Так и тут. Постоянная эквилибристика понятий. Выходит справа господин в сюртуке – говорят, что это крепостник. Выходит крестьянин – говорят, что это прислужник власти. Но обращусь от этих соображений немного к истории. Я не буду касаться права остракизма[2] и очень далеких исторических изысканий, обращусь к новейшим временам. Ведь право высылки крестьян по приговорам общества в гораздо более широких пределах, чем теперь, существовало до 1900 г. Только в 1900 г. оно было ограничено, и совершенно неправильно, по соображениям, ничего общего не имеющим с умалением или увеличением крестьянских прав. Дело в том, что до 1900 г. очень много довольно тяжких преступлений каралось ссылкою на житье в Сибирь. Крестьяне, присужденные к наказанию, сопряженному с лишением

[1] Стихотворение А. К. Толстого.

[2] Остракизм (древрегреч. «черепок, скорлупа») – в ряде древнегреческих полисов, в том числе в Древних Афинах, изгнание гражданина из государства посредством голосования черепками. В широком смысле остракизм – презрение, неприятие, осмеяние со стороны окружающего общества.

особенных прав, обязательно поступали, как тогда выражались, «под общество», т. е. общество[1] высказывалось, хочет оно их обратно принять или не хочет. Если не хочет, то крестьянин, лишенный всех особенных прав, так сказать, механически высылался в Сибирь. Если же общество его принимало, то по отбытии исправительных арестантских отделений он оставался в своем обществе. В 1900 г. этот закон был отменен вследствие того, что в Сибирь был огромный наплыв высылаемых, а взгляд на Сибирь у правительства изменился и, может быть, правильно. Раньше Сибирь была колонией для ссылаемых, теперь это уже была более или менее культурная страна и большой поток высылаемых был для правительства нежелательным. Тогда и были отменены карательные статьи закона о ссылке на житье в Сибирь, и было отменено соответствующее право крестьянского общества, дабы, так сказать, не загружать Сибири. Что же в результате получилось? Вот вы все проводите сравнение крестьян с дворянами. Ведь когда дворянина судят за преступление, влекущее за собою лишение особенных прав и преимуществ, и осуждают, то, по Высочайшем утверждении такого приговора в соответствующей части, такой дворянин перестает быть дворянином, он механически извергается из дворянского общества. А что же в крестьянском обществе? Оказывается, человек лишен всех особенных прав, и он остается: отбывает наказание в арестантских отделениях и надзор полиции, ворочается в себе.

Раньше крестьянство могло сказать, хочет оно такое принять или нет, затем у крестьян оставалось право, хотя бы после, когда он опять начнет прежние свои деяния, его выслать. Теперь и этого вы крестьян лишаете. Я бы попросил докладчика сказать, считает ли он нор-

[1] То есть сельская, крестьянская община.

мальным такое положение: человек осужден за три, четыре кражи подряд, известный вор, отбыл наказание и ворочается в деревню, и деревня обязана его принять, не может не принять! Вы вот все говорите, что Департамент полиции будет на что-то влиять. Я в первый раз слышу, чтобы на приговоры крестьянского общества влиял Департамент полиции. Но я от многих слышал, от самих крестьян, после закона в 1900 г., вопли: «Помилуйте, – говорят они, – известный конокрад, известный поджигатель, свою деревню сжег, из своей деревни лошадей крал, мы против него на суде показывали, присудил его суд в арестантские роты, мы думали, попадет в Сибирь и больше не вернется, а он отсидел два года в арестантских ротах, отбыл надзор полиции и опять придет в деревню. Как нам от него освободиться?» Никаких решительно способов нет. Вы говорите, что чрезвычайно уважаете крестьян и чрезвычайно дорожите правами крестьянского общества. Как же вы не предоставите уважаемым вами крестьянам права извергнуть из своей среды человека, который опорочен не в их фантазии, не по наговору волостного писаря, а по суду, по приговору суда, за четвертую кражу. Как же не дать крестьянам возможности от такого человека отделаться? И если вы насильно навязываете крестьянам таких людей, то как же вы можете говорить, что вы уважаете крестьянское общество? Вы это общество в какую-то мусорную яму превращаете, куда всякая дрянь, всякий негодный элемент лезет, и крестьянское общество от него не может избавиться.

Здесь говорили о самосуде. Да, это ужасное явление крестьянской жизни. Мне по прежней моей судебной деятельности приходилось знакомиться с такими судебными делами о крестьянских самосудах и в качестве товарища прокурора палаты приходилось быть в тяжелом положении – писать обвинительный акт о тех крестьянах,

которые учинили самосуд. А как они учинили самосуд? Завелись у них конокрады, от которых житья не было. В конце концов, крестьяне поймали этих конокрадов и начали бить, но как били: позвали всех должностных лиц в деревне, чтобы и те руку приложили, чтобы бить всем миром. Был там почтеннейший седой крестьянин, старик, проведший свою жизнь самым безупречным образом, чуть ли не лучший в деревне хозяин, какой-то десятский или сотский, и его притащили: «И ты, дедушка, ударь, чтобы отвечать всем миром». И дедушка тоже взял полено и тоже раза три этих конокрадов ударил. И т. к. это все были должностные лица крестьянского общества, то судить их должна была судебная палата, и вот я, исполняя обязанности товарища прокурора палаты, должен был об этих крестьянах писать обвинительный акт. Не написать обвинительного акта было невозможно по формальным основаниям. Я уже не присутствовал при том, как судили их в судебной палате, но аналогичные дела мне известны. Сословные представители начинают робко говорить: нельзя ли как-нибудь оправдать или поменьше наказание назначить, – но коронные судьи возражают: нет, нельзя, преступление налицо, убийство совершено. Смягчить наказание? Хорошо, но предъявляется обвинение к таким крестьянам по второй части ст. 1490 Улож[ения] [о] Наказ[аниях], и как вы ни смягчайте наказания, вы из каторжных работ выйти не можете, обязательно каторжные работы.

Вот, г<оспода>, каково положение судей. Правда, вы теперь говорите, что по должностным делам должны судить не судебные палаты с участием сословных представителей, а присяжные заседатели. Допустим, что это войдет в жизнь, хотя еще не вошло. Что же получится тогда? Тогда получится, что всех этих избивателей будут повально оправдывать. По таким делам, несомненно, не

будет ни одного обвинительного приговора в суде присяжных. Тогда это будет прямое поощрение самосуда. Теперь все-таки эти «дедушки» немножко, когда надо бить, колеблются, бьют потому, что мир хочет и житья нет, но все-таки чувствуют, что это не так легко и просто. Тогда избиение пойдет сплошь. Будет простой способ – поймать и избить, а суд наверняка оправдает. Несомненно, вы толкаете на это народ.

Укажу и другой случай из моей судебной практики. В Гродненском суде судилась огромная конокрадская шайка. Были там крестьяне, была масса жидов – переводчиков лошадей даже за границу, была и полиция, даже местный исправник был участником этой шайки и пошел в арестантские отделения. Дело было крупное и тянулось несколько дней. Положение было такое: сегодня, скажем в понедельник, дает крестьянин на суде изобличающие шайку показания, а во вторник мы получаем телеграмму, что произошел пожар и дом этого свидетеля сгорел. Вот, г<оспода>, до чего достигает террор, когда в деревне свила гнездо преступная деятельность. Что, спрашивается, крестьянам делать? Полиции нет, следственный институт в самом жалком состоянии, управы никакой нет, единственно, что остается, – таких людей по приговору общества ссылать. Раньше такие высылки были на казенный счет, теперь высылают на счет самих же обществ. Это обществу чрезвычайно дорого стоит, и, тем не менее, общество все-таки приговаривает к высылке. Лучше заплатить, только бы получить спокойствие. Вы крестьян лишаете и этого под предлогом расширения крестьянских прав. Да вовсе нет, вы в этом полезном законопроекте все норовите провести всякие радикальные поправки, которые диктуются вовсе не крестьянскими интересами, а совершенно иными – интересами, напр[имер], еврейскими; ведь была поправка,

шедшая от трудовой [3] и кадетской партий, о том, чтобы евреям дать права гражданской службы. Затем вы вносите поправку выборную, которая тоже, собственно, к крестьянам имеет мало отношения, а имеет отношение к выборам в Государственную Думу. Теперь вы вносите эту поправку, которая диктуется, конечно, не интересами крестьян, а общелиберальными, общерадикальными соображениями, радикальным трафаретом; другими словами, на этот законопроект вы насаживаете таких, я бы сказал, наездников, – такой термин даже существует в парламентских странах: когда идет, напр[имер], роспись, бюджет, то на него вдруг натыкают поправочки по мотивам, что, мол, роспись отвергнуть не посмеют, значит, пройдет и эта поправка.

Так и тут: слушается большой полезный законопроект о крестьянах, и вот на него насаживают таких всадников и говорят: ладно, крестьянская шея много вынесла, она и это вынесет. Не посмеют отвергать законопроект ради того, что он нужен крестьянам, – пройдет и эта наша затея, ничего общего с крестьянством не имеющая. Такая тактика, г<оспода>, в вопросе о правах крестьян, мне думается, неподобающая.

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 4. Заседание 56. 14.06.1916. Речь Г. Г. Замысловского о борьбе с немецким засильем в деревне

Председательствующий. […] По поводу повестки следующего заседания поступило заявление члена Государственной Думы Замысловского. (**Замысловский**: «Просим огласить».) «Просим поставить на повестку следующего заседания непосредственно после рассма-

триваемого законопроекта <вопрос> о борьбе с немецким засильем, числящийся за общим собранием». Член Государственной Думы Замысловский.

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Заявление, только что прочитанное, сводится к тому, чтобы после рассмотрения законопроекта о водворении трезвости поставить на повестку обсуждение в общем собрании Думы доклада, изготовленного Комиссией о борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни[1]. Доклад этот носит довольно пространное заглавие: «По законопроектам о землевладении и землепользовании в Государстве Российском австрийских, венгерских, германских и турецких подданных и некоторых разрядов австрийских, венгерских и германских выходцев; об изменении и дополнении узаконений 2 февраля 1915 г. относительно землевладения и землепользования подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских и германских выходцев». Суть этого длинного заглавия сводится к тому, чтобы ликвидировать площадь землевладения, принадлежащего подданным воюющих с нами держав. Мне точно не известно, когда последует роспуск Государственной Думы, но, судя по тем разговорам, которые здесь были, и по газетным сведениям, это состоится 20 июня. Но даже и до этого времени мы при желании имели бы достаточный срок, чтоб названный законопроект рассмотреть, если мы принялись бы за него после рассматриваемого ныне законопроекта о водворении трезвости. Едва ли нужно доказывать всю важность и всю спешность законопроекта о ликвидации немецкого землевладения. Спешность его несомненна, потому что

[1] Комиссия «о борьбе с немецким засильем» во всех областях русской жизни была создана в августе 1915 г. в Государственной Думе по инициативе правых.

огромная площадь земель, и земель чрезвычайно ценных, не имеет определенного хозяина; неизвестно, кто будет этим хозяином в самом непродолжительном времени. Понятно, что оставлять земельные площади высокой ценности, высокой культуры в таком состоянии не приходится. Вопрос этот надо решить быстро, твердо и определенно. Земельная собственность не терпит того, чтобы не <было> известно, кто являлся ее хозяином. Далее вам высказывалось уже, что мы, правые, тесно связываем настоящий законопроект с тем, чтобы наградить землей наиболее отличившихся ветеранов войны, чтобы этим ветеранам по возвращении их с поля брани была предоставлена возможность на чрезвычайно льготных условиях приобрести хотя бы небольшие земельные участки. (*Голос слева*: «Не только немецкие, но и русские».) Вы не можете опять-таки отрицать, г<оспода>, насколько это вопрос важный и насколько он спешный. Нельзя с ним медлить, к окончанию войны этот вопрос должен быть решен. У правительства, у государства должен быть совершенно определенный план, как поступить с этой огромной площадью ликвидируемых земель. Все это доказывает, что с настоящим законопроектом надо спешить. Мы же опасаемся, что с ним будут не спешить, а будут медлить. Мы памятуем, что когда была в начале опубликована программа прогрессивного блока [1], то в ней о борьбе с немецким засильем не было сказано ни звука. (*Голос слева*: «Об этом Хвостов [2] говорил несколько раз».) Лишь потом, когда по этому поводу появились заявления: как, мол, это странно, что вот большинство Государственной Думы куда-то спрятало такой вопрос, как борьба с немецким засильем, – только после этого в программе прогрессивного блока появился вопрос о борьбе с немецким засильем. Тем не менее, когда прогрессивный блок составил программу работ и

этой программе он будто бы хочет следовать, то в таковую программу законопроекты о борьбе с немецким засильем включены не были, а т. к. этой программы хватит года на 3-4, то совершенно ясно, что если прогрессивный блок будет идти в порядке опубликованной им программы, он до немецкого засилья не доберется, вероятно, никогда и уж во всяком случае не доберется в благопотребное время. На нашей памяти и другое – это то, что происходило в III Государственной Думе. Там был внесен законопроект об ограничении землевладения немецких колонистов в Юго-Западном крае, главным образом, в Волынской губ[ернии]. Само собой разумеется, что по существу против этого законопроекта возражать было так же мудрено, как мудрено возражать и против предлагаемого нами законопроекта. Открыто говорить, что не нужно ликвидировать земли, принадлежащие неприятельским подданным, невозможно: это слишком непопулярно; но есть другой способ отыграться от вопроса: пустить дело в затяжку, вовсе не подвергать его рассмотрению, и опыт, как пускаются в затяжку подобные запросы, мы имели; мы имели его на вопросе об ограничении землепользования немецких колонистов. И ведь тогда в III Думе по существу против законопроекта никто не возражал, но каждый раз, когда возникал вопрос о постановке этого законопроекта на повестку, находились тысячи благовиднейших предлогов, что надо рассматривать не это, а что-то другое, и законопроект так и остался нерассмотренным. А каковы последствия? Если бы своевременно принялись за немецких колонистов в Волынской губ[ернии], в Юго-Западном крае, то, г<оспода>, сколько бы жизней, жизней русских солдат было бы спасено! (*Голоса справа*: «Верно».) Но это кое-кому было невыгодно в избирательном отношении. Было невыгодно тем, кто проходит в Думу немецкими

голосами, и законопроект не попал на повестку. Неужели вы повторите такое преступление в отношении того законопроекта, на рассмотрении которого мы настаиваем? Вспомните, г<оспода>, чего стоило нерассмотрение того законопроекта! Это стоило жизни русских солдат, это, может быть, замедлило, затянуло наши успехи на юго-западном фронте, который кишмя кишит шпионами, где все переполнено владениями весьма подозрительных немецких колонистов. И что же, когда мы теперь говорим о необходимости рассматривать этот законопроект, мы опять наталкиваемся на обструкцию. Законопроект, видите ли, прекрасный, никто против этого не возражает, но блоку нет времени. У него что-то такое более существенное. Так, г<оспода>, имейте, по крайней мере, мужество сказать: мы этого рассматривать не хотим, потому что… ну, потому, что в избирательном, в каком угодно ином отношении нам это не подходит. (*Голос слева*: «А вы демагогией занимаетесь».) Так и скажите, или же примитесь за рассмотрение этого законопроекта. Вот тут кн[язь] Мансырев [3] выступал. Он хочет отыгрываться на каких-то привилегиях прибалтийских дворян. Может быть, надо отменить эти привилегии? (*Смех слева*.) Я против этого не возражаю, я буду голосовать за отмену этих привилегий, но этот вопрос бесконечно меньше и несущественнее по сравнению с тем, что имеется громадная площадь земли, и у этой земли нет определенного хозяина. Надо сказать, кто же ее хозяин и при каких условиях этому хозяину эту землю передадут. Так не затягивайте этого законопроекта и не отыгрывайтесь всякой вашей либеральной дребеденью. (*Голос слева*: «Демагог»; *рукоплескания справа*.)

Заседание продолжается под председательством М. В. Родзянко [4].

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 13. 04.11.1909. Речь Г. Г. Замысловского по рабочему вопросу

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. По настоящему запросу было произнесено очень много речей, исходивших не только от той фракции, которая внесла запрос, от фракции социал-демократической, но и от кадетской партии, от польского коло и от партии октябристов; все эти ораторы расписывались в любви «к угнетаемым правительством рабочим». Но дело-то вот в чем: из прений по запросу для рабочих решительно ничего не выйдет, им не будет ни жарко, ни холодно, но зато положение их может существенно улучшиться от тех законопроектов, касающихся положения рабочих, которые находятся в рабочей комиссии Государственной Думы. И вот в то время, когда центр очень охотно выдвигает настоящий запрос и по нему начинаются бесконечные прения, в то время, когда представители этого центра проливают слезу сочувствия на грудь «угнетаемых правительством рабочих», те законопроекты, которые действительно могут облегчить участь рабочих, упорно держатся в ко-

миссии и никоим образом попасть в Общее Собрание Думы не могут; не могут потому, что центр все больше и больше делается представителем крупных торгово-промышленных классов. Один из этих представителей, член Думы Протопопов [1], крупный фабрикант, весьма жаловался с думской кафедры на то, как угнетены рабочие правительством. Я бы ему посоветовал лучше позаботиться, чтобы поскорее были рассмотрены лежащие в комиссии законопроекты о рабочих, тогда рабочим было бы гораздо лучше, чем от совершенно бесплодных прений по настоящему запросу. Целая речь, речь бар[она] Мейендорфа [2], была посвящена специально вопросу, почему центр принял запрос. Очевидно, значит, уже это как бы дело государственной важности, и в целой речи понадобилось объяснять основания столь важного явления, причем объяснение было чрезвычайно странное и малоубедительное. Бар[он] Мейендорф говорил, что, по его мнению, незакономерность правительства заключается в следующем: губернские присутствия выносят по делам о союзах целый ряд очень пестрых решений, а правительство не спешит пресечь эту пестроту циркулярами. Г<оспода>, много было вин и преступлений у правительства, но это преступление – *crimen novum atque inauditum*[1]. Всегда обвиняли правительство в том, что оно издает слишком много циркуляров, совершенно заслоняющих собою законы. Теперь, оказывается, спасение государственной правомерности и свободы заключается в том, что правительство должно издавать больше циркуляров, и в вину ему ставится, что оно издает их слишком мало. Едва ли, г<оспода>, это действительно то основание, по которому центр счел нужным выдвинуть настоящий запрос и так много о нем разговаривать.

[1] Преступление новое и неслыханное (лат.).

Что касается взгляда на профессиональные союзы и на профессиональное движение, то я уже его высказывал ранее, когда прения шли о принятии запроса. Не изменяю этого взгляда и теперь. Само собой разумеется, что профессиональные союзы в качестве союзов беспартийных, стремящихся улучшить быт рабочих, чуждые политике, – явление весьма желательное, явление, которое надо приветствовать. Но именно г<оспода> социал-демократы и не позволяют создаться таким союзам, ибо немедленно настаивают, чтобы всякий профессиональный союз был окрашен социал-демократической программой и из внепартийного превратился бы в революционную ячейку. Доказать это можно литературой самих социал-демократов, их статьями, их постановлениями. К такому доказыванию я и приступаю. Я буду ссылаться исключительно на литературу, исходящую от социал-демократов. (*Голос слева*: «Исходящую от профессиональных союзов, а не от подпольных».) Первый документ, который мне бы хотелось огласить, – это извещение Центрального комитета партии об объединительном съезде, бывшем (*голос слева*: «Откуда вы знаете?») в Стокгольме [3] (*читает*): «Товарищи, состоялся новый съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Этот съезд собрался после того, как вся страна и вместе с тем российский пролетариат пережили ряд бурных дней революции. Фактом крупнейшего значения явилось состоявшееся уже на самом съезде объединение социал-демократии, объединение социал-демократов Польши и Литвы и выработка проекта объединения с латышской социал-демократической рабочей партией и бундом[1]». Дальше следуют резолюции съезда, касающи-

[1] Бунд (от нем. Bund – союз, объединение, общество) – «Всеобщий еврейский рабочий союз в России, Литве и Польше»; еврейская революционная организация (создана в 1897 г.), сыгравшая значительную роль в развязывании революционного террора в 1905–1907 гг.

еся крестьянского движения, отношения к Государственной Думе, к вооруженному восстанию, к партизанским действиям и, наконец, к профессиональным союзам. Вот что говорит о них съезд (*читает*): «Принимая во внимание, во-первых, что профессиональное движение является необходимым составным элементом классовой борьбы, а профессиональные союзы – элементом классовой организации пролетариата; во-вторых, что по существу преследуемой цели профессиональные союзы должны стремиться к организации самых широких пролетарских масс; в-третьих, что профессиональные союзы в революционную эпоху, помимо защиты экономических интересов рабочего класса, втягивают пролетариат непосредственно в политическую борьбу и содействуют широкой организации и политическому объединению рабочего класса; в-четвертых, что в этой революционной атмосфере рабочие массы, организуясь и политически объединяясь, все более и более становятся под знамя социал-демократии, съезд постановляет: 1) что партия должна поддерживать стремление рабочих к профессиональным организациям и всеми мерами содействовать образованию беспартийных профессиональных союзов; 2) что в этих видах, пользуясь всеми легальными возможностями, – и, в частности, законом о профессиональных союзах – следует непрерывно расширять легальные рамки, неуклонно борясь за полную свободу союзов; 3) что в союзы должны вступить все члены партии, принимая активное участие во всей деятельности союза и постоянно укрепляя в среде членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы в органической борьбе и агитации связать союз с партией».

Совершенно определенная программа. В таком же духе высказался и Лондонский съезд [4], бывший в 1907 г. Здесь опять ряд резолюций, и, между прочим, об отчете

думской фракции II Государственной Думы (*читает*): «Съезд, выслушав отчет думской фракции, признает, что она в своей деятельности, в общем и целом, стояла на страже интересов пролетариата и революции, и выражает уверенность, что фракция и впредь будет служить делу российского пролетариата в согласии с директивами съезда под руководством Центрального комитета». Таким образом, съезд, удостоверяя, что фракция социал-демократов во II Думе служила делу революции, надеется и на последующее такое же – т. е. революционное – поведение социал-демократической фракции. Дальше идет резолюция о профессиональных союзах (*читает*): «В целях расширения и укрепления влияния социал-демократии на широкие массы пролетариата необходимо, с одной стороны, усилить работу по организации профессиональных союзов и социал-демократическую пропаганду и агитацию внутри, а с другой стороны, привлекать все более и более широкие слои рабочего класса к участию во всякого рода партийных организациях. Подтверждая резолюцию объединительного съезда[1] о работе в профессиональных союзах, съезд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работавшим в профессиональных союзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них: о содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства социал-демократической партии, а также установление организационной связи с нею».

Таковы, г<оспода>, постановления съездов. Литература социал-демократии говорит о том же самом. Передо мной газета «Вперед» [5] – орган Петербургского, Московского, Московско-окружного, Курского и Уральского областного комитета Российской социал-демократической

---

[1] То есть IV съезда РСДРП, который прошел в Стокгольме в апреле–мае 1906 г.

рабочей партии, № 20 от 19 января 1908 г. Здесь очень обстоятельная статья: «Профессиональные союзы и рабочая партия». В статье, между прочим, читаем (*читает*): «Опустить возможность связать самую будничную борьбу рабочих за непосредственные интересы с общеклассовой борьбой за социализм нам кажется совершенно непонятным, более того, непростительным со стороны социал-демократии. Что может сделать та, сравнительно небольшая, кучка рабочих, находящихся в рядах социал-демократии, раз остальная масса, организованная в профессиональные союзы, в решительный момент, напр[имер] в момент социальной революции, не поддержит их, а даже, может быть, совсем от них отвернется». Г<оспода>, совершенно ясна цель профессиональных союзов для социал-демократической партии. Социал-демократов небольшая кучка, а в момент социальной революции им нужна поддержка широких масс, для чего они и идут в профессиональные союзы, стараясь втянуть в свою партию и эти широкие массы. Цитирую дальше (*читает*): «То, чего хочет партия, это путем агитации и пропаганды способствовать и закреплять более тесную связь союзов с партией. Революционная борьба породила наши профессиональные союзы». – Большей откровенности требовать нельзя. – «И в этом мы еще больше убедимся, если взглянем на то количество союзов, которое дал октябрьский подъем [6], и на те программы, которые они выставляют, – в большинстве из них встречаются политические требования». Вот что пишет газета «Вперед» за № 20. Но и в других произведениях социал-демократической литературы находятся не менее откровенные и поучительные признания. Так, напр[имер], в газете «Социал-демократ» [7] № 1 за февраль 1908 г. пишется (*читает*): «Последняя резолюция Центрального комитета, принятая единогласно, призы-

вает к усилению рабочего профессионального движения в духе лондонской и штутгартской [8] резолюций, т. е. ни в коем случае в духе принципиального признания нейтральности или беспартийности профессиональных союзов, а, наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно более тесному сближению союзов с социал-демократической партией».

В газете «Рабочий по металлу» № 10 от 5 сентября 1907 г. значится следующее (*читает*): «Необходимо проникновение союзов социалистическим духом; необходим солидный боевой фонд», и в № 23 от 15 октября (*читает*): «В нелегальные союзы широкие массы или вовсе не идут, или идут неохотно. При нелегальности наступает разложение, остывает энтузиазм. Необходимо хвататься за каждую возможность легального существования». Совершенно ясно, что профессиональные союзы – это та реторта, в которой рабочие, совершенно чуждые революционному движению, превращаются в революционеров. И вот для этого нужна легализация; легализация нужна, чтобы заманить в союз тех рабочих, которые не желают идти в нелегализованные союзы и общества. Тут прямо сказано: «В нелегальные союзы широкие массы не идут», и вот надо под каким бы то ни было предлогом добиться легализации, залучить широкие массы. Тогда можно сказать: «Чего же вы боитесь? Союз легализован». Залучив туда мирных, спокойных рабочих, надо превратить их в те социал-демократические массы, на которые кучка руководителей могла бы опереться, когда настанет социальная революция.

В совершенном соответствии с этой программой находится картина ликвидации союзов. Из этой ликвидации тоже приведу несколько примеров. 1 июля 1906 г. был обыск в профессиональном обществе московских булочников, где нашли нелегальный устав, в коем зна-

чилось (*читает*): «Отстаивание всеми вообще рабочими булочного производства своих общих пролетарских классовых интересов, руководствуясь при этом программой Российской социал-демократической рабочей партии». В Харькове, в Союзе портных, обязанности секретаря исполнял зимой 1907 г. Хаим Давидов Вейцман – студент Харьковского университета. Спрашивается: какое дело студенту Харьковского университета до профессионального союза портных? Там же бывал Вацлав Родзевич – председатель социал-демократической фракции Харьковского университета. В этом же Харькове, в Союзе рабочих печатного дела, выдающуюся роль играли Яков Цедербаум и его сестра Софья Натановна Цедербаум, а их брат, Пантелей Цедербаум, бежал за границу, ибо был секретарем Харьковского социал-демократического комитета. В Ростове-на-Дону 20 марта 1907 г. было задержано собрание Общества печатного дела, председателем которого оказался член социал-демократической партии Мордух Кункес. Замечательно, что в профессиональном движении в российских городах, как на подбор, руководители – все евреи. Дальше. Самарская социал-демократическая организация в марте 1907 г. была занята избранием делегата на предстоящий съезд и устроила ряд дискуссионных собраний; тут были представители большевиков, меньшевиков, бунда и сионистско-социалистической рабочей партии [9]. Все это происходило в помещении Профессионального общества портных и портних, в доме № 104 по Николаевской улице. И вот туда прибыл делегат от Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии Шапиро; собрание было накрыто полицией, но Шапиро успел сказать агитационную речь революционного содержания. Наконец, 19 января 1908 г. в Архангельске был произведен

обыск в Обществе рабочих печатного дела и обнаружено 300 нелегальных книг и брошюр, которые оказались пожертвованными сотрудником газеты «Северный листок» Беркою Липскеровым.

Из этого ряда фактов, взятых мною по самым разнообразным городам Российской Империи, вы можете понять, кто стоит во главе профессионального движения. Но самое интересное – это откровения, имеющиеся в журнале «Голос социал-демократа» [10] за февраль 1908 г.; чтобы вы оценили, насколько этот орган предназначается, так сказать, для своих людей, я прочту маленькую выдержку, хотя, может быть, к профессиональным союзам она прямого отношения не имеет. Говорится о думских «схватках», которые все более и более приобретают характер «столкновений двух не только политических, но и социальных укладов» (*читает*): «Быть может, наиболее ярко проявился этот характер думских схваток в том факте, что кадет, мирный буржуазный оппозиционер, выразитель самых элементарных требований буржуазного общества, становится все более и более главным объектом черносотенной травли. Проф[ессор] Милюков, этот депутат с чисто профессорским доктринерством и наивностью, наделавший уже в Думе тысячу бестактностей, вздыхавший по блоке с октябристами, рукоплескавший Столыпину, когда Родичев [11] оскорбил его чувствительную душу, Милюков чуть не насильно выталкивается черносотенцами на авансцену оппозиции». (**Гегечкори** *с места*: «Это верно; сущая правда».) Вот насколько откровенно пишет журнал. (*Голоса слева*: «Верно».) Очевидно, настолько же правда и все, что там пишут так же правдиво о профессиональном движении. Я очень доволен, что вы (*обращаясь влево*) находите, что это сущая правда. Статья называется «Кризис профессионального движения». Вот что в ней нахо-

дим. Приведу выдержки, всего читать не буду. (*Голоса слева*: «Просим читать все – мы составим брошюру».) Это длинная статья (*читает*): «В Симферополе раскол, дрязги и дезорганизация достигли такой силы, что, когда полиция закрыла Союз портных, многие облегченно вздохнули». (*Голос справа*: «Вот это мило».) «Бакинский гудок» [12] в № 5 заявляет о местном профессиональном движении, что оно переживает критическое время; если оно не знаменует полного профессионального разброда и раздробления сил, то близко к этому. Газета прибавляет: «Это на Кавказе, где союзы блаженствуют сравнительно с остальной Россией». (*Голос справа*: «Это верно; на Кавказе попустительство»; **Гегечкори** *с места*: «Это в 1907 г.».) Нет, не в 1907 г., а в 1908 г. (Голос слева: «Прочтите лучше – не умеете читать».)

Председательствующий. Прошу без разговоров.

Замысловский (*читает*): «В Армавире анархизм вносит разврат в массы и причиняет рабочим организациям больший вред, чем полицейское преследование». (**Марков-второй** *с места*: «Вот это хорошо».) Далее идут выводы: «Картина кризиса профессионального движения показывает, что он обусловливается не только внешними причинами, полицейскими преследованиями, но и внутренними реакцией и настроением пролетариата. Кризис профессионального движения может быть устранен радикально только в тесной связи с возрождением политической жизни пролетариата. (*Голоса слева*: "Правильно".) Не только политическим прикрытием, но и постоянным источником деятельных сил должна быть партия для союзов, чтобы обеспечить и развитие их, и живую связь с социал-демократией». В заключение своей речи скажу только несколько слов о социал-демократических директивах, которые депутат Кузнецов пробовал отрицать. В том же журнале «Голос

социал-демократа» Центральный комитет обращается ко всем профессиональным союзам Империи и говорит: «Наша фракция вносит в Думу запрос, а потому извольте представить сведения по целому ряду пунктов». Следует масса пунктов, всех их 19, но я 18 пунктов читать не буду, а 19-й прочту (*читает*): «Как относится ваша организация к местным профессиональным союзам и к мысли об одновременном повсеместном выступлении пролетариата в форме одновременной стачки, демонстраций, собраний и т. д. в день запроса социал-демократической фракции в Думе о гонениях на профессиональные союзы». Из того, что сегодня ходят трамваи, горит электричество, идет работа на фабриках, я заключаю, что профессиональные союзы дали вам, г<оспода>, на это отрицательный ответ. (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 99. 09.04.1912. Речь Г. Г. Замысловского о положении на Ленских приисках

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Я принужден возражать против спешности запросов, ибо нахожу, что самые основания их неудовлетворительны. В запросах две стороны. Одна сторона – это отношение Ленского товарищества к своим рабочим. И в этой области мы, конечно, готовы усмотреть целый ряд незаконных, неправильных действий. Очень может быть, что со стороны Ленского товарищества шла самая бессовестная и беззаконная эксплуатация рабочих: в этом отношении, конечно, мы всецело к запросу присоединились бы. Но ведь центр тяжести запросов не в этой, а в другой стороне: в том,

что стреляли войска. Вот где незакономерность: почему войска стреляли, почему был расстрел, и особенно это подчеркнуто в запросе г<оспод> октябристов. Там о Ленском товариществе сказано совсем вскользь, а главный фокус устремлен на расстрел. Это обстоятельство и заставляет нас возражать против запросов по существу, а следовательно, и против их спешности, ибо мы утверждаем, что в том положении, которое создалось, войскам ничего не оставалось больше, как стрелять, они должны были стрелять и, стреляя, поступили совершенно правильно. А вот предшествующий момент, он действительно дает основание для запроса о незакономерности, но для запроса, обращенного исключительно к тем органам правительства, от коих зависят действия Ленского товарищества. Член Думы Скороходов [1] читал выдержку из газет о положении этого товарищества, положении совершенно исключительном, облеченном теми атрибутами власти, которые должны быть только у правительства. Мое внимание тоже остановила эта заметка, я даже ее себе вырезал, это перепечатка из «Сибирской жизни», воспроизведенная «Речью», № 95 от 8 апреля 1912 г. Да, действительно, там сказано все то, что нам читал член Государственной Думы Скороходов: «Ленское товарищество доставляет средства на содержание мировых судебных установлений, горно-полицейской стражи, личного состава почтово-телеграфных учреждений, горных исправников и их канцелярий, квартирного довольствия чинов горного надзора, на содержание Бодайбинской тюрьмы, на квартирное довольствие чинов местного тюремного управления и надзора – вся эта масса правительственных чиновников за получением жалованья вынуждена обращаться в кассу Ленского товарищества». Возмутительное положение, но ведь, г<оспода>, оно создалось не со вчерашнего дня. Ведь это положение,

установленное законом. Почему же до сих пор молчали г<оспода> сибирские депутаты, почему они ждали расстрела, чтобы заговорить об этих безобразиях? (*Голос справа*: «Правильно».) Что же, у них нет законодательной инициативы? Что же, они не могут вынести вышеописанного безобразного явления, которое как-никак существует по закону? Эти депутаты говорят нам: «Власть не посмеет сказать, что она о положении дел на Лене не знала». Ну а они посмеют сказать, что этого не знали? Они прекрасно знали. И после этого они смеют говорить о какой-то провокации. Если бы они действительно не допускали провокации, то первые в свое время сказали бы нам: вот как живется рабочим на Ленских приисках, измените их положение. Но эти господа ждали расстрела, чтобы всю историю можно было обернуть на правительственную власть. Г<оспода>, не мы, правые, будем защищать засилье капиталистов, напротив, мы считаем совершенно недопустимым, когда власть, высшая правительственная власть, лебезит перед этими капиталистами, когда она хочет создать из этих капиталистов какое-то первенствующее сословие, отодвигая на второй план и дворянство, и духовенство, и крестьянство, протягивая этим сословиям снисходительно два пальца и изгибаясь в то же время пред крупным торгово-промышленным классом. Этого положения мы одобрять не можем. (*Справа рукоплескания и голоса*: «Браво!».) Но в нем именно мы и видим главную причину происшедшего. Если вы будете и впредь допускать г<оспод> Гинсбургов [2] в такое положение, в какое они допущены, то вы добьетесь, что наших рабочих будут расстреливать не сотнями, а тысячами. Нельзя давать капиталистам тех атрибутов, которые должны быть только у государственной власти, а между тем это делается. Вот здесь мы видим главную причину того, что произошло на Ленских приисках. Сле-

ва много говорили о Тимирязеве [3], упрекали этого деятеля чрезвычайно, обвиняли его в самых невероятных поступках. Но ведь, г<оспода>, Тимирязев – это деятель, который ближе всего примыкает к кадетским кругам и, пожалуй, к левооктябристским, отчего же вы только теперь по поводу его действий спохватились? Гораздо меньше говорили левые ораторы о Гинсбурге, который стоит во главе Ленского предприятия. Но, г<оспода>, Гинсбурга мы уже всецело отдаем вам. Это именно вы всячески стараетесь, чтобы жиды пробрались к власти, и действительно добились того, что некоторые правительственные учреждения, вроде Киевской конторы Государственного Банка, превращаются в жидовские лавочки. Вот теперь вы доигрались и до последствий. (*Голоса справа*: «Браво!».) Создается ажиотаж и спекуляция около ленских акций. Такой ажиотаж, такая спекуляция, что возникает подозрение: да, может быть, сами заправилы и хотели всего этого разгрома, чтобы сыграть сначала на понижение, а потом на повышение. Я не знаю, так ли это было в действительности, но уже сама возможность таких подозрений ужасна. И когда обращаются к правительству, правительство говорит: таковы законы, таковы законы биржевой игры и банкирских контор. А почему же не меняют этих законов? Почему правительство их не меняет и почему вы не вносите соответствующих законодательных предположений? Я обращаюсь преимущественно к руководящей партии, ибо ее законодательные предположения могли бы рассчитывать на успех, и она, к сожалению, стоит ближе всего к кругам крупных капиталистов. (**Нисселович** [4] *с места*: «Вы теперь стоите»; **Володимеров** *с места*: «Нисселовичу не сидится на месте».) Нам говорят, что будто бы забастовка носила только экономический характер. Это, само собой разумеется, неверно; там был ряд агитаторов, которые, несомненно,

с почвы экономической старались подвигнуть рабочих на политические требования. Мы знаем, что на приисках были члены II Думы Толмачев [5] и Баташев [6], принадлежащие к социал-демократической партии, были и ссыльные поселенцы жиды Думке и Розенберг. Несомненно, там велась агитация на политической почве, ибо социал-демократы не признают только экономической забастовки, они это говорят лишь для отвода глаз, но по существу, конечно, для них всякая забастовка имеет смысл только как политическая, и это можно доказать на основании выдержек из их же органов.

Вот хотя бы газета «Звезда» [7], вчерашний номер, статья «Кровавый кошмар». Сначала она полемизирует с кадетами, говоря по их адресу следующее: «Эти самые господа из Партии народной свободы[1] солидаризируются с погромническим господствующим направлением в области подавления рабочего движения». Обозвав кадетов погромщиками, статья заключает так: «Поднимая свой голос в защиту свободы коалиции – т. е. свободы забастовок и свободы сходок, – поднимая свой голос в защиту свободы коалиций, все мыслящие пролетарии должны указывать на самую тесную и полную зависимость свободы коалиций от общих основ управления страной». Совершенно ясно, что авторы не мыслят экономической забастовки как таковой, а неразрывно соединяют ее с забастовкой политической. Цитирую далее: «Кто хочет свободы коалиций, кто действительно против кошмара кровавых дней, тот пусть ратует за полную демократизацию управления страной – вот единственно правильная линия поведения всех последовательных демократов». Вы, г<оспода> социал-демократы, только что говорили по адресу октябристов, чтобы они не лицемерили, а я говорю по вашему адресу, чтобы вы не

[1] Одно из названий Конституционно-демократической партии (кадетов).

лицемерили и сказали прямо, что Ленскую забастовку вели ваши агитаторы и старались вести ее на политической почве. Нам говорят о мирной толпе, которую будто бы расстреливали без всяких оснований. По-видимому, этой версии даже держался член Государственной Думы Гучков, – я извиняюсь, если я его неточно цитирую, т. к. я плохо его слышал. Но, г<оспода>, вот опять-таки выдержка из левого органа, из которой вы увидите, что это была за мирная толпа. Я цитирую газету «Речь», тот же № 95 от 8 апреля, а «Речь» воспроизводит статью «Киевской мысли» [8], составленную на основании корреспонденции, полученной из Бодайбо: «Рабочие Андреевского, Утесистого и Васильевского приисков, свыше 1000 чел[овек], утром явились к окружному инженеру Тульчинскому и потребовали освобождения арестованных товарищей. В противном случае рабочие заявили, что заберут всех рабочих Ленского товарищества и двинутся в Бодайбо для насильственного освобождения арестованных». Что же, скопище, угрожающее насильственным освобождением арестованных, – это мирная толпа, по-вашему? Цитирую далее: «Сроком освобождения рабочие назначили три часа дня. После обеда рабочие двинулись по направлению к Надеждинскому прииску, главной резиденции Ленского товарищества. По дороге к ним примкнули рабочие Ильинского, Профьевского и Андреевского приисков и т. д.». Как же говорить, что это мирная толпа? В тех же левых органах совершенно категорически устанавливается, что эта мирная толпа шла для насильственного освобождения арестованных. Можно говорить, г<оспода>, о том, правильны или неправильны были аресты, – это другой вопрос, но тогда я укажу только на то, что арестованные взяты под стражу по постановлению судебного следователя от 1 апреля, а следователь привлек их в качестве обвиня-

емых по ст. 125 Угол[овного] Улож[ения], если вы прочтете ст. 125 Угол[овного] Улож[ения] и признаете, что на приисках действовал особый стачечный комитет, – а этого, по-видимому, не отрицают и самые левые, – то вы увидите, что основания у следователя для такового привлечения были. Можно говорить, что следователь был пристрастен, что он мог в видах целесообразности ограничиться иной мерой пресечения, более слабой, – все это можно говорить, но формально постановление о взятии под стражу было, и, следовательно, говорить, что незаконно арестовали, никоим образом нельзя. Ну, а в смысле целесообразности? Вы теперь говорите, что не надо было арестовывать, тогда бы ничего не случилось, все было бы прекрасно. А если бы что-нибудь случилось и никто не был бы раньше арестован, то вы первые немедленно стали бы обвинять власть, стали бы говорить, что все это произошло потому, что не арестовали, – как, мол, это можно, безобразная толпа, стачечный комитет, почему же их не арестовали? В виду *растерянности власти*[1] – это подлинные слова Гучкова – все и теперь будто бы вышло. Куда ни повернуть – все у вас незакономерность. Просто вы к этой незакономерности придираетесь, чтобы бросить грязью в правительство, больше ни для чего. По поводу самого расстрела я позволю себе указать вам на закон, на ст. 30 Прил[ожения] к ст. 316 Общ[его] Учр[еждения] Губ[ернского] [9]. Это – «Правила о действиях войск оружием». Там совершенно категорически сказано: «Оружие холодное или огнестрельное может быть употребляемо войсками с соблюдением следующих правил: по передаче полномочий со стороны гражданских властей и после троекратного предупреждения сигналом на трубе для рассеяния неповинующейся толпы». Примечание: «Для предупреждения не-

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

повинующейся толпы ни стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами не должна быть допускаема». Таковы слова закона. Я утверждаю, что в данном случае в самой стрельбе решительно никакого нарушения закона нет. Этот самый ротмистр Трещенко [10], о котором так много здесь говорили, он вовсе не распоряжался стрельбой, он передал власть военному начальству, и военное начальство, т. е. строевой офицер, приказал дать сигнал на трубе. Был дан три раза сигнал на трубе, и после сигналов началась стрельба. Я утверждаю, что если бы офицер поступил иначе, то он подлежал бы суду, и вот тогда действительно была бы незакономерность с его стороны. (*Голоса слева*: «Значит, стрелять можно?».) Да, можно и в таких случаях до́лжно (*голоса справа*: «Верно; несомненно, так; обязательно»), потому что толпа идет на насильственное освобождение арестованных. За 160 шагов ее предупредили, чтобы она дальше не шла. К толпе отправился инженер Тульчинский, вмешался в толпу и начал ее уговаривать. Толпа, тем не менее, пошла дальше. В нее дали первый залп, но перед залпом толпа бросилась ничком, и, по-видимому, этот первый залп толпе особого вреда не причинил, т. к. после него толпа вскочила и с криком «Ура!» вновь бросилась на войска. (*Слева смех и голоса*: «Где вы взяли “Ура!”?».) Тогда уже на расстоянии 100 шагов действительно последовал тот расстрел, который причинил целый ряд убитых. Вот как было дело в действительности, и в этом никакой незакономерности ни со стороны ротмистра Трещенко, ни со стороны войск вы не усмотрите. Незакономерность есть только в действиях тех, кто поощряет всяких жидов Гинсбургов, кто поощряет г<оспод> Тимирязевых, кто вообще преклоняется перед этими капиталистическими вожделениями. (*Рукоплескания справа*.)

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 9. 20.11.1907. Речь Г. Г. Замысловского по польскому вопросу

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы! Я не буду говорить о правительственной программе во всей ее совокупности. (*Шум; звонок председательствующего.*) Я буду говорить только о небольшой части этой программы, именно о той ее части, которая касается жизни русского населения северо-западных окраин. Я вынужден говорить об этом ввиду тех положений, которые от имени польского населения окраин были здесь высказаны представителем польского коло, и которые мне представляются неверными и совершенно превратными. (*Шум; звонок председательствующего.*) Мы слышали в самый разгар революционного движения настойчивые требования польской автономии. Слово это и тогда грешило неопределенностью, но чем выше подымалась революционная волна, тем более, подобно воздушному шару, надувалось это неопределенное понятие и наполнялось весьма реальным содержанием. Спадала эта революционная волна, спадали эти назойливые требования. (*Шум; звонок председательствующего.*)

Понятие об автономии становилось все у́же и у́же, сжималось все теснее и теснее. (*Шум; звонок председательствующего.*) Теперь ораторы оппозиции признают, что революции нет, а есть лишь, по выражению одного из них, мертвая зыбь. И вот, признавая в первой части своей речи, что революционного движения нет, представитель польского коло Дмовский [1] во второй части своей речи уже ни разу не употребляет этого слова «автономия», и в этом мы уже видим прогресс. Но вместо неопределенного слова «автономия» выдвигается другое слово, которое звучит, пожалуй, не так сердито, но также неопределенно, это – «децентрализация». Если вы требуете ясных, определенных выражений от правительства, то и сами должны говорить с ним ясно и определенно. Правительство вам предлагает самоуправление (*голос*: «Не правительство; правительство предлагает вам…»; *шум; звонок председательствующего*), конечно, с ограждением русского языка, прав русской государственности, прав русского населения на окраине. И нам на это заявляют, что программа правительства поляков не удовлетворяет, и что нужно не самоуправление, а нечто иное – децентрализация. Итак, децентрализация – это немножко меньше автономии и немножко больше самоуправления; но что же это такое? Мы этого не знаем и из заявления представителей польского коло знать не можем. Так вот, раз вы требуете от нас определенности и ясности, то потрудитесь и вы ясно нам сказать, чем это ваша децентрализация, с одной стороны, отличается от автономии, о которой вы теперь больше не говорите, и, с другой стороны, от того самоуправления, которое нам предлагается, но которое вы критикуете.

Раз вы не заявляете этого точно, ясно и определенно, никакого дальнейшего сговора, мне кажется, быть не может. Но если полная неопределенность усматривается в

ваших требованиях децентрализации, то вполне определенными чертами определяется та критика, с которой вы выступаете в отношении правительственной программы. Вы говорите, что правительство вносит в край культурное разорение. В Северо-Западном крае в последние годы действительно наступает культурное разорение, и в этом представитель польского коло совершенно прав, но он глубоко неправ, говоря, что виною культурного разорения является правительство. Мы знаем, что в сельских местностях Северо-Западного края воинствующее католическое духовенство во что бы то ни стало препятствует католикам-белорусам пускать детей в русскую школу. Если католик-белорус осмелится пустить своих детей в русскую школу, польский ксендз лишает его причастия. (*Голоса слева*: «Неправда»; *справа*: «Правда».)

И нам говорят после этого, что Русское правительство вносит в край культурное разорение! Нам говорят это после того как, невзирая на то, хорошая или плохая школа, ее бойкотируют только потому, что она – школа русская. (*Голос слева*: «Церковная».) В край вносят проповедь религиозного фанатизма, и результат этой проповеди налицо. Я позволю себе сослаться на два примера, чтобы дольше не останавливать ваше внимание. В начале 1906 г. в Виленской губ[ернии], недалеко от гор[ода] Сморгони [2] толпа местных жителей-католиков ворвалась в православную Венславенентскую церковь, выломала двери, вынесла всю церковную утварь за ограду храма, где и свалила все в кучу. Когда приехали власти и вся утварь снова была внесена в церковь, а врата церкви заперты, через некоторое время, дней через десять, снова пришла толпа народа, снова выломала дверь, снова вынесла утварь на церковный двор; мало того, сняла с места деревянный иконостас, а т. к. он не проходил в двери, его сломали пополам, все это свалили за ограду

в общую кучу, сожгли, и зарево пожара освещало местность на несколько верст в окружности. (*Шум; голоса*: «Где это было?».) Это было в Венславенентской церкви, в 14 верстах от гор[ода] Сморгони. Об этом есть судебное дело в Виленском окружном суде. (*Шум; голоса*: «Просим не перебивать»; *звонок председательствующего*). В гор[оде] Вильне – бесчисленные крестные ходы, в гораздо большем количестве, чем даже в С.-Петербурге, где, несомненно, населения гораздо больше. В этих крестных ходах несут хоругви, на одной из них изображена местная святыня – Божья Матерь Остробрамская [3], а под изображением написано: «1831, 1863, 1905»[1]. Вы говорите, господа, о культурном разорении и утверждаете, что это разорение вносит Русское правительство. Нет, его вносит воинствующий католицизм, религиозный фанатизм. Но вы спросите: неужели этот религиозный фанатизм ведется ради, так сказать, самодовлеющей цели, *an und für sich*[2]. О, нет! Заправилами его являются люди, которые, мне кажется, довольно равнодушны к религиозным вопросам и, во всяком случае, не являются религиозными фанатиками. Тут другой умысел, другая цель, весьма дальновидная и хитрая.

В Северо-Западном крае сельское население состоит из белорусов, вся толща его – крестьяне-белорусы. Часть этих белорусов православная, часть католиков. И вот делается все возможное, чтобы, закалив этих католиков-белорусов в религиозном фанатизме, отвадив их от русской школы, затем им сказать: «Ты католик, значит, ты должен чуждаться всего русского, потому что русский – это православный. Ты католик, значит, ты поляк», – подставляется под вероисповедный принцип, принцип наци-

---

[1] Здесь Г. Г. Замысловский перечисляет годы, в которые происходили крупнейшие польские восстания против Царской власти.

[2] Сам (сама, само, сами) по себе, в сущности, собственно (нем.).

ональный, под вероисповедное различие – национальное различие. Вот для чего предпринимается это культурное одичание, вот для чего отваживается народ от русских школ. Вот для чего сжигается утварь в русских церквах и ведется проповедь религиозного фанатизма! Таким образом, мы попадаем в заколдованный круг. Народ не идет в русские школы потому, что он пропитан религиозным фанатизмом, а пропитан он религиозным фанатизмом потому, что не идет в школы. И вот мы, русские представители западной окраины, пришли в Думу с твердым намерением этот круг разорвать. Мы постараемся поднять русскую школу настолько высоко, чтобы даже проповедники религиозного фанатизма не помешали бы местному католическому населению туда идти, ибо были бы видны совершенно ясно те плодотворные результаты, которые школой даются. Но, с другой стороны, мы не должны остаться равнодушными к тому поведению католического духовенства, о котором я говорил. Это духовенство выписывает специальных проповедников из-за границы, которые ведут самую ненавистническую проповедь. Во главе этого духовенства до последнего времени стоял воинствующий епископ, который всячески разжигал народные страсти, и правительство только недавно решило его, наконец, убрать, хотя надо было это сделать полтора года тому назад. Когда этот епископ был, наконец, уволен, то на основании Высочайшего повеления, на основании русского закона виленскому капитулу предложено было выбрать ему заместителя. Но виленский капитул отказался это сделать. Он отказался исполнить Высочайшее повеление и сослался на какую-то папскую энциклику, которая действительно шла вразрез и с русскими законами, и с Высочайшим повелением.

Нам говорят, что должны быть равные права, должны быть и равные обязанности, и равная ответственность.

Я спрашиваю вас: осмелился ли бы русский батюшка вести такую пропаганду, которую ведут католические прелаты, осмелилась бы русская консистория не исполнить Высочайшего повеления, как это делает виленский капитул? Вот почему мы говорим католическому духовенству: или прекратите вашу проповедь религиозного фанатизма и племенной вражды, или мы будем настаивать, чтобы были приняты такие меры, в силу коих духовенство это подчинялось бы распоряжениям Русского правительства и только распоряжениям Русского правительства, а не каким-то папским энцикликам.

Далее. Депутат Дмовский, говоря о бюджете, утверждает, что русские деньги тратятся непроизводительно, ибо они тратятся на уничтожение культурных особенностей края, национальных его особенностей. Да, конечно, уничтожение культурных национальных особенностей – дело вредное, и на это ни одного гроша русских денег тратить не следует; но, я думаю, то, что на языке г. Дмовского называется уничтожением национальных культурных особенностей, на нашем языке, на языке русского населения окраин называется совсем иначе: это называется борьбой с инородческим сепаратизмом; и вот на это, на эту борьбу деньги тратить надо, и эти деньги не будут истрачены непроизводительно.

Я не буду копаться в исторических первопричинах, но констатирую тот несомненный факт, что инородческий сепаратизм живет. В то время, когда государство находится в спокойном состоянии, он тлеет, он незаметен; но когда государство переживает кризис, он вспыхивает ярким пламенем, и это пламя грозит объять пожаром всю страну. Один такой кризис мы пережили[1], и мы видели, чего он нам стоил; мы его перестрадали. Но русская история продлится, надо надеяться, много веков;

1 Имеется в виду революция 1905–1907 гг.

хода ее мы переменить не можем, и, вероятно, у нас будет еще не один государственный кризис; и во время такого кризиса уже поздно будет тушить тот пожар, который снова возгорится из-за сепаратистических страстей инородцев. Вот почему в спокойное время мы должны создать себе такое положение, чтобы этого пожара более быть не могло, и на западных окраинах мы, прежде всего, должны создать сильный класс крестьянского землевладения, русский по духу. (*Справа*: «Верно»; *рукоплескания*.) Мы должны вырвать его из той экономической, еврейской и польской кабалы, в которой он находится в настоящее время (*рукоплескания справа; звонок председательствующего*), и для этого, прежде всего, создать доступный ему, правильный кредит, а затем мы должны позаботиться, чтобы подготовить такую площадь землепользования, которую со временем можно было бы ему передать и укрепить таким образом тот оплот русской государственности, который бы позволил нам больше не бояться вспышек инородческого сепаратизма даже в том случае, если мы снова будем переживать государственный кризис. (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 56. 29.04.1908. Речь Г. Г. Замысловского о западном земстве и о Положении об усиленной чрезвычайной охране

Замысловский (Виленская губ.). Господа члены Государственной Думы, смета Министерства внутренних дел касается предметов столь разнообразных, что дать более или менее исчерпывающее изложение всех предметов решительно нет возможности. Если попробовать

это сделать, то получится калейдоскоп, не будет цельного впечатления. Здесь у нас и генерал-губернаторы, и санитарные врачи, и, наверное, духовенство, и Департамент полиции, и т. д., и т. д. Если нужно выбирать, то поневоле я главное свое внимание должен сосредоточить на таких вопросах, которые ближе всего касаются местности, избирателями коей я прислан сюда.

В бюджет внесено сравнительно очень маленькое ассигнование – 15 400 руб., касающееся содержания в западном крае губернских предводителей дворянства. Но это маленькое и весьма скромное, по-видимому, ассигнование повлекло весьма серьезные последствия, оно повлекло пожелание бюджетной комиссии, чтобы в девяти западных губерниях были восстановлены дворянские выборы. Это пожелание касается такой серьезной отрасли местной жизни, что представителям необходимо самым серьезным образом на нем остановиться.

Первое, на что мы наталкиваемся, это то обстоятельство, что означенное пожелание почти буквально воспроизводит Высочайшее повеление 5 мая 1905 г.; таким образом, казалось бы, с формальной стороны пожелание покоится на совершенно незыблемом основании. Само собой разумеется, не мы, правые депутаты, будем оспаривать то положение, что Высочайшее повеление надо проводить в жизнь и исполнить беспрекословно. Обращаясь к этому Высочайшему повелению 5 мая 1905 г., мы в п. 5 его действительно находим следующее (*читает*): «Восстановить в девяти западных губерниях производство дворянских выборов, предоставить министру внутренних дел разобрать и внести в Государственный Совет в возможно непродолжительном времени предположения свои, касающиеся дворянских собраний и восстановления пределов прав и обязанностей предводителей дворянства в этих губерниях». Почти буквально воспроиз-

водит и бюджетная комиссия вот эту ст. 5, но, господа, всем этим статьям – и пятой, и четвертой, и второй, и первой – предпослано в Высочайшем повелении нечто, имеющее принципиальный характер. Сказано так (*читает*): «Ныне по обсуждении в Комитете Министров [1] вопросов, относящихся к ограничительным постановлениям, действующим в девяти западных губерниях, Мы признали за благо смягчить действие означенных постановлений и уповаем, что принимаемое Нами решение побудит все отдельные части населения этих искони русских областей к благотворным, в видах процветания края, трудам в теснейшем единении с русскими по происхождению местными жителями, и сообразно сему постановляем…», дальше идут те отдельные пункты, в числе коих был и оглашенный мною п. 5. Таким образом, оставаясь в пределах рассуждений чисто формальных, мы должны констатировать, что содержание п. 5 должно быть введено в жизнь под известным условием. Если осуществится упование о том, что инородческое население западных губерний вступит в тесное общение, в тесную связь с населением русским, – сообразно с этим и далее идут отдельные статьи. Я мог бы привести целый ряд фактов чрезвычайно убедительных, фактов документально обоснованных, что после 5 мая 1905 г. инородческое население девяти западных губерний не только не пожелало вступить в тесное единение с населением русским, но, наоборот, оно сбросило с себя ту маску лояльности, которой прикрывалось до поры до времени, и, очевидно, переоценив силу революции, переоценив значение того кризиса, который переживала Россия, целиком развернуло свои боевые силы. Но если бы я привел вам даже самые убедительные документальные данные, то с формальной точки зрения то, что говорит бюджетная комиссия, не было бы опровергнуто; мне бы

сказали: «У нас все-таки есть Высочайшая воля, ее надо исполнять». Вот почему, не вдаваясь в подробное изложение тех фактов, на которые я указал вскользь, я прямо сошлюсь на другое позднейшее Высочайшее повеление – именно на закон 3 июня 1907 г. [2] В этом законе права польского представительства ограничиваются и, кроме того, в некоторых из западных губерний, именно в губерниях Виленской и Ковенской, вводится отдельное представительство в Государственную Думу от русского населения этих губерний. Русские избиратели совершенно отдельно от остальных избирают выборщиков; эти выборщики составляют избирательные собрания и опять-таки совершенно отдельно от инородческого элемента посылают своих представителей в Думу; они посылают особо, инородческий элемент посылает особо. Когда состоялось такое позднейшее Высочайшее повеление, закон 3 июня 1907 г., то, само собой разумеется, что этим Высочайшим повелением констатирован тот несомненный факт, что Высочайшему упованию, выраженному в повелении 5 мая 1905 г., не суждено было осуществиться, единения не последовало, а, напротив, последовало разъединение. И вот разъединение констатировано Высочайшим повелением 3 июня 1907 г. С точки зрения формальной мне, может быть, скажут, что в законе 3 июня 1907 г. не упоминается об отмене Высочайшего повеления 5 мая 1905 г. (*Голос слева*: «Это правильно».) Да, это правильно, но п. 5, о котором я говорю, ведь он не содержит в себе никакого закона, он содержит в себе только общие предначертания, общие пожелания о тех началах, на основании которых со временем надлежит выработать закон. Можно последующим законом отменить предыдущий, но последующим законом отменять лишь общие пожелания, общие предначертания – в этом нет никакой надобности. И, во всяком случае, наша

законодательная кодификация такого порядка не знает. Таким образом, мне кажется, я доказал, что ссылаться только на это формальное основание, только на то, что Высочайшее повеление должно быть исполняемо, в данном случае нельзя. (*Голос с центра*: «Нет, можно».) Но мне могут сказать, уже по существу, что если единения не последовало до 3 июня 1907 г., то, может быть, оно последовало потом, в срок от 3 июня 1907 г. до настоящего дня. Наша политическая жизнь идет таким быстрым темпом, что, казалось бы, это возможно. В ответ я позволю себе сослаться на один документ, полученный мною очень недавно. Документ этот довольно оригинального характера. Это – художественное изображение. Как видите, прием доказательства довольно необычный. (*Голос слева*: «При освещении Министерства – едва ли».)

Не так давно в Вильне распространялись следующие художественные изображения. Первое из них – крест, на котором даты польских восстаний. Около креста стоит Иисус Христос, а перед Ним – преклоненная и скованная Польша. На обороте – молитвы, призывающие, как я оглашу потом, к восстанию. В следующем художественном изображении образ Чудотворной иконы Богоматери, а по бокам ее – польские флаги, на которых написано: 1830 г., 1863 г. – как вам известно, годы польских восстаний. Наконец, на третьем художественном изображении мы видим польского повстанца, закованного в кандалы, в тюрьме. Над ним – изображение все той же Чудотворной иконы, которая проливает на него свет, перед повстанцем – ксендз, осеняющий его крестом, а за решеткой – русский часовой. Что касается тех молитв, которые имеются на обороте вот этих карточек, каковые карточки я с удовольствием готов показать любому члену Думы после моей речи, если они ими заинтересуются, сказано следующее: «Польша в кандалах перед Твоим алтарем

возносит молитву: отчизну, свободу возврати нам, Господи! – Боже, воззри милостиво на притеснения и на кары, которые допустил на нас. Ныне и невинные дети терпят за веру и язык отчизны, и слезы их взывают к Небу о мести. Услышь, Боже, этот вопль угнетенной земли, покажи силу Твою». Вторая молитва: «О, Пресвятая Дева Мария, Королева польской короны, прославленная чудесами в нашей родине, будь Заступницей перед Сыном Твоим, чтобы родину нашу, находящуюся в порабощении, решил вернуть к давнишней славе». Далее стихи, переведенные, конечно, прозой: «Боже! Упав на колени, припадаем к Тебе с покорностью, Польшу, слезами и кровью залитую, кровью и слезами, воскреси ее, Боже! Что так будет, сердце чует, душа мыслью взлетает в Небо. Нашу Польшу Бог воскресит в скором времени». Вот такие изображения и такие молитвы распространяются среди населения. Какой вывод население, недостаточно осведомленное, может сделать из этих изображений? Оно видит изображение Чудотворной иконы и рядом на национальном флаге годы польских восстаний. Оно видит польских повстанцев в кандалах, на которых падает луч света от Чудотворной иконы, а рядом темницу и русского караульного с ружьем. Мне кажется, что распространение таких изображений с теми словами молитв, о которых я говорил, является, несомненно, призывом (*голос слева*: «Он же сам распространяет, сам и говорит») к восстанию, потому что взывать к Небу о мести, говорить, чтобы Королева польской короны восстановила бы Польшу в давнишней славе (*Голоса слева*: «Его самого привлечь к ответственности за распространение») и присоединять к этому годы польских восстаний – несомненно значит призывать польский народ к восстанию (*голоса слева*: «Провокатора привлечь в первую голову»), но, господа, когда революция разыгралась в России, то ни одна

революционная партия для своей пропаганды не прибегала к религиозным эмблемам (*голоса*: «А панихиды?»), она и не могла прибегнуть, потому что против нее было духовенство. (*Голоса*: «А Союз Русского Народа?».)

Председательствующий. Пожалуйста, с мест не говорите.

Замысловский (Виленская губ.) Если же в данном случае прибегают к религиозным эмблемам, то совершенно очевидно, что прибегают к ним, рассчитывая на поддержку духовенства. Вот в каком положении находится в настоящее время западный край, вот какая пропаганда там идет, пропаганда кощунственного свойства, ибо к национальному делу, к делу восстаний примешивают чудотворные иконы, и после этого удивляются, почему там вводится военное положение. Таким образом, господа, то, что я хотел доказать, я совершенно доказал. (*Шум, смех*.) Я хотел доказать пока только то, что никакого единения не наступило, а что единение не наступило – это, мне кажется, я достаточно доказал. (*Голос*: «Лубочной картинкой доказал».) Теперь, господа, посмотрим по существу, что бы произошло, если бы в западном крае были восстановлены выборы, если бы введены были выборные предводители дворянства. (*Голос*: «Пример с вас взяли».) Надо вам заметить, что предводители дворянства ведают не только делами дворянского сословия, они являются председателями местного суда в качестве председателей уездного съезда, они председательствуют в воинских присутствиях при наборе новобранцев. Казалось бы, дело совершенно несовместимое с тем, чтобы призывать к восстановлению прежней славы польской отчизны. Они же председательствуют в дворянской опеке, одним словом, предводитель дворянства является первым лицом в уезде. Кто же у нас будет предводителями дворянства, если введем

этот институт? (*Голос слева*: «Социалисты».) Обратимся к цифрам. В Виленской губ[ернии] население 1 591 тыс., из них поляков 130 тыс., или 8%. Я цитирую данные переписи 1897 г., вот отношение поляков ко всему населению. Но когда мы возьмем дворян, то пропорция получится совершенно иная. Дворян, согласно данным переписи, 77 тыс., из них поляков – 38 тыс., русских – 34 тыс., а остальное приходится на литовцев, немцев и т. д. Таким образом, вы видите, что если бы прошли дворянские выборы, то, несомненно, выбранной оказалась бы та национальность, которая по всей губернии представлена только 8%. Перейдем к Ковенской губ[ернии]. В Ковенской губ[ернии] – 1 544 тыс. жителей. Из них поляков – 139 тыс. – 9%. Когда же мы обратимся к дворянам, то увидим, что всех дворян в Ковенской губ[ернии] 105 тыс., из них поляков – 59 тыс., т. е. абсолютное большинство, а русских, напр[имер], – только 7 тыс. (*Голос*: «Ну так что же?».) Отсюда, опять-таки вы убедитесь, что если мы в Ковенской губ[ернии] введем дворянские выборы, то председателями местных судов, лицами, призывающими к воинской повинности, одним словом, лицами, занимающими первое место в уезде, будет та национальность, которая представлена во всей губернии 9% и относится к русской государственности на основании данных, которые я только что огласил, враждебно.

Далее Гродненская губ[ерния]. В ней населения 1 603 тыс.; из них поляков – 161 тыс., т. е. 10%. Когда же мы обращаемся к дворянам, то видим, что всех дворян – 25 тыс.; впрочем, здесь в графу введены чиновники и не дворяне. Из них поляков – 10 тыс., а русских – 8 тыс.; исход выборов и здесь, мне кажется, достаточно определен, тем более, господа, что ведь многие русские дворяне не будут участвовать в этих выборах, потому что они являются чиновниками, не владеющими на местах

землей, так что в действительности при выборах процент еще в значительной степени передвинется в пользу поляков. Говоря о Гродненской губ[ернии], я не могу не упомянуть об одном курьезе: в делах нашей комиссии по народному просвещению вы можете увидеть данные, основанные на сообщениях бывшего министра народного просвещения гр[афа] И. И. Толстого [3], и в этих данных говорится, что Гродненская губ[ерния] – это губерния с литовским населением, а по данным переписи, в этой губернии 3 тыс. литовцев, т. е. меньше 1%. Я бы не стал, пожалуй, на это указывать, но еще несколько дней тому назад с этой самой кафедры депутат Пергамент [4], полемизируя со мной, ссылался на гр[афа] Толстого как на одного из лучших государственных людей нашего времени; я хотел попутно осветить, какой меркой мерил в данном случае депутат Пергамент.

В Юго-Западном крае цифры в таком же роде; напр[имер], в Волынской губ[ернии] население почти в 3 млн., именно 2 989 тыс.; поляков – 184 тыс., т. е. 6%. Когда же мы начинаем говорить о дворянах, то оказывается, что всех дворян 47 тыс., из них поляков – 17 тыс. и русских – 17 тыс.; если мы примем во внимание то обстоятельство, что многие русские не владеют землей и не будут участвовать в выборах, то и здесь большинство остается за поляками, выборы пройдут в польских руках.

Обращу внимание еще на одно обстоятельство: из 184 тыс. только 94 тыс. поляков – коренных жителей, а 90 тыс. переселенцев – из Привислинского края, это говорят данные переписи. Вдумайтесь, что у нас идет: обрусение или ополячение? Ведь поляки переселяются в Волынскую губ[ернию] из губерний Привислинских, а переселяться они могут, потому что землевладение в польских руках и им покровительствуют польские помещики. И вот уже 90 тыс. поляков из Привислинского

края переселились на Волынь. Добавлю, что туда же не особенно давно из Австрии переселились 171 тыс. немцев и чехов, которые пользовались своевременно покровительством местной администрации. Мне кажется, приведенными данными достаточно установлено, что восстановлять дворянские выборы в западных губерниях нельзя, хотя бы уже по тому простому соображению, что нельзя давать управление края в руки той национальности, которая враждебна другим и которая представлена в меньшинстве, ибо выше 10% процент поляков нигде в Западном крае не достигает. Но ставлю вопрос более широко: можно ли в девяти западных губерниях ввести земство вообще? Само собой разумеется, что, говоря теоретически, принципиально, введение земства очень желательно, потому что земское самоуправление, безусловно, лучше хозяйничанья чиновников, которые очень часто не знают местных нужд. Таким образом, с принципиальной теоретической стороны это можно только приветствовать, но со стороны практической я решительно не представляю себе, как можно вводить земство в такие местности, где имеются несколько национальностей, враждующих друг с другом, причем ни одна национальность не представляет очень часто абсолютного большинства. Представляется совершенно очевидным, что на выборах те национальности, которые в меньшинстве, соединятся против той, которая в относительном большинстве, ее провалят, а затем перессорятся между собой, и получится нечто похожее на то, что рассказано в Крыловской басне «Лебедь, Рак и Щука»[5], потому что все сведется к национальным расчетам, а дело делать не будут. А что такие блоки произойдут, об этом можно судить по выборам в Думу, ибо при выборах во II Думу литовцы соединились с евреями против поляков и литовский ксендз усиленно пропагандировал, чтобы

выбирали евреев, а отнюдь не поляков. Вот, господа, почему, не возражая со стороны теоретической о том, чтобы введено было земство, будучи готов даже в качестве отдаленного идеала такое пожелание поддерживать, я выражаю крайнее сомнение, чтобы нашелся такой администратор или такой законодатель, который мог бы создать земское положение, кое практически можно было бы ввести на деле в западных губерниях.

Покончив с вопросами, касающимися, так сказать, местных нужд, нужд Западного края, я должен в нескольких словах очертить свое отношение и к общим вопросам, вопросам, которые наиболее полное освещение получили в речи депутата Маклакова. Само собою разумеется, господа, что такие явления, как Положение об усиленной охране, о чрезвычайной охране [6], явления очень тяжелые, и чем скорее пройдет время усиленных и чрезвычайных охран, тем лучше; мы в этом совершенно с депутатом Маклаковым согласны. Чем скорее перестанут штрафовать газеты и административно высылать, издавать обязательные постановления и запрещать профессиональные союзы, тем лучше. Но вот в каком пункте мы с депутатом Маклаковым, вероятно, не сойдемся. (*Голос слева*: «Еще бы!».) Он думает, по-видимому, он убежден, иначе он не мог бы говорить все то, что он сказал, он убежден, что если сейчас снять усиленное положение, позволить газетам писать все, что они хотят писать, позволить рабочим устраивать рабочие союзы так, как они хотят (*голос слева*: «Обязательно»), одним словом, выражаясь его словами, устроить все то, что истекает из Манифеста 17 октября, в понимании, конечно, депутата Маклакова, он уверен, что из этого ничего худого не произойдет. А мы боимся, что если все это сейчас ввести, то повторится то самое, что наступило после 17 октября. И в весьма подробной речи

депутата Маклакова я, например, страстно желал найти доказательство, что этого не повторится, но именно этих доказательств нам депутат Маклаков не привел. Он нам говорил о Жданове, об оштрафовании газеты «Утро» и о том, как генерал-губернаторы издавали постановления, которыми карали за хранение бомб даже тех лиц, которые о хранении не знали. Это отчасти было грустно, а последнее, наоборот, даже смешно. Но ведь, господа, выдернуть из общей жизни отдельные факты, отдельные события – вещь не трудная. Но правильно ли нарисована общая картина, фоном которой являются эти случаи? Вот, например, Жданов. Депутат Маклаков говорит, что генерал-губернатор Гершельман в отношении Жданова явно нарушил закон, потому что генерал-губернатор должен заранее объявить, по каким делам он не допустил кассации, а Гершельман этого не объявил. Несомненно, юридический авторитет депутата Маклакова подействовал на вас так, что вы это обстоятельство приняли на веру. А знаете ли вы, что это не так? Существует ст. 1401 Св[ода] Военн[ых] Пост[ановлений] [7], где сказано, что главнокомандующий армии может и не объявлять заранее о том, допустит он кассацию или не допустит, а вопрос о том, что генерал-губернатора в данном случае можно вполне приравнять к главнокомандующему армией, вытекает вполне из целого ряда положений того же Свода Военных Постановлений. Можно, конечно, такую точку зрения оспаривать; можно затеять юридический спор и юридическую контроверзу, и, может быть, ряд лиц будет за мнение депутата Маклакова, и ряд лиц будет за мнение противное. Но говорить Думе безапелляционно, но импонировать своим юридическим авторитетом, что Гершельман нарушил закон, тогда как в действительности вопрос о нарушении закона очень спорный и очень сложный, – это, мне кажется, весьма рискованно. Точно

так же вам говорят об оштрафовании газеты «Утро» по какому-то совершено смехотворному поводу. Но, господа, знаете ли вы, что установить юридическую квалификацию по литературным делам – это одна из самых трудных вещей? После 17 октября выходил целый ряд журналов, и большинство из нас, здесь присутствующих, открывающих этот журнал, говорило: возмутительно, безобразно, это кощунство, это дерзость, неуважение к Верховной Власти. Но когда эти журналы брались юристами и приходилось квалифицировать то, что в этих журналах находилось, подводить под известную карательную статью закона, то очень часто оказывалось, что те журналы, которые, безусловно, всех нас возмущали, этого состава преступления как раз не содержали. Таким образом, говорить, что генерал-губернатор смаху штрафует, едва ли можно, потому что нужно знать, каким журналом была эта газета «Утро». Может быть, это был весьма почтенный журнал, и генерал-губернатор не прав, я в московской жизни не знаток, но, может быть, это была возмутительная газетка, уловить в коей, однако, состав преступления действительно не оказалось возможным. Наконец, говорят нам, что людей штрафуют за хранение бомб, тогда как эти люди о хранении этих бомб ничего не знают. Такое сопоставление оказывается, на первый взгляд, смешным. Карают кого – домовладельца, в доме которого оказались бомбы, а домовладелец и не знал об этом. Но я напомню депутату Маклакову Устав о наказаниях – акт, изданный в 1864 г., устав, перед которым, наверное, и депутат Маклаков преклоняется, и он там найдет, что домовладельца штрафуют за грязное содержание улиц, дворов, хотя бы он совершенно об этом не знал и хотя бы он жил в другом городе.

Этот принцип проведен и в иностранных законодательствах: по так называемым полицейским нарушени-

ям карают, не входя в обсуждение внутренней стороны деяния, раз нарушение мелкое, полицейское, караемое штрафом, то карают и за умысел, и за неосторожность, и за случай – одинаково. Это вы можете найти в иностранных кодексах и в иностранных учебниках уголовного права. (*Голос слева*: «В турецких».) Я, господа, не утверждаю, что в данном случае генерал Гершельман был прав: я, повторяю, не знаю условий московской жизни, но чтобы так смаху решать, что он совершил ряд возмутительных деяний на основании тех, по крайней мере, данных, которые привел депутат Маклаков, я бы затруднился. Но не в этом, господа, корень дела. Пускай генерал Гершельман совершил целый ряд формальных отступлений, целый ряд нарушений закона; пусть в данном случае будет все именно так, как говорил депутат Маклаков, дело не в этом. Я совершенно не знаю деятельности генерала Гершельмана как Московского генерал-губернатора, но когда мы все с тревогой следили за событиями Русско-японской войны, вот тогда я знал о генерале Гершельмане. (*Рукоплескания справа, возгласы*: «Браво!».) Я знал, что это мужественный и храбрый военачальник, который смело смотрит в глаза смерти (*рукоплескания справа*); и когда война эта кончилась, его призвал Государь Император и сказал: Я желаю, чтобы вы были генерал-губернатором Москвы. Не в обычае храбрых генералов, подобных Гершельману, отказываться, когда на то есть Высочайшая воля, и генерал Гершельман, конечно, не отказался. Но ведь у него могла возникнуть мысль: мне вручается гражданское управление очень сложное, между тем я умею храбро воевать и умею умереть на поле сражения, но в казуистике 15 томов Свода Законов я совершенно не сведущ. (*Смех слева; возгласы*: «Верно»; *рукоплескания*.) Я не могу в таком сложном гражданском управлении Москвою справиться, не будучи специально

подготовлен изучением этого Свода Законов. (*Рукоплескания слева*.) На это может быть такое возражение. Так почему же назначен был Гершельман, ведь надо было назначить того человека, который знаком с 15 томами Свода Законов, который не будет совершать нарушений, а если и совершит, то вынырнет сухим из воды. И таких людей много, конечно. Вот одного из них назвал и депутат Маклаков, это его друг присяжный поверенный Жданов. (*Шиканье слева; рукоплескания справа*.) Но беда в том, что вот эти люди, которые очень хорошо знают Свод Законов, страдают другим дефектом: они не умеют подавлять революции. А вот таких людей, чтобы умели и революцию подавить, и не нарушить каких-нибудь статей 15 томов Свода Законов, таких людей, к сожалению, нет. И я думаю, что генерал Гершельман, когда принимал то высокое назначение, которым его пожаловал Государь Император, рассуждал так: да, я не знаком с областью гражданского управления; несомненно, мне придется по этому незнакомству и потому, что время экстренное, время такое, когда нельзя долго копаться в этом своде, а надо подавлять революцию, мне придется совершить много формальных нарушений; за них меня будут распинать, меня будут оскорблять, за них я, может быть, попаду под суд; но есть для меня вещь, которая выше всего: я исполняю волю моего Государя, я буду допускать, быть может, формальное нарушение права, но я исполню ее так, как предписывает мне мой долг, как предписывает моя совесть. Чтобы Гершельман поступал против своей совести, против своего долга и против желания Государя, этого никто не доказал, и потому, когда, может быть, до него дойдут те упреки, которые мы слышали по его адресу здесь, он скажет: история оценит, кто умел жертвовать своей жизнью на служение государству и кто лишь на словах служил этому государству, в то же

время призывая к неплатежу податей и к неисполнению повинностей. (*Рукоплескания*.)

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 1. Заседание 26. 06.03.1913. Речь Г. Г. Замысловского по польскому вопросу

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский – против спешности.

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Я полагаю, что настоящий запрос [1] не может быть рассмотрен в спешном порядке, потому что он касается русско-польских отношений, которые, несомненно, заслуживают предварительного комиссионного рассмотрения ввиду своей сложности. Запрос основан на неправильном будто бы применении мер ограждения общественного порядка и спокойствия. И действительно, может, пожалуй, у некоторых возникнуть вопрос: как это, с одной стороны, применять меры ограждения общественного спокойствия, порядка и безопасности, а с другой стороны – вращаться в области вопросов религиозных и вопросов о применении польского языка. Как будто это не вяжется одно с другим. Как будто меры усиленной охраны общественного порядка, безопасности и спокойствия не вяжутся с вопросами религии и польского языка. И я знаю, что у лиц, которые живут в восточных губерниях и мало знакомы с русско-польскими отношениями, этот вопрос возникал не раз. Вот почему первое, на чем я хотел остановиться, это указать вам, что на Западе вопросы католической религии и польского языка чрезвычайно тесно связаны и с общественным порядком, и с обще-

ственной безопасностью, и с общественным спокойствием. Примеры, которые я вам приведу, будут мною подобраны так, чтобы мои противники не могли сказать то, что они обыкновенно говорят в этих случаях. Они говорят, что если бывают какие-нибудь столкновения, то в этом виноваты «реакционное правительство, живущее произволом», «постоянные интриги, заговоры черносотенцев» (*голос слева*: «Вот это правильно») и, наконец, «происки православного духовенства». Вот где причины столкновений, по их толкованию.

Позвольте же, г<оспода>, указать вам на область столкновений на религиозной почве, на почве религиозных обрядов и польского языка, столкновений, доходящих до драк и до кощунства, таких столкновений, при которых, однако, нисколько не заинтересовано Русское правительство, ибо ему решительно все равно, что поляк, что литовец; нисколько не заинтересовано православное духовенство, ибо и поляки, и литовцы – католики, и нисколько не заинтересованы никакие «черносотенные» круги, потому что среди поляков и литовцев нет «черносотенцев». Однако мы знаем, что на почве так называемого «дополнительного» богослужения, по вопросу, на каком языке должно отправляться это богослужение, произошли крупнейшие беспорядки в одном из костелов Сувалкской губ[ернии] [2], беспорядки, закончившиеся тем, что одна сторона схватила древки от хоругвей и, переломив эти древки, в костеле, вступив в рукопашную, била этими древками своих противников. На почве чего? На почве религиозных обрядов, на почве языка, ибо литовцы требовали, чтобы дополнительное богослужение шло на литовском языке, а поляки – на польском. Вот вам пример, где речь идет о польском языке, о религии, где не заинтересовано Русское правительство, где нет православного духовенства, нет никаких

черносотенцев, а где, однако, сами потерпевшие просят власть, чтобы она приняла меры к ограждению общественного порядка, спокойствия и безопасности, чтобы она оградила слабейшую сторону, которую в костеле начинают лупить древками от хоругвей.

Укажу еще на один пример: в Виленской Судебной Палате в 1912 г. разбиралось дело о беспорядках в Янишском костеле Виленского у[езда] Виленской губ[ернии]. Кс[ендз] Мацеевич, я думаю, должен знать об этом деле. Беспорядки возникли на той же почве, тоже шла речь о дополнительном богослужении, и кончилось тем, что когда ксендз вел крестный ход, то противная сторона кричала этому крестному ходу кощунственные слова, называла женщин, шедших за крестным ходом, проститутками – «лахудрами» и возбудила в костеле такие беспорядки, что богослужение пришлось прервать.

Опять причем тут правительство, причем черносотенцы? Вопрос о языке и религии. И, однако, вне всякого сомнения, надо принимать именно меры к ограждению общественной безопасности, порядка и спокойствия. Это область отношений поляков с литовцами, но возьмем другое отношение – поляков к мариавитам [3], где тоже не замешано ни правительство, ни духовенство, ни черносотенцы. Я доказываю, г<оспода>, что эти отношения настолько сложны, что в спешном порядке их разбирать никоим образом нельзя, что надо в них вникнуть, ибо многие не знакомы с западной жизнью. Итак, по поводу мариавитов вот что мы читаем в польской газете «Дзень добрый» от 17 апреля 1906 г. в заметке Блоне «Религиозная война»: «Я спас жизнь мариавитского ксендза. Когда мы догнали его, люди хотели его растерзать. Разъяренные кровью жертв прошлой недели правоверные готовятся в окончательной расправе с мариавитами». Из рук разъяренной католической толпы, по удостоверению

польских же газет, приходится вырывать мариавитского ксендза, ибо иначе толпа его растерзает! И согласитесь, г<оспода>, что ведь Русское правительство здесь не при чем, – к Русскому же правительству обращаются, говоря: примите меры, разведите тех, которые в своем религиозном фанатизме доходят до взаимных убийств.

Или другая корреспонденция, помещенная в газете «Курьер Варшавский» от 23 апреля 1906 г. № 111; называется она «Кровавая битва в Лешне»: «Около двух часов пополудни в Заборов начали сходиться толпы людей из разных приходов. Из Прушкова и Жбикова тоже прибыла народно-рабочая дружина. Во главе шла бандерия на ста лошадях». Покойный П. А. Столыпин рассказывал с этой кафедры об этих польских бандериях, сопровождавших епископа Роопа. Так вот: «Шла бандерия на ста лошадях. При виде смертельно раненых из толпы правоверных католиков ответили на выстрелы несколькими выстрелами, ранив несколько мариавитов, которых сейчас же перенесли в жилище». Итак, форменное сражение: едут на лошадях, возникает перестрелка из револьверов. Я думаю, что даже те, кто сидит на левых скамьях, не будут отрицать, что в этом случае власть должна вмешаться, оградить общественный порядок, спокойствие и безопасность, а между тем те действия, по поводу которых она вмешивается, – это религиозные обряды и ничего более. Вот каково положение дела в Западном крае. Такое положение требует, чтобы к ксендзам и к помещикам-полонизаторам применяли бы Положение об усиленной охране, применяли бы меры ограждения общественного порядка и спокойствия, ибо они всякий религиозный обряд и процессию, всякую религиозную книгу стараются обратить на проповедь национального шовинизма, в проповедь «отбудования» Отчизны, в проповедь если не прямого отделения от России, то, во

всяком случае, такой автономии, которая почти равняется отделению. Не мы это делаем, а поляки, те, которые, шествуя с крестным ходом, пишут на хоругвях: «1831» – год первого восстания, «1863» – год второго восстания и «1905» г. Это написано на хоругвях, с которыми идут в крестном ходу. Это прямое внесение революционной политики в религиозный обряд, требующее властного от правительства отпора, ибо дело начинается с религиозных обрядов, а кончается повстанием, которое мы пережили в 1831 и 1863 гг. – тем повстанием, во время которого православных священников вешали на воротах домов, когда их секли прутьями, когда им жгли бороды. Эти факты я извлек из Синодского архива и подробно докладывал их III Государственной Думе. Таковы бывают факты, когда власть бездействует и находит, что это, мол, невинные песнопения в яслях.

Обращаюсь теперь к юридической стороне запроса. В самом деле: что незакономерного, с точки зрения существующих законоположений, совершил Гирс [4], и если он совершил какие-либо незакономерности, то можно ли в этих незакономерностях разобраться в спешном порядке, без передачи запроса на предварительное комиссионное рассмотрение? Прежде всего, арест помещика Шалевича. Шалевич был арестован за устройство недозволенного сборища, угрожающего общественному спокойствию и порядку. (*Шум; звонок председательствующего.*) Прежде всего, совершенно несомненно, что за эту категорию деяний можно карать в административном порядке и подвергать аресту на основании обвинительных постановлений. Так что с формальной точки зрения действия губернатора безупречны. (*Шум; звонок председательствующего.*) Но говорят, что помещик Шалевич устроил совершенно невинное сборище, где показывали ясли и пели колядки. Однако произведенным дознанием

устанавливается другое, устанавливается, что на этих собраниях пели на польском языке недозволенные песни, возбуждающие ненависть к России. Пели действительно такие песни или нет, – это дело дознания. Акты дознания удостоверяют, что пели. Чтобы их оспорить, вы должны опровергать достоверность показаний тех лиц, которые давали эти показания на дознании. Во всяком случае, безукоризненно постановление губернатора, который получил акты дознания о недозволенном сборище, – а что сборище было не дозволено, и вы не отрицаете, – который получил сведения о том, что на этом сборище пели песни, возбуждающие ненависть к России; а что касается доказательств, то с думской кафедры доказывать, какие свидетели говорили правду и какие неправду, – это трудно, а еще труднее доказывать в спешном порядке, даже без комиссионного рассмотрения, где все-таки те или другие члены Государственной Думы могут представить имеющиеся у них документы.

Теперь далее – применение ареста к ксендзу Милашевскому. Опять-таки, каковы фактические обстоятельства дела? Ксендз Милашевский был подвергнут судом штрафу в 50 руб., и вот согласно губернаторскому постановлению ксендз Милашевский устроил сбор, подписку на то, чтобы прихожане внесли эти 50 руб. Вот этими взносами, собранными с прихожан, ксендз хотел уплатить тот штраф, который был наложен на него судом. Устройство подписки для уплаты взыскания, наложенного в судебном порядке, есть акт незакономерный, и министерские циркуляры, совершенно правильные, целесообразные, высказывают, что административная власть не может допускать таких сборов и подписок, ибо такие сборы и подписки – это деяния, весьма близкие к восхвалению преступных деяний и личности преступника: человек совершает преступление, его за это

штрафуют, а сбор вносит не он, а по общественной подписке. Еще более недопустима такая подписка между лицами, находящимися в зависимости от того, кто собирает деньги. В данном случае прихожане, несомненно, стояли в зависимости от ксендза. Если ксендз с такой подпиской обращается к прихожанам, это, конечно, усугубляет вину. Итак, с формальной стороны, опять-таки действия губернатора безупречны: если такой сбор был, то губернатор имел полнейшее право применить к ксендзу меру административного воздействия. (**Отец Мацеевич**: «Если был сбор».) Вопрос о том, был сбор или не было сбора, опять-таки установлен актами дознания: было произведено административное расследование, и на этом административном расследовании свидетели удостоверили, что лично к ним обращались с требованием денег, и даже один из свидетелей отказался исполнить требование. При таком фактическом материале как же вы можете говорить, что действия губернатора незакономерные? Другое дело – каким свидетелям верить, кто из свидетелей говорил правду, кто неправду, но если губернатор поверил свидетелям, запротоколенным в дознании, как же можно говорить, что губернатор поступает незакономерно?

Наконец, мы подходим еще к одной юридической особенности, которая, на первый взгляд, может некоторых смутить и дать указания, что в деяниях губернатора Гирса, пожалуй, действительно заключаются некоторые признаки незакономерности. Вам пишут в запросе и вам говорят с кафедры, что ксендзов нельзя арестовывать и заключать в тюрьму, что если надо лишать ксендза свободы, то следует обратиться к его духовному начальству, и уже это духовное начальство заключает ксендза в монастырь, – таков-де закон, такова ст. 86 Улож[ения] [о] Наказ[аниях], а предшествующий оратор, ксендз Маце-

евич, подкрепляет это столыпинским циркуляром. Он говорит, что, согласно циркуляру, при таком лишении свободы, во всяком случае, нельзя сажать в тюрьму, а надо сажать в особое помещение для арестуемых.

Что касается столыпинского циркуляра, то в этой своей части он был впоследствии отменен, а затем я попутно только скажу, что ведь это циркуляр секретный, а вот с этой самой кафедры, мне помнится, член Думы Годнев [5] чрезвычайно возмущался, как можно оперировать с секретными циркулярами, что будто бы – с чем мы, впрочем, были не согласны, – эти секретные циркуляры на думскую кафедру выносить никак невозможно.

Итак, повторяю, что в этой части циркуляр был отменен, но если бы он даже и не был отменен, то ведь это только обременение участи арестуемых: конечно, арестуемым, раз они уже арестованы, гораздо легче сидеть в отдельном помещении при тюрьме, чем в клоповниках при полицейских участках вместе с проститутками, пьяницами и хулиганами. Таким образом, чтобы таких лиц, как редакторов газет, не сажать в клоповники, было определено, что можно их заключать в арестантские помещения при тюрьмах. Таким образом, и в этой области никакой незакономерности нет.

Перехожу теперь к закону, к ст. 86 Улож[ения] [о] Наказ[аниях]. Вот что она гласит: «Священнослужители и монашествующие, осужденные на временное заключение…» (*шум в центре*; **Марков-второй**: «Октябристы, тише».)

Председательствующий. Член Государственной думы Марков-второй, пожалуйста, без замечаний.

Замысловский. «Священнослужители и монашествующие, осужденные на временное заключение, в тех случаях, когда с сим не соединены потери духовного сана или исключение из духовного звания, отсылаются не в

места заключения, а к их епархиальному начальству, для исполнения приговора», – приговора, г<оспода>, – «по его распоряжению». Эта статья касается только одного вида лишения свободы, именно тех случаев, когда происходит лишение свободы по приговору судебной власти, на основании определенных статей Уложения о наказаниях, но распространения на те случаи, когда лишение свободы происходит в ином порядке, эта статья не имеет – такое свое утверждение я обязуюсь вам доказать. Уже когда возник вопрос о лишении ксендзов свободы не по Уложению о наказаниях, а по другому кодексу, по Уголовному уложению [6], то судебные власти находили, что по Уголовному Уложению, которым как раз предусматриваются преступные деяния религиозные и политические, ксендзов можно лишать свободы и без предварительных сношений с их духовным начальством о порядке исполнения приговоров.

Этот вопрос доходил до Сената, но, к сожалению, Сенат в том деле, о котором я говорю, не взыскал своего категорического взгляда на данный вопрос, а по формальным основаниям отклонил тот протест, который был принесен прокурорским надзором. Далее идет вопрос о лишении ксендзов свободы в порядке предварительного следствия: этот вопрос доходил до Сената и Сенатом разрешен в утвердительном смысле. Дело происходило в Вильне, где был в порядке предварительного следствия арестован ксендз Сперский, без всяких сношений с духовною властью и без всякого заключения в монастырь прямо был посажен в тюрьму. Обвиняемым или его защитником была принесена жалоба, и дело в порядке вопроса о лишении ксендза свободы дошло до Правительствующего Сената, причем Правительствующий Сенат признал, что лишение свободы было правильным и что ст. 86, на которую ссылаются интерпеллянты,

имеет значение только при исполнении приговоров, а отнюдь не при действиях в порядке предварительного следствия, и, естественно, ибо ведь в порядке предварительного следствия человека арестуют тогда, когда есть опасение, что он или убежит, или скроет следы преступления, ксендза надо арестовать, чтобы он не скрыл следы преступления, но вместо того, чтобы арестовать, приходится сноситься с духовной властью и заключить его в монастырь, а мы знаем, что такое заключение в монастырь ксендза. Их духовное начальство смеется над Русским правительством, которое постановило заключить ксендза. Духовное начальство делает так, что наказание не носит характера наказания, потому что стараются тем или иным путем снабдить ксендза денежным довольствием, а затем помещают его в монастырь так, что заключенный является каким-то подвижником, пострадавшим от зверств русской власти; к нему являются туда чуть ли не на поклонение – это издевательство над законом, и в порядке предварительного ареста, разумеется, ст. 86 не может быть применена.

Точно так же она не может быть применена и в административном порядке, в порядке усиленной охраны. Правительство видит, что подготовляется восстание, как это было, напр[имер], в 1863 г., что ксендзы организуют шайки повстанцев, и вместо того, чтобы арестовать ксендза сразу же, власть должна сноситься с его духовным начальством, которое ему, может быть, сочувствует, должна ждать, чтобы ксендза заключили в монастырь, а ко времени такого заключения этого ксендза и след простынет, он будет уже со своими повстанцами. Очевидно, и на случаи административного ареста ст. 86 не распространяется, и если запрос не рассматривать в спешном порядке, а передать в комиссию, то, несомненно, в комиссии вот этим указом Сената по

делу ксендза Сперского мы докажем с полной очевидностью свои утверждения. Мне осталось говорить не более пяти минут. (*Голоса*: «Довольно»; *шум*.)

Председательствующий. Угодно Государственной Думе продлить сегодняшнее заседание до окончания рассмотрения настоящего дела? (*Голоса*: «Просим».) Осталась эта последняя речь и голосование. Возражений нет? (*Баллотировка*.) Принято.

Замысловский. Г<оспода>, спешность подлежит отвержению уже потому, что она была заявлена членами польского коло, и оратор, говоривший от имени польского коло, член Государственной Думы Свенцицкий [7] закончил свою речь следующим: «Так как в настоящее время ксендз Милашевский и помещик Шулевич более не находятся в заключении, то мы спешность свою снимаем; мы вносили спешность только потому, что они были заключены, а раз они теперь выпущены, то отпадает и спешность, – мы ее снимаем». Таким образом, сами интерпеллянты эту спешность сняли. Мы тогда настаивали, чтобы рассматривать вопрос о спешности, ибо мы хотели ответить члену Думы Свенцицкому. Мы никак не могли допустить такого приема, что член Думы говорит за спешность целую речь, а заканчивает заявлением, что он спешность снимает. Этот прием, несомненно, есть издевательство над Думой.

Мы никак не думали, что член Думы Свенцицкий к такому издевательству прибегнет, что он изложит все свои доводы, опорочивающие губернатора Гирса, а затем, так сказать, заткнет рот оппонентам, заявив в конце, что хотя он говорил за спешность, но, что теперь я, мол, от спешности отказываюсь. Вот что вызвало нас на эту кафедру – то издевательство над членами Государственной Думы, которое было допущено членом Думы Свенцицким.

Но что касается мотивов спешности, то их нет ни у кого. Их нет и не было с самого начала у нас, их нет у членов польского коло, потому что член польского коло Свенцицкий прямо заявил нам: мотив спешности тот, что ксендз и помещик находятся под стражей, а раз они больше не под стражей, то отпадает и мотив спешности. Вот почему, мне кажется, в этом вопросе Дума должна быть единогласной и единогласно должна отвергнуть спешность, потому что сами интерпеллянты указали ту основную причину, по которой они сначала спешность выставили, и затем ту дополнительную причину, по которой они от спешности отказываются. А затем, г<оспода>, согласитесь, что все возбужденные мною вопросы настолько сложны, что их, безусловно, надо подвергнуть комиссионному рассмотрению.

Мне остается сказать еще два слова. Здесь обвиняют губернатора Гирса в каких-то незакономерных действиях. Мы знаем подкладку этого обвинения. Минской губернией управлял губернатор Эрдели [8], который позволял полякам делать все, что они хотели; и вот когда появился губернатор Гирс, который не желает плясать под польскую дудку так, как плясал губернатор Эрдели, то в Думе возбуждаются эти запросы, чтобы и его заставить потакать тем незаконным польским вожделениям, которым потакал губернатор Эрдели.

Мы приветствуем губернатора Гирса; мы находим как его общую политику, так и отдельные действия совершенно правильными; мы находим, что он твердо проводит русскую национальную идею, ту идею, которую ему завещал покойный П. А. Столыпин, и что губернатор Гирс не уподобляется тем государственным деятелям, которые для отвода глаз, а может быть, для укрепления своего положения заявляли нам с этой кафедры, что они тоже будут продолжать столыпинскую национальную

политику, а фактически с изумительным двуличием делают то, чтобы эту национальную политику разрушить, чтобы отдать русский народ и его интересы в руки жидов и поляков. Мы приветствуем губернатора Гирса, что таким государственным деятелям он не подражает. (*Рукоплескания справа*.) Вот почему мы и против спешности, и против самого запроса. (*Рукоплескания справа*.)

Председательствующий. Объявляю прения законченными. По личному вопросу член Государственной Думы Свенцицкий.

Свенцицкий (Виленская губ.). Господа. Моя фамилия несколько раз называлась, причем указывалось на то, что я сам снял. (*Шум*.)

Председательствующий (*звонит*). Прошу предоставить оратору возможность говорить по личному вопросу.

Свенцицкий. […] Несколько раз указывалось, что я сам снял спешность. В руках председателя имеется заявление за подписью 30, а может быть, и более членов Государственной Думы, где спешность снята условно, т. е. она не снята, а сказано, что если спешность не пройдет, то мы просим тогда обязать комиссию (*смех справа; звонок председательствующего*) назначить двухнедельный срок, и я в моей речи точно так же указал, что я догадываюсь, что не будет принята спешность, и поэтому я настаиваю на срочности, а документ находится в руках председателя; там сказано прямо и ясно, что если не пройдет спешность, мы просим двухнедельный срок, поэтому я поддерживаю спешность.

Председательствующий. Переходим к голосованию. Ставлю на голосование вопрос о признании спешным рассматриваемого заявления о запросе. (*Баллотировка*.) Принято большинством 156 голосов против 125 [9].

ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 60. 05.05.1908. Речь Г. Г. Замысловского по финляндскому вопросу

Замысловский (Виленская губ.). Правая фракция Государственной Думы выслушала слова г[осподина] председателя Совета Министров[1] с чувством несомненного удовлетворения. Но раз нами внесен запрос по финляндским делам, то, независимо от этого чувства удовлетворения, мы считаем своею обязанностью высказать с этой кафедры подробно и обстоятельно те соображения, которые руководили нами, когда мы вносили запрос, выслушать, если понадобится, возражения наших противников и на эти возражения посильно привести также соответствующие доводы. Темой всякого запроса являются, конечно, незакономерные действия правительства; но, кроме этой общей темы, настоящим запросом выдвигается и другая тема, не менее важная, тема, о которой мы говорим в Думе первый раз, – это те отношения, которые существовали у нас с нашей финляндской окраиной, те отношения, которые существуют, и те отношения, которые должны существовать.

[1] Имеется в виду П. А. Столыпин.

Вторжение этой второй темы сразу осложнило вопрос; уже в комиссии по запросам я натолкнулся на некоторые возражения, довольно страстные и совершенно для меня неожиданные. Нам говорили, что этими запросами мы кидаем чрезвычайно оскорбительное обвинение всему финляндскому народу и что от таких обвинений, конечно, надо воздерживаться. Такое возражение, несомненно, основано на недоразумении. Никаких упреков всему финляндскому народу мы не бросаем; напротив, господа, материал, которым мы пользовались при внесении запросов, в значительной мере заимствован из тех самых финляндских газет, из органов так называемой старофинской партии [1], которые чрезвычайно доблестно вели кампанию против тех революционных организаций, против той «Воймы»[1] и «Красной гвардии», о которых я буду дальше говорить. Я приведу в этом отношении слова, сказанные в газете «Амулехти». Когда, наконец, было возбуждено преследование против «Воймы», газета эта писала: «Финский народ может быть спокоен; не он затевал измену, а те приспешники, коим была вверена административная власть». Под этим заявлением газеты «Амулехти», одной из тех газет, которые все время вели борьбу против революционных организаций Финляндии, которая, несомненно, является выразительницей большой и благонамеренной части финляндского общества, под этим заявлением мы готовы расписаться.

Далее. Нам говорили, что будто бы своими запросами мы посягаем на культурное самоопределение инородцев, – и такое обвинение, конечно, может быть основано только на недоразумении. Мы говорим о «Войме» и «Красной гвардии» и о тех организациях, которые, по нашему убеждению, затевали вооруженное восстание и полное отделе-

[1] Общество «Воймы» (в переводе с финского – «сила») – военизированная финская организация сепаратистской направленности.

ние Финляндии от России. Вооруженное восстание и культурное самоопределение смешивать не годится.

Несомненно, господа, революционное движение в Финляндии возникло не сегодня, не вчера, и организация «Воймы» является только одной фазой, исторической фазой в этом движении, длившемся, во всяком случае, несколько лет. Поэтому для того, чтобы понять организацию «Воймы», ее цель и стремления, нам надо бросить некоторый исторический взгляд на недавнее прошлое и посмотреть, из чего «Войма» образовалась. Тенденции возможно большего отделения Финляндии от России существовали в известных кругах финляндского общества очень давно, они зрели в тех шведоманских кругах, которые привыкли управлять страной и которые от этого управления не желали ни за что отказаться, а способ удержания у власти они, будучи в меньшинстве, видели в том, чтобы возбуждать взаимное недоверие, взаимную вражду между мирным финским народом и народом русским. Финляндские сепаратисты хорошо понимали, что в то время, когда Россия спокойна, когда Россия могущественна, громко говорить о сепаратизме не приходится, и они решили терпеливо ждать; они предвидели, что Россия, как всякое великое государство, должна когда-нибудь пережить эпоху государственного кризиса, и решили этим кризисом воспользоваться, а пока подготовить обстоятельства так, чтобы для этого отделения была соответствующая почва, возбудить известное недоверие, даже вражду между коренным населением Финляндии и России, изобрести целый ряд мер, которые способствовали бы искусственному обособлению, воспрепятствовали бы проникновению русских в Финляндию и т. д. Но, господа, сепаратисты хорошо понимали, что все эти меры являются зданием, построенным на песке, если не будет соблюдено одного условия – если в ре-

шительную минуту в их распоряжении не окажется той вооруженной силы, на которую можно было бы опереться. Эта вооруженная сила существовала сначала в виде особых финляндских батальонов. Я не знаю, могли ли бы финляндские сепаратисты в действительности на эти батальоны опереться в минуту того ультиматума, который они думали когда-либо в момент государственного кризиса поставить России; я этого не знаю, но, несомненно, что такой расчет у них существовал. Это ясно, если проследить историю финляндского войска в начале его образования. В 20-х гг. один из его командиров, Густав Эрнрот [2], писал просьбу Государю Императору о том, чтобы финским батальонам наряду с другими войсками Его Величества была предоставлена великая честь защищать не только Финляндию, но и Россию. «Иначе, – писал тогда Густав Эрнрот, – чувства наши могут быть опозорены в глазах наших новых соотечественников». Но довольно скоро такие взгляды совершенно изменились, и в 1878 г. был издан новый воинский устав для Финляндии, который резко подчеркнул сепаратистскую тенденцию. В нем говорилось, что финляндские войска предназначены только для защиты Финляндии, что русские подданные в этих войсках не могут служить; был введен целый ряд особенностей, долженствующих разделить финляндское войско от русского. При введении этого устава сенатором Лео Мехелином [3] были произнесены весьма знаменательные слова. Он сказал: «Несомненно, отношение к покровительствуемому и безоружному будет совершенно иное, чем к вооруженному союзнику»; вот с каких пор уже ярко просвечивает тенденция стоящих у власти финляндцев быть в отношениях к России именно этим «вооруженным союзником». Особые финляндские войска существовали только до 1901 г.; во время Бобрикова [4] их упразднили, и было установлено, что

финляндцы должны отбывать воинскую повинность на общих основаниях с остальными гражданами по общему воинскому уставу, утвержденному для всей Империи. Когда финляндские сепаратисты увидели, что почва уходит из-под ног, что та вооруженная сила, на которую они думали опереться и без которой все их здание являлось построенным на песке, более не существует, маска мнимой лояльности сразу пала и было организовано так называемое «пассивное сопротивление», раздался лозунг: «Ни одного солдата в русскую армию».

Таким образом, в Финляндии этот лозунг прозвучал в первый раз не в 1906 г., как вы, может быть, думали, а еще в 1901 г., и это пассивное сопротивление было проведено на деле: пасторы отказывались приводить к присяге, должностные лица отказывались составлять призывные списки, принимались все меры к тому, чтобы набор не удался. Правительство в лице Бобрикова отвечало на это высылками сепаратистов, в числе их были высланы Лео Мехелин и многие другие. Когда они удалились из пределов Финляндии, партия пассивного сопротивления, ими образованная, перешла уже в партию сопротивления активного. Так как я впоследствии буду доказывать, что сообщество «Война» есть дальнейшее развитие партии активного сопротивления, то об этой партии нужно сказать несколько слов. Уже в 1902 г. орган партии газета «Фриаорд» поместила статью о тогдашней программе партии; приведу эту статью в извлечении: «Нам нет более оснований воздерживаться от объединения с русской оппозицией, с теми русскими, которые официально называются революционерами. Поляки, малороссы, остзейцы[1], евреи, кавказцы – ни одна из этих групп не обладает способно-

[1] Остзейцы (от *Ost*, нем. – восток и *see* – море) – жители Остзейского края, т. е. Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний; прибалты. Часто употреблялось в значении «прибалтийские немцы». – *Д. С.*

стью собрать вокруг себя остальное. Ввиду этого наше содействие может стать и без сомнения станет большой ценностью для русской оппозиции. Мы сумеем стать ядром, вокруг которого соберутся остальные оппозиционные элементы. Мы можем способствовать организации сил, составлению практически выполнимой программы и общего плана политической работы». Соответственно с этим почти через год вот что пишет Бобриков уже в официальной бумаге о той же партии финляндской активного сопротивления: «Удаленные из Финляндии главари противоправительственного движения, избрав по большей части местом постоянного жительства Швецию, успели сплотиться в прочную организацию, своего рода революционный комитет, продолжающий направлять преступную деятельность оставшихся на родине единомышленников. Во главе комитета находится бывший сенатор Лео Мехелин, членами его состоят Конни Циллиакус, Ионас Кастрен и бывшие сенаторы Гриппенберг и Нюберг. Предложено войти в сношения с русскими революционерами для взаимного друг другу содействия в целях ниспровержения существующего в Империи государственного строя. Для подкупа иностранной прессы начат усиленный сбор пожертвований, а для восстановления общественного мнения Западной Европы против России комитет намерен разослать своих эмиссаров в разные государства для распространения повсюду враждебных русской политике воззрений». Это писал Бобриков финляндскому статс-секретарю 30 сентября 1903 г. в отношении за № 6683. И оказался совершенно прав, ибо вот что через год появилось в той же газете «Фриа-орд»: «Всего несколько недель тому назад в Париже собиралась первая конференция делегатов всех оппозиционных партий и организаций, направленных против русского единодержавия, в видах обсуждения совместных дей-

ствий ради достижения тех целей, которые, быть может, оказались бы общими для всех этих организаций. Это видно из протокола, начинающегося констатированием, что конференция созвана по почину нескольких членов финляндской оппозиции. Выработанная и единогласно утвержденная конференцией “декларация” признает следующие главные начала и требования: 1. Уничтожение Самодержавия; отмена всех мероприятий, нарушивших конституционные права Финляндии. 2. Замена Самодержавия свободным, демократическим образом правления, основанным на всеобщем праве голоса. Что подлинник протокола и декларации подписаны всеми делегатами, принимавшими участие в конференции, в том свидетельствуем: П. Струве [5] (Освободительный союз [6]), А. Каневски (Польская социальная партия [7]), А. Гарденин (Русская революционно-социальная партия [8]), Конни Циллиакус (Финляндская партия активного сопротивления)». Это было в 1904 г., а в 1906 г. вышли воспоминания того самого К. Циллиакуса, о котором здесь упоминается дважды как о главе революционеров, воспоминания о прошлых событиях, где он пишет так: «Сближение между революционными партиями и организациями состоялось в Париже в 1904 г. Ранее отдельные оппозиционные партии в русском государстве никогда не действовали сообща, наоборот, находились во взаимной вражде и в лучшем случае смотрели друг на друга с глубоким недоверием. Общее положение теперь указало вожакам различных партий, что наступило время для совместной работы. Финляндская партия революционеров взяла на себя временно требуемую обстоятельствами инициативу соединения разных партий, несогласных между собой. Финляндская партия косвенно уже оказала немаловажные услуги освободительному движению в России приобретением симпатии всей мировой прессы в своей

борьбе против абсолютизма. Члены партии делались центральным ядром, вокруг которого собираются отдельные оппозиционные элементы. Таким образом, при согласных действиях после общих сношений либералов, революционеров, социалистов, антисоциалистов, русских, поляков, армян, грузин, евреев, латышей и других завоеванные и порабощенные силой народы окружают Россию пылающим кольцом бунта и революции».

Вот, господа, четыре документа. Каждый из них в отдельности, конечно, можно оспаривать довольно легко. Можно оспаривать статью «Фриа-орда», говоря: «Мало ли, что пишут в подпольных изданиях». Можно оспаривать и сообщение генерал-губернатора и записки революционера, но, когда мы сопоставим все вместе, то убедимся, что одно подтверждает другое, и подтверждает незыблемо ввиду тех хронологических дат, которые я огласил. Таким образом, представляется несомненным, во-первых, общее братание всех революционных партий на Парижском конгрессе 1904 г., затем то обстоятельство, что во главе всего этого движения, ядром всех этих революционных партий была Финляндская партия активного сопротивления, и, наконец, что за границей велась самая широкая пропаганда финляндскими эмиссарами с целью всячески вредить России и всячески восстановлять общественное мнение Европы против России. После образования этой активной партии сопротивления появились отдельные террористические акты: убит Бобриков, брошена бомба в его помощника – тайного советника Дейтриха [9], совершено покушение на убийство двух русских губернаторов, убит жандармский полковник Крамаренко, убит прокурор финляндского Сената старофинн Ионсон [10], погибла масса низших полицейских служащих, и уже тогда при расследовании этих преступлений криминал-комиссаром Пекконеном

было обнаружено, что в Финляндии образуются особые стрелковые общества, организация коих не оставила никакого сомнения, что это вооруженная организация с военным строем.

Последовавшая затем революция дала финляндцам в смысле сепаратизма очень много, но главного она им все-таки не дала. Она не дала им той вооруженной силы, на которую в решительный момент они могли бы опираться, а потребность создать эту вооруженную силу сознавалась финляндскими сепаратистами очень живо, была их заветной мечтой, и вся дальнейшая история «Воймы» – это, как совершенно правильно сказал председатель Совета Министров, и было желание восполнить тот пробел, который образовался вследствие упразднения финских войск. Вполне понималось, что, каков бы ни был государственный кризис в России, заявлять об обособлении можно только тогда, когда сзади стоит известная вооруженная сила; может быть, ее даже не придется пускать в ход, может быть, дело ограничится одним ультиматумом, – но говорить о сепаратизме открыто, заявлять о нем явно, идти, так сказать, напролом, пользуясь государственным кризисом, – а на это, несомненно, хотели идти финляндские сепаратисты, – можно было только, имея за собой вооруженную силу. И вот дальше вы увидите, какие героические усилия принимались финляндскими сепаратистами, чтобы такую силу создать.

О «Красной гвардии» мне много говорить не приходится: большинство фактов, относящихся к ней, признаны с этой кафедры председателем Совета Министров; упомяну, что действовала эта «Красная гвардия» совершенно открыто. Председатель Совета Министров уже сказал нам, что власть определяла «Красную гвардию» так: это классовая организация местного финляндского значения; и власть, которая ее так определяла, это –

генерал-губернатор Герард [11]; а в то же время предводитель «Красной гвардии» Кок [12] говорил совершенно открыто на публичном гулянье: «Мы – помощники русской революционной армии и только случайно выдвинулись на первое место». Итак, с одной стороны, публичное громогласное заявление начальника «Красной гвардии»: «Мы – революционеры», а с другой стороны, тут же заявление высшей власти в крае: «Это классовая организация местного финляндского значения». Укажу далее на братание финляндских революционеров с русскими, происшедшее в Териоках 17 июня 1906 г. Тогда еще было время I Думы, в Териоках собрался грандиозный митинг, и член Думы Заболотный [13] держал речь, где говорил: «Цель революции – это свободный союз освобожденных народов, населяющих Россию». Вот как с совершенной ясностью определялась цель революции во время этого братания. Затем наступил Свеаборгский мятеж [14], «Красная гвардия» начала открыто бунтовать – об этом тоже было здесь упомянуто, – и когда те лица, имущество которых она разбивала, в данном случае управляющий трамваем, обратился к гельсингфорсскому полицеймейстеру с просьбой, нельзя ли эту «Красную гвардию» унять, то гельсингфорсский полицеймейстер ответил, что нельзя. Он сказал, что полиция наполовину находится в самой тесной связи с «Красной гвардией» и, во всяком случае, сочувствует ей. Итак, господа, «Красная гвардия» – это помощники русской революционной армии, а гельсингфорсская полиция – это помощники «Красной гвардии», а во главе управления – генерал-губернатор Герард, который заявляет, что это – классовая организация местного финляндского значения. (*Голоса*: «Браво, браво!».) Когда разыгрался Свеаборгский бунт, 81 человек финляндцев, принадлежащих к «Красной гвардии», были захвачены в Свеабор-

ге с оружием в руках, то вдруг и очень пассивный до тех пор генерал-губернатор Герард здесь проявил необычайную энергию, совокупно со статс-секретарем Лангофом [15], и энергия эта хорошо известна г[осподину] председателю Совета Министров. Принимались все меры, чтобы как-нибудь избавить финляндцев от военного суда. Русских – тех пускай судит военный суд, пускай их вешают – это Финляндского генерал-губернатора не касается; но вот финляндцев из этого военного суда надо всячески вызволить, и это действительно удалось – в то время, когда русские мятежники, захваченные в Свеаборге, как военные, так и не военные, судились военным судом и многие из них были присуждены к смертной казни, финляндские мятежники в количестве 81 чел[овека] судились судом гражданским и присуждены к тюремному заключению на два года – только двое подверглись большему сроку заключения. При этом весьма характерна та речь, которая была произнесена на суде одним из высших представителей финляндской обвинительной власти – адвокат-фискалом Шюбергсоном. Он говорил так: «Цель измены не доказана, – это в Свеаборгском-то бунте, – потому что для получения земли и воли русскому народу могло быть достаточным только уничтожить бюрократию или камарилью, стоящую вокруг Особы Царя». Такие мнения публично в процессе о мятеже высказывал высший представитель финляндской прокуратуры! После Свеаборгского бунта «Красная гвардия» была настолько скомпрометирована, что пришлось ее официально закрыть, но закрытие это состоялось только на бумаге, и об этом опять-таки говорит нам совершенно определенно финляндская же газета «Уузи-суометар» (“Uusi-Suometar”), которая констатирует, что, например, в сентябре 1906 г. случай, когда на ст[анции] «Миннио» пришел поезд, явились какие-

то господа, которые заявили, что в этом поезде должен быть динамит для «Красной гвардии», и бросились обыскивать вагон, желая этот динамит найти.

Прежде чем перейти к событиям, касающимся непосредственно «Воймы», я должен сказать несколько слов о финляндской полиции ввиду самой тесной связи, в которой находится эта полиция с «Красной гвардией», с одной стороны, и с «Воймой» – с другой. Прежде всего, обращает на себя внимание, что финляндский Сенат проявил чрезвычайную заботливость о полиции и бюджет ее с полутора миллиона марок увеличился на 2 630 000 марок. Когда такое радикальное учреждение, как финляндский Сенат, проявляет такую необычайно трогательную заботливость о полиции, когда оно увеличивает бюджет этой полиции чуть не в 2 раза, то всегда кажется несколько подозрительным, не преследуются ли тут какие-нибудь задние цели, потому что вообще чем либеральнее учреждение, тем более скептически обычно оно смотрит на расходы полиции. И вот мы узнаем, что после увеличения бюджета все старания финляндских властей были направлены к тому, чтобы эту полицию вооружить боевыми винтовками Маузера [16], и только вмешательство в последний момент русских властей этому воспрепятствовало.

Далее мы узнаем, что в помощь полиции на казенный счет при содействии губернаторов стали учреждать особую охранную гвардию, тоже вооруженную винтовками. Так, например, имеется сообщение, что на станцию «Вильнула» прибыл транспорт, в котором было 460 ружей для этой охранной гвардии. Казалось бы, что все это делалось для подавления в стране преступлений, но вот что странно. Одновременно уже цитированная мною газета «Уузи-суометар» (“Uusi-Suometar”) пишет: «Наш народ, любящий мир и порядок, всегда стоял вдалеке от

этой охранной гвардии, считая, что охранная гвардия является сильной угрозой общественному спокойствию и безопасности». Так думает старофинская газета. Для чего же после этого учреждалась охранная гвардия? Для борьбы с обычной преступностью или для каких-то задних целей, на которые явно указывает эта самая старофинская газета?

Перехожу теперь к событиям, касающимся уже непосредственно «Воймы». Многие из этих событий уже констатированы здесь председателем Совета Министров. Он нам сказал и о «Джон Графтоне», и о «Ханхи», и о «Петере» – о том, одним словом, что целыми пароходами ввозилось в Финляндию оружие, складывалось в прибрежных сараях и затем массами направлялось внутрь страны. Возвращаться к этому я не буду. Я только упомяну о брошюре «Изнанка революции», где документально устанавливается, что пароход «Джон Графтон» был отправлен Конни Циллиакусом, причем Циллиакус имел возможность отправить этот пароход благодаря тем деньгам, которые он в Париже получил от японского агента Акаши, который, снабдив деньгами Циллиакуса и дав ему возможность отправить транспорт груза с оружием на север, в то же время устроил отправку другого транспорта оружия на юг, на Кавказ. Характерно также, что во время Московского вооруженного восстания [17] революционеры были вооружены оружием именно того типа, который был на пароходе «Джон Графтон». Итак, господа, вооружение Финляндии шло вовсю. Газеты старофинского лагеря отнюдь не молчали, они все время писали об этом, и писали в очень резкой форме. Мало того, как это ни странно, но о том же писали и социалистические газеты. Они прямо заявляли: «К нам ввозится оружие, это всему миру известно, а, между тем, правительству все время нашептывают

здесь и в России, как опасна социал-демократическая партия, и в то же время укрепляют и вооружают отряды». (**Гегечкори** (Кутаисская губ.) *с места*: «Какая газета?».) Это писала газета «Социалист».

Председательствующий. Прошу не переговариваться.

Замысловский (Виленская губ.) И вот, несмотря на все это, что же делали русские власти? В шведоманской газете “Hufvudstadbladet” [18] появляется заявление генерал-губернатора, что все это глупые, преувеличенные басни газет, заслуживающие, самое большое, смеха, и, вероятно, мы бы никогда не добились преследования «Воймы», если бы факты, наконец, не стали бы слишком резкими, слишком волнующими. За февраль 1906 г. в Финляндии вышел целый ряд воззваний от имени «Воймы», открыто призывавших к вооруженному восстанию. Эти воззвания были подписаны Эро Кальске, причем адрес этого самого Эро Кальске: Гельсингфорс, Петровская, 7. Шведоманские газеты не замедлили заявить, что все это опять-таки вымысел и басня, что никакого Эро Кальске не существует и что циркуляры подложны. Но тогда старофинские газеты совершенно категорически заявили, что Эро Кальске – это Карл Маннелин, издатель радикальной газеты “Vastaisuus” [19]. Этот факт они констатировали в совершенной точности. Мало того, газеты эти указывали на такие события: в г. Куопио [20] городской муниципалитет отчислил 300 марок в распоряжение «Воймы», из Бьернеборга [21] отправлен в Куопио вагон, в котором имеется 63 места оружия, газеты указали и номер вагона – это вагон за № 6892. И вот, когда уже это сообщение появилось в газете “Uusi-Suometar” и вагон вслед затем пришел в Таммерфорс [22], то на станцию Таммерфорс вышел местный полицеймейстер Нандельстадт, вагон № 6892 запечатал своей должностной

пломбой, чтобы «посторонние лица не заглядывали туда из любопытства», а самый вагон отправил дальше, и он прибыл благополучно на место назначения в Куопио. Это Нандельстадт делал тогда, когда в газетах прямо писали, что в вагоне № 6892 провозится оружие. Вот как относились финские власти с генерал-губернатором во главе к тому вооруженному восстанию, которое там подготовлялось совершенно открыто.

Наконец, после того как произошли события со шкуной Ханки, где был груз оружия, направленного прямо Карлу Маннелину, он же Эро Кальске, где были, между прочим, русские солдатские шинели, по-видимому, для того, чтобы переодеваться, в октябре 1906 г. собрался съезд старофинской партии, и вот какую резолюцию этот съезд вынес: «Собрание, единогласно выражая самое решительное неодобрение тайному ввозу оружия в страну и секретному вооружению граждан, публично высказывает строгое порицание небрежности, проявляемой должностными лицами в деле выяснения кроющихся здесь тайных замыслов. Вместе с тем собрание в целях безопасности граждан и общества требует, чтобы правительственные и должностные лица без замедления и основательно выяснили это дело и затем подвергли виновных наказанию». У нас в России, господа, обыкновенно правительство требует от общества, чтобы общество ему помогло, но общество ему не помогает. В Финляндии наоборот – общество, мирное общество говорит правительству: «Охраните нас, пожалуйста, от той политики авантюр, в которую нас толкают. Нас толкают на вооруженное восстание; к нам ввозится оружие целыми пароходами, и мы единогласно требуем от правительства, чтобы оно вмешалось, чтобы оно прекратило это»; но генерал-губернатор говорит: «Нет, – это глупые преувеличенные басни». Но, впрочем, после этой единогласно воти-

рованной резолюции <вот> взгляд генерал-губернатора о «Войме»: он находил, что «Войма» существовала, но преследовала цели обороны. «Цели, имеющие некоторое основание ввиду того недоверия, которое существует в Финляндии по отношению [к] русской правительственной власти из-за статей некоторых русских газет».

Тем не менее, после описанных событий было поручено произвести расследование. И вот расследование, произведенное чрезвычайно небрежно, чрезвычайно поверхностно, расследование запоздалое, тем не менее, выяснило факты поразительные. Так, например, было установлено, что в деревню Пиелакс Вазасской губернии [23] было ввезено 298 ящиков оружия, считая по 20 ружей в ящике, – это составит около 6 тыс. ружей; кроме того, было ввезено 204 тыс. патронов. Это установлено официальным расследованием герадсгевдинга Седергольма, произведенным по поручению генерал-губернатора. Несмотря на все это, когда расследование закончилось, прокурор Финляндского Сената имел дерзость написать генерал-губернатору, что «признаков преступления в деле "Воймы" все-таки не содержится». И только тогда генерал-губернатор разразился сообщением финляндскому статс-секретарю от 11 марта 1907 г. за № 1679, где констатируется, что восстание «Воймою» подготовлялось, что под именем Эро Кальске скрывался Карл Маннелин, который, однако, продолжает гулять на свободе и по сие время и в качестве обвиняемого не привлечен, констатируется, что был даже назначен срок восстания, и в заключение прописано: «Правда, прокурор Финляндского Сената высказывает, что некоторые воззвания, изданные от имени союза "Воймы", являются подложными, но такие предположения не подтверждаются положительными данными, и факт выпуска воззваний преступного содержания остается ничем не опровергнутым».

Некоторые из членов общества, как Мексмонтан [24], например, открыто признают, что принадлежали к Партии активного сопротивления, преступный характер каковой они перенесли по прекращении деятельности партии и во вновь учрежденное при их участии общество «Война». Стремление скрыть истинную цель общества в настоящее время, когда существование его обнаружено, проявилось в уклончивых показаниях члена этого союза таммерфорсского полицеймейстера Нандельстадта и в полном отказе от дачи показаний Карла Маннелина. Из всего изложенного является доказанным, что некоторые должностные лица, явно злоупотребляя своей властью, участвовали в сокрытии тайного водворения оружия в край, другие же лица принимали деятельное участие во ввозе оружия и распространении его в среде населения. Все это совершалось ими с целью, с намерением содеять преступление против Верховной Власти.

Итак, господа, каковы же действия генерал-губернатора? Сначала, в первой половине 1906 г., он заявляет, что подготовка восстания – это «басни газет», и никаких мер расследования не принимает. Затем, когда общество единогласно высказывает пожелание расследовать дело, когда в газетах прямо пишется о том, что под таким-то номером следует вагон с грузом оружия для восстания, он говорит, что «Война» есть общество, преследующее цели обороны, и, наконец, уже через год – то, что я читал, относится к 11 марта 1907 г., – он говорит, что, несомненно, подготовлялось преступление против Верховной Власти. Спрашивается: что же он делал в течение целого года? Он говорит прямо о должностных лицах, которые принимали участие в явно преступной деятельности. Что же он сделал с этими должностными лицами? Председатель Совета Министров говорит, что двое

из них – Нандельстадт и Эман – были удалены от должности, но г[осподин] председатель Совета Министров не добавил, что Эман вознагражден пенсией в 3 тыс. марок. Это, господа, человек, который явно у всех на глазах подготовлял вооруженное восстание.

Несмотря на желание финляндских властей замять дело, было назначено судебное разбирательство. По русским законам всякое уголовное разбирательство на суде сопряжено с привлечением кого-нибудь в качестве обвиняемого. В Финляндии законы несколько иные, – там возможно судебное разбирательство при наличности обвиняемых, но возможно и такое разбирательство, когда никто в качестве обвиняемого не привлекается, а дело ограничивается допросом свидетелей, и вот финляндские власти настояли, чтобы дело об обществе «Война» рассматривалось таким порядком, при коем ни единого человека в качестве обвиняемого привлечено не было. Вот почему не вполне точно г[осподин] председатель Совета Министров говорит, что Нандельстадт был под судом. Нет, он под судом не был, а только был вызван в качестве свидетеля, не более того; на большую репрессию власть не пошла.

Когда разбиралось дело о «Войме», то в финляндских газетах совершенно открыто писали, что все судопроизводство носит характер издевательства над правосудием и лишь способствует популяризации идей «Воймы». Интересно, например, показание свидетеля Луото, что он, Луото, служа в «Красной гвардии» помощником капитана Кока, присутствовал при том, как к Коку обратились главари «Воймы» и просили его, не может ли «Красная гвардия» соединиться с «Воймой». Кок полуобещал. Вслед за тем к Луото пришел один из видных деятелей «Воймы» и просил принять в число начальников «Красной гвардии», обещая за это 3 тыс. винтовок.

Установили документально, что циркуляры за подписью Эро Кальске действительно исходили от «Воймы», это устанавливается официальным сообщением генерал-губернатора за № 1679.

Позвольте мне выдержки из некоторых этих циркуляров огласить.

Так, например, мартовский циркуляр предписывает: «Следует запастись в возможно большем количестве оружием, огнестрельными припасами, взрывчатыми веществами, придерживаясь новейшей военной техники. Ныне особенно удобное время для приобретения маузеровских винтовок с кинжальными штыками по особо дешевой цене. Бедным будет роздано оружие на средства кассы, которая в настоящее время значительно увеличилась. Телеграф захватим, а железные дороги в наших руках. Впредь будем помогать русским братьям в их борьбе против правительства, ибо чем более они ослабят нашего противника, тем легче нам отделиться от России. В продолжение этого времени наши способные дипломаты постараются ослепить Русское правительство, обманывая его. Будем неустанно подготовляться, пока не дадут знак о начале действий, которые мы мужественно исполним. Да здравствует будущая финляндская республика!

Г. Гельсингфорс, марта 1906 г.

Эро Кальске».

В таком роде и другие циркуляры, которые совершенно открыто, при полном попустительстве местных властей до генерал-губернатора включительно распространялись по Финляндии. Так, например, майский циркуляр гласит: «В скором времени в России опять начнутся беспорядки, более продолжительные и кровопролитные, чем предыдущие. Поэтому мы в течение лета должны окончить свои приготовления. Если желаете получить оружие и прочее, то обратитесь ко мне. Я дам

указания, как поступить в этом деле. Следует соблюдать полное молчание касательно действий союза “Сила”. Почта, телеграф, железные дороги перешли на нашу сторону, а потому, наверное, выиграем наше дело. Не следует трусить, если желаем свободы. Да погибнет Россия и не будет числиться Империею между государствами. Да здравствует республика!

Гельсингфорс, мая месяца 1906 г.

Эро Кальске».

Другой характерный циркуляр «Воймы», который я хотел привести в выдержке, дан уже в августе 1906 г.; тон совершенно иной. Не забудьте, господа, что в этот промежуток времени состоялся роспуск I Думы и Свеаборгский бунт, окончившийся неудачно. Несомненно, расчет у воймистов был не тот: они рассчитывали, что Дума не будет распущена так скоро, что дело затянется до осени, а осенью вспыхнет восстание в целом ряде городов России. Свеаборгский бунт вспыхнул несколько раньше, чем думали его зачинщики, он должен был вспыхнуть осенью, и вот тогда, осенью 1906 г., собирались затеять вооруженное восстание и финляндские революционеры. Обстоятельства спутали их игру: I Государственная Дума была распущена раньше [25], революционная волна не успела достичь своего гребня, как на это рассчитывали революционеры. Свеаборгский бунт разыгрался неудачно. И вот в августе тон сразу сбавляется, и это находит себе яркое выражение в соответствующем воззвании. (*Шум; возгласы*: «Довольно, довольно».)

«Примите меры спрятать все оружие в надежные места. Пушки и пулеметы, если вы их успели принять, прошу предварительно зарыть в землю, смазать снаружи и обернуть непромокаемой тканью». Поясню, что одна партия такого спрятанного оружия была уже найдена в окрестностях Гельсингфорса. «Каждый пусть тщательно

спрячет свое оружие и патроны, т. к. по опрометчивости “Красной гвардии” революционное движение вспыхнуло немного раньше, чем было предположено. Намерение наше было начать войну за свободу в октябре месяце – к этому времени наши крестьяне успели бы убрать свой годовой урожай, а равно был бы закончен привоз оружия в край. Поэтому нам поневоле приходится отложить всю затею на более отдаленное время. Теперь же нам следует успокоить русских, каковую задачу обязан взять на себя Лео. Может быть, даже и скоро русские соберутся устроить нам подходящий момент для осуществления нашей великой задачи.

Гельсингфорс. Август 1906 г.

Эро Кальске».

В таком роде и последующие циркуляры «Воймы». Таким образом, господа, существование революционного сообщества, того сообщества, которое стремилось к восстанию и отделению Финляндии от России, доказано совершенно несомненно; скажу еще два слова о соотношении «Воймы» с «Красной гвардией». (*Шум слева; справа возгласы*: «Тише».) «Красная гвардия»… (*Голоса слева*: «Довольно»; *голоса справа*: «Продолжайте, просим»; *звонок председательствующего*.)

Председательствующий. Покорнейше прошу не шуметь, дайте оратору кончить.

Замысловский (Виленская губ.). «Красная гвардия» – это была организация социалистическая, организация пролетарская, она опиралась на рабочие классы и на низы общества; наоборот, союз «Воймы» – это был союз буржуазно-радикальных классов, союз шведоманский, который и пользовался покровительством тех шведоманов, которые захватили власть, которые заседали и в Сенате, которые исполняли полицейские обязанности до полицеймейстера включительно. Цель обеих этих ор-

ганизаций до поры до времени была общая – бороться с Русским правительством, поэтому они шли рука об руку; но когда неожиданно вспыхнул Свеаборгский бунт, то руководители «Красной гвардии» не успели оценить, так сказать, момента, не успели удержать «Красную гвардию», и «Красная гвардия» приняла участие в бунте, чем, конечно, скомпрометировала себя совершенно. Наоборот, руководители «Воймы», более прозорливые и уравновешенные, успели удержать свои силы и своевременно эти силы скрыть, а оружие запрятать в надежные места. О таком соотношении «Красной гвардии» и «Воймы» мы находим прямые указания в циркулярах «Воймы». В этих циркулярах, наконец, мы находим указания на то, что подписные листы «Воймы» распространялись должностными лицами, занимавшими такое сравнительно высокое служебное положение, как Кнорринг Тернгрен, а на этих подписных листах было написано: «В память (*голоса слева*: «Довольно»; *голоса справа*: «Тише, просим»)… Я сейчас кончу, господа. Было написано: «В память Евгения Шаумана» [26], а Евгений Шауман – это убийца Бобрикова. – «Мы убеждены, что Шауман ревностнее всех других поддержал и развил нашу идею». И вот подписные листы с таким заголовком распространялись, между прочим, согласно воззваниям «Воймы», Кнррингом и Тернгреном, а Тернгрен – это чиновник финляндского статс-секретариата, того, который входит со всеподданнейшими докладами, Кнорринг же – это губернатор Сен-Михельский [27], а чтобы охарактеризовать служебную деятельность Кнорринга, позвольте мне прочесть (*шум; голоса*: «Довольно», «Просим») … донесение его генерал-губернатору Герарду от 19 июня 1907 г. за № 1064: «Ружья “Джон-Графтон<ов>ского” типа [28] открыто продавались во многих местах Эстерботнии» [29] за весьма умеренную цену и вследствие этого доступны

для незажиточных; большинство из этих ружей принадлежит лицам из интеллигенции, которые приобрели себе это оружие в виде редкости, «что в некоторых частных случаях покупка состоялась чрез посредничество представителей союза “Воймы” – весьма возможно, но этого нельзя считать правилом». Это осмелился писать губернатор к генерал-губернатору; может быть, покупку боевых ружей чрез союз «Войма» нельзя считать правилом, но что финляндские власти издеваются над Русским правительством – это после всего того, что я сказал, повидимому, можно считать «правилом». Итак, господа, находя, что совершенно доказана подготовка в Финляндии вооруженного восстания, признавая, что финляндские власти упорно не желали принимать никаких мер к предупреждению этого восстания, что, несмотря на протесты мирного общества, несмотря на разоблачения газет, они оставались глухи ко всему, вокруг них происходившему, давали совершенно свободно ввозить оружие целыми пароходами и вооружать страну, – мы считаем, что наш запрос предъявлен правильно, мы считаем, что правительство должно принять самые энергичные репрессивные меры против тех должностных лиц, часть которых и до сих пор остается на своих должностях, а часть хотя и удалена, но ничем не наказана. (*Возгласы*: «Браво!»; *рукоплескания в центре и справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 66. 13.05.1908. Речь Г. Г. Замысловского по финляндскому вопросу

Замысловский (Виленская губ.). Господа члены Государственной Думы. Уже в первой моей речи я гово-

рил, что, в сущности, мы обсуждаем в настоящее время две темы: одна тема – незакономерность действий властей, – в тесном смысле слова это и составляет предмет запроса, другая тема – отношения России к Финляндии вообще. Сообразно с этим и разрешение вопроса идет двумя путями: с одной стороны, путем законодательным, а с другой стороны, мерами, принимаемыми в порядке управления. Что касается пути законодательного, то в этом отношении мы, как я уже имел честь заявить в первой своей речи, вполне удовлетворены заявлением председателя Совета Министров. Он нам сказал, что в Государственную Думу будет внесен законопроект, касающийся прав Финляндии и России. Проанализируем же, что, собственно, мы в этом заявлении приветствуем. Мы не знаем, когда будет внесен законопроект, не знаем, какой будет внесен законопроект, и, таким образом, в этом заявлении приветствуем лишь удостоверение правительства, что, по его мнению, Государственная Дума, рассматривая законопроекты, касающиеся Финляндии и России, – а если таковые законопроекты могут быть внесены правительством, то, значит, они могут быть внесены и 30 членами Думы, – рассматривая, повторяю, эти законопроекты, Государственная Дума не выступит за пределы тех прав, кои благоугодно было даровать Государственной Думе Самодержавному Государю. Вот эту часть заявления председателя Совета Министров мы горячо приветствуем, приветствуем то, что когда мы будем обсуждать в Думе законопроект, касающийся прав Финляндии и России, то за пределы нашей компетенции, по мнению правительства, не выступим.

Это, повторяю, одна часть вопроса, часть законодательная, и сюда относятся все разговоры о правах русских в Финляндии, о правах финляндцев в России, о правах финляндского Сейма [1], о правах финлянд-

ского Сената и т. д. Но, кроме области законодательства, остается еще и область управления; и ведь запрос в тесном смысле относится только к этой области управления; он говорит о попустительстве властей, каковое попустительство имело место в то время, когда в Финляндии подготовлялась революция. Г[осподин] председатель Совета Министров признает достоверность всех тех фактов, которые положены в основание запроса, и мы вправе его спросить: а что же сделано с теми должностными лицами, которые занимались таким попустительством? И сам г[осподин] председатель Совета Министров в эту область до некоторой степени вдавался, но что же он нам сказал? Он нам сказал, что один полицеймейстер был уволен и отдан под суд, а другой просто уволен. Чтобы было сделано еще что-либо, об этом нам председатель Совета Министров ничего не сказал. Но, господа, всуе писать законы, если их не исполнять; между тем при составе теперешнего управления Финляндии можно сказать с полной достоверностью, что все законы, которые будут написаны в духе более тесного сближения Финляндии с Россией, все эти законы останутся без исполнения. Я, господа, не голословен, я напомню вам, что в 1906 г. был издан в Финляндии закон «Об устранении некоторых неправильностей, вкравшихся при замещении должностей». По этому закону все лица, которые были удалены во времена Бобрикова, были возвращены в силу самого закона на те места, с которых их удалили, ввиду явно оказанного ими пассивного сопротивления. Они снова заняли эти места после того как русская власть выслала их из края, и, наоборот, все те лица, которые во время Бобрикова эти места занимали и служили Русскому правительству верой и правдой, они с этих мест были удалены в пользу тех агентов пассивного сопро-

тивления, которые призывали не исполнять воинскую повинность. Мне кажется, я вправе сказать, что после такого закона при теперешнем составе финляндской администрации никакой закон, клонящийся к более близкому соединению Финляндии с Россией, в жизнь провести нельзя. И в самом деле, разберемся в теперешней деятельности финляндской администрации: о генерал-губернаторе Герарде я говорил достаточно подробно и повторяться не буду; скажу несколько слов о деятельности статс-секретаря Лангофа.

Покуда правительство попустительствовало в отношении «Воймы», статс-секретарь Лангоф молчал, но как только дело начало принимать более или менее серьезный оборот, статс-секретарь Лангоф разослал в редакции русских газет статью под заглавием «Сведения газет о нелепых слухах о вооружении Финляндии». Эти брошюрки были разосланы в редакции газет за подписью самого статс-секретаря Лангофа. Я не буду говорить, насколько подобает министру заниматься подобным делом, насколько это тактично, но я скажу о том, что в феврале 1907 г. статс-секретарь Лангоф рассылал брошюрки, в которых доказывал, что «Войма» – призрак, а в марте 1907 г. генерал-губернатор официально писал, что «Войма» существует, что она подготовляет вооруженное восстание; как вы совместите то обстоятельство, что два представителя высшей власти почти одновременно пишут диаметрально противоположные вещи? Это о статс-секретаре. Далее – губернаторы. Я оглашал, господа, донесение губернатора Сен-Михельской губернии, который пишет, что да, «Джон-Графтоновские» ружья продаются, но население их покупает «в виде редкости».

Далее, финляндский Сенат. О деятельности Лео Михелина вам достаточно известно; укажу на дру-

гого сенатора. Существует сенатор Кастрен – человек, точно так же высланный Бобриковым за пассивное сопротивление. Относительно этого Кастрена в тех воззваниях, подлинность которых признается генерал-губернатором, пишется, что он «инспектирует приготовления “Воймы”», а когда в Сейме заходит речь о больших издержках на полицию, и Кастрен утверждает, что эти издержки вызваны революционным движением, то ему возражает социалист Танио, который говорит ему: «Вы отлично знаете всю историю “Джон-Графтоновских” ружей, и вы отлично знаете о целом ряде покушений при помощи бомб, доказательств же я приводить не буду, потому что доказательства эти были бы слишком убийственны». Это, господа, из прений в финляндском Сейме. Вот что представляет из себя финляндский Сенат.

Пойдем дальше. Финляндский суд, финляндская прокуратура. Я вам уже оглашал деятельность адвокат-фискала Шюбергсона, который на суде заявил, что в Свеаборгском бунте нет признаков государственной измены. Если этого мало, то я еще укажу вам на то, что тот же самый Шюбергсон на суде говорил, что приговор военного русского суда в Финляндии не может иметь не только юридического, но и морального значения. Этот самый Шюбергсон в процессе о «Войме» как государственный обвинитель заявил, что «цель “Воймы” – оборона страны от внешней опасности», а в процессе русских революционеров Шюбергсон утверждал, что «культурная страна должна оказывать должную защиту не только своим согражданам, но и иностранцам», причем под иностранцами разумелись два русских революционера. Вот каково отношение финляндской прокуратуры.

Наконец, отношение полицейских властей уже достаточно опять-таки характеризовано ввиду того, что

полицеймейстеры Нандельстадт и Эман являются заведомыми воймистами, как это признано и председателем Совета Министров. Вот при такой картине финляндского управления разве не совершенно ясно, что какие бы вы законы ни писали, все равно они будут написаны всуе? И, повторяю: если мы удовлетворены заявлениями г[осподина] председателя Совета Министров в области законодательства, то относительно области управления мы ничего не слышали. Ведь названные господа или остаются при своих должностях, или, во всяком случае, к суду не привлечены. Но не буду говорить о должностных лицах, – лицо частное, этот самый знаменитый Карл Маннелин, – ведь здесь, с этой самой кафедры, констатировано, что он призывал к бунту, что на его имя было выслано 29 ящиков оружия, в которых содержалось 540 винтовок, 250 штыков и 100 трубок для разрывных снарядов. Это все признается с этой кафедры, признается представителем правительства, и этот самый Карл Маннелин, он же самый Эро Кальске, гуляет по улицам Гельсингфорса так же свободно, как гуляем мы по улицам С.-Петербурга. Согласитесь, господа, что при таких обстоятельствах нам ничего не остается делать, как просить более подробных объяснений, что же с этими господами правительство собирается делать? (*Возгласы справа*: «Правильно».) Мы отлично понимаем, господа, что на большинство Думы мы рассчитывать не можем. Это вполне выяснилось из тех речей, которые отсюда раздались. После речи члена фракции <Союз>17 октября Петрово-Соловово [2], который, говоря о Финляндии, все время противополагал бывший Самодержавный строй, который оставил тяжелое наследство, строю «конституционному», после того, что говорил член Государственной Думы гр[аф] Бобринский, – нам совершенно ясно, что мы пойдем одни; мы

пойдем изолированно (*возглас справа*: «С нами пойдет русский народ!»; *смех слева*), но это, господа, нас нисколько не смущает, пусть мы пойдем одни!

Шингарев (Воронежская губ.) (*с места*). И ступайте, пожалуйста.

Замысловский. Но впоследствии окажется, кто был прав и кто был не прав. Если мы не услышим ничего от председателя Совета Министров или остальные фракции не поддержат нас в формуле перехода к очередным делам, мы запроса не снимем, мы его не снимем потому, что желаем предоставить правительству месячный срок и через месяц увидеть, продолжают ли те должностные лица, о которых я говорил, оставаться на своих местах или их, наконец, убрали; ходит ли г[осподин] Эро Кальске, он же Карл Маннелин, призывавший к бунту, по улицам Гельсингфорса, или он пристроен в более надежное место. (*Смех*.) Вот, господа, те основания, по которым я нахожу, что мы должны вести запрос дальше и настаивать на его принятии; пусть его отвергнут, но я заявляю: пока мы запрос поддерживаем. (*Рукоплескания справа; возгласы*: «Браво!».)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 116. 21.05.1910. Речь Г. Г. Замысловского о Финляндии

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. В рассматриваемом вопросе надлежит различать две стороны: политическую и юридическую, правовую. С точки зрения политической, несомненно, государство не может допускать в нескольких десятках верст от столицы существования

области, которая открыто стремится к сепаратизму, к обособлению; нельзя допускать существования такой области, которая во время государственного кризиса подготовляла вооруженное восстание, области, где систематически (**Егоров** [1] *с места*: «Старая песня») прививают населению чувства ненависти к России, области, где дают широкий приют русским революционерам и стараются, чтобы они были в недосягаемости от русских властей, чтобы они сплотились и сорганизовались. Вот в нескольких словах те главные причины, по которым настоящий законопроект необходим политически. Это состояние, угрожающее государственной безопасности, должно быть прекращено законодательным путем или силою оружия, если понадобится, – это все равно, но такое положение вещей не может быть терпимо, ибо оно угрожает государственной безопасности. Но на политической стороне дела, хотя она и наиболее важна, я не буду останавливаться подробно; это будет сделано одним из моих товарищей по фракции. Меня интересует другая сторона дела, сторона юридическая – ей я и посвящу свою речь. Независимо от того, что настоящий законопроект необходим в силу только что выясненной конъюнктуры, возникает другой вопрос: насколько он соответствует правам и прерогативам Финляндии, не является ли он, в самом деле, нарушением вот этой финляндской конституции, нарушением этих финляндских основных законов, которым обеспечено будто бы правовое и ненарушимое функционирование? В этом отношении существует теория, что Финляндия есть особое государство, а если это государство, то, разумеется, мы не вправе издавать для него законы. Эта теория, однако, не выдвигается теперь официально. Но если бы она и выдвигалась, то разрушить ее не стоило бы особых трудов. С одной сто-

роны, мы имеем Фридрихсгамский трактат 1809 г. [2], тот международный юридический титул, на основании которого Россия владеет Финляндией. И там в ст. 4 совершенно категорически сказано про Финляндию, что «губернии сии будут отныне состоять в собственности и державном обладании Империи Российской и к ней навсегда присоединяются». Это с точки зрения международной. С точки же зрения нашего внутреннего законодательства, обязательного для нас, мы имеем ст. 2 Зак[онов] Осн[овных], где не менее категорически сказано: «Великое Княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства».

Приведенные два законодательных акта совершенно категорически разрушают теорию о финляндском государстве; впрочем, повторяю, теория эта в настоящее время серьезно и не поддерживается, ибо в ответе Сейма на с. 42 вы можете прочесть: «Финляндия составляет нераздельную часть Российского государства». Представитель же оппозиции, как он себя именует, член Государственной Думы Милюков, – и в комиссии, и ранее, когда он говорил речь по финляндскому запросу, заявлял: «Неверно, что Финляндия – особое государство». Но то обстоятельство, что Финляндия не есть государство, еще вовсе не устраняет юридического спора, ибо и финляндцы, и член Государственной Думы Милюков утверждают, что хотя Финляндия и не есть государство, но это область с элементами государственности, это «фрагмент» государства, «рудиментарное» государство, имеющее, однако, и свою конституцию, и свои основные законы, а потому посягательство на эту государственную область произойдет, раз мы примем настоящий закон.

В этом все-таки известный успех; все-таки, значит, мы имеем дело не с государством, а лишь с «фрагментом», с обломком государства, но, тем не менее, приходится говорить и об обломке. Итак, г<оспода>, по утверждению наших противников, в Финляндии есть конституция. Но если есть конституция, то мы вправе спросить: покажите нам этот торжественный акт, коим утверждена финляндская конституция, покажите нам эту *magna charta libertatum*! [3] Где, когда она была дана и кем октроирована?[1] Такого документа нам не показывают, а ссылаются на грамоту, данную 15 марта 1809 г. Императором Александром I в Борго [4], где мы читаем: «Произволением Всевышнего, вступив в обладание Великого Княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по *конституциям*[2] их доселе пользовались». Итак, сакральное слово произнесено. В грамоте сказано «по конституциям». Правда, сказано это во множественном числе, но все-таки слово произнесено. (*Голос слева*: «Да, не отвертишься».) А член Государственной Думы Гегечкори указывает, что оно было повторено и в другом акте, и даже в единственном числе, было сказано «конституция». Но тут был, правда, прибавлен перед

[1] Октроирование (фр. *octroyer* – жаловать, даровать) – способ принятия конституции в государстве. Наряду с традиционными способами принятия конституции, такими как принятие конституции парламентом или на референдуме, существует принятие конституции действующим главой государства – монархом, президентом, или дарование конституции колонии, зависимой территории метрополией. Такой способ и называется октроированием. Впервые октроирование было применено во Франции: 4 июня 1814 г. вступила в силу «хартия 1814 г.», октроированная королем Людовиком XVIII; она представляла собой развитие конституции 6 апреля 1814 г.

[2] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

словом «конституция» страшный эпитет: «особенная» конституция Финляндии. Г<оспода>, на этой терминологии решительно ничего строить нельзя, ибо мы прекрасно знаем, что в начале XIX в. слово «конституция» значило – устав, учреждение, установление. Так, напр[имер], в те времена мы имели *constitutio criminalis Carolina*[1] – в переводе на русский язык – уголовное уложение. Далее мы имеем *constitutio Theresiana* – другое уголовное уложение; мы имеем *constitutio academiae Lipsiensis* – «конституцию» Лейпцигского университета. Университетские уставы назывались конституциями. В русских законах мы можем встретить «военную конституцию». Так назывались военные уставы. Тогда вообще была иная терминология, тогда были такие иностранные выражения, как артикул, регламент, теперь совершенно не употребляемые, но зато не было русских выражений: «устав», «установления», «учреждения», которыми теперь перевели тогдашние понятия начала XIX в. Этим объясняется, почему говорится о «конституциях» Финляндии во множественном числе – говорится об «установлениях» и «учреждениях». Этим объясняется эпитет «особенная» конституция – да, *особые* финляндские постановления.

Что это так, подтверждается следующим обстоятельством. Приведенная мною грамота Александра I от 15 марта 1809 г. дословно повторялась и следующими Монархами при вступлении на престол. Подобные грамоты давались и Остзейским провинциям, и даже, в свое время, г. Киеву. И вот Император Александр II воспроизвел эту грамоту Императора Александра I, воспроизвел ее тот Монарх, который начал «созывать сеймы», тот Монарх, при котором финляндская «конституция» и финляндский сепаратизм расцвели пышным цветом.

1 «Королевское уголовное уложение» (лат.).

И, воспроизводя грамоту Александра I, Император Александр II изменил в ней только одно слово: там, где было сказано «по конституции», Александр II начертал по «установлениям». Итак, этот термин «конституция», отрывочно выдранный из некоторых старинных актов, повторяю, ничего не дает; нам надо найти что-нибудь более реальное. И вот нам ссылаются на Боргоский сейм 1808 г. Говорят, там было учредительное собрание, составившее этот договор Царя с народом, эту конституцию, утвердившую основные законы.

Прежде всего, г<оспода>, любопытен состав этого сейма, собравшегося в маленьком, ничтожном городишке, в гимназическом зале ограничить права одного из величайших Самодержцев мира. На сейме, строго сословном, было 60 дворян, 8 духовных, 19 горожан и 30 крестьян; из этих 30 крестьян 26 не понимали по-шведски. Когда здесь заходит речь о дворянах, то мы неизменно слышим с левых скамей, что это вовсе не представители народа; это «представители кучки эксплуататоров», которые и могут-де говорить только от этой кучки, но отнюдь не от имени народа. Но когда разговор идет о Финляндии, то логика обратная. И вот этот сословный сейм, где 60 дворян, выбранных от сословия, представляли большинство, абсолютное большинство, этот сословный сейм является тем учредительным собранием, которое говорило от имени всего финляндского народа. (*Голоса справа*: «Браво!».)

Действительно, Государь обещал финляндцам сохранить их основные права, религию и привилегии; но что это значило? Каково было историческое значение этих обещаний? Страна завоевывается, в ней идет война, мир еще не заключен. Можно опасаться, что война примет затяжной характер, превратится в войну партизанскую, сопряженную с чрезвычайным и излишним

кровопролитием для обеих сторон. Это может случиться потому, что население боится русского владычества. В России существует крепостное право, которого в Финляндии нет; в России существует чрезвычайно тяжелый рекрутский устав, которого в Финляндии нет; наконец, Россия – страна православная, а Финляндия – страна лютеранская; может возникнуть опасение, что принудительно будут обращать в Православие. И вот чтобы успокоить население, чтобы рассеять эти страхи, чтобы сказать населению: вам будет житься лучше, чем прежде, и никаких угнетений не наступит, Александр I является на сейм и заявляет: «Да, ваша религия, ваши права, ваши привилегии у вас останутся; никто на них посягать не собирается», – никто на них и теперь не посягает, – прибавлю я. Вот историческое значение Боргоского сейма. Ведь, г<оспода>, конституция немыслима без так называемых конституционных гарантий. То, что Монарх призывает себе на помощь в законодательной работе представительное собрание, это, конечно, еще не есть конституция. Мы знаем, каковы конституционные гарантии: особая присяга населения, которое присягает, что оно верно Монарху, но до тех пор, пока Монарх не изменяет основных законов; особая присяга самого Монарха, присяга его на верность конституции, основным законам; наконец, если не ответственность министров, то, во всяком случае, конституционная скрепа ими всех актов верховного управления. Вот, г<оспода>, эти конституционные гарантии. Ни одной из них, разумеется, на Боргоском сейме дано не было. Между тем их значение в то время уже отлично понималось, и на том же самом сейме один из весьма влиятельных его членов бар[он] Маннергейм [5] заговорил, что не худо бы Монарху присягнуть. Но тогда Александр I чрезвычайно рассердился, и бар[он] Маннергейм немедленно

извинился, взял свое заявление обратно, и больше ничего подобного на сейме не повторялось.

Несомненно, г<оспода>, что этот сейм носил вовсе не законодательный, а лишь законосовещательный характер. И об этом весьма красноречиво говорят сами финляндские ученые. Напр[имер], Арвидсон в книге «Финляндия и ее будущее», изданной в 1838 г., пишет так (*читает*): «Речь Императора была словом, обращенным к своим подданным, а не условием договаривающегося контрагента; он хотел узнать только мнение и желания народа. Решал он один». И далее Арвидсон прибавляет: «Впоследствии даже вопросы о налоговом обложении». Вот что пишет финляндский ученый. Лишь впоследствии, когда начала расти идея финляндского сепаратизма и когда возникла мысль создать в Финляндии конституцию путем различных недомолвок, подвохов и передержек, вот тогда-то начали финляндцы говорить другое, и яркий пример этой конституционной эволюции представляет финляндец Пальме́н, который в 50-х гг. издал юридический учебник, очень одобренный местными организациями. Так, напр[имер], финляндское «литературное общество» писало, что это «драгоценное пособие для уяснения народным массам их правового положения». Там Пальме́н прямо пишет, что «Финляндия есть провинция». Но уже в 1861 г. тот же Пальме́н издал «Основные законы Финляндии», а в 1891 г., участвуя в одной из бесчисленных финляндских комиссий, этот Пальме́н, писавший раньше, что Финляндия есть провинция, начал утверждать, что Финляндия есть государство. Итак, ни грамота Александра I, ни факт созыва Боргоского сейма ничего в смысле конституции нам не дают. Но нам говорят, что Император Александр I утвердил основные законы Финляндии, и вот в этих основных законах, утвержденных Импе-

ратором, есть конституция. Вопрос о том, разумел ли в своей грамоте Александр I основные законы, очень спорный. Государь сказал: «Коренные законы», и при несовершенстве тогдашней юридической терминологии легко можно думать, что «коренные» законы – это законы давние и существенные, но вовсе не законы конституционные. Однако пойдем навстречу нашим противникам и согласимся с ними в том, что коренные законы и основные законы – синонимы и что будто бы действительно Александр I имел в виду эти основные законы. Что тогда получится? Основных шведских законов два: «Форма Правления» 1772 г. и «Акт Соединения и Охранения» 1789 г. В «Форме Правления» прописано, что цель издания этого шведского акта – «укрепить свободу так, чтобы она не была нарушаема злобными и надменными неприятелями». Ну, злобные и надменные неприятели – это, несомненно, главным образом, русские для шведов того времени. А заканчивается «Форма Правления» так: «Мы сим объявляем снова, что имеем величайшее отвращение к королевскому самодержавию или так называемому суверенитету». Вот тот акт, который будто бы признал для себя обязательным Император Александр I. Но далее, в § 1 этой «Формы Правления» мы читаем: «Монарх должен держаться чистого и ясного слова Божия, как оно изложено в катехизисе Лютера» [6], – другими словами, должен быть лютеранином. В § 3 говорится о порядке престолонаследия и сказано, что порядок престолонаследия основывается на Вестеросском соглашении [7] и на Нордчепинском решении. В § 4 и § 6 сказано, что при Государе существуют государственные советники, которых должно быть постоянных не менее 17, и без них он не имеет права заключать мир. Все это будто бы Александр I признал. В § 7 сказано, что, если король – чужеземец,

он не должен выезжать из государства без ведома и согласия государственных чинов. В § 45, который с таким удовольствием цитировал член Государственной Думы Гегечкори, значится, что король не может *вопреки королевской присяге*[1] налагать на подданных какие-либо военные контрибуции, новые налоги, рекрутские наборы и проч. Напомню, что здесь прописано, – «вопреки королевской присяге». Александр I никакой присяги не приносил. Наконец, согласно § 48, король не может даже объявлять войны без согласия и одобрения государственных чинов. Такова «Форма Правления». Но она была вскоре изменена государственным переворотом, произведенным королем в 1789 г. [8], когда утвержден «Акт Соединения и Охранения». Там мы читаем в § 1 (*читает*): «Мы признаем, что имеем наследственного короля, который имеет полную власть управлять государством, защищать, спасать и оборонять его; начинать войну, заключать мир и союз с иностранными державами; миловать, возвращать жизнь, честь и имущество; постановлять по своему высокому благоусмотрению обо всех должностях государства, которые должны замещаться *урожденными людьми*[2] и применять и соблюдать закон и правосудие». Итак, целый ряд монарших прав, но об обязанностях не говорится; а второй абзац § 1 «Акта Соединения» гласит (*читает*): «Остальные дела, относящиеся к попечению о государстве, заведываются, как королю покажется наиполезнейшим». Какие же выводы, г<оспода>, из этих старых, хороших шведских конституционных законов? Первый вывод – что вообще весьма сомнительно, мог ли Александр I их признать; второй вывод – что если он их признал, то, разумеется, лишь в известных пределах. Но тогда не известно,

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[2] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

что, собственно, он признал: не мог же Александр I признать, что должен быть лютеранином, что не может без согласия государственных чинов выезжать из Финляндии, и т. д. Значит, только известная часть «Формы Правления» и «Акта Безопасности»[1] может действовать после присоединения Финляндии к России. Но какая же часть? И вот о том, какая часть, даже шведские историки не могут согласиться между собою. Одни говорят, что действуют 20 параграфов, другие – что 22, третьи – что 25, но согласия нет и не может быть, конечно, потому, что здесь все совершенно неопределенно.

Далее. Ведь это шведские акты, где, естественно, все говорится о Швеции и шведах. Но когда Финляндия от Швеции перешла к России, то, по-видимому, вместо слов «Швеция» и «шведы» надо поставить «Россия» и «русские». Однако на это не согласны, прежде всего, сами финляндцы, потому что в «Акте Соединения и Охранения» сказано, что все должности замещаются урожденными *шведскими*[2] людьми; а при такой постановке вопроса выйдет, что все должности должны замещаться урожденными *русскими*[3] людьми. Итак, что же мы поставим вместо этих слов – «шведы» и «Швеция»? И вот, оказывается, что, согласно финляндскому толкованию, в иных местах надо поставить «русские», а в иных – «финляндцы»; но почему? Ведь Финляндия никогда особой областью, даже автономной, в Швеции не состояла – это второе соображение.

Наконец, третье, что ведь эта шведская конституция ввиду только что оглашенного мной второго абзаца ст. 1 «Акта Соединения и Охранения» очень сомни-

[1] Акта Соединения и Охранения. Перевод названия акта, допустимы оба варианта – «Акт Безопасности», и «Акт Соединения и Охранения». – *Д. С.*

[2] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[3] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

тельна. Ведь там перечисляется ряд королевских прав, а затем говорится: «Остальные дела заведываются, как королю покажется наиполезнейшим». И вот о том обстоятельстве, что «Акт Соединения и Охранения» – вовсе не конституционный акт, но акт, восстанавливающий шведское самодержавие, об этом говорят шведские ученые. Напр[имер], такого мнения держится Бередтс, который, впрочем, прибавляет слово «почти». Но дальше проф[ессор] Науман, который считается очень хорошим историком шведского государственного права, пишет, что «короли Швеции в конце XVIII и в начале XIX в. действовали вне зависимости от народного представительства».

И тут, г<оспода>, я должен вам изложить одну очень интересную и чисто юридическую теорию, которую вы найдете в сочинении бар[она] Остен-Сакена [9], в сочинении, написанном на соискании ученой степени Тюбингенского университета в 1909 г. Бар[он] Остен-Сакен говорит, что, как известно, всякое государство слагается из трех элементов: власть, территория и население. В одном государстве должна быть и единая, в смысле государственно-правовом, территория, и единая, в смысле государственно-правовом, власть. Что Александр I в начале XIX в. был неограниченным Самодержцем, этого, я думаю, и вы (*обращается влево*) не будете оспаривать, но оказывается, что в России он был Самодержцем, а в Финляндии не был Самодержцем, а был ограничен народным представительством, конституционными шведскими законами. Но ведь тогда мы имеем две власти; а раз мы имеем две власти, то мы имеем и две территории: на одной территории действует Самодержавная власть – она находится в одном государственно-правовом положении, а на другой территории действует иная власть – она находится в дру-

гом государственно-правовом положении. (*Голос слева*: «Ясно».) Значит, оказываются две территории. Но тогда мы должны признать два государства, а двух государств не рискнет признать даже финляндский Сейм и член Думы Милюков. Вот, г<оспода>, обзор того, что произошло в 1808 и 1809 гг.

Но интересно, что было дальше. Сейм не созывался долгое время – до 1863 г. И вот как в течение этого периода, так и в течение последующего издавался целый ряд чрезвычайно важных законов без участия народного представительства. Но законы были таковы, которых без участия народного представительства ни в одной конституционной стране, как бы ни была мала ее конституция, издать нельзя. Так, прежде всего, в Финляндии было введено генерал-губернаторство, что уже прямо противоречит «Форме Правления». Далее, в 1809 г. был издан «Устав Путей Сообщения» в порядке русского законодательства и Финляндия – это конституционное государство – была включена в восьмой округ путей сообщения. В 1810 г. повелено столовые деньги генерал-губернатору выдавать из русской казны. В том же 1810 г. остаток по финляндскому бюджету в размере 1 726 тыс. руб. повелено перечислить в государственное казначейство на предмет содержания русских войск в Финляндии. В 1811 г. была учреждена «Комиссия финляндских дел», впоследствии, в 1826 г., превращенная в статс-секретариат, т. е. учреждено целое министерство и без всякого участия Сейма. В 1811 г. присоединена к Финляндии Выборгская губ[ерния], т. е., значит, изменена территория этого конституционного государства тоже без всякого участия представительных учреждений. В 1812 г. организовано финляндское войско. В 1826 г. издано законоположение о судопроизводстве по преступлениям, совершенным финляндцами в России

и русскими в Финляндии, – это законоположение издано в порядке русского законодательства, через русский Государственный Совет, который говорит: «Государственный Совет выслушал два доклада Финляндского сената», издал это законоположение. А еще толкуют после этого, что общегосударственное законодательство есть попрание прав Финляндии, – тогда в 1826 г. никто о «попрании» и не заикался. В 1827 г. лицам грекороссийского вероисповедания предоставлено поступать на службу в крае, т. е. издан законодательный акт, прямо противоречащий «Форме Правления». В 1828 г. издан новый устав Финляндского университета, причем он рассмотрен русской комиссией при Министерстве народного просвещения; этот устав изменен опять-таки без участия Сейма в 1852 г. В 1829 г. издано положение о цензуре, которому предпослано следующее (*читает*): «Законоположение это издается из желания привести в согласность эту часть с постановлениями, изданными для прочих частей Империи Нашей». В 1840 г. – переложение оброчных статей; в том же году – упорядочение денежной системы; в 1841 г. разрешены новые займы; в 1842 г. увеличен гербовый сбор; в том же 1842 г. в порядке русского законодательства издана «Табель о рангах и о приобретении гражданскою службою в Финляндии прав, сопряженных с русскими чинами»; в 1843 г. опять-таки в порядке русского законодательства издано законоположение о порядке подсудности движимых имуществ лиц, водворенных в Империи, но временно пребывающих в Финляндии; в 1844 г. – о содержании директора канцелярии статс-секретаря; в 1846 и 1848 гг. – межевой устав и землемерный; в 1848 г. опять-таки в порядке русского законодательства – законоположение о введении штемпельных конвертов; в 1850 г. также в порядке русского законодательства – положение для Финляндского

кадетского корпуса; в 1851 г. – законоположение о праве приобретать русским дворянам недвижимость в Финляндии; в том же 1851 г. – Лесной устав и очень любопытное законоположение, что знание финского языка от кандидатов на судебно-административные должности в местностях, преимущественно населенных финнами, представляется обязательным. Интересно, что раньше в эти местности, населенные коренным финским населением, назначались шведы, не знавшие финского языка; русская власть пришла на помощь этим финнам и потребовала, чтобы г<оспода> чиновники из шведов владели финским языком. Финляндский Сенат возражал, он утверждал, что финский язык – это иностранный язык. Мне интересно, как сопоставит это член Государственной Думы Гегечкори со свободолюбием финляндцев и с тем, что Россия будто бы угнетала финляндцев, а конституционные шведоманы их защищали? В 1851 г. было как раз наоборот.

Но далее. В 1852 г. издан в порядке русского законодательства акт о засвидетельствовании подлинных актов, совершаемых в Финляндии и приводимых в действие в Империи; в 1862 г. – вексельный устав; в 1863 г. – таможенный устав. Тут уже начинают созываться сеймы, но, тем не менее, законодательные акты, чрезвычайно важные, идут помимо сеймов. В 1864 г. Сестрорецкий участок присоединен от Финляндии к Петербургской губ[ернии]. Как же это могло быть, г<оспода>, в конституционном государстве? Сначала присоединяют, не спрашивая народного представительства, всю Выборгскую губ[ернию] к Финляндии, а затем часть ее, Сестрорецкий участок, отрезали, взяли обратно к России. В 1867 г. опять-таки в порядке русского законодательства было издано законоположение о сношениях судебных мест финляндских и русских; в том же

1867 г. – новое положение о печати, которому предпослана следующая весьма любопытная фраза (*читает*): «Мы, – пишет Государь, – сообщили земским чинам проект постановления о свободе печати, но т. к. земские чины во всеподданнейшем ответе не выразили согласия на принятие означенного проекта, то Мы Высочайше постановили» – ввести в действие вот этот закон. В 1869 г. организовано помимо Сейма Главное управление учебных заведений в Финляндии; в 1872 г. издан новый школьный устав; в 1885 г. опять-таки в порядке русского законодательства преобразованы почта и телеграф; и в 1891 г. издан закон о сельской полиции. Раньше он рассматривался Сеймом, но издан в совершенно ином виде, чем находил нужным издать его Сейм.

Итак, г<оспода>, мы уже подошли к 90-м гг., мы уже подошли к 9 марта 1893 г., когда последовало знаменитое Высочайшее повеление Александра III [10], где Он сказал: «Проект правил о порядке издания и обнародования законов общегосударственного значения для Империи, с включением Великого Княжества Финляндского, внести *непосредственно*[1] на рассмотрение Государственного Совета». Итак, вот когда уже возникла во вполне определенной форме мысль об издании этих законов общегосударственного значения, касающихся Финляндии, и вы видите, как Государь Александр III ее решил. А далее очень любопытны ухищрения финляндских сепаратистов вытравить и здесь все для них неподходящее. Когда покойный проф[ессор] Сергеевский в своем сочинении привел это повеление, то против него сейчас же выступил Мехелин, который написал: «Быть может, слова “непосредственно” совершенно не было в Высочайшем повелении, хотя оно и вкралось в изложение автора». В области уловок финляндцы тон-

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

ко понимали, что надо делать. Проф[ессор] Сергеевский в примечании заявляет: «На такую инсинуацию мне и отвечать совестно; документы не составляют секрета, – подите и посмотрите».

Но, г<оспода>, может быть, что-нибудь новое в смысле «конституции» дали нам акты 1863 г. Да, действительно, с этого времени начал созываться Сейм и довольно регулярно; был издан новый сеймовый устав. Но разве можно считать этот новый сеймовый устав конституционным актом, вот этой *Magna charta libertatum*, этим документом, вводящим финляндскую конституцию? Ведь сеймовый устав, несомненно, касался только процессуальной стороны дела, порядка заседаний, не более того; и это прекрасно понимали сами господа финляндцы, ибо параллельно с сеймовым уставом они разрабатывали особую «Форму Правления», т. е. нормы уже не процессуального, а материального права, и в этой «Форме Правления» действительно заключались ограничения прав Монарха. На нее есть ссылка даже в сеймовом уставе 1869 г. Оба эти акта были представлены на утверждение Государя. Но Государь сеймовый устав утвердил, а «Форму Правления» не утвердил, потому что она именно и заключала в себе ту финляндскую конституцию, которую так давно стараются провести контрабандой, как провозят контрабандой многое через финляндскую границу. А что такого же мнения держались финляндцы, видно из отзыва земских чинов, всеподданнейшего отзыва: «Сеймовый устав, – читаем мы там, – не предоставляет земским чинам законодательной власти, которой они не имели бы раньше». В нем эта власть предусматривается как уже существующая, т. е. никакой новеллы в смысле конституционных прав нет; это только процессуальные нормы, которые говорят о порядке заседаний, и ничего больше.

Итак, г<оспода>, какие же выводы из этого длинного ряда лет и из этой длинной цепи законодательных актов, касающихся самых разнообразных вопросов государственной жизни? Вывод тот, что ни в одном даже «обломке» конституционного государства не может быть конституции, где помимо народного представительства, и в таком чрезвычайно пестром и разнообразном порядке, издаются акты, касающиеся и монеты, и таможни, и войска, и почты, и кадетских корпусов, и духовного управления, и судопроизводства, и даже налогов, – этого не может быть.

Затем обратите внимание на пестроту, с которой эти акты утверждались: они утверждались и по докладу финляндского статс-секретаря, и по докладу Комитета Министров, и по докладу мнений Государственного Совета. Очевидно, Государь смотрел на эти подготовительные учреждения не как на такие учреждения, которые его сколько-нибудь связывают, а просто как на известный целесообразный порядок, не более того. И вот когда финляндцы наталкиваются на эту пестроту, они стараются вывернуться, говоря, что некоторые акты хотя изданы, но никогда в Финляндии не признавались; некоторые акты изданы в отношении таких предметов, которые хотя и были расположены в Финляндии, но пользовались правом, так сказать, экстерриториальности, что ли, и т. д. Но, тем не менее, несмотря на целый ряд этих изворотов, финляндцы оказываются в весьма печальном положении, и в отзыве Сейма на с. 90 вы можете прочесть следующее: «Некоторые дела обоюдного законодательства, правда, разрешались без двойного доклада, но это зависело, по-видимому, от того, что это были дела административного свойства (а я прочитал вам в длинном перечне, каковы были “дела эти административного свойства”), получившие подготовку в

правительственных учреждениях обеих стран, почему и не было обращено *достаточного внимания на правильность формы*»[1]. Итак, вот эту «неправильность формы», с конституционной точки зрения, должны признать и сами финляндцы, но они ссылаются на «административное законодательство». Однако позвольте, г<оспода>, если в порядке административного законодательства проводятся все те законоположения, которые я вам прочел, то я спрошу: что остается на долю законодательства конституционного? На его долю остается то, что римляне называли *nudum jus* – голое право. (*Голос справа*: «Правда».)

Мало того, существует еще один чрезвычайно любопытный акт, именно Указ 1848 г. о конкурсных делах. Этот акт касался русских учреждений и был утвержден Государем по докладу финляндского статс-секретаря. Это показывает, что Монарх не придавал никакого правового значения тому обстоятельству, кто ему докладывает данный законопроект: если известный законопроект он считал целесообразным, хорошо разработанным, если он доверял лицу, его докладывавшему, то он утверждал законопроект, совершенно не справляясь, касается ли он Финляндии или России. Вот, г<оспода>, та юридическая сторона дела, которую я хотел развить пред вами и которая приводит меня к твердому убеждению, что в Финляндии никогда никакой конституции не было, нет и, мы надеемся, не будет. (*Голоса справа*: «Браво!».) Там такое же самодержавное неограниченное правление, какое существует и в остальных областях Российской Империи. (*Рукоплескания справа и в центре*.) Но, само собой разумеется, что мы услышим отсюда еще очень много нападок, дышащих бешенством и злобой. Это объясняется

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

очень просто: г<оспода>, в 1904 г. был в Париже конгресс [11], который объединил русских революционеров с революционерами-инородцами, это тот конгресс, где «представитель оппозиции», как он себя называет, П. Н. Милюков заседал рука об руку с Азефом [12]. Вот на этом конгрессе и была дана клятва взаимной верности: мы будем служить вам, а вы будете служить нам. (*Справа шум и голос*: «Слушайте, Милюков».) И кадетам был полный расчет заключать такой договор, ибо они по договору получили, во-первых, очень хорошую территорию, где можно созывать свои съезды, печатать выборгские воззвания и вообще укрываться от российских властей, а во-вторых, финляндцы, не участвуя в несении налогового бремени Империи, которое вследствие этого усиленно ложится на русское крестьянство, – я парирую то, что говорил Гегечкори, – не участвуя в этом налоговом бремени, естественно, весьма разбогатели и этими своими деньгами, тоже весьма естественно, не прочь поделиться с теми, кто им так хорошо помогает. (*Справа рукоплескания и голоса*: «Браво!».) Вот каков, г<оспода>, этот союз, союз злобных инородцев, относительно которых Цилиакус, финляндский революционер, писал в 1905 г., что «покоренные силою народы окружают в настоящий момент Россию пылающим огнем бунта и революции». Это не мои слова, это слова финляндца Цилиакуса. Так вот, с одной стороны, союз всех инородцев, а с другой стороны, союз русских революционеров, которые говорят инородцам: помогите нам добиться власти и господства, а мы за это поможем вам, во вред России, от России отложиться. Во имя исполнения этого договора мы, конечно, услышим много речей о Финляндии, но мы им верить не будем, ибо мы знаем, чем они продиктованы. (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 121. 26.05.1910. Речь Г. Г. Замысловского о Финляндии

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Чрезвычайно важными пунктами перечня являются те пункты, которые говорят об уголовном законодательстве Финляндии и об уголовно-процессуальных нормах [1]. Я напомню вам, что именно на этой почве в 90-х гг. были проявлены попытки финляндского сепаратизма, которые выразились в том, что в новое финляндское уложение, не удостоившееся Высочайшего утверждения, был включен ряд статей, трактовавших Финляндию как отдельное государство. На это указывал вам и г[осподин] председатель Совета Министров, упомянувший, между прочим, фамилию проф[ессора] Таганцева как человека, которому мы обязаны весьма энергичным воздействием на пользу русских интересов в сказанной области. Упоминание фамилии проф[ессора] Таганцева обязывает меня назвать вам другую фамилию, другое имя – Кесаря Филипповича Ордина [2] – человека, который в свое время сделал очень много для объединения Финляндии с Россией. Именно он открыл глаза русским, и русским, высоко стоящим, на те затеи, которые проводились в финляндском уложении. Он первый перевел на русский язык «Форму Правления» и «Акт Соединения и Безопасности»[1], которые тщательно держались под спудом, тщательно не переводились финляндцами на русский язык, дабы ссылки на этот документ в России, по возможности, нельзя было проверить. Таким образом, в истории объединения России с

[1] Акт Соединения и Охранения. – *Д. С.*

Финляндией имя Ордина должно играть выдающуюся роль и занимать почетное первое место.

Помимо уголовного уложения чрезвычайно важными являются судопроизводственные законы Финляндии, и они также должны быть подчинены общеимперскому законодательству, ибо то, что происходит теперь в этой области, совершенно недопустимо, служа к унижению русского имени. Так, напр[имер], оказывается, что свидетель, проживающий в Смоленской губ[ернии], по вызову Петербургского суда или Петербургской палаты являться не обязан, потому что он проживает в другом судебном округе, в значительном отдалении от вызывающего его суда, но когда этого же самого свидетеля вызывает какой-то уездный Кювенепский суд, то свидетель должен туда явиться, хотя этот финляндский суд расположен дальше от местожительства свидетеля, чем Петербургский окружной суд, а по своему судебному, так сказать, рангу, конечно, стоит ниже Петербургского окружного суда и Петербургской судебной палаты. Между тем свидетель из Смоленска в Петербург может не являться, когда же его вызывают в Кювенепе, то ему говорят: или потрудитесь поехать сами, или мы пошлем вас этапом. Таково отношение финляндских законов к русским гражданам уже не в Финляндии, а в России.

Дальше. По финляндским уголовно-процессуальным законам оказывается, что свидетели, лишенные прав, отбывшие наказание по суду, не могут быть свидетелями, их свидетельские показания нулируются, они не допускаются до свидетельства, изъемлются из области судебных доказательств. Но если этот самый свидетель, вообще признаваемый недостоверным, делается еще недостовернее в данном частном случае, если он является прикосновенным к данному делу, сообвиняемым, тогда он фигурирует на суде, дает показания, которые

именуются «оговором», и эти оговоры имеют значение судебного доказательства, другими словами, то обстоятельство, которое сделало его менее достоверным, послужило к тому, что показания его сделались судебным материалом.

Таков финляндский судебный процесс, от которого терпят русские люди. Этих русских людей осуждают в Финляндии за преступления, которых русское уголовное право не знает. Так, напр[имер], в одном из недавних процессов Юскевич-Красковский [3] был осужден на 6 лет каторжной тюрьмы за «подстрекательство к пособничеству в убийстве». Русское уголовное право карает за подстрекательство к убийству и карает за пособничество в убийстве, но подстрекательство к пособничеству русскому праву неизвестно, а в Финляндии русских граждан за это карают шестью годами каторжных работ.

Судебные Уставы Императора Александра II дают русским гражданам важную гарантию: никто не может быть взят под стражу в судебном порядке иначе, как по постановлению надлежащей судебной власти в порядке, предусмотренном Уставами 1864 г. Между тем, когда вмешиваются в дело финляндские судебные власти, все эти гарантии отпадают; вы живете где-нибудь в отдалении от Финляндии, чуть ли не в Крыму, и вследствие того, что там, в Финляндии, вас оговорили какие-то подкупленные негодяи, действующие по жидовской указке, вас вдруг требуют из Крыма этапным порядком в Финляндию. Вы тогда открываете русские Судебные Уставы и говорите: я не обязан являться, ибо русский гражданин может быть ограничен в своей свободе судебным порядком по постановлению только надлежащей судебной власти; этого постановления нет, меня никто в качестве обвиняемого даже в Финляндии не привлекал и в качестве свидетеля тоже не вызывают. На это отвечают: да, вы не

свидетель и не обвиняемый, вы «прикосновенный». Но ведь позвольте, – возражаете вы, – русское право не знает прикосновенных, у меня судебные гарантии, за меня подлежащая статья Судебных Уставов, действующих во всей России. Вам отвечают: да, все это прекрасно, но, тем не менее, мы этапным порядком вас отправим в Финляндию, отправим в страну, где вы никогда не были, вас будет судить судья, который по-русски не понимает и не желает понимать, вас будут судить за преступления, не известные русскому законодательству.

Вот в каком унизительном, бесправном положении находимся мы по отношению к Финляндии (*голос справа*: «Верно!»), и не только те, кто живет в Финляндии, – им можно сказать: не езди туда, не живи, но даже и те, кто в Финляндии никогда не был. При этом неравномерность наказаний, пристрастность, свидетельствующая, что здесь нет и речи о правосудии, что здесь только политиканство и сведение личных счетов. В то время, когда человек за «подстрекательство к пособничеству к убийству» приговаривается на 6 лет в каторжную тюрьму, тем финляндским красногвардейцам, которые мешали русским властям подавить Свеаборгский мятеж, тем красногвардейцам, которые разобрали железную дорогу с целью устроить крушение воинского поезда, было назначено наказание в 2-3 месяца тюрьмы. Сопоставьте, г<оспода>: там 6 лет каторжного заключения – здесь 2-3 месяца тюрьмы без лишения прав; там какое-то «подстрекательство к пособничеству к убийству» – здесь прямой бунт, стремление устроить крушение того поезда, где едут русские солдаты.

Далее. Когда судились свеаборгские мятежники, захваченные с оружием в руках, то финляндский прокурор имел дерзость, наглость говорить, что будто бы в деятельности этих мятежников нет государственной из-

мены, потому что, как он говорил, «для достижения своей цели свеаборгскими мятежниками, для того, чтобы добиться земли и воли, достаточно только уничтожить русскую бюрократию и камарилью, стоящую около особы Государя»; и вот поэтому, по мнению финляндского прокурора, в деле нет признака государственной измены. Г<оспода>, при таком состоянии финляндского правосудия, при полном его отсутствии, при замене его политиканским судилищем Средневековья с «формальными» доказательствами мы должны настаивать, чтобы перечень был возможно более широк: туда, несомненно, должны быть включены и печать, и союзы, и собрания, и школа. В отношении школы здесь было сказано уже достаточно; я должен добавить, что, по моему мнению, надо твердо отстаивать тот текст в этом отношении, который был принят правительственным законопроектом. В комиссии он был несколько ограничен. Тогда мы согласились на ограничение, т. к. думали этим путем согласиться с центром и избежать споров, но т. к. споры все же возникли, то я полагал бы принять в отношении школ текст правительственной редакции, именно сказать: «Обеспечение государственных интересов в деле народного просвещения», и на этом поставить точку, не добавляя, что такое обеспечение ограничивается лишь надзором за программой преподавания.

Точно так же, г<оспода>, необходимо оставить в перечне и статьи, касающиеся печати, касающиеся собраний и союзов. Мы знаем, что пишет финляндская печать в отношении России и пишет совершенно безнаказанно. Мы не можем смотреть на это равнодушно, мы не можем смотреть равнодушно, как оплевывают, как подвергают поруганию национальное достоинство России финляндские газеты. Этому надлежит положить предел.

То же я скажу о собраниях и союзах. В Финляндии, несомненно, замечается стремление по возможности децентрализовать власть и, децентрализовав, перелить ее в эти собрания и союзы; тогда на все требования, обращенные к финляндским властям, они вам ответят: мы тут не при чем, это не мы, это сделали собрания и союзы, а собрания и союзы подлежат ведению нашего финляндского законодательства.

Укажу вам, г<оспода>, на недавний пример, бывший в Финляндии. Финляндскому Сейму весьма желательно увеличить таможенную пошлину на ввозимые в Финляндию крепкие напитки, пития, чтобы этим путем развить местное винокурение. Правительство отказало в таких домоганиях Сейму, но то, что нельзя было сделать через Сейм, сделано через частные союзы и общества, которым вы желаете предоставить полную свободу и автономию. В Финляндии существует особое общество раздробительной продажи напитков, общество настолько сильное, что оно держит всех частных торговцев питиями в кулаке. И вот это общество вынесло постановление, чтобы торговцы, торгующие в розницу, не смели продавать крепких напитков, ввезенных в Финляндию, ниже известной цены, причем цена была назначена боевая, такая цена, при которой привозные напитки, конечно, не могут выдерживать конкуренции с местными. Частное общество это постановило, торговцы, которые в руках этого общества, исполнили, и фактически при посредстве названного общества введена в действие та норма, которую тщетно старались провести через законодательное учреждение. Вот, г<оспода>, во что превратится во всех отраслях государственной жизни эта деятельность частных союзов и обществ, если только вы попробуете изъять их из общеимперского законодательства. Этого мало,

ведь в предшествующих прениях при обсуждении нашего запроса о Финляндии полтора года тому назад мы вам указывали на деятельность «Воймы», и, повидимому, центр разделял наши взгляды на «Войму», но ведь «Войма» оказалась на волосок от того, чтобы быть легализованной финляндскими властями, и если она не была легализована, то лишь потому, что в свое время финляндская газета “Uusi Suometar” забила тревогу и раскрыла глаза финляндскому и русскому обществу на то, что из себя «Войма» представляет. Но ведь поверьте, что теперь даже “Uusi Suometar” ничего писать не будет – не таково настроение общественного мнения в Финляндии, и если «Войма» осталась нелегализованной два года тому назад, то теперь подобная ей организация, конечно, будет легализована.

А вы знаете, что такое была «Войма»? Это было общество, несомненно подготовлявшее вооруженное восстание; к тому же клонилась деятельность и других финляндских обществ, так называемых «стрелковых», «лыжников», где обучали военному строю, стрельбе из боевых винтовок. Все эти, г<оспода>, общества будут легализованы в Финляндии, и, совершенно изъятые из вашего ведения, они будут подготовлять вооруженные восстания по отношению к России. Мало того, вам известно, что в Финляндии уже раз было организовано пассивное сопротивление, и вы ничем не гарантированы, что и теперь образуются специальные общества и союзы, проводящие в жизнь идею пассивного сопротивления последовательно и настоятельно. И вот фактически вся власть будет у этих союзов, а юридически, когда русская власть обратится к финляндской власти, будет один ответ: мы здесь не при чем, это действуют частные общества, а как они действуют – это наше внутреннее дело, оставьте нас в покое. Вот почему я нахо-

жу, что перечень должен быть принят в полном объеме правительственной редакции, что там должны быть оставлены параграфы и о школе, и о печати, и о собраниях и союзах. (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 13. 02.11.1911. Речь Г. Г. Замысловского о правах евреев в Финляндии

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Те доводы, которые были приведены против предложения члена Думы Крупенского [1], заслуживают, чтобы в них разобраться несколько подробнее. Нам говорят: предложение надо отклонить, потому что оно не серьезно; надо отклонить потому, что, по словам Нисселовича, «из таких рук мы дара не возьмем»; надо отклонить потому, что это «провокация»; после такого предложения, заявляет член Думы Родичев, Думе следует поучиться хорошему тону и воспитанию. Я могу только сказать члену Думы Родичеву, что если Дума возьмет его в учителя и воспитатели, то она очень долго будет учиться. (*Смех*.) Это предложение надо отклонить, говорит член Думы Милюков, потому что единственной его целью было «поймать кадетов». Я Милюкову могу ответить известной пословицей: «Кто вас, Кит Китыч, обидит? Вы сами всякого обидите». Еще не родился тот человек, который мог бы «поймать» кадета, – это занятие прямо немыслимое. Если член Думы Милюков вышел сухим из парижского съезда, где он сидел рядом с Азефом, то подумайте сами: мыслимо ли его поймать? (*Смех*.) Но, г<оспода>, вдумайтесь вы внимательно в эти возражения: «несерьезность», «про-

вокация», «из таких рук мы дара не возьмем». Разве вы не видите, что цель всех этих заявлений – свести спор с существа предложения на личность того, кто его внес? Но не все ли равно, кто внес данное предложение, внес серьезно или несерьезно, с провокационной целью или не с провокационной: важно ведь само предложение как таковое. Если оно разумно, справедливо и удовлетворяет требованиям данного момента, я его, конечно, приму. Я, конечно, не обращу внимания на то, что данный человек преследовал, внося предложения, какую-то иную цель; если же предложение мне не симпатично, то я буду его отклонять. Но, во всяком случае, я должен по каждому предложению высказаться серьезно, если я вообще хочу высказываться: я должен сказать, правильно ли оно, справедливо ли или нет. И вот этого ответа мы от кадетов и не слышали; они много говорили, но не сказали одного: как, с их принципиальной точки зрения, надо, чтобы евреи пользовались полноправием в Финляндии или нет? Категорического ответа они так и не дали. А между тем, г<оспода>, предложение, которое внесено, заставляет серьезно над ним задуматься.

В самом деле, ведь в Государственную Думу было внесено другое предложение за огромным числом подписей, кажется, их было 166, о том, чтобы предоставить равноправие евреев в России (**Нисселович** *с места*: «Нет, не равноправие, а об отмене черты оседлости»), отменить черту еврейской оседлости. О таком предложении никто и не говорил, что оно не серьезно; напротив, оно было снабжено целой массой подписей, подписало его и такое уважаемое лицо, как проф[ессор] Алексеенко [2]. А теперь, когда возникает совершенно аналогичный вопрос, но только в отношении Финляндии, говорят, что это не серьезно, что это провокация. Здесь-то и вскрывается, что мы русских и инородцев

мерим разными мерками, но при этом вовсе не теми мерками, которые именуются каким-то зоологическим национализмом, а, наоборот, такими мерками, что все права предоставляются инородцам, и, наоборот, полное угнетение остается за русскими. Когда говорили, чтобы пустить евреев в Россию, то это предложение нашло 166 подписей. Когда говорят, чтобы пустить евреев в Финляндию, то это предложение почти не находит сторонников. «Справедливость», о которой так кричат слева, складывается в действительности очень оригинально. Помните, когда мы обсуждали первый финляндский законопроект об ассигновании 12 млн. марок, председатель Совета Министров[1], произнесший прекрасную, глубоко национальную речь, которая нам всем, сидящим направо, очень понравилась, тем не менее, сказал, – я думаю, он обмолвился, – приблизительно следующее: «Чего справедливее рассматриваемого законопроекта? Это наисправедливейший законопроект, ибо с финляндцев требуют только 12 млн. марок, это составит меньше чем 2 руб. на душу, тогда как каждый русский платит 4 руб. 50 коп.». В его изложении это выходило идеалом справедливости. Так и здесь, г<оспода>, когда говорят о русских, то идеал справедливости, чтобы напустить в русскую деревню жидов, которые бы эту деревню съели, разорили. Когда говорят о Финляндии, то, оказывается, что это «провокация», что это «не серьезно», а на коренной вопрос, надо ли евреев туда с принципиальной точки зрения пускать или не надо, – так и не отвечают. Согласно заявлениям кадетов, они не отвечают потому, что принципиально против законопроекта. Хорошо, но ведь они участвуют в его постатейном рассмотрении, ведь по каждой статье они выходят и произносят речи. Если бы они принципи-

[1] Имеется в виду П. А. Столыпин.

ально были против законопроекта, то не принимали бы участия в его постатейном обсуждении, как это делают социалисты, – тогда это было бы последовательно. Мы, мол, так сказать, отрясли прах от ног своих. Вы делаете несправедливое дело, и мы никакого участия в этом не принимаем. Это было бы принципиально правильно. (*Голоса справа*: «Верно».) Так и действуют социалисты. Но раз вы по каждой статье заявляете ваше принципиальное мнение, то как же вы не хотите заявить вашего принципиального мнения по настоящей поправке и сказать: справедливо ли давать евреям равноправие в Финляндии или несправедливо. Вот вы все клеймите русских, почему бы вам не заклеймить и финляндцев, а их следует клеймить, чтобы оставаться последовательными. Вам следует сказать, что они насильники, обскуранты, – у вас в этой области такая масса эпитетов (*справа рукоплескания и голоса*: «Браво!»), злодеи, которые не дают прав угнетенному еврейскому народу. Но вы, такие щедрые на позорные эпитеты в отношении русского народа, вы, которые устами депутата Родичева говорили, что русский народ бесчестен, что русский народ – вор, потому что он не дает равноправия евреям, вы в отношении финляндцев чрезвычайно скупы на слова, чрезвычайно осторожны (*справа рукоплескания и голоса*: «Браво!»), и ни единого слова, не только оскорбительного для финляндцев, но даже мало-мальски задевающего их самолюбие, вы до сих пор не произнесли. Я уверен – и не произнесете. (*Рукоплескания справа*.)

Теперь перехожу к существу поправки. Я нахожу, что она подлежит отвержению. Евреи есть зло, и величайшее зло. Усиливать значение зла не следует. Евреи представляют собою государство в государстве, подчиненное своему международному правительству. Они добились того, что этому международному еврейскому

правительству служат, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, крупные христианские массы. На службе у евреев уже состоят социалисты, – сами не понимая этого (*смех слева*), на службе у евреев – уже гораздо более сознательно – состоят все масонские организации, тщательно старающиеся проникнуть и в Россию. При таких условиях расширять права евреев нельзя. Они создают экономическое засилье и нравственное растление. Тут заявляли, что немыслимо говорить об увеличении прав евреев после рокового выстрела Богрова [3]. Я прибавлю, что еще менее мыслимо говорить об увеличении этих прав после того, как замучили в Киеве Андрея Ющинского. То племя, среди которого до сих пор живет ритуальное убийство, племя, которое до сих пор пользуется для своих религиозных обрядов кровью христианских детей, это племя не заслуживает ни малейшего расширения своих прав. (*Голос слева*: «Ложь».) Мне кричат, что это ложь, но, г<оспода>, предварительное следствие установило, что ритуальные убийства – это не ложь.

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский. Прошу вас держаться ближе к обсуждаемому вопросу.

Замысловский. Раз мне кричат: «Ложь», – я должен доказать, что это не ложь, а правда. Я утверждаю, что ритуальное убийство в Киеве было, что это доказано путем экспертизы, как дважды два – четыре, что Ющинский замучен 43 уколами в кожу, что он в момент предсмертной агонии был поражен, наконец, ударом ножа в сердце (*голос слева*: «Это союзники»; *голоса справа*: «Какая гадость!»), что все это убийство производилось преднамеренно, хладнокровно, что во все время убийства Ющинский поддерживался в стоячем положении. Нам говорят, что это не евреи, а кто-то другой. Но, г<оспода>, еврейская полиция – своя, не пра-

вительственная полиция – лучшая сыскная полиция в свете, и если бы это был не еврей и если бы это была неправда, то, поверьте, мы бы очень быстро нашли и узнали, кто убил. (*Голоса справа*: «Верно».) Между тем, в целом ряде ритуальных убийств виновников не находят. Вы кричите, что это ложь, а вы забыли ритуальное убийство в Саратове[1], которое окончилось обвинительным судебным приговором Государственного Совета, прежнего Государственного Совета, в порядке старых судов, и на этом приговоре Император Александр II, либеральнейший и гуманнейший Государь, начертал, что Он вполне согласен с мнением Государственного Совета. Саратовское дело раскрывает ужасающую картину ритуального убийства, оно удостоверяет, что туда, в Саратов, где резали христианских детей с ритуальными целями, съезжались евреи со всех сторон за кровью; Саратовское дело удостоверяет, что когда следователь…

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский. Будьте добры перейти к обсуждаемому вопросу.

Замысловский. Г<оспода>, еще Цицерон [4] удостоверял, что о евреях можно говорить только шепотом, и вот даже теперь в Государственной Думе, когда мы пробуем говорить громко, нам затыкают рот (*рукоплескания справа*), но говорить о ритуальных убийствах в момент, когда стараются расширить еврейские права, по долгу народного представителя я обязан, и об этом, несмотря ни на что, я буду громко говорить. Да, евреи совершают ритуальные убийства, и это доказано документально, доказано судебным приговором. Я утверждаю, что когда судебный следователь отправился из Саратова в Тамбов, т. к. были сведения, что кровь из Саратова отправляет-

[1] Подробнее см. приведенную ниже публикацию Г. Г. Замысловского «Саратовское дело». – С. 504–541.

ся в Тамбов, то там у еврея Коникова под киотом, под «сейферторе», под священными книгами, он нашел два лоскута, пропитанных кровью. (**Захарьев** *с места*: «Кто подложил?»; *голоса справа*: «Недостойно, презренно».) И, г<оспода>, ни сам Коников, ни его служащие ничего по поводу этих лоскутов объяснить не могли. Лоскуты были завернуты в печатную бумагу, и когда печатная бумага с еврейским текстом была послана для перевода в Азиатский департамент, то оказалось, что это – выдержки из мистических сочинений, говорящие о жертвах и крови первенцев. Вот, г<оспода>, какие улики по поводу ритуальных убийств установлены документально; они замалчиваются – да, но они существуют, они установлены незыблемо, и мы говорим, что народ, который употребляет кровь христианских детей, не может говорить о своих правах. (*Рукоплескания справа*.)

ВРАГИ РОССИИ И БОРЬБА С НИМИ

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 4. Заседание 17. 10.11.1910. Речь Г. Г. Замысловского по поводу вооруженного восстания в Новороссийске

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. По делу о вооруженном восстании в г. Новороссийске [1] вашему вниманию предложены два запроса, соединенные в одно общее рассмотрение: запрос о незакономерных действиях властей административных и запрос о незакономерных действиях властей судебных: старшего председателя Новочеркасской судебной палаты Хлодовского [2] и судебного следователя Лыжина. Что касается первого запроса, то о нем достаточно сказал член Думы Половцов [3]. Он достаточно выяснил, что утверждение интерпеллянтов, будто бы в Новороссийске не было вооруженного восстания, была идиллия, – это утверждение внимания не заслуживает. О первом запросе я говорить не буду, моя речь будет посвящена исключительно второму запросу, касающемуся сенатора Хлодовского и судебного следователя Лыжина. Запрос о них всецело связан с целым ря-

дом различных приговоров, судебных определений, и, прежде чем говорить о неправильных действиях названных должностных лиц, нам надо выяснить общую отправную точку, общий взгляд на значение таковых приговоров и определений. Между тем, когда об этих приговорах и определениях говорят с левой стороны, то мы видим изумительную пестроту взглядов. Если известный приговор, хотя бы и отмененный, пригоден для выводов, которые желают делать с левой стороны, то нам заявляют: «Посмотрите, ведь это акт, исходящий от судебной власти, и, следовательно, перед ним вы должны преклониться». Но если другой приговор, противоречащий первому, не нравится представителям левых партий, несовместим с теми выводами, которые они хотят сделать, то уже рассуждение иное, и нам говорят, что на приговоры вообще не стоит обращать внимания, ибо «правосудия в России не существует». Так выразился, напр[имер], член Думы Ляхницкий [4], утверждавший, что «авторитет сената есть анахронизм», между тем весь запрос построен на авторитете судебного приговора военного суда, хотя этот приговор и отменен. Представитель кадетской партии, поддерживающий запрос трудовиков и социал-демократов, член Думы Маклаков, не говорил так ярко и так откровенно, но, несомненно, эта двойственность взглядов на судебные приговоры проходила красной нитью и в его речи; он «преклонялся» перед теми приговорами, которые ему нравились, соответствовали его выводам и зачеркивал приговоры, которые ему не нравились. Он говорил, напр[имер], что «приговор, вступивший в законную силу, – это закон, пред ним надо преклоняться», а через несколько фраз утверждал, что «правосудие в России подвергнуто административной экзекуции». (*Голос слева*: «Вот это верно».) Мне кажется, г<оспода>, что у Государственной Думы точка

зрения должна быть одна: мы считаемся со *всеми*[1] приговорами, но с такими приговорами, которые вступили в законную силу. Если приговор отменен, если приговор кассирован, если приговор признан неправильным, то с таким приговором или судебным определением мы, разумеется, не считаемся. Если же приговор вступил в законную силу, мы с ним считаемся независимо от того, нравится ли он нам или не нравится. Установив эту общую точку зрения, я пойду дальше. (**Маклаков** *с места*: «О недопущении кассации, пожалуйста, разъясните».) Но прежде чем говорить о самом запросе (**Маклаков** *с места*: «А последняя-то кассация куда делась?»), еще несколько предварительных замечаний. Член Думы Маклаков, когда выступает сюда, на думскую кафедру, обыкновенно говорит не столько о *запросе*[2], сколько *по поводу*[3] запроса: он приводит факты, имеющие отношение к запросу, но в самый запрос почему-то не включенные. Я уже не раз в своих предшествующих возражениях члену Думы Маклакову заявлял, что такой прием основан только на одном: на желании действовать внезапностью, неожиданностью, неосведомленностью. Так и здесь: член Думы Маклаков говорил нам в начале своей речи по поводу запроса о том, что «был отменен приговор, вошедший в законную силу», хотя в самом запросе об этом ни слова не сказано, и, оставив вас некоторое время под этим впечатлением, он отвлекся в сторону экскурсиями в область того, что делал генерал-губернатор Гершельман, без упоминания о котором, конечно, не обходится ни одна речь Маклакова. Затем, когда известное впечатление было произведено вот этим заявлением, что «приговор вступил в законную силу», член Думы Ма-

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[2] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

[3] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

клаков говорит: «Правда, прокурор подал просьбу о восстановлении срока»; ну, а всякому юристу известно, что подобные просьбы предусмотрены самим законом; такие просьбы сплошь и рядом подаются и прокурорами, и адвокатами, после чего сроки восстановляются. «Да, – продолжает Маклаков, – но эта просьба прокурора была совершенно не мотивирована, – вот в чем ужас! Там не приводилось никаких поводов для отмены приговора!». И член Думы Маклаков обращается к правым скамьям с вопросом: «Что сделал бы тот член Думы, который раньше служил в прокуратуре, если бы подобная немотивированная просьба исходила к этому адвокату?». Тонкий софизм, ибо, действительно, к адвокату, который бы не мотивировал свою просьбу о восстановлении срока, я отнесся бы с осуждением, но дело-то в том, что процессуальное положение адвоката и прокурора в подобных случаях совершенно различно. Просьба о восстановлении срока рассматривается в распорядительных заседаниях суда, куда, по закону, адвокаты не имеют доступа, а прокурор имеет. (*Смех слева и в центре.*) Вы увидите, что это не так смешно, как вам кажется. Заключения распорядительных заседаний не могут состояться без выслушания заключения прокурора. Таким образом, если адвокат не мотивирует своей письменной просьбы, не включает в просьбу те основания о восстановлении срока, которые у него имеются, то эти основания пропадут для суда. Суд их не узнает и, само собой разумеется, откажет в просьбе, потому что он не увидит оснований, по которым просьба адвоката о восстановлении срока может быть удовлетворена, а в распорядительное заседание адвокат по закону проникнуть не может. Между тем, когда просьба идет от прокурора, то прежде чем постановить определение, суд в распорядительном заседании обязан этого прокурора выслушать, и прокурору нет ни-

какой надобности излагать мотивы в письменном прошении, ибо он имеет полную возможность и полное право сделать это в распорядительном заседании. Никакого стеснения прав защиты здесь нет, ибо срок восстановляет не прокурор и не адвокат, а суд, и в смысле кассационном важно не то, что говорил прокурор или адвокаты, а важны мотивы суда, – именно об этих мотивах член Думы Маклаков нам ничего не говорил. Когда кассационная жалоба поступает в кассационную инстанцию, в данном случае в главный военный суд, то главный военный суд всегда проверяет, правильно ли восстановлен срок. По делу о вооруженном восстании в Новороссийске у подсудимых были защитники чрезвычайно опытные и искусные, которые выкапывали всякие формальные нарушения, всякие «вставки» и «приписки». Если действительно срок был восстановлен неправильно, без всяких оснований, то неужели вы думаете, что защитники не указали бы на это обстоятельство главному военному суду?! Да само собой разумеется, что они главному военному суду сейчас бы сказали: «Оставьте кассационную жалобу без рассмотрения, ибо кассационный срок восстановлен неправильно». Значит, произошло одно из двух: или защитники говорили это военному суду, но военный суд, рассмотрев их заявление, признал его несостоятельным, признал, что срок восстановлен правильно, и тогда член Думы Маклаков должен подчиниться «судебному приговору, вошедшему в законную силу», перед которым он «преклоняется», или же адвокаты не говорили об этом, ибо мотивы суда о восстановлении срока были настолько бесспорны, настолько очевидны, что о неправильности их нельзя было говорить. (*Голос слева*: «Какие мотивы?».) Мотивов этих я не знаю, ибо подлинного дела в руках не держал. Вот почему это обстоятельство и не вносится в самый запрос, но о нем

говорят по поводу запроса, правильно рассчитывая на неожиданность и на неосведомленность аудитории, – и так делает буквально по каждому запросу член Думы Маклаков. Он не говорит о запросе, а говорит по поводу запроса и действительно производит известное впечатление, потому что аудитория не сразу сообразит, в чем тут суть, в чем тут дело. (**Половцов** *с места*: «Известные мошенники».) Перехожу к самому запросу и, прежде всего, к судебному следователю Лыжину. Слева нам прямо говорят, что судебный следователь Лыжин совершал подлоги. (*Голос слева*: «Правильно».) Член Думы Маклаков, поддерживающий социал-демократов и трудовиков, выражается осторожнее, но, несомненно, его слова имеют тот же смысл. Он говорит: «Следователь дал повод думать, что следователи делают подлоги». (*Смех справа*.) Это мягче, по-кадетски. Но ведь, разумеется, повод какой? Основательный, заслуживающий уважения, ибо о вздорных поводах не стоит говорить вообще, а с думской кафедры в особенности. Посмотрим теперь, что пишет Сенат в своем определении, окончательном, вступившем в законную силу (**Маклаков** *с места*: «Ого, в какую законную силу?»; **Пуришкевич** *с места*: «Клапан закройте, Маклаков»), где он рассмотрел неправильные действия Лыжина. (**Гегечкори** *с места*: «Ну и юрист, молодец».) Вы мне вот с этой кафедры возражайте, а не оттуда. (**Половцов** *с места*: «Не разговаривайте вы с ними, бросьте».)

Председательствующий. Будьте любезны не говорить с мест.

Замысловский. Вот определение Сената: «В деле нет никаких данных, указывающих на включение судебным следователем Лыжиным в следственные протоколы вымышленных обстоятельств или ложных сведений», т. е., другими словами, Сенат категорически говорит, что

никаких признаков подлога в действиях Лыжина нет. Это судебное определение, перед которым член Думы Маклаков должен «преклониться». (**Маклаков** *с места*: «Это не судебный приговор, что вы на меня клевещете?»; голос *справа*: «Юрист из-под подворотни, брысь».)

Председательствующий. Позвольте, член Государственной Думы Маклаков, просить вас не прерывать оратора.

Замысловский. Это то окончательное определение высшей судебной инстанции, перед которым, несомненно, надо «преклониться», потому что я не вижу, какая разница между окончательным определением и приговором. И то, и другое – акты, исходящие от судебных мест и обжалованию не подлежащие. Итак, в этом определении совершенно категорически сказано, что никаких признаков подлога нет. Дальше Правительствующий Сенат, ссылаясь в своих мотивах на Екатеринодарский суд о Лыжине, <отмечает> (*читает*): «Суд, свидетельствуя о безупречных нравственных качествах и об образцовой закономерности Лыжина, считает недопустимым, чтобы он при производстве следствия о новороссийском вооруженном восстании преследовал какие-либо цели, не совместимые с достоинством судебного деятеля». Таково определение Сената. Но одновременно Сенат признает, что в действиях судебного следователя Лыжина были известные упущения (*голос слева*: «Небрежность»), которые он характеризует как небрежность. Не юрист (*голос слева*: «Вроде вас») может не знать разницы между небрежностью и подлогом, но я полагаю, что для юриста это совершенно недопустимо. Разница между небрежностью и подлогом та же, как, напр[имер], между ложью и ошибкой, между клеветой и заблуждением. Другими словами, подлог есть деяние умышленное, злонамеренное, преследующее известную цель; небрежность есть

деяние неумышленное, деяние неосторожное и в силу уже этой неосторожности, разумеется, никакой цели не преследующее. Поэтому раз Сенат установил «небрежность», то для юриста, преклоняющегося перед велением Сената, недопустимо говорить, чтобы здесь была не небрежность, а был подлог. Что касается особого определения военного суда, которое входит не только в оценку объективного факта, но и субъективной виновности, на что военный суд не имел ни малейшего права, Правительствующий Сенат пишет (*читает*): «Копии особых постановлений временного военного суда в Новороссийске, содержащих действия старшего председателя Новочеркасской судебной палаты сенатора Хлодовского и судебного следователя Екатеринодарского окружного суда Лыжина, передать в распоряжение Военного Министра, о чем составить особое постановление», т. е. Сенат находит, что если военный суд имел право констатировать объективные данные, то входить в субъективную оценку он отнюдь не мог, эта часть его определения незаконна, и о таковом незаконном деянии членов военно-окружного суда Правительствующий Сенат сообщает на зависящее распоряжение Военного Министра. (*Голос справа*: «Правильно; так их, кадетов, и нужно».) Но, г<оспода>, я вовсе не желаю бронироваться сенатским определением и уходить от рассмотрения дела по существу от описания того, что в действительности, по-житейски, по-обывательски, так сказать, совершил Лыжин. Ведь если Лыжин совершил подлог, то он совершил подлог с известной целью. (*Голос слева*: «Еще бы».) Какая же у него была цель? Нам слева не говорят об этом прямо, а намекают: цель, видите ли, была та, чтобы создать улики против людей невинных, создать улики там, где их не было, включив в протокол вымышленные сведения, на основании которых уже впоследствии будет постановлен обвинительный

приговор. Но, г<оспода>, если судебный следователь настолько злонамерен, настолько преступен, что он будет топить подсудимых ради каких-то неведомых целей (*шум слева; звонок председательствующего*), то у следователя для этого имеется такой арсенал оружия, что прибегать к неоговоренным вставкам, написанным другими чернилами и иным почерком, право, ему нечего, ибо хотя предварительное следствие и ограничено целым рядом формальностей, но, тем не менее, огромная область отводится прямому доверию к следователю; следователю верят, ибо этот человек заслуживает доверия, ибо он – судебный следователь, и, если следователь не заслуживает доверия, если это преступник, поверьте, для создания улик ему нет надобности вписывать неоговоренные слова иным почерком и иными чернилами. (*Голос слева*: «Зачем же он это сделал?».) Судебный следователь Лыжин привлек около 300 подсудимых. (**Половцов** *с места*: «365»; **Захарьев** [5] *с места*: «365».) И вот, оказывается, ему мало было этих 365, ему понадобились еще какие-то пять человек, которых он вписал в свои протоколы. Но какой же в этом смысл? Еще можно допустить, что судебный следователь хотел создать центральную фигуру в процессе, хотел привлечь человека, пользовавшегося весом, значением и общественным положением, но ведь ничего подобного нет. Все эти вписанные фамилии, вроде Голикова, являлись третьестепенными обвиняемыми, и хотя военный суд, судивший их второй раз, очевидно, не придал никакой доказательной силы всем неоговоренным вставкам, но, тем не менее, подсудимых, вроде Голикова, осудил. Значит, кроме «вставок» имелись другие улики, достаточные для обвинения по суду, который признал «вставки» лишенными доказательной силы. Но в действительности как появились эти вставки, сделанные другим почерком и другими чернилами? Те из вас,

которые бывали в камере судебного следователя хотя бы как свидетели, знают, что в качестве заурядного явления и в Петербурге, и в Москве в камере следователя работают кандидаты, которые пишут протоколы свидетельских показаний, а затем эти протоколы предъявляются следователю, который их прочитывает в присутствии свидетелей. Но т. к. кандидаты являются обыкновенно людьми малоопытными, только подготовляющимися к судебной деятельности, то, очевидно, в этих протоколах часто бывают пробелы, недомолвки, пропуски, и вот судебный следователь – это бывает сплошь и рядом (*смех слева*), я уверен, что многие видели это сами в следственной камере, – судебный следователь по мере того, как он читает протокол, записанный кандидатом, вставляет (*смех слева и голоса*: «А, вот в чем дело») пропущенные слова и затем говорит кандидату: «Оговорите эти слова, дайте свидетелям подписаться, а затем я скреплю протокол», – ибо кандидат права самостоятельной подписи не имеет. Вот откуда появился этот другой почерк и другие чернила. (*Смех слева*.) Свидетельские показания были записаны кандидатом. Затем туда были сделаны вписки, пропуски были заполнены следователем при чтении протокола, и кандидату было сказано, чтобы он их оговорил. Но при огромной массе работы, действительно, некоторые поправки оказались неоговоренными. Судебный следователь Лыжин допросил более 2 тыс. свидетелей и осмотрел более 300 документов, и вот в 8 протоколах из 2 тыс. оказалось несколько неоговоренных поправок (*голос слева*: «То подлог»), и из этой мухи сделали того слона, который появился здесь у нас в виде запроса. (*Голоса справа*: «Браво»; *голос слева*: «Специалист».) Судебный <следователь> Лыжин произвел огромную и самоотверженную работу. Он приступил к следствию в конце декабря 1905 г., а в октябре, т. е. через 9 месяцев, громадное

следствие, состоявшее, кажется, из 18 томов, было закончено. Если следствие затягивается, то раздаются вопли о тягостном положении подсудимых. В данном случае следователь сделал все, что мог, дабы ускорить следствие. О том, что у него работали кандидаты, имеются прямые указания в определении Правительствующего Сената, но там были не только кандидаты, в камере находился почти все время прокурор, наблюдавший за производством следствия, и вот благодаря спешности работы в 8 протоколах из 2 тыс. появились несколько вставок, писанных другими чернилами, а нам здесь утверждают, что «следователь дал повод говорить, что следователи делают подлоги». Да будет стыдно тем, кто позволяет себе бросать незаслуженно грязь в судебное ведомство. (*Рукоплескания справа*.)

Перехожу к той части запроса, которая касается старшего председателя Новочеркасской судебной палаты сенатора Хлодовского. Ему вменяется в вину, что он переместил на низшую должность мировых судей Пальчиковского и Овчаренко якобы за то, что на суде Пальчиковский и Овчаренко дали показания, неугодные начальству, показывали то, что не нравилось Хлодовскому. Если так было, то это, несомненно, факт возмутительный, но представитель Министерства юстиции самым категорическим образом заявил нам с думской кафедры, что этого не было, что Пальчиковский и Овчаренко были переведены вовсе не за свои свидетельские показания, а ввиду данных, обнаруженных специальным расследованием. На это возражают слева: «Да, но Пальчиковский прямо, в свидетельском показании, говорит: я пострадал за то, что показывал на прежнем суде». Вот мы в этой фразе и разберемся.

Я не спорю: если покопаться в судебных процессах прежних лет, то, вероятно, в них найдутся данные, что

должностное лицо, давшее свидетельское показание, подверглось утеснению и со стороны своих товарищей, и со стороны своего начальства за то, что оно на суде, мол, выносило сор из избы, болтало лишнее, раскрывало те нравы известной ячейки, которые нежелательно было раскрывать с точки зрения лиц, которые в эту ячейку входили. Да, такие факты, может быть, были, и они возмутительны; и вот если такого человека притесняют, то можно негодовать, можно говорить: «Человек невинно пострадал за то, что он показал на суде»; но есть факты совершенно другой категории: сплошь и рядом бывает, что при рассмотрении судебного дела выясняется виновность или в проступке, или в преступлении, или в должностном упущении лица, к следствию не привлеченного, и даже сами присяжные заседатели часто настаивают, чтобы эти обнаруженные попутно упущения не остались безгласными.

Позволю себе, г<оспода>, иллюстрировать свою мысль одним примером: член Думы Маклаков указал нам на случай с генералом Гершельманом, да позволено будет и мне отвлечься тоже одним случаем. В прошлом году при рассмотрении дела, по поводу которого поднялся большой шум, о том, как адвокаты Базунов, Аронсон и Пергамент устраивали побег обвиняемой за мошенничество и подлоги Ольги Штейн [6], – выплыл, между прочим, такой эпизод: прогрессивный батюшка Флеров, находившийся в денежных отношениях с Базуновым, будучи тюремным священником, за деньги проносил арестантские письма на сторону. Когда этот эпизод был обнаружен, то на следующий же день батюшку уволили с должности тюремного священника. Неужели кто-нибудь из вас скажет, что это было неправильно? Неужели кто-либо из вас скажет, что нужно было поступить иначе? Между тем, если бы дело было кассировано и батюш-

ка Флеров вызван на суд второй раз, он, несомненно, заявил бы, как заявлял Пальчиковский: «Я пострадал за свои свидетельские показания». Член Думы Маклаков по сему поводу восклицает: «Или признайте, что свидетель говорит правду, или привлекайте его за лжесвидетельство». Опять софизм. Тут нет лжесвидетельства, но нет и правды, тут есть игра словами, простительная для обывателя и совершенно недопустимая для юриста, который должен выражаться точно и обязан точно разграничивать понятия. Если хотите, действительно, и Пальчиковский, и Овчаренко пострадали в связи со своими свидетельскими показаниями, потому что на суде путем перекрестных вопросов, путем очных ставок, а может быть, и путем показания самих названных свидетелей выяснились такие неприглядные картины их служебной деятельности, после которых решили их служебную деятельность прекратить. Да, это возможно. И тогда свидетель вправе говорить, с обывательской точки зрения: «Я пострадал вследствие того, что я показывал на суде». Если бы не было суда, если бы не было его показаний и всей этой обстановки очных ставок и перекрестных допросов, свидетель не пострадал бы, а случились ставки, допросы, и он пострадал. Но неужели можно утверждать, что тот, кто заставил его пострадать, его начальство, поступило неправильно? Пострадавший все-таки пострадал-то не за свои свидетельские показания, а за те упущения, за те безобразные упущения, которые обнаружились при посредстве суда. Таким образом, когда мы говорим о перемещении или увольнении Пальчиковского и Овчаренко, то, мне кажется, центр тяжести лежит не в тех формальных поводах, из-за которых они были перемещены или уволены, а в тех упущениях, которые были сделаны. Надо говорить о том, были ли упущения, за которые надо переводить, или не были. Если упуще-

ний не было, то перевели неправильно, если упущения были, то перевели правильно, а, может быть, так же правильно и предадут скоро суду. Что же касается этих упущений, то они были, и самые главные упущения даже не имели никакой связи ни с новороссийским процессом, ни со свидетельскими показаниями названных мировых судей на этом процессе. Если вы, г<оспода>, обратитесь к статистическим данным, то вы можете там обнаружить странный факт: в районе Черноморского окружного суда уголовная репрессия по приговорам с присяжными заседателями необыкновенно низка по сравнению с приговорами других судов, находящихся по соседству и стоящих, по-видимому, в одинаковых условиях.

Вот такой странный факт, эта странная низость процента обвинительных приговоров, совершенно не согласованная с приговорами других судов, обратила на себя внимание Министерства. В таких случаях необходимо обратить всегда внимание на способ составления списков присяжных заседателей, ибо именно здесь очень часто кроются злоупотребления, способствующие оправданию обвиняемых. Опять-таки укажу вам на один пример: в прошлом году в Вильне должно было слушаться довольно громкое дело об иудейском поджоге с целью получения страховой премии. Когда был составлен сессионный список присяжных, то оказалось, что один из чинов канцелярии подложно выскоблил двух русских из списка и заменил их иудеями. Конечно, этого канцелярского чина посадили под стражу, предали суду, и теперь он находится в арестантских ротах, но из этого примера вы можете увидеть, как воздействуют на избирательные списки, чтобы добиться справедливых приговоров. Списки эти составляются особой комиссией, во главе которой стоит предводитель дворянства, но т. к. в Черноморском округе дворянских обществ нет, то в силу специального закона

во главе этой комиссии по составлению избирательных списков стоят мировые судьи. И вот когда начали исследовать составление списков, то обнаружилось, что Пальчиковский и Овчаренко никаких комиссий не созывали, а составляли списки единолично, по своему собственному усмотрению, а в представлениях подложно писали, что будто бы списки составлены комиссией. Вот что за типы этот Пальчиковский и Овчаренко (*рукоплескания справа*), и о них, несомненно, не сегодня-завтра будет возбуждено судебное преследование. (*Шум слева; звонок председательствующего.*)

Теперь вы подумайте, г<оспода>, за что они страдают: за то, что они учиняют совершенно недопустимые для судебного чина действия, или за то, что дают показания, неприятные старшему председателю Новочеркасской судебной палаты? Вот, г<оспода>, положение настоящего запроса, а подкладка его очень проста. Закончив предварительное следствие о вооруженном восстании в Новороссийске, Лыжин принялся за предварительное следствие о дашнакцутюнах [7] – следствие огромное, очень сложное. И вот когда преступную деятельность дашнакцутюнов начал развертывать человек энергичный, самоотверженный, не боящийся труда, не боящийся усилий, не боящийся даже смертельной опасности, то революционеры почувствовали, какой в этом для них ужас. Уже Лыжин начал добираться до таких тузов, о которых никто не смел думать, что они причастны к революции. Тогда было постановлено убрать Лыжина, не дать ему кончить дело, и голова Лыжина оценена в 60 тыс. руб. (*Смех слева; голос справа*: «Верно!».) Лыжин не выезжает из Новочеркасска и не выезжает не по собственной инициативе, а потому, что административные и военные власти говорят ему: мы решительно против того, чтобы выезжали, мы уверены, что если вы

выедете, то будете убиты. (*Смех слева*.) Смеяться нечего, ибо это устанавливается официальными документами. Следователю Лыжину надо поехать в Ростов-на-Дону, чтобы предъявить следствие находящимся там арестантам, а военные и административные власти настаивают, требуют, чтобы он не ездил в Ростов, чтобы эти арестанты, несмотря на издержки для казны, были препровождены из Ростова туда, где находится Лыжин. Вот в какое положение поставлен следователь Лыжин, исполняющий свой долг энергично и самоотверженно. С одной стороны, хотят, чтобы он не закончил следствия о дашнакцутюнах и не смог добраться до тех нитей, до которых он добирается, а с другой стороны, стараются дискредитировать, свести на нет все то, что Лыжин сделал, хотят, чтобы в отношении следствий Лыжина установилось общественное мнение: «А, это тот следователь, который дает повод думать, что следователи совершают подлоги!». Вот ради чего пособники и друзья революции взлезают на эту кафедру и всячески чернят Лыжина (*рукоплескания справа*) и старшего председателя Холодовского. Возмутительно слышать, когда лица, вносящие подобные запросы во славу революции, говорят, что они будто бы заботятся о поддержке достоинства и авторитета Государственной Думы! (*Продолжительные рукоплескания справа; шиканье слева*.)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 4. Заседание 78. 11.03.1911. Речь Г. Г. Замысловского о шантаже и клевете со стороны социал-демократов

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. В конце прошлого заседания,

в среду, член Государственной Думы Гегечкори заявил вам с кафедры, что, по имеющимся у него сведениям, я 10 лет назад совершил служебные подлоги и за эти служебные подлоги был определением Петербургской судебной палаты переведен с высшей должности на низшую. Я думаю, что для Государственной Думы не может быть вполне безразличным вопрос, был ли осужден один из ее членов за подлоги или нет. Поэтому я имею смелость отнять несколько минут вашего внимания, чтобы разъяснить вам, как возникло подобное обвинение. Я должен вам сказать, что никогда в своей жизни ни за подлоги, ни за какие-либо иные преступления я под уголовным судом не состоял. (**Гегечкори** *с места*: «Я этого не говорил; дисциплинарный суд».) Но, может быть, слово «подлог» здесь понимается в более широком смысле, в смысле того нерадения, той небрежности, которые влекут дисциплинарную ответственность, меры дисциплинарных взысканий, выражающиеся в замечаниях, выговорах, в переводе с высшей должности на низшую, в вычете из времени службы. И по этому поводу я должен заявить, что за все время прохождения службы я никогда ни одному дисциплинарному взысканию не подвергался. Что касается г. Якобштадта [1], где я служил мировым судьей, то с этой должности я был переведен на должность товарища прокурора Гродненского суда; лиц, изобличенных в подлогах, на должность товарища прокурора не переводят, и такой перевод, во всяком случае, не может считаться понижением. (**Гегечкори** *с места*: «А раньше где вы были?»; **Володимеров** *с места*: «Помолчите, бесстыдник».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Володимеров, не делайте замечаний с места.

Замысловский. Раньше я был секретарем. (*Голос слева*: «Мировым судьей».) Г<оспода>, я обращаю вни-

мание Государственной Думы на то, что справки о моей прошедшей деятельности, справки, которые приписывают мне поступки бесчестные, делаются с этой кафедры социал-демократами не впервые. Вам говорилось с этой кафедры тем же членом Думы Гегечкори и тоже по личному вопросу, что после роспуска I Думы я выступал на каких-то предвыборных собраниях, где говорил против правительства, причем член Думы Гегечкори будто бы знает это от каких-то определенных лиц, которых он назовет. Я тогда же в газетах поместил открытое письмо члену Думы Гегечкори, где удостоверял, что ни на одном политическом собрании я не только не выступал, но даже вовсе не был. Первое публичное политическое собрание, на котором я говорил, было, когда шли выборы в III Думу, и тогда, разумеется, я ничего противоправительственного не заявлял. Член Думы Гегечкори мне так и не назвал тех лиц, от которых получил эти сведения, хотя и заявлял, что назовет их имена. После этого на думскую кафедру взошел член Думы Покровский-второй [2], который в отношении моей прошлой деятельности заявил вам, что я будто бы при выборах в III Государственную Думу выставлял себя всегда сторонником еврейского равноправия, входя в состав Виленского предвыборного комитета, высказывал желание дать льготы евреям, а вот теперь я против евреев.

В том же самом заседании мне удалось достать справку из газеты «Речь» за 1907 г., где меня травили за то, что я шел вопреки мнению Виленского предвыборного комитета и высказывался против евреев. Таким образом, и эта вторая клевета с треском провалилась. Теперь уже меня обвиняют социал-демократы, что я занимался подлогами, и обещают назвать имена, но не называют их. (**Гегечкори** *с места*: «Я назову: Маген».) Я и без заявления члена Думы Гегечкори знал, что это Маген;

еще тогда, когда я говорил свою речь в среду, член Думы Гегечкори прерывал меня своими репликами: «Вспомните Магена», что и дошло до моего слуха. Затем в том письме, выдержки которого он вам прочел, говорилось о конкурсном управлении. Якобштадт – маленький городишко; там было только одно конкурсное управление, и как раз по этому конкурсному управлению было дело Магена. Таким образом, я могу совершенно безошибочно сказать, что эти сведения от Магена. Действительно, у Магена был иск, и при разрешении этого иска в числе членов мирового съезда заседал и я. (**Гегечкори** *с места*: «Вы были секретарем».)

Председательствующий. Пожалуйста, без переговоров.

Замысловский. Мировые судьи являются членами мирового съезда, съезд составляется из мировых судей, и я в качестве члена съезда действительно рассматривал дело Магена. Съезд так же, как и первая инстанция, ему в иске отказал. Вот по этому поводу я от Магена получил следующее письмо. Раз Гегечкори огласил письмо от Магена, позвольте и мне также огласить это письмо: «Милостивый Государь Георгий Георгиевич, Вы, конечно, не забыли, что мною подана в Петербургскую судебную палату жалоба, в которой я обвинял вас в подлоге, совершенном вами при занесении свидетельских показаний в протокол по делу по иску моему к конкурсному управлению Якобштадской ссудно-сберегательной кассы, а также вместе с другими судьями, решившими этот дело в умышленном неправосудии, что я просил подвергнуть вас всех следствию и суду, предоставить мне все права гражданского истца и присудить вас солидарно к возмещению мне той суммы, которой вы меня лишили своим несправедливым решением (165 руб.). Несмотря на многократный запрос мой в судебную палату относительно

положения этого дела, я до сих пор никакого ответа не получил». А член Думы Гечечкори говорил, что судебная палата перевела меня на низшую должность. «Впоследствии, когда вы уехали от нас, Шелудьяков передал мне в присутствии свидетелей, что вечером того дня, когда вами решено было мое дело с конкурсным управлением, он встретился с вами в бане, и вы злорадно ему сказали: "Маген проиграл сегодня большое дело. Его дело правое, но мы, судьи, злы на него и решили в пользу его противника"». – Никогда в жизни в якобштадской бане я не был. – «Об этом вашем поступке я заявил соединенному присутствию Первого и Гражданского Кассационного Департамента Сената, но также до сих пор на свою жалобу ответа не получил». – Еще бы Сенат стал отвечать на подобные жалобы. – «Не считая это дело мое с вами оконченным, я изготовил прошение к некоторым членам различных фракций Государственной Думы (*смех справа*), в котором, изложив суть дела, просил их сделать министру юстиции запрос, почему судебная палата и Сенат отказывают мне в правосудии в таком вопиющем деле». – Дальше уже пойдет посерьезнее. – «Но перед отправлением моих прошений на почту котенок испортил одно из них своими грязными лапами, и это склонило меня остановиться исполнением своих намерений, т. к. жена моя перед этим меня просила пощадить вас и не погубить вместе с вами и ваших невинных детей и жену. (*Смех справа*.) Но я не могу терять своих денег, а потому обращаюсь к вам предварительно с вопросом: не согласны ли вы будете уплатить их мне добровольно? Сумма, которую я потерял благодаря вам, составляет 165 руб., а с процентами за все это – 200 руб. (*Смех*.) Само собой разумеется, что я от своих требований или предложения отказываюсь, коль скоро вы мне докажете, что я и судом не мог бы взыскать с вас эти деньги». Спрашивает-

ся: если он, Маген, может взыскать судом, почему же он в суд не обращается? – «Даю вам срок на ответ до 8 марта сего года. Якобштадт, 29 февраля 1908 г.». Таково это шантажное письмо, где с меня вымогают 200 руб., грозя иначе сделать думскую кафедру орудием шантажа. Оно было получено мною три года тому назад, и естественно было думать, что за три года я это письмо потеряю, что я его не сохраню, и тогда денежный шантаж чрез кафедру Государственной Думы, это денежное вымогательство в 200 руб. могло бы осуществиться. В письме есть очень характерный постскриптум. «На случай, если вы пожелаете ответить, сообщаю вам свое имя, – меня зовут Виктор Федорович». Очевидно, человек понимал, что на подобные письма не отвечают, – я так и сделал, – на письмо не ответил. Итак, г<оспода>, вы видите, как социал-демократы понимают свободу слова, как они пользуются думской кафедрой; они делают ее, прежде всего, орудием противоправительственных выпадов, затем орудием клеветы, орудием оскорблений и, наконец, орудием денежного шантажа, вымогательства с члена Государственной Думы 200 руб. Я не поздравляю социал-демократов и не поздравляю то думское большинство, которое позволяет им это делать. (*Рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 1. Заседание 18. 30.01.1913. Речь Г. Г. Замысловского о наказании за революционную деятельность

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Я нахожу, что настоящий запрос [1] в спешном порядке рассматривать невозможно. Конечно, если бы те ужасы, о которых пишут интер-

пеллянты, подкреплялись хотя бы какими-нибудь доказательствами, то я бы первый был за то, чтобы рассматривать запрос сразу; к сожалению, все утверждения интерпеллянтов совершенно голословны, а дальше я укажу, что и недостоверны. Но прежде, чем говорить об этой фактической стороне дела, позвольте несколько слов сказать о стороне юридической, которая тоже не может быть рассматриваема, по моему мнению, в спешном порядке, а подлежит предварительному комиссионному рассмотрению.

Интерпеллянты выставляют два юридических положения: они не имеют возможности отрицать того, что, по закону, к тюремным арестантам каторжного разряда может быть применяемо телесное наказание: это установлено категорическим постановлением закона, – но они выводят теорию, что телесное наказание может быть применено к арестантам каторжного разряда только при совершении им известных, строго определенных и точно очерченных в законе проступков. Вне этих точно определенных проступков телесное наказание применяться, мол, не может, а т. к., – далее говорят интерпеллянты, – в рассматриваемом случае телесное наказание применялось и вне столь точно очерченных рамок, то, следовательно, в деяниях администрации заключается незакономерность.

Действительно, закон определяет, что арестанты каторжного разряда в случае совершения проступков, которые для обыкновенных обывателей влекут наказание не свыше лишения всех особенных прав, подвергаются телесному наказанию; их не судят, как судили бы обыкновенных обывателей за кражу, грабеж, нанесение ран, а вместо общего наказания, которое полагается, они подвергаются наказанию телесному. Верно, что здесь для применения телесного наказания нужен точно опреде-

ленный проступок, нужна ответственность за деяние, строго очерченное законом. Но далее статья о телесных наказаниях, по прод[овольственному] Уставу 1909 г., [2] ст. 235 Уст[ава] о Ссыльн[ых], конечно, в корне разрушает выдвинутую интерпеллянтами теорию о строго определенных проступках, потому что, само собой разумеется, такие деяния, как буйство, своевольство, нерадение, непослушание, устанавливаются усмотрением начальника тюрьмы, и всякая определенность рамок в смысле ответственности судебной здесь исчезает. Так падает первый довод интерпеллянтов, основанный на юридических соображениях. При комиссионном рассмотрении это будет совершенно ясно, тогда как при рассмотрении в спешном порядке могут возникнуть какие-нибудь недоразумения. Другой юридический довод запроса гласит, что если по закону и возможно применение к арестантам-каторжникам телесных наказаний, тот вот по изданной Министерством юстиции в циркулярном порядке общей тюремной инструкции применение телесного наказания к так называемым, как говорят интерпеллянты, «политическим» заключенным уже никак невозможно. В запросе приводится такое соображение: «Моральное и умственное развитие, воспитание и прежнее состояние каторжан-политиков прямо исключают по смыслу ст. 273 инструкции применение к ним телесного наказания». Обращаясь к этой тюремной инструкции и, в частности, к ст. 273, мы видим там, что она внушает тюремному начальству, дабы телесное наказание применялось не только смотря по вине, но, так сказать, и смотря по человеку, чтобы наказание это применялось осмотрительно, в крайних случаях, и принимались во внимание умственное развитие провинившегося, степень его образования, его нравственная чувствительность, его предшествующее поведение и тот класс, очевидно,

сословный класс, к которому он принадлежал до осуждения. Таков текст весьма гуманной ст. 273 общетюремной инструкции. Само собой разумеется, однако, что из нее нельзя делать тех выводов, которые делают интерпеллянты. Статья 273 не содержит и не может содержать категорического воспрещения применять телесное наказание к известным категориям арестантов, она только рекомендует более внимательное отношение не только к вине, но и к лицу; и вот те выводы, которые делают из ст. 273 интерпеллянты, принадлежащие, главным образом, к социалистическим партиям, чрезвычайно удивительны. Ведь ст. 273 как раз вводит «классовые привилегии, она ведь говорит, что при наложении телесного наказания надо, между прочим, обращать внимание и на тот класс, к которому раньше, до осуждения, принадлежал провинившийся. Казалось бы, социал-демократы, будучи последовательными, должны возмутиться этим обстоятельством (*смех слева*; **Чхеидзе**: «Вот тебе раз!») и сказать, что все равны – и крестьянин, и мещанин, и дворянин, что тут разницы нет. Но они говорят совсем другое: будто по смыслу ст. 273 прежнее состояние каторжан-политиков исключает применение к ним телесного наказания, т. е., значит, если раньше, до осуждения, человек принадлежал к привилегированному классу, его нельзя подвергать телесному наказанию, а если он был крестьянином или мещанином, то можно. Такова логика г<оспод> социал-демократов, таковы их выводы из ст. 273 инструкции. И эти обстоятельства, конечно, при комиссионном рассмотрении будут обнаружены; будет обнаружено, что из ст. 273 отнюдь нельзя делать тех выводов, которые приводятся в запросе. Но гораздо любопытнее сторона фактическая. Она интерпеллянтами делится на три части: 1) события в Орловской каторжной тюрьме; 2) события на Нерчинской каторге; 3) события

в Бутырках и в Кутаисской тюрьме. Про эту последнюю часть говорить не приходится, ибо сами интерпеллянты признают, что здесь они еще многого не знают, что они еще будут собирать сведения о тех будто бы истязаниях, которые там происходили, а пока только в виде предположения спрашивают правительство: были ли там истязания? Так что в этой третьей части говорится о событиях, которые даже интерпеллянтам неизвестны, а вот первая часть, она действительно излагает ужасные вещи. Она воспроизводит, со слов будто бы очевидца – и даже не очевидца, а самого потерпевшего, – как его били в Орловской тюрьме. Начинается изложение так: «Пришла моя очередь, двери отворились, ворвались старший и за ним толпа», – далее описывается, как заключенного били ключами под ребра, возили физиономией по асфальтовому полу, одним словом, рассказываются невероятные ужасы. Если бы они были в действительности, то, конечно, запрос надо было бы принять немедленно в спешном порядке. Но, г<оспода>, в этой области у нас, членов IV Думы, которые были в Думе третьего созыва, есть известный опыт. Там подобные запросы вносились в изобилии, и даже был как раз запрос об этой самой Орловской каторжной тюрьме с рассказом, очень похожим на тот, который приведен теперь. Рассказ тогда шел, как в Орловской каторжной тюрьме истязали арестанта каторжного разряда, бывшего присяжного поверенного Жданова, осужденного на каторгу за участие в экспроприации. Этот рассказ весьма похож на теперешний, но еще более ужасен. Жданов, видите ли, грубо поступил в отношении прокурора; тогда Жданова привели обратно в одиночную камеру и уже стали истязать. Били так ужасно, что сами решили, что убили его совсем. «Стой, готов», – слышали заключенные, в том числе и очевидец. Стихло – готов. Пошли за помощником. Этот, явившись,

стал ругаться, что убили без разрешения. Разглядели, что дышит, – отправили в больницу. Когда Жданов поправился, его вернули в одиночную, причем ежедневно били и открыто кричали: «Долго не проживешь!». Так продолжалось до конца сентября – ужасы еще более потрясающие, чем те, которые описаны в настоящем запросе. Что же нам по поводу этих ужасов ответил начальник Главного тюремного управления Хрулев [3]? Он сказал, что присяжный поверенный Жданов никогда в Орловской тюрьме не содержался. (*Смех справа*; **Герасимов**: «Там содержался другой Жданов».) Г[осподин] Герасимов, я удовлетворю ваше любопытство так, что вы останетесь довольны, дайте только мне в порядке последовательного изложения до этого дойти. Итак, никогда присяжный поверенный Жданов в Орловской тюрьме не содержался. Я, говорил нам начальник Главного тюремного управления Хрулев, объезжая тюрьмы, бывал, между прочим, и в Иркутской каторжной тюрьме, встретил там этого самого бывшего присяжного поверенного Жданова и спрашиваю его: «Послушайте, вас били когда-нибудь в Орловской каторжной тюрьме?» – «Никогда, – отвечает, – потому что я в ней никогда и не был». – «Но, может быть, вас били в другом месте заключения, может быть, указание на Орловскую тюрьму – ошибка, а истязание происходило в другой тюрьме?» – «Нет, никогда ни в одной тюрьме никто меня не бил». – «Так что вы это, может быть, мне письменно изложите?» – «С удовольствием». Жданов все это написал, эту записку Хрулев принес на думскую кафедру и заявил, что если сомневаются в подлинности почерка Жданова, то среди Партии народной свободы есть член Думы Маклаков, который был защитником Жданова, когда тот обвинялся в экспроприации, и который может удостоверить подлинность почерка. Тогда и возник тот выверт, к

которому сейчас прибегает член Думы Герасимов. В запросе, мол, ошибка: не присяжный поверенный Жданов, а другой Жданов. И тогда, как вы видите, кадеты были горазды на выверт, но здесь им не повезло, ибо Хрулев ответил: да, действительно, мы производили расследование, не было ли другого Жданова в Орловской тюрьме, и оказалось, что был, но этот другой Жданов всегда отличался примерным поведением, никогда ни одному дисциплинарному наказанию не подвергался и за примерное, хорошее поведение был досрочно освобожден. (*Смех справа*.) Я надеюсь, вы удовлетворены, г. Герасимов? (**Герасимов**: «После запроса или до него?».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Герасимов, будьте любезны с места не говорить.

Замысловский. Итак, г<оспода>, вы видите, к чему привел нас опыт III Думы: к тому, что все эти россказни оказались сплошным вымыслом – никогда ничего подобного не было. Откуда же они возникают? А вот откуда. Если вы обратитесь к журналу «Будущее», издаваемому за границей Бурцевым [4], то вы в № 41 найдете буквально весь тот рассказ, который внесен в настоящий запрос без указания, однако, источника, ибо в запросе сказано, что это рассказ очевидца, а в действительности это анонимная статья из журнала «Будущее».

Я говорю это вот к чему: несомненно, подписавшиеся под запросом социал-демократы знали это обстоятельство, но запрос подписан людьми очень умеренными, напр[имер] членом нашего Президиума Львовым-первым [5], подписан гр<афом> Путткамером [6]; так вот, я думаю, что эти лица были введены в заблуждение и, подписывая, думали, что действительно у г<оспод> социал-демократов имеется рассказ очевидца, а не анонимные статьи из подпольного революционного журнала «Будущее». (*Справа рукоплескания и голоса*: «Браво!».) Иначе,

я полагаю, они этот запрос не подписали бы. Положение же социал-демократов ясное: раз в журнале «Будущее» что-либо написано, то они – верят или не верят в душе, – должны считать это истиной, а раз это истина, то, конечно, надо вносить запрос; но теперь уже г<оспода> социал-демократы забронировались от того неприятного случая, который вышел со Ждановым; они фамилий не приводят, а говорят лишь, что кого-то истязали; таким образом, того документального опровержения, которое было тогда, привести теперь нельзя. (*Голоса слева*: «14 фамилий приведено».) Извините, пожалуйста, фамилии нет. В п. 1 приведен рассказ очевидца, которого будто бы самого били, и там сказано: «Пришла моя очередь, дверь отворилась, ворвался старший, а за ним толпа». А кто этот рассказчик, не указано, так что ваше перебивание фактически неверно. Так обстоит дело с Орловской каторжной тюрьмой, но еще более страшные вещи рассказывают о Нерчинской каторге, о тюрьмах Зерентуйской, Акатуйской и т. д. Г<оспода>, и этот вопрос не нов, и запрос о Нерчинской каторге был на рассмотрении III Думы. Он рассматривался в комиссии по запросам, где правых была только одна треть, одна треть левых и одна треть октябристов. Председателем запросной комиссии был князь Куракин [7], которого мы причисляем к левому крылу октябристов (*возгласы слева*: «О-о-о, возьмите себе его назад!»); следовательно, постановление комиссии, ее большинства, могло быть принято голосами правых только при поддержке октябристами. И вот позвольте вам сообщить, к каким выводам пришла запросная комиссия по запросу о Нерчинской каторге. Я буду цитировать доклад 1911 г. № 608: «Эти преступники (т. е. преступники Нерчинской каторги) с самого начала не были подчинены в порядке содержания действующему тюремному закону и существующим на

этот счет инструкциям и состояли на положении, ничего общего с положением ссыльно-каторжных не имеющем; так, напр[имер], ссыльно-каторжные имели свою одежду, белье и обувь, не были закованы в кандалы», – а это категорическое требование закона, – «имели свой стол, свои лавки, где продавались всякого рода продукты, образовали общества на коммунистических началах, открыто вели собеседования на революционные темы, имели свои библиотеки, в которых находились книги антиправительственного и даже революционного содержания, пользовались сношениями с лицами, находящимися на свободе, причем деньги и корреспонденция свободно передавались из тюрьмы в тюрьму». Это, г<оспода>, доклад третьедумской комиссии, а еще недавно член Думы Шингарев говорил, что вот, мол, III Дума приняла запрос, будьте же последовательны, подчинитесь тому, что уже решено в III Думе. Так вот, будьте последовательными и признайте достоверность за этими фактами, которые установлены в докладе запросной комиссии Думы третьего созыва. Читаю дальше: «В таком положении находилась Зерентуйская тюрьма Нерчинской каторги, в которой были сосредоточены важнейшие государственные преступники. Лучшим показателем порядка, существовавшего в Зерентуйской тюрьме, служит письмо одного каторжника, содержавшегося в Зерентуйской тюрьме, написанное в 1910 г. и случайно отобранное при обыске уже в Томской губ[ернии]. Наиболее характерные места этого письма следующие: “Наконец, 15 марта мы прибыли в Горный Зерентуй. Оказали мне такой прием, что я не ожидал. Первым делом с меня сбили кандалы. Здесь ходят все без кандалов. Я тебе скажу, что в смысле режима Зерентуйская тюрьма по сравнению с другими тюрьмами не только каторжными, но даже и такой тюрьмой, как Иркутская, это не тюрьма, а гостиница.

(*Голос слева*: “Гранд-отель”.) К политическим тюремная администрация относится с особым почтением и уважением. Кухня и больница в руках политических. Все ходят в своем белье. Живем мы почти все коммуной – это в каторжной тюрьме! В коммуне состоят человек 160. Деньги, которые присылают родственники коммунарам, идут в общую кассу”.

Только после этого обращено было внимание на Зерентуйскую тюрьму, и для ревизии ее назначены были особые лица. При обыске у заключенных и в занимаемых ими помещениях найдены революционные книги, брошюры, ножи, бритвы и т. п. 7 ноября 1910 г. в одной из камер, где помещались каторжники, осужденные за государственные преступления, найдена такая масса книг и переписки, что она не поместилась в четыре тюфячных мешка. В числе этих книг многие были революционного содержания; кандалы на некоторых арестантах были с фальшивыми заклепками и снимались совершенно свободно, а под нарами на полу валялись около 20 пар снятых ножных кандалов; в той же камере найдена выданная одному из арестантов тетрадь, запись в которой начата с 10 июля 1910 г. Одна из этих записей содержит каталог находящихся в тюрьме книг революционного содержания. Из другой записи видно, что в тюрьме еженедельно по субботам арестанты устраивали собеседования на революционные темы. Так, между прочим, на 13 ноября назначено было собеседование на тему “Революция и военное дело”. В другой тетради был написан устав коммуны каторжан Зерентуйской тюрьмы, осужденных за государственные преступления. Выяснилось, что в июле 1910 г. в местное почтово-телеграфное отделение доставлена была посылка с письмом от неизвестного лица с просьбой передать одной женщине, которая за ней явится. Женщина эта обучалась у одного из ка-

торжников внетюремного разряда, и через него посылка могла быть доставлена в тюрьму. По вскрытии посылки в ней оказались 10 пачек стальных пилок, 5 ключей от тюремных замков, 3 отмычки, 50 патронов к револьверу “браунинг”, 700 руб. кредитными билетами, флаконы с порошком “веронал”[1] и шифрованное письмо. По расшифровке оказалось, что в письме изложен план побега одного из каторжан и содержалось наставление в способе употребления порошка “веронал”, предназначавшегося для усыпления чинов стражи или конвоя. Во время ревизии в посылке, присланной 10 октября 1910 г. в Зерентуйскую тюрьму на имя каторжанина А. Созонова, среди других вещей был учебник физики Краевича, в переплете которого найдена нелегальная брошюра “Дело Плеве” [8] и 500 руб., предназначенные, как это установлено расследованием, для организации побега двух каторжан в пути при переводе их из одного места заключения в другое. Все эти обстоятельства послужили к тому, что начальник тюрьмы капитан Чемоданов был уволен, а 24 ноября в должность вступил вновь назначенный начальник тюрьмы. Из изложенного видно, что вновь назначенному начальнику тюрьмы предстояла нелегкая задача превращения Чемодановской гостиницы в тюрьму для ссыльно-каторжных, и следовало предполагать, что ссыльно-каторжные без сопротивления не откажутся от тех незаконных нарушений тюремного распорядка, которые были допущены Чемодановым».

Вот что признала запросная комиссия III Государственной Думы. В этом и лежит источник всех после-

[1] Веронал (барбитал) – лекарственное средство, обладающие снотворным действием. Барбитал (веронал) был первым барбитуратом, предложенным для применения в медицинской практике в качестве снотворного средства (в 1903 г.). Он оказывает успокаивающее и снотворное действие, вызывает глубокий сон. В настоящее время барбитал имеет ограниченное применение. В редких случаях при неэффективности других средств барбитал может быть использован в виде порошка.

дующих запросов. Когда «Чемодановскую гостиницу» стали приводить в порядок, тогда начались беспорядки в тюрьме со стороны арестантов и посыпался ряд запросов в Думу. Между прочим, одна из незакономерностей, указанных в тех запросах: к арестантам-каторжанам обращались на «ты», а нужно будто бы вежливое обращение на «вы». Вот что пишет по этому поводу запросная комиссия III Государственной Думы: «По отношению обращения на “ты” следует объяснить, что ст. 28 Устава Внутренней Службы указывает на обращение к нижним воинским чинам на “ты”, и было бы ни с чем несообразным к нижним чинам караула и конвоя обращаться на “ты”, а к ссыльно-каторжным, состоящим под их надзором, обращаться на “вы”».

А между тем эта история с «ты» и «вы» воспроизводится в настоящем запросе, где рассказывают злоключение некоего Сроля Брульона: пока Сроль Брульон был гомельским маляром, все обращались к нему на «ты», а как только Сроль Брульон покусился на убийство, был осужден за это в каторгу и стал каторжником «политическим», к нему надо обращаться уже на «вы». Этой логики я понять не могу.

Вот, г<оспода>, те обстоятельства по Нерчинской каторге, которые опять-таки требуют внимательного комиссионного рассмотрения, дабы убедиться, что изложенные в запросе факты не верны, что совершенно искажены обстоятельства дела. Г<оспода>, в запросах, однако, есть другая подкладка и гораздо более трагическая, чем злоключения Сроля Брульона. Начальник Нерчинской каторги Метус был убит; начальник Акатуевской тюрьмы Бородулин был убит, на следующего начальника – Высоцкого – было покушение на убийство. Теперь, когда в Забайкальской области энергичный военный губернатор Кияшко [9], требует точного

исполнения закона, на Кияшко уже было покушение, уже «сознательная» женщина бросилась на него с кинжалом. Имейте все это, г<оспода>, в виду. Ведь статьи в журнале «Будущее» для того и пишутся, чтобы подстрекнуть нафанатизированную молодежь к совершению террористических актов над тюремной стражей, и когда эти статьи «Будущего» переносятся в Думу в виде запросов, то, г<оспода>, смотрите, чтобы не быть подстрекателями этих террористических актов и не быть их попустителями. (*Рукоплескания справа.*)

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 4. Заседание 31. 04.03.1916. Речь Г. Г. Замысловского о деятельности думских либералов

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Вашего внимания я не займу особенно долго, ибо предполагаю говорить лишь об одном эпизодическом привходящем вопросе, которому, однако, уделили довольно много места предшествовавшие ораторы, мои политические противники, и потому вынуждают меня к ответу. Здесь говорилось достаточно много о так называемом германофильстве правых, о том, что эти правые круги, и в широком смысле, и в смысле отдельных личностей, это друзья немцев. Много говорил об этом предшествующий оратор, член Государственной Думы Родичев, еще более говорил оратор, выступавший в прошлом заседании по данной смете, член Государственной Думы Савенко [1]. Савенко даже говорил, что вот из правых кругов исходили какие-то секретные записки, которые советовали заключать сепаратный мир – мир, не достойный России, не соглас-

ный с ее честью. Вот до чего доходили в этом своем германофильстве, в этом обожании немцев правые круги. Такие, очень тяжелые по настоящему военному времени обвинения требуют, я полагаю, ответа и возражения. Отчасти тот ответ был уже дан члену Думы Савенко моим товарищем по фракции Николаем Евгеньевичем Марковым, но я считаю, что вопрос настолько серьезен, что со своей стороны прибавлю некоторые возражения.

Я считаю себя это вправе сделать еще и потому, что обвинение нас, правых, в германофильстве не есть только вопрос, касающийся партии, это не есть узкопартийная полемика, а нечто значительно более широкое и важное, ибо, г<оспода>, ведь то, что происходит здесь, известно и за границей; как среди наших союзников читают о том, что происходит в Думе. И вот если Дума в лице тех ее партий, которые громче всех кричат, что они в настоящий момент организуют победу, если Дума, ее ораторы начинают говорить, что крупное политическое движение в стране затевает сепаратный мир (*голоса слева*: «Да не крупное только»), если говорят, что это затевали три министра, бывшие у власти во время войны, если говорят, что о сепаратном мире подаются записки с массой подписей, то согласитесь, г<оспода>, что такие речи людей, которые выставляют себя организаторами победы, такие речи производят впечатление диаметрально противоположное, ибо за границей такие сведения, – а я вам докажу, что эти сведения ложные, – такие сведения, конечно, могут пробудить известную тревогу, известное недоверие к союзникам. Какие же это союзники, если среди них крупные партии, в том числе целый ряд министров, секретно подают записку о сепаратном мире?! Г<оспода>, согласитесь, что в этом случае я прав и что такая тревога может возникнуть у наших союзников. Для чего же возводятся все эти обви-

нения? Они возводятся, г<оспода>, только потому, что люди, которые громко кричат об организации победы, в действительности стараются вырвать момент для того, чтобы захватить власть, и для того, чтобы свести счеты со своими партийными врагами (*рукоплескания справа*), ибо если теперь приклеить нам кличку «германофилы», то, понятно, в смысле партийной борьбы это очень выгодный и очень целесообразный прием.

Для партийного деятеля, для того, кто ставит партийную борьбу выше всего, конечно, это очень выгодно, целесообразно, это надо использовать. И вот эту-то маленькую цель партийной борьбы те, кто говорят о том, что они организуют победу, поставили в действительности выше блага Родины, потому что благо Родины не позволяет говорить с этой кафедры (*рукоплескания справа*), что русские министры подают записки о сепаратном мире, говорят, как я докажу, ложно и клеветнически. Г<оспода>, в чем, в самом деле, выразилось это германофильство? Когда говорят о деятельности правых кружков, правых организаций, вообще о правых, то почти всегда в этих заявлениях читаю я и свое имя. Мое имя со столбцов газеты «Речь» почти не сходит. Раз правые, то и Замысловский. Я здесь девятый год, я выступал с думской кафедры очень много раз, я работал в комиссиях, выступал на съездах, читал доклады. (*Голос слева*: «Имени нет».) Я бы просил моих политических противников указать хотя бы две-три строчки, в которых выразилось мое германофильство. Председателем фракции правых состоит Сергей Васильевич Левашев [2]. Речи председателя фракции всегда наиболее отражают течение самой фракции. Укажите, пожалуйста, в чем выразилось германофильство профессора Левашева? Да он – отъявленнейший германофоб, и теперь, и всегда таковым был. Вы говорите о преклонении

перед Германией, ссылаясь на речи Николая Евгеньевича Маркова. Нет, г<оспода>, тут не было никакого преклонения, но тут был здравый, трезвый взгляд на Германию, на ту силу, которую она представляет. Вас предупреждали, что если вы хотите обострять отношения с Германией, то знайте, какая это сила, и делайте это серьезно. (**Родичев**: «Маленький союз».) Вот о чем предупреждал вас Николай Евгеньевич Марков, когда говорил, что если так действовать (**Родичев**: «Маленького союза требовал»), то тогда надо быть поосторожнее в вопросе войны с Германией. Это, г<оспода>, не есть «преклонение», это трезвый, здравый взгляд на дело. (**Родичев**: «А бронированный кулак?».) Что же, если я вам скажу так: «Какое хорошее учреждение завод Круппа [3], какое мощное, сильное учреждение; как жаль, что у нас в России перед войной не было такого учреждения, такого завода, достаточно сильного, достаточно мощного», – неужели я германофил? (**Родичев**: «Запишитесь в союз с Круппом».) Если толковать подобным образом, г<оспода>, то вы все германофилы (**Родичев**: «Союз есть союз»; *голоса справа*: «Молчать, Родичев»), потому что, напр[имер], вы все сторонники подоходного налога. А позвольте вас спросить, ваш проект подоходного налога [4], ведь это сколок с германского проекта, вы списали его с германского образца. Это союз с Германией? (**Родичев**: «Нет, это не союз».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Родичев, прошу вас не говорить с места.

Замысловский. Это он отплачивает за ту любезность, которую ему оказали, предоставив говорить три часа. (**Караулов** [5]: «Подумаешь, это вы ему предоставили».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский, прошу вас не переговариваться. (*Шум справа*.) Прошу не мешать.

Замысловский. Или, напр[имер], вы проводили в III Думе рабочие законопроекты. Что же ваши рабочие законопроекты, как не сколок с германского образца? Ведь они списаны с германского закона. Значит, раз вы проводили эти законопроекты, вы – германофилы? Согласитесь, что с такой логикой далеко не уедешь. Но это слова, нужно перейти к делам, – так нас приглашал член Государственной Думы Родичев. Хорошо, перейдем к делам. Еще в III Думе, еще при жизни Петра Аркадьевича Столыпина, был внесен первый законопроект о борьбе с немецким засильем, об ограничении немецкой колонизации в Волынской губ[ернии]. Вот тут начались уже дела, тут начались голосования, баллотировки. Какое же отношение к этому законопроекту было со стороны думских партий? Отношение было таково, что все правые секторы всячески настаивали на постановке этого законопроекта на повестку, на его проведении; наоборот, все левые секторы, и октябристы в том числе, всячески этот законопроект тормозили и добились того, что законопроект этот не был рассмотрен. Вот это уже не слова, а дела: это результаты голосования, это результаты баллотировки. А теперь нам член Государственной Думы Родичев говорит, что министр внутренних дел во время войны [6] – это старый друг Вильгельма. Федор Измайлович, вы сидите рядом с братом этого министра; если вы хотите, так вы спросите его, и он вам скажет. Я думаю, что тут братское чувство будет выше партийных шор, – он вам скажет, германофил его брат или не германофил. А вы позволяете себе говорить про русского министра внутренних дел, занимавшего эту должность во время войны, что он старый друг Вильгельма. И вы осмеливаетесь после этого говорить, что вам нужна победа. (*Рукоплескания справа*.) Да вы подумайте, что вы говорите, какое впечатление производят

эти ваши клеветнические речи, что во главе Министерства внутренних дел стоят друзья немецкого императора. (**Чхенкели**: «Не друзья, а лакеи».)

Итак, г<оспода>, *одно* дело – это ваше голосование по законопроекту о борьбе с немецким засильем. Теперь другое дело. Началась выборная кампания в IV Думу. Скажите, пожалуйста, кого поддерживали проживающие в России немцы своим голосованием во время этой кампании: правых или тех, кто сидит на скамьях прогрессистов, кадетов и октябристов? Я утверждаю, что немецкие голоса на выборах были отданы или октябристам в большем числе, или, в меньшем числе, прогрессистам и кадетам. Неужели же проживающие в России немцы не могут разобраться в том, кто действует им благоприятно, в их интересах, и кто неблагоприятно? (*Бурные рукоплескания справа*.) Все эти обвинения нас в германофильстве, сделанные Родичевым в первой части его речи, это был только отвод глаз для того, чтобы говорить в защиту немцев во второй части его речи (*бурные рукоплескания справа*), ибо что делал Родичев во второй части своей речи? Он проваливал законопроект о борьбе с немецким засильем. Скрыто проваливает его и внесенная в Думу формула прогрессивного блока, которую предлагают на ваше голосование, и мы в свое время на это укажем. (*Рукоплескания справа*.) Вот ради каких целей говорятся такие речи, которые немыслимо говорить с этой кафедры во время войны человеку, который уверяет, что он дорожит победой.

Обвинение нас в германофильстве член Думы Савенко приправил еще очень тяжелым обвинением. Он сказал, что он изменил не убеждения, а позицию, изменил позицию потому, что увидел, что вот руководители правых не обладают достаточным патриотизмом и много думают о личных интересах, а вот у руководителей

левых этого патриотизма больше, и они меньше думают о личных интересах. Это заявление члена Думы Савенко заставляет меня привести вам два сведения, которых иначе я приводить не стал бы, но я вынужден к этому, потому что нас ставят в положение обороны; другое основание, почему я эти сведения приведу, таково: здесь идет беспощадная критика, беспощадное разоблачение правительства и в том, в чем оно действительно виновато, и в том, в чем оно не виновато. Говорят: будем разоблачать, но, как вам говорил уже и Марков, если разоблачать, то будем разоблачать уже всуе, будем говорить и о том плохом, что делается в недрах правительства, и о том плохом, что делается вне правительственных недр. На эту вторую категорию плохих дел вам уже указывал Николай Евгеньевич Марков, говоря о деятельности военно-промышленных комитетов, которые берут по 20–30 руб. за то, что стоит 10–15 руб. Ввиду этих оснований я приведу некоторые сведения. В г. Киеве было выбрано разрешение на шинельную мастерскую, на постройку шинелей. Выбрал это разрешение член Государственной Думы Мерщий [7], которому такое разрешение было дано вследствие того, что он член Государственной Думы и, следовательно, лицо, внушающее доверие. (*Голос слева*: «Как и вы».) Это разрешение член Государственной Думы Мерщий переуступил или продал трем жидам, – фамилии их, к сожалению, забыл, – причем было выяснено, что Мерщий никогда не предполагал сам работать в этой мастерской, ибо у него не было никаких соответствующих оборудований, а с этих трех жидов по контракту он выговорил 40% барыша. (**Велихов** [8]: «Какой он партии?».) Затем тот же член Государственной Думы Мерщий исхлопотал в интендантстве разрешение, которое обычно не дается, чтобы в эту мастерскую выдавалось сукно в нераскро-

енном виде, тогда как обыкновенно шинельным мастерским выдается сукно в раскроенном виде во избежание злоупотреблений. И вслед затем, когда в эту мастерскую было дано сукно в нескроенном виде, то оказалось, что это сукно из мастерской продавалось на сторону, а шинели шились из гнилого сукна. Г<оспода>, эти сведения были изложены в письме главнокомандующим Юго-Западным фронтом генералом Ивановым [9] на имя председателя Государственной Думы. И это письмо было прочтено в заседании, где присутствовало достаточное количество членов Государственной Думы. Всем свойственно ошибаться, мог ошибиться и генерал Иванов; может быть, все это не так, может быть, все это лишь стечение несчастливо сложившихся для Мерщего обстоятельств, и он ни в чем не виноват, но, во всяком случае, если есть такое письмо не от первого встречного, а от главнокомандующего всеми Юго-Западными армиями, если этот главнокомандующий считает нужным написать все это председателю Государственной Думы о ее сочлене, то какой выход из положения, особенно для тех, кто организует победу и кто борется со всеми злоупотреблениями, откуда бы они ни исходили? Для порядочных людей выход из положения один: немедленно проверить все это и не оставлять дело шитокрыто (*рукоплескания справа и на отдельных местах в центре; голоса*: «Правильно») и, проверив, сделать одно из двух – или написать генералу Иванову: вы изволили ошибиться, вы введены в заблуждение, в действительности дело обстояло не так, как вы пишете, и член Государственной Думы ни в чем не виноват, решительно ничего предосудительного не совершил, что мы по расследовании и удостоверяем (*голоса справа*: «Правильно»), или сказать: к глубокому сожалению, то, что написал генерал Иванов, ужасная правда. Да, член

Государственной Думы, пользуясь своим влиянием, добыл разрешение на шинельную мастерскую для личного обогащения, переуступил эту мастерскую за 40% жидам (*голос слева*: «Не говорите этого слова»), добился разрешения… (**Марков-второй**: «Позор».)

Председательствующий. Покорнейше прошу не мешать оратору.

Замысловский. … как член Государственной Думы добился разрешения, чтобы сукно давалось в нераскроенном виде, и это разрешение было использовано для поставки гнилого сукна. Или то, г<оспода>, или другое, но оставлять это дело шито-крыто невозможно. А ведь это было доложено председателю Государственной Думы месяца полтора-два назад, даже больше. Меня перебивают возгласами, а кто такой Мерщий, откуда он прошел? Он, г<оспода>, так же, как и член Государственной Думы Савенко, избран губернским избирательным собранием по Киевской губ[ернии], так же, как и член Государственной Думы Савенко, он после этого изменил, как говорит Савенко, не убеждения, а позицию, причем позицию он изменил по более крупной дуге (*голос слева*: «Сохранил старую»), чем член Думы Савенко. Член Думы Савенко сидит все-таки правее коридора, а член Думы Мерщий сидит уже левее коридора и, согласно «Справочнику», входит в так называемую независимую группу. Председатель этой группы не помечен в «Справочнике», а секретарем состоит казачий офицер Караулов. (*Голос справа*: «Поздравляю».) Вот те сведения, которые требуют слева, – я даю посильное фактическое объяснение. (*Шум*; **Родичев**: «Он правительственный кандидат».)

Председательствующий. Покорнейше прошу не говорить с мест.

Замысловский. Я приведу и второй случай, которого я не приводил бы, если бы мне не приходилось

отвечать на речь члена Думы Савенко. Этот второй случай тоже касается г. Киева и относится к члену Думы Демченко [10], который тоже, кажется, переменил не убеждения, конечно, а позицию. (*Смех справа*.) Он в качестве председателя Киевской уездной управы открыл завод, работающий на оборону. Честь ему и хвала. Я отдаю должное громадной энергии и предприимчивости члена Думы Демченко. Но, г<оспода>, как уже отмечалось, на заводах, работающих по делу обороны, возникает вопрос об освобождении так называемых квалифицированных рабочих от воинской повинности, и на этой почве происходят известные злоупотребления. Вот я боюсь, не произошли ли такие злоупотребления и на Демиевском заводе [11], во главе которого стоит Демченко. Мне об этом писало лицо из Киева, которому я не имею основания не доверять, ну а если в моих сведениях окажется какая-нибудь ошибка, какая-нибудь неверность, то пускай меня поправят, и я охотно такую ошибку признаю. Я оглашаю то, что мне пишет человек, которому я верю: он пишет, что эти данные сам проверял. (**Антонов**: «Прочитайте письмо с подписью, тогда ясно будет».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Антонов, прошу вас с места не говорить.

Замысловский. Когда последует опровержение, тогда я скажу об источнике, а пока нет опровержения, то я утверждаю, что это пишет человек, которому я лично верю. Сведения следующие: на заводе освобожден от воинской повинности как работающий там Матусовский Эйхель-Михель Симхов, который числится там химиком. А вот мне пишут, что он очень богатый человек и торговец стеклом. Или, напр[имер], освобожден от воинской повинности, мне пишут, Абраам Маркович Регерер, тоже иудей, так же, как и Матусовский,

и зачислен на завод токарем, а он имеет техническую контору на Прорезной, тоже очень богатый человек. Или, напр[имер], освобожден от воинской повинности известный киевский миллионер Яков Моисеевич Бродский, который зачислен на завод счетоводом. (**Марков второй**: «Недурно»; *справа смех*; **Новицкий** [12]: «Все это для победы».) Или, напр[имер], освобожден от воинской повинности Вильгельм Юлиусович Шульц, который зачислен на завод столяром, а он владелец пивоваренного завода. (*Смех справа*.) Не буду настаивать на Фердинанде Фердинандовиче Нице, тоже владельце пивоваренного завода, он теперь взят на военную службу, но, насколько мне известно, о нем было ходатайство, дабы его освободить. Вот, г<оспода>, сведения, которые я нарочно взял из того города, из которого происходит и выбран Савенко, и относительно тех лиц, которые Савенко хорошо знакомы. Это я сделал, чтобы, когда Савенко будет на своих весах взвешивать вот этот патриотизм (*указывая влево*), – Николай Евгеньевич Марков говорил, что у него весы неверные, я буду думать, что у него весы верные, – когда он будет взвешивать этот патриотизм, а равно и то обстоятельство, кто больше отрешился от личных интересов, так, чтобы он в виде некоторой гири, некоторой привески принял в учет вот эти оглашенные мною обстоятельства. Но, г<оспода>, самое важное в речи Савенко было все-таки упоминание о записке, о германофильской записке, шедшей из правых кругов и настаивавших на заключении сепаратного мира, позорного для России. Вот что было главное. Таких записок, по заявлению Савенко, было две. Одна, как говорит он, имеет 150 подписей. Г<оспода>, заявляю вам, что мне лично об этой записке решительно ничего не известно. Я услышал о ней в первый раз, когда говорил член Государственной Думы

Савенко, и все те члены фракции, которых спрашивал по поводу этой записки, отвечали мне: «И нам по поводу этой записки решительно ничего не известно, и мы услышали о ней в первый раз от члена Государственной Думы Савенко», – а обвинение ужасное! Мы тогда просили: огласите подписи, кто же эти лица? Савенко нам ответил: «Вам это известно лучше, чем мне», – и раздались аплодисменты слева, оттуда закричали: «Хорошо попал!», это вот те, кто «организуют победу». Так подписей Савенко нам и не назвал.

Г<оспода>, с этой кафедры нельзя произносить ругательных слов, хотя иногда их и произносят, так и я буду говорить не ругательными словами, а определениями закона. В законе есть статья, карающая за оглашение заведомо ложных слухов, позорящих честь и доброе имя, и закон определяет название тех лиц, которые оглашают заведомо ложные сведения, позорящие честь и доброе имя. Вот со стороны Савенко и было типичное оглашение ложных сведений, позорящих честь и доброе имя, ибо, г<оспода>, ошибиться всегда возможно, в особенности при разоблачениях вы всегда можете быть введены в заблуждение тем, кто вас информирует, и введены в заблуждение совершенно добросовестно, но уже не может быть разговора об ошибке и недоразумении, когда человеку говорят: «Огласите подписи, мы не знаем подписей», – а он отвечает: «Вам это известно лучше, чем мне». Такой ответ не есть ошибка и недоразумение, а это есть то уголовное деяние, описание которого я вам дал, а название стесняюсь дать, потому что, боюсь, меня остановит г[осподин] председатель. Вот это что такое. Это не ошибка, это не заблуждение, а это форменное приписывание партии, враждебной Савенко, сведений, которые позорят эту партию, хотя не согласных, заведомо не согласных с истиной сведе-

ний, которые, во всяком случае, нельзя оглашать, потому что они имеют крайне вредное влияние на заграницу. Это одна записка.

Теперь другая записка. Савенко упоминает, что вот и в заграничной печати, г<оспода>, и *в заграничной печати*[1] появились сведения о записке, трактующей о сепаратном мире. Скверная вещь. Савенко, приводя эти сведения, добавляет: а я вот знаю, что записку подписали не только Щегловитов и Маклаков, но еще и барон Таубе [13]. Три подписи. Потом, когда уже появилось опровержение, Савенко увидел себя прижатым к стенке и пробовал это несколько смягчить, но не вполне отказался от своих слов. Он лишь вывертывался, он сказал: я сам этой записки не читал, и ее не знаю. А я, г<оспода>, читал эту записку и знаю ее. Я расскажу, в чем она заключается. Да, действительно, была секретная записка, подписанная Иваном Григорьевичем Щегловитовым, который был тогда министром юстиции, Николаем Алексеевичем Маклаковым, который был тогда министром внутренних дел, и бар[оном] Таубе, который исправлял должность министра народного просвещения, ибо министр Кассо [14] находился при смерти. Такая записка была только одна, т. е. только одна секретная записка объединяла именно эти три подписи, и никаких больше других таких записок нет в природе; поэтому я вправе заключать, что Савенко имел в виду именно эту записку, а не какую-нибудь другую, потому что других не было. Записка эта подана тогда, когда в ноябре 1914 г. в Совете Министров обсуждался польский вопрос, обсуждалось то, как быть с Польшей после заключения мира и не надо ли теперь же сделать в этой области какую-нибудь декларацию. Вот эти три министра, не сойдясь с большинством, и приложили свое мнение

[1] Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

меньшинства, свое особое мнение в этой секретной записке. Я утверждаю, что в этой секретной записке нет ни одного слова о сепаратном мире, ибо вообще все рассуждения той записки вращаются, как здесь принято говорить, в иной плоскости. Всей этой записки я прочесть пред вами не могу по трем причинам: первая причина, которую можно было бы избежать, потому что записка достаточно обширна, но это препятствие не непреодолимое; другое препятствие то, что она касается польского вопроса, а в эту область я не хочу вносить теперь каких-либо обострений; наконец, третье препятствие – то, что некоторые части записки действительно секретны и что их в Думе я не считаю возможным огласить. (**Чхенкели**: «А как же вы ее получили?».) Когда вы расскажете, кто вам дает всякие секретные документы, тогда и я вам скажу: одно за одно, так сказать.

Председательствующий. Покорнейше прошу не переговариваться.

Замысловский. Я могу сказать только, что получил я эту записку не предосудительным путем (*смех справа*); не знаю, могут ли сказать то же самое другие, кто читает разные секретные документы. Так вот, г<оспода>, всей записки я читать не буду, но записка эта имеет свою резолютивную часть, и, как всякий понимает, текст записки в ее объяснительной части находится в соответствии с частью резолютивной. Резолютивная часть есть сумма того, что ранее объясняется. Так вот, эту резолютивную часть я вам прочту, и вы из нее увидите, кто писал эту записку: германофилы или не германофилы, люди, желающие сепаратного мира или его не желающие. Резолютивная часть гласит следующее: «В порядке общих государственных целей по их важности для России было бы желательно иметь в виду, во-первых, возможное усиление коренной собственно России в пле-

менном, экономическом и стратегическом отношениях. Во-вторых, возможное ослабление германизма как главного в настоящее время врага славянства и России. В-третьих, возможное освобождение других славянских народов из-под власти Германии и Австро-Венгрии. Этим общим политическим целям соответствуют определенные конкретные задачи, а именно, во-первых: завершение исторического процесса объединения всех частей русского народа путем воссоединения с Россией восточной Галиции, северной Буковины и Угорской Руси; во-вторых, осуществление исторических задач в Черном море путем присоединения Царьграда с проливами; в-третьих, необходимо выпрямление русской государственной границы со стороны Пруссии за счет восточной ее части и Азиатской Турции; в-четвертых, всемирное ослабление Германии путем перестройки ее на новых началах с возможным уменьшением территории Пруссии в пользу Франции, Бельгии, Люксембурга, Дании, а равно мелких германских государств с восстановлением, быть может, королевства Ганноверского, Гессен-Нассауского; в-пятых, объединение и освобождение Польши в пределах этнографических; в-шестых, освобождение остальных австрийских славян. Таковы главные конкретные задачи, выдвигаемые настоящей беспримерной войной».

Вот что, г<оспода>, писали те, которых вы упрекаете в германофильстве, в недостатке патриотизма. О каком сепаратном мире может быть речь, когда требуется ослабление Пруссии за счет увеличения территорий – Бельгии, Франции, Люксембурга, Дании и т. д., когда руководящей нитью всей этой записки является борьба с Германией? А вы выходите сюда и подбрасываете нам такие обвинения! Одни подбрасывают, а другие рукоплещут! Стыдно вам, господа. (*Бурные рукоплескания справа*.)

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 5. Заседание 18. 16.12.1916. Прения по вопросам о внутриполитическом положении в стране, сепаратном мире России с Германией и возможности продолжения войны. Продолжение обсуждения запроса о преследовании властями общественных организаций

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский – по мотивам голосования. Пять минут.

Замысловский (Виленская губ.). Я буду голосовать против тех формул и блока, и прогрессистов, которые высказывают одобрение и чуть ли не восхваление Московского съезда. Со стороны формальной разгон съезда правительственной властью есть, безусловно, деяние законное, потому что раз в Москве военное положение, то не может быть никаких сомнений в том, что власть имела право это сделать. Что касается существа вопроса, то власть, если она мало-мальски себя уважает, не может допустить, чтобы собирались съезды, которые прямо заявляют, что цель собрания – борьба с этой властью, стремление, чтобы эта власть ушла. Понятно, что власть такой съезд должна немедленно распустить. Это логика вещей. Нам оглашали резолюции московских съездов. В этих резолюциях меньше всего говорилось о продовольствии, т. е. о вопросе, под предлогом которого съезды были созваны. Эти резолюции съезда есть чистейшее возбуждение к ниспровержению общественного строя, к деяниям бунтовщическим. Всякий юрист, которому вы их прочтете, беспристрастный юрист, скажет, что здесь есть полнейший состав уголовного преступления. И если за это

уголовное преступление власть не привлекает виновных, то только потому, что эта власть находится в каком-то размягченном состоянии и совершенно расхлябалась. (**Александров** [1]: «Смотрите, как бы вас не привлекли».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Александров, будьте любезны не говорить с места.

Замысловский. Вы ведете вашу борьбу с правительством во имя законности, вы говорите, что правительство попирает закон. Но если под этим лозунгом ведется ваша борьба, то вы сами должны, прежде всего, закон соблюдать. А что же вы делаете? Этот самый пресловутый московский съезд, которому вы теперь собираетесь выражать одобрение, прямо призывает к неисполнению закона. Он говорит: если Думу распустят, то не расходитесь. Это прямое возбуждение к неповиновению закону, а вы и съезд приветствуете, и боретесь с правительством во имя закона. (*Шум слева.*)

Председательствующий. Прошу не мешать говорить оратору, который ограничен известным сроком. В следующий раз я должен буду применить меры взыскания.

Замысловский. Далее. Съезд собирается для обсуждения продовольственного вопроса, но там в резолюциях ни слова о продовольствии не говорится, а говорится о чистейшей политике. Это тоже уважение к закону? Вы сами не уважаете закона. Когда вам власть предъявляет требования, чтобы данный вопрос слушался при закрытых дверях, – нравится вам это требование или не нравится, но это законное требование, – то вы прибегаете к трюкам и фортелям. (*Шум*; **Аджемов**: «Он оскорбляет Государственную Думу, какой такой трюк?».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Аджемов, прошу вас не шуметь. (**Александров**: «Он сам ходячий трюк»; *шум; звонок председательствующего.*) Я должен буду продлить срок.

Замысловский. Вы говорите о законности, а в первом пункте повестки у вас сказано: объединение мероприятий по обороне государства. Разве относятся ваши речи к этому пункту первому повестки? Они к этому пункту никакого отношения не имеют. (*Шум слева; рукоплескания справа.*) Что же, это называется уважением к закону? Вы прямо попираете закон. У вас, конечно, готтентотская мораль; вам все возможно, а другим ничего нельзя; даже ораторам не из блока нельзя говорить с этой кафедры, потому что вы их постоянно перебиваете. Нет, г<оспода>, правительство поступило совершенно правильно, что тех, кто хотел с ним бороться, оно разогнало. Правительство должно обратить серьезное внимание на тот революционный митинг, которым вы вот уже два дня позорите стены этого учреждения. (*Слева шум и голоса:* «Вон, долой!».)

Председательствующий. Член Государственной Думы Замысловский, призываю вас к порядку за такие слова. Покорнейше прошу таких выражений не употреблять.

Замысловский. Когда вы в годину войны занимаетесь такими революционными митингами, то правительство должно вам предложить тот вопрос, который вы ему предлагаете: что это – глупость или измена? [2] (*Рукоплескания справа; шум слева.*)

РИТУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА

Саратовское дело 1853 г.

ГЛАВА I

В начале декабря 1852 г. в г. Саратове сын цехового Шерстобитова Феофан 10 лет ушел утром в школу, а домой не возвращался.

В январе 1853 г. также загадочно и бесследно исчез в том же Саратове другой мальчик – 11-летний сын государственного крестьянина Михаил Маслов.

Но поводу их исчезновения саратовскою «градскою» полицией было произведено «расследование», которое «ничего не обнаружило», и делу, казалось, суждено было подвергнуться забвению так, как «остались безгласными» случаи исчезновения мальчиков в той же местности за предшествующие годы.

Лишь впоследствии, когда события развернулись широко и грозно, о незаконных действиях самой «градской» полицией г. Саратова было произведено особое расследование, которое открыло так много, что этими открытиями совершенно исключается возможность удивляться, почему сама градская полиция раскрывала раньше так мало дел.

4 марта 1853 г. совершенно случайно на Волге, недалеко от берега, был найден труп Маслова, а через некото-

рое время, когда Волга уже вскрылась, на Беклемишевом острове против Саратова в тальнике тоже случайно обнаружили труп Шерстобитова.

Стоило этим трупам лежать на аршин правее или на аршин левее – и половодье, по всей вероятности, окончательно уничтожило бы следы преступления.

Признаки насильственной смерти обоих мальчиков были несомненны. У Маслова на голове обнаружили две раны: одна нанесена тупым, другая – острым оружием. На шее вдавление и рубцы от шерстяного кушака. На правом плече часть кожи вырезана кругообразно. Ясные следы обрезания. На руках и ногах синие пятна.

Врач, производивший вскрытие, определил, что смерть последовала от удара тупым орудием по голове – настолько сильного, что теменная и височная кости дали трещину от одного уха до другого. После этого удара, но еще до наступления смерти, шею мальчика давили кушаком. Обрезание, соответствующее иудейскому обряду, и вырезание кожи на плече учинены при жизни, но незадолго до смерти. Синие пятна на руках и ногах – или от тугих перевязок, или оттого, что мальчика очень крепко держали руками, – тоже незадолго до смерти.

Труп Шерстобитова успел сгнить настолько, что исследовать повреждения на его теле уже не представилось возможным, однако следы произведенного и над ним обрезания, соответствующего иудейскому обряду, были установлены вполне определенно. На виске обнаружено большое красно-багровое пятно, а значительный кровоподтек, ему соответствовавший, свидетельствовал о прижизненном его происхождении и о том, что сильный удар, нанесенный по виску, если не повлек смерти ребенка, то, во всяком случае, ошеломил и лишил сознания.

Если, однако, результаты судебно-медицинского осмотра и вскрытия Шерстобитова страдали поневоле

пробелами, то следственный материал обогатился двумя чрезвычайно важными находками, оказавшимися около трупа: это были солдатская фуражка, однако без номера, и солдатские же подтяжки, сцепленные петля в петлю, служившие, по-видимому, для переноса на них трупа, хотя не исключена возможность, что Шерстобитов был этими подтяжками задушен так, как Маслов, тоже получивший сильный удар по голове, был удавлен кушаком. Возможно, конечно, в виде предложения, и то и другое, т. е. что подтяжки были и орудием удушения, и орудием последующего переноса трупа.

Далее установлено еще одно, весьма характерное обстоятельство. Ногти на руках и ногах Шерстобитова были обрезаны «вплоть до мякоти», – из дела видно, что эта же особенность была замечена на трупе четырехлетнего мальчика Федора Емельянова, вскрытие которого в свое время (знаменитое Велижское дело 1823 г.) дало полную картину ритуального убийства.

Очевидно, найденные одно за другим мертвые тела ни в чем не повинных детей, замученных, оскверненных, изуродованных, брошенных, как падаль, должны были вызвать сильное возбуждение среди местного населения. Отделываться расследованиями ничего не обнаруживающей городской полиции больше нельзя было, и губернатор возложил следствие на особого чиновника Волохова, которого вскоре сменил следователь, специально присланный из Петербурга, – надворный советник Дурново.

Необычайной энергии, искусству, полной неподкупности этого деятеля, а также помогавшего ему жандармского офицера Языкова и обязано своим раскрытием одно из интереснейших и ужаснейших судебных дел русской летописи.

Однако уже и Волохов нашел кончик от того клубка, который был потом распутан с таким мастерством.

Он обратил тщательное внимание на мальчика Степана Канина, который был вместе с Масловым перед исчезновением последнего.

Канин показал, что его и Маслова какой-то человек в дубленом желтого цвета тулупе позвал на Волгу помогать в переноске аспидных досок, посулив по пятаку за доску. Они отправились, но по дороге Канин одумался, не захотел идти дальше и вернулся домой, а Маслов пошел к берегу и больше не возвращался.

Тогда Волохов начал предъявлять Канину проживающих в Саратове иудеев, коих, по-видимому, было в то время не особенно много: до циркуляра, отменяющего закон о черте оседлости, еще не додумались, хотя еврейское влияние среди административных сфер, особенно петербургских, было уже и тогда очень сильным.

Главным рассадником саратовских жидов оказался весьма неожиданно местный гарнизонный батальон, об изумительных порядках которого так же, как и о злоупотреблениях «градской» саратовской полиции, было произведено особое расследование параллельно со следствием об убийствах Шерстобитова и Маслова.

Беспорядки эти заключались в крайне слабом надзоре за нижними чинами – точнее – в полном отсутствии надзора. Нижние чины батальона, проживая в значительном числе на частных квартирах, не только беспрепятственно разгуливали в любое время по городу, но даже отлучались самовольно с дежурств и караулов – обстоятельства, выяснившиеся при следующем ходе событий и для оценки их весьма существенные.

Жидов в батальоне было 44. Всех их в числе других иудеев производивший следствие Волохов предъявил мальчику Канину.

Надо заметить, что в это время был найден только труп Маслова, хотя пропавшего позже, а труп пропавше-

го раньше Шерстобитова с валявшейся около солдатской фуражкой обнаружен еще не был. Таким образом, следственная власть, имея основание заподозрить в убийстве кого-либо из еврейской среды (вследствие факта обрезания Маслова), никакими указаниями, что в убийстве замешаны солдаты-евреи, еще не располагало.

Мальчик Канин из предъявленных ему евреев вообще и солдат-евреев в частности признал солдата Михеля Шлифермана, заявив: «Он ровно тот, кто сманил».

Впоследствии на одном из передопросов Канин выразился еще категоричнее, сказав Шлиферману: «Это ты увел Мишу».

Итак, с одной стороны, по убийству Маслова, которое совершено позже, но подверглось расследованию раньше, свидетель, в добросовестности которого нельзя сомневаться, прямо указал на солдата-еврея как на одного из виновных, а с другой стороны, уже после этого показания обнаружились несомненные, чисто объективные данные, что виновный или виновные в первом убийстве, Шерстобитова, вышли из среды: 1) еврейской (факт обрезания Шерстобитова) и 2) солдатской (подтяжки и фуражка, оказавшиеся около трупа).

Михель Шлиферман, учинив полное запирательство, однако не мог отрицать, что, будучи по ремеслу цирюльником, именно он совершал обыкновенно у саратовских евреев обряд обрезания младенцев.

Когда Канин опознал Шлифермана, естественно, возник вопрос о дубленом желтого цвета тулупе, в котором, по словам мальчика, был человек, «сманивший Мишу». Сначала поиски были безуспешны, но затем нашелся свидетель, удостоверивший, что видел, как в таком тулупе приходил на квартиру Шлифермана другой солдат-еврей, служащий сторожем в еврейской молельне.

У этого сторожа, солдата инвалидной команды Янкеля Бермана, произвели обыск и действительно нашли тулуп, по приметам подходящий к описанию, сделанному Каниным.

Чтобы закончить эту часть изложения, следует еще добавить, что как только был найден труп Маслова, на следующий же день в полицию добровольно явился некий Авксентий Локотков, бродяга-подросток, ночевавший, где попало, без копейки денег, – и заявил, что это он совершил убийство. Локоткова препроводили к следователю Волохову, который удостоверился, что рассказ явившегося с повинной бродяги, как он убивал, совершенно невероятен. Впрочем, и Локотков уже от своего сознания отказался, заявив Волохову, что говорил все это в полиции спьяна, а пришел туда потому, что не имел ни пристанища, ни денег.

Тем не менее, он был предъявлен Канину, который сказал, что это не тот человек, который увел Маслова. Тогда Волохов отослал Локоткова обратно в полицию, где его оставили под арестом «за бесписьменность». На первоначальное показание его, очевидно, взглянули как на не заслуживающую внимания болтовню пьяного бродяги – и лишь впоследствии выяснилось, что болтовня эта была не столь вздорной и беспричинной, как казалось.

Этим и закончилась, повторяю, первая стадия дела – действия полиции и Волохова до приезда Дурново.

До настоящего раскрытия преступления было еще очень далеко, но путь намечался довольно отчетливо: несомненные следы обрезания на трупах и опознание такого еврея, который как раз совершал обрезания своим единоверцам; признаки ритуального убийства и связь этого еврея с другим, как раз сторожем еврейской молельни; солдатское звание заподозренного в причинении смерти Маслову и солдатская фуражка около

полусгнившего тела Шерстобитова. Еще ничего вполне определенного, но совпадения, которые уже очень трудно объяснить случаем.

Впоследствии, когда уже производилось расследование о саратовской городской полиции, отцы убитых мальчиков Шерстобитов и Маслов удостоверили, что сразу немедленно после исчезновения их сыновей, задолго до обнаруженья трупов, они заявили подозрение на жидов и настаивали, «ежедневно просили», по выражению потерпевших, чтобы в жидовских помещениях – повторяю, немногочисленных – были произведены обыски. Однако полиция упорно «подозрение это отводила», ни одного обыска тогда не произвела, а Шерстобитова, например, уверяли, что его сын «наверное, где-нибудь замерз, потому что был шалуном».

ГЛАВА II

В числе рядовых саратовского гарнизонного батальона находился крестьянин Антон Богданов, характеристика которого представляется еще более отрицательно, чем Локоткова. Вместе с матерью, бежавшей от помещика, он долго вел бродячий образ жизни, подобно Локоткову. В рекруты был сдан за дурное поведение. На военной службе не исправился, отличаясь, по удостоверению начальства, буйством и пьянством. Происходя из Витебской губернии, с детства привык к польской и еврейской среде, а потому, по словам других солдат, «с русскими был русский, с поляками поляк, с жидами жид». В вещах его нашли подвязную бороду и парик.

На первой неделе Великого поста 1853 г. Богданов явился в «Петербургскую» гостиницу г. Саратова и там в пьяном виде начал буянить, шуметь, кричать, бить посуду.

Так как о «Петербургской» гостинице будет дальше много разговоров, то надлежит теперь же отметить, что содержателем ее состоял немецкий колонист Гильгенберг, что под зданием гостиницы было особое подвальное помещение, а во дворе – флигель, где жил с семьей пожилой зажиточный еврей Янкель Юшкевичер, по ремеслу меховщик. Поселился он в Саратове давно, еще с 1827 г., конечно, не имея на это ни малейшего права. Несколько раз, как водится, «возникала переписка» о его выселении, но «оканчивалась ничем».

Поднявший скандал Богданов вдруг начал требовать, чтобы этого Юшкевичера позвали в гостиницу: пусть, мол, заплатит за ту посуду, которую он, Богданов, побил.

Несмотря на дикость такой фантазии, гостиничные служащие дали знать об этом на квартиру Юшкевичера, откуда, за отсутствием самого Янкеля, в гостиницу немедленно пришел его сын Файвиш. Богданов, однако, не унимался: он полез на Файвиша с кулаками и заявил, что не платит сам вовсе не по неимению денег, а лишь потому, что считает жидов обязанными платить за него, Богданова. В доказательство Богданов вытащил из кармана несколько золотых монет и, обращаясь к Файвишу, сказал: «У меня самого есть деньги: вы же мне дали за мальчиков».

Но в это время появился Янкель и сумел успокоить Богданова, а за разбитую им посуду беспрекословно заплатил 5 руб. – сумма по тогдашним временам, несомненно, очень крупная для солдатского кутежа.

Однако это весьма важное событие осталось пока «безгласным». Кому было обратить на него внимание? Отношение к делу саратовской полиции было вполне определенным; что же касается служащих в гостинице, то они даже тогда, когда за следствие взялся Дурново, были вначале крайне молчаливы и несообщительны.

Может быть, на них влиял Янкель непосредственно, а вернее, что им приказал молчать хозяин Гильгенберг, по крайней мере, в конце концов, эти служащие показали именно так. И Правительствующий Сенат, решая дело, даже предполагал «Якова Гильгенберга оставить в подозрении в преступных сношениях с Янкелем Юшкевичером и в знании обстоятельств о сокрытии следов сделанного Юшкевичером преступления».

Тогда при дореформенном процессе существовал особый юридический институт «оставления в подозрении» как нечто среднее между обвинением и оправданием.

Между тем Богданов с каждою неделей пьянствовал все сильнее и сильнее, стал нелюдимым, все более и более сторонился товарищей, пока, наконец, уже в мае 1854 г. ни заявил начальству, что «желает раскрыть жидовское дело». Его отправили к Дурново.

После целого ряда тщательных и весьма подробных допросов показания Богданова свелись к следующему.

Поступив в Саратовский гарнизонный батальон летом 1853 г., он быстро сдружился со служившими там солдатами-евреями, а в особенности с Федором Юрловым, бывшим тогда еще шарманщиком и принятым в батальон рядовым к зиме. Федор Юрлов доводился сыном Янкелю Юшкевичеру, но принял Православие. Однако это не воспрепятствовало ему сохранить близкие, дружественные отношения и с евреями вообще, и с Янкелем Юшкевичером в частности, Юрлов не только бывал у отца в саду, но и водил туда Богданова, которому оказывали хороший прием и поили водкой.

С зимы Богданов стал красть для евреев казенные дрова и носить в еврейскую молельню. Это еще более сблизило его с евреями и усилило их доверие.

В середине декабря 1852 г. ночью Юрлов уговорил его, Богданова, уйти с караула на квартиру Янкеля

Юшкевичера, расположенную, как уже было сказано, на одном дворе с «Петербургскою» гостиницей.

У Юшкевичера Богданов застал солдат-евреев Фогельфельда, Берлинского, Зайдмана и двух незнакомых ему жидов, не из Саратова: один был в халате и высокой грузинской шапке, другой – в чапане.

Богданова, по обыкновению, стали поить водкой, после чего повели в подвал, находившийся в гостинице. Там, на полу, он увидел мальчика, которого сейчас же положили на скамейку. Мальчик вертелся и мычал. Янкель сел на него верхом, вынул инструмент из какого-то красного футляра и совершил обрезание, но при этом нечаянно порезал себе палец на левой руке – из пальца пошла кровь. Мальчика после обрезания повернули и, сделав раны на спине или на шее, дали крови стекать в медный таз. Затем кто-то нанес мальчику сильный удар в висок, и тот перестал шевелиться. С полной точностью и отчетливостью Богданов всего происшедшего вспомнить не может, потому что находился тогда под влиянием сильного испуга и выпитой водки. Он даже хотел убежать, но Юрлов принудил его остаться, после чего жиды стали настаивать, чтобы он вынес труп мальчика из подвала и выбросил куда-нибудь подальше. Богданов в испуге отказался, но под влиянием просьб и угроз обещал это сделать через несколько дней. Тогда его снова начали напаивать водкой.

Спустя некоторое время Богданов, опять отлучась из караула самовольно, пришел к Янкелю и с Юрловым, Берлинским и Зайдманом спустились в подвал. Там связали труп мальчика подтяжками, сложили в сани и повезли на Волгу. У берега Богданов взвалил мертвое тело на спину и стал спускаться, но было круто, и он сорвался со своей ношей вниз. Помочь ему подоспел Юрлов. Вдвоем они стали искать проруби, но не нашли, а по-

тому переправились по льду на остров и спрятали труп в кустарник, где Богданов второпях потерял фуражку. Тогда Берлинский дал ему свою, т. к., живя на вольной квартире, мог незаметно вернуться и без форменной фуражки – в шапке. За свое участие в вывозе трупа он, Богданов, получил от Янкеля плату.

В феврале Берлинский и Зайдман снова позвали Богданова к Юшкевичеру. По дороге оба еврея заглядывали в несколько кабаков, видимо, что-то отыскивая. Наконец, в одном кабаке они увидели Федора Юрлова в штатском платье. Зашли туда и угостили Богданова водкой, а потом продолжали путь уже вчетвером. На Сергиевской улице Зайдман зашел в какой-то дом и вернулся из ворот на улицу в сопровождении незнакомой Богданову женщины, не жидовки. Богданов обратил внимание, что она говорила по-русски чисто, но скороговоркой и, прощаясь, сказала: «Бог с вами».

Придя к Юшкевичеру, Богданов выпил еще водки, а потом около полуночи увидел во дворе сани, на которых лежал труп мальчика, чем-то покрытый. В санях расположились Юрлов, Берлинский, Зайдман. Он, Богданов, стал на запятки и поехал к Волге. На повороте у взвоза Богданов, охмелев, сорвался с запяток. Жиды уехали без него и что они дальше делали – ему неизвестно. Не остановились они, вероятно, потому, что на взвозе было очень круто и скользко – трудно удержать лошадь, а кроме того, вблизи стоял будочник.

Он, Богданов, вернулся в город. Найденные в его вещах при арестовании фальшивая борода и парик были доставлены ему Юрловым после того, как вывезли на Волгу первого мальчика, Шерстобитова. Уже тогда Юрлов подговаривал его бежать из батальона и, принеся бороду, парик, обещал также достать фальшивый паспорт.

Оказавшаяся у него, Богданова, за обшлагом рукава пятирублевая ассигнация представляет ту часть платы за вывоз трупа, которую он, Богданов, еще не успел истратить.

Таково вкратце показание Богданова, послужившее ключом для раскрытия дела. Но, естественно, возникает вопрос, насколько оно достоверно. Разве можно верить пьянице, вору, бродяге, человеку самого низкого нравственного уровня? Разумеется, нет. Слова такого человека сами по себе ни малейшего доверия не заслуживают. Вообще, оговор – это такой вид судебного доказательства, к которому надо относиться с наибольшей осторожностью. Но, тем не менее, это есть доказательство и в иных случаях – доказательство неотразимое. Прежде всего, если оговаривающий не только оговаривает других, но в то же время и сам сознается в тяжком преступлении, сознается добровольно, еще никем не заподозренный, сознается, не имея никакой выгоды, никакого расчета сознаваться, то много вероятия, что в его рассказе есть значительная доля правды. Во всяком случае, здесь уже огромная разница по сравнению с тем положением, когда изобличенный преступник просто старается путем оговора свалить часть своей вины на другого, затянуть дело, отомстить или пошантажировать.

Внутренний порыв, элемент раскаяния, хотя бы неполного, хотя бы преходящего, надлежит серьезно учитывать даже и в самом порочном человеке.

Но кроме этой субъективной стороны, все же несколько шаткой, есть еще и объективная, уже совершенно незыблемая. Если рассказ преступника, сознающегося и в то же время оговаривающего других, охватывает целый ряд взаимно связанных, переплетенных событий, фактов и при проверке такого рассказа следствием начинает подтверждаться один факт за другим – оговор вы-

растает в грозную улику, хотя он и сделан человеком, не заслуживающим никакого доверия.

Придумать, измыслить длинный, подробный рассказ так, чтобы он совпал с обстоятельствами большого, сложного дела, тщательно исследуемого, – совершенно невозможно. Совпасть может только правда.

Посмотрим, насколько совпал с обстоятельствами дела ужасный рассказ Антона Богданова, за кутеж которого так беспрекословно и кротко расплачивался Янкель Юшкевичер в гостинице.

ГЛАВА III

Как Михель Шлиферман учинил полное запирательство по поводу того, что показал о нем мальчик Степан Канин, так Юрлов, Юшкевичер, Зайдман, Берлинский и Фогельфельд стали совершенно отрицать все, что рассказал о них Богданов. Юрлов заявил, что познакомился с Богдановым лишь после того, как попал в одну с ним роту. Остальные евреи показали, что вовсе Богданова не знают.

Однако солдаты-христиане удостоверили, что Юрлов и Богданов были дружны между собой, что Юрлов еще до поступления своего на военную службу приходил в первую роту, где служил Богданов; что поздно осенью 1852 г. он явился к Богданову в караул при рабочем доме, и оба вместе куда-то ушли.

Описывая убийство первого мальчика, свезенного на Волгу, Шерстобитова, Богданов, между прочим, указал, что Янкель Юшкевичер, совершая обрезание вертевшейся под ним жертвы, порезал себе палец левой руки.

Следователь Дурново немедленно произвел судебно-медицинское освидетельствование Юшкевичера, и действительно на безымянном пальце левой руки свиде-

тельствуемого был обнаружен рубец, по поводу которого Юшкевичер объяснил, что порезался щучьим зубом. Однако врач-эксперт удостоверил, что тогда края рубца были бы иные, менее гладкие, здесь же ровность краев указывает, что рана причинена не зубом, а более острым орудием.

На это Янкель Юшкевичер дополнительно объяснил, что он заметил порез, когда чистил рыбу накануне еврейской пасхи (т. е. по справке 10 апреля 1853 г.), но, может быть, таковой причинен и не зубом, а ножом.

Однако врач удостоверил, что и это объяснение невероятно, ибо белизна рубца указывает, что рана причинена не ранее как месяца за четыре до освидетельствования, происходившего 13 мая 1853 г.

Далее. Следствием была отыскана свидетельница Чернышева, которая показала, что в декабре 1852 г. вечером, проходя около дома «Петербургской» гостиницы, она встретила жида Янкеля, державшего за руку мальчика лет 10. Янкель говорил ему: «Иди», а мальчик, упираясь, хотел освободиться.

Другая свидетельница, Ирина Попова, показала, что, служа стряпухой у цехового Цыганова, квартирующего рядом с Янкелем Юшкевичером, она незадолго до масленицы 1853 г. услышала донесшийся из квартиры жалобный детский крик. Начав прислушиваться, она различила слова: «Отпустите, лучше тятенька вам денег даст». Потом послышался какой-то шорох, и все затихло. Попова прошла на квартиру Юшкевичера узнать, кто кричал, но в дверях ее остановила старшая дочь Янкеля и не пустила в квартиру, а на вопрос о странном крике ответила: «Это дети играют». Попова тогда же рассказала о случившемся Цыганову, который ее ссылку впоследствии и подтвердил.

Спустя довольно много времени после ареста Юшкевичера от ремесленников-христиан, поселившихся на

его бывшей квартире, стало известным, что в темной комнате, где была раньше спальня Юшкевичера и его жены, замечены на полу какие-то странные пятна, которые не смываются даже горячей водой. Приступив к проверке этих сведений, следственная власть действительно обнаружила в указанном месте малозаметные на глаз, но довольно большие темно-бурые пятна, которые, однако, выступили гораздо явственнее, когда доски были смочены теплой водой, и снова сделались малозаметными по мере высыхания досок. Новые обитатели квартиры Юшкевичера объяснили, что в то время, когда они туда переехали – в июле 1853 г. – пятна были гораздо более красного цвета и очень походили на кровяные, а потом после неоднократного мытья потемнели.

Врачебная управа и медицинский совет высказались, что при таких условиях определить свойства и происхождение пятен не представляется возможным.

Над пятнами, на потолке, штукатурка оказалась гораздо более свежей, чем остальная. Заинтересовавшись сим обстоятельством, следственная власть выяснила, что как раз в этом месте у Юшкевичеров были вбиты в потолок большие гвозди, которые испортили штукатурку, впоследствии отремонтированную заново.

Когда спросили мужа и жену Юшкевичеров, зачем понадобилось вбивать в потолок гвозди и почему под гвоздями образовались такие странные пятна, спрошенные дали противоречивые показания. Жена Юшкевичера, Ита, сначала объяснила, что ни гвоздей в потолке, ни пятен на полу не замечала, а потом добавила, что уже после ареста ее мужа в этом месте были вбиты гвозди, чтобы повесить люльку для ее внука.

Янкель Юшкевичер, по ремеслу меховщик, как было упомянуто выше, заявил, что гвозди были вбиты давно – на них вешали меха, которые потом окраши-

вали: вероятно, от стекшей краски и образовались под гвоздями пятна.

Однако два эксперта-меховщика удостоверили, что употребляемые в их ремесле краски отмываются горячей водой и не могут оставить таких пятен, какие обнаружены в квартире Юшкевичера.

Свидетель Иван Кадомцев, служивший у содержателя «Петербургской» гостиницы кучером, показал, что в 1853 г. перед масленой он поздно вечером запрягал хозяйскую лошадь для жидов. Потом Янкель закричал: «Отворите ворота», а т. к. ворота были тяжелы, то дворник Михайлов (умерший до допроса) попросил его, Кадомцева, помочь. Он видел, что выехали сани, в которых сидели несколько человек, а один стоял на запятках. Лиц не разглядел, но говор был жидовский. На санях лежал прикрытый чем-то, по-видимому, дубленой шубой, предмет, который, судя по очертанию, мог быть трупом ребенка. Ночью его, Кадомцева, разбудил повар Иван и сказал, что надо убрать вернувшуюся лошадь. В предыдущие две ночи Кадомцев спал в конюшне и заметил, что в выход под гостиницей (т. е. подвал) ходили какие-то люди с фонарем.

Повар Иван сначала, как и многие служащие гостиницы, говорил, что ничего не знает, но потом подтвердил, что как-то ночью перед масленой Янкель зашел на кухню и сказал ему, чтобы разбудил Кадомцева, потому что вернулась лошадь.

Любовница Федора Юрлова мещанка Горохова сначала долго говорила, что ничего по делу не знает, но затем показала, что, узнав об аресте Янкеля Юшкевичера, поспешила в казарму предупредить об этом Юрлова. Он пришел в сильное волнение и, заплакав, сказал: «Наш грех, верно, мы все погибли». На вопрос Гороховой, кто же убивал, Юрлов ответил: «Кого арестовали, те и убили».

Во время содержания под стражей Янкеля Юшкевичера удалось перехватить письмо, где он обожженною лучиной написал по-еврейски: «Уведоми иудеев, чтобы они молились. Стойте крепко. Крепись, дорогая моя дочь, об этом я прошу тебя и брата».

Еще до оговора, хотя и незадолго, у Берлинского был произведен обыск (в апреле 1853 г., а оговор в мае) по другому делу, хотя и довольно сходному: «О сманивании мальчика Никифорова». Среди отобранных по обыску предметов оказался кусок синей клетчатой сарпинки в аршин длины и в пол-аршина ширины.

Отец Шерстобитова заявил, что лоскут этот от рубашки, в которой пропал его сын. В доказательство он предъявил свою рубашку – такого же узора и доброты. Это же подтвердили его жена, брат и сосед.

Берлинские – муж и жена – сначала не могли объяснить, откуда взялся у них лоскуток, и лишь через некоторое время Ицка Берлинский заявил, что это остаток от сношенной уже им рубашки, которую 4 или 5 лет назад сшила ему Фрейда Фогельфельд – жена того рядового-еврея, который также был оговорен Богдановым и, будучи взят под стражу, удавился в тюрьме.

Фрейда Фогельфельд в подтверждение слов Ицки Берлинского заявила, что у нее даже остался лоскуток той же сарпинки, вшитый в большое одеяло. По осмотре одеяла оказалось, что туда действительно вшит кусок такой же сарпинки, но совершенно новый и даже немытый.

Кроме дела о неудавшейся попытке сманить мальчика Никифорова, где 9-летний Иван Никифоров прямо признал в сманивателе Ицку Берлинского, сулившего ему моток ниток, весьма интересны показания мальчиков Александра Андреева и Алексея Константинова.

Они удостоверили, что в том же Саратове зимою 1852–1853 гг. шли из училищ домой обедать. Им встре-

тился незнакомый солдат, говоривший «с жидовским выговором», и стал их зазывать к себе, обещая по колоде карт и аспидной доске. Они согласились и пошли, но т. к. солдат стал их заводить слишком далеко, то побоялись и вернулись.

Наконец, мальчик Константин Крохин рассказал, что той же зимою хозяин послал его в лавку на верхний базар. По дороге какой-то незнакомый человек в дубленом тулупе начал звать его с собой, суля гривенник, но Крохин отказался. На третий день он видел на улице этого человека в компании с каким-то солдатом и с Янкелем Юшкевичером, которого знал раньше.

До мальчиков этих, однако, так же как и до многих других улик, следствие добралось не сразу, и опознать тех, кто их сманивал, Андреев, Константинов и Крохин уже не могли.

ГЛАВА IV

Из повинной, принесенной Богдановым, видно достаточно ясно, зачем понадобилось евреям участие его в преступлении. Богданов был нанят и, несомненно, за довольно крупные деньги, чтобы выбросить на Волгу трупы христианских мальчиков после убийства. Не говоря об опасности, о риске, сопряженном с таким выбрасыванием, оно – и это, я полагаю, главное – оскверняло еврея с точки зрения его верований, а потому, раз из побуждений религиозного изуверства было совершено само убийство, то, естественно, для выполнения этой последней части преступления тот же фанатизм требовал, чтобы еврей, не оскверняя себя, нанял христианина. Правда, среди евреев был перекрест – Юрлов, но не подлежит сомнению, что в то время он только числился православным, а исповедовал иудейство.

Под влиянием каких обстоятельств Юрлов крестился – в деле нет указаний. Может быть, и связь с Гороховой была тому причиной. Возможно, что он принял крещение против воли родичей, решив отдалиться от них, но, во всяком случае, если даже крещение Юрлова вызвало сначала с их стороны остуду, раздраженье, ссору – то ко времени убийств мы застаем Юрлова в прекрасных отношениях с отцом и с другими евреями, а потому нет сомнения, что сии последние к этому периоду времени смотрели на него опять как на иудея, а не как на христианина и, конечно, взгляд их был в существе своем правильным.

Впрочем, когда понадобилось помочь тащившему труп Богданову, то сделал это именно Юрлов, а не другие его спутники.

Благодаря его помощи с первой жертвой, Шерстобитовым, дело довели до конца и затащили мертвое тело на остров, в тальник.

Но с трупом Маслова вышло иначе. Богданов, по его словам, на крутом взвозе сорвался с саней, везших мертвое тело, вернулся в город и оставил, таким образом, евреев без своей помощи.

Им оставалось одно из двух: или выбрасывать труп самим, или на этот раз вовсе отказаться от выбрасывания, отложить его.

Здесь-то и приходится вернуться к тому несовершеннолетнему бродяге, Авксентию Локоткову, о котором упоминалось в самом начале изложения.

Там было сказано, что 5 марта (на другой день после обнаружения трупа Маслова) Локотков явился в полицию и «учинил в убийстве сознание», которому не придали значения как потому, что оно показалось невероятным, так и потому, что на другой же день Локотков от него отказался.

Однако, когда за следствие взялся Дурново, на сидевшего под стражей за бродяжничество Локоткова было обращено более серьезное внимание, он был снова допрошен и рассказал следующее: с шарманщиком Юрловым и цирюльником Михелем (Шлиферманом) знаком довольно давно – с 1851 г., когда был сидельцем в кабаке, куда они приходили неоднократно. Затем Локоткова как просрочившего паспорт выслали из Саратова в Пензенскую губ. Оттуда он опять самовольно вернулся в Саратов перед масленицей 1853 г., несколько ночей ночевал в ночлежном доме, а затем, оставшись окончательно без денег, присмотрел еще с утра для ночевки старый, заброшенный каменный амбар, стоявший на берегу Волги, как раз около взвоза. Локотков влез туда через окно – единственное отверстие – и увидел на куче сора и щепы труп мальчика. Локотков вылез из амбара и через некоторое время, стоя невдалеке, обнаружил, что туда подошел Михель Шлиферман, однако не в солдатской одежде, а в штатской. Заметил ли Шлиферман, что его выследили или нет, но только когда Локотков, не подавая вида, пошел в сторону, «цирюльник Михель» догнал его и позвал угостить в столбовскую гостиницу, куда вскоре явился Юрлов. Из гостиницы они отправились в соседний кабак, оттуда опять в гостиницу и, когда к вечеру Локотков достаточно наугощался и опьянел, предложили ему вытащить труп из лабаза на Волгу, посулив 15 руб. Локотков согласился, пошел вместе с Юрловым к лабазу, влез туда и, обхватив труп поперек, высунул его в окно, головой вперед, а Юрлов принял. Затем они взяли тело за голову и за ноги, снесли на Волгу и бросили под дощаник.

Когда через некоторое время труп мальчика Маслова был неожиданно найден под дощаником и в городе пошло волнение, Шлиферман с Юрловым снова зазвали

Локоткова в гостиницу и, угостив, стали уговаривать, чтобы он пошел в полицию и принял все преступление на себя, ибо, хотя доказать и ничего нельзя, по городу ходят слухи, что убийство совершено жидами. Если Локотков сознается, то Юрлов и Шлиферман обещали немедленно принести ему в полицию же 100 руб. Убеждая, они говорили, что Локоткову как беспаспортному бродяге тюрьмы все равно не миновать, судить же его за убийство станут как несовершеннолетнего, в совестном суде, и ничего не будет, а деньги останутся.

Локотков соблазнился, пошел на другой день в полицию и заявил, что убил Маслова, но потом «одумался» и взял заявление обратно.

Для такого «одумывания» были, по-видимому, соображения не только духовного, но и материального порядка.

Следствием установлено, что после сознания Локотков был отправлен из первой полицейской части в третью. Ночью туда явился доставивший Локоткова полицейский стражник, пьяный, и настаивал, чтобы ему сдали Локоткова обратно и тогда через несколько времени он снова его приведет из первой части в третью уже с надлежащей бумагой. Однако дежурный на это не согласился и Локоткова не отпустил.

Было замечено, что стражника дожидаются внизу у крыльца два солдата, про которых у него даже в части спросили, и он ответил, что это его знакомые. Квартальный надзиратель Минервин категорически под присягой удостоверил, что в этих солдатах он тогда же узнал известных ему Федора Юрлова и Михеля Шлифермана.

Нужно ли добавлять, что Юрлов и Шлиферман учинили и здесь полное запирательство, отвергая не только свои сношения с Локотковым, но и установленный ничем не заподозренным свидетелем приход свой в полицейскую часть.

ГЛАВА V

В мае 1853 г., когда уже расследование дела находилось в руках Дурново, к нему явился мелкий чиновник, коллежский регистратор Вырыпаев и сообщил, что ему, Вырыпаеву, и писцу Кудрявцеву их знакомый отставной губернский секретарь Крюгер сообщил очень важные по делу сведения, но сам он объявить о них следственной власти не решается, боясь ответственности.

Узнав, о чем Крюгер рассказывал Вырыпаеву и Кудрявцеву, Дурново через этих лиц добился того, что Крюгер все это подтвердил и ему, следователю.

Таким путем удалось выяснить, что Иван Крюгер уже давно питал склонность к иудеям и иудаизму, учился еврейскому языку, интересовался иудейской верой.

Он находился в любовной связи с некоей Олимпиадой Белошапченковой, проживавшей в том же доме, где жил Эздра Зайдман – один из солдат-евреев, принимавших, согласно показанию Богданова, участие в убийстве мальчиков.

С Зайдманом Белошапченкова имела постоянные денежные дела: перезакладывала ему то, что принимала в заклад сама.

Под влиянием Зайдмана Крюгер стал все более и более сближаться с евреями и на вопросы своих знакомых, не обратился ли он уже в иудейство, отвечал: «Да, я иудей», сознаваясь также, что получает от евреев по 25 руб. в месяц.

Впрочем, по поводу двух последних обстоятельств, удостоверенных свидетелями, сам Крюгер заявил на следствии, что 25 руб. от евреев не получал и свидетелям этого не говорил, а называл ли себя иудеем – не помнит.

Далее, он объяснил следователю, что хотел жениться на Белошапченковой, но препятствием к этому служил

бывший при ней малолетний сын. Тогда Белошапченкова сказала, что Зайдман предлагал ее сына взять к себе и отправить далеко от Саратова, а за это даже дал деньги «в задаток» – сто или полтораста рублей.

Крюгер вступил по сему поводу в разговор с Зайдманом, который пояснил, что намерен сына Белошапченковой сделать иудеем. Разговор у них перешел на то, можно ли во всяком возрасте перенести обрезание, и Зайдман стал приглашать Крюгера посмотреть на этот обряд и вообще побывать у них в моленной.

Крюгер согласился, был в моленной и после службы, когда большинство уже разошлись, остался поговорить с Янкелем Юшкевичером о догматах иудейской веры, причем Юшкевичер утверждал, что для умилостивления Бога необходимо приносить даже кровавые жертвы.

Через некоторое время, когда Крюгер еще ближе сошелся с евреями, ему в половине февраля 1853 г. Белошапченкова передала от имени Зайдмана записку от Шлифермана, писанную по-еврейски, где просили «прийти в моленную с приглашенным».

Крюгер отправился, нашел двери запертыми, произнес по-еврейски условленную фразу, заблаговременно сообщенную ему Зайдманом. Его впустили. В моленной были пять человек: Юшкевичер, Зайдман, Шлиферман, Фогельфельд и сторож Берман – тот самый, о котором говорилось в начале изложения по поводу показания мальчика Канина и желтого дубленого тулупа, одетого на «сманивателе».

Жиды толпились посредине моленной, вокруг скамейки, перед которой стоял мальчик лет 11. Юшкевичер читал молитвы, после которых мальчика положили на скамейку и Шлиферман совершил над ним обрезание особенным ножом дугообразной формы – на конце он несколько толще.

Когда мальчик пробовал кричать, державшие за руки жиды зажимали ему рот.

После обрезания Шлиферман уже другим ножом сделал мальчику надрез на плече и дал крови стечь в сосуд, но несколько капель, вероятно, по неосторожности, попали на пол и образовали пятно. Затем мальчика, который держался на ногах и даже мог ходить, перевязали и отвели в сторожку под присмотром Бермана. Был разговор, что оттуда его отправят на квартиру Юшкевичера.

Из сопоставления с последующими событиями для Крюгера ясно, что мальчик этот был Маслов.

Возвратясь к Белошапченковой, Крюгер от сильного душевного потрясения заболел и пролежал дня четыре, а когда ему стало полегче, то решил сообщить о виденном по начальству. Однако Белошапченкова, узнав о таком его намерении, принялась всячески возражать ему, а потом даже грозить и не пускать с квартиры. Тем временем явился к ней сначала Зайдман, а потом Шлиферман и Фогельфельд. Узнав, в чем дело, они пришли в ярость и принялись бить Крюгера.

Лишь с большим трудом он вырвался и, окровавленный, избитый, бросился бежать к себе домой, где заболел настолько серьезно, что две недели пролежал без памяти, а когда стал выздоравливать, то решил, что заявлять о случившемся саратовскому начальству нет никакого смысла, т. к. ходили повсеместные слухи, будто оно взяло с жидов хорошие деньги.

Кухарка Крюгера подтвердила, что на масленой (конец февраля 1853 г.) он вернулся домой сильно побитый и прохворал почти до Пасхи.

В том доме, где была раньше еврейская моленная, следователь Дурново застал уже частных жильцов-христиан. Он произвел осмотр пола и установил, что в том месте, где, по указанию Крюгера, образовалось пят-

но от пролившейся крови, доски оказались в нескольких местах довольно глубоко прожженными. Новые жильцы удостоверили, что застали пол в таком виде уже при самом въезде своем в дом после евреев.

Оговоренные Крюгером жиды отрицали даже какое-либо свое с ним знакомство, а Белошапченкова признала лишь, что Крюгер бывал у нее довольно часто.

Это полное запирательство представляется не лишним сопоставить с фактом, о котором упомянуто в предшествующем изложении. Антон Богданов, описывая в своем показании, как вывозили со двора Юшкевичера труп Маслова, рассказал, что водивший его в тот день предварительно по кабакам Зайдман зашел, между прочим, в дом по Сергиевской улице, а когда вышел, то его провожала какая-то женщина, говорившая скороговоркой, и, прощаясь, сказала: «Бог с вами».

Эту женщину Богданов признал в предъявленной ему Белошапченковой. Она, как оказалось, действительно говорила скороговоркой.

ГЛАВА VI

Вся обстановка, в коей совершались саратовские убийства: большое количество участников; значительное число мальчиков, пропадавших в тех же местах за прежние годы до того, как случайно и неожиданно были найдены трупы Шерстобитова и Маслова; большие денежные средства, которыми, видимо, евреи не стеснялись; вся постановка дела «на широкую ногу», породившая «повсеместные слухи, что саратовское начальство взяло деньги от жидов»; изумительный образ действий «градской» саратовской полиции, послуживший предметом особого расследования; чрезвычайная дерзость и наглость, до которых дошли убийцы, – все это, весь,

так сказать, «масштаб» – ясно свидетельствовал, что преступления, совершаемые в Саратове, нужны были не для одних только саратовских жидов – немногочисленных и небогатых, что корни, нити злодеяний раскинулись шире и глубже.

Однако, разумеется, эти общие, так сказать, «априорные» соображения надлежит, с точки зрения судебных доказательств, признать неустановленными, а потому перейдем все к тем же отдельным уликам, разбором которых мы занимались до сих пор, и посмотрим, какой материал дают они для выяснения того, что творилось вне Саратова, но в связи с Саратовым.

На очень большие денежные суммы, полученные Янкелем Юшкевичером из какого-то неизвестного источника, есть в деле прямые указания.

Далее. Собранные сведения о какой-то странной переписке и таинственных посылках, предназначавшихся на Волынь, «любовичскому ходоку Таупкину, для передачи любовичскому раввину» [1].

В показании своем о тех лицах, которые были на квартире Юшкевичера перед обрезанием Шерстобитова, Богданов указал, между прочим, на еврея в халате и высокой грузинской шапке.

Следствием было установлено, что в это время в Саратов, действительно, приезжали на короткое время два еврея с Кавказа и виделись с Юшкевичером.

У евреев этих – Ильягу-Назар-оглы и Бениля-Евда-оглы – были произведены на Кавказе обыски, причем в числе религиозных книг, оказавшихся у Бениля, обратило внимание редкое в России и не имевшее цензурного пропуска, изданное в Антверпене иудейское сочинение: «Чин устного предания о пасхе», где в числе гравюр изображен фараон, ищущий кровью еврейских детей получить исцеление от проказы.

Таково, впрочем, еврейское объяснение гравюры. А изображает она голого человека в венце, простирающего руку на кровь, текущую из закалываемого перед ним младенца.

Гораздо более определенные сведения о внесаратовских сношениях Юшкевичера удалось почерпнуть из показаний некоей Марии Ивановны, по отцу Безверховой, по мужу Слюняевой.

Она, несомненно, принадлежала к числу таких же людей «со дна», как и Богданов, и Локотков – такая же бездомная бродяга, как и последний.

Показание ее настолько характерно, что надлежит привести его подробно. Начинается оно с событий, происшедших года за три до убийства Шерстобитова и Маслова.

Выданная в очень молодом возрасте замуж и весьма быстро убежавшая от мужа, крестьянина Пензенской губ., Слюняева начала «шататься по разным селеньям» и, таким образом, добралась до Тамбова. В этом городе, выйдя на базар, она встретила какого-то плотника, который искал нанять женщину в стряпухи. Сойдясь с ним в цене, она в тот же день отправилась в местечко Ляды на винокуренный завод Чичерина, в артель работавших на заводе плотников.

Отсюда сманил ее к себе в услужение живший при заводе князя Гагарина еврей-винокур, называвшийся Александр Григорьевич (а по следствию Хацкель Ариев) Коников.

У Коникова и жены его «Арины» Моисеевны Слюняева была в услужении с перерывами 3 года.

Во время еврейской пасхи съезжалось к «Александру Григорьевичу» много евреев из разных мест. Собирались жиды, служившие на заводе, которых было до 15 человек. В их числе Мария Слюняева припоминает

двух старых евреев, как их зовут не знает, но слышала, что одного прозывали «Реби», т. е. учитель, а другого – «Пчельник».

Вскоре после ее поступления на самую еврейскую пасху Александр Григорьевич и старый раввин при других еще евреях, застав Марью в их моленной, стали требовать, дабы она поклялась исполнить все, что они от нее потребуют, и никому не говорить о том, что она у них увидит.

Жиды говорили такими словами: «Не возьмешься ли сделать, что мы прикажем? Поедешь ли с нами, и не будешь ли болтать? Если ты нам вверишься, мы тебя так устроим, что век будешь счастлива и обеспечена».

Она, Марья, клялась исполнить все. Но жиды, не веря христианской божбе, требовали, чтобы она позволила выпустить себе кровь из пальца. Согласясь, она дала левую руку. Ей сделали на безымянном пальце почти нечувствительный надрез и выпустили немного крови. Александр Григорьевич и старый раввин уверяли ее, что если она не сдержит обещания, то сейчас умрет.

Скоро после еврейской пасхи жиды отправили ее с работником Моисеем Леонтьевым (по следствию Мовша Шая) в г. Кирсанов, где Леонтьев взял еще другого работника, жида «Бориса», за кучера, и втроем они поехали в Саратов на зеленой, крашеной бричке, принадлежавшей Пчельнику.

Приехав в Саратов, остановились поблизости Волги. Моисей Леонтьев и Борис тотчас же куда-то ушли, а часа через два вернулись и принесли стеганный на вате баул, вроде чемодана, завязанный шнурком, припечатанный, и какую-то записку.

Что в этом бауле находилось, она тогда не знала.

Возвратясь в Ляды, отдали баул и записку старому раввину. Вскоре он уехал, и больше Марья его не вида-

ла. Одновременно уехали из Ляд и старый «Пчельник», и Моисей Леонтьев.

На следующий год (1852 г.), около Крещения, Марья опять поехала из Тамбова в Саратов с молодым раввином. Остановились в Саратове на постоялом дворе. Раввин куда-то ушел, но скоро возвратился с другим жидом, молодым, курчавым, которого раввин назвал ей сыном красильщика Александром (впоследствии Слюняева признала в этом «Александре» сына Янкеля Юшкевичера Файвиша, о котором было упомянуто в начале изложения). На сей раз она вообще пользовалась уже большим доверием, чем год назад: ей отдали баул и записку, которые она и доставила в Ляды.

На следующий год к весне Александр Григорьевич сказал Марье, что надо опять ехать в Саратов, и, наняв кучера, уже не жида, а русского, велел разыскать в Саратове солдата Шварца, который готовит кушанье саратовским евреям во время их праздников, и отдать ему записку. Вместе с запиской «Александр Григорьевич» дал Марье (доверие к ней, видимо, все увеличивалось) особую печать в футляре, чтобы при разыскании Шварца и при расспросах о нем могущих ей встретиться в Саратове евреев они имели бы возможность узнать, для чего Марья отыскивает этого солдата.

Печать была трехугольная: по углам – три шпенька, в середине – еврейская надпись.

По приезде Марья нашла Шварца в гарнизонном батальоне. Он взял привезенный ею баул и ушел, но вскоре вернулся с женщиной, возвратившей Марье баул, с которым Марья в тот же день уехала в Ляды. Впоследствии в этой женщине она признала прислугу Янкеля Юшкевичера.

В первые два раза Марья полагала, что в бауле краска, как о том ей говорили жиды, но в этот раз она от-

крыла баул, откупорила находившуюся там бутылку и убедилась, что содержавшаяся там жидкость – не краска, потому что на руке скоро сохла. Тогда Марья вновь закупорила бутылку и припечатала имевшуюся у нее жидовской печатью.

Приехав в Ляды, баул, печать и записку она отдала молодому раввину.

Показание это Слюняева дала в саратовской тюрьме, куда ее препроводили, задержав «за бесписьменность». Находясь в заключении, она начала обнаруживать признаки сильного душевного волнения, много плакала. На расспросы выразила желание поговорить со священником и уже после беседы с ним дала показания следователю.

На безымянном пальце у нее обнаружен рубец от надреза, сделанного довольно острым орудием.

Следователь, взяв с собой Слюняеву, немедленно отправился для проверки ее показания в Ляды. При обыске на квартире Хацкеля Арнева (Александра Григорьевича) Коникова вместе с разными предметами, необходимыми для иудейского богослужения, под шкафом или кивотом, в котором хранилась сейферторе (библия на пергаменте), в особом выдвижном ящике оказался лоскут холста, пропитанный, по-видимому, кровью и завернутый в три полулиста печатной по-еврейски бумаги. Тут же был найден другой лоскут в вершок шириной и пять вершков длиной красного цвета и в отдельном конверте небольшой кривой нож с пуговкой на конце.

Слюняева называла безошибочно каждого из членов семьи Коникова и выказала совершенное знание местности на заводе.

Хацкель Коников объяснил, что Марьи Слюняевой не знает вовсе и никогда она у него не проживала; не знает, кому принадлежат найденные у него на квартире

лоскуты, пропитанные, по-видимому, кровью. Кривой нож есть фруктовый.

В Саратове он, Хацкель Коников, был в октябре или ноябре 1852 г., чтобы закупить лесной материал (брусья) для лядинского завода. Купил их у саратовского купца Артамонова. При сем видели его с Янкелем Юшкевичером, был у него на квартире и в еврейской моленной.

Работник Коникова Мовша Шая (Моисей Леонтьев) заявил первоначально, что видал Марью в Лядах в доме Коникова, но потом на очной с ней ставке, лишь только она начала рассказывать о поездке в Саратов, но еще не дошла до объяснений, зачем туда ездила, Мовша Шая, как удостоверяет следственный протокол, резко изменился в лице и решительно отказался от того, что он знает Марью и где-либо ее видел, утверждая, что показал сначала другое с испуга. Тряпка, найденная в ящике под кивотом, как Мовша полагает, запачкана детьми во время резанья гусей, дня за три до обыска.

Далее. Хацкель Коников заявил, что никакого работника Бориса не знает и такого у него не было. Однако стараниями следственной власти был разыскан и работник Борис, который оказался Оршанским мещанином Беркою Бокштейном. Он в противоречие с показанием Коникова признал, что проживал на лядинском винокуренном заводе, но знакомство свое с Марьей Слюняевой он отрицал вовсе.

По рассмотрении в медицинском совете холщовых лоскутов, взятых у Коникова, найдено, что они пропитаны кровью млекопитающего (человека или животного – различать в то время не умели).

По переводе с еврейского в азиатском департаменте трех печатных листков, в которые была завернута одна из этих тряпок, оказалось, что листки содержат: 1) отрывок из мистического еврейского сочинения под загла-

вием «Летопись блаженного Моисея, основателя нашей веры» с повествованием об избиении Господом первенцев у египтян на пользу еврейского народа; 2) отрывок из книги Левит (ст. 7 гл. 6), где заключаются законы и обряды, данные Богом Моисею о принесении жертв, и 3) отрывок из пророка Исайи, осуждающий язычников и прославляющий Израиля.

Ножик – по объяснению Коникова, «фруктовый» – врачебная управа признала хирургическим инструментом, который называется «Поттовым бистуреем» и употребляется для свищевых ходов, для вырезания миндалевидных желез и при операции грыжесечения.

Купец Артамонов удостоверил, что Коникова не знает, и никаких брусьев ему не продавал.

Таким образом, с показаньем Слюняевой повторилось то же, что я своевременно отмечал в отношении и Богданова, и Локоткова, и Крюгера – люди эти сами по себе доверия не заслуживали, но с одной стороны показания их, представляющие длинный и сложный рассказ, начинали при проверке подтверждаться такими чисто объективными данными, оспаривать кои невозможно.

С другой стороны, чрезвычайно знаменательно отношение к этим показаниям иудеев: они с необычайным упорством и озлоблением вопреки очевидности отрицали все от начала до конца: я, мол, не только ничего преступного не делал, но и с человеком, меня оговаривающим, знаком не был, да и не видал его никогда. Именно то «арестантское» поведение, которое охарактеризовано меткой по обыкновению русской пословицей: «Я – не я, и лошадь не моя».

«И как попал холст, пропитанный кровью, в ящик под моим кивотом – не знаю; и Марьи Слюняевой – не знаю, никогда не видал; и работника Бориса – тоже не знаю, первый раз слышу». Это говорит уже не какой-нибудь рус-

ский бродяга, а солидный, зажиточный еврей, пользующийся большим уважением среди единоверцев, успевший отъесться на винокуренном заводе русского барина.

Своему хозяину вторит застигнутый врасплох и не успевший с ним столковаться работник. Только заслышав, что речь идет о поездке в Саратов, он меняется в лице и твердит: не знаю! Про Саратов? Ничего не знаю! Пропитанные кровью лоскуты? Не знаю!

«А ты только что сказал, что знаешь».

«Это я с испугу».

Только перекрест из евреев, но и тот всего лишь один раз и всего на один момент под влиянием ужасного, неожиданного известия не выдержал и сказал своей любовнице-христианке: «Наш грех. Должно быть, мы все погибли!».

Столь же типичным для еврейской среды является стремление переложить на христиан всю ту часть опасного и неприятного дела, какую только возможно.

Разве эта черта не проходит красной нитью и по сие время через целый ряд еврейских уголовных дел не ритуального, а уже совершенно иного характера – хотя бы, например, революционного?

В том лишь разница, что там действуют убеждением, экзальтацией, гипнозом, а здесь просто наймом, грубым подкупом – поэтому и среда совершителей другая, поэтому вместо «сознательных юношей» и «передовых девиц» саратовское дело в части, касающейся христианского элемента, дает такое обилие людей «неодобрительного поведения» – пьяниц и бродяг.

На роли наемных участников преступления это был самый подходящий элемент и одно из драгоценных его качеств было именно то, что в глазах и суда, и властей, и «общества» показания этих «бывших» людей как таковые не могли внушать ни малейшего доверия.

А кто же мог предполагать, что и трупы, выброшенные на Волгу, найдутся перед самым половодьем, и служащие владельца С.-Петербургской гостиницы Гильгенберга нарушат обет молчания, и даже «градская» саратовская полиция будет устранена от «обнаружения» дела? А если бы не случилось рокового сцепления всех этих совершенно непредвиденных обстоятельств, то и Богданов, и Локотков, и Слюняева, а даже Крюгер могли бы разоблачать сколько угодно – их откровения серьезной опасности не представили бы.

В Саратове, повторяю, было дело, «широко поставленное», своего рода «оптовое производство» и туда, на запах свежей христианской крови, потянулись всякие «ходоки Таупкины» с Волыни, столь интересующийся «чином устного предания о пасхе» Бениль-Евда-оглы с Кавказа и, наконец, из Тамбова – сам «Александр Григорьевич», у которого, в свою очередь, на еврейскую пасху бывал съезд всех окрестных иудеев.

ГЛАВА VII

Согласно особому Высочайшему повелению следствие по саратовскому делу должно было поступить в Правительствующий Сенат, а оттуда, независимо от вопроса о каких-либо жалобах или разномыслиях, в Государственный Совет для окончательного разрешения.

Приговор, постановленный Государственным Советом огромным большинством 22 голосов против 3, утвердил решение, которое уже в общем собрании Сената было принято большинством.

Изменения последовали сравнительно маловажные и не касались подсудимых-евреев.

Юшкевичер, Шлиферман и Юрлов были сосланы в каторжные работы на рудниках: первые два – на 20 лет

каждый, а Юрлов – на 18 <лет> «за убийство в г. Саратове двух христианских мальчиков через истязания и мучения».

Богданов и Локотков признаны укрывателями этого преступления. По закону, находит Государственный Совет, они должны подлежать строгому наказанию – ссылке в каторжные работы, но, принимая во внимание их чистосердечное раскаяние и сознание, Государственный Совет повергает на Высочайшее благовоззрение, чтобы Богданова отдать на два года в исправительные арестантские отделения, а Локоткова – на такой же срок в рабочий дом.

Относительно Ивана Крюгера, виновного в недонесении, просит по тем же основаниям о замене полагающегося ему по закону наказания высылкой на жительство в одну из отдаленных губерний с подвержением строгому полицейскому надзору.

Ицку Берлинского, Эздру Зайдмана и Янкеля Бермана оставить в подозрении по участию в убийстве.

Приговор этот, или, правильнее, «мнение Государственного Совета», был утвержден Государем.

Следует помнить, что в то время в дореформенном процессе приговоры постановлялись на основании так называемых «формальных доказательств», которые требовали «прямых» улик – собственного сознания, поличного, показаний свидетелей-очевидцев преступления (свидетелей, а не сообвиняемых). Если такие «формальные» и «прямые» доказательства отсутствовали, то постановление обвинительного приговора чрезвычайно затруднялось, ибо одного внутреннего убеждения в виновности (теперешний суд присяжных) было мало – надлежало подкрепить его рядом формальных доводов. Одновременно в законе указывался и весьма благовидный выход – «оставление в подозрении».

Таким образом, недостатки дореформенного процесса, которые несомненны и на которые так любят указывать, были в данном случае к выгоде осужденных иудеев, а не ко вреду, ибо при отсутствии их сознания поличного и свидетелей-очевидцев преступления для Юшкевичера, Шлифермана и Юрлова не была потеряна возможность по формальным, казуистическим основаниям избежать обвинительного приговора и, подобно Берлинскому, Зайдману, Берману, «остаться в подозрении», несмотря на неотразимые косвенные улики и на полное внутреннее убеждение судей.

Существование ритуальных убийств, совершаемых евреями, признано Церковью – и Православною, и римско-католическою, ибо Церковь, канонизируя некоторых святых, удостоверила, что они замучены иудеями. Признано народными массами: спросите об этом в черте оседлости любого простолюдина. Признано по саратовскому делу и русским судом, и высшими государственными установлениями Империи. Признано Монархом.

Но саратовское дело поучительно и во многих других отношениях.

Какая выпуклая картина того, чем занимались и как вели себя жиды в армии – еще в те, строгие, времена! Какие типичные примеры иудейской солидарности, непроницаемости и жидовского «почкования»! Какие неопровержимые доказательства разлагающего влияния, немедленно оказываемого иудеями на ту христианскую среду, с которой они приходят в соприкосновение, какого бы общественного положения эта среда ни была!

Скажем шире: сколько ценных, поучительных страниц дает саратовское дело для изучения еврейства вообще, оттого это дело так тщательно до сих пор замалчивалось.

Зверское умерщвление в Киеве мальчика Андрея Ющинского, замученного, обескровленного, снова выдвинуло и обострило так называемый «вопрос о ритуальных убийствах, вопрос об употреблении иудеями христианской крови для религиозных целей».

Прежде, всего, в какой мере это «вопрос»?

На протяжении длинного ряда веков с изумительной последовательностью в самых разнообразных странах возникали обвинения, подобные настоящему, и всегда в их справедливости и достоверности все окружающее население – и христианское, и мусульманское – было вполне убеждено.

«Умучен от жидов» – гласит надгробок над мощами святого младенца Гавриила [2] в Слуцке. Для стекающихся ежегодно толпами на поклонение мощам богомольцев не только православных, но и католиков здесь нет вопроса.

С не меньшею последовательностью еврейство как таковое совершенно отрицало с пеною у рта употребление крови для религиозных целей. И теперь, по поводу дела Ющинского, еврейская печать полна истерическими выкликаниями, что все ритуальные убийства – сказка, что все сведения об этих убийствах – или бред сумасшедших, или злостные измышления заведомых клеветников.

Отрицали и будут отрицать, ибо само собой понятно: каково бы ни было истинное положение вещей, каковы бы ни были доказательства, признаваться – невозможно.

Жидам вторят все «жидовствующие», все те иудейские подголоски, которые или попали в материальную зависимость в кабалу к иудеям, или находятся под гипнозом жидовской печати.

И в этой среде, по самому ее составу, ни о каком «вопросе» не может быть речи.

Остаются те, кто мало знаком с еврейством, не интересовался им, не жил в местностях, переполненных жидами вроде нашей «черты оседлости», не входил с ними в соприкосновение.

Однако помимо желания и возможности кого-либо убеждать, каждый, кто предъявляет обвинение, тем самым обязуется представить доказательства.

В данном случае они чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Исчерпать их трудно, да и не входит в мою задачу: вдаваться в область исторического или догматического исследования я не собираюсь. С меня достаточно заняться разбором, чисто документальным, фактическим только одного судебного дела, изученного зато мною в подлиннике, и, на мой взгляд, наиболее яркого из тех дел о совершенных иудеями ритуальных убийствах, которые в довольно большом количестве были на рассмотрении русских уголовных судов.

Правда, когда подходишь к явлению, раскинувшемуся на протяжении многих стран и многих веков, то одно судебное дело – лишь «черточка, самая махонькая черточка».

Убийство Андрюши Ющинского [1]

Мнение об убийстве Андрюши Ющинского о. Федора Синькевича (этому священнику исповедовался перед смертью сын обвиняемой Веры Чеберяковой): «Многим придет по этому случаю в голову вопрос: зачем так случилось, почему Господь попустил умереть главным свидетелям и таким образом как бы отнять у людей возможность непосредственного изобличения преступников? Это же обстоятельство, по-видимому, создало более благоприятную почву для распространения всесветной

лжи и клеветы, а также для подкупа и иных преступлений, которыми так изобиловало это дело и все время сопровождалось со стороны евреев.

Вот посильный ответ на этот вопрос.

Давно уже многие и многие, именуемые русские люди, перешли на сторону врагов Христа – иудеев, перешли и не чувствуют, что вместе с таким переходом они позорят свое русское имя, идут против своей матери Церкви, запрещающей всякое общение христиан с иудеями под страхом церковного отлучения, наконец, ведут этим путем Россию к верной исторической гибели, если, разумеется, не будут остановлены твердой рукой, решительным противодействием здравомыслящей части русского общества.

В деле Бейлиса недостаток свидетелей – очевидцев преступлений вызвал к жизни вопрос несравненно большей важности, чем вопрос о виновности Бейлиса. Выдвинут вопрос об историческом, ритуальном злодеянии жидовского народа, и мы видим, что на суде раздались открыто голоса ученейших и весьма авторитетных лиц, стяжавших большое имя в науке, за существование у евреев ритуала вытачивания крови из христианских детей для своих гнусных религиозных целей.

Подтверждены эти мнения ссылками на разные исторические документы и ученые сочинения, поэтому отныне благодаря беспристрастному русскому суду вопрос о ритуале у евреев, несомненно, получил новое освещение, какое он имел до сих пор только в глазах отдельных исследователей, а не перед лицом целого света. Это победа христиан, и весьма важная, на пути спасения человечества от разрушительного действия сообщества с евреями и доверия к ним.

Спаси, Господи, христиан от жидов и дай им силы в борьбе с последними одержать победу, дабы не погиб-

ло нравственно и исторически наше дорогое отечество. Священник Феодор Сенькевич» [2] [Синькевич. – *Д. С.*]».

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 17. 07.11.1911. Речь Г. Г. Замысловского о ритуальном убийстве Андрея Ющинского

Председательствующий. […] Внесен срочный запрос по поводу неправильных действий чинов полиции г. Киева при производстве дознания по делу об убийстве Андрея Ющинского. Первый подписавшийся – член Государственной Думы Замысловский. (*Голоса*: «Огласите».) Прошу г[осподина] секретаря огласить текст запроса.

Секретарь Государственной Думы. «Господину председателю Государственной Думы. 29 апреля 1911 г. в Государственную Думу был внесен, в порядке ст. 33 ее Учреждения, запрос по поводу убийства в Киеве малолетнего Андрея Ющинского. Прошло более полугода, когда 3 ноября 1911 г. думская комиссия по запросам рассмотрела вышеназванный запрос и высказалась за его отклонение. Между тем за эти полгода накопился целый ряд новых фактов, свидетельствующих о том, что киевская полиция предприняла ряд действий не к выяснению, а к сознательному затемнению дела, не к обнаружению истины, а к сокрытию ее; не к изобличению иудеев, совершивших, по убеждению местного населения, зверское убийство ради крови христианского ребенка, а к отвлечению подозрения и даже к созданию ложных улик против лиц неповинных. Когда правые члены Думы, поддерживавшие запрос, пробовали в думской комиссии осветить эти новые факты

возмутительного беззакония, совершенного в угоду иудеям, то они были встречены возражением, что таковые факты не подлежат рассмотрению, ибо выходят за пределы запроса, ибо в запросе о них ничего не упомянуто. Нельзя отрицать, что с внешней, формальной стороны такое возражение имеет основание, а потому мы, нижеподписавшиеся, вынуждены внести новый самостоятельный запрос о тех незакономерных действиях киевской полиции, кои были совершены по делу Ющинского после внесения первого запроса. А т. к., к глубокому изумлению нашему, несмотря на весь ужас самого дела, формальной его стороне придается столь крупное решающее значение, то и мы в дальнейшем изложении принуждены обратить на эту сторону особое внимание. Согласно Уставу Уголовного Судопроизводства (ст. 254–260, 271), с того момента как по делу началось предварительное следствие, полиция имеет право действовать лишь в пределах тех поручений, которые дает ей судебный следователь. Если она и имеет право захватить заподозренного, то, во всяком случае, обязана немедленно доставить его следователю, а отнюдь не подвергать своей властью сколько-нибудь продолжительному задержанию. Ни обысков, ни допросов в этом периоде процесса полиция производить не вправе. Вообще, на самостоятельные действия она не уполномочена. Между тем в своем стремлении отвлечь всякое подозрение от иудеев и направить таковое на христиан – родственников или знакомых замученного Ющинского, киевская полиция произвела целый ряд обысков и подозрительных арестов – так, по крайней мере, гласят многочисленные сообщения, появившиеся в газетах самых разнообразных политических направлений, причем сообщения эти правительством опровергнуты не были. Не будем упоминать о продолжительном аресте

матери Андрея Ющинского – ибо это случилось еще до внесения первого запроса. Но вот 27 июня 1911 г. газеты сообщили об аресте отчима убитого – Луки Приходько. Так как следователь арестовывает лишь тех, кого он предварительно привлек в качестве обвиняемого, а Лука Приходько по сие время не привлечен, то, очевидно, он был арестован не следователем, а полицией, – т. е. совершенно противозаконно. 29 июня за № 175 газета "Речь" сообщает: "До сих пор, кроме отчима убитого Луки Приходько, разновременно арестованы 16-летний брат Луки – Николай Приходько, брат матери убитого – Федор Нежинский, дядя убитого – Василий Чириков и соседка Ющинской – Вера Чеборякова[1]. Есть много оснований предполагать, что на днях раскроется вся правда об убийстве несчастного мальчика". Опять-таки ни одного из перечисленных лиц в качестве обвиняемого не привлечено, следовательно, вновь мы имеем дело с противозаконным арестом, произведенным полицией, которая ведет как бы "параллельное" следствие и притом с явною целью выгородить иудеев. В № 176 от 30 июня "Речь" сообщает: "Началось освобождение арестованных. Сегодня освобожден дядя убитого Чириков [1], в котором подозревался главный участник убийства. Ожидается также освобождение остальных арестованных". 3 июля за № 179 та же газета пишет: "По делу Ющинского произведены новые аресты, подтверждающие несомненное прикосновение семьи убитого к преступлению". 5 июля за № 181: "Среди вновь арестованных по делу об убийстве Ющинского находятся отец отчима убитого мальчика, старик Приходько, и жена брата матери убитого Нежинская". Опять ряд противозаконных арестов, до жены брата матери включительно, объяснимый разве только правилами иудей-

[1] Имеется в виду Вера Чеберякова (Чеберяк).

ской мести: до седьмого колена. Приблизительно в это же время (19 июля № 12697) газета “Новое время” вполне подтверждает факт явно противозаконных и весьма продолжительных арестов, коим был подвергнут киевской полицией целый ряд родственников Ющинского. Она в весьма обстоятельной корреспонденции с места (отдел внутренних известий, статья “Запорожца”) прямо пишет, что “данные” руководителей розыска – начальника киевской сыскной полиции Мищука и пристава Крисовского – оказались “подстроенными”. В следующей корреспонденции (20 августа, № 12729) тот же автор “Запорожец” сообщает, что два сыскных агента Полищук и Выгранов попробовали вопреки стараниям Красовского и Мищука направить розыск в сторону евреев и добыли здесь очень ценные сведения от одного из главных по делу свидетелей – товарища и соседа покойного Андрея Ющинского, мальчика Жени Чеберяка. Однако Полищук и Выгранов были немедленно уволены со службы. Женя Чеберяк внезапно умер загадочной смертью, а на предполагаемом месте преступления (заводе Зайцева [2]) произошел пожар от неизвестной причины. Изложенное необходимо сопоставить с тем обстоятельством, что судебный следователь, насколько это стало известным в печати, привлек пока в качестве обвиняемого только одно лицо – иудея Бейлиса – и то лишь за последнее время. Разумеется, только тщательное, авторитетное и независимое расследование, напр[имер] сенаторская ревизия, может с точностью и полной документальностью установить всю злонамеренность и преступность действий чинов киевской полиции по делу Ющинского, но незаконность произведенных ею арестов очевидна, и без этого расследования уже в настоящий момент, а потому на основании ст. 33 Учр[еждения] Гос[ударственной] Думы и

руководствуясь тем соображением, что в порядке производства уголовных дознаний полиция подчинена не только своему непосредственному начальству, но и прокурорскому надзору (ст. 279 Уст[ав]а Угол[овного] Судопр[оизводства]), – в данном случае, прокурору киевского окружного суда Брандорфу [3], ныне назначенному товарищем прокурора С.-Петербургской судебной палаты, – мы предъявляем следующий запрос министру внутренних дел и министру юстиции: 1. Известно ли им, что чины киевской полиции летом сего года во время производства следствия по делу об убийстве Андрея Ющинского чинили целый ряд противозаконных арестов среди родственников убитого? 2. Если известно, то какие меры приняты для привлечения виновных к законной ответственности и для выяснения тех целей, в осуществление коих эти противозаконные аресты были предприняты? Запрос просим признать спешным».

Председательствующий. Слово принадлежит первому подписавшемуся члены Государственной Думы Замысловскому.

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. В первом запросе, внесенном нами по делу об убийстве Ющинского, мы старались главным образом выдвинуть принципиальную сторону вопроса и поставить сам вопрос во всю его ширь, думая, что не натолкнемся на какие-либо формальные отводы и возражения. Не мне как юристу отвергать значение и силу формы, соображений формальных, но мы все же думали, что есть такие обстоятельства, есть такие события, когда эта форма отступает на задний план, стушевывается и на нее уже не ссылаются. Нам думалось, что когда речь идет о таком ужасном событии, какое произошло в Киеве, когда речь идет о том, что христианский мальчик зверски умучен иудеями для ри-

туального обряда, – в такой момент о форме разговоров уже не будет и Дума присоединится к нашему мнению, что надо поскорее, не затягивая вопроса, по возможности всесторонне осветить, выяснить все подробности с думской кафедры. Мы ошиблись. Спешность запроса, заявленная нами тогда, была отвергнута, а в комиссии мы натолкнулись на возражения формального свойства; нам говорили: ведь производится предварительное следствие, подождем, пока оно окончится, и вот тогда будем рассуждать. Но, г<оспода>, когда окончится предварительное следствие, тогда начнется следствие судебное, суд, а когда окончится суд, то, весьма возможно, что уже и III Дума прекратит к тому времени свои заседания [4]. (*Голос слева*: «Это верно».) И вот когда нам ссылались на эту необходимость ждать, то мне припомнилось воспроизведенное недавно министром юстиции изречение финляндских сепаратистов: «Тот, кто выигрывает время, выигрывает все».

Г<оспода>, когда вы собрались на эту сессию, первое, что вы сделали, это внесли запрос о киевском злодеянии. Вас не остановило соображение, что производится сенаторская ревизия, хотя, несомненно, она окончится гораздо скорее, чем следствие и суд по делу Ющинского. Вы этим формальным соображением не стеснялись, вы говорили: «Преступление слишком ужасно, оно леденит душу, и не время для проволочек». Вы признали спешность и тут же приняли самый запрос. Но, г<оспода>, во сколько раз то негодование, которое было возбуждено у вас киевским злодеянием – убийством П. А. Столыпина, во сколько раз это негодование усилилось бы, если бы вы увидели, что следствие замкнуто в формальные рамки, что следствие производится только об одном: вот об этом акте убийства и ни о чем больше, только о том, что иудей Мордко Богров вы-

стрелом из револьвера убил председателя Совета Министров; если бы в такие формальные рамки замкнулись предварительное следствие и сенаторская ревизия, то вы бы сказали, что это издевательство над общественным мнением, что вопрос надо поставить широко. Но, г<оспода>, я продолжаю аналогию. Вот такую ширину постановки вопроса мы и хотели провести в деле об убийстве Ющинского.

Мы говорили: нельзя ограничивать исследование только тем, что вот такой-то и такой-то иудей ударом шила, ударом швайки[1] убил христианского мальчика. Нет, надо ставить вопрос более широко, надо ставить вопрос об организации, о сообществе, о секте, надо ставить вопрос о нитях, которые протягиваются от этого преступления в разные стороны, надо, одним словом, ставить вопрос во всей его совокупности так, как вы сами же желаете поставить вопрос о киевском злодеянии. Допустим, что задержан человек с бомбами, прокламациями, партийной печатью: ведь вы не ограничиваете расследование только тем, что злоумышленник нес бомбы, нес взрывчатые вещества; вы скажете, что злоумышленник этот, несомненно, член известной революционной организации. Значит, есть организация, и вы будете производить следствие об этой организации. Если вы будете рассуждать иначе, если вы будете замыкаться в узкие формальные рамки, то из вашего расследования ничего путного не выйдет. Приведу еще пример, более близкий к ритуальным убийствам, пример о христианских изуверских сектах, о скопцах. Ведь когда производится следствие о скопцах, то не берется только факт оскопления известного лица, нет, производится следствие о всей секте. Откройте, г<оспода>, сборник речей А. Ф. Кони [5], известного судебного деятеля и оратора, ныне входящего

[1] Швайка – толстое шило.

в состав Государственного Совета, деятеля, которого никто не заподозрит в принадлежности к правому лагерю.

Откройте его речь по делу об оскоплении купеческого сына Горшкова, и вы там увидите, как Кони ставит вопрос. Он обвиняет человека, физически не скопца, в принадлежности к секте целым рядом косвенных улик: тут и сухарики, и крендельки, которые являются признаком принадлежности к скопческой ереси, тут и фотографии, тут и переписка, тут и знакомство со скопцами, тут, наконец, и портрет одного лица, уважаемого в скопчестве; в квартире оказался этот портрет, он взят при обыске, и это уже улика, и эту улику выставляет на суде судебный деятель, очень либеральный.

Вот как производятся расследования об изуверческих сектах, когда дело идет о русском простонародье, с которым не стесняются. Совершенно иначе ведется дело о сектах иудейских: там, наоборот, все время стараются идти в шорах, не расширить предмет расследования, а сузить его, ограничиться только конкретным фактом, отдельным преступлением, отнюдь не отвлекаясь в сторону. В том же самом саратовском ритуальном убийстве, о котором я говорил уже не раз с думской кафедры, как только следователь начал производить расследование не только об убийстве, произведенном в Саратове, а вообще об употреблении евреями христианской крови, как только он поехал из Саратова в другие города отыскивать кровавые тряпки и иудейские печатные листки о принесении первенцев жертву, – как последовала от министерства бумага: «Строго держитесь в рамках возложенного на вас поручения, отнюдь не разбрасываясь в стороны». Цель нашего первого запроса и состояла в том, чтобы рамки исследования были расширены, чтобы производилось дело не только о данном убийстве, но вообще об изуверской

секте, которая убивает христианских детей ради их крови. Мы, повторяю, натолкнулись на соображения формального характера. Раз они нам предъявлены, то мы готовы принять сражение и на этой почве, на почве строго формальной. Хорошо, если вы в таком вопросе считаете формальную точку зрения более уместной, будем говорить с формальной точки зрения, ибо и в этом отношении наша позиция нисколько не слабее, чем в споре по существу.

И вот, во втором нашем запросе, принужденные мнением думского большинства, мы сводим вопрос уже на более формальную почву и говорим лишь о незаконных действиях киевской сыскной полиции по исследованию убийства Ющинского. (*Голоса слева*: «Чьего?».) Каждый раз, когда идет расследование о ритуальном убийстве, мы наталкиваемся на ряд незаконных действий полиции, которая старается выгородить иудеев, на действия, которые могут быть объясняемы только подкупом. И это совпадение не случайное, это известная причинная связь явлений. В давнишнем ритуальном убийстве, велижском [6], совершившемся в царствование Императора Александра I, настоящее расследование началось только тогда, когда спустя значительное время после совершения преступления Государь Император проезжал через Велиж и христианские женщины успели подать Ему лично челобитную. И вот тогда он командировал сначала своего флигель-адъютанта, а затем целую следственную комиссию, и началось расследование в широком масштабе. Раньше местная полицейская власть явно выгораживала иудеев. В другом ритуальном убийстве, саратовском, опять дело раскрылось только тогда, когда из Петербурга было прислано особо уполномоченное лицо, которое принуждено было одновременно вести не только дело

о раскрытии саратовского ритуального убийства, но и о незаконных действиях саратовской полиции, клонившихся к затемнению дела, к сокрытию истины. И, повторяю, такое совпадение не случайно: оно обусловлено причинною связью. Чтобы эта причинная связь была для вас несколько более ясна, я опять позволю себе привести пример. Многие из вас до последнего времени, вероятно, ничего не слыхали о ритуальных убийствах и этим не интересовались, но почти все из вас знают, что бывают массовые уклонения евреев от воинской повинности в воинских присутствиях, что в известный призывной участок приписываются евреи чуть не со всей России и там освобождаются благодаря взяткам и подлогам, освобождаются благодаря тому, что подкуплена полиция, подкуплены врач и канцелярия воинского начальника. И наивные люди говорят: «Какое странное совпадение! Почему евреи со всей России начали приписываться именно в тот призывной участок, где как раз оказался подкупленным целый ряд должностных лиц?». Сии наивные люди не понимают, что здесь тесная причинная связь: сначала нащупывают присутствие, где можно подкупать и полицию, и врача, и делопроизводство воинского начальника. (*Шум слева; звонок председательствующего.*) Затем, нащупав и удостоверившись в этом, уже начинают туда приписываться с разных концов России. Здесь подкуп и уверенность в содействии полиции предшествуют преступлению и его обусловливают, находятся с ним в причинной связи.

То же и с ритуальными убийствами. Поверьте, что когда ритуальное убийство совершается, то евреи заранее уверены, что в этой местности полиция пойдет заодно с ними, что она не только не будет их изобличать, но станет выгораживать и всячески затемнять

дело. Если они в этом не уверены, если не рассчитывают на содействие полиции, то в данной местности они не совершат ритуального убийства. Об этом говорят нам исторические факты, целый ряд дел. Поэтому если правительство действительно желает раскрыть дело, то первым актом правительства по такому раскрытию дела должно быть полное отстранение местной полиции от производства дела, присылка туда свежих людей из Петербурга или других местностей, потому что уже сам факт, что совершается ритуальное убийство, свидетельствует, что евреи на местную полицию рассчитывают, и рассчитывают всегда безошибочно. (*Голоса справа*: «Совершенно верно».) То же случилось и в данном случае: мы видим, что полиция не только не способствовала раскрытию дела в Киеве, но всячески вела его по неверному следу, способствовала не выяснению истины, а ее затемнению. И тут она совершила целый ряд строго формальных нарушений, на которые мы и указываем в запросе. Пока не началось предварительное следствие, полиция имеет право самостоятельного ареста, обыска и даже, в исключительных случаях, допроса, но как только началось предварительное следствие и судебный следователь прибыл на место преступления, права полиции становятся совершенно иными: никаких самостоятельных функций она больше не несет; она только действует во исполнение поручений судебного следователя, причем отнюдь не имеет права ареста. Она может, конечно, по поручению следователя схватить заподозренного, но обязана сейчас же доставить задержанного следователю. Права задержания в смысле более или менее продолжительного ареста полиции, конечно, не имеет. Что же мы видим по делу Ющинского? Нами приведены сведения, появившиеся в газетах самых различных лагерей, и т. к. мы предвидим

возражения со стороны левого крыла, то приведены сведения из газеты «Речь»: левое крыло, вероятно, не рискнет утверждать, что эти сведения ложны.

Итак, ряд сведений гласит, что были арестованы члены семьи Ющинского чуть ли не седьмого колена: даже «жена брата матери». Кто же их арестовывал? Полиция, не имея на это ни малейшего права; их арестовывала, держала некоторое время под арестом, а затем в «Речи» появлялись телеграммы: «Арестован такой-то родственник семьи убитого, семья причастна к убийству несомненно». А через несколько времени новые сведения: «Те, ранее арестованные, выпущены, но зато арестован новый родственник Ющинского». Вот, г<оспода>, как подготовлялось общественное мнение. Делали известный массаж, известное гипнотическое внушение: «Что, мол, говорить о иудеях. Нет, вы видите, как один за другим арестуются родственники; вот в ком дело – в родственниках». Таким образом, левая печать пользовалась незакономерными действиями полиции для того, чтобы вселить в обществе ложное мнение о совершенном убийстве. (*Голоса справа*: «Браво!».) В редакции «Речи», я думаю, есть достаточное число юристов, которые сразу же могли разобраться, что эти аресты незаконны. Редакция газеты «Речь» поставила своей специальной целью изобличение произвола полиции; но когда этот произвол ей на пользу, когда этим произволом можно защитить и выгородить иудеев, то газета «Речь» о произволе полиции ничего не будет говорить. (*Справа рукоплескания и голоса*: «Браво!».) Наоборот, будет тщательно пользоваться этим произволом для фальсификации общественного мнения. Вот, г<оспода>, мы и утверждаем: пора все это раскрыть и осветить с думской кафедры. Мы заявляем спешность запроса, но, конечно, для нас почти безраз-

лично, будет ли запрос рассматриваться по существу 7 ноября или 17 ноября, для нас важно, чтобы он не завалялся опять в комиссии, чтобы он был внесен на думскую кафедру, но мы вовсе не желаем, так сказать, спекулировать на неожиданности, что мы кого-то застали врасплох. Поэтому, если со стороны центра, голоса которого в данном вопросе являются решающими, – они дают большинство, – если со стороны центра мы услышим, что центр тоже присоединяется к нашему мнению, что он желает осветить этот вопрос в самом непродолжительном времени, то мы охотно откажемся от спешности и заменим ее срочностью, заменим недельным сроком или 10-дневным, раз, повторяю, у нас будет уверенность, что вопрос в самом непродолжительном времени попадет на думскую кафедру и будет рассмотрен с той всесторонностью, которой он заслуживает. Вот те соображения, по которым мы с настоящим запросом выступили. Здесь принято говорить о достоинстве Думы; мне кажется, достоинство Думы – вопроса не замалчивать, а рассмотреть всесторонне. Я скажу больше: я скажу, что рассмотрение запроса необходимо в смысле правильного понимания государственных задач. Русское простонародье Западного края глубоко уверено, что Ющинский замучен жидами для выполнения ритуального обряда, и мое убеждение такое же; на глазах этого русского простонародья полиция всячески старается затемнить дело и выгородить виновников, простонародье это видит, как ускользают евреи от рук правосудия, мало того – оно видит, что и Дума как будто не хочет заняться этим запросом, не хочет поставить его на свою повестку и обсудить его так, как оно того заслуживает, не хочет даже выслушать заявления правительства по этому поводу. Господа, вы толкаете это русское простонародье

таким поведением на плохой путь, ибо русское простонародье, в конце концов, может извериться во всем и может сказать, что единственное средство против засилья евреев – народная с ними расправа. Не доводите его до этого. (*Рукоплескания справа*.)

[…]

Председательствующий. Слово принадлежит члену Государственной Думы Замысловскому по порядку дня.

Замысловский (Виленская губ.). Письменное заявление, внесенное членом Думы Люцем [7], идет навстречу нашим желаниям (*голоса слева*: «Откуда вы знаете?») о том, чтобы по настоящему делу предоставить комиссии 10-дневный срок. Мы надеемся, что комиссии предоставляется этот срок, чтобы на думскую повестку настоящий запрос поступил немедленно после комиссионного рассмотрения: только в этом смысле мы можем понять заявление, идущее из центра. Не для того оно делается, чтобы рассмотреть вопрос в комиссии, а на думскую повестку его не вносить. Вот ввиду этого заявления мы нашу спешность снимаем. (*Голоса слева*: «Такого заявления нет, оно не поступало, нарушение Наказа».)

Председательствующий. Заявление это сделано в речи члена Государственной Думы Люца, затем оно мне подано, но я не успел доложить это заявление. Это предложение о признании запроса срочным с назначением 10-дневного срока. (**Булат** *с места*: «Так что Капустин, Люц и Замысловский спелись».)

Замысловский. Меня удивляет, что член Думы Булат позволяет себе по адресу уважаемого председателя [8] говорить, что председатель спелся со мной и с Люцем. (*Шум справа*: «Вон его, пошел вон».) И т. к., г<оспода>, подобные заявления оказываются возможными в Думе, и Дума их даже терпит и не исключа-

ет того, кто позволяет себе их сделать, то я заявляю, что это заявление лживо, это вранье. Переходя затем к порядку дня, я повторяю, что заявление о 10-дневном сроке нас вполне удовлетворяет: мы вовсе не желаем спекулировать на какой-то неожиданности; мы добиваемся запроса; мы считаем, что в этом отношении мы гарантированы. Раз левое крыло заявляет, что оно тоже будто бы за спешность, то, разумеется, когда думская комиссия рассмотрит запрос, сделанное членом Думы Пуришкевичем заявление обязывает его содействовать, чтобы этот доклад был поставлен на ближайшее рассмотрение; к тому же, мне кажется, обязывает и г<оспод> октябристов заявление, сделанное членом Думы Люцем о 10-дневном сроке. Это обстоятельство нас совершенно удовлетворяет. Вот тогда, по существу вопроса, мы поговорим с членом Думы Нисселовичем о том, были ли признаны русскими судами ритуальные убийства или нет. Я снимаю спешность, мы будем голосовать за 10-дневный срок.

Председательствующий. Так как заявление спешности снимается первым подписавшим заявление, то оно может быть поставлено на голосование, если, согласно § 158 Наказа, оно будет поддержано не менее 30 членами Государственной Думы. Кто желает признать настоящий запрос спешным? (*Встают менее 30 лиц.*) Итак, запрос передается в комиссию. (*Голоса слева*: «Почему, а срочность?».) Приступаем к голосованию. Предложение члена Государственной Думы Люца о 10-дневной срочности. (**Гегечкори** *с места*: «Позвольте, я заявлял».)

Замысловский. Я вношу поправку в том смысле, чтобы назначить десятидневный срок для рассмотрения в Думе этого вопроса. (*Шум слева*; **Петров-третий** [9] *с места*: «Замысловский не в очередь выступает, не его право говорить».)

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 119. 28.04.1912. Речь Г. Г. Замысловского по делу Бейлиса

Замысловский (Виленская губ.). Г<оспода> члены Государственной Думы. Я буду возражать против спешности [1]. В настоящем запросе две стороны. Во-первых, г<оспода>, социал-демократы жалуются на те притеснения, которые чинятся их прессе (*голос слева*: «Нарушение закона, а не притеснения»), во-вторых, они жалуются, что для правой печати никаких притеснений нет, там разгул. Именно так они и пишут: «Полный разгул в газетах правого направления вплоть до подстрекательства к погрому (*голос слева*: “Правильно”) и другим насильственным действиям против целого народа: газета “Двуглавый Орел” с рисунками Ющинского». Итак, изволите ли видеть, свобода печати нужна социал-демократам; что же касается правых изданий, то нельзя даже помещать рисунков Ющинского. Вы вдумайтесь в эту психологию. (*Смех справа*.) Буквально сказано: «Подстрекательство к насильственным действиям против целого народа». А в чем же оно выразилось? «Двуглавый орел» с рисунками Ющинского! (**Булат** *с места*: «Вот это возмутительно».) В том, что правые поместили фотографию зверски замученного ребенка. Положим, из этой фотографии совершенно ясно, что ребенок замучен жидами с ритуальной целью (*голос справа*: «Верно»), но как-никак ведь это снимок с того, что есть; это фотография с трупа, а нам говорят, что раз она помещена в газете, то газету надо конфисковать. И это говорят социал-демократы во имя свободы печати! Я еще упомяну, что ведь первоначально

фотография трупа Ющинского – только, разумеется, в искаженном виде – была помещена вовсе не в правой печати, а в жидовской газете «Киевская мысль», и тогда никто не говорил о том, что помещением в газете фотографии совершается какое-то противозаконное деяние. Вообще о том, что будто бы по делу Ющинского полиция потворствует правым, лучше бы помолчать именно вам (**Булат** *с места*: «Отколе, умная, бредешь ты, голова?» [2].) Во всяком случае, много умнее вашей. (*Смех слева; рукоплескания справа*.) Итак, г<оспода>, я утверждаю, что рассказывать о каком-то потворстве со стороны киевской полиции нам, правым организациям, которые раскрывают правду в деле убийства Ющинского, рассказывать об этом потворстве господам слева не пристало, потому что именно здесь мы, правые, терпим ряд противозаконных стеснений. (*Голос слева*: «Вносите запрос».) Мы и внесли запрос, но только большинство Государственной Думы не желает поставить нашего запроса на повестку, ибо это большинство систематически замалчивает все то, что во вред жидам. А запрос давно внесен. Начальник киевской сыскной полиции Мищук [3] предан суду именно за то, что он фальсифицировал вещественные доказательства, отводя улики от жидов и направляя их на христиан. О нем производится предварительное следствие, и мы только ждем одного: чтобы производство этого предварительного следствия было ускорено, чтобы правда открылась на гласном судебном процессе.

Далее. Укажу на следующий факт, практикующийся в Киеве. В дворцовом участке разносчик правых газет Пчелкин постоянно подвергается задержанию со стороны полиции, как только появляются у него брошюры, касающиеся ритуального убийства: немедленно полиция его забирает и держит целый день в участке, и бывали

случаи, что такие брошюры даже у него отбирались, но наряду с этим чуть не на каждом киевском перекрестке свободно торгуют жидовской макулатурой «О кровавом навете на евреев». Этого не трогают, а правые брошюры отбирают. (*Голос в центре*: «Когда же по запросу?».) Уверяю вас, что это по запросу и по спешности, потому что запрос прямо говорит о «Двуглавом орле» и Ющинском, а я утверждаю, что запросом факты извращены, поэтому в спешном порядке с ним разобраться нельзя. Укажу еще на одно событие, имевшее место в Киеве: 12 марта 1912 г. правые организации служили там панихиду в день годовщины убийства Ющинского. Полиция запретила помещать объявления об этой панихиде правой газете. Как вам понравится такой возмутительный факт полицейского произвола: запрещают в газете «Киевлянин» [4] давать объявление о панихиде. А вы рассказываете, что здесь какой-то дикий разгул. Да, дикий разгул жидовских безобразий, жидовского подкупа. (*Рукоплескания справа*.) Вот где разгул. Если вы хотите доказательств этого разгула, этих безобразий с думской кафедры, голосуйте, чтобы наш киевский запрос был поставлен на повестку. Но вы всегда будете голосовать против, ибо жиды вам так сказали, а не слушаться жидов вы не смеете. (*Голоса справа*: «Верно».) Когда 20 апреля 1912 г. Киевская патриотическая организация «Двуглавый орел» праздновала день годовщины святого младенца Гавриила, замученного жидами, то киевский полицеймейстер запрещал говорить организаторам с кафедры о потворствах киевской полиции жидам, и возмущенная аудитория, как мне передают из Киева, и передают из достоверного источника, возмущенная аудитория кричала киевскому полицеймейстеру: «Жидовский хабарник». Если раздаются в аудитории такие возгласы по адресу полицеймейстера, то едва ли можно

говорить о том, что полиция *поощряет*[1] «разгул» правой печати, травящей будто бы жидов. На следующий день Киевский губернатор уже прямо говорил о том, что объявляется война между ним и патриотическим обществом «Двуглавый Орел», а еще на следующий день Киевский губернатор прислал отказ в разрешении открыть обществу «Двуглавый Орел» типографию, мотивируя, между прочим, свой отказ тем, что типографию предположено поместить где-то во флигеле, где-то на дворе, – тогда как ряд жидовских типографий в Киеве расположен на дворах, и это не служит препятствием к их открытию. Отказ последовал на следующий день или через два дня после событий 20 апреля! Как же вы говорите о том, будто бы Киевская администрация потворствует правым кругам! Что же, газета «Двуглавый орел» – это тоже, по-вашему, рептильная пресса, получающая субсидию? (*Голоса слева*: «А как же?».) Вы, значит, не имеете никакого понятия о том, что говорите: ни единой копейки субсидии ниоткуда газета «Двуглавый орел» не получает. (*Голос справа*: «А какая получает?».) Наоборот, патриотические общества и правая печать преследуются Киевской администрацией, киевской полицией именно за то, что они желают раскрыть правду по делу Ющинского, а вы потворствуете этому преследованию, потому что не хотите слушать нашего запроса и тех фактов, которые мы в запросе привели. Такова первая половина того, о чем пишут социал-демократы. Я утверждаю, что никакого разгула в правой печати нет и никакого потворства ей со стороны администрации тоже нет. Но вторая часть запроса вашего в смысле искажения фактических данных не лучше первой. Вы все пишете о газетах «Правда» [5] и «Живое дело», но умалчиваете о том, что «Правда» и «Живое дело» – это только маленький придаток при

1 Выделено в тексте источника. – *Д. С.*

основной социал-демократической газете «Звезда» [6]: главное-то дело в «Звезде», которая печатается чуть ли не 40 тыс. экземпляров (*голос слева*: «Завидно?»), а «Правда» и «Живое дело» – это только так, добавление к «Звезде». Вы умалчиваете, что издание газеты «Звезда» прекращено судебным приговором, и те действия полиции, о которых вы говорите, – это только исполнение постановления Петербургской палаты или Петербургского окружного суда по прекращению издания газеты «Звезда». Если в действиях администрации заключаются неправильности, то лишь в том, что названное постановление очень долго не приводилось в исполнение. (**Пуришкевич** *с места*: «Да, да, конечно».) Не знаю, по небрежности ли или вследствие каких-либо злоупотреблений, но постановление, которое должно было быть приведено в исполнение немедленно, не приводилось в исполнение, что-то, кажется, около двух недель. Для исполнения надо было постановление это переслать в камеру прокурорского надзора, а оттуда в полицию, которая должна исполнять приговор. И вот в одной из этих инстанций постановление застряло, а почему – я думаю, об этом лучше известно г<осподам> социал-демократам. (*Голос слева*: «Запрос вносите».). Вот в чем была действительно неправильность, и социал-демократы воспользовались ею для того, чтобы превратить свою «Звезду» в сплошную прокламацию, и этой прокламацией незаконно наводнять рабочие круги в течение почти двух недель. Что же касается конфискации отдельных номеров, то конфисковать номера газеты «Звезда» было довольно мудрено, ибо газета эта в отличие от обычных газет не заинтересована злободневным материалом, тем материалом, который поступает в редакцию поздно и набирается ночью, она заинтересована просто-напросто печатанием социал-демократических прокламаций, и

поэтому час ее изготовления уловить очень трудно; так вот, когда являлась полиция для конфискации номеров, то оказывалось, что вся их масса уже пущена в обращение, а в типографии остается 150–200 штук, которые поступали в распоряжение полиции. (**Пуришкевич** *с места*: «Гегечкори, ведь верно?».). Вот как обстояло дело с изданием газеты «Звезда», и когда, наконец, постановление судебной палаты было приведено в исполнение, когда полиция действительно прекратила издание, то вот и появился настоящий запрос, в котором все факты совершенно извращены. Я нахожу, что в этих фактах надо подробно разобраться, надо подробно разобраться в том, что представляла собой газета «Звезда», как действовала в отношении ее администрации, а для этого необходимо комиссионное рассмотрение запроса и отвержение его спешности. (**Пуришкевич** *с места*: «Гегечкори, уступите мне очередь, я буду говорить "за"».)

Председательствующий. За спешность слово принадлежит члену Государственной Думы Гегечкори.

Заявление Г. Г. Замысловского на суде по делу М. Бейлиса. Первый день. 25.09.1913.

Замысловский. Защита настаивает на том, чтобы дело отложить. Мы просим дело слушать. Суду хорошо известно, с какими тяжестями для правосудия сопряжено откладывание такого сложного дела. Суду известно, что при всяком откладывании является все меньше свидетелей... и это приносит несомненный ущерб делу... Главный довод, на котором остановился защитник, – это неявка свидетелей Выгранова [1] и Мищука. Один – бывший агент сыскного отделения. Другой – бывший начальник сыскного отделения. В отношении первого

полиция дала справку, что он вчера выехал в Житомир. И на этом основании надо откладывать дело? Мы должны принять все меры к его розыску, т. к. его показания довольно существенны, но не настолько, чтобы [без него] откладывать дело. Наконец, неявка бывшего начальника сыскного отделения Мищука. Говорят, начальник сыскного отделения не разыскан. Да, если бы он теперь был начальником сыскного отделения, но в настоящее время это не начальник сыскного отделения, а лицо, лишенное всех особых прав за подлоги. Таким лицам весьма свойственно уклоняться от суда, и очень часто эти лица не разыскиваются.

Далее, свидетели Козаченко [2] и Пухальский [3]. Говорят, это важные свидетели, поэтому [если их нет, то] надо откладывать дело. Это фактически неверно. Сознания Бейлиса, как говорил сейчас защитник, они не удостоверяют, а Козаченко удостоверяет, что Бейлис дал ему поручение отравить наиболее важных [против него] свидетелей. Я хочу доказать суду, что слова защиты фактически не верны... Эти свидетели, несомненно, существенны, но все меры к розыску были приняты, и если они не разысканы, это не основание для отложения [дела].

Речь Г. Г. Замысловского на суде по делу М. Бейлиса. Тридцатый день. 24.10.1913.

Замысловский. Господа судьи и господа присяжные заседатели! Вчера г[осподин] прокурор [1], настолько, на мой взгляд, верно, правильно и широко нарисовал общую картину дела и его значение, что это позволяет мне сразу начать свою речь с чисто делового и фактического разбора отдельных улик и обстоятельств...

Я должен сделать это, начав с тех многочисленных версий, где заподозривались невинные люди. Это заподозривание сначала Александры Ющинской [Приходько] [2], затем Федора Нежинского [3], потом Луки Приходько [4]. Само собой разумеется, что эти люди невинны, что ни малейшего подозрения на них в настоящее время быть не может. Следовательно, эти версии интересны нам... вследствие других соображений.

Они показывают, как органы сыска, начальник сыскной полиции Мищук и другой начальник сыскной полиции, Красовский, как они сразу же пошли по пути, который мало назвать ошибочным, который надо назвать заведомо неверным. Мы и утверждаем, что тут были не ошибки, а направление розысков по заведомо неверному следу, что при этих розысках допускались приемы... бесчеловеческие и преступные, а раз это было так, то несомненно была та рука, та невидимая и таинственная рука, которая подвигла этих агентов сыска вот на такие деяния.

Действия Мищука заключались в том, что Мищук ни за что не хотел идти на Лукьяновку, он хотел отводить розыски от Лукьяновки. Когда пригласили Красовского [5], то, чтобы приобрести доверие начальства, он должен был идти на Лукьяновку искать там. И двойственность Красовского устанавливается опять-таки фактически. Вам прокурор ссылался на допрос Красовского в июле, допрос, указывающий, что, по его убеждению, убийство как раз было на заводе... А сам же Красовский принужден признать, что в конце мая он высказывал генерал-губернатору полное убеждение, что убили воры. Вот когда разговор идет о «союзниках»[1], тут еще Красовский может вывернуться. Он говорит: «Да, союзникам говорил, что убийство ритуальное, но говорил для

[1] Членах Союза Русского Народа. – *Д. С.*

того, чтобы они отстали. Это люди фанатичные, их не своротишь с убеждения...».

А в отношении завода? Вот что Полищук говорит, – были и там розыски, отобрали какие-то книги, и было даже большое беспокойство среди евреев, и записи на книгах были. Что же сделали с этими книгами? Их привез Красовский в гостиницу «Орион» [где он жил], и там они несколько дней пролежали. Затем книги были доставлены следователю, и следователь в них ничего подозрительного не нашел. Но, господа, вопрос в том, те ли самые книги были доставлены следователю или иные. Ведь это вопрос доверия к Красовскому. Если мы Красовскому верим, то должны признать, что книги те самые, а если не верим... Те, которые заключали и возбудили подозрения евреев, они ведь могли исчезнуть.

От официального расследования Мищук и Красовский после этого устраняются. И тогда на сцену выступают добровольные сыщики. Начинает работать учреждение, которое я бы назвал «сыскное отделение редакции “Киевской мысли”», под фирмой «Бразуль и компания». Эта фирма действовала и раньше, с самых первых шагов, но раньше роль ее была другая, ей незачем было выступать вперед; впереди работали Мищук и Красовский, а эти господа «Киевской мысли» являлись только в роли достоверных свидетелей... Но когда уже официальных расследователей, которые бы всего этого не видели в еврействе и затирали все следы, не было, и тогда за эту роль прямо пришлось взяться этим добровольным сыщикам...

И первое, чем ознаменовалась открыто их роль, – это поездка в Харьков. Красовский тоньше и умнее Бразуля [6], он отлично понимает, что выгоднее не отвергать факты, а признать. С одной стороны соскоблить, а с другой стороны надставить, и тогда этот факт примет

совершенно невинный вид. Вот так он обрабатывает историю с вознаграждением [7]... но он впадает в противоречие с Бразулем [и Марголиным, которые категорически отрицают, что делали Чеберяковой [8] такое предложение. – *Д. С.*].

Последняя версия: что убийство было на квартире Чеберяк[овой]. Пришли 12 марта сюда Сингаевский [9], Рудзинский [10] и Латышев [11], пришел и Андрюша, и его там убили... Почему же эта версия возникла так поздно [в марте 1912 г., через год после убийства. – *Д. С.*]? Ведь даже те лица, которые хотели отводить подозрения от евреев, хотели представить власти что-нибудь правдоподобное, а ведь, конечно, говорить, что убила Чеберякова, это гораздо правдоподобнее и вероятнее, чем говорить, что убила Александра Приходько или Лука Приходько... Почему они не сказали [сразу] про Чеберяк[ову]? Вот почему: провал тех версий положение Бейлиса и заводских рабочих не особенно ухудшал... Версия о Чеберяк[овой] была совершенно иного характера, и ее провал давал улики очень серьезные против заводских евреев вообще и против Бейлиса в частности, ибо, чтобы выдвинуть версию Веры Чеберяк[овой], надо было признать факт огромного значения, признать, что 12 марта [1911 г.] утром, перед убийством, Андрей Ющинский был на Верхне-Юрковской... и это признание было страшно опасным. Это значило, что перед убийством мальчик был – где? Между квартирой Чеберяк[овой] и заводом, и, значит, убит он или на квартире Чеберяк[овой], или на заводе. Если версия о Чеберяк[овой] провалится, то остается одно – что он был убит на заводе... Вот ввиду такого значения этой версии, ввиду того, что здесь рисковали, что здесь шли ва-банк, – версия эта была обставлена особо.

Восемь свидетелей были вызваны, чтобы ее удостоверить: две сестры Дьяконовых [12], Швачко [13], Выше-

мирский [14], Махалин [15], Караев [16] и др. ... [Однако следствием] фактический материал совершенно опровергнут. Ясно же, что это полнейший вымысел, который расползается по всем швам. Кроме того, эта версия невозможна еще и по следующим логическим соображениям. Во-первых, такое убийство было бы совершенно безмотивно... Для того, чтобы придать ему смысл, понадобилось прибегнуть к такой клевете, что Андрюша хотел обокрасть Софийский собор, что он часто ночевал у Чеберяк[овой], что он был посвящен во все воровские дела. Но ведь это клевета, и если эту клевету откинуть, то встанет вопрос: зачем же его было убивать? Ведь Андрюша почти никогда не бывал у Чеберяк[овой].

Значит, если его не зарезали у Чеберяковой, то где же его зарезали? Только на заводе, и больше нигде. Следы живого Ющинского приводят нас вплотную к заводу, и в какое время? Как раз перед убийством, и на заводе обрываются. А следы мертвого Ющинского ведут от завода. Вспомните показания Голубева [17] и Акацатова [18], вспомните расположение пещеры, ведь туда ход только из двух мест – или от Чеберяковой, или с завода. В завод ведь Ющинский попал с Верхне-Юрковской улицы, с той части завода, где живет Бейлис, где он сам заведует.

В дополнительном следствии является Людмила [19] и рассказывает все то, что с ее слов рассказывал ее отец [20 декабря 1911 г.]: да, пришел Андрюша Ющинский, мы затеяли кататься на мяле, позвали Дуню Наконечную [20] и, кажется, Назара Заруцкого [21]. Бейлис схватил Андрюшу. Дуня говорит [на предварительном следствии], что никакие жиды не гнались, и они благополучно ушли. Дуня Наконечная – дочь Михаила Наконечного [22], так называемого «Лягушки», который выступил с защитительной речью за Бейлиса и, не ожидая вопросов, очень страстно привел целый

ряд доказательств, что Бейлис никак не мог совершить этого убийства. Теперь допустим на минуту, что Люда говорит правду и Дуня Наконечная была с ней на мяле, видела, как евреи погнались, как Бейлис схватил Андрюшу. Это не могло остаться неизвестным и отцу ее [который испугался и сказал:] не путайся в это дело, не смей ничего говорить про жидов. И Дуня про жидов ведь ничего не говорила. Ведь она сказала: «Мы пошли кататься на мяле», – и тут поставила точку. В то время девочка не понимала, какую огромную улику она дает в первой части своего показания, и мы видим, что здесь на суде она от этого показания отказывается.

Назар Заруцкий на предварительном следствии сказал так: 12 марта меня на мяле не было, я маленький и боюсь, я не катался. Другими словами, он сказал совсем не то, что Дуня. Приходят они на суд и показывают по-иному, причем здесь, на суде, показания Заруцкого и Дуни совпадают точка в точку. Они говорят, что осенью 1910 г. построили высокий, непроходимый забор, и после того ни мы и никто другой не катался. Они показывают буквально то, что говорит и Михаил Наконечный. Не вправе ли я, г<оспода> присяжные заседатели, сделать из этого вывод, что они именно научены так показывать Михаилом Наконечным, который старается вытравить и эту очень страшную улику, что Дуня-то каталась с Людмилой?

В руках Наконечного, конечно, была погибель Бейлиса, если бы Михаил Наконечный пришел к следователю и сказал все [что видела его дочь], и если бы Дуня Наконечная это подтвердила; вы сами понимаете, какой оборот приняло бы тогда дело.

Перед убийством Ющинского Люда и Женя [Чеберяковы] застали у Менделя Бейлиса двух странно одетых евреев. Оказалось, что они приехали тогда, когда была

закладка синагоги. Но этого мало – к кому приехали два раввина? Они остановились у того человека, который далеко не чужд еврейских религиозных обрядов и который ездил на печение мацы, и у которого живет Шнеерсон, происходящий из рода цадиков.

Этот кирпичный завод был местом религиозного сосредоточения евреев. Там живет Шнеерсон, там Бейлис, туда приезжают раввины и там потихоньку от правительства воздвигается еврейский молитвенный дом. И вот оказывается, что мальчик, погибший таким ужасным образом, дошел до завода в момент убийства и был на мяле в то время, когда была закладка синагоги, он там пропал, и затем мы видели труп [неподалеку от завода]. Неужели я не вправе сказать, что убийство совершено на заводе, что убийца – Мендель, что без его согласия на заводе не могло быть такого убийства?

Судебно-медицинская экспертиза

Что же говорят эксперты? Они говорят, что на трупе оказалось 47 ран. 47 ран! Вы подумайте: часто ли это бывает, чтобы на трупе было 47 колотых ран? Разве наносят 47 ран, если хотят только убить? Вот мальчик предал, тогда бы его убили топором, хватили бы поленом... А тут 47 ран нанесено. Для чего? Для того, чтобы не только убить, но и доставить мучения? Тогда были бы нанесены раны в наиболее чувствительные места, кололи бы под ногти, в глаза, в половые органы, щипали бы, но этого нет. Следовательно, хотели убить мучительным образом, зверски, но специальной целью мучительство не делали.

Вот вся эта группа врачей – Оболонский [23], Туфанов [24] и Косоротов [25] – прямо говорят, что кровь была выпущена, что было выпущено не менее половины

всего количества, а может быть, даже и две трети, и точно определяют – от пяти до пяти с половиной стаканов...

Теперь далее. Чем убивали Андрюшу? Убивали швайкой, убивали колющим инструментом... Для того, чтобы этот инструмент мог поражать кровеносные сосуды, его конец был заточен. Значит, этот инструмент не только колол, но и резал. Да, выбран колющий инструмент, но почему? Это мы увидим из ритуальной экспертизы. Припомните, что нам говорил эксперт, благоприятный для защиты. Нет, сказал проф[ессор] Троицкий [26]: если кровь резаная, от «шехиты», то ее надо покрыть, а кровь колотую можно не покрывать.. Но и в других случаях ритуальных убийств тоже бывают колотые раны и труп выбрасывается и не покрывается...

Далее были нанесены височные раны, на правом виске их было 13. Для чего они были нанесены? Никто этого объяснить не мог. Зачем эти 13 ран? Для того, чтобы убить, они не нужны. Для мучения? Но для этого были другие способы. Добыть кровь? Но кровь добывали из шеи. Правда, было кровотечение и из правого виска, но очень небольшое. А 13 ран нанесены. Но вот, когда мы обращаемся к ритуальной экспертизе, то вот что она нам говорит о числе 13. Опять-таки об этом говорит не отец Пранайтис, показания которого защита будет всячески опорочивать, а эксперт профессор Троицкий, вызванный самой защитой, заключениями которого она была, по-видимому, очень удовлетворена... Он говорит, что каждый еврей, умирая, читает молитву, вся суть которой в последнем слове «эхад», т. е. единственный... Но каждое слово по Каббале соответствует числу, каждая буква соответствует цифре, а сумма их дает число; и вот слово «эхад» соответствует числу 13, тому слову, с которым умирает каждый благочестивый еврей. А ведь у Андрюши 13 ран, и никто не может объяснить, почему они нанесены.

Пойдем дальше, перейдем к шейным ранам. Но вот что насчет шейных ран говорят отец Пранайтис и профессор Троицкий. Крови придается у евреев огромное значение. Душа тела в крови. А откуда выходит душа? Оттуда, откуда выходит кровь. Значит, по верованию евреев, из шеи. Режут скот, перерезая шею. Это именно то место, из которого евреи выпускают кровь.

Последние раны были нанесены, когда Андрюша умирал, когда его сердечная деятельность уже угасла. Далее проф[ессор] Косоротов делает чрезвычайно важный вывод, что между нанесением первых ран в голову и шею и нанесением других ран в туловище был некоторый промежуток в 5, 7 и даже 8 мин. Вот вы подумайте, г<оспода> присяжные заседатели, зачем нужен был этот промежуток времени, что в этот промежуток делали? Если я вам скажу, что в этот промежуток собирали кровь, то согласитесь, что мое заключение строго вытекает из научных, строго проверенных обстоятельств дела. Вот, г<оспода> присяжные заседатели, какова картина вскрытия.

Мы о Бейлисе забудем, Бейлиса в настоящую минуту нет, нет и Чеберяк[овой]. И что же мы по этому трупу видим, что можем сказать? Да, несомненно, что он убит из ритуальных целей, для выпускания крови, и убит символически, с этими 13 ранами на правом виске. Это написано слово «эхад»[1] – то слово, с которым умирает благочестивый еврей. Сопоставьте это с фактическими обстоятельствами дела, с тем, что следы мальчика ведут к тому самому Бейлису, который ездил печь мацу, у которого бывал Шнеерсон [27] из Любавич, куда отправлялась кровь, все эти следы ведут в то время, когда здесь совершается закладка синагоги, а вы помните, о. Пранайтис [28] говорил, что новая синагога была окроплена

[1] Единство иудейского бога с жертвенным закланием. – *Д. С.*

кровью. Вот вы сопоставьте все это. Ведь не может быть, чтобы это было все случайно... Это несомненно ритуальное убийство, причем то, что мы видим на трупе, совершенно независимо от фактических улик совпадает, совершенно совпадает с тем, что говорят нам факты... Что же, совпадение это может быть случайно?

Ритуальная экспертиза

...Мы здесь видели экспертов двух лагерей: с одной стороны был о. Пранайтис, с другой – Троицкий, Коковцов [29], Тихомиров [30] и раввин Мазе [31]. Между двумя этими группами резкое разногласие. Есть громадная литература, которая отстаивает тот взгляд, которого держится о. Пранайтис, и есть столь же обширная литература и столь же много ученых, которые отстаивают тот взгляд, которого держатся Коковцов, Мазе, Тихомиров и Троицкий. Это научный спор о том, что, собственно, такое представляют собой Талмуд [32], Каббала [33], Шулхан Арух [34], как понимать их и этот ученый спор – мы, конечно, разрешить не можем. Перед нами раскрыли только небольшую завесу, а спорят об этом уже целые века. Мне кажется, что для нас даже и не важно, кто более прав в этом споре, ведь для нас совершенно не важны обстоятельства, что вот ученый Коковцов или ученый Троицкий возьмут известный текст, сядут у себя в комнате, обложатся книгами и начнут рассуждать, как правильнее понимать этот текст с точки зрения научной, исторической, филологической, этнографической и многих других, а когда и это не поможет, то обратятся к своим друзьям из евреев... Суть не в том, как правильнее понимать известный текст с глубоко научной точки зрения, а в том, как действительно понимают известный текст, и кто? – фанатики,

изуверы из евреев. Вот в чем вопрос и вот почему то обстоятельство, что с одной стороны здесь было четыре эксперта, а с другой только один – это все не имеет решительно никакого значения. Это ученый спор о текстах... Мы ведь говорим не об учености, не об этих исследованиях, а о том еврее-изувере, который в этом тексте видит для себя основание, чтобы совершить ритуальное убийство... Ведь и скопцы тоже ссылаются на тексты Священного Писания, мы, говорят они, верно понимаем Священное Писание, а вы неверно. Конечно, всякий ученый, да не только ученый, а всякий православный вам скажет, что понимание, которое придают скопцы, это невозможное, бессмысленное понимание; но ведь они все-таки так толкуют и уверены в своей правоте. Так и здесь.

Я лично думаю, что правда и большая научность именно на стороне тех толкований, которых держался о. Пранайтис. Вот хотя бы, например... в книгах еврейских сказано – «лучшего из гоев убей». Казалось бы, здесь совершенно ясно и очевидно проявление нетерпимости евреев, их фанатизма – убивай гоев, а гои – это все иноплеменники, в том числе и христиане, но вот является представитель другой школы, школы, угодной еврейству и опирающийся главным образом на еврейских ученых, и говорит – это неверно понято. Там сказано в том смысле, что... надо на войне убивать, потому что лучший из врагов более опасен, поэтому его и убивайте. Но позвольте, а в другом месте этого текста сказано так: справедливейшего из гоев убей. Причем тут война? – Ну да, – говорит, но все-таки это правильно... Но, желая выкинуть из дела все спорное, я даже на этом и не останавливаюсь. Мне важно, как нарастала эта еврейская нетерпимость, этот еврейский религиозный фанатизм, и здесь для меня экспертиза дает совершенно убедительные доказательства.

Вне всякого сомнения, что в Ветхом Завете жертвы крови, кровавые жертвы имели огромнейшее значение, что в этом именно и была суть еврейской религии... Приводят Послание святого апостола Павла к евреям, который, несомненно, знал их нравы, где сказано, что все очищается у вас кровью, и без крови нет прощения грехов[1]. Кровавые жертвы можно совершать только в Иерусалимском храме, а Иерусалимский храм разрушен, – как же кровавые жертвы приносить, отказаться от них? Да ведь в этом вся суть религии – вдруг так взять и отказаться. Если нельзя в храме, то надо каким-нибудь другим способом. На это опять-таки есть текст. Рабби Иисус говорит, мы слышали, что, хотя храма нет, совершаются жертвы, хотя нет жертвенника, делаются возлияния.

Отец Пранайтис дает этому тексту совершенно определенное толкование, и другие эксперты его особенно в этом не могут оспаривать. Наряду с этим у евреев растет страшная ненависть к христианам, и понятно почему. Христиане-римляне разрушили Иерусалимский храм, рассеяли еврейство, уничтожили еврейское царство, прекратили их самостоятельное существование и сделали их кочевой, странствующей расой. Понятная вещь, что у евреев родилась страшная ненависть к христианам, и эта ненависть находит себе выражение в их книгах [35].

Вот другой текст приводится: «Сказал рабби Элиазар, что нееврея можно пронзить даже в субботу, если этот день приходится в день прощения обид». А ученики ответили рабби Элиазару: «Скажи, рабби, лучше “заклать”, а не “пронзить”». «Нет, – говорит рабби Элиазар, – потому что заклать нужно с берах-молитвой, а пронзить можно без берах». Вот когда развивается такая ненависть к Христианству, то естественно, что мысль работает в

[1] Да и все почти очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения (Евр. 9:22).

том направлении, что самая лучшая жертва, когда храма нет – какая? Да в том, чтобы убивать этих христиан, убивать тех гоев, про которых сказано: лучшего из гоев убей так, как убивают самую красивую змею. Это естественная последовательная мысль.

И вот в «Зогаре» [36], в той книге, которая появилась почти одновременно с развитием и распространением этих ритуальных убийств, там есть прямые тексты, которые говорят, что нет для нас иной жертвы, как та, которая состоит в устранении противной стороны, истреблении гоев. Настоящих жертв приносить нельзя – храма нет, но отказаться от жертвы религиозно настроенная еврейская мысль не может; а наряду с этим есть ненависть к Христианству – значит, убийство христиан и есть эта жертва. В «Зогаре» появляется уже вот такой текст: «И смерть их, – патер Пранайтис объяснил, что это говорится не о евреях, а об амгаарцах, – и смерть их пусть будет при заткнутом рте, как умирает животное безгласно», причем резник дает обет святому благословенному, что это убийство будет повторяться ежедневно, как совершаются убийства животных, двенадцатью испытаниями ножа и ножом, что составляет вместе 13. Его оспаривают, говорят, что это описывается смерть праведника, который смыкает уста. Но позвольте, – здесь говорится не о сомкнутых устах, а о том, что рот затыкается. Ведь это же разница – сомкнутые уста или заткнутый рот?

Ритуальные убийства

Таким образом, вот вам ряд текстов, которые дают прямое основание верить в ритуальные убийства. Пусть с научной точки зрения это неверно истолковано, но ведь евреи-фанатики могут толковать это именно в таком смысле. Дальше происходит Львовский диспут, на

котором одна часть еврейства открыто обвиняет другую часть в ритуальных убийствах и в присутствии христиан прямо говорит: вы совершаете ритуальные убийства и основываете это на таких-то и таких-то ваших текстах. Эксперты, которые вызваны сюда для объяснения вопроса о ритуале, как раз этого Львовского процесса не знают... Однако они не отрицают того, что обвинявшие на диспуте не были побеждены, напротив, они, по-видимому, даже победили... А дальше совершается ряд убийств, этих детских убийств с вытачиванием крови, совершается в самых разнообразных странах Европы. Ведь тогда же, в те времена железных дорог не было, сообщение было очень затруднительное. Как же это так: в разных государствах оказываются все одинаково исколотые трупы и все обвиняют в этом именно евреев. Ведь сговориться обвинители не могли, потому что жили в разных странах. И, однако, вот какое совпадение: здесь труп, обвиняют евреев, и в другой стране тоже труп, такой же исколотый и тоже обвиняют евреев. Когда мы спрашиваем экспертов, они говорят: мы не знаем, мы не занимаемся изучением этих процессов, и тогда нам остается сказать им одно: значит, вы не обладаете такими качествами, которые нам нужны для данной экспертизы.

Русские процессы

Позвольте обратить ваше внимание на русские процессы... Я усиленно настаивал на оглашении Саратовского дела. Защита возражала чрезвычайно горячо, и нам было отказано в оглашении Саратовского дела.

Начнем с Императора Александра I. В 1817 г. он действительно издал Высочайшее повеление, чтобы евреев не преследовали за ритуальные убийства без всяких доказательств, чтобы не преследовали только по одному

предубеждению. Однако из этого Высочайшего повеления никоим образом нельзя выводить заключения, что Император Александр I отрицает ритуальные убийства. Но значит, в то время уже ритуальные убийства были, если понадобилось Высочайшее мнение.

Далее. При том же Императоре Александре I возникает Велижское дело по личному почину Государя Императора. После того как преступление было несколько лет безгласно, к нему обращаются с челобитной, Он назначает следствие, о следствии Ему лично доносят и одновременно по распоряжению Государя запечатываются все велижские синагоги. Дело заканчивается уже при Императоре Николае и заканчивается оправданием. Но ведь вы сами понимаете, что факт преступления, событие преступления и виновность подсудимого – это две вещи разные. Да, подсудимые были оправданы за недостаточностью улик, но тот факт, что мальчик был весь исколот, он-то остался. Вам читали резолюцию Государя Императора Николая I: в ней не только нет оправдания ритуальных убийств, но даже, напротив, признание их. Государь говорит: «Я никакого не имею убеждения, чтобы таких убийств не было, напротив, Я вижу, что появляются эти загадочные случаи».

Затем при том же Государе Николае Павловиче возникло Саратовское дело – в тех немногих частях, которые удалось установить на суде, об этом я могу сказать: отправлялись две бутылки с кровью [замученных детей] из Саратова в Любавичи, по обыску было найдено пропитанное кровью полотенце. Тут читали книгу Неофита. Неофит как раз говорит, что кровь сохраняется таким образом, что ею пропитывается полотенце, полотнище, затем оно сжигается, и пепел употребляется для религиозных целей. Это писал Неофит где-то в Румынии[1], а

[1] В самом начале XIX в. – *Д. С.*

в 50 г.[1] в России, где ни о каком Неофите не знали, находят по обыску как раз полотенце, пропитанное кровью и завернутое в лоскуток печатной бумаги, который содержит в себе еврейский текст о первенцах, о жертве, ведь это факт. От факта не уйдешь. Чем же закончилось Саратовское дело? Вопрос о догмате [крови] выделяется в особую комиссию, куда, к сожалению, допускаются еврейские ученые Хвольсон и Левинсон... Затем постановляется мнение Государственного Совета, где евреи за убийство двух христианских мальчиков через обрезание и мучения приговариваются к каторжным работам, и этот приговор утверждается Государем Императором Александром II, тем Государем, который даровал России суд присяжных, тот суд, по которому вы судите здесь теперь это дело, и этот Государь не усомнился утвердить мнение Государственного Совета.

Как же после этого говорят, что это все какое-то измышление, какая-то фантазия! А вот Церковь – ведь Католическая церковь знает массу святых, замученных евреями, Православная Церковь тоже...

Как же говорят, что ритуальных убийств не существует? Это говорит против фактов, против того, что несомненно доказано, что доказано исторически, против того, что признавали суды, что признавали сами евреи публично, обвиняя своих единоверцев, что признавали в России Государи и что признают Православная и Католическая Церкви. Вот почему я с полным убеждением говорю: да, изуверные убийства существуют, и настоящее убийство – изуверное убийство, оно совершено на заводе Зайцева, и совершено несомненно при участии Бейлиса. Ведь этот завод – место религиозного сосредоточения, ведь там еврейская синагога, ведь туда приезжают еврейские раввины, ведь там жи-

[1] В 1853 г. – *Д. С.*

вет тот самый Шнеерсон, который родом из Любавич, и с этим Шнеерсоном связана вся история ритуальных убийств [в России].

Господа присяжные заседатели, я выступаю здесь в качестве поверенного Александры Ющинской. Много она перенесла по этому делу, и горе ее, ее страдания словами не выразишь. Лишившись сына, замученного, ужасно замученного, брошенного, как падаль, чему она подвергалась? Ведь это было издевательство, надругательство, и только простой русский человек может снести это терпеливо и кротко. И вот теперь, перенеся все это, испытав все это, она, простой бесхитростный русский человек, обращается и к вам, из которых большинство – тоже простые русские люди, и она просит точного определенного ответа: кто убил, кто замучил ее Андрюшу, – ответа, который был бы дан не страха ради иудейска, а по совести, по вашей совести русских православных людей. Дайте же этот ответ, его ждет от вас не только Александра Ющинская, его ждет вся Россия.

Речь Г. Г. Замысловского на суде по делу М. Бейлиса. Тридцать третий день. 27.10.1913.

Замысловский. Защита здесь ссылалась на ту часть показаний свидетеля студента Голубева, где Голубев говорит, что общество «Двуглавого орла» пригласило на этот процесс меня и А. С. Шмакова [1]. Все, что говорит свидетель Голубев, мы считаем правдой до последнего слова. И к этому я обязан прибавить, что наше участие в гражданском иске мы считаем исполнением нашего долга перед Родиной. Сидя здесь второй месяц, мы ни от каких мест и лиц ни единой копейки не получали и не собираемся получать.

Переходя к деловой стороне, я должен отметить целый ряд отступлений от фактов, которые были допущены со стороны представителей защиты. Г[осподин] защитник Грузенберг утверждал, что будто бы эксперт о. Пранайтис здесь на суде восхвалял пытки. Ничего подобного в действительности не было. Ксендз Пранайтис ссылался на средневековые процессы как на доказательство ритуальных убийств, сказал, что пытали, это было очень нехорошо. Где же тут восхваление пыток? Но если люди, хотя бы и под пыткой, указывают, где находятся добытые преступлением предметы, орудия преступления, то, хотя они это говорят под пыткой, я должен признать, что она открывает истину. Вот что сказал эксперт Пранайтис. А ему приписывают восхваление пыток, и говорят: вот какой служитель алтаря, восхваляет пытки, – и этим стараются подорвать значение его показаний.

Нас упрекали: с одной стороны – прокурора, а с другой – меня и моего товарища по гражданскому иску А. С. Шмакова в разноречии. Какое же это обвинение, когда лица, настаивающие на нем, между собой не согласны. В чем же усматривается наше разноречие? А вот в чем. Я вам все время говорил: или Чеберякова, или Бейлис, а другой представитель гражданского иска сказал в одном месте: и Чеберякова, и Бейлис. Вот в этом усматривают противоречие. Да, если выдернуть из всего того, что мы говорили, только эту отдельную фразу, то противоречие как будто и оказывается. Но если вы припомните, при каких обстоятельствах и по поводу чего я произносил свою фразу и произносил фразу мой товарищ... Я вам доказывал, что у Чеберяковой этого преступления быть не могло, а на заводе, я говорил... и о тех лицах, которые его непосредственно совершали, и поставил положение – или Чеберякова, или Бейлис, придя к выводу, что это Бейлис. Но форма участия в преступлении

очень различна. И вот в отношении этих других форм соучастия, в отношении этой прикосновенности и была сказана фраза другим поверенным гражданского истца: может быть, и Чеберякова, и Бейлис. Да, возможны такие предположения, что некоторая доля прикосновенности была и за Чеберяковой.

Вот ухватились за фразу г[осподина] прокурора, что на Лукьяновке все говорят, будто Чеберякова продала Андрюшу жидам. Если меня вызывают на догадки, вызывают на то, чтобы я сказал свое личное мнение, я скажу. По-моему этого не было, и вот почему. Ведь если бы Чеберякова продавала Андрюшу жидам, то продавала бы за деньги и, я полагаю, за крупные деньги. Где же эти деньги? Да где же следы этих истраченных крупных денег? Где ценные вещи, которые она покупала, где эти наряды, широкие кутежи? Ведь эти же деньги ушли, так покажите же, по крайней мере, след их. Его нет. Вот почему и я говорю, что в качестве догадок все можно говорить, но догадки эти в обстоятельствах дела подтверждения не имеют.

Другой вид соучастия, или, правильнее, прикосновенности, что у Чеберяковой осталось пальто Ющинского. Доказано ли это, твердо ли доказано обстоятельствами дела? Я говорю: нет. Если у нее осталось пальто и она располагала рассказом Жени и Люды, как пропал Андрюша, то что же должен подсказывать ей ее интерес, ее соображения о собственной сохранности? Конечно, они должны были подсказывать, чтобы это пальто скрыть. Если бы она начинала говорить – это не я, а дети утверждают, что это на заводе, ни один человек ей бы не поверил, и борьба с заводскими жидами была бы борьба неравная. Там цитадель юдаизма, там завод, который в один из годов, по удостоверению Зайцева, дал 25 тыс. годового дохода, а это – несчастное жулье, которому борьба

не по силам. Это отлично учитывала Чеберякова, и если у нее действительно было пальто, что возможно, хотя по делу это не доказано, то естественно, что, руководствуясь своими выгодами, руководствуясь инстинктом самосохранения, она его не предъявила, поэтому-то, вероятно, так и запуталась и так упорно все скрывала.

Затем я остановлюсь на описании защитником смерти Жени Чеберякова. Как эту картину смерти, эту тяжелую картину, бьющую по нервам, изображать в виде улики против Веры Чеберяк[овой], я не понимаю. Умирает мальчик. Тут мать, тут сыщики. Как же это можно повернуть против Чеберяковой в том смысле, что она убийца, ведь она в присутствии свидетелей просит его: «Скажи им, что я не виновата». Если она действительно виновата, то неужели она обратилась бы к мальчику с такими словами? Дальше говорится о каких-то иудиных поцелуях, которыми замыкала ему уста мать. Мать целует умирающего ребенка, и это поворачивается против матери. Ну а если бы она его совсем не целовала? Я уже могу себе представить, с каким удвоенным пафосом защитник, член Государственной Думы Маклаков говорил бы: помилуйте, какая злодейка-мать, сын умирает – и ни одного поцелуя, да ведь это явная преступница.

Наконец, приходит священник исповедывать Женю. Оказывается, и тут улики [против матери]. Батюшка подошел к Жене после исповеди, и Женя сказал: «Батюшка, батюшка...» – «Что тебе, дитя мое?». И в этом видят улику против Чеберяковой. Да позвольте же, господа присяжные заседатели. Если Чеберякова такая злодейка – так неужели эта злодейка решится пригласить к себе духовника? Ведь это может создать страшную улику против нее. А что, если мальчик перед смертью придет в сознание и под влиянием исповеди, причастия скажет, умирая, что ведь убивала-то моя мать и я все

это видел. Да, правда, существует исповедальная тайна, священник не может на суде показать того, что он узнал на исповеди, но едва ли она знает устав уголовного судопроизводства настолько, чтобы иметь сведения об этой исповедальной тайне [2].

Тут все подчеркивают, что [священник] Синькевич – это член общества «Двуглавого орла». Да, он член этого общества «Двуглавого орла», но члены общества «Двуглавого орла» и до исповеди Жени, и после его смерти не изменили своего убеждения, что убил Мендель Бейлис.

Перехожу теперь к тем фактам, о которых говорил г[осподин] защитник Грузенберг [3]. Он приводил их все время с фактическими извращениями.

Председательствующий останавливает оратора.

Замысловский: Да разве я опорочиваю показания Дьяконовых, Караева и Махалина, ссылаясь на то, что они об этом забыли, ссылаясь на то, что там есть какое-то маленькое противоречие или запамятование? Нет. А главное, чем я доказывал полную измышленность этих «свидетельских» показаний, это именно то, что они очень точно помнят и знают обстоятельства, которых в действительности не было. И вот все мое доказательство того, что этим «свидетелям» нельзя верить, что их показания вымышлены. И именно это защита совершенно обошла, она говорит, что не опорочивают свидетелей некоторое запамятование и мелкие противоречия. Да, это не опорочивает, но когда свидетель с необычайной точностью измышляет то, чего не было, то это его порочит и опровергает. А такого в показаниях Дьяконовых, Караева и Махалина сколько угодно, и защита об этом ничего не говорила.

Хотя бы, например, в показаниях Екатерины Дьяконовой, которая точнейшим образом говорит, что 12 марта [1911 г.] был у Чеберяковой Лисунов [4], и все повто-

ряет: Лисунов, Лисунов, – все четыре [раза]. Ведь это обстоятельство – это не запамятование, а это, наоборот, очень точное изображение обстоятельств, которых не было, ибо вы видели: Лисунов сидел под стражей.

Что касается, наконец, третьего защитника, г. Карабчевского [5], то я только должен сказать, что картина, нарисованная г. Карабчевским, – это одно, а обстоятельства дела и факты – совершенно другое. И уже тут с фактами не церемонились; например, было сказано так, что Андрюша, по-видимому, был у Чеберяковых 11 марта, прямого утверждения не было сделано, а так было пущено нечто вроде подозрения. А что же показывает Наталья Ющинская [6], которую пять минут тому назад г<осподин> защитник назвал святой женщиной?.. Из показаний Натальи Ющинской совершенно ясно видно, что Андрюша 11 марта не мог быть у Чеберяковой.

Или дальше, по поводу этого слуха... что Андрюша мог обкрадывать Софийский собор, защитник г. Карабчевский говорит: «Что же, Андрюша был до известной степени уличный мальчик и возможно было легкое выпытывание, не пойдет ли он в собор». Он учился в Софийском училище, так не пойдет ли он в собор. Да, г<оспода> присяжные заседатели, надо говорить все-таки по обстоятельствам дела. Какие обстоятельства дают защитнику право говорить такое? Но их не приводят. А вот пять минут назад ссылались на показание Олимпиады Нежинской [7], – оно тогда было нужно... А Олимпиада Нежинская говорит буквально следующее: Андрюша никогда без позволения на пять минут не выходил [из дома].

Или, например, как г. Карабчевский рисует нам самую картину этого убийства... Убийцы бросаются, раздражены, не помнят себя, но все-таки у них хватает хладнокровия и сообразительности настолько, чтобы

подстелить пальто, и вот вся кровь, пять стаканов, – надо же объяснить ее исчезновение, – уходит в пальто. И спрашивается: если пальто было подостлано, было залито кровью, отчего же убийцы, выбрасывая труп в пещеру, не выбросили вместе с трупом и пальто – это совершенно непонятно. Ну, с ковром дело провалилось совершенно. Тогда появился рассказ Дьяконовых о ванне. И когда провалился ковер и провалилась ванна – теперь выдвигается новое – было подостлано пальто, и на пальто вся кровь и утекла. Но вот что тогда. Значит, убийцы думали, как бы все-таки не наделать пятен, как бы эту кровь не разбрызгать, и подстелили пальто, а между тем эксперты категорически говорят, что Андрюшу раздевали, что его начали колоть, когда он был в куртке, а потом куртку сняли. Как же это – заботятся о том, чтобы кровью не брызгать, подстилают пальто, а куртку, которая является отличным предохранителем для того, чтобы кровь особенно не текла на пол и не брызгала на обои – они эту куртку снимают и подстилают одновременно пальто. Нечто совершенно непримиримое и, мне кажется, ни с чем несообразное.

И, наконец, последнее. Защита не скупится на хвалебные отзывы об Андрюше и его родственниках. Хорошо – прекрасный мальчик и святые женщины – и, говоря об этом в начале своей речи, вы посмотрите, какой приговор они хотят из вас исторгнуть. Ведь они хотят исторгнуть от вас такой приговор, которым вы объявите Андрюшу вором и предателем. Ведь так. Ведь если вы отвергнете всякую ритуальность, отвергнете, что убийство это было на заводе, отвергнете, что убивал Бейлис, – после того, что говорила вам защита, окажется что же? Что убивали в квартире Чеберяковой, убивала Чеберякова и те воры, которые с ней были, убивали его, как вора. Да, положим, он краж не совершал, защита так далеко

не идет, но насчет кражи в Софийском соборе его выпытывали, и в этой среде воровской он вращался. Он не был предателем, но его считали предателем и, очевидно, имели основания считать, раз за это предательство даже убили. Вот что вы скажете вашим приговором. Усыпляют ваше внимание, усыпляют тот вывод, к которому хотят вас привести вот этими заявлениями: «святая женщина», «чудный мальчик». Да, Александра Ющинская святая, но не вам, г. Грузенберг, это говорить.

Председательствующий. Г[осподин] поверенный гражданского истца...

Замысловский. Подумайте, г<оспода> присяжные заседатели, какой приговор хотят от вас вырвать. Этот приговор ударит в сердце этой матери не менее больно, чем ударила та швайка, которая пронзила сердце ее сына.

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Под русификацией мы понимаем не только и даже не столько введение русского языка, русских обычаев и культуры на территории Финляндии, но, прежде всего, органическое включение органов управления Финляндии (в т. ч. армии и полиции) в общую систему власти Империи.

[2] Текст формулировки первого вопроса: «Доказано ли, что 12 марта 1911 г. в Киеве, на Лукьяновке, по Верхне-Юрковской улице в одном из помещений кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице и находящегося в заведовании купца Марка Ионова Зайцева, тринадцатилетнему мальчику Андрею Ющинскому при зажатом рте были нанесены колющим орудием на теменной, затылочной, височной областях, а также на шее раны, сопровождавшиеся поранением мозговой вены, артерий левого виска, шейных вен, давшие вследствие этого обильное кровотечение, а затем, когда у Ющинского вытекла кровь в количестве до пяти стаканов, ему были вновь причинены таким же орудием раны в туловище, сопровождавшиеся поранениями легких, печени, правой почки, сердца, в область которого были направлены последние удары, каковые ранения в своей совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания у Ющинского, повлекли за собой почти полное обескровление тела и смерть его?».

ЭКОНОМИКА РОССИИ

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 2. Заседание 26. 03.12.1908. Речь Г. Г. Замысловского о железнодорожном строительстве

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 2. Ч. I. Заседания 1–35 (с 15.10.1908 по 20.12.1908). – СПб., 1908. – Стлб. 2187–2191.

[1] Имеется в виду проходившее на вечернем заседнии Государственной Думы 3 декабря 1908 г. обсуждение и принятие запроса № 10 председателю Совета Министров и министру финансов по поводу неправильного порядка ведения дел по разрешению выпуска гарантированных правительством облигаций частным железным дорогам (доклад комиссии по запросам). См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 2. Ч. I. Заседания 1–35 (с 15.10.1908 по 20.12.1908). – СПб., 1908. – Стлб. 2185–2201.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 70. 12.03.1910. Речь Г. Г. Замысловского о расходах по Министерству торговли и промышленности

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия 3. Ч. III. Заседания 65–94 (с 08.03.1910 по 09.04.1910). – СПб., 1910. – Стлб. 484–492.

[1] С трибуны Государственной Думы В. М. Пуришкевич, Г. Г. Замысловский и другие правые депутаты заявляли о революционном засилье, царящем в Горном институте среди студентов и профессорско-преподавательского состава при покровительстве директора учебного заведения Е. С. Федорова. Этот факт послужил поводом к увольнению Е. С. Федорова с поста директора. Кроме того, Пуришкевич в 1909 г. обвинил левых студентов в финансовых махинациях, а они, используя свои связи в суде и адвокатуре, привлекли Пуриш-

кевича к суду. Его защищали П. Ф. Булацель и Г. Г. Замысловский, в итоге Петербургский окружной суд 29 ноября 1909 г. оправдал Пуришкевича.

[2] Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – земский, общественный, политический и государственный деятель. Избирался депутатом Государственной Думы второго (от Воронежа), третьего (от Воронежской губернии) и четвертого (от Петербурга) созывов, был главным специалистом и оратором кадетской фракции по финансовым вопросам (занялся этими проблемами в условиях дефицита экспертов-экономистов среди депутатов-кадетов в III Думе).

[3] Степанов Василий Александрович (1871 или 1873–1920) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов. Из дворян. Окончил Первую Тифлисскую гимназию. Учился в С.-Петербургском университете. Конституционный демократ.

[4] Кузнецов Георгий Сергеевич (1881 – после 1918 г.) – депутат III Государственной Думы. Социал-демократ (меньшевик). Крестьянин дер. Зимовьево Кромского у. Орловской губ. Окончил трехклассную сельскую школу. Рабочий, слесарь нижнеднепровских мастерских. Сидел 4 г. и 2 мес. в тюрьме по политическим делам (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912 / Сост. М. М. Боиович. – М., 1913. – С. 97).

[5] Володимеров Святослав Александрович [1868–1917 (или 1919)] – депутат III Государственной Думы (фракция правых). Член Главного Совета Союза Русского Народа. Сторонник «обновленцев» во главе с Н. Е. Марковым. Орловский уездный предводитель дворянства. Окончил курс лицея Цесаревича Николая в Москве. Учредитель Союза законности и порядка. Руководитель консервативной газеты «Орловская речь». Издатель правой газеты «Земщина» (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912 / Сост. М. М. Боиович. – М., 1913. – С. 214).

[6] С 31 января 1908 г. по 13 января 1909 г. должность министра исправлял Иван Павлович Шипов [1865–1919(?)]. Ранее, в 1905–1906 гг., он являлся министром финансов, а впо-

следствии, в 1914–1917 гг., был управляющим Государственным Банком России.

[7] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель, монархист, основатель и фактический руководитель Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, к 1916 г. фактически перешел на позиции, враждебные русской монархической государственности. В декабре 1916 г. участвовал в убийстве Г. Е. Распутина. Принимал участие в Белом движении. Скончался в Новороссийске от тифа.

[8] Коновалов Александр Иванович (17.09.1875, Москва – 28.01.1949, Париж) – крупный российский предприниматель, общественный и политический деятель. По убеждениям центрист, либерал. Член IV Государственной Думы (1912–1917). Один из основателей либеральной газеты «Утро России», а также прогрессивного блока в Государственной Думе, требовавшего фактического ограничения власти Царя. Министр торговли и промышленности Временного правительства (1917). Впоследствии в эмиграции – влиятельная фигура Русского Зарубежья.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 56. 30.01.1912. Речь Г. Г. Замысловского о купцах-евреях Киева

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия 5. Ч. II. Заседания 42–83 (с 10.01.1912 по 03.03.1912). Заседание 56. – СПб., 1912. – Стлб. 1103, 1115–1122.

[1] О Ф. Ф. Тимошкине см. примечание к Речи Г. Г. Замысловского о комплектовании Императорской армии и флота (по вопросу о контингенте новобранцев) от 25 апреля 1908 г.

[2] Лучицкий Иван Васильевич (1845–1918) – историк, депутат Государственной Думы третьего созыва от Киевской губ. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. Преподавал русский язык и географию в одной из киевских прогимназий. В 1871 г., получив степень магистра всеобщей истории, более двух лет работал во Франции, Италии

и Германии над собиранием архивного материала для докторской диссертации. В 1877 г. защитил докторскую диссертацию. С 1877 по 1901 г. преподавал историю в Киевском университете, заслуженный профессор. В 1879–1889 гг. и в 1904–1905 гг. преподавал на Киевских высших женских курсах. Состоял гласным Киевской городской думы; был земским гласным в Полтавской губ. и почетным мировым судьей Золотоношского у. С 1905 г. в течение нескольких лет редактировал газеты «Киевские отклики» и «Свобода и Право». Участвовал в земских съездах; был членом бюро Академического союза. Один из основателей конституционно-демократической партии, в которой был членом центрального и киевского комитетов. Работал в обществе автономистов-федералистов. Избранный в члены III Государственной Думы, переселился в Петербург; с 1908 г. преподавал на Высших женских курсах, в Психоневрологическом институте, на курсах Лесгафта. Член-корреспондент Академии наук. Пользовался известностью как историк не только в России, но и за границей, особенно во Франции, благодаря изданным им на французском языке работам и документам.

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 1. Заседание 46. 14.05.1913. Речь Г. Г. Замысловского о бюджете на 1913 год

Источник: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913 г. Ч. II. Заседания 31–54 (с 22.03.1913 по 24.05.1913). – СПб., 1913. – Стлб. 1275–1293.

[1] Поляков Лазарь Соломонович (1842, Орша – 1914, Париж) – банкир, еврейский общественный деятель, предполагаемый отец балерины Анны Павловой.

[2] Коковцов (Коковцев) Владимир Николаевич (1853–1943) – служил в Министерстве юстиции (1873–1890) и Государственной канцелярии (1890–1896); товарищ министра финансов (1896–1902); государственный секретарь (1902–1904); министр финансов (1904–1914); председатель Совета Министров (11.09.1911 – 30.01.1914); член II Департамента Государственного Совета (1905), его председатель (1915); с 1918 г. – в эмиграции.

[3] Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, российский государственный деятель, министр финансов России (1892–1903), председатель Комитета министров, председатель Совета Министров Российской Империи (1905–1906).

[4] Ростовцев Николай Александрович (1871–1923) – депутат IV Государственной Думы. Октябрист. Купец г. Ельца и директор Елецкого городского общественного банка. Окончил Елецкую гимназию и юридический факультет Московского университета. Товарищ и председатель Елецкого биржевого комитета (с 1902 г.). Гласный Орловского губернского земства. Член порайонного комитета. Участник съездов биржевой торговли и торгово-промышленных (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912–1917 / Сост. М. М. Боиович. – М., 1913. – С. 219).

[5] Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – активный общественный и государственный деятель. Член Государственной Думы. Кадет. В начале войны был избран председателем Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. После февраля 1917 г. глава первых двух кабинетов Временного правительства. После октября 1917 г. – в эмиграции.

[6] Марков (Марков-второй) Николай Евгеньевич (1866–1945) – политический и общественный деятель, один из лидеров правомонархического движения, председатель Главного Совета Союза Русского Народа (СРН) (так называемого «обновленческого»), лидер фракции правых Государственной Думы третьего и четвертого созывов. Скончался в эмиграции, в Германии.

[7] Алексеенко Михаил Мартынович (05.02.1847, Екатеринослав – 18.02.1917) – юрист, профессор финансового права, общественный деятель. Член III Государственной Думы. Активный член партии Союз 17 октября.

[8] Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – выдающийся государственный деятель, действительный статский советник, гофмейстер Высочайшего Двора, министр внутренних дел с апреля 1906 г. С 8 июля 1906 г. и до кончины – председатель Совета Министров. Убит террористом Богровым в киевском театре.

[9] Притча о мытаре и фарисее – одна из известных притч Иисуса Христа, упоминаемая в Евангелии от Луки. Она рассказывает о важности искреннего покаяния и обличает гордыню. «Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: “Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю”. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: “Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!” Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:9–14).

[10] Керенский Александр Федорович (1881, Симбирск – 1970, Нью-Йорк) – политический и государственный деятель левого направления, революционер. Масон. Ярый русофоб, один из главных организаторов февральского переворота 1917 г. Из дворян. В 1904 г. закончил юридический факультет С.-Петербургского университета. В 1905–1906 гг. находился под арестом за хранение листовок революционного содержания. Присяжный поверенный, участвовал в политических процессах в качестве защитника членов партии «Дашнакцутюн», депутатов-большевиков. С 1912 г. – один из руководителей российского масонства, в 1915–1916 гг. – секретарь крупнейшей российской масонской ложи «Великого Востока народов России». В 1912–1917 гг. – депутат IV Государственной Думы, лидер фракции трудовиков (фракция лево-либерального направления, стоявшая в политическом спектре чуть правее эсеров). Во время февральского переворота участвовал в работе захватившего власть в стране Временного комитета Государственной Думы. С марта 1917 г. – эсер. Товарищ председателя самопровозглашенного революционного Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов от партии эсеров. В 1917 г. в захватившем в России власть Временном правительстве последовательно занимал посты министра юстиции (март–апрель), военного и морского министра (май–июнь), министра-председателя и военного и морского ми-

нистра (июль–август). Член Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Советов рабочих и солдатских депутатов – органа революционной власти. В сентябре–октябре 1917 г. совмещал посты министра-председателя Временного правительства и Верховного главнокомандующего. После октябрьского переворота пытался организовать вооруженное сопротивление большевикам. С 1918 г. – в эмиграции в Великобритании, Германии, Франции. В 1927–1932 гг. в Берлине и Париже редактировал газету «Дни». В 1936 – 1940 гг. – редактор журнала «Новая Россия». С 1940 г. – в США. В 1950–1960-х гг. работал в Стенфордском университете, в Гуверовском институте войны, революции и мира.

[11] Ленский расстрел – трагические события 17 (4) апреля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, расположенных в районе г. Бодайбо на реках Витим и Олекме. В результате забастовки и организованной революционерами провокации, которая привела к последующему расстрелу рабочих правительственными войсками, пострадали, по разным оценкам, от 250 до 500 человек, в том числе 107–270 человек погибли.

АРМИЯ И ФЛОТ

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 24. 29.01.1908. Речь Г. Г. Замысловского о государственной обороне

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 г. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 01.11.1907 по 19.02.1908). – СПб., 1908. – Стлб. 1525–1527.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 53. 25.04.1908. Речь Г. Г. Замысловского о комплектовании Императорской армии и флота

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 1. Ч. II. Заседание 31. – СПб., 1908. – Стлб. 2112–2123. См. также: Речь депутата Г. Г. За-

мысловского, произнесенная в заседании Государственной Думы 25 апреля 1908 г. по вопросу о контингенте новобранцев. – СПб., 1908.

[1] Тимошкин Федор Федорович (1872 – ?) – деятель монархического движения, депутат III Государственной Думы от Закавказья. Крестьянин, окончил курс сельской земской школы, занялся торговлей, заведовал стекольным складом в Тифлисе. В 1905 г. был одним из учредителей Русского Патриотического общества в Тифлисе; почетный член и товарищ председателя Общества. Депутат III Государственной Думы от русского населения Закавказья. Участвовал в деятельности Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. В 1908 г. – кандидат, с 3 ноября 1909 г. – член Главного Совета Союза Русского Народа. Во время раскола Союза поддержал А. И. Дубровина, в декабре 1911 г. вышел из состава ревизионной комиссии Союза Русского Народа, Главного Совета и из числа учредителей Союза. В 1912 г. вернулся в Тифлис; впоследствии возглавил Русское Патриотическое общество.

[2] Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг. между Российской Империей и Османской империей (Турцией). Была вызвана подъемом национального самосознания на Балканах. Жестокость, с которой было подавлено Апрельское восстание в Болгарии, вызвала сочувствие к положению христиан Османской империи в Европе и особенно в России. Попытки мирными средствами улучшить положение христиан были сорваны упорным нежеланием турок идти на уступки Европе, и в апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну. В ходе последовавших боевых действий русской армии удалось, используя пассивность турок, провести успешное форсирование Дуная, захватить Шипкинский перевал и после пятимесячной осады принудить лучшую турецкую армию Осман-паши к капитуляции в Плевне. Последовавший рейд через Балканы, в ходе которого русская армия разбила последние турецкие части, заслонявшие дорогу на Константинополь, привел к выходу Османской империи из войны. На состоявшемся летом 1878 г. Берлинском конгрессе был подписан Берлинский трактат, зафиксировавший возврат России южной части Бессарабии и присоединение Карса, Ардагана и Батума. Восстанавливалась

государственность Болгарии (завоевана Османской империей в 1396 г.) как вассальное Княжество Болгария; увеличивались территории Сербии, Черногории и Румынии, а турецкая Босния и Герцеговина оккупировалась Австро-Венгрией.

[3] Мартынов Евгений Иванович (22.09.1864, Свеаборг – 11.12.1937, Москва) – русский и советский генерал, историк. Во время Русско-японской войны командовал 140-м Зарайским полком. За боевые отличия Мартынов был произведен в генерал-майоры и награжден Золотым Георгиевским оружием и орденами святого Георгия IV степени (за бой при Ляндясане), святого Владимира III степени с мечами и святого Станислава 1 степени с мечами. В 1905 г. Мартынов был назначен начальником штаба III Сибирского армейского корпуса, в 1906–1908 гг. состоял при главном штабе, в апреле 1908 г. назначен начальником 1-й стрелковой бригады. 7 декабря 1910 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником Заамурского округа пограничной стражи. Автор трудов: «Стратегия в эпоху Наполеона и в наше время». – СПб., 1894; «Методическая стратегия и ее критика (ответ автору статьи “Претенциозное краснобайство”)». – СПб., 1894, в которой критиковалась «Стратегия в эпоху Наполеона»; «Лейб-гвардии Егерский полк в войну с Турцией 1877–78 гг.»; «К 20-й годовщине боя под Телишем»; «Обязанности политики по отношению к стратегии». – СПб., 1899; «Исторический очерк развития древнегреческой тактики (по древним авторам)». – СПб., 1900; «Как возникла Плевна (по архивным материалам)»; «Блокада Плевны (по архивным материалам) »; «Из печального опыта Русско-японской войны». – СПб., 1906; «Участие зарайцев в бою при Ляндясане и в сражении при реке Шахе». – СПб., 1908; «Дневник полкового командира (1904–1905 гг.)»; «Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Записки очевидца». – М. 1913; «Царская армия в февральском перевороте». – Л., 1927; «Корнилов (Попытка военного переворота)». – Л., 1927.

[4] «Русь» – большая ежедневная газета либерального направления, выходившая в Петербурге до 1908 г. Во время революции 1905 г. отражала интересы либеральной буржуазии. Ее редактором-издателем был А. А. Суворин. В 1908 г. газета стала выходить под названием «Новая Русь».

[5] «Молва» – ежедневная общественно-литературная газета либерального направления, выходившая в С.-Петербурге с 5 декабря 1905 г. по 16 января 1906 г. взамен приостановленной за напечатание рабочего манифеста газеты «Русь»; редактор А. В. Зенгер, издатель Ф. И. Романовская.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 75. 29.05.1908. Речь Г. Г. Замысловского по вопросу о бунте арестантов в Екатеринославской тюрьме и об изменении законодательства о судопроизводстве

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 1. Ч. III. Заседание 75. – СПб., 1908. – Стлб. 1729–1731; 1732–1733; 1757–1758.

[1] Речь идет о запросе, который был внесен 67 членами Государственной Думы по поводу взрыва в Екатеринославской тюрьме. Г. Г. Замысловский и другие правые выступали против спешности рассмотрения этого запроса.

[2] Депутат Думы (меньшевик) Г. С. Кузнецов выступил за спешность рассмотрения этого запроса.

[3] Таганцев Николай Степанович (19.02(03.03).1843, Пенза – 22.03.1923, Петроград) – известный русский юрист, криминалист, государственный деятель. С 1887 г. состоял сенатором кассационного департамента Сената, а с 1897 г. – первоприсутствующим в этом департаменте. 1 января 1903 г. получил чин действительного тайного советника. 13 мая того же года назначен членом Комиссии по разработке нового Уголовного уложения при Министерстве юстиции. С 1906 г. – член Государственного Совета. Придерживался либеральных взглядов: выступал защитником на политическом «процессе 193-х» в 1877–1878 гг., по которому проходили более 40 пензенских народников, выступал за отмену смертной казни. Принимал экзамен у Владимира Ульянова (Ленина) в Петербургском университете.

[4] А. Берто – французский криминалист (специалист по уголовному праву).

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 2. Заседание 3.
20.10.1908. Речь Г. Г. Замысловского
о реформе судебной системы

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 2. Ч. I. Заседание 3. – СПб., 1908. – Стлб. 113–116.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 2. Заседание 18.
19.11.1908. Речь Г. Г. Замысловского
о Главном военном суде

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 2. Ч. I. Заседание 18. – СПб., 1908. – Стлб. 1488–1493; 1510–1511; 1514.

[1] Лопухин Алексей Александрович (1864–1928) – государственный деятель Российской Империи. Из дворян, окончил Московский университет, юридический факультет, кандидат правоведения, с 1886 г. служил по судебному ведомству. В 1896 г. поступил на службу в Министерство юстиции, с 1889 г. – прокурор Московского окружного суда, с 9 мая 1902 г. – и. о. директора Департамента полиции; с 6 мая 1903 г. по 4 марта 1905 г. – директор Департамента полиции.

[2] Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937) – князь, общественный и политический деятель Российской Империи конца XIX – начала XX в., масон. С 1902 г. был Тамбовским вице-губернатором. Был близок к философу Б. Н. Чичерину и местным левым земцам. 6 июня 1903 г. после Кишиневского погрома был назначен губернатором Бессарабии (Кишиневским) по рекомендации В. К. Плеве. В 1906 г. избран депутатом Государственной Думы от Калужской губ. и активно участвовал в работе Думы вплоть до ее роспуска.

[3] Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – депутат Государственной Думы второго, третьего и четвертого созывов от кадетской партии. С 1906 г. – член ЦК партии кадетов. С 1914 г. активно работал во Всероссийском земском союзе. Член прогрессивного блока. В феврале 1917 г.– комиссар Временного комитета Государственной Думы в Министерстве юстиции.

[4] Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, профессор Московского университета; основатель Союза освобождения; масон; председатель Союза союзов (1905); основатель и бессменный лидер кадетской партии; член Государственной Думы третьего и четвертого созывов; министр иностранных дел Временного правительства (март – апрель 1917 г.); эмигрировал.

[5] Шебеко Константин Михайлович – подполковник, в 1908–1909 гг. временно исполнял обязанности начальника Кубанского областного жандармского управления.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 2. Заседание 32.
15.12.1908. Речь Г. Г. Замысловского
о железнодорожной полиции и по Положению
об усиленной чрезвычайной охране

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 2. Ч. I. Заседание 32. – СПб., 1908. – Стлб. 2785–2788; 2813–2816.

[1] Розанов Николай Сергеевич (1870–?) – депутат Государственной Думы. Беспартийный (левый). Врач г. Царицына. Сын священника. Окончил Саратовскую духовную семинарию (1894 г.) и Медицинский факультет Московского университета (1899 г.). В 1905 г. арестован за организацию митингов. После троекратного разбора дела в судебной палате был оправдан. Служил земским и городским врачом (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912 / Сост. М. М. Боиович. – М., 1913. – С. 306).

[2] Гершельман Сергей Константинович (26.06.1854–17.11.1910, Вильно) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, Московский градоначальник, генерал-губернатор. Из потомственных дворян С.-Петербургской губ., православного вероисповедания. Происходил из тюрингского дворянского рода Хершельманн. Сын генерал-адъютанта Константина Ивановича Гершельмана, брат генерала от кавалерии Гершельмана Федора Константиновича. Окончил Пажеский корпус (1872 г., лучший в выпуске, записан на мраморную доску), затем окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1881). Пра-

порщик лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригады (1872), штабс-капитан (1877). Участник Русско-турецкой войны (в Плевненском отряде, затем в Западном отряде генерала И. В. Гурко). Участвовал в боях под Горным Дубняком, Теплишем, в наступлениях на Филиппополь, Адрианополь (где был ранен и контужен), Сан-Стефано. Командир 93-го Иркутского пехотного полка, затем начальник 9-й пехотной дивизии, начальник 2-го армейского корпуса, начальник штаба Сибирского военного округа. Генерал-майор (1898), генерал-лейтенант (1904). Участник Русско-японской войны в должности командира дивизии, отличился под Мукденом. Командующий 10-м армейским корпусом (1905), командующий войсками Московского военного округа (с 15 января 1906 г.). Московский генерал-губернатор (с 5 июля 1906 г.). Во время смуты 1905–1907 гг. активно поддерживал черносотенцев, способствовал возникновению монархических организаций среди рабочих. 21 ноября 1907 г. пережил покушение эсерки Севастьяновой. Командующий Виленским военным округом (17 марта 1909 г.). Генерал от инфантерии (1910). Похоронен в Александро-Невской лавре (С.-Петербург).

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 7.
24.10.1909. Речь Г. Г. Замысловского по поводу уголовного законодательства

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909. Сессия 3. Ч. I. Заседание 7. – СПб., 1910. – Стлб. 692–707.

[1] Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – экономист, политический деятель, приват-доцент Московского университета, один из основателей кадетской (конституционно-демократической) партии, депутат I Государственной Думы, в своих выступлениях одобрял аграрные беспорядки, был убит на даче в Териоках (Финляндия; ныне – Зеленогорск под Петербургом) при загадочных обстоятельствах. В I Думе Герценштейн стал председателем первой (главной) подкомиссии аграрной комиссии и членом финансовой и бюджетной комиссий, а также комиссии об ассигновании средств на продовольственную помощь населению. Отражая и позицию кадетов, и

свое личное убеждение по аграрному вопросу, в Думе Герценштейн призывал к принудительному изъятию земельной собственности у частных владельцев. Правительство объявило этот вариант решения земельной проблемы неприемлемым, и 18(31) мая 1906 г. Герценштейн огласил с думской трибуны свои возражения. В заключение своей первой речи в Думе он остановился на проблеме, затронутой предшествующим оратором, профессором Л. А. Петражицким, – речь шла об опасениях за будущее культуры в случае превращения России в страну исключительно крестьянского хозяйства. На следующий день, 19 мая (1 июня), кадеты и другие его единомышленники в Думе, в том числе представители крестьян, попросили Герценштейна дать ответ главноуправляющему землеустройством и земледелием А. С. Стишинскому и товарищу министра внутренних дел В. И. Гурко. Эта его речь носила более яркий полемический характер, чем первая: «Принудительное отчуждение вводится в интересах государственной пользы, а это предусмотрено нашими основными законами. Чего же вы теперь ожидаете? Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний?! Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губ. чуть ли не в один день погибли 150 усадеб?!» (Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия I. Заседание 12. Т. 1. – СПб., 1906. – С. 524). Такое заявление либерального деятеля еврейского происхождения было справедливо истолковано правыми как подстрекательство к продолжению поджогов усадеб помещиков, которые осуществлялись крестьянами в годы революционной смуты.

[2] Аджемов Моисей Сергеевич (25.01.1878–1950) – армянин, присяжный поверенный, учился в Нахичеванской духовной семинарии, Ростовской гимназии и Лазаревском институте восточных языков. Окончил медицинский факультет Московского университета со званием врача (1903). Выдержал экстерном экзамен по юридическому факультету с дипломом первой степени. Оставлен при университете при кафедре уголовного права. В качестве врача принимал участие в Русско-японской войне. Печатался в «Вестнике права» и в газетах. Член Государственной Думы второго, третьего и четвертого созывов. Конституционный демократ. После 1917 г. – в эмиграции, жил во Франции.

[3] Союз Русского Народа (СРН) – крупнейшая правомонархическая (черносотенная), православно-консервативная общественно-политическая организация, действовавшая в Российской Империи с 1905 по 1917 г. Создана в разгар революционной смуты 8(21) ноября 1905 г. В период расцвета организации численность ее рядов достигала 400 тыс. чел., сочувствующих же, по данным О. А. Платонова, – до 2 млн. чел. В 1910–1912 гг. произошел раскол СРН на Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа (ВДСРН) по главе с первым председателем Главного Совета СРН А. И. Дубровиным и на так называемый «обновленческий» СРН во главе с депутатом Думы Н. Е. Марковым. Раскол в рядах организации губительно сказался на ее численности и политическом значении. Попытки объединения монархических сил, предпринимавшиеся в 1915–1916 гг., оказались запоздалыми. После февраля 1917 г. оба Союза Русского Народа оказались под запретом. Многие из лидеров черносотенцев пали жертвами красного террора в годы Гражданской войны.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 12.
02.11.1909. Речь Г. Г. Замысловского о судебной реформе

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909. Сессия 3. Ч. I. Заседание 12. – СПб., 1910. – Стлб. 1162–1178.

[1] Челышев Михаил Дмитриевич (Челышов; 1866–1915) – депутат Государственной Думы Российской Империи третьего созыва (1907–1912), октябрист. Был известен как решительный противник потребления спиртных напитков и винокурения, выступал на эту тему в Государственной Думе с яркими речами, входил в состав думской противоалкогольной комиссии.

[2] Закон о Западном земстве – принятый в 1911 г. закон о создании земств (органов местного самоуправления) в западных губерниях – Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской. Русское (малорусское и белорусское) население этих губерний, в течение нескольких веков находившихся под польским владычеством, подвергалось дискриминации со стороны польских землевладельцев, которые

владели большею частью земли, составляя лишь несколько процентов населения. Если бы земства в этих губерниях были созданы согласно общероссийскому законодательству, то бóльшая часть мест в них досталась бы курии землевладельцев, т. е. полякам. Чтобы этого не произошло, Столыпин предложил снизить избирательный ценз в западных земствах вдвое против общерусского и создать курии по национальному признаку. Этот законопроект был поддержан Царем и Государственной Думой, но Государственный Совет отклонил его. В ответ на отказ Государственного Совета поддержать законопроект П. А. Столыпин подал прошение об отставке. Этот шаг вызвал неудовольствие Императора. Однако он не только не принял отставки (не без влияния всецело покровительствовавшей Столыпину вдовствующей Императрицы Марии Федоровны), но и был вынужден согласиться с условиями премьера: отправить в длительный отпуск П. Н. Дурново, В. Ф. Трепова, которые выступали против столыпинской политики. В апреле 1911 г. путем использования исключительной процедуры закон все-таки был принят правительством.

[3] Судебные уставы Александра II – составная часть судебной реформы, проводившейся в годы правления этого Императора. В соответствии с Судебными уставами 20 ноября 1864 г. устанавливались следующие либеральные принципы судоустройства и судопроизводства: осуществление правосудия только судом, независимость судов и судей, отделение судебной власти от обвинительной (ст. 3 Устава уголовного судопроизводства), несменяемость судей, бессословность суда (равенство всех перед судом), гласность судопроизводства, состязательность, самостоятельность судей, устность судопроизводства.

[4] Имеется в виду Шечков Георгий Алексеевич (1856–1920) – юрист, политический и общественный деятель, член правой фракции Государственной Думы третьего и четвертого созывов, публицист, активный участник правомонархического движения.

[5] Имеется в виду Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – известный русский государственный деятель, товарищ прокурора Петербургского окружного суда (1887); товарищ обер-прокурора (1897); затем обер-прокурор (1903) уголовного

кассационного департамента Сената; директор департамента (1905). Щегловитов был назначен министром юстиции 24 апреля 1906 г., занимал эту должность до 1915 г. С 1 января 1907 г. – член Государственного Совета с оставлением в должности министра. Сенатор (1911), Председатель Государственного Совета (1916). Арестован в феврале 1917 г. Публично расстрелян как заложник в ходе красного террора большевиками 5 сентября 1918 г. вместе с другими бывшими государственными деятелями Российской Империи.

[6] Беранже Рене – французский политический деятель, родился в 1830 г. Избранный в 1871 г. в национальное собрание, Беранже принадлежал здесь к левому центру. В 1873 г. был несколько дней (с 19 по 24 мая) министром публичных работ. С 1876 г. состоял сенатором и также примыкал к левому центру.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 17.
13.11.1909. Доклад Г. Г. Замысловского
о неприкосновенности личности

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909. Сессия 3. Ч. I. Заседание 17. – СПб., 1910. – Стлб. 1860–1866.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 18.
16.11.1909. Доклад Г. Г. Замысловского
о неприкосновенности личности

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909. Сессия 3. Ч. I. Заседание 18. – СПб., 1910. – Стлб. 1937–1946.

Продолжение обсуждения законопроекта о неприкосновенности личности. [*Г. Г. Замысловский – докладчик комиссии о неприкосновенности личности*]

[1] Покушение на министра юстиции И. Г. Щегловитова готовилось в 1908 г.

[2] Соколов Василий Семенович (1845–1912) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего созыва от Костромской губ. Окончил Московский универси-

тет со степенью кандидата прав. Был присяжным поверенным округа Московской судебной палаты. Председатель Костромской уездной земской управы. Избран депутатом III Государственной Думы от Костромской губ. С октября 1909 г. по октябрь 1910 г. – старший товарищ секретаря Государственной Думы.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 20.
20.11.1909. Доклад Г. Г. Замысловского
о неприкосновенности личности

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909. Сессия 3. Ч. I. Заседание 20. – СПб., 1910. – Стлб. 2187–2198; 2215–2216.

Окончание обсуждения законопроекта о неприкосновенности личности [*Г. Г. Замысловский – докладчик комиссии о неприкосновенности личности*]

[1] Тенишев Вячеслав Вячеславович (1878, Петербург – 1959, Франция) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего созыва от Орловской губ. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. По окончании университета уехал в Брянск, возглавлял уездное, по воинским повинностям, присутствие. Вскоре был избран предводителем дворянства Брянского у. Орловской губ. В 1905 г. после смерти отца (князя В. Н. Тенишева, основателя Этнографического бюро) обрабатывал этнографические материалы, собранные отцом, продолжал его исследования. В 1907 г. вышла его первая книга по этнографии. Вел активную общественную жизнь. Вместе с группой состоятельных людей организовал открытие частной мужской гимназии, вел работу по улучшению строительства дорог и переправ через р. Десну. Во время подготовки к выборам во II Государственную Думу избирался выборщиком Орловского губернского собрания. Во время Первой мировой войны с 23 октября 1914 г. – уполномоченный Красного Креста Брянского окружного эвакуационного пункта раненых воинов. Вместе с Брянским земством организовал шесть лазаретов в Брянске на 600 мест. После 1917 г. – в эмиграции.

[2] Антонов Николай Иванович (1859–1938) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы

третьего и четвертого созывов от Харьковской губ. Из дворян, землевладелец Изюмского у. Харьковской губ. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. С 1882 г. служил по судебному ведомству, с 1904 г. – товарищ прокурора Киевской судебной палаты. В 1906–1907 гг. – начальник 1-го уголовного отделения Департамента Министерства юстиции. Действительный статский советник. Избирался в Государственную Думу третьего и четвертого созывов от Харьковской губ., октябрист. С ноября 1912 г. – председатель фракции октябристов, после ее раскола вошел во фракцию земцев-октябристов. 27 марта 1917 г. Временным комитетом Государственной Думы назначен комиссаром складов-поездов Императрицы Александры Федоровны и вдовствующей Императрицы Марии Федоровны; 29 марта – комиссаром по Романовскому комитету. Председатель комиссии Красного Креста. После Гражданской войны – в эмиграции. Скончался в русском госпитале в Панчево (Югославия).

[3] Макаров Александр Александрович (1857–1919) – русский государственный деятель. Государственный секретарь (1909–1911), министр внутренних дел (1911–1912) и министр юстиции (1916) Российской Империи. Действительный тайный советник (1917).

[4] Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – юрист, общественный и политический деятель либерального направления.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 81.
26.03.1910. Речь Г. Г. Замысловского о судопроизводстве в местном суде, о необходимости сохранения присяги только на русском языке

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия 3. Ч. III. Заседание 81. – СПб., 1910. – Стлб. 1816–1822; 1828–1829.

[1] Союз 17 октября (октябристы) – право-либеральная политическая партия чиновников, помещиков и крупной торговой промышленной буржуазии России, существовавшая в 1905–1917 гг. Партия представляла правое крыло российско-

го либерализма, придерживаясь умеренно-конституционных взглядов. Название партии восходит к Манифесту, изданному Императором Николаем II 17 октября 1905 г.

[2] Фракция националистов – группа депутатов Государственной Думы третьего и четвертого созывов, объединенных великодержавной и монархической платформой. Состав: крупнейшие землевладельцы, церковные деятели, интеллигенция и крестьянские депутаты от западных губерний России. Председатель – П. Н. Балашов, лидеры – В. А. Бобринский, В. В. Шульгин, епископы Евлогий, Митрофан и др. Печатный орган – газета «Окраины России». Фракция выдвинула лозунг «Россия – для русских», требовала обеспечить господство Православной Церкви, выдвигала панславистские идеи. В политическом спектре националисты стояли чуть левее черносотенцев (правых и крайне правых), в годы премьерства П. А. Столыпина поддерживали его политику.

[3] Мацеевич Станислав Гилярьевич, священник (1869–1940) – депутат Государственной Думы <третьего и четвертого созывов> от польско-литовской группы. Поляк. Ксендз в костеле св. Екатерины в Вильне. Магистр богословия С.-Петербургской римско-католической духовной академии. Законоучитель в реальном училище и женской гимназии в Вильне. Священствовал в Гродненской губ. Был законоучителем в гимназиях в Бресте и Белостоке (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв 1907–1912 / Сост. М. М. Боиович. – М., 1913. – С. 19; Там же. Четвертый созыв. 1912–1917. – С. 18).

[4] Шубинский (Шубинской) Николай Петрович (1853–1921) – депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов. Октябрист. Из дворянского рода Шубинских. Известный московский присяжный поверенный, юрист и адвокат, крупнейший рысистый конезаводчик. Старший член Московского бегового общества. Окончил юридический факультет Московского университета. Выступал с успехом во многих громких сенсационных процессах. Гласный Тверского губернского и Калязинского уездного земства. Землевладелец Калязинского у. (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912. – С. 348; Там же. Четвертый созыв. 1912–1917. – 1913. – С. 348.)

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 83.
27.03.1910. Речь Г. Г. Замысловского о введении имущественного ценза, ущемляющего интересы крестьянства, в местном суде

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия 3. Ч. III. Заседание 83. – СПб., 1910. – Стлб. 2089–2094.

[1] Скоропадский Георгий Васильевич (1873–1925) – депутат Государственной Думы <третьего и четвертого созывов>. Октябрист. Председатель Сосницкой уездной земской управы. Окончил юридический факультет Киевского университета. Гласный уездного и губернского земств (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912. – С. 395; Там же. Четвертый созыв. 1912–1917. – С. 393).

[2] Польское коло (*Koło Polskie*, польский кружок) – группа польских депутатов в Государственной Думе Российской Империи. Польское коло было одним из наиболее организованных и влиятельных депутатских формирований по национально-территориальному принципу. Депутаты, образовавшие коло, принадлежали к Национально-демократической партии Польши, партии реальной политики, партии прогрессивной политики.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 4. Заседание 85.
21.03.1911. Речь Г. Г. Замысловского по законопроекту об отмене заключений прокурора по некоторым гражданским делам

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 4. Ч. III. Заседания 74–113 (с 07.03. по 13.05.1911). Заседание 85. – СПб., 1911. – Стлб. 1419–1420; 1421–1422; 1423–1425.

[1] Боровиковский Александр Львович (1844–1905) – известный русский юрист, сын малорусского писателя Льва Боровиковского. По окончании курса на юридическом факультете Харьковского университета был оставлен для приготовления к занятию кафедры истории русского права, но в 1868 г. всту-

пил в адвокатуру. Позднее был последовательно товарищем прокурора Петербургского окружного суда, присяжным поверенным в Петербурге, членом Одесской судебной палаты (в это время читал лекции по гражданскому праву и процессу в Новороссийском университете), помощником статс-секретаря Государственного Совета, обер-прокурором Гражданского кассационного департамента и, наконец, сенатором того же департамента. Имя его сделалось символом судьи скорого, правого и милостивого. Он воплотил начала судебной реформы 1864 г. в массе судебных решений и научно-практических статей, затрагивающих наиболее живые вопросы русской судебной практики. Свои судейские идеалы Боровиковский развил подробно в замечательных книжках, изданных под заглавием «Отчет судьи» (три выпуска. – СПб., 1891, 1892 и 1894), особенно в статье «Закон и судейская совесть». Руководящим началом деятельности судьи Боровиковский считал начало справедливости как наиболее надежное и постоянное средство интерпретации закона. «Все законодательные определения о гражданско-правовых отношениях, – говорит Боровиковский, – рассчитаны на добросовестность и правдивость контрагентов... Рядом две сделки, одинаковые по внешним признакам. Обе требуют применения к ним одного и того же закона. Но в одном случае сделка добросовестна и правдива, в другом она лишь замаскированная злонамеренность и ложь. Оставаясь слепым рабом буквы, а не разума закона, судья может попасться в ловушку и, пожалуй, будет даже утешать себя мыслью, что исполнил свой долг «точным применением» закона. Но такой взгляд, очевидно, ошибочен: закон не соблюден, а нарушен, – ибо применен к факту не такому, какой им предусматривается. Напротив, судья добросовестно исполнит закон, оградит его от нарушения, если снимет обманчивую маску, обнаружит волка под овечьей шкурой... Суд не исполнил бы своей истинной задачи, если бы недобросовестность и неправда не боялись его. Именно в возможности оказать защиту обиженному и обманутому – и сделать это в ограждение святости закона – заключается великая привлекательность судейской деятельности, вдохновляющая судью на его тяжелый труд» (Отчет судьи. Т. I. – С. 238–239). Кроме названного сборника Боровиковскому принадлежит ряд ста-

тей по вопросам гражданского права и процесса, напечатанных в старом и новом «Журналах Министерства юстиции», в «Журнале Гражданского и Уголовного права» и др., а также этюд «Женская доля по малороссийским песням» (СПб., 1879). Русская судебная практика обязана Боровиковскому не только разъяснениями ее задач и идеалов, не только образцами высокого судебного творчества; ему принадлежат ценные издания – «Законы гражданские» и «Устав гражданского судопроизводства», представляющие собой последовательное разъяснение основных источников русского гражданского права и процесса по данным кассационной практики. В 70-х и 80-х гг. XIX в. Боровиковский помещал в «Отечественных записках» и других периодических изданиях стихотворения, затрагивавшие вместе с лирическими и гражданские мотивы.

[2] Черницкий Василий Иванович (1851–?) – российский политический деятель, депутат III Государственной Думы от Области войска Донского. Русский. Православный. Потомственный дворянин. Женат, окончил Воронежскую духовную семинарию, затем получил высшее образование (С.-Петербургский университет, юридический факультет), в течение 30 лет занимал должность присяжного поверенного при Таганрогском окружном суде, землевладелец (680 десятин земли), владел домом стоимостью в 25 тыс. руб. Состоял в думской фракции октябристов. В Думе – член IV отдела.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 5. Заседание 6.
24.10.1911. Речь Г. Г. Замысловского
о признании правильности выборов члена
Государственной Думы С. В. Киндякова

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 6. – СПб., 1911. – Стлб. 404, 418–421, 434.

[1] Гримм Константин Николаевич (1858–?) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего созыва от Саратовской губ. Русский, православный. Женат, получил среднее образование (кадетский корпус), являлся

председателем Саратовской губернской земской управы, землевладелец (600 десятин земли). В Думе – октябрист.

[2] Златомрежев Аркадий Алексеевич, священник (1852–1910) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего созыва от Саратовской губ. Русский, православный, священник. Женат, получил среднее образование (окончил духовную семинарию), являлся благочинным (доход составлял 1200 руб. в год). Состоял в правой фракции Государственной Думы.

[3] Люц (Лютц) Людвиг Готлибович (1880–1941) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы второго, третьего и четвертого созывов от Херсонской губ. Личный дворянин. Землевладелец. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. Служил в судебном ведомстве (в 1907 г. – товарищ прокурора Одесского окружного суда). В Думе – октябрист, после раскола фракции октябристов состоял во фракции земцев-октябристов. В 1915 г. особо уполномоченный Красного Креста в 9-й армии. В дни февральского переворота 1917 г. – член Комиссии Временного комитета Государственной Думы по принятию высших военных и гражданских чинов. С апреля 1917 г. – представитель Думы в Особой следственной комиссии для расследования злоупотреблений по военному ведомству.

[4] Киндяков Сергей Васильевич (1855–?) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего созыва от Саратовской губ. Русский, православный, дворянин. Женат, получил высшее образование (Лицей Цесаревича Николая), владел 1800 десятинами земли. В Думе состоял во фракции правых, член X отдела.

[5] Наказ Государственной Думы. Утвержден Государственной Думой 2 июня 1909 г.

[6] Добровольский Анатолий Александрович (1859–1918) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов от Саратовской губ. Русский, православный, дворянин. Получил высшее образование (окончил Институт инженеров путей сообщения), преподаватель С.-Петербургского политехнического института. В Думе состоял в кадетской фракции, являлся членом III отдела.

[7] Положение о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. (Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату от 3 июня 1907 г.): «Утвердив сего числа новое Положение о выборах в Государственную Думу, препровождаем узаконение сие, со всеми к нему приложениями, в Правительствующий Сенат для немедленного обнародования. Правительствующий Сенат не оставит учинить к исполнению сего надлежащее распоряжение. В Петергофе. 3 июля 1907 г.».

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 5. Заседание 26.
19.11.1911. Речь Г. Г. Замысловского о суде присяжных и об уголовном преследовании чиновников путем ложных доносов

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 26. – СПб., 1911. – Стлб. 2257–2261; 2265–2269.

[1] Крупенский Павел Николаевич (1863 – не ранее апреля 1936) – общественный деятель, один из ведущих деятелей правомонархического движения. Из дворян Бессарабской губ., окончил Николаевское кавалерийское училище. Служил в армии, в 34 года вышел в отставку в чине полковника, посвятив себя общественной деятельности. В 1905–1907 гг. организовал партию православно-монархической направленности. Депутат Государственной Думы второго, третьего и четвертого созывов от Бессарабской губ. Один из руководителей Всероссийского национального клуба (1909). В IV Государственной Думе – лидер фракции центра. Входил в прогрессивный блок; в то же время тайно информировал правительство о парламентских настроениях, получал деньги из секретного правительственного фонда. 3 ноября 1916 г. оставил пост лидера фракции и вышел из блока. В марте 1917 г. в связи с разоблачением его тайных связей с низложенным правительством сложил полномочия члена Думы. После Октябрьской революции 1917 г. – в эмиграции.

[2] Тесленко Николай Васильевич (1870, Витебск – 1942, Париж) – политический деятель, депутат Государственной

Думы второго и третьего созывов от партии кадетов. Окончил Витебскую гимназию с медалью и юридический факультет Московского университета. Присяжный поверенный с 1899 г. Участвовал в статистико-экономическом исследовании переселенческого движения в Сибирь. Известный криминалист. Выступал защитником по громким процессам. Председатель Первого Всероссийского съезда адвокатов в 1905 г., организатор Кружка безвозмездной защиты по политическим делам. Товарищ председателя Центрального комитета партии конституционных демократов (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Второй созыв. 1907. – С. 188). После революции 1917 г. – в эмиграции.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 134. 17.05.1912. Речь Г. Г. Замысловского по законопроектам о мировом и волостном судах

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия 5. Ч. IV. Заседание 134. – СПб., 1912. – Стлб. 1672–1680; 1758–1759.

[1] Холмская губерния (польск. *Gubernia chełmska*) – административная единица Российской Империи, в 1918 г. – «Украинской державы» гетмана Скоропадского. Выделена из Люблинской и упраздненной Седлецкой губ. Царства Польского в 1912 г. Состояла из местностей со значительным удельным весом восточных славян (в большинстве – малороссов). Губернский город – Холм.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 99. 01.05.1910. Речь Г. Г. Замысловского о системе среднего образования

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия 3. Ч. IV. Заседание 99. – СПб., 1910. – Стлб. 424–429.

[1] Министр народного просвещения Петр Михайлович Кауфман, занимавший этот пост с 24 апреля 1906 г. по 1 января 1908 г., был заменен Александром Николаевичем Шварцем, который, в свою очередь, пробыл на этом посту до 25 сентября 1910 г.

Кауфман Петр Михайлович, фон (1857–1926) – служил в канцелярии Комитета министров и Министерства внутренних дел; помощник статс-секретаря Государственной канцелярии (1886–1892); секретарь (1892–1896), затем – помощник начальника (1896–1903) IV отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; уполномоченный Красного Креста во время Русско-японской и Первой мировой войн; министр народного просвещения (1906–1908); член Государственного Совета (1908) по назначению.

Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – российский филолог-классик, специалист по античной филологии, министр народного просвещения (1908–1910). На посту министра проводил консервативно-охранительную политику. Покинув пост министра из-за плохого состояния здоровья и из-за нападок со стороны либеральных деятелей, Шварц был произведен в чин действительного тайного советника с оставлением членом Государственного Совета, где входил во внепартийную группу. Преемником Шварца на посту министра народного просвещения стал Л. А. Кассо, также проводивший в целом консервативную политику.

[2] В ночь с 8 на 9 декабря 1909 г. в Петербурге при взрыве на конспиративной квартире погиб начальник Петербургского охранного отделения полковник Сергей Георгиевич Карпов. Взрыв был произведен эсером-боевиком, агентом-провокатором А. А. Петровым. Ранее Петров был арестован с подложными документами на имя некоего Воскресенского, завербован охранкой, выдал товарищей. С личного согласия П. А. Столыпина ему был организован «побег», однако в Париже Петров покаялся перед эсерами и в искупление должен был совершить громкий террористический акт против чинов охранки, что и совершил.

[3] Финляндия (Великое Княжество Финляндское), являясь фактически «государством в государстве» (имела свой парламент, свою местную валюту (марку), до 1901 г. – вооруженные

силы и т. д.), стремилась еще более расширить свою автономию, а П. А. Столыпин, наоборот, настаивал на примате общероссийских законов и дважды распускал финский парламент (сейм). В 1910 г. был принят закон, ограничивший автономию Финляндии и исключивший из сферы финляндского законодательства вопросы налогообложения, воинской повинности, защиты прав русских подданных, проживающих в Финляндии, суд, охрану государственного порядка, уголовное законодательство. Сейм лишился права принимать законы о школьном образовании, охране порядка, печати и др. Готовилась отмена русско-финляндской таможенной границы.

[4] См.: Кавказский запрос в Государственной Думе: Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам. – Тифлис, 1909.

[5] Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920) – правовед, профессор Петербургского университета (1896); редактор журналов «Право» и «Вестник права»; кадет; член II Государственной Думы.

[6] Гредескул Николай Андреевич (1864 – конец 1930-х гг.) – публицист; политический деятель, кадет. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Занимался научно-педагогической деятельностью, профессор Харьковского университета, декан юридического факультета. Участвовал в либеральном движении. Член Союза освобождения (с 1904 г.), член ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906 г.). Депутат I Государственной Думы, товарищ председателя; после ее роспуска подписал Выборгское воззвание, за что отбывал трехмесячное тюремное заключение. После освобождения – профессор Петербургского политехнического института. Сотрудничал в газете «Речь», журналах «Русская мысль», «Вестник партии народной свободы» и др. В 1916 г. из-за разногласий с руководством ЦК вышел из его состава. После Февральской революции – редактор газеты «Русская воля». После октябрьского переворота его взгляды претерпели эволюцию; выступил с идеями, близкими последующему сменовеховству. В 1920–1930-х гг. преподавал в ленинградских вузах и занимался популяризацией материалистического понимания истории.

[7] Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) – революционер-меньшевик. По окончании Московского университета

в 1907 г. получил место помощника присяжного поверенного в округе Кутаисского окружного суда. В октябре того же года был избран от Кутаисской губернии в члены III Государственной Думы, в которой являлся одним из лидеров социал-демократической фракции, выступал на стороне меньшевиков.

[8] Булат Андрей Андреевич (1873–1941) – депутат Государственной Думы второго и третьего созывов, трудовик. Масон. Учился в Мариампольской гимназии. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Служил секретарем при прокуроре окружного суда в Ревеле. Защитник во многих громких политических процессах, например по делу Бунакова-Фундаминского. В октябре 1905 г. сидел в тюрьме, но выпущен под залог в 10 тыс. руб. Обвинялся в организации почтово-телеграфных и железнодорожных забастовок (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912. – С. 415). Расстрелян немцами.

[9] Покровский Иван Петрович (1872–1963) – депутат III Государственной Думы, социал-демократ. Врач. Заведовал городской больницей в Темрюке. Окончил медицинский факультет Казанского университета. Служил в Петербурге, в Мариинской больнице, где в 1902 г. был арестован и после двух лет «сидения» в тюрьме выслан в Восточную Сибирь на поселение. Был врачом на театре военных действий в Маньчжурии (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912. – С. 423).

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 4. Заседание 53.
07.02.1911. Речь Г. Г. Замысловского о высшей школе

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 4. Ч. II. Заседание 53. – СПб., 1911. – Стлб. 1485–1490.

[1] В 1911 г. по всей России вспыхнула общая студенческая забастовка, в результате которой были исключены из университетов несколько тысяч студентов.

[2] Некрасов Николай Виссарионович (01.01.1879, С.-Петербург – 07.05.1940, Москва) – российский политический деятель, инженер. Член Государственной Думы третьего и

четвертого созывов. Министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства (1917 г.). Последний генерал-губернатор Финляндии (сентябрь–ноябрь 1917 г.).

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 4. Заседание 77.
09.03.1911. Речь Г. Г. Замысловского о высшей школе

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 4. Ч. III. Заседание 77. – СПб., 1911. – Стлб. 401–423.

[1] Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864–1926) – политический деятель, один из лидеров меньшевиков. Грузин из с. Пути Шорапанского у. Кутаисской губ. Учился в Кутаисской гимназии, но вышел из VIII класса и поступил вольнослушателем в Одесский университет, где слушал лекции в продолжение одного года. В 1889 г. перешел в Харьковский ветеринарный институт, который покинул вследствие студенческих волнений. Гласный Тифлисской городской думы. Член Государственной Думы третьего и четвертого созывов (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912–1917. – С. 427). 27 февраля 1917 г. в ходе февральского переворота Чхеидзе вошел в состав Временного исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов, был избран его председателем. В тот же день вошел во Временный комитет Государственной Думы. В ночь на 2 марта 1917 г. участвовал в переговорах об образовании Временного правительства, но войти в него министром труда отказался. После Июльской демонстрации выступил против большевиков как зачинщиков и заговорщиков, заявил о полной поддержке Советами Временного правительства. После принятия Петроградским Советом большевистской резолюции «О власти» в знак протеста вместе со всем эсеро-меньшевистским Президиумом Петроградского Совета 6 сентября Чхеидзе сложил свои полномочия. В итоге председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов стал Л. Д. Троцкий (Бронштейн). Вскоре Чхеидзе уехал в Грузию и более в Россию не возвращался. К Октябрьской революции Н. С. Чхеидзе отнесся отрицательно. С 1918 г. – председатель Закавказского сейма и Учредительного собрания

Грузии, член Грузинской партии меньшевиков. В 1919 г. был представителем Грузии на Парижской (Версальской) конференции вместе с И. Г. Церетели. После вступления Красной армии в Грузию в 1921 г. эмигрировал во Францию. Участвовал в работе эмигрантских организаций. Покончил жизнь самоубийством, будучи смертельно больным туберкулезом.

[2] Капустин Михаил Яковлевич (1847–1920) – депутат Государственной Думы второго и третьего созывов, октябрист. Профессор гигиены Казанского университета с 1887 г. Уроженец Западной Сибири. Окончил Томскую гимназию и Петербургскую Медико-хирургическую академию. Около 7 лет нес земско- и военно-медицинскую службу. В Русско-турецкую войну состоял врачом госпиталя на Кавказе. Докторская диссертация «Определение углекислоты в воздухе посредством спиртного раствора едкого натра и титрования водой». Служил в Военно-медицинской академии и в Варшавском университете. Имел более 30 печатных трудов (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Второй созыв. 1907. – С. 107; Там же. Третий созыв. 1907–1912. – С. 106).

[3] «Прямой путь» – журнал политический, экономический и литературный, издавался Главной палатой Русского Народного Союза имени Михаила Архангела (РНСМА), выходил с мая 1909 г. по июль 1914 г. Журнал издавался, главным образом, на личные средства председателя РНСМА В. М. Пуришкевича.

[4] «Земщина» – ежедневная монархическая газета, одно из самых влиятельных и популярных патриотических изданий накануне революции. Начала выходить с 3 июня 1909 г., первым издателем был депутат III Государственной Думы С. А. Володимеров, практически бессменным редактором – известный публицист С. К. Глинка-Янчевский (только в 1912 г. несколько номеров газеты вышло под ред. Н. П. Тихменева). С осени 1915 г. после назначения Володимерова Томским вице-губернатором и прекращения «Вестника Союза Русского Народа» издателем газеты стал Н. Е. Марков, и она превратилась фактически в орган «обновленческого» СРН, хотя формально таковой не была.

[5] Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, профессор Московского университета (1877–1884); один из основателей кадетской партии; являлся председателем I Государственной Думы.

[6] Герасимов Петр Васильевич (1877, Томск – сентябрь 1919, Москва) – российский политический деятель. Член Государственной Думы третьего и четвертого созывов. Выдержал экзамен на аттестат зрелости в Костромской гимназии. В 1898–1900 гг. учился на юридическом факультете Московского университета, был исключен и выслан за участие в студенческих волнениях. Окончил Демидовский лицей в Ярославле (1903). Занимался адвокатской практикой в Костроме, присяжный поверенный. В 1905 г. – издатель газеты «Костромская жизнь», в 1906 г. – редактор газеты «Костромич». Член конституционно-демократической партии (партии народной свободы), товарищ председателя ее костромского отделения. В 1907–1917 гг. – член Государственной Думы от Костромской губ., член комиссии по запросам. Публиковал в провинциальных газетах очерки о думских заседаниях. С начала Первой мировой войны находился на фронте во главе передового врачебно-питательного отряда Всероссийского земского союза. Пробыл на фронте два с половиной года; его отряд считался одним из лучших. После Февральской революции 1917 г. в качестве члена ЦК партии кадетов возглавил ее военную организацию. Стремился затормозить развал армии, противостоять большевистской агитации. Неоднократно посещал части Петроградского гарнизона, одной из своих задач видел восстановление власти офицеров в армии. В августе 1917 г. был сторонником военной диктатуры, считая ее «единственно возможным выходом» из ситуации. В октябре 1917 г. – член Временного совета Российской республики (Предпарламента) от кадетской партии. После прихода к власти большевиков был одним из руководителей петроградского отделения «Национального центра» (организации, объединившей боровшихся против советской власти либеральных политиков), помощником главы антибольшевистского подполья в Петрограде инженера В. И. Штейнингера. Переправлял разведывательную информацию генералу Н. Н. Юденичу, участвовал в отборе кандидатур в правительство, которое планировалось сформировать в городе после его занятия белыми войсками. Находился на нелегальном положении, жил под фамилией Греков. В 1919 г. арестован вместе со Штейнингером. Во время следствия установить его настоящую фамилию не удалось. Расстрелян в Москве как «Петр Васильевич Греков», похоронен на Калитни-

ковском кладбище. Только в 1920 г. на процессе «Тактического центра» была названа его настоящая фамилия.

[7] «Новое время» – крупнейшая консервативная газета, издававшаяся с 1868 г. в Петрограде. Долгое время издателем газеты был А. С. Суворин (до его смерти в 1912 г.), затем газету издавал его сын М. А. Суворин, при нем редакционная политика стала меняться в сторону либерализма. Газета была закрыта сразу после прихода к власти большевиков в 1917 г.

[8] Имеется в виду Александр Иванович Гучков (1862–1936) – предприниматель и политический деятель. Выходец из московской купеческой семьи. В 1886 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1902–1908 гг. был директором Московского учетного банка и в дальнейшем занимался предпринимательской деятельностью. Один из основателей и с 1906 г. председатель ЦК партии октябристов. Масон. В 1907 г. и с 1915 г. являлся членом Государственного Совета. В III Думе возглавлял фракцию октябристов и Комиссию по государственной обороне. С 8 марта 1910 г. по 14 марта 1911 г. – председатель III Думы. 15 марта 1911 г. отказался от этого звания, не желая поддерживать позицию правительства П. А. Столыпина в связи с принятием законопроекта о введении земских учреждений в западных губерниях, поскольку П. А. Столыпин пошел на нарушение «духа» Основных законов, инициировав временный роспуск (12–15 марта 1911 г.) Государственной Думы, чтобы провести нужное ему решение указом Императора (про Закон о западном земстве подробнее см. примечание в настоящей книге к Речи Г. Г. Замысловского о судебной реформе от 02.11.1909). Выборы в IV Думу по Москве А. И. Гучков проиграл. С лета 1915 г. стал одним из лидеров прогрессивного блока. В 1915–1917 гг. – председатель Центрального военно-промышленного комитета. Занимал должность военного и морского министра во Временном правительстве. В 1919 г. эмигрировал.

[9] Гагарин Андрей Григорьевич, князь (03.01.1856–22.12.1920) – действительный статский советник, известный ученый, инженер, механик. Первый директор Императорского Политехнического института (с 1900 г.). Осенью 1906 г. А. Гагарин был вторично единогласно избран на пост директора учебного заведения, однако вскоре в работе института были

выявлены нарушения. В феврале 1907 г. князь Андрей Гагарин был отстранен от занимаемой должности и предан вместе с некоторыми деканами суду. Тем не менее, Совет института поддержал своего директора. Кроме того, тогда же Гагарин был единогласно избран Почетным членом С.-Петербургского политехнического института. Суд, состоявшийся спустя два года, вынес решение, по которому Гагарин приговаривался к увольнению со службы с запрещением в течение 3 лет поступать на государственную и общественную службу. После отстранения с поста директора Гагарин целиком посвятил свое время научной работе. В мае 1913 г. он защитил диссертацию и получил звание адъюнкта прикладной механики. Вследствие этого Гагарин имел право занять профессорскую кафедру, однако предпочел отказаться от работы в институте.

[10] Передольский Владимир Васильевич (1869–1936) – антрополог и этнограф. До революции разделял правоконсервативные взгляды. Родился в семье известного новгородского краеведа, основателя Музея древностей В. С. Передольского. По окончании отделения естественных наук физико-математического факультета С.-Петербургского университета в 1896 г. продолжил образование по кафедрам анатомии и антропологии с этнографией и географией. Преподавал в С.-Петербургском университете. До революции состоял в должности директора гимназии Русского Собрания. С 1918 г. – профессор кафедры антропологии и этнографии эстонского сектора Петроградского коммунистического университета. В 1921 г. Московским государственным ученым советом утвержден в звании профессора антропологии Новгородского института отдела народного образования. Издал более 40 научных работ на русском, французском и немецком языках, в том числе книги «На заре человечества», «Инородцы Сибири», «Антропология, наука о человеке», «По Енисею». Неоднократно подвергался репрессиям и арестам. В 1934 г. арестован как «враг народа» и выслан в Дальлаг, где и скончался.

[11] Одной из важных акций правительства П. А. Столыпина был роспуск 3 июня 1907 г. II Государственной Думы, большинство депутатов которой были против аграрной политики Столыпина. Одновременно с манифестом Императора о роспуске Думы в стране вводился новый избирательный закон, уре-

завший избирательные права низших социальных слоев населения. Так, благодаря Положению о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. резко изменилось соотношение между куриями выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии (1% населения страны получал $^{2}/_{3}$ депутатских мест). Выборы в новую Думу были не всеобщими, не равными и не прямыми. По сути дела, новый избирательный закон явился следствием невозможности проведения монархического реформирования в левой по составу Думе.

[12] «Речь» – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета либерального направления, центральный орган Партии конституционалистов-демократов (кадетов). Выходила с февраля 1906 г. Издатели в разное время: Ю. Б. Бак, Н. К. Милюков, В. Д. Набоков, И. И. Петрункевич. В октябре 1917 г. закрыта большевиками.

[13] Озеров Иван Христофорович (1869–1942) – профессор, финансист, экономист, специалист по городскому планированию. В 1901 г. принял участие в деятельности московского «Общества взаимопомощи рабочих механического производства», созданного по инициативе С. В. Зубатова. Организовал популярные лекции для рабочих в Историческом музее в Москве и составил проект устава Общества. Когда стало известно, что к созданию общества причастно охранное отделение, Озеров не бросил лекций и созвал нечто вроде третейского суда из общественных деятелей, который признал деятельность лекторов полезной. О своем участии в деятельности Общества подробно рассказал в книге «Политика по рабочему вопросу в России за последние годы». Летом 1907 г. Озеров был переведен в Петербургский университет, оставаясь в то же время и преподавателем Московского университета. Читал также лекции в Московском коммерческом институте, на Бестужевских женских курсах в Петербурге, на Высших женских курсах Н. П. Раева в Петербурге и в Педагогической академии. Преподавал финансы и историю хозяйственного быта и экономических учений в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского. Выступал во многих городах России с публичными лекциями. Принимал участие в работе различных правительственных комиссий Министерства финансов, торговли и промышленности. С научно-исследовательскими

целями объезжая Россию (включая буквально медвежьи уголки), знакомясь с реальным производством, банковской деятельностью, Озеров давал предпринимателям, инженерам и бухгалтерам самые разнообразные насущные советы: «Я видел, что там-то надо к головке приделать туловище или хвост». Писчебумажной фабрике он рекомендовал приобрести лесную площадь, чтобы не быть в зависимости от цен на древесину; цементному заводу – построить подъездной путь, чтобы использовать дешевые подмосковные угли; московскому градоначальству – использовать сжигаемый в подмосковных шахтах уголь для освещения и отопления города. С 1909 г. являлся выборным членом Государственного Совета от Академии наук и университетов.

[14] Каменский Петр Валерьевич (1860–?) – депутат III Государственной Думы. Октябрист. Мариупольский уездный предводитель дворянства (с 1889 г.). Окончил Харьковскую гимназию и Харьковский университет (1884 г.). С этого времени состоял земским гласным и мировым судьей. Имел несколько литературных трудов в области философии и социологии. Написал несколько публицистических статей. Считался знатоком школьного дела. Участвовал в международном конгрессе по борьбе с пауперизмом, на котором выступал с докладом (см.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912. – С. 96).

[15] Черта оседлости (полное название – черта постоянной еврейской оседлости) – в Российской Империи с 1791 по 1917 г. (фактически по 1915 г.) – граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям (т. е. иудеям), за исключением нескольких категорий, в которые в разное время входили, например, купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекруты, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам, караимы. Территория черты оседлости была первоначально определена указом Императрицы Екатерины II 1791 г. как территория России, где дозволялось селиться и торговать евреям. Она возникла после Второго раздела Речи Посполитой, когда ее восточные территории вместе с местным еврейским населением отошли к Российской Империи. Черта оседлости охватывала специально оговоренные населенные пункты городского

типа (местечки, поскольку в сельской местности проживание также не дозволялось) значительной части Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Бессарабии, а также части территории современной Украины, соответствующей южным губерниям Российской Империи.

[16] Манифест о роспуске I Государственной Думы был подписан Императором Николаем II 9 июля 1906 г. На следующий день после роспуска Думы 178 бывших депутатов собрались в Выборге и подписали воззвание к народу и иностранным правительствам (автор проекта лидер кадетов П. Н. Милюков в Выборге не присутствовал) с призывом не платить налоги, отказываться от призыва на военную службу, не признавать займы, заключенные правительством. Воззвание не имело никаких особенных последствий. Только через полтора года подписанты воззвания были привлечены к суду, который лишил их права участвовать в выборах в Думу.

[17] Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – историк, писатель, правовед, политический деятель либерального направления. Родился 23 июля 1873 г. в Московской губ. в семье чиновника. Высшее образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета, курс обучения на котором окончил в 1894 г. После окончания учебы был оставлен при университете для подготовки к получению профессорского звания по кафедре всеобщей истории. В 1899 г. началась преподавательская деятельность Котляревского в Императорском Московском университете на должности приват-доцента. За труд «Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв.» (1901) получил степень магистра всеобщей истории, а степень доктора – за сочинение «Ламеннэ и современный католицизм» (1904). Вскоре Котляревский сдал экзамен на юридическом факультете и защитил диссертации на степень магистра («Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора», 1907) и доктора государственного права («Правовое государство и внешняя политика», 1909). С конца 1890-х гг. Котляревский совмещал занятия наукой с общественной деятельностью. С конца 1903 г. активно участвовал в деятельности политических формаций, находившихся в оппозиции к российской самодержавной власти. Котляревский был участником Союза земцев-конституционалистов и Союза осво-

бождения. В 1904 г. участвовал в деятельности кружка «Аргонавты», организованного Андреем Белым. Результатом этой деятельности стал выпуск сочинения «Ламеннэ и современный католицизм» в одном из сборников, выпущенном участниками кружка. В 1905 г. Котляревский был участником земских съездов, одним из учредителей конституционно-демократической партии и членом центрального комитета этой партии. В 1906 г. был избран гласным от Балашовского уездного собрания в I Государственную Думу от Саратовской губ. Кроме того, Котляревский участвовал в деятельности кружка «Беседа», организованного в ноябре 1899 г. в Москве, участвовал в ряде философских и литературных кружков. Одним из таких кружков был кружок, объединявший интересы по истории религии, организованный Сергеем Николаевичем Трубецким, Котляревский был его председателем. С 1906 г. стал масоном. Член-основатель ложи «Возрождение» Великого Востока Франции. С момента ее образования являлся ее оратором. Котляревский отбывал тюремный срок за подписание выборгского воззвания. Много печатался в «Русских ведомостях» по вопросам внутренней и внешней политики, по национальным вопросам.

[18] Лазурский Александр Федорович (31.03.1874, Переяслав, впоследствии Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. – 27.02.1917) – русский врач и психолог. Был сотрудником В. М. Бехтерева, профессором Педагогической академии и Психоневрологического института в С.-Петербурге. Разработал учение о личности и типах характера («характерологию») на основе выделения двух психических сфер: врожденных особенностей, к которым относил темперамент и характер («эндопсихика»), и складывающихся на протяжении жизни, прежде всего, в форме отношений личности к окружающему миру («экзопсихика»). В своей классификации опирался на известные к его времени данные о деятельности нервных центров. Одним из первых начал проводить исследование личности в естественных условиях деятельности испытуемого.

[19] Имеется в виду Линниченко Иван Андреевич (1857, Киев – 09.07.1926, Симферополь) – историк, член-корреспондент С.-Петербургской Императорской академии наук по историко-филологическому отделению с 1913 г., член-корреспондент Краковской академии наук. Родился в Киеве в

семье историка литературы Андрея Ивановича Линниченко. В 1875 г. окончил с серебряной медалью 1-ю Киевскую гимназию и поступил в Киевский университет имени Св. Владимира на историко-филологический факультет. После окончания университета был оставлен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию. В 1884 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Взаимные отношения Руси и Польши». Десять лет спустя Линниченко получил степень доктора за диссертацию «Черты из истории сословий Юго-Западной Руси». В 1884 г. Линниченко получил должность приват-доцента в Новороссийском университете (Одесса), где проработал много лет. Результатом его работы были многочисленные исторические, историографические и краеведческие очерки на актуальные проблемы истории и историографии («Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси», «Критический обзор современной литературы по истории Галицкой Руси», «Архивы в Галиции», «Новые материалы для биографии Гоголя», «Общественная роль армян в прошлом Юго-Западной Руси» и др.). Прекрасно знавший Новороссию и Тавриду, Линниченко внес ощутимый вклад в развитие крымоведения; кроме того, продолжая дело отца, написал ряд работ по истории литературы: «Новые материалы для биографии Гоголя», “Gogoliana”, «Письма Тургенева к Минницкому» и др. Занимаясь различными проблемами истории Малороссии, Линниченко не скрывал, что рассматривал ее как составную часть русской истории, отражая это уже в названиях своих работ. Однако он избегал активно вмешиваться в полемику «сознательных украинцев» и «общерусов» вплоть до Февральской революции и последовавшего за ней всплеска украинского национализма. Линниченко исходил из концепции единства великороссийской и малороссийской истории (как русской), а также культуры. Малорусский (украинский) язык он не отрицал, но рассматривал его как областной язык в едином государстве, подобный провансальскому языку во Франции. Кроме того, он был убежден в германском (австрийском) происхождении украинского национального движения. Весной 1917 г. Линниченко написал полемическую работу под названием «Малорусский вопрос и автономия Малороссии. Открытое письмо к профессору Грушевскому». Во введении

Линниченко отмечал «Я пишу *sine studio*, надеясь на такой же ответ несогласных со мной». Работа представляла собой критический разбор основных положений концепции истории Украины, выдвинутых идеологом «украинства» Михаилом Грушевским, попутно затрагивая связанные с ней идейные установки «украинской партии». Прежде всего, в работе была подвергнута последовательной критике теория Грушевского об изначально различных исторических путях Украины и Великороссии, равно как и само изучение истории Украины отдельно от истории государств, в состав которых она входила, прежде всего, Российской Империи. В отношении лозунга автономии Украины Линниченко оговаривался, что хотя не против автономии как таковой, но считает поспешное провозглашение ее в сложный исторический момент, переживаемый Российским государством, нецелесообразным и вредным для всех его частей, включая Украину. Грушевский не ответил своему оппоненту, даже несмотря на то, что был с ним знаком лично. Уже в годы Гражданской войны Линниченко написал памфлет «Малорусская культура». В этой работе, стиль которой был гораздо более публицистичным и резким, чем в прошлой работе историка на эту же тему, он обвинял идеологов украинского национализма в культе провинциализма и вместе с тем в пренебрежении «всем культурно-ценным, созданным малороссами… если на нем не стоит ярлык “Made in Ukraine”». В советские годы Линниченко был объявлен «великодержавным шовинистом» и его работы не переиздавались.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 5. Заседание 6.
24.10.1911. Речь Г. Г. Замысловского
о забастовке слушательниц С.-Петербургского
женского медицинского института

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.11 по 10.12.1911). Заседание 6. – СПб., 1911. – Стлб. 514–516.

[1] Речь депутата П. В. Каменского от Екатеринославской губ. о П. В. Каменском см. примечание к речи Г. Г. Замысловского о высшей школе 9 марта 1911 г.

[2] Университетский устав 1884 г. 23 августа 1884 г. Император Александр III утвердил новый университетский устав, согласно которому российские университеты потеряли многие свои права, свою автономию. Данный устав действовал до февраля 1917 г., т. е. до свержения в России Самодержавия. Устав четко определил государственную вертикаль власти в области университетского образования: Император – министр народного просвещения – попечитель учебного округа – ректор. По существу, Министерство народного просвещения регламентировало всю жизнь университетов: назначало, повышало и удаляло профессоров, избирало ректоров, назначало испытательные комиссии. По уставу 1863 г. ректор избирался советом университета и лишь утверждался в этой должности Императором, по уставу же 1884 г. руководитель университета выдвигался министром народного просвещения, а затем Высочайшим указом Императора назначался на 4 года. Похожая процедура соблюдалась и в отношении деканов. Если раньше они избирались на собраниях своих факультетов из ординарных профессоров и утверждались министром народного просвещения, то по новому уставу назначались попечителем учебного округа и утверждались министром. Устав 1884 г. сохранил прежнюю внутреннюю структуру университетов, каждый из которых состоял из четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского. На медицинском факультете студенты обучались 5 лет, на остальных – 4 года.

[3] Временные правила 1905 г. В начале революции 1905–1907 гг. автономия университетов была восстановлена «Временными правилами 27 августа 1905 г.», которые фактически утратили силу после Третьеиюньского государственного переворота 1907 г. Полное название указа – Указ о «Временных правилах по управлению высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». Указом устанавливалась, хотя и ограниченная, самостоятельность высшей школы: вводилось право выбора ректора и деканов, а также некоторое расширение прав советов университетов. Указ о Временных правилах не отменял действие университетского устава 1884 г., лишь развивая и дополняя его. 17 октября 1905 г. действие Временных правил было распространено

на все учебные заведения, находившиеся в подчинении министерств финансов, путей сообщения, внутренних дел и других ведомств. Пользуясь предоставленной автономией, советы университетов под руководством выборных ректоров высказывались за упразднение государственной инспекции, за допущение в университеты женщин и выпускников реальных и коммерческих училищ. Защищенные автономией университетские помещения становились местами народных митингов и собраний, студенчество принимало активное участие в революционных выступлениях. Студенческое движение вышло из университетских аудиторий и слилось с общероссийским. Революция подходила к октябрьской всероссийской политической стачке. И уже 16 ноября 1905 г. Совет Министров постановил закрыть высшие учебные заведения до января 1906 г.

[4] Имеется в виду Заявление о запросе министру народного просвещения по поводу исключения им в июле 1911 г. слушательниц С.-Петербургского женского медицинского института. Суть запроса: «1) известно ли министру, что, отдавая приказ о продолжении семестра до 15 июля, затем, исключая слушательниц из института, и, наконец, доселе не отменяя относительно некоторых из них свои распоряжения и лишая этим их возможности приступить к учебным занятиям, – он совершил акты незакономерные, и 2) что он намерен предпринять к окончательному устранению последствий этих актов». См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 6. – СПб., 1911. – Стлб. 508–509.

[5] П. Н. Крупенский (о нем см. примечание к Речи Г. Г. Замысловского о суде присяжных и об уголовном преследовании чиновников путем ложных доносов от 19 ноября 1911 г.) являлся одним из лидеров националистов, лидером фракции центра. С точки зрения правых, он и его соратники – монархисты, постепенно фактически отошедшие от монархической идеи в сторону конституционализма, т. е. уже не настоящие монархисты. Эпитет «маргариновые» особенно широко стал использоваться в правоконсервативной среде после публикации известным черносотенцем Н. Н. Жеденовым брошюры «Маргариновые монархисты. Предвыборное воззвание Союза Михаила Архангела. [Критический разбор]» (СПб., 1912), в котором автор обвинял

В. М. Пуришкевича и его соратников по Союзу Михаила Архангела в отходе от монархических принципов.

[6] На тот момент министром народного просвещения являлся Л. А. Кассо (подробнее о нем см. примечание к Речи Г. Г. Замысловского о деятельности думских либералов 4 марта 1916 г.), который проводил в целом консервативную политику.

[7] Гордиев узел – сложный узел, завязанный по легенде фригийским царем Гордием, который разрубил Александр Македонский. В переносном смысле может означать любую сложную задачу. «Разрубить гордиев узел» – значит смело, решительно и энергично решить сложное дело, поступив не по правилам, предписывающим длительное и непродуктивное решение сложных задач, а по своему желанию, получив результат незаконно, но сразу. По легенде, жрецы Фригийского храма Зевса предсказали, что первый, кто вступит в их город, будет самым выдающимся царем за всю историю страны. Первым в город въехал на своей телеге никому не известный крестьянин Гордий. Его выбрали Фригийским царем. В память о данном событии он принес в дар храму Зевса телегу, на которой въехал в город. Гордий привязал ее к алтарю таким сложным узлом из кизилового лыка, что никакой искусник не мог его распутать. Оракул предсказал, что человеку, который распутает гордиев узел, покорится весь мир. Когда столицу Фригии покорил величайший из полководцев древности – Александр Македонский, то, согласно сообщениям большинства античных источников, он вошел в древний храм, пригляделся к прославленному узлу и, выхватив меч, рассек его одним ударом. Жрецы истолковали это так: «Он завоюет мир! Но мечом, а не дипломатией».

[8] Председателем Государственной Думы на тот момент был октябрист М. В. Родзянко (о нем см. примечание к Речи Г. Г. Замысловского по рабочему вопросу 4 ноября 1909 г.), один из непосредственных организаторов февральского переворота 1917 г.

[9] В итоге запрос либеральных депутатов Думы министру народного просвещения был принят большинством 135 голосов против 109. См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 6. – СПб., 1911. – Стлб. 517.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 5. Заседание 8.
26.10.1911. Речь Г. Г. Замысловского о студенческих волнениях в Томском технологическом институте

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 8. – СПб., 1911. – Стлб. 639–647.

[1] Запрос группы либеральных депутатов Думы министру народного просвещения. Текст запроса: «1) известно ли министру народного просвещения, что увольнение им, без производства расследования и помимо профессорского дисциплинарного суда, массы студентов и слушательниц представляет собою превышение власти; 2) известно ли министру народного просвещения, что действиями его самого и попечителя Западно-Сибирского учебного округа существенно нарушены Высочайше утвержденное Положение о Томском технологическом институте и другие законоположения о высших учебных заведениях; 3) какие меры предполагает принять министр народного просвещения для восстановления нарушений законности?» (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 8. – СПб., 1911. – Стлб. 632–633).

[2] Боборыков Иван Иванович (1869–?) – ординарный профессор прикладной механики и машиностроения и декан механического отделения Томского технологического института с 1901 г.; окончил курс в Харьковском технологическом институте, где состоял лаборантом с 1894 г. В 1898–1900 гг. находился в научной командировке за границей и в России, а затем состоял адъюнкт-профессором по кафедре прикладной механики и машиностроения. Напечатал: «Применение перегретого пара в паровых машинах» («Известия Южно-Русского Общества Технологов», 1899–1900); «К вопросу об определении термического коэффициента полезного действия в паровых машинах» (Там же. *Источник*: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1890–1907).

[3] Пугачев Емельян Иванович (1742–10(21).01.1775, Москва) – донской казак, бунтовщик, предводитель так называе-

мой «крестьянской войны» 1773–1775 гг. в России. Самозванец. Выдавал себя за чудом спасшегося от убийц Царя Петра III. Раскольник. Казнен в Москве на Болотной площади.

[4] Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882) – известный революционер-народник, заговорщик анархистского толка.

[5] «Земля и Воля» – тайное революционное общество, возникшее в России в 1861 г. и просуществовавшее до 1864 г., с 1876 по 1879 г. восстановившееся как народническая организация. Вдохновителями общества были А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский.

[6] Здесь Г. Г. Замысловский перечисляет имена известных террористов – революционеров-народников второй половины XIX в., а также эсеров (С. В. Балмашев, Е. С. Сазонов, М. А. Спиридонова) начала XX в.

[7] В конце 1870-х гг. революционеры-народники организовали ряд террористических актов. Так, 4 августа 1878 г. террорист С. М. Степняк-Кравчинский убил кинжалом петербургского шефа жандармов Н. А. Мезенцева в ответ на подписание им приговора о казни революционера Ковальского. А 13 марта 1879 г. было совершено покушение на преемника Мезенцева – генерала А. Р. Дрентельна.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 4. Заседание 55. 13.06.1916. Речь Г. Г. Замысловского о законопроекте по крестьянскому вопросу

Источник: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия 4. Заседание 55. – Пг., 1916. – Стлб. 5256–5261.

[1] Калугин Михаил Дмитриевич (1882–1924) – российский политический деятель, депутат IV Государственной Думы от С.-Петербургской губ. Русский, православный. Потомственный почетный гражданин. Получил высшее образование (инженер-электрик). Владел двумя домами в Петербурге. Прогрессист. В Государственной Думе – член X отдела.

[2] Чхенкели Акакий Иванович (1874, г. Хони (Цулукидзе) Кутаисской губ. – 05.01.1959, Париж) – грузинский политик, юрист по образованию. Социал-демократ (меньшевик), депутат IV Государственной Думы. К февралю 1917 г. входил в Организационный Комитет РСДРП, впоследствии член Грузинской социал-демократической партии меньшевиков. Член ВЦИК первого созыва и Предпарламента. После Февральской революции был членом ОЗАКОМа (Особого Закавказского Комитета), затем с 9 апреля 1918 г. – председатель правительства Закавказской Федеративной Демократической Республики. С 26 мая (8 июня) 1918 г. и до ноября 1918 г. – министр иностранных дел Грузинской Демократической Республики. С февраля 1921 г. по 1933 г. – посол Грузинской Демократической Республики во Франции. В 1933 г. Франция установила дипломатические отношения с СССР, и А. И. Чхенкели стал эмигрантом.

[3] Трудовая группа – российская политическая организация, существовавшая в 1906–1917 гг. Собственно говоря, как политическая партия она так и не оформилась. До созыва I Государственной Думы трудовая группа не существовала, оформляться начала в апреле 1906 г. как группа депутатов из крестьян и интеллигентов народнического направления в I Государственной Думе. В I Думе численность так называемых трудовиков была около 80. В первые дни II Думы в трудовую группу записались 55 действительных членов, кроме 14 членов Крестьянского союза, примкнувших к ней, и 19 депутатов, заявивших себя «сочувствующими трудовой группе». Трудовая группа в дальнейшем существовала только как парламентская фракция. На выборах в Государственную Думу третьего и четвертого созывов трудовики выступали от блока народнических организаций и левых сил, стоявших на почве радикально-демократических преобразований. В III Государственной Думе трудовики получили 14 мест, в IV – 10 мест. После Третьеиюньского государственного переворота деятельность трудовиков на местах прекратилась. После Февральской революции 1917 г. объединились с народными социалистами (энесами) и образовали Трудовую народно-социалистическую партию на VI съезде трудовиков (17–23 июня (30 июня – 6 июля) 1917 г.). Партия поддерживала Временное правительство, а после

Октябрьской революции 1917 г. выступала на стороне контрреволюции и вскоре распалась.

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 4. Заседание 56. 14.06.1916. Речь Г. Г. Замысловского о борьбе с немецким засильем в деревне

Источник: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия 4. Заседание 56. – Пг., 1916. – Стлб. 5466–5469.

[1] В августе 1915 г. ¾ думских депутатов, за исключением правых и крайне правых, объединились в оппозиционный правительству прогрессивный блок, который, помимо «ответственного министерства» (ответственного не перед Императором, а перед Думой), требовал восстановления профсоюзов и рабочей печати, частичной амнистии политзаключенных и т. д. Фактически участники прогрессивного блока выступали за немедленный, в условиях Первой мировой войны, переход к конституционной монархии, что на деле означало бы не только разрушение традиционного для Русского государства монархического строя, но и развал всего государственного управления в тяжелое военное время. Царь не желал идти на поводу у «думских болтунов» и уволил либеральных министров, затем приостановил указом работу Думы.

[2] Хвостов Алексей Николаевич (01.07.1872–23.08(05.09.).1918) – правый государственный деятель ряда губерний, министр внутренних дел в 1915–1916 гг., участник монархического движения. Племянник Александра Алексеевича Хвостова, который был назначен министром внутренних дел в 1916 г. через несколько месяцев после отставки А. Н. Хвостова. Дворянин. Крупный землевладелец Вологодской, Воронежской, Орловской и Тульской губ. В 1893 г. окончил Императорский Александровский лицей с серебряной медалью. Работал чиновником в различных департаментах Сената. Со 2 июня 1906 г. по 1910 г. – Вологодский губернатор. С 23 августа по ноябрь 1912 г. – Нижегородский губернатор, оставил свой пост в связи с избранием в Государственную Думу от Орловской губ. Председатель фракции правых в IV Государственной Думе, позднее – министр внутренних дел России (26 сентября 1915 г. – 3 марта 1916 г.). Член Совета Русского Со-

брания. Во время февральского переворота арестован, заключен в Петропавловскую крепость, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, обвинялся в растрате казенных денег. После октября 1917 г. был оставлен в заключении, в августе 1918 г. перевезен в Москву. Публично расстрелян как заложник в первые дни красного террора в Петровском парке вместе с группой священнослужителей и правых политиков (епископ Ефрем (Кузнецов), протоиерей И. И. Восторгов, Н. А. Маклаков, И. Г. Щегловитов, С. П. Белецкий и др.).

[3] Мансырев Серафим Петрович (1866–1928) – российский политик, депутат IV Государственной Думы от Лифляндской губ. Высшее образование получил в Московском университете. Дворянин, статский советник, присяжный поверенный, землевладелец. С 1890 г. служил секретарем Казенной палаты Лифляндской губ. В течение 15 лет занимал различные должности по ведомству Министерства финансов, был членом Казенной палаты, податным инспектором в Самаркандской обл., позднее служил земским начальником в Уфимской губ. Депутат IV Государственной Думы. Входил в состав прогрессивного блока. Избирался в бюджетную, по вероисповедным вопросам, по старообрядческим вопросам, согласительную комиссии. С 1918 г. в эмиграции в Эстонии, жил в Ревеле, где являлся председателем Русского совета.

[4] Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – российский политический деятель, лидер партии Союз 17 октября (октябристов); действительный статский советник (1906 г.), камергер (1899 г.). Председатель Государственной Думы третьего (с марта 1911 г.) и четвертого созывов. Один из лидеров февральского переворота 1917 г., в ходе которого возглавил Временный комитет Государственной Думы.

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 13.
04.11.1909. Речь Г. Г. Замысловского по рабочему вопросу

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909. Сессия 3. Ч. I. Заседание 13. – СПб., 1910. – Стлб. 1361–1369.

[1] Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) – российский политик, крупный помещик и промышленник, последний министр внутренних дел Российской Империи (1916–1917). Октябрист, одно время (с 20 мая 1914 г.) занимал пост товарища председателя IV Государственной Думы.

[2] Мейендорф Александр Феликсович, барон (10.04.1869, Баден-Баден – 1964, Лондон) – русский юрист и политический деятель. Землевладелец Лифляндской губ. Сын барона Феликса фон Мейендорфа и княжны Ольги Горчаковой. Окончил курс юридического факультета С.-Петербургского университета. Был приват-доцентом университета по кафедре прибалтийского права. Состоял инспектором училища правоведения. В 1905 г. – один из основателей партии Союз 17 октября. Избирался в Государственную Думу третьего и четвертого созывов. В 1907–1909 гг. – товарищ Председателя Государственной Думы. В 1913 г. вышел из состава партии Союз 17 октября. После революции в 1918 г. переехал из Петербурга в Ригу, откуда в 1919 г. уехал в Англию, где жил в эмиграции. Преподавал в Лондонском университете. В 1934–1939 гг. жил в Финляндии, затем снова в Англии.

[3] IV (Объединительный) съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) состоялся в апреле 1906 г. в Стокгольме. Съезд принял почти все предложения меньшевиков, составляющих на этом съезде большинство (муниципализация земли вместо национализации, участие в Думе вместо диктатуры пролетариата, осудил декабрьское восстание). Однако большевики сумели провести решение о замене мартовской формулировки первого параграфа устава партии ленинской.

[4] V съезд РСДРП состоялся 30 апреля (13 мая) – 19 мая (1 июня) 1907 г. в Лондоне. Присутствовали 342 делегата от 145 организаций. Первоначально планировалось, что съезд состоится в Копенгагене, куда делегаты прибыли в апреле 1907 г. Однако датское правительство запретило проведение съезда. Попытка перенести съезд в Швецию или Норвегию также не увенчалась успехом. Тогда съезд был перенесен в Лондон, т. к. английское правительство поддерживало революционное движение в России. Заседания съезда проходили в Церкви Братства на Southgate road. Расходы на проведение съезда составили около 120 тыс. руб. На съезде присутствова-

ли пять фракций: меньшевики, большевики, бунд, поляки, латыши. Главным вопросом на съезде был вопрос об отношении к буржуазным партиям. Съезд принял новый Устав партии, по которому на съезде выбирался только ЦК, а он уже назначал редакцию Центрального органа (ЦО), работающего под его контролем. Съезд избрал ЦК в составе 5 большевиков, 4 меньшевиков, 2 польских и 1 латышского социал-демократов. Учитывая неоднородный состав нового ЦК, большевики на своем совещании создали Большевистский центр во главе с В. И. Ульяновым (Лениным). Решения съезда, осудившие линию меньшевиков как соглашательскую в период революции 1905–1907 гг., считались в советской историографии крупной победой большевизма в рабочем движении России.

[5] Газета «Вперед» – большевистский печатный орган. Первая большевистская еженедельная газета «Вперед» выходила в Женеве с 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) по 5(18) мая 1905 г. Она была органом первого большевистского центра – Бюро комитетов большинства (БКБ) и создана после захвата меньшевиками центрального органа РСДРП – газеты «Искра». Решение о начале издания газеты «Вперед» было принято на собрании большевиков 29 ноября (12 декабря) 1904 г., название газеты было предложено В. И. Ульяновым (Лениным). Всего вышло 18 номеров газеты. В ее редакцию входили В. И. Ленин, В. В. Боровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский; секретарем редакции была Н. К. Крупская, она же вела переписку с Россией. Лидер большевиков В. И. Ленин помещал в газете не только руководящие статьи, но и большое число различных заметок, вел редакторскую работу. В газете было опубликовано более 40 статей Ленина. На III съезде РСДРП было решено создать новый центральный орган партии, дав название «Пролетарий», поэтому выпуск газеты «Вперед» был прекращен. С 26 мая (8 июня) 1906 г. легальная большевистская ежедневная газета «Вперед» выходила под ред. В. И. Ленина в Петербурге (вместо газеты «Волна»). Всего вышло 17 номеров. В издании принимали участие В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, в газете был опубликован ряд статей Ленина. 14 (27) июля 1906 г. газета была закрыта полицией. Вместо нее с 22 июня (5 июля) 1906 г. стала выходить легальная большевистская ежедневная газета «Эхо».

[6] Речь идет о революционной волне октября 1905 г. (октябрьская политическая стачка) и о Манифесте Императора Николая II от 17 октября 1905 г., вводившем демократические свободы и народное представительство.

[7] «Социал-демократ» – нелегальная большевистская газета, центральный орган РСДРП; после 6-й (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912 г.) – центральной орган большевиков. Создана по решению V съезда РСДРП (1907 г.). 1-й номер вышел в феврале 1908 г. в России, но почти весь тираж газеты был захвачен полицией. По постановлению 5-й Общероссийской конференции РСДРП (1908 г.) газета стала издаваться в Париже (1909–1913, № 2–32), затем в Женеве (1914–1917, № 33–58). Всего вышло 58 номеров, последний номер – 31 января (13 февраля) 1917 г.; в 1916 г. изданы два номера «Сборника социал-демократа»; были также приложения к газете. В редколлегию входили представители от большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов; в 1911 г. меньшевики Ф. И. Дан и Л. Мартов вышли из редакции. Главным редактором фактически являлся В. И. Ленин, который на страницах издания вел борьбу против ликвидаторов, отзовистов, троцкистов. В газете были опубликованы десятки статей Ленина; впервые была напечатана его работа «О лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой сформулирован вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в нескольких или даже в одной стране. В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. газета сыграла значительную роль в пропаганде ленинских лозунгов по вопросам войны, мира и революции. В газете в разное время сотрудничали Д. Благоев, Д. Бедный, М. Горький, П. А. Джапаридзе, И. Ф. Дубровинский, А. М. Коллонтай, В. К. Курнатовский, Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Г. К. Орджоникидзе, Н. А. Семашко, И. В. Сталин и др.

[8] Речь идет о 7-м конгрессе II Интернационала, который состоялся 18–24 августа 1907 г. в Штутгарте (Германия). На съезде в связи с напряженной обстановкой на Балканах и возможностью втягивания в конфликт ведущих европейских держав была принята резолюция, которая призывала партии II Интернационала всеми средствами бороться против развязывания войны; если же предотвратить войну не удастся, – ис-

пользовать вызываемый войной экономический и политический кризис для борьбы за социальную революцию.

[9] Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП) – еврейская политическая партия левого толка, действовавшая в России в 1905–1917 гг. Известна также под аббревиатурой С. С. Руководителями, видными деятелями и идеологами партии в разное время были Г. Абрамович (1880(?)–1933), Б. Кацнельсон, Я. З. В. Лацкий-Бертольди, Я. Лещинский, М. Литваков, Д. Львович (1882–1950), Ш. Нигер, Я. Пат (1890–1966), Д. Ремез, Н. Сыркин, А. Харцфельд; в сионистско-социалистическую рабочую партию входили также А. Гланц-Лейелес, Ш. Михоэлс, Э. Родин.

[10] «Голос социал-демократа» (“La voix du social-démocrate”) – журнал, центральный заграничный орган меньшевиков, издававшийся в Женеве, затем в Париже с февраля 1908 г. по декабрь 1911 г. Выходил ежемесячно, затем нерегулярно. Издано 26 номеров. С июня 1911 г. по июль 1912 г. выпущено 6 номеров непериодичного «Листка голоса социал-демократа». Редакция – П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, Г. В. Плеханов, который в декабре 1908 г. фактически порвал с журналом, а 13 мая 1909 г. официально вышел из редакции в знак несогласия с ее позицией. С первого номера издание отстаивало позиции меньшевиков-ликвидаторов (меньшевиков, которые добивались ликвидации нелегальной марксистской рабочей партии, прекращения нелегальной революционной деятельности и создания легальной реформистской «столыпинской рабочей партии»). Резкой критике издание подвергалось со стороны большевиков во главе с В. И. Лениным.

[11] Родичев Федор Измайлович (1854–1933) – российский политический деятель. Член Государственной Думы первого, второго, третьего и четвертого созывов (1906–1917 гг.). Либерал, один из основателей конституционно-демократической партии (кадетов).

[12] «Гудок» – легальная еженедельная большевистская газета, издававшаяся профсоюзом бакинских нефтепромышленных рабочих в 1907–1908 гг.; предшественник газеты «Бакинский рабочий», издающейся в Азербайджане и поныне.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 99. 09.04.1912. Речь Г. Г. Замысловского о положении на Ленских приисках

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия 5. Ч. III. Заседание 99. – СПб., 1912. – Стлб. 1687–1693.

[1] Скороходов Алексей Александрович (1868–1924) – российский политический деятель, депутат III Государственной Думы от Томской губ. В 1889 г. окончил Коммиссаровское техническое училище в Москве. С 1889 по 1893 г. работал техником по «механическому делу» на волжских судостроительных заводах. С 1893 г. заведовал учебно-ремесленными мастерскими и преподавал технологию и техническое черчение в Нижегородском Кулибинском училище. В 1896 г. назначен инспектором ремесленного училища в г. Томске. Участвовал в общественной жизни Томска. Работал в Обществе попечения о начальном образовании, в Обществе вспомоществования учащим и учившим, в Томском отделении Императорского русского технического общества. С 1902 по 1905 г. избирался гласным Томской городской думы. Надворный советник. Депутат III Государственной Думы. Принимал активное участие в работе кадетской фракции, а также Сибирской парламентской группы. В период избирательной кампании в IV Государственную Думу от Томской губ. в октябре 1912 г. избран выборщиком по первой городской курии. Не согласился баллотироваться в члены Государственной Думы, т. к. в это же время участвовал в избирательной кампании в Государственный Совет.

[2] Наиболее известен Гораций Осипович Гинсбург (Гинцбург; 1833, Звенигородка Киевской губ. – 1909, Петербург) – еврейский промышленник, банкир и фабрикант, купец первой гильдии, барон, получил чин действительного статского советника. По данным 1914 г., состояние семьи Гинцбургов оценивалось более чем в 25 млн. руб. Основные виды деятельности: торговля, банки, золотодобыча, сахарная промышленность. Начало династии положил сын витебского раввина Евзель Гинцбург (1812–1878), сделавший состояние, занимаясь торговлей и винными откупами. Перебравшись в

столицу, он с сыновьями Горацием и Урием основал банкирский дом «И. Е. Гинцбург» с филиалом в Париже. Благодаря связям с крупнейшими финансистами Европы (Гинцбурги были в родстве и с Ротшильдами) банк к 1860 г. стал одним из крупнейших в России. В 1874 г. выступил в числе совладельцев Березовского золотопромышленного дела вместе с полковником В. И. Асташевым, графом П. А. Шуваловым и являлся товарищем-распорядителем Березовского дела. Гинцбургам принадлежало 100 паев из 400 данного товарищества. Он также был активным участником Миасского золотопромышленного дела В. И. Асташева. Кроме того, Гинцбурги были в числе учредителей Киевского частного коммерческого банка, Одесского Учетного банка, владели Товариществом Могилянского свекло-сахарного завода, владевшего сахарным заводом и сельхозугодьями в Подольской губ. В 1892 г. банкирский дом Гинцбурга попал в полосу глубокого кризиса. Правительство отказалось поддержать оказавшийся в долгах банк и ввело в нем временную администрацию, Гинцбурги потеряли интерес к банковскому делу и переключились на золотодобычу. Гораций Гинцбург возглавил богатейшее Ленское золотопромышленное товарищество, а затем установил контроль над ним. Эстафету подхватили сыновья Горация – Александр (барон, отставной корнет, директор правлений Ленского золотопромышленного товарищества, Компании цепного пароходства по реке Шексне, Общества «Платина»; член правлений Алтайского золотопромышленного товарищества, Товарищества Могилянского свекло-сахарного завода), Альфред, Владимир и Давид (барон, статский советник, директор Правления Компании цепного пароходства по реке Шексне, член Правления Волжко-Каспийского нефтяного и торгового общества, Товарищества Могилянского свекло-сахарного завода). Под контролем семейного клана находилось около десятка крупных компаний – в основном, горнодобывающих. После Ленского расстрела 1912 г. все правление компании ушло в отставку – так закончился «золотой век» Гинцбургов, в 1917 г. покинувших Россию.

[3] Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – русский естествоиспытатель, профессор Московского университета, основоположник русской научной школы физиологов растений,

член-корреспондент Российской академии наук (1917; член-корреспондент Петербургской академии наук с 1890 г.). Почетный доктор Кембриджа, университетов Женевы и Глазго. С молодости придерживался либеральных взглядов.

[4] Нисселович Лазарь (Элиэзер; также Леопольд Николаевич) (1856(1858?), Бауск Курляндской губ. – 1914, Женева) – еврейский общественный и государственный деятель, юрист. Депутат Государственной Думы Российской Империи. Учился в хедере (начальная еврейская школа). Среднее образование получил в Рижской гимназии (по другим сведениям – закончил гимназию в Либаве). В 1880 г. с золотой медалью окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. С 1880 по 1882 г. служил в Министерстве финансов при Н. Х. Бунге – сначала в департаменте торговли и мануфактуры, по поручению которого написал историю фабричного законодательства в России, с 1882 г. – в Государственном Банке. Читал лекции по вексельному праву в обществе распространения коммерческих знаний. Автор нескольких научных трудов по юридико-экономическим и финансовым вопросам. С 1882 г. – присяжный поверенный. Депутат Государственной Думы второго и третьего созывов от Курляндской губ. В 1908 г. в столице Российской Империи С.-Петербурге на его имя было зарегистрировано Еврейское литературное общество.

[5] Видимо, Г. Г. Замысловский имеет в виду Василия Ивановича Толмачевского (1877–?), депутата II Думы от Тверской губ. Православный. Выбран депутатом от крестьянской курии, крестьянин. Окончил начальную школу, потом много занимался самообразованием и весьма развил себя в соответствующем – либеральном – духе. По подозрению в распространении нелегальной литературы, а главным образом, благодаря принадлежности к крестьянскому союзу и громадному влиянию на крестьян, был сослан в Олонецкую губ., где и находился во время выборов. В Думе состоял в трудовой группе.

[6] Баташев Василий Михайлович (1874–1938) – российский политический деятель, депутат II Государственной Думы от Тамбовской губ. Русский, православный. Из мещан. Родился в г. Туле, где и окончил курс в городском двухклассном училище. 6 лет прослужил рабочим при Тульском оружейном заводе, затем в г. Калуге, откуда в 1906 г. перевелся в г. Мор-

шанск. С января по апрель 1907 г. сидел в тюрьме за участие в декабрьской железнодорожной мастерской. Принадлежал к социал-демократической фракции (меньшевик). Расстрелян. Реабилитирован в 1958 г.

[7] «Звезда» – большевистская легальная газета. Выходила в Петербурге с 16(29) декабря 1910 г. по 22 апреля (5 мая) 1912 г. Сначала выпускалась еженедельно; с 21 января (3 февраля) 1912 г. выходила 2 раза, а с 8(21) марта 1912 г. – 3 раза в неделю. Издавалась вначале тиражом 7–10 тыс. экз., затем 15–20 тыс., а во время Ленских событий 1912 г. тираж достигал 50–60 тыс. экз. Вышло 69 номеров, из которых 30 конфисковано, 8 оштрафовано. С 26 февраля (10 марта) 1912 г. в Петербурге издавалась «Невская звезда», которая являлась продолжением «Звезды» и имела целью заменять ее в случае конфискации или закрытия. Последний (27-й) номер «Невской звезды» вышел 5(18) октября 1912 г. Первыми редакторами были В. Д. Бонч-Бруевич (от большевиков), Н. И. Иорданский (от меньшевиков-партийцев) и И. П. Покровский (от социал-демократической фракции III Государственной Думы). До осени 1911 г. газета была органом думской социал-демократической фракции. Большую роль в организации и издании играл член социал-демократической фракции большевик Н. Г. Полетаев. В первый период на газете сказывалось влияние меньшевиков. По мнению В. И. Ленина, в то время газета была «тускла» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 48. – С. 13). С октября 1911 г. «Звезда» стала чисто большевистской. Идейно ею руководил Ульянов (Ленин), в «Звезде» и «Невской звезде» было опубликовано около 50 <статей> вождя большевизма. В редакции работали Н. Н. Батурин, М. С. Ольминский и К. С. Еремеев. Сотрудничали А. И. Елизарова-Ульянова, В. В. Воровский, В. Д. Бонч-Бруевич, Л. М. Михайлов (Политикус), В. И. Невский, Демьян Бедный, А. М. Горький и др. В «Звезде» был помещен ряд статей Г. В. Плеханова. Газета освещала политическую жизнь, вела борьбу за «чистоту принципов революционного марксизма», против ликвидаторства и отзовизма; имела отделы «В мире труда», «Рабочая жизнь», «Рабочее движение», «Государственная Дума», «Обзор печати», «Хроника», «По России», «Провинция», «Заграничная жизнь» и др. В январе 1912 г. «Звезда» начала сбор средств

на ежедневную рабочую газету и подготовила создание нового органа большевистской печати – «Правды».

[8] «Киевская мысль» – ежедневная политическая и литературная газета либерального направления. Издавалась в Киеве на русском языке в 1906–1918 гг. С 1917 г. выходила дважды в день – утренним и вечерним выпусками. Имела распространение во всем Юго-Западном крае и была самой крупной по тиражу провинциальной газетой Российской Империи своего времени. Газета была основана под названием «Киевская заря» в начале 1906 г.; редакция в это время размещалась на улице Владимирской, 51. В августе 1906 г. газета стала выходить с еженедельными иллюстрированными приложениями под названием «Киевская речь»; вышло 124 номера. С 30 декабря 1906 г. стала публиковаться под названием «Киевская мысль». «Киевская мысль» по популярности превзошла все киевские газеты, издававшиеся до нее. Уже в первые годы существования тираж поднялся до 26 тыс., а к 1916 г. – 70 тыс. экземпляров. Газету издавал владелец крупной типографии Рудольф Лубковский, а также Ф. И. Богданов, редакторы – А. Николаев, И. Тарновский. Поддержку газете оказывал крупный еврейский предприниматель Лев Израилевич Бродский, благодаря чему «Киевская мысль» могла тратить крупные средства на штрафы. В борьбе за места в городских органах и Государственной Думе она решительно поддерживала кандидатов от либеральной интеллигенции, выступая против черносотенцев. В годы Первой мировой войны газета занимала оборонческую позицию. После Октябрьской революции 1917 г. стояла на антибольшевистских позициях. В газете в разное время сотрудничали Анатолий Луначарский (под псевдонимом «Гомо новус»), Владимир Короленко и Константин Паустовский (работал наборщиком). С «Киевской мыслью» сотрудничали Лев Войтоловский, Давид Заславский, Иона Кугель, Всеволод Чаговец, фельетонист Гарольд (Исаак Левинский). В газете принимали участие российские социал-демократы, преимущественно меньшевики (А. Мартынов, Лев Троцкий и др.). В «Киевской мысли» печатался Максим Горький (Пешков). Редакция «Киевской мысли» находилась на улице Фундуклеевской, 19. В конце 1918 г. в ней разместилась редакция газеты «Киевский коммунист».

[9] По специальному закону – «Общему учреждению губернскому» – в Российской Империи управлялось 49 губерний Европейской России, окраинные губернии управлялись по особенным учреждениям.

[10] Имеется в виду Николай Викторович Трещенков (02.12.1875 – май 1915) – жандармский ротмистр, которого либеральные и левые круги обвиняли в организации расстрела рабочих 4(17) апреля 1912 г. на Ленских приисках, заместитель главы губернской полиции.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 9. 20.11.1907. Речь Г. Г. Замысловского по польскому вопросу

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 01.11.1907 по 19.02.1908). – СПб., 1908. – Стлб. 474–479.

[1] Дмовский Роман (польск. *Roman Dmowski*, в русских документах Роман Валентьевич Дмовский; 09.08.1864, Каменка близ Варшавы – 02.01.1939, с. Дроздово близ Ломжи) – польский политический деятель и публицист. В студенческие годы участвовал в деятельности подпольной студенческой организации Союз польской молодежи «Зет» (*Związek Młodzieży Polskiej “Zet”*). Был организатором студенческой уличной манифестации в сотую годовщину Конституции 3 мая 1891 г. Был арестован и полгода содержался в варшавской Цитадели, затем выслан в Митаву (ныне Елгава). В 1893 г. вместе с другими деятелями буржуазно-национального движения организовал «Лигу народову» («Национальная лига», “*Liga Narodowa*” – польская нелегальная политическая организация, действовавшая во всех частях разделенной между Австрией, Россией и Германией Польши). Из Митавы тайно перебрался в г. Львов (1895). Возглавил «Лигу народову», преобразованную в 1897 г. в Национал-демократическую партию. Первоначально Дмовский выдвигал программу консолидации национальных сил. В 1904 г. принял участие в Парижской конференции революционных и оппо-

зиционных партий России. В 1905 г. обосновался в Варшаве. Был членом Государственной Думы второго и третьего созывов (1907–1909). Во время Первой мировой войны выступал на стороне Антанты, возглавлял Польский национальный комитет, созданный 25 ноября 1914 г. в Петербурге, затем одноименный комитет (создан в 1917 г.) в Париже. В 1919 г. – делегат Польши на Парижской мирной конференции. Был политическим противником Юзефа Пилсудского, последовательно выступал за создание мононационального польского государства, депортацию евреев и насильственное ополячивание немцев и украинцев. Основатель националистической политической группировки «Лагерь великой Польши» (Obóz Wielkiej Polski, 1926–1933).

[2] Сморгонь (белор. Смаргонь, Смаргоні, польск. *Smorgonie*) – город, ныне центр Сморгонского р-на Гродненской обл. Белоруссии, на р. Оксна (левый приток р. Вилия) и ее притоке р. Гервятка. Расположен в 110 км к северо-западу от Минска и в 260 км к северо-востоку от Гродно.

[3] Остробрамская икона Божией Матери находится на городских воротах Вильнюса (Острой Браме) и почитается как католиками, так и православными. Считается одной из главных христианских святынь Вильнюса и Литвы. С иконой и творимыми ею чудесами связаны многочисленные предания.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 1. Заседание 56.
29.04.1908. Речь Г. Г. Замысловского о западном земстве и о Положении об усиленной чрезвычайной охране

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 1. Ч. II. Заседание 56. – СПб., 1908. – Стлб. 2447–2459.

[1] Комитет министров – высший орган исполнительной власти Российской Империи в 1802–1906 гг. Был создан Императором Александром I Манифестом от 8 сентября 1802 г. и вскоре сделался «верховным местом Империи». Компетенция Комитета министров имела мало общего с расхожим современным представлением о кабинете министров и его круге функций. Все министры (и главноуправляющие отдельными частями) были независимы друг от друга, отвечали за деятельность

своих ведомств единолично и имели независимые доклады у Императора. Комитет министров же не отвечал ни за деятельность отдельных министерств, ни за согласованность их политики. Его компетенция сложилась исторически и состояла из чрезвычайно разнородных групп вопросов, бóльшая часть из которых была мелочными и маловажными. Детальный список предметов ведения Комитета непрерывно видоизменялся, причем общее их количество постепенно увеличивалось. Как правило, Комитет министров занимался лишь предварительным обсуждением вопросов. Его заключение, принятое единогласно или большинством голосов, вносилось в журнал, который представлялся на утверждение Императору.

[2] Имеется в виду Положение о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. (см. примечание к речи Г. Г. Замысловского на 77 заседании 9 марта 1911 г. о высшей школе).

[3] Толстой Иван Иванович, граф (1858–1916) – государственный деятель (министр народного просвещения Российской Империи в 1905–1906 гг., городской голова Петербурга-Петрограда в 1912–1916 гг.), нумизмат и археолог. Находясь с ноября 1905 г. по апрель 1906 г. на посту министра народного просвещения, И. И. Толстой фактически проводил либеральную политику. Он полагал предоставить широкую свободу общественной и частной инициативе в деле среднего образования. По вопросу о типах и учебных планах средней школы Министерство заявляло, что оно будет отстаивать принцип их эластичности и подвижности, отнюдь не стремясь к их подробной регламентации; для каждого типа предполагалось установить лишь общий минимальный уровень образования. Для нерусского населения имелось в виду предоставить право преподавать на родном языке учащихся все предметы, кроме русского языка и литературы, истории России и географии России, с тем, однако, условием, что в таких школах ни учащие, ни учащиеся никакими правами не должны пользоваться. Для упорядочения школьной жизни граф И. И. Толстой предпринял следующие меры: расширил компетенцию педагогических советов, предоставив им право отступать с разрешения попечителя учебного округа от действующих правил для учеников, правил об испытаниях, инструкций для классных наставников и т. п., а равно и право по своему усмотрению составлять уче-

нические библиотеки; ввел в состав педагогических советов с правом решающего голоса уездного предводителя дворянства, председателя уездной управы и городского голову или их заместителей; разрешил образовать при каждом учебном заведении родительские совещания и родительские комитеты с предоставлением их председателям прав почетных попечителей. В целях успокоения школы было разрешено временно освобождать нервно возбужденных учеников от посещения классов; ради охранения учащихся от уличной толпы отменена обязательность верхней форменной одежды. Вследствие происходивших во многих местах перерывов в занятиях педагогическим советам предоставлено ходатайствовать о продлении учебного года за счет каникулярного времени и производить поверочные испытания из пройденного в течение учебного года. Отменено распоряжение о представлении выписок из кондуитов при прошениях о зачислении в студенты. Экстернам разрешено самим избирать учебное заведение, при котором они желали бы держать окончательные испытания. Из числа обязательных для экзаменов зрелости предметов с весны 1906 г. исключен греческий язык в тех учебных заведениях, где он преподавался в качестве необязательного предмета. Окончившим курс гимназий или реальных училищ, желающим повысить свои отметки для поступления в высшие специальные учебные заведения, прием в которые производится по конкурсу аттестатов, разрешено подвергаться повторным испытаниям по всем, но не по отдельным предметам курса. На основании Высочайшего повеления от 18 марта 1906 г. окончившим курс реальных училищ разрешено поступать в университет по выдержании экзамена только по латинскому языку.

[4] Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932) – российский ученый, правовед, юрист. По убеждениям – либерал.

[5] «Лебедь, Рак и Щука» – басня Ивана Андреевича Крылова, написанная в 1814 г. и опубликованная в сборнике «Новые басни» (ч. 4, 1816). Сюжет содержит намек на события того времени: недовольство русского общества действиями политических союзников Императора Александра I (война Шестой коалиции против Наполеона); по другой версии, современники связывали сюжет басни с разногласиями между членами Государственного Совета.

[6] Положение усиленной (чрезвычайной) охраны (общее название – исключительное положение) – особенный правовой статус местности в государственном праве Российской Империи, объявляемый при чрезвычайных ситуациях и гражданских волнениях. При объявлении положения усиленной (чрезвычайной) охраны увеличивались полномочия государственной власти. В годы царствования Александра III и Николая II государственная власть широко использовала данные меры для борьбы с революционным движением. Введено в 1881 г. после злодейского убийства Императора Александра II.

[7] Свод военных постановлений – систематическое собрание действующих узаконений по военно-сухопутной части. Издан в 1839 г. при Императоре Николае II после кодификации законов Российской Империи, начиная с Воинского устава Петра I 1716 г. Свод вступил в действие 1 января 1840 г.; второе издание свода вышло в 1851 г.; к своду выходили три продолжения по 1886 г. В 1869–1902 гг. опубликовано новое издание свода (не изданы книги 19 и 21). В 1907 г. новым изданием вышли книги 1, 2, 5–7, 9–18, 20. Свод разделяется на 6 частей, имеющих общую нумерацию книг (24); ч. 1 – военные управления (кн. 1–4), ч. 2 – войска регулярные (кн. 5–8), ч. 3 – войска иррегулярные (кн. 9–11), ч. 4 – военные заведения: интендантские, артиллерийские, инженерные, учебные, врачебные, тюремные (кн. 12–17), ч. 5 – военное хозяйство (кн. 18–21), ч. 6 – уставы военно-уголовный, дисциплинарный и военно-судебный (кн. 22–24).

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 1. Заседание 26. 06.03.1913. Речь Г. Г. Замысловского по польскому вопросу

Источник: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 15.11.1912 по 20.03.1913). – СПб., 1913. – Стлб. 2021–2031.

[1] Заявление № 27 (спешное) об обращении к министру внутренних дел, в порядке ст. 33 Учр[еждения] Гос[ударственной] Думы, с запросом по поводу распоряжений Минского губернатора о заключении в административном порядке в тюрьму ксендза Милашевского и помещика Шалевича (признание спешности) (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стеногра-

фические отчеты. 1912–1913. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 15.11.1912 по 20.03.1913). – СПб., 1913. – Стлб. 2000–2034).

[2] Сувалкская губерния (польск. *Gubernia suwalska*) – губерния Царства Польского в составе Российской Империи (1867–1917). Губернский город – Сувалки. В настоящее время бóльшая часть территории находится в составе Литвы, меньшая, в том числе бывший губернский город, – в Польше, незначительная часть также принадлежит Белоруссии.

[3] Мариавиты, так называемая «Мариавитская церковь» (польск. *Kościół Starokatolicki Mariawitów*) – независимая христианская конфессия, возникшая в Польше в начале XX в. в результате конфликта части прихожан и низшего клира Римско-католической церкви с епископатом. Мариавитская церковь не имеет единого организационного центра и состоит из нескольких независимых церковных общин, независимых друг от друга. В настоящее время последователями данного вероучения являются около 28 тыс. членов в Польше и 5 тыс. во Франции. В Польше действуют две мариавитские церкви: «Католическая церковь мариавитов в Польше» и «Старокатолическая церковь мариавитов в Польше». Существуют также Мариавитская церковь в Камеруне, Мариавитская церковь в Германии и Мариавитская церковь Северной Америки.

[4] Гирс Николай Карлович (1820–1895) – российский государственный деятель, дипломат. Министр иностранных дел России в 1882–1895 гг.

[5] Годнев Иван Васильевич (20.09.1854–29.05.1919) – российский политический деятель, член Государственной Думы третьего и четвертого созывов (1907–1917 гг.). Государственный контролер в составе Временного правительства в 1917 г. Был членом партии Союз 17 октября. В 1907–1912 гг. – член III Государственной Думы (от общего состава выборщиков Казанской губ.), член фракции Союз 17 октября, входил в состав комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов, с 1909 г. был ее председателем. Также являлся секретарем бюджетной комиссии, товарищем председателя комиссии о народном здравии. В 1912–1917 гг. – член IV Государственной Думы (от I съезда городских избирателей Казанской губ.). Занимал те же должности в комиссиях, что и в Думе предыдущего созыва, часто выступал на заседа-

ниях Думы, в основном, по бюджетным вопросам. Входил во фракцию Союз 17 октября, после ее раскола вступил в одноименную группу. Был членом бюро прогрессивного блока. С августа 1915 г. – член Особого совещания для обсуждения и проведения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов.

[6] 22 марта 1903 г., в период царствования Николая II, было принято новое Уголовное уложение, в котором были учтены произошедшие в России изменения; характер и техника его нормативных установлений оказались таковы, что, несмотря на смену общественно-политического строя в 1917 г., они не утратили актуальности и оказали существенное влияние на содержание нормативных актов советского периода. Уложение состояло из 37 глав, включавших 687 статей; из них 72 относились к общей части, которая содержала положения о преступлении и наказании, области действия уголовного закона, формах вины, субъекте преступления, обстоятельствах, исключающих преступность деяния, и других институтах, основная суть которых не изменилась и до настоящего времени. Уложение 1903 г. устанавливало, что преступлением является деяние, «воспрещенное во время его совершения законом под страхом наказания»; в числе других его новшеств следует упомянуть запрет на применение уголовного закона по аналогии, введение категоризации уголовно-наказуемых деяний на тяжкие преступления, преступления и проступки, норму о возрастной невменяемости, упрощение системы наказаний. Основными видами наказаний по Уложению были смертная казнь, каторга, ссылка на поселение, заключение в исправительном доме, заключение в тюрьме, арест и денежная пеня (штраф). Уложение так и не вступило в силу в полном объеме: в 1904 г. были введены в действие его главы о государственных преступлениях, в 1906 г. – о религиозных, после этого до Октябрьской революции было введено в действие около 30 статей других его глав; действующим нормативным актом в области уголовного права вплоть до 30 ноября 1918 г. оставалось Уложение 1845 г. Полностью Уложение действовало лишь на территории Латвии, Литвы и Эстонии. В период Первой мировой войны уголовное законодательство менялось, подстраиваясь под потребности общества, связанные с

участием в войне: была усилена (вплоть до смертной казни) уголовная ответственность за деяния, связанные с уклонением от военной службы, за иные преступления, в том числе и в сфере экономики (уклонение от заказов, сокрытие ряда товаров и сырья). К особенностям кодифицированного уголовного законодательства Российской Империи следует отнести суровость его статей, охраняющих от посягательств Царскую власть. Так, по Уложению 1845 г. злоумышление посягательства на жизнь, здоровье и честь Царя (в форме так называемого «голого умысла», не подкрепленного никакими конкретными действиями) наказывалось смертной казнью (ст. 241), аналогичные нормы были предусмотрены в Уложении 1903 г.: его ст. 99 предусматривала безальтернативное наказание в виде смертной казни за посягательство «вообще на неприкосновенность священной особы царствующего Императора, Императрицы или Наследника престола»; заключением в крепость наказывалось оскорбление памяти усопших Царственных особ. Уложением 1903 г. предусматривалась ответственность и за «политические» преступления: заключением в крепость каралось участие в скопище, собравшемся для выражения неуважения к Верховной власти, порицания образа правления, сочувствия бунту или бунтовщикам, ссылкой – произнесение речи, составление, хранение, правка сочинений, возбуждающих к неповиновению власти (ст. 129, 132).

[7] Свенцицкий Генрих Ипполитович (1852–1916) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов от Виленской губ. Поляк, католик, дворянин. Окончил Институт инженеров путей сообщения, по профессии инженер, землевладелец Виленского у. (400 десятин земли), действительный статский советник. В Думе состоял в Польско-литовско-белорусской группе, член VI отдела.

[8] Эрдели Яков Егорович (Георгиевич) (1856–1919) – Минский губернатор (с 1906 г. по 25 ноября 1912 г.). Член Государственного Совета. Погиб от рук большевиков в Елисаветграде.

[9] На заседании Государственной Думы от 15 марта 1913 г. № 29 состоялось голосование по вопросу: «Угодно Государственной Думе обратиться к министру внутренних дел с запросом по поводу распоряжения Минского губернатора о заключении в административном порядке в тюрьму ксендза

Милашевского и помещика Шалевича?». 146 депутатов проголосовали «за», 115 – «против» (см.: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 15.11.1912 по 20.03.1913). – СПб., 1913. – Стлб. 2319).

ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 60. 05.05.1908. Речь Г. Г. Замысловского по финляндскому вопросу

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 1. Ч. II. Заседание 60. – СПб., 1908. – Стлб. 2942–2960.

[1] Старофинны (*Vanhasumalainen puolue*) – в конце 80-х гг. XIX в. и вплоть до 1918 г. – название членов правого крыла финской партии (т. н. фенноманы), противостоявших левому крылу – младофиннам. Старофинны выражали интересы представителей крупного национального капитала и землевладения. Лидеры старофиннов – И. Ирье-Коскинен, Ю. Даниельсон-Кальмари, Ю. К. Паасикиви. В начале XX в. старофинны поддерживали Самодержавие. После поражения Финляндской революции 1918 г. выступали сторонниками сильной монархической власти, придерживались прогерманской ориентации. В 1918 г. на основе партии старофиннов создана консервативная Коалиционная партия.

[2] Эрнрот Густав Густавович (?–1900) – генерал-майор свиты Его Императорского Величества, флигель-адъютант.

[3] Мехелин Леопольд (Лео) Генрих Станислав (24.11.1839, Фредериксхавн, Дания (по другим данным – г. Хамина, Финляндия) – 26.01.1914, Гельсингфорс, Великое княжество Финляндское), по происхождению швед – финский политический и государственный деятель. Мехелину принадлежат многочисленные труды по истории государственного права Финляндии и о правовом положении Финляндии в составе Российской Империи. В 1874−1882 гг. – профессор права и экономиче-

ских наук в университете Гельсингфорса (Хельсинки). В 1872, 1877−1878, 1882, 1885, 1899−1904 гг. – депутат сословного Сейма. В 1882−1890 гг. – член Сената (правительства) Великого княжества Финляндского, ведал вопросами финансов, торговли и промышленности. В 1893−1903 гг. – директор и председатель правления банка в Гельсингфорсе. С конца 1890-х гг. – лидер буржуазного либерального движения, подвергал умеренной критике политику Самодержавия. В декабре 1905 г. назначен Николаем II вице-председателем финляндского Сената, составленного из представителей либерального крыла финляндской буржуазии. В 1908 г. ушел в отставку. В 1910−1913 гг. – депутат Сейма от так называемой Партии финляндских конституционалистов (основана в 1902 г.).

[4] Бобриков Николай Иванович (1839–1904) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного Совета, Финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа. В своей политике жестко отстаивал интересы русского народа, боролся с проявлениями финского сепаратизма и революционной крамолы. Убит шведским террористом Э. Шауманом, сыном финляндского сенатора Ф. В. Шаумана. Сенатор Ф. В. Шауман «прославился» своими сепаратистскими взглядами, за антиправительственные выступления он был лишен воинского звания генерал-лейтенанта, после чего в знак протеста ушел в отставку.

[5] Струве Петр Бернгардович (26.01(07.02). 1870, Пермь – 26.02.1944, Париж) – российский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ. Поначалу разделял марксистские убеждения, постепенно перешел к либерализму.

[6] Имеется в виду Союз освобождения – нелегальное политическое движение, объединившее «освобожденческие» кружки поначалу в 22 городах России. Ядро партии сформировалось из сторонников журнала «Освобождение». Создан в 1903 г. в Шаффхаузене (Швейцария). Участники – Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. И. Вернадский, В. В. Водовозов, И. М. Гревс, П. Д. Долгоруков, Д. Е. Жуковский, Б. А. Кистяковский, С. А. Котляревский, Е. Д. Кускова, Н. Н. Львов, П. И. Новгородцев, И. И. Петрункевич, С. Н. Прокопович, Ф. И. Родичев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, Д. И. Шаховской.

[7] Видимо, имеется в виду Польская социалистическая партия (Польская партия социалистов, ППС, польск. *Polska Partia Socjalistyczna*, *PPS*) – польская партия, существовавшая в 1892–1948 гг. В 1893 г. на конспиративном съезде в Польше была образована Польская социалистическая партия. Центральным пунктом программы ППС было создание независимой Польской республики. В том же году в Берлине польскими эмигрантами была оформлена ППС в Пруссии. Из ППС почти сразу после создания выделилось интернационалистское крыло – Социал-демократия королевства Польши и Литвы, которое считало более важной целью социальную революцию, а не независимость Польши. Первоначально партия не признавала террора, но в 1904 г. она впервые применила террористические акты в Варшаве против российской администрации, войск и полиции. Через несколько месяцев на VII съезде партии террор был признан официальной тактикой борьбы с так называемыми «врагами польского народа» и включен в Программу партии. Была создана Боевая организация ППС. Боевики организации совершали экспроприации, убийства полицейских и чиновников, террористические акты. 2(15) августа 1906 г. террористы ППС совершили нападения на полицейские и военные патрули одновременно в разных частях Варшавы, убив 50 солдат и полицейских и ранив вдвое больше. Этот день получил название «Кровавая среда». В Галиции была учреждена школа для боевиков, в которой члены ППС готовились к исполнению террористических актов. Во время Первой мировой войны некоторые члены ППС участвовали в создании польских легионов, воевавших на стороне Австро-Венгрии против России.

[8] Видимо, речь идет о партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеров). ПСР – революционная террористическая партия. Входила во II Интернационал. Партия социалистов-революционеров была создана к 1902 г. на базе ранее существовавших народнических организаций и занимала одно из ведущих мест в системе российских политических партий. Она была наиболее многочисленной и самой влиятельной немарксистской социалистической партией.

[9] Дейтрих Владимир Федорович (29.07.1850, Варшава (?) – 09(11?).10.1919, Брянск Орловской губ.) – российский государственный деятель. 10 июня 1905 г. был назначен пред-

седателем Совещания комитета по делам русских училищ в Финляндии. Действительный тайный советник (1914), член Государственного Совета (1905–1917). В феврале 1917 г. арестован и препровожден в Петропавловскую крепость, допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, впоследствии освобожден; затем снова арестован, умер от болезни почек в тюремной больнице. 6 июля 1905 г. на Дейтриха было совершено покушение в г. Гельсингфорсе, причем Дейтрих был ранен брошеной в него бомбой. Покушение организовали финские националисты.

[10] Прокурор финляндского Сената Ионсон был убит 11 января 1905 г. студентом Гогенталем.

[11] Герард Николай Николаевич (1838–1929) – российский государственный деятель, служил в судебном ведомстве; председатель Варшавской судебной палаты (1875); сенатор (1882); член (1898) и председатель Департамента гражданских и духовных дел (1902–1905) Государственного Совета; Финляндский генерал-губернатор (1906–1908).

[12] Кок Йохан (Иоганн, Иван) (фин. *Johan Kock*; 04.06.1861, Гельсингфорс – 13.04.1915, Мичиган, США) – финский революционер. По окончании военного училища служил в качестве офицера в 8-м Выборгском финском стрелковом батальоне. В 1896 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. Был членом финляндской социал-демократической партии. 17(30) октября 1905 г. в день объявления всеобщей забастовки в Гельсингфорсе забастовочный комитет предложил Коку возглавить вновь образовавшуюся «Национальную гвардию» (впоследствии называвшуюся «Красной гвардией»). В октябре 1905 г. «Национальная гвардия» фактически заменила полицию в Гельсингфорсе. Продолжал оставаться начальником «Красной гвардии» и после того, как от нее отделились шведско-финские националисты, образовавшие «Белую гвардию». В 1906 г. во время Свеаборгского восстания выпустил от своего имени воззвание с призывом ко всеобщей забастовке. После подавления восстания скрылся в Швецию, затем через Великобританию эмигрировал в Америку.

[13] Заболотный Иван Кириллович (1866(1868?) – 1912) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы первого созыва от Подольской губ. Крестьянин по про-

исхождению. Будучи студентом Киевского университета, принимал участие в Англо-бурской войне. По окончании университета пошел по юридической дороге. Был приписан помощником присяжного поверенного при Житомирском суде. Сам причислял себя к прогрессистам (умеренным либералам) и считал невозможной органическую работу в Думе.

[14] Свеаборгское восстание – вооруженное революционное выступление матросов и солдат гарнизона русской морской крепости Свеаборг близ столицы Великого княжества Финляндского Гельсингфорса (Хельсинки), произошедшее 18–20 июля 1906 г. Руководители восстания, офицеры Аркадий Емельянов и Евгений Коханский, и еще пятеро унтер-офицеров и солдат были осуждены военным судом и расстреляны 22 июля (4 августа) 1906 г. на Лагерном острове. Затем были осуждены еще две группы мятежников. За восстание на Скатуддене к расстрелу приговорили 17 матросов. Из числа арестованных 28 руководителей бунта были приговорены к смертной казни, 967 человек были осуждены военным судом к различным срокам заключения или службы в дисциплинарных ротах, 77 человек были оправданы. Финские красногвардейцы судились отдельно в финских гражданских судах: 81 человек был приговорен к тюремным срокам в 4–8 лет.

[15] Лангоф Карл-Фридрих-Август Федорович (02.02.1856 – ?) – государственный деятель Российской Империи. Службу проходил в качестве командира лейб-гвардии Семеновского полка (13.09.1899–20.10.1904). Офицер лейб-гвардии Измайловского полка, по окончании академии находился на должностях Генерального штаба. Капитан с 1884 г., подполковник с 1888 г., полковник с 1892 г., генерал-майор с 1900 г., генерал-лейтенант с 1906 г. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1891 г. – младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1894 г. – командир 1-го Финского строевого батальона, с 1896 г. – начальник штаба финских войск, с 1897 г. – командир лейб-гвардии 3-го стрелкового Финского батальона, с 1899 г. – командир лейб-гвардии Семеновского полка, с 1904 г. – 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 1906 г. – министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского. 8 апреля 1913 г. уволен в отставку с производством в генералы от инфантерии. Имел сына.

[16] Mauser Gewehr 98 (Маузер 98) – магазинная винтовка образца 1898 г., разработанная немецкими конструкторами, братьями Вильгельмом и Паулем Маузерами. Винтовка «Маузер 98» состояла на вооружении многих армий мира вплоть до конца Второй мировой войны и получила репутацию точного и надежного оружия. Благодаря таким особенностям, как высокая точность, сила боя и надежность, винтовка до сих пор широко используется в качестве базы для охотничьего и спортивного оружия.

[17] Имеется в виду Декабрьское восстание 1905 г. в Москве – закрепившееся в советской историографии название массовых беспорядков (в документах того времени именовалось мятежом), происходивших в Москве 7(20) – 18(31) декабря 1905 г.; кульминационный эпизод революции 1905 г. Восстание началось 7 декабря. В этот день почти на всех крупных предприятиях прекратили работу. Всюду состоялись митинги и собрания под охраной вооруженных революционных дружин; 9 декабря в Москве появились первые баррикады, а 10 декабря их строительство развернулось повсюду. К 12 декабря бóльшая часть города, все вокзалы, кроме Николаевского, были в руках восставших. Правительственные войска удерживали лишь центр города. Наиболее упорные бои велись в Замоскворечье, Рогожско-Симоновском районе и на Пресне. В ночь на 15 декабря из Петербурга по действовавшей Николаевской железной дороге прибыли 2 тыс. солдат Семеновского гвардейского полка. Командир полка полковник Г. А. Мин отдал приказ: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно». Дружинники сосредоточились на Пресне, которую Мин подверг артиллерийскому обстрелу. К 19 декабря мятеж был подавлен.

[18] “*Hufvudstadbladet*” – шведскоязычная газета с высоким тиражом, издающаяся в Финляндии (Гельсингфорс – Хельсинки). Основана в 1864 г., издается до сих пор.

[19] “*Vastaisuus*” (пер. с фин. – Сопротивление) – еженедельная газета Финляндской партии активного сопротивления.

[20] Куопио (фин. *Kuopio*) – портовый город в Финляндии, на озере Каллавеси (фин. – *Kallavesi*, в системе озер Сайма). Административный центр провинции Северное Саво. Восьмой по величине город Финляндии, население 91,0 тыс. жителей (на 2007 г.).

[21] Бьернеборг, Пори (фин. *Pori*, швед. *Björneborg*) – одиннадцатый по величине город Финляндии, расположенный на ее западном побережье. Центр города находится в 16 км от Ботнического залива, на берегах р. Кокемяенйоки.

[22] Таммерфорс, Тампере (фин. *Tampere*, швед. *Tammerfors*; официальное русское название до 1917 г. – Таммерфорс) – город в провинции Пирканмаа на юге Финляндии, второй по значимости городской центр после Хельсинки.

[23] Вазас(с)кая губерния (фин. *Wasa län*, *Waasan lää ui*) – одна из губерний Великого Княжества Финляндского, которая занимала часть западного склона Финляндии, обращенного к южной части Ботнического залива, или к так называемому Ботническому морю (*Bottenhaf*).

[24] Мексмонтан Морис (*Mauritz Mexmontan*; 1856–1936) – один из лидеров финской партии активного сопротивления, преподаватель фехтования при Гельсингфорсском университете, во время Первой мировой войны был арестован за шпионаж в пользу Германии.

[25] Государственная Дума Российской Империи первого созыва – первый в России избранный населением представительный законодательный орган. Стал результатом попытки преобразовать Россию из самодержавной в парламентскую монархию, вызванной стремлением стабилизировать политическую обстановку в условиях многочисленных волнений и революционных выступлений. Дума первого созыва провела одну сессию и просуществовала 72 дня, с 27 апреля (ст. ст.) 1906 г. по 8 июля 1906 г., после чего была распущена Императором. Этот шаг в Манифесте от 9 июля объяснялся так: «Выборные от населения вместо работы строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению. Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям. Но пусть помнят Наши подданные, что только при полном по-

рядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению Нашей Царской воле. Призываем всех благомыслящих русских людей объединиться для поддержания законной власти и восстановления мира в Нашем дорогом Отечестве».

[26] Шауман Евгений – убийца Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова (1839–1904), шведский террорист, сын финляндского сенатора Ф. В. Шаумана.

[27] Санкт-Михельская (Сен-Михельская) губ. – губерния Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи. Административный центр – г. Миккели, в России больше известный в то время под шведским названием Санкт-Михель (Святой Михаил).

[28] «Джон Графтон» (англ. *John Grafton*) – пароход 1883 г. постройки водоизмещением 315 т, известный неудачной попыткой провоза оружия в Россию во время революции 1905 г. и Русско-японской войны. Штаб организации располагался в Лондоне в клубе профсоюза моряков *Maritime Hall* на *West India Dock Road*. Деньги на закупку оружия были получены из японских источников, через полковника Мотодзиро Акаси. М. М. Литвинов (Валлах; впоследствии – нарком иностранных дел СССР) оценивал деньги, затраченные на закупку оружия, в 100 тыс. руб. Для доставки оружия в Лондоне был куплен пароход *John Grafton* вместимостью около 300 т. Для запутывания следов пароход был куплен неким Уоттом (*Whatt*), партнером японской компании *Takada & Company*, затем перепродан некому виноторговцу Дикенсону (*Robert Richard Dickenson*) – казначею эсеров. По плану организаторов оружие должно было быть выгружено в нескольких пунктах: около Выборга и в нескольких местах вдоль финского побережья, а затем доставлено в Россию и распределено между финскими, эсеровскими, большевистскими боевиками, а также рабочими из гапоновских организаций, чтобы в октябре 1905 г. поднять вооруженное восстание в Петербурге и Москве. Всего на «Джоне Графтоне» было загружено 16 тыс. винтовок, 3 тыс. револьверов, 3 млн. патронов, а также 3 т взрывчатых веществ – динамита и пироксилина. Груз включал канадские винтовки Росса (*Ross*

rifle), швейцарские винтовки Веттерли (*Vetterli rifle*). Пароход вышел из Лондона еще без груза и со старой командой и прибыл в Флиссинген, где команда была заменена на специально подобранную для операции по перевозке оружия. Новая команда состояла, в основном, из латышей-социалистов. Затем *John Grafton* вышел в Ла-Манш, где прямо в море на него было перегружено оружие с другого судна. Пароход прибыл в Копенгаген, а затем перешел в Стокгольм, а оттуда отправился к берегам Финляндии. 26 августа (8 сентября) 1905 г. рано утром в 22 км к северу от Якобстада (Пиетарсаари) в шхерах Ларсмо пароход сел на мель. В течение всего дня команда выгружала оружие на близлежащие островки, а вечером пароход был подорван и частично затонул. Взрыв был слышен за 50 км. Команда ушла на парусной лодке в Швецию и вскоре рассеялась по разным портам мира. Пароход был замечен двумя финскими таможенниками из Ларсмо и местными рыбаками, которые сообщили об этом властям.

[29] Эстерботния (*Oesterbotten*) – одна из девяти исторических областей Финляндии, занимает склон страны к Ботническому заливу, принадлежит к наиболее плодородным частям Финляндии.

**Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 1. Заседание 66.
13.05.1908. Речь Г. Г. Замысловского
по финляндскому вопросу**

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия 1. Ч. III. Заседание 66. – СПб., 1908. – Стлб. 712–716.

[1] В 1863 г. в Гельсингфорсе после более чем полувекового перерыва собрался финляндский сейм (парламент), по решениям которого окончательно оформилась четырехсоставная система сейма, демократические привилегии и т. д., после которых сейм стал созываться чаще, начали формироваться политические партии. Сейм, в который входили четыре сословия: аристократия, духовенство, мещане и крестьяне, продолжал принимать законы и утверждать налоги Великого княжества Финляндского, ориентируясь только на Закон о фор-

ме правления Швеции 1772 г., также сохранившийся при присоединении к России, порой игнорируя российские интересы. При Александре III появилась тенденция к унификации финского законодательства с российским. Манифестом от 1890 г. из юрисдикции финляндского сейма были изъяты и переданы в верховные инстанции Империи вопросы, «имеющие общегосударственное значение». Отныне все вопросы такого рода, касавшиеся Финляндии, должны были после их обсуждения на сейме проходить через Государственный Совет Российской Империи с участием финляндских представителей. После этого они могли поступать на окончательное утверждение Императора. Современную форму финский парламент получил в 1905 г. после учреждения Императором Николаем II Государственной Думы. В соответствии с февральским Манифестом финский четырехсословный сейм был упразднен и заменен однопалатным парламентом. Тогда же были приняты многие центральные с точки зрения развития демократии законы, как, например, закон о свободе слова, закон о свободе собраний, закон о свободе объединений и закон о свободе печати. Финские женщины вторыми в мире и первыми в Европе получили право голосовать и избираться наравне с мужчинами. В первый парламент были избраны 19 женщин.

[2] Петрово-Соловово Василий Михайлович (27.12.1850, С.-Петербург – 22.06.1908, там же) – русский общественный и политический деятель, член Государственной Думы от Тамбовской губ. Православный. Из старинного дворянского рода Петрово-Соловово. Сын Михаила Федоровича Петрово-Соловово (1813–1885), отставного полковника Кавалергардского полка, и Евдокии Васильевны Сухово-Кобылиной (1819–1896), сестры драматурга А. В. Сухово-Кобылина и первой русской художницы С. В. Сухово-Кобылиной. Крупный землевладелец Кирсановского и Тамбовского у. Тамбовской губ. Учился в Карлсруэ, затем окончил историко-филологический факультет Московского университета (1875). В 1878 г. защитил кандидатскую диссертацию. После этого поселился в своем имении, участвовал в земском движении в Тамбовском у.: избирался почетным мировым судьей (1880), гласным уездного земского собрания (1880), уездным предводителем дворянства (1887). Имел чин статского советника. Был постоянным участ-

ником Всероссийского земского сельскохозяйственного съезда, входил в либеральный кружок «Беседа». Публиковался в газете «Русские ведомости». С 1905 г. активно занимался политикой в составе партии Союз 17 октября: был избран руководителем Тамбовского отделения партии, а в следующем году – членом Московского ЦК партии. В 1907 г. был избран членом Государственной Думы от Тамбовской губ., стал председателем аграрной комиссии. Был одним из основателей и первым председателем Тамбовского отделения Русского музыкального общества. Также стал основателем и членом попечительского совета Тамбовского музыкального училища. Благодаря пожертвованию Петрово-Соловово было построено здание училища в стиле модерн (по проекту Ф. А. Свирчевского).

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 116.
21.05.1910. Речь Г. Г. Замысловского о Финляндии

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия 3. Ч. IV. Заседание 116. – СПб., 1910. – Стлб. 1982–1997.

[1] Егоров Николай Максимович (1871–?) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего созыва от Пермской губ. Русский, православный, из крестьян (сельский обыватель), был женат, получил низшее образование (сельская школа), чернорабочий (заработок составлял 360 руб.). Социал-демократ. В Думе – член VII отдела.

[2] Фридрихсгамский мирный договор 1809 г. был заключен между Россией и Швецией по итогам войны между Россией и Швецией 1808–1809 гг., в ходе которой Россия сумела полностью оккупировать Финляндию и разгромить шведские войска. Согласно мирному договору, вся Финляндия (включая Алендские острова) отходила к России. Допускалось переселение шведского населения из Финляндии в Швецию и в обратном направлении. Швеция должна была заключить мир с Наполеоном (она была непременным участником всех антифранцузских коалиций). После заключения мира было образовано Великое княжество Финляндское со своей конституцией, вошедшее в состав России.

[3] «Великая хартия вольностей» (лат.). Грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным (Король Джон) 15 июня 1215 г. и ставшая в последующем одним из основополагающих конституционных актов Англии. Большинство пунктов Хартии было отменено более поздними актами парламента; неизменными до сих пор остаются 3 пункта из 63.

[4] Еще до заключения мира в г. Борго был созван финляндский сейм из представителей четырех сословий – дворянства, духовенства, горожан и крестьян. При его открытии 16(28) марта 1809 г. Государь Александр I произнес речь на французском языке, в которой заявил: «Я обещал сохранить вашу конституцию, ваши коренные законы; ваше собрание здесь удостоверяет исполнение моих обещаний» (Энциклопедический словарь. Т. XXXVI. – СПб.: Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. – 1902. – С. 4).

[5] Карл Эрик Маннергейм (1759–1837) – прадед известного финского политического и военного деятеля XX в. Карла Густава Эмиля Маннергейма. К. Э. Маннергейм в 1825 г. был возведен в графское достоинство, после чего старший сын в семье становился графом, а младшие братья старшего члена фамилии (к которым принадлежал и Густав Маннергейм), равно как и представители младших генеалогических ветвей, оставались баронами. После победы России над Швецией в войне 1808–1809 гг. Карл Эрик Маннергейм был руководителем делегации, принятой Александром I, и способствовал успеху переговоров, закончившихся в результате утверждением конституции и автономного статуса Великого княжества Финляндского. С тех пор все Маннергеймы стали отличаться четкой прорусской ориентацией.

[6] Лютер Мартин (нем. *Martin Luther*; 10.11.1483, Айслебен, Саксония – 18.02.1546, там же) – христианский богослов, инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма.

[7] В 1527 г. на Вестеросском риксдаге главой Церкви был провозглашен шведский король, а имущество монастырей было конфисковано в пользу короны. Делами Церкви стали управлять светские лица, назначенные королем.

[8] В 1789 г., не умея иначе сломить оппозицию дворянства, король Швеции Густав III прибег к государственному перевороту, которым было почти восстановлено самодержавие.

17 февраля 1789 г. в соответствии с Актом о Союзе и Безопасности («Акт Соединения и Охранения») при поддержке трех низших сословий Густав утвердил новую конституцию, значительно увеличивавшую полномочия монарха, в частности в вопросах внешней политики.

[9] Остен-Сакен Вольф фон дер, барон – российский юрист. См. его капитальный труд по правовому статусу Финляндии: *Остен-Сакен В.* Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в Российском государстве. – СПб., 1910.

[10] Император Александр III ясно сознавал преобладание общеимперского законодательства. В широких массах известен его почтовый манифест и его манифест о приостановлении введения в действие Уголовного уложения, о котором я уже упоминал. Менее известны другие два акта его царствования: Высочайшее повеление 1891 г. о передаче на обсуждение Государственного Совета проекта финляндского Сената о финляндских основных законах и проекта Финляндского генерал-губернатора графа Гейдена об учреждении управления финляндскими губерниями и Высочайшее повеление 1893 г. о передаче точно так же на разрешение Государственного Совета мнения русских и финляндских членов комиссии Бунге о будущем государственном законодательстве.

[11] Парижская конференция 1904 г. – совместная конференция революционных и оппозиционных партий России в сентябре-октябре 1904 г. в Париже. Созвана по инициативе финского революционера Конни Циллиакуса с целью выработки совместного плана борьбы против русского Самодержавия. Помимо общих целей на конференции обсуждались также общие методы борьбы. Как следует из секретного доклада полковника М. Акаси, было решено, что каждая из партий будет действовать своими, свойственными ей методами борьбы. Предполагалось, что либералы из Союза освобождения будут действовать против Самодержавия легальными методами – через печать и земские собрания. С возобновлением земских собраний на них будут выдвигаться громкие требования немедленного введения конституции и амнистии политических заключенных. Будут проводиться банкетные кампании и студенческие демонстрации и подаваться петиции

от разных сословий на имя Императора с требованием политической свободы. Со своей стороны, революционные партии будут использовать более радикальные методы, такие как организация студенческих беспорядков, крестьянских волнений и демонстраций рабочих фабрик и заводов. Самые крайние партии оставляют за собой право и на вооруженные методы борьбы, начиная от единичного и массового террора и кончая попытками вооруженных восстаний с применением всех видов оружия. Если какая-то из партий совершит террористический акт, то другие должны приурочить к этому событию свои выступления в печати с выдвижением политических требований. Наконец, все без исключения партии должны устно и через печать агитировать против продолжения непопулярной войны, предрекать поражения русской армии и флота и винить в военных неудачах Царя и его правительство. Российский Департамент полиции получал подробные сведения о решениях конференции через своего агента Е. Ф. Азефа, который исполнял на конференции должность секретаря. В 1909 г., выступая в Государственной Думе с речью по делу Азефа, премьер-министр П. А. Столыпин приводил этот факт в качестве одной из его заслуг. «Он сообщает, например, – говорил Столыпин, – о конгрессе революционеров в Париже, решившем собрать в Париже конференцию всех революционных и оппозиционных партий. Эта конференция состоялась между 17 и 24 сентября, и, согласно донесению Азефа, на ней были: от революционеров – он и Чернов, а от конституционалистов – Петр Струве, Богучарский, кн<язь> Долгоруков и Павел Милюков». (*Голоса в центре*: «Хорошее знакомство, хороши приятели!»; *смех*.) Решения Парижской конференции в значительной мере предопределили события революции 1905–1907 гг. в России. Логическим продолжением Парижской конференции стала Женевская конференция российских революционных партий, состоявшаяся в апреле 1905 г.

[12] Азеф Евно Фишелевич (Евгений Филиппович; 1869–1918) – агент-провокатор Департамента полиции (с 1892 г.); глава «Боевой организации» социалистов-революционеров (1903–1908); после разоблачения В. Л. Бурцевым (1908) приговорен эсерами к смерти, бежал, жил в Германии под вымышленным именем.

Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 3. Заседание 121.
26.05.1910. Речь Г. Г. Замысловского о Финляндии

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия 3. Ч. IV. Заседание 121. – СПб., 1910. – Стлб. 2493–2499.

[1] Доклад Г. Г. Замысловского был произнесен в рамках второго обсуждения внесенного председателем Совета Министров законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения (доклад комиссии по финляндскому вопросу). См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910. Сессия 3. Ч. IV. Заседание 121. – СПб., 1910. – Стлб. 2435–2516.

[2] Ордин Кесарь Филиппович (ок. 1835 – 05.07.1892) – гофмейстер Двора Его Императорского Величества, тайный советник, состоявший при министре внутренних дел; попечитель больницы св. Николая Чудотворца и ремесленного училища Цесаревича Николая Александровича; писатель. Купив в конце 1870-х гг. имение в Финляндии (в Выборгской губ.), он не мог не обратить внимания на то тяжелое положение, в котором были русские, вынужденные по тем или другим причинам жить в Финляндии. Это побудило его приняться за изучение истории края. Ознакомившись с финским и шведским языками, а также и с литературой на этих языках, касающейся государственного устройства края, Ордин стал работать в правительственных архивах, проверяя по подлинным документам правдивость сообщаемых финляндскими историками сведений. Вскоре он должен был убедиться, что весьма часто тот или другой приводимый у финляндских историков государственный акт не вполне, а иногда и совершенно не соответствовал подлинному документу. К этому времени относятся его первые статьи о Финляндии, которые он помещал в «Русском вестнике», а затем и в некоторых других повременных изданиях. В последние же годы жизни он помещал свои статьи преимущественно в «Московских ведомостях»; некоторые из них вошли в изданный редакцией этой газеты сборник «Финляндская окраина России». Помимо этих статей Ордин в 1889 г. издал большое двухтомное исследование «Покорение Финляндии», в котором

на основании отысканных им, большей частью ранее нигде не напечатанных источников, изложил историю покорения Финляндии русскими и утверждения в ней русской власти. Это исследование было удостоено Императорской академией наук премии им. митрополита Макария. Другой крупной научно-литературной работой Ордина был изданный им русский перевод сочинения сенатора финляндского сената Мехелина «Конституция Финляндии». В примечаниях к этому сочинению Ордин подробно разобрал всю работу Мехелина и доказал неосновательность большей половины приводимых Мехелином положений о Финляндской конституции. К. Ф. Ордин скончался в своем имении в Финляндии.

[3] Юскевич-Красковский Николай Максимович (? – после 1917) – русский националист, публицист, участник монархического движения. Член Русского Собрания. Один из создателей Союза Русского Народа. Делегат Первого Всероссийского Съезда Русских Людей. Осужден финским судом по обвинению в убийстве депутата Госдумы еврея Герценштейна (1906), однако помилован Николаем II. После освобождения – активист Русского Народного Союза имени Михаила Архангела и марковского Союза Русского Народа. Сотрудник журнала «Прямой путь», секретарь редколлегии Книги Русской Скорби.

**Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 5. Заседание 13.
02.11.1911. Речь Г. Г. Замысловского
о правах евреев в Финляндии**

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 13. – СПб., 1911. – Стлб. 1053–1058.

[1] Второе обсуждение внесенных председателем Совета Министров законопроекта об уравнении в правах с финляндскими гражданами других русских подданных (доклад комиссии по направлению законодательных предположений) (см.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 13. – СПб., 1911. – Стлб. 1002–1070). Член

Думы П. В. Крупенский предложил изложить § 6 законопроекта следующим образом: «Евреи пользуются в Финляндии теми правами, которые им предоставлены вне черты оседлости, т. е. в остальной России». Крупенский поясняет: «Раз жид может жить в Петербурге, отчего же он не может жить в Финляндии?» (См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 13. – СПб., 1911. – Стлб. 1037).

[2] Алексеенко Михаил Мартынович (1847–1917) – тайный советник. Из купцов. В 1868 г. окончил юридический факультет Харьковского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1879 г. защитил докторскую диссертацию «Действующее законодательство о прямых налогах». С 1880 г. – ординарный профессор, с 1886 г. – декан юридического факультета, с 1890 г. – ректор Харьковского университета. В 1895 г. получил звание заслуженного профессора. Избирался депутатом Государственной Думы третьего и четвертого созывов от Екатеринославской губ., где обладал земельным цензом. Принадлежал к фракции октябристов, а с 1914 г. – к фракции земцев-октябристов. С августа 1914 г. – член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов.

[3] Богров Дмитрий Григорьевич (Мордехай (Мордко) Гершкович) (1887–1911) – сын богатого киевского домовладельца и присяжного поверенного. Из евреев. Придерживался леворадикальных взглядов. С 1906 г. – агент Киевского охранного отделения, «освещал» деятельность анархических и эсеровских групп. 1 сентября 1911 г. по билету, выданному начальником Киевского охранного отделения, прошел в городской оперный театр и во время антракта смертельно ранил из браунинга председателя Совета Министров П. А. Столыпина. Был схвачен на месте покушения. По приговору военно-окружного суда был приговорен к смертной казни и повешен в ночь на 12 сентября 1911 г. Дальнейшее расследование обстоятельств убийства прекращено по повелению Императора Николая II. Среди исследователей нет единого мнения о мотивах преступления Богрова. Некоторые считают, что убийство Столыпина – дело рук охранки; другие – что убийца действовал по заданию партии эсеров; третьи – что у Богрова были личные причины.

[4] Марк Туллий Цицерон (лат. *Marcus Tullius Cicerō*; 106–43 до Р. Х.) – древнеримский политик и философ, блестящий оратор, а также фактически учитель и кумир Аврелия Августина (Августина Блаженного) – основателя августинизма, хотя последний жил несколькими веками позже Цицерона.

ВРАГИ РОССИИ И БОРЬБА С НИМИ

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 4. Заседание 17. 10.11.1910. Речь Г. Г. Замысловского по поводу вооруженного восстания в Новороссийске

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия 4. Ч. I. Заседания 1–38 (с 15.10.1910 по 17.12.1910). – СПб., 1910. – Стлб. 1175–1187.

[1] Имеется в виду вооруженное восстание в Новороссийске 12–25 декабря 1905 г. Избранный в ходе политической забастовки 8–10 декабря по призыву Черноморского комитета РСДРП Новороссийский совет (председатель – член комитета большевик Николаев, настоящая фамилия – Бернштейн) провозгласил «народное самоуправление» и борьбу с Самодержавием «вплоть до вооруженного восстания». Стремясь сплотить все революционные силы, большевики приняли тактику «левого блока» (с эсерами, меньшевиками и т. д.), поэтому в Совете, кроме большевиков, были представители и других революционно-экстремистских партий. Значительная часть солдат и казаков местного гарнизона под влиянием революционной агитации вышла из повиновения и отказалась бороться против революции. Постановлением Совета от 14 декабря были закрыты правительственные учреждения (кроме банков), прекращена частично забастовка на бытовых предприятиях и возобновлена торговля, введен 8-часовой рабочий день и созданы рабочие комитеты, контролировавшие прием и увольнение рабочих. Совет разоружил полицейских, вооружил рабочую дружину в Новороссийске (рабочие дружины были созданы также в Сочи, Гагре и Туапсе), взял под свой контроль железнодорожные и морские перевозки; обложив налогом буржуазию

и чиновников, организовал помощь бастующим, освободил политических заключенных, создал народный суд, начал издавать «Известия Совета рабочих депутатов» (вышли 4 номера). 24 декабря Царское правительство направило в Новороссийск войска, действия которого поддерживал с моря броненосец. Во избежание излишних жертв и с целью сохранения революционных сил Совет решил не оказывать сопротивления и 25 декабря прекратил свою деятельность. В тот же день войска вступили в город, который был объявлен на военном положении; произведены многочисленные аресты. Черноморский комитет РСДРП ушел в подполье. Военный суд приговорил семерых бунтовщиков к смертной казни (замененной впоследствии каторжными работами) и 13 человек – к различным срокам каторжных работ. (Подробнее см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 12. – С. 229–230; *Сокольский В. Д.* «Новороссийская республика». Совет рабочих депутатов Новороссийска в 1905 г. – М., 1963; *Бодянский С. А.* Новороссийская республика (Воспоминания участника событий). Т. 7. – М., 1969. – С. 272–284).

[2] Ефим Николаевич Хлодовский занимал пост старшего председателя Новочеркасской судебной палаты в 1907–1911 гг.

[3] Половцов Лев Викторович (1867 – ?) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов от Новгородской губ., землевладелец. Окончил С.-Петербургский университет. Состоял на службе при Петербургском телеграфном агентстве. Чиновник особых поручений при Департаменте общих дел Министерства внутренних дел. Член Всероссийского Союза Националистов.

[4] Ляхницкий Николай Яковлевич (1871–?) – российский политический деятель, депутат III Государственной Думы от Ставропольской губ. Русский, православный, получил высшее образование (С.-Петербургский университет), присяжный поверенный (заработок состоял от 4 до 6 тыс. руб.), в Думе принадлежал к трудовой группе, член I отдела.

[5] Захарьев Николай Александрович (1868–?) – российский политический деятель, депутат III Государственной Думы от Области Войска Донского. Юрист. Потомственный почетный гражданин. Окончил юридический факультет Московского университета. Присяжный поверенный. Член III Думы от области Войска Донского, член кадетской фракции.

[6] Штейн Ольга (1869 – после 1930) – мошенница с мировым именем. В криминальной дореволюционной России было несколько женщин-уголовниц, носивших кличку Золотая Ручка. Одна из них Ольга Зельдовна Штейн, урожденная Сегалович, навсегда вошла в криминальную хронику С.-Петербурга. Родилась в обеспеченной еврейской семье, которая смогла дать ей хорошее образование, в том числе и музыкальное. Сегаловичи жили в Стрельне под С.-Петербургом. Отец Ольги – мещанин Сегалович – в начале 60-х гг. XIX в. организовал в Царском Селе филиал известной парижской ювелирной фирмы и вскоре стал поставщиком изделий для высшего петербургского общества. Ольга, обладая красивой и элегантной внешностью, была постоянно окружена роем поклонников из самого высшего света. Она с головой окунулась в удовольствия пышной и шумной столичной жизни. Многочисленные ценные подношения «милых друзей» все больше и больше разжигали ее необыкновенно алчную натуру. Она стала увязать в долгах. После нескольких скандалов терпение пожилого мужа лопнуло, и в 1901 г. он разошелся с Ольгой. В новом браке жизнь Ольги стала протекать в роскошном особняке. Толпы слуг, изысканные туалеты, собственные выезды – сказочная жизнь. Но для развращенной богатством женщины всего этого было мало. Одна из наиболее безобразных и мрачных страниц темной деятельности Ольги фон Штейн связана с ограблением старика – отставного фельдфебеля по фамилии Десятый. Ему Ольга предложила должность заведующего хозяйством небольшого лазарета, которым она владела, с внесением залога в 4 тыс. руб. Предложенная работа старика устраивала, и он согласился на сумму залога, хотя, внося ее, оставался без копейки. В тот же день, как он внес залог, он узнал от своего друга – дворника, что хозяйке нужны не люди, а деньги и она уже «наняла» на «вакантную» должность несколько человек. Перепуганный старик на следующий же день бросился к хозяйке и на коленях умолял вернуть залог, но все было напрасно. Ольга не знала жалости. Вскоре бывший вояка заболел, стал быстро худеть, а через месяц отдал Богу душу. Еще одно пятно на биографии Ольги – история с покупкой виллы в Австрии. Жертвой фон Штейн стал мещанин Марков. Его наняли, как ему объяснили, для покупки загородного дома с садом в районе Вены,

взяв с него залог в 3 тыс. руб. На дальнюю поездку ему выдали заграничный паспорт и всего 100 руб. его же денег на дорогу. Марков, усердно выполняя задание, быстро нашел очень хороший дом с большим садом за сравнительно умеренную цену. Как и было оговорено, агент Ольги послал телеграмму в Петербург с просьбой о срочной высылке денег на покупку недвижимости. Время шло, но ни денег, ни каких-либо вестей от хозяйки не поступало. В результате длительного ожидания у Маркова не осталось денег не только на обратную дорогу, но даже на самую элементарную пищу. Он так обнищал, что готов был просить милостыню. Пришлось Маркову обратиться в русское консульство за помощью. В результате он этапом, как бродяга, был отправлен в Петербург. А тем временем мошенница, не вспоминая о бедняге Маркове, уже проводила новую аферу. И подобных эпизодов в биографии Штейн множество. В 1902 г . Ольга поместила в газете «Новое время» объявление, что коммерческой компании требуется управляющий. Для поступления на доходную должность нужно было внести крупный залог. Первым претендентом стал некий Свешников. Он заплатил залог в 45 тыс. руб. и был назначен управляющим «золотых приисков в Сибири». Ему обещали жалованье в 300 руб. и хороший процент с прибыли. Свешников оправился в Сибирь, чтобы ознакомиться с делами золотых приисков. Соискатели повалили к Ольге толпами, неся ей деньги. Каждому было обещано хорошее жалованье. Контора работала отменно, если бы не одно досадное обстоятельство: вернулся Свешников, объездивший почти всю Сибирь в поисках мистических приисков генеральши Штейн, и отправился к генеральше. Слуги вышвырнули его вон. Многочисленные обманутые были запуганы влиятельными связями Ольги, никто из них не обратился к прокурору. Первая «пирамида» приказала долго жить. Но авантюристка не унывала. Она перезанимала деньги, перезакладывала драгоценности, оказывала посреднические услуги, даже торговала якобы подлинными полотнами Рубенса и золотыми слитками. На ее счету и весьма экзотичные по тем временам «сделки». Энергичная дамочка одной из первых овладела искусством не только управления, но и угона автомобилей. «Уведенные» машины предприимчивая аферистка закладывала в ломбард. Вскоре в Петербург из Австрии вернулся обманутый

Марков, он обратился к прокурору М. И. Крестовскому. В прошлом это был храбрый боевой офицер, гусар, не раз смотревший смерти в лицо, но выгнанный из гвардии за участие в дуэли. Мать с трудом устроила его на службу в прокуратуру, и Крестовский, испытывая глубочайшее презрение к власть имущим, рьяно принялся за дело. Расследуя аферы генеральши фон Штейн, он хотел расквитаться с теми, кто разрушил его блестящую военную карьеру. Тем более что громкое расследование давало ему шанс значительно продвинуться по службе. Прокурор продолжал находить потерпевших, угрозами вырывал у них показания. Крестовский не жалел ни себя, ни своих подчиненных. Доказательства вины все-таки были собраны. Следствие подошло к концу, и 13 августа 1906 г. Ольга Григорьевна была арестована и препровождена в дом предварительного заключения. Тут в бой вступила тяжелая артиллерия госпожи Штейн: по протекции Победоносцева генеральшу выпустили из тюрьмы под поручительское письмо. К 1907 г. за Ольгой фон Штейн числилось как минимум 17 крупных афер. 4 декабря 1907 г. началось судебное заседание по разбирательству дела Ольги Штейн, в ходе которого было установлено, что выпущенная на свободу под залог 10 тыс. руб. подсудимая Ольга Штейн исчезла. Присутствовавший на заседании адвокат О. Я. Пергамент заявил, что о местонахождении его подзащитной ему ничего неизвестно. Вскоре выяснилось, что Ольга Штейн выехала из России через финскую границу и перебралась в США. Благодаря ранее невиданным мерам по розыску беглянка в начале февраля 1908 г. была обнаружена в Нью-Йорке. По убедительной просьбе Русского правительства (и после длительной дипломатической переписки) Ольга фон Штейн была арестована американской полицией. В соответствии с существовавшими в то время международными договорами мошенницу сначала доставили в Испанию, а затем испанские правоохранительные органы передали ее русским властям. Наконец, 5 мая 1908 г. Ольга фон Штейн была доставлена в Петербург. 4 декабря 1908 г. открылось заседание Окружного С.-Петербургского суда. На процессе, длившемся почти две недели, были рассмотрены все мошенничества Ольги фон Штейн и заслушаны все главные свидетели. Несмотря на большую вину Ольги перед истцами и огромный моральный

ущерб, нанесенный петербургскому обществу, приговор был достаточно мягким. Этому способствовала искусная защита подсудимой адвокатом Бобрищевым-Пушкиным. Благодаря ему были сняты статьи наказания за мошенничество и бегство с заседания суда. Обвинительный акт содержал только две статьи тогдашнего уголовного уложения: «присвоение денег» и «денежные растраты». За все свои аферы Ольга получила только 1 г. и 4 мес. тюремного заключения. Освободившись и сменив очередного супруга, Ольга Зельдовна вновь «заблистала» в свете и снова взялась за старое. На сей раз она стала баронессой фон дер Остен-Сакен. Новому мужу за титул она пообещала заплатить 10 тыс. руб. Естественно, этих денег он не дождался. В 1915 г. новоявленную баронессу фон дер Остен-Сакен вновь усадили на скамью подсудимых по обвинению в мошенничестве с заемными векселями в особо крупных размерах. 21 февраля 1916 г. процесс завершился. Приговор гласил: 5 лет тюремного заключения. Срок Ольга отбывала в Царскосельской женской тюрьме. Но из тюрьмы она вышла все же досрочно. Помогла Февральская революция 1917 г. В годы Гражданской войны Штейн обещала гражданам обменять их ценности на продукты. Но если и меняла, то этих продуктов граждане в глаза не видели – как и саму Ольгу. Она меняла квартиры, как перчатки в свою бытность светской львицей. В итоге Штейн приговорили к бессрочным исправительным работам. Об этом 28 января 1920 г. сообщила тогдашняя «Красная газета». Штейн оказалась в женской колонии под Костромой. Там Ольге удалось вскружить голову начальнику Костромской исправительной колонии Кротову. Тот сначала сумел добиться досрочного освобождения своей подопечной, а потом и сам отправился вслед за ней на волю, уволившись из органов. Любовники стали заниматься мошенничеством. Они создали при Совнаркоме в Москве предприятие «Смычка» и через газеты развернули широкую рекламную кампанию, обещая выслать после получения предоплаты любой товар. Естественно, поверившие заманчивым объявлениям граждане остались с носом, зато Кротов и Штейн вскоре уже катались в собственном автомобиле. В 1923 г. в перестрелке с сотрудниками МУРа Кротов был убит. Схваченная же мошенница обвинила его в изнасиловании, избиении, запугивании и использо-

вании себя в неправедных целях. Баронессу отдали на поруки родственникам, которые вскоре лишились всей своей наличности. Ольгу в 1924 г. приговорили к 12 мес. лишения свободы условно. Затем Штейн исчезла из поля зрения правоохранительных органов. Она все больше опускалась по социальной лестнице, ночевала на вокзалах, попрошайничала. Пускаться на серьезные аферы без средств уже не могла.

[7] Дашнакцутюн («Армянское революционное содружество») – одна из старейших армянских политических партий. Создана в 1890 г. в Тифлисе (ныне Тбилиси). Официальное название на русском языке – Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» (АРФ «Дашнакцутюн»). В 1918–1920 гг. «Дашнакцутюн» – правящая партия в Республике Армения. В результате ввода войск Красной Армии на территорию независимой Республики Армения в ноябре 1920 г. Республика Армения и дашнакское правительство прекратили существование, правительственные войска были разгромлены, а руководство партии было вынуждено эмигрировать. В последние годы существования СССР партия возобновила работу в Армении и самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республике и продолжает активную деятельность во всех странах, где существует армянская диаспора, особенно в Ливане.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 4. Заседание 78. 11.03.1911. Речь Г. Г. Замысловского о шантаже и клевете со стороны социал-демократов

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 4. Ч. III. Заседания 74–113 (с 07.03.1911 по 13.05.1911). Заседание 78. – СПб., 1911. – Стлб. 460–464.

[1] Якобштадт (ныне Екабпилс; латыш. *Jēkabpils*; нем. *Jakobstadt*; латв. *Jākubmīsts*) – город в Латвии, находящийся примерно в 90 км от Даугавпилса. Расположен на обоих берегах Даугавы, соединенных мостом; исторически река разделяла два города – Якобштадт и Крейцбург (Крустпилс). Население Екабпилса составляло в 2000-х гг. 26 тыс. жителей. Долина реки с разветвлениями и островами образует довольно живописный пейзаж.

[2] Имеется в виду Иван Петрович Покровский. См. примечание к речи Г. Г. Замысловского о системе народного образования (Государственная дума. Третий созыв. Сессия 3. Заседание 99. 01.05.1910).

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 1. Заседание 18. 30.01.1913. Речь Г. Г. Замысловского о наказании за революционную деятельность

Источник: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 15.11.1912 по 20.03.1913). – СПб., 1913. – Стлб. 1219–1229.

[1] Имеется в виду заявление 64 членов Государственной Думы (№ 11) об обращении к министрам внутренних дел и юстиции в порядке ст. 33 Учр[еждения] Гос[ударственной] Думы с запросом по поводу незакономерных действий администрации Орловской, Алгачинской и некоторых других каторжных тюрем по отношению к заключенным (Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913. Сессия 1. Ч. I. Заседания 1–30 (с 15.11.1912 по 20.03.1913). – СПб., 1913. – Стлб. 1215).

[2] В 1909 г. был утвержден Устав о ссыльных и содержащихся под стражей, который устанавливал общий порядок обеспечения арестантов продовольствием. Подробнее см.: Уголовно-исполнительное право. Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. А. И. Зубкова. – М., 1997. – С. 24.

[3] Хрулев Степан Степанович – начальник Главного тюремного управления, один из создателей С.-Петербургской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением.

[4] Бурцев Владимир Львович (17.11.1862, Форт-Александровский, Закаспийской обл. – 21.08.1942, Париж) – российский публицист и издатель левого направления, дворянин Уфимской губ., заслуживший за свои разоблачения секретных сотрудников Департамента полиции (т. н. «провокаторов царской охранки») прозвище «Шерлок Холмс русской революции».

[5] Львов Владимир Николаевич (02.04.1872–1934) – российский политический деятель, депутат Государственной

Думы третьего и четвертого созывов от Самарской губ. Дворянин, крупный землевладелец Бугурусланского у. Самарской губ. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, был вольнослушателем Московской духовной академии. Участвовал в организации в Самаре и Самарской губ. отделений партии Союз 17 октября, являлся сотрудником газеты «Голос Самары». Избирался гласным Бугурусланской уездной и Самарской губернской земских управ. Депутат Государственной Думы третьего (октябрист, в апреле 1910 г. вышел из фракции, затем независимый националист) и четвертого (фракция центра, товарищ председателя) созывов от Самарской губ. В августе 1915 г. вошел в прогрессивный блок. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной Думы. Со 2 марта по 21 июля – обер-прокурор Синода. 3 марта участвовал в переговорах с Великим князем Михаилом Александровичем о его отречении от престола. 14 апреля реорганизовал состав Синода, выступал за восстановление патриаршества. 21 июля подал в отставку. После октябрьских событий 1917 г. эмигрировал во Францию. Примкнул к «сменовеховству», выступил в Париже с докладом на тему «Советская власть в борьбе за русскую государственность». В 1922 г. вернулся в Россию. До 1927 г. работал в Высшем церковном управлении. Принимал активное участие в движении «Живая церковь» (церковный обновленец). 2 февраля 1927 г. арестован, по постановлению Коллегии ОГПУ от 29 апреля выслан в Томск на 3 года. В сентябре 1929 г. освобожден из ссылки. Остался на жительство в Томске.

[6] Путткамер Лаврентий Станиславович (1859–1923) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы второго и четвертого созывов от Виленской губ. Поляк, евангелическо-реформаторского вероисповедания, дворянин, граф. Получил высшее образование (инженер путей сообщений), землевладелец (10 тыс. десятин земли). Участвовал в постройке железных дорог: Уральской, Бакинской и Полесской. Член Виленского сельскохозяйственного общества. Попечитель евангелическо-реформаторского прихода в Вильне. В Думе состоял в польском коло, состоял членом III отдела.

[7] Куракин Иван Анатольевич, князь (1874–1950) – российский политический деятель, депутат III Государственной

Думы от Ярославской губ. Губернский предводитель дворянства Ярославской губ. Депутат III Государственной Думы. Примкнул к партии Союз 17 октября. В 1920-е гг. эмигрировал во Францию, стал священником. После переезда в Италию – настоятель Свято-Николаевской церкви в Милане (1931–1935), Христо-Рождественского храма во Флоренции (1935–1950), храма Христа Спасителя в Сан-Ремо (1948–1950). В конце 1940-х гг. принял монашество. В 1949 г. – архимандрит, в октябре 1950 г. – епископ.

[8] Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – директор Департамента полиции (1881–1894); государственный секретарь (1894–1902), одновременно в 1900 г. – государственный секретарь по делам Великого княжества Финляндского; министр внутренних дел (1902–1904). Убит эсером Е. С. Сазоновым.

[9] Кияшко Андрей Иванович (1857–1917) – генерал-лейтенант, губернатор Забайкальской обл. Образование получил в 1-м Павловском училище и Николаевской академии Генштаба (1891). С 28 октября 1896 г. – старший адъютант штаба Приамурского военного округа; с 20 июня 1897 г. – помощник начальника войскового штаба Кубанского казачьего войска (ККВ); с 15 октября 1900 г. – командир 1-го Кавказского полка ККВ; с 12 января 1905 г. – начальник канцелярии штаба тыла войска Донского. 2 февраля 1907 г. вновь переведен на Кубань и назначен атаманом Майкопского отдела; с 23 декабря 1907 г. – начальником войскового штаба ККВ. 28 марта 1912 г. назначен военным губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. Во время Первой мировой войны войско выставило на фронт 9 полков, гвардейскую полусотню, конно-артиллерийский дивизион, две батареи, запасные части (всего около 14 тыс. чел.). Один из инициаторов и исполнителей временных инструкций и циркуляров об уравнении в правах политических и уголовных каторжан. 24 июня 1915 г. в честь Кияшко станица Ильдиканская 3-го военного отдела Забайкальского казачьего войска переименована в «Кияшковскую». 21 января 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Казанского, а 18 февраля – Кавказского военного округа. После февраля 1917 г. назначен Временным правительством командующим войсками Туркестанского военного округа. В конце 1917 г. выдвигался группой «черно-

морцев» при выборах атамана ККВ, но не прошел. В целом (за исключением периода февраля 1917 г.) придерживался правых, черносотенных взглядов. Убит солдатами охраны – бывшими политкаторжанами.

Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 4. Заседание 31. 04.03.1916. Речь Г. Г. Замысловского о деятельности думских либералов

Источник: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия 4. – Стлб. 1205–3502. Заседания 17–37 (с 09.02.1916 по 15.03.1916). – Пг., 1916. – Стлб. 2780–2792.

[1] Савенко Анатолий Иванович (1874 – после 1920) – российский политический деятель, депутат IV Государственной Думы от Киевской губ. Окончил Лубенскую гимназию, затем юридический факультет Киевского университета. Некоторое время состоял на государственной службе, коллежский секретарь. Вышел в отставку и посвятил себя журналистике, с 1899 г. – сотрудник газеты «Киевлянин», где вел постоянную рубрику. В 1905–1906 гг. – организатор, затем председатель правоконсервативной Партии правового порядка в Киеве. От этой партии был делегатом IV Всероссийского Съезда Объединенного Русского Народа в Москве. В 1908 г. – один из инициаторов, а затем и руководитель Киевского Клуба Русских Националистов, проводил политику сближения Клуба со Всероссийским Национальным Союзом (ВНС). В 1912 г. на I съезде ВНС избран членом Совета. С 1910 г. – гласный Киевской городской думы, а с 1912 г. – депутат IV Государственной Думы от Киевской губ., один из лидеров фракции националистов. Затем примкнул к прогрессивному блоку, т. е. изменил правому движению. По его инициативе Клуб Русских Националистов был переименован в Клуб Прогрессивных Русских Националистов. Во время корниловского выступления был арестован местным «Комитетом по охране революции». В дальнейшем принял активное участие в Белом движении, был одним из главных сотрудников Осведомительного агентства Добровольческой армии (ОсвАг). После разгрома армии Деникина эмигрировал.

[2] Левашев (Левашов) Сергей Васильевич (1857–1919) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы четвертого созыва от Херсонской губ. Действительный статский советник, доктор медицины, профессор. Родился в Белевском у. Тульской губ., потомственный дворянин. Получил начальное домашнее образование, затем закончил Тульскую гимназию. В 1878 г. закончил Петербургскую медико-хирургическую академию; в 1880 г. защитил диссертацию и стал доктором медицины; в 1883 г. избран приват-доцентом; в 1884 г. командирован за границу; 2 года усовершенствовался в клиниках Германии; в 1886 г. переехал в Париж. 28 июня 1899 г. избран член-корреспондентом Парижского терапевтического общества. 16 лет состоял профессором факультетской терапевтической клиники Казанского университета, затем Новороссийского университета. В Одессе оборудовал новое помещение клиники, организовал научную работу. В 1907 г. избран деканом медицинского факультета, а в следующем – ректором Новороссийского университета. Занимался активной общественной деятельностью, был гласным Одесской городской думы, почетным мировым судьей. В 1909 г. организовал в Одессе Высшие женские медицинские курсы. Депутат IV Государственной Думы от Одессы. В Думе стал товарищем председателя, а затем председателем фракции правых. В годы Первой мировой войны призывал оказать всемерную поддержку правительственному курсу. Был одним из главных организаторов Совещания монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде (Петроградское Совещание), выступал на нем и был избран товарищем председателя Совещания. В январе 1916 г. его избрали почетным членом Русского Монархического Союза (РМС) в Москве. После февраля 1917 г. отошел от политической деятельности.

[3] Завод Крупа. Крупп (нем. *Krupp*) – немецкая промышленная династия из Эссена. Широко известны как промышленники, владельцы сталелитейного и военного производства. Компания *Friedrich Krupp AG Hoesch-Krupp* с 1999 г. входит в состав промышленного конгломерата *ThyssenKrupp AG*.

[4] Петербургский историк А. А. Иванов отмечает в своем исследовании: «В конце 1915 – начале 1916 г. одним из главных предметов обсуждения обеих законодательных палат Российской Империи – Государственного Совета и Государственной

Думы – стал, как справедливо отмечал член верхней палаты А. Н. Наумов (*Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. – N.-Y., 1955. – С. 299), вопрос о введении в стране системы подоходного налогообложения. Активное участие в полемике по этому вопросу приняли представители самых консервативных парламентских объединений – правой группы Государственного Совета и фракции правых IV Государственной Думы. За подоходный налог было подавляющее большинство Думы, однако правые настойчиво подчеркивали, что в отличие от либерального большинства они рассматривают данный проект не как "великую социальную реформу", а как "почти ничтожный, но необходимый закон". При этом позиция правых в данном вопросе в общих чертах совпадала с мнением трудовиков, полагавших, что чем богаче человек, тем больше он должен платить, т. к. чрезмерное скопление богатства в руках немногих лиц нежелательно для общества и государства. Но от левых их принципиально отличало в этом вопросе следующее: если социалисты стояли за принцип геометрической прогрессии, то правые – арифметической; цель левых, по словам одного из лидеров правой группы Государственного Совета И. Г. Щегловитова, была в стремлении к уравнению имущественных благ, а цель правых – пополнение казны и стремление к справедливости (но не равенству). (Государственный Совет. Стенографический отчет. 1916. Сессия 12. – Пг., 1916. – Стлб. 109–111). То есть, по сути, оба лагеря стояли на стороне прогрессивного налога, но трактовка этого термина у правых и левых заметно отличалась». (Подробнее см.: *Иванов А. А.* Правые объединения законодательных палат Российской Империи и вопрос о подоходном налоге (1915–1916) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2011. – № 1(15). – Январь–февраль. – С. 55–58.)

[5] Караулов Михаил Александрович (1878–1917) – российский политический деятель. Депутат Государственной Думы второго и четвертого созывов от Терской обл. Родился в Терской обл. в семье зажиточного казака. В 1901 г. окончил филологический факультет Петербургского университета. В 1902 г. сдал выпускной экзамен при Николаевском кавказском училище. После военной службы (закончил есаулом) редактировал журнал «Казачья неделя». Автор книг по истории Терского

казачества. Казачий офицер, депутат Государственной Думы второго и четвертого созывов, масон, примыкал к прогрессистам. Во время Февральской революции 1917 г. – член «штаба Керенского». Член Временного комитета Государственной Думы (ВКГД) с 27 февраля по 8 марта 1917 г. С 27 февраля по 1 марта курировал деятельность Низшей следственной комиссии (НСК). С 8 марта 1917 г. – комиссар Временного правительства и ВКГД Терской обл. и выехал во Владикавказ. Комендант Таврического дворца и его районов (1–4 марта 1917 г.). 13 марта 1917 г. Войсковым кругом избран атаманом Терского казачьего войска и возглавил Войсковое правление (правительство). 27 марта 1917 г. отказался от поста комиссара Временного правительства. На съезде представителей сельского населения, городских самоуправлений и Советов РСД (18–20 мая) избран товарищем председателя областного Исполкома. Накануне корниловского выступления по его инициативе представители казаков были отозваны из Советов Терской обл. Был одним из организаторов созданного Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. После известия об октябрьском перевороте 1917 г. Терское казачье войско было провозглашено суверенной частью Российской Федеративной Республики. Возглавил Терско-Дагестанское правительство. 13 декабря 1917 г. на станции «Прохладная» в ходе резкого конфликта с солдатами, возвращавшимися с Кавказского фронта, был убит.

[6] Имеется в виду Н. А. Маклаков. Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) – политический и государственный деятель. В 1912–1915 гг. – министр внутренних дел. Член Государственного Совета. После отставки в 1916 – начале 1917 г. принимал активное участие в кружке правых А. А. Римского-Корсакова (А. А. Макаров, С. П. Белецкий, Н. Д. Голицын, А. А. Ширинский-Шихматов и др.). В декабре 1916 г. написал Государю Николаю II письмо, в котором указывал, что династия в опасности, и призывал проводить «крутые меры». Намечался председателем монархического съезда, предполагавшегося в Петрограде в конце 1916 – начале 1917 г., а также одним из руководителей так называемого «Черного блока» (предполагавшегося объединения правых Государственного Совета и Государственной Думы). Перед февральским переворотом 1917 г. некоторые видные

правые видели в Маклакове возможного лидера монархического движения (например, К. Н. Пасхалов), «сильную фигуру», которая может установить порядок (Н. Н. Тиханович-Савицкий).

[7] Мерщий Петр Филиппович (1877–?) – депутат Государственной Думы четвертого созыва от Киевской губ. Малоросс, вероисповедания православного, крестьянского сословия. Получил домашнее образование. Состоял уездным земским гласным (по Киевскому у.). Владел 52 десятинами земли. Являлся волостным писарем Ржищевской и Германовской волостей, инструктором по кооперации. В Думе состоял во фракции националистов, был членом III отдела.

[8] Велихов Лев Александрович (1875–?) – российский политический деятель, депутат IV Государственной Думы от С.-Петербургской губ. Родился в Петербурге в семье потомственного дворянина, инженера путей сообщения. С отличием окончив классическую гимназию, юноша поступил на юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы входил в Совет объединенных землячеств. После окончания университета служил в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел и Главном управлении по делам местного хозяйства. Либеральные взгляды привели его в Союз освобождения и в ряды кадетской партии. Поскольку чиновникам запрещалось участвовать в политических партиях, Велихов решил покинуть государственную службу и заняться частным предпринимательством, а также общественно-политической деятельностью. Создал крупное издательство и организовал торговлю книжной продукцией. Обладая несомненным литературным даром и стремясь к распространению либеральных идей, Велихов подготовил и издал популярные брошюры «Таблица политических свобод» и «Таблица современной конституции». Пользовалась популярностью и «Сравнительная таблица русских политических партий (систематизация современных политических направлений)», выдержавшая в 1906 г. три издания. Затем она неоднократно переиздавалась с дополнениями и изменениями (последний раз в 1917 г.). По предложению и при деятельном участии Велихова в 1908 г. стали издаваться журналы «Городское дело» и «Земское дело», пропагандировавшие идеи местного самоуправления и организации новых современных форм муниципального хозяйства. Несколько из-

даний выдержала подготовленная Велиховым уникальная «Таблица благоустройства городов Российской Империи». В самом начале Первой мировой войны Велихов отправился на фронт, где в составе московской гренадерской бригады служил фейерверкером. Участвовал в боях, был контужен, получил ряд орденов и чин подпоручика. Избран депутатом IV Государственной Думы. В 1915 г. он вошел в состав Военной комиссии Думы. После событий 1917 г. Велихов переехал в Елец и работал на кооперативных курсах лектором по вопросам городского хозяйства, читал в Народном университете курсы политической экономии, истории освободительного движения и иностранной литературы. Затем в Ростове-на-Дону работал в Политическом совещании при А. И. Деникине, выступал с докладами и лекциями. Одновременно редактировал газету «Донская речь». После поражения Белого движения остался в Ростове. В сентябре 1923 г. арестован и отправлен в Москву. В течение 6 дней ходил на допросы. Следователь Алексеев предложил ему стать агентом-осведомителем, угрожая в случае отказа выслать его в концентрационный лагерь. На сей раз этим дело и обошлось и следователь приказал сдать дело в архив. Отпущенный на свободу, Велихов возвратился на Дон и продолжал преподавать в высших учебных заведениях Новочеркасска и Ростова-на-Дону, часто выступал с лекциями в рабочих центрах Донбасса. Два его фундаментальных исследования – «Опыт муниципальной программы» и «Основы городского хозяйства» (переведенные на французский и английский языки) – высоко оценивались как в советской, так и в зарубежной прессе. Но в 1938 г. Велихов снова арестован и заключен во внутреннюю тюрьму УНКВД Ростовской обл. За время следствия его допрашивали 16 раз. Сломив волю старого больного человека, следователи заставили его признаться в том, что он якобы с 1925 г. проводил контрреволюционную деятельность, регулярно встречался с бывшими членами ЦК кадетской партии в Москве и Ленинграде, получал от них соответствующие инструкции по формированию террористических групп в Ростове и Новочеркасске, готовил вооруженное восстание в казачьих районах, разрабатывал планы покушения на руководителей партии и правительства. Приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 г.

[9] Иванов Николай Иудович (1851–1919) – известный русский военачальник. Генерал от артиллерии (1908), генерал-адъютант (1907). Из семьи сверхсрочнослужащего. Окончил Михайловское артиллерийское училище, в 1869 г. произведен в офицеры. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1888–1890 гг. – заведующий мобилизационной частью Главного артиллерийского управления; в 1890–1899 гг. – командир Кронштадтской крепостной артиллерии. В годы Русско-японской войны – начальник Восточного отряда (с 1905 г. – III Сибирского армейского корпуса). В 1905 г. награжден орденом Святого Георгия IV степени, в 1907 г. – III степени. В 1907 г. – временный Кронштадтский генерал-губернатор; член Совета государственной обороны; в 1908–1914 гг. – командующий войсками Киевского военного округа; в 1914–1916 гг. – главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. В 1914 г. за Галицийскую операцию награжден орденом Святого Георгия II степени. В 1916–1917 гг. – член Государственного Совета. С началом февральского переворота получил приказ Императора подавить волнения в столице с назначением главнокомандующим войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями. После отречения Государя арестован и доставлен в Петроград. В конце 1917 г. освобожден, уехал в Новочеркасск. В октябре 1918 г. принял предложение П. Н. Краснова возглавить Южную монархическую армию. Скончался от тифа.

[10] Демченко Всеволод Яковлевич (1875–1933) – российский политический деятель, депутат IV Государственной Думы от Киевской губ. Землевладелец и домовладелец (на 1912 г. имел 2650 десятин земли и 6 домов). В 1898 г. окончил Институт инженеров путей сообщения. В 1899–1903 гг. служил в Обществе Московско-Киево-Воронежской железной дороги, затем причислен к Министерству путей сообщения. С 1911 г. – председатель Киевской уездной земской управы. Коллежский советник (1913). Депутат IV Государственной Думы от г. Киева. Входил во фракцию националистов, с августа 1915 г. вошел в группу прогрессивных националистов. В августе 1915 г. избран членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов. В октябре 1917 г. жил в г. Киеве. В 1918 г. сотрудничал с

администрацией гетмана Скоропадского. Участвовал в составе русской делегации в совещании с представителями союзников в Яссах в ноябре 1918 г. С 20-х гг. – в эмиграции (в 1924 г. – в Висбадене). Скончался в Италии.

[11] Демиевский снарядный завод – промышленное предприятие, создано в 1915 г. на Демиевке (ныне район г. Киева). Рабочие завода принимали активное участие в революционных событиях 1917–1918 гг.

[12] Новицкий Петр Васильевич (1867 – не ранее 1917) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов от Херсонской губ. Потомственный дворянин, крупный землевладелец Ананьевского у. Херсонской губ. В 1890 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета. Год состоял при прокуроре Одесской судебной палаты. Затем был земским начальником в Ананьевском у. Занимался общественной деятельностью. В течение 6 лет был гласным уездного и губернского земств, избирался почетным мировым судьей, состоял попечителем трех церковно-приходских школ и земской школы. Некоторое время был Ананьевским уездным предводителем дворянства. Участник Русско-японской войны в составе 53-й артиллерийской бригады. Принимал активное участие в деятельности монархических организаций. Представлял фракцию правых Государственной Думы в составе Устроительного Совета Всероссийских съездов. Принимал активное участие в работе VI Всероссийского Съезда Русских Людей в Петербурге 19–23 февраля 1913 г. Статский советник (1915 г.). Судьба после революции неизвестна.

[13] Таубе Михаил Александрович (1869–1961) – барон, известный юрист-международник, историк, государственный деятель. Выходец из старинного немецкого рода, известного с XIII в., католик.

[14] Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – российский юрист, государственный деятель. С 25 сентября (8 октября) 1910 г. – управляющий Министерством народного просвещения; со 2(15) февраля 1911 г. – министр народного просвещения в кабинетах П. А. Столыпина, В. Н. Коковцова и И. Л. Горемыкина. Находился на посту министра до самой смерти 26 ноября (9 декабря) 1914 г.

**Государственная Дума. Четвертый созыв.
Сессия 5. Заседание 18.
16.12.1916. Прения по вопросам о внутриполитическом положении в стране, сепаратном мире России с Германией и возможности продолжения войны. Продолжение обсуждения запроса о преследовании властями общественных организаций**

Источник: Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия 5. Заседания 1–25 (с 01.11.1916 по 25.02.1917). – Пг., 1917. Воспроизводится по тексту электронного издания: Государственная Дума России 1906–1917 гг. // Электронное издание, подготовленное к столетию Государственной Думы. Ч. 1.

[1] Александров Александр Михайлович (1868–1921) – российский политический деятель, депутат IV Государственной Думы от Екатеринославской губ. Русский, православный. Закончил Московский университет. Юрист, присяжный поверенный. Потомственный почетный гражданин. Владел дачей в Крыму стоимостью в 25 тыс. руб., общие доходы от адвокатской практики составляли 15 тыс. руб. Примыкал к кадетам. В Думе – член V отдела.

[2] Здесь Г. Г. Замысловский намекает на произнесенную 1 ноября 1916 г. П. Н. Милюковым с трибуны IV Государственной Думы обличительную речь, в которой он обвинил Императрицу Александру Федоровну и премьер-министра России Бориса Штюрмера в якобы осуществлявшейся подготовке сепаратного мира с Германией. Обвинения в государственной измене Милюков обосновал заметками в немецких газетах, рефреном выступления были слова: «Что это – глупость или измена?». Эта совершенно популистская и бездоказательная речь нашла горячий отклик в либеральных политических кругах и косвенно ускорила февральский переворот 1917 г.

РИТУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА

Саратовское дело 1853 г.

Источник: *Замысловский Г. Г.* Умученные от жидов. – Харьков, 1911.

Брошюра «Умученные от жидов» Г. Г. Замысловского впервые была издана в Харькове в 1911 г., став библиографической редкостью. Она была репринтно переиздана в 1990 г., печаталась также в волгоградской газете «Колокол» № 24 за 1993 г. Помимо содержащихся в брошюре сведений о талмудическом иудаизме и непосредственно о ритуальных убийствах, она представляет собой также определенный научный интерес в области исторического краеведения, потому что имеет прямое отношение к истории Саратовского края. Публикуется в сокращении.

[1] Хабад, Хабад-Любавич (ивр. от «хохма, бина, даат» – мудрость, понимание, знание – названия трех верхних сфирот в Каббале) – иудейское религиозное движение, разновидность хасидизма, также называется любавичским хасидизмом. Резко выделяется среди других хасидских движений своим особым стилем. К началу XIX в. насчитывало около 200 тыс. приверженцев. Движение создано ребе Шнеуром Залманом из Ляд в 1772 г. Благодаря усилиям последнего лидера Хабада Менахем-Мендла Шнеерсона обучение иудаизму было распространено во многих странах (включая страны бывшего СССР), где в результате были созданы и развиты еврейские общины.

[2] Гавриил Белостокский (Гавриил Заблудовский; 22.03(02.04).1684–20(30).04.1690) – православный святой, мученик, пострадавший от евреев. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1820 г. Память совершается 20 апреля (3 мая), в день мученической кончины. Согласно житию Гавриил родился в с. Зверки близ г. Заблудова под Белостоком (Речь Посполитая, ныне – Польша) в семье православных крестьян Петра и Анастасии Гавдель. 11 апреля 1690 г., в то время как мать ребенка носила обед в поле его отцу, оставшийся без присмотра шестилетний мальчик исчез, а несколько дней спустя был обнаружен мертвым в поле. Заблудовский суд обвинил в убийстве ребенка местных евреев. Житие утверждает, что во время отсутствия родителей местный еврей-арендатор Шутко, приласкав ребенка, увез его с собой в Белосток, где 9 дней подвергал мальчика ритуальным истязаниям, имитирующим страсти Христовы: пригвоздил за руки и за ноги к стене и проколол бок, выпустив таким образом кровь. После смерти ре-

бенка его тело было выброшено истязателями в поле. В житии говорится, что бродячие собаки не только не набросились на тело, но и отгоняли от него птиц. Гавриил был похоронен около кладбищенского храма в Зверках. Мученическая кончина его произошла 20 апреля (по юлианскому календарю) и празднуется сейчас 3 мая. 30 лет спустя, в 1720 г., во время очередного погребения был случайно задет гроб Гавриила, и обнаружено, что тело его не истлело. Это известие разнеслось среди православных и усилило почитание мученика. Мощи перенесли в крипту под храмом в с. Зверки. В 1746 г. храм, в котором был погребен младенец, сгорел, но мощи Гавриила уцелели.

Архимандрит Михаил (Козачинский)
Повесть о младенце мученике Гаврииле
(отрывок)

Когда из других мест жиды прибежали,
То бесчеловечно меня там мучить стали,
Внесли меня в темный подвал на страдание,
И, распяв на кресте, кровь из бока выпускали,
Потом кололи все мое тело,
Пока хоть каплю крови оно имело.
(1755 г.)

В 1755 г. мощи святого были перенесены крестным ходом в Слуцкий Свято-Троицкий монастырь. Гроб с телом Гавриила лежал открытым, тело было исколото. К раке была прикреплена табличка: «Мощи младенца Гавриила Гавделюченко из с. Зверки графства Заблудовскаго, рожденного 1684 года марта 22 дня, а замученнаго от жидов в Белом Стоку 1690 года апреля 20 дня. О сем, кто хощет пространнее ведати, отсылается до книг правных Магдебургии Слуцкой. 1755 года мая 9 дня, за благополучным княжением сиятельнейшаго князя Иеронима».

В 1793 г. при втором разделе Польши Слуцк вошел в состав Российской Империи как уездный город Минской губ.

Гавриил Белостокский был канонизирован Православной Российской Церковью в 1820 г. и почитается как покровитель детей, его память совершается 20 апреля (3 мая) и 9 (22) мая. Церковь сообщает о многочисленных случаях исцеления от

святых мощей. При Императоре Александре III почитание мученика младенца Гавриила было установлено во всем Западном крае Российской Империи. «Служба Святому мученику младенцу Гавриилу, в лето Господне 1690-ое от иудей умученному в Белостоке граде, егоже нетленныя мощи во граде Слуцке доднесь почивают» появилась еще позже, в 1908 г., составлена архиепископом Волынским и Житомирским Антонием (Храповицким).

В 1930-х гг. Троицкий Слуцкий монастырь, где хранились мощи, был закрыт, а останки Гавриила перенесены в Музей атеизма в Минске. В 1944 г. мощи были перенесены из Минска в церковь Покрова Божией Матери в Гродно, где они находились до 21 сентября 1992 г. В 1992 г. по благословению архиепископа Саввы (ставшего в 1998 г. предстоятелем Польской Православной Церкви) мощи были торжественно перенесены в Свято-Никольский собор Белостока, где находятся и поныне, являясь объектом паломничества. В дер. Зверки сегодня действует женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, где сооружен храм в честь св. Гавриила Белостокского. Это место также является местом православного паломничества как для Русской, так и для Польской Православных Церквей.

Убийство Андрюши Ющинского

Источник: *Замысловский Г. Г.* Убийство Андрюши Ющинского. Исследование в 3 ч: с 2 плакатами и 20 рисунками в тексте, из коих один в красках. – Пг., 1917. – С. 144–145.

[1] 12 марта 1911 г. проживавший на Предмостной Слободке г. Киева мальчик Андрюша Ющинский рано утром ушел из дома и бесследно исчез. 20 марта 1911 г. мертвое тело Андрюши, все исколотое, было обнаружено верст за шесть от Слободки на Загоровщине в одной из тамошних пещер.

Следствием и экспертизами было установлено, что убит Андрей был в тот же день 12 марта через час после захвата его Бейлисом и еще несколькими евреями на территории еврейского кирпичного завода с тайной синагогой. Установлено почти полное обескровление тела. Все раны, в том числе проникавшая в кости черепа, в мозг, разорвавшие крайне чувствительную мозговую оболочку, нанесены при жизни, когда

мальчик был в стоячем положении, острым колющим орудием, вернее всего, швайкой – инструментом, употребляющимся в сапожной и в шорной работе. С правой стороны височной области сделано 13 уколов той же швайкой[1]. Рот Андрюши был заткнут. Убийц было несколько.

Самый вид мертвого тела с его 47 уколами, полураздетого, со связанными за спиной руками, выброшенного, как падаль, перед еврейской пасхой, не мог не возбудить в народе толков, что убийство совершено жидами традиционно ради христианской крови. Андрюша, ученик духовного училища, пользовался заслуженной любовью. Общие отзывы сходились в том, что это был мальчик замечательно хороший: привязчивый, смирный, послушный, очень способный и трудолюбивый; он даже среди сверстников не имел недоброжелателей. Заветной мечтой мальчика было по окончании учения стать священником.

Обвинение против Менделя Бейлиса было выдвинуто не сразу, только когда следствие, изначально пущенное по ложному пути печатью и подкупленными руководителями розысков, отвергло всю несостоятельность предварительных версий. Двое из троих детей Веры Чеберяковой, которые видели, что Андрюшу схватил Мендель Бейлис, неожиданно умерли после того, как рассказали об этом. Так же погибли и другие важные свидетели. Странным образом сгорели и сарай с конюшней на еврейском заводе, где, по уликам, было совершено убийство; причем из конюшни заблаговременно вывели всех коней и вынесли сбрую.

Следствие по делу длилось более 2 лет. Суд присяжных признал факт изуверского убийства мальчика. Но неверно утверждать, что суд доказал невиновность Бейлиса – присяжные лишь не признали лично Бейлиса виновным в этом преступлении за недостаточностью прямых улик, подозрение осталось, да и голоса присяжных при этом разделились шесть на шесть.

Здесь и далее в комментариях частично использованы материалы из книги: Убиение Андрея Киевского. Дело Бейлиса – «смотр сил». Стенографический отчет Киевского судебного процесса. – М., 2006. – 832 с.

[2] Синькевич Феодор Николаевич (26.10.1876–04.1946) – священник, настоятель киевской церкви Св. Макария на Старой

[1] См. примеч. на с.549.

Полянке. Был членом общества «Двуглавый орел» и редактором одноименной газеты. Принимал участие в следственном процессе по «делу Бейлиса», давая показания по поводу смерти Жени Чеберякова. Исповедовал перед смертью Женю Чеберякова по просьбе его матери. В 1919 г. вместе с семьей покинул Киев. Эвакуировался с армией генерала Врангеля, с 1921 по 1923г. был настоятелем церкви в г. Нови-Сад (Югославия). В 1933 г. старший сын о. Федора Александр (с 1971 г. – архиепископ Лос-Анжелесский и Южно-Калифорнийский, скончался 7 августа 1996 г.) был назначен архимандритом Духовной миссии в Иерусалиме (РПЦЗ). В 1935 г. в Иерусалим переехал и о. Федор, где в 1946 г. окончил свой жизненный путь.

**Государственная Дума. Третий созыв.
Сессия 5. Заседание 17.
07.11.1911. Речь Г. Г. Замысловского о ритуальном убийстве Андрея Ющинского**

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911. Сессия 5. Ч. I. Заседания 1–41 (с 15.10.1911 по 10.12.1911). Заседание 17. – СПб., 1911. – Стлб. 1428–1438, 1445–1447.

[1] Чириков Василий Власьевич – 32 года, брат отца Андрея Ющинского, ложно обвинялся в причастности к убийству.

[2] Зайцевы – евреи, владельцы завода. Зайцев Иона Мордкович – хасид, основатель кирпичного завода и еврейской больницы, скончался 20 февраля 1907 г. Зайцев Марк – сын Ионы Зайцева, преемственный владелец кирпичного завода, выстроил новый корпус больницы с пристроенной синагогой. Был женат на Эттингер. Зайцев Борух – внук Ионы Зайцева.

[3] Брандорф Николай Васильевич – 39 лет, прокурор Киевского окружного суда, кадет. Считал утверждения о ритуальном убийстве неосновательными. Ордером министра Щегловитова от 19 апреля 1911 г. о возложении наблюдения за расследованием убийства Андрея Ющинского на Чаплинского Брандорф был фактически устранен от этого дела.

[4] Так и случилось. Суд по делу Бейлиса проходил в Киеве в октябре 1913 г., т. е. в то время, когда уже заседала IV Государственная Дума.

[5] Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – юрист, общественный деятель либерального направления и литератор, действительный тайный советник, член Государственного Совета, почетный академик Петербургской академии наук (1900). В 1878 г. суд под председательством Кони вынес оправдательный приговор по делу революционерки-террористки Веры Засулич. Профессор Петербургского университета (1918–1922).

[6] Велижское дело – уголовное дело по обвинению талмудических иудеев в совершении преступлений с ритуальной целью (убийство мальчика Ф. Иванова) в г. Велиже Витебской губ. (ныне Смоленская обл.); возникло в мае 1823 г. и завершилось в январе 1835 г. Подробнее о процессе см.: *Даль В. И.* Записка о ритуальных убийствах. – М., 1995.

[7] Речь идет о сделанном на думском заседании предложении члена Государственной Думы Л. Г. Люца о десятидневной срочности рассматриваемого дела.

[8] Капустин Михаил Яковлевич. О нем см.: Речь Г. Г. Замысловского о высшей школе 9 марта 1911 г.

[9] Петров Константин Матвеевич (1877 – ?) – российский политический деятель, депутат Государственной Думы третьего созыва от Пермской губ. Русский, православный, мещанин. Женат, получил низшее образование (приходское начальное училище), работал типографским наборщиком (заработок составлял 500 руб.). Состоял в трудовой группе Государственной Думы, являлся членом VI отдела.

Государственная Дума. Третий созыв. Сессия 5. Заседание 119. 28.04.1912. Речь Г. Г. Замысловского по делу Бейлиса

Источник: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия 5. Ч. III (с 05.03.1912 по 28.04.1912). Заседание 119. – СПб., 1912. – Стлб. 3661–3665.

[1] Заявление № 193 (спешное) о запросе министру внутренних дел по поводу нарушения чинами администрации правил о повременных изданиях по отношению к некоторым органам периодической печати (отклонение спешности и передача в комиссию по запросам). См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия 5. Ч. III

(с 05.03.1912 по 28.04.1912). Заседание 119. – СПб., 1912. – Стлб. 3652–3671.

[2] Цитата из басни «Лисица и Осел» (1823) И. А. Крылова (1769–1844), слова Лисицы, обращенные к Ослу. Употребляются шутливо-иронически при неожиданной встрече. «Отколе, умная, бредешь ты, голова?» – Лисица, встретяся с Ослом, его спросила. – … А это ничего, что свой ты долгий нос / И с глупой головой из горла цел унес! Поди ж, приятель, убирайся, / Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

[3] Мищук Евгений Францевич – во время Киевского процесса 46 лет, с 1911 г. – начальник Киевского сыскного отделения. Был подкуплен евреями, за подлог отстранен от расследования, в сентябре 1911 г. уволен с работы и затем отдан под суд. Приговорен к лишению всех особенных прав состояния и осужден на год арестантских отделений, после чего скрылся. На процесс Бейлиса не явился. После февральского переворота в Риге давал показания ЧСК Временного правительства.

[4] «Киевлянин» – русскоязычная частная газета поначалу умеренно-либерального, а затем консервативного монархического направления, издававшаяся в Киеве с 1(13) июля 1864 г. по 3 декабря 1919 г. Газета выходила 3 раза в неделю с 1864 по 1879 г., затем – ежедневно (за исключением нескольких периодов, связанных с событиями Гражданской войны в России). По оценке видного правого публициста М. О. Меньшикова, газета была одной из самых влиятельных в Юго-Западном крае и одной из лучших провинциальных газет во всей Российской Империи.

[5] «Правда» – крупнейшая большевистская газета. VI Всероссийская (Пражская) конференция РСДРП(б) приняла по инициативе В. И. Ульянова (Ленина) решение о выпуске массовой рабочей большевистской ежедневной газеты, и 22 апреля (5 мая) 1912 г. вышел первый номер «Правды». Тогда «Правда» не была официальным органом ЦК РСДРП(б), таковым считалась нелегальная газета «Социал-демократ», печатавшаяся за границей и ввозившаяся в Россию нелегально. Еще до этого, с 1908 г. до апреля 1912 г., сначала в г. Львове, а затем в г. Вене издавалась популярная социал-демократическая газета «Правда» под ред. Л. Д. Троцкого, международный отдел которой вел А. А. Иоффе (т. н. «Венская правда»). Выход второй

газеты с тем же названием вызвал резкую полемику, в том числе даже с обращением к немецким социалистам в качестве третейских судей, но это ни к чему не привело, и название «Правда» сохранилось за ленинской газетой. Тираж газеты был около 40 тыс. экземпляров, иногда достигал 60 тыс. В 1912–1914 гг. в «Правде» было опубликовано 285 ленинских работ. Газета за свои публикации революционно-экстремистского характера неоднократно закрывалась, но продолжала выходить под другими названиями: в 1913 г. – «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду»; в 1914 г. – «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда». 8 (21) июля 1914 г., перед началом Первой мировой войны, газета была запрещена окончательно.

[6] О газете «Звезда» см. примечание к речи Г. Г. Замысловского о положении на Ленских приисках.

Заявление Г. Г. Замысловского на суде по делу М. Бейлиса. Первый день. 25.09.1913.

Источник: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. – Киев, 1913. Т. I. Судебное следствие. Обвинительный акт и допрос свидетелей. – С. 11–12 (печатается в сокращении).

[1] Выгранов Алексей Деонисович – во время Киевского процесса 22 года, агент сыскной полиции; уволен со службы 15 мая 1911 г., был предан суду по обвинению в служебных подлогах и незаконном лишении свободы (в т. ч. Колбасова). С августа 1911 г. стал работать на эсера С. И. Бразуля-Брушковского, который вел «частное расследование», активно уводя официальное расследование на ложные пути. По предложению пристава Н. А. Красовского начал работать сообща с ним с апреля 1912 г.

[2] Казаченко (или Козаченко) Иван Петрович – не явившийся на суд свидетель, содержался в тюрьме в одной камере с Бейлисом, после освобождения его судом Бейлис просил его «убрать» неугодных свидетелей «Фонарщика» и «Лягушку» и через него передал письмо жене. Казаченко дал об этом письменные показания, но позже бесследно исчез.

[3] Пухальский – не явившийся на суд свидетель, который сидел вместе с Бейлисом и писал за него письмо жене последнего; оказался «неразысканным».

Речь Г. Г. Замысловского на суде по делу М. Бейлиса. Тридцатый день. 24.10.1913.

Источник: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. – Киев, 1913. Т. III. Прения сторон. Речи прокурора, гражданских истцов, защитников и резюме председателя. – С. 58–91 (печатается в сокращении). См. также: *Замысловский Г. Г.* Убийство Андрюши Ющинского. Исследование в 3 ч: с 2 плакатами и 20 рисунками в тексте, из коих один в красках. – Пг., 1917. – С. 435–504.

[1] Виппер Оскар Юрьевич – товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты, направленный Министерством юстиции в Киев в качестве государственного обвинителя на процессе. Виппер получал анонимные угрозы и во время суда волновался, порою неудачно формулировал вопросы. В апреле 1919 г. был арестован; большевики решили не устраивать бессудную расправу, как над большинством лиц «дела Бейлиса», а устроили показательный процесс, призванный «разоблачить лицемерие царского правосудия». Обвинителем был председатель Верховного ревтрибунала Н. В. Крыленко (псевдоним – «товарищ Абрам»). Революционный трибунал летом 1919 г. приговорил Виппера к заключению в концлагерь, где он в том же году погиб.

[2] Приходько (урожд. Ющинская) Александра Васильевна – во время Киевского процесса 32 года, мать Андрея Ющинского.

[3] Нежинский Федор – единоутробный брат Александры Приходько, дядя Андрея Ющинского.

[4] Приходько Лука Павлович – во время Киевского процесса 26 лет, отчим Андрея Ющинского.

[5] Красовский Николай Александрович – во время Киевского процесса 40 лет, становой пристав, командированный из Сквирского у. в Киев в помощь подполковнику П. А. Иванову для расследования (с мая по сентябрь 1911 г.). Вел расследование в интересах еврейской стороны, будучи подкуплен ею. С января 1912 г. отстранен от должности, в июле 1912 г. предан суду за должностные преступления. Уже по окончании процесса Красовский по поручению тех же деньгодателей с конца 1913 г. провел в Америке полгода с целью «собрать данные, вполне обличающие в убийстве воровскую

организацию во главе с Верой Чеберяк». После Февральской революции был назначен комиссаром розыскного отделения милиции г. Киева, сотрудничал с Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в поисках (безуспешных) доказательств «антисемитской провокации властей» в «деле Бейлиса».

[6] Бразуль-Брушковский Степан Иванович – эсер с кличкой «Невский», сотрудник газеты «Киевская мысль». После ареста Бейлиса вел «частное расследование», активно уводя официальное расследование на ложные пути.

[7] Приведем в связи с этим данные ранее письменные показания Красовского: «Марголин, по словам Бразуля, сказал [Вере] Чеберяк[овой], что прогрессивная часть общества, представителем которой он является, очень заинтересована полнейшим раскрытием этого дела и уничтожением версии о ритуальном убийстве и что если она поможет в этом направлении, то будет материально вознаграждена. В случае, если бы со стороны преступников ей угрожала какая-либо опасность, то ей будет представлена возможность выехать, куда она захочет» (Пятнадцатый день. 9 октября 1913 г. // Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. I. – Киев, 1913. Судебное следствие. Обвинительный акт и допрос свидетелей. – С. 89).

[8] Чеберякова (Чеберяк) Вера Владимировна – самая драматическая фигура в деле. Ее дети видели, как Бейлис тащил Андрея Ющинского в глубь завода. Вследствие этого у Веры двое из троих детей (Женя и Валя) неожиданно умерли (были отравлены); Марголин предлагал ей за 40 тыс. руб. взять убийство Ющинского на себя, и после ее отказа еврейская сторона пыталась «повесить» на нее убийство всеми иными способами, якобы она и «воры из ее разбойничьей шайки» организовали убийство отрока. Убита в ЧК в сентябре 1919 г.

[9] Сингаевский Петр Андреевич – сводный брат Веры Чеберяковой, один их тех воров, которые якобы убили Андрея Ющинского. Убит в ЧК в 1919 г.

[10] Рудзинский Борис – во время Киевского процесса 20 лет, «руководитель шайки воров», «министерская голова», которая «расписала» план убийства Ющинского «под жидов» – так старались представить его защитники Бейлиса, чтобы вменить ему убийство мальчика.

[11] Латышев Иван Дмитриевич (ск. 28.03.1913) – «вор из шайки Чеберяк», который по версии защиты участвовал в убийстве Ющинского. Арестованный в марте 1913 г. по другому делу, разбился насмерть при попытке бежать через окно.

[12] Дьяконовы Екатерина и Ксения – сестры, модистки, на основании ложных показаний которых (по научению Красовского) «заинтересованная сторона» (проеврейская защита Бейлиса) строила версию об убийстве Ющинского «шайкой воров на квартире Чеберяк». На суде обе запутались и друг другу противоречили.

[13] Швачко – парикмахер, лжесвидетель защиты, якобы слышавший разговор воров, что они «пришили байстрюка».

[14] Вышемирский – лжесвидетель, которому якобы супруги Равич перед отъездом в Америку рассказали, что видели труп Андрея у Чеберяковых.

[15] Махалин Сергей – в 1907 г. в 16-летнем возрасте был арестован «по обвинению в экспроприации». В феврале 1912 г. обратился к Красовскому с предложением услуг по розыску, сыграл роль провокатора для подтверждения версии об убийстве Ющинского «шайкой воров». Согласно заметке в «Новом времени» (от 15 октября 1913 г.), «состоял секретным агентом Киевского охранного отделения (в течение года)... и давал сведения из студенческих кружков, а также освещал деятельность группы киевских анархистов, куда проник со специальной целью выдавать членов этой организации... В минувшем июне заведующий политическим розыском в Киеве был принужден расстаться с Махалиным, т. к. он проявил себя некорректным в денежных расчетах. ... Махалин был в сношениях с присяжным поверенным Марголиным, который пользовался его услугами». (*Замысловский Г. Г.* Убийство Андрюши Ющинского. – Пг., 1917. – С. 110). «После революции служил в каком-то советском учреждении на довольно видном посту, но неожиданно его опознали как участника процесса Бейлиса, обвинили в связях с охранкой и даже с “известным антисемитом А. С. Шмаковым” и без долгих проволочек расстреляли» (*Резник С.* Растление ненавистью. – М. – Иерусалим, 2001. – С. 181).

[16] Караев Амзор Ельмарзаев (Александр Константинович) – осетин, знакомый Махалина, с 1907 г. отсидел три с половиной года в тюрьме за хранение бомб, называл себя

анархистом-коммунистом; привлечен к «делу Бейлиса» Красовским в качестве провокатора. Спаивал вора Сингаевского и якобы добился от него признания в убийстве Ющинского.

[17] Голубев Владимир Степанович (28.08.1891–06.10.1914) – студент юридического факультета университета Св. Владимира в Киеве, в 1910–1912 гг. – председатель Патриотического общества молодежи «Двуглавый орел», активный участник расследования дела Бейлиса. С начала Первой мировой войны добровольцем пошел в армию, был дважды ранен, третья пуля настигла его в атаке. Офицерский Георгиевский крест не застал героя в живых. Погребен в Киеве в ограде Флоровского монастыря.

[18] Акацатов – русский помещик, оказавший помощь в независимом расследовании убийства, свидетель обвинения.

[19] Чеберякова Людмила – дочь Чеберяковых, выжившая и давшая показания суду, уличающие Бейлиса и Шнеерсона в организации ритуального преступления.

[20] Наконечная Дуня – девочка, каталась на мяле вместе с другими детьми в день, когда Бейлис утащил Андрея. На предварительном следствии подтвердила это в показаниях. На суде сказала, что такого случая не может вспомнить.

[21] Заруцкий Назар – мальчик, игравший с Андреем и другими детьми на заводе, но под давлением проеврейской защиты не сказавший следствию правды.

[22] Наконечный Михаил – «Лягушка», отец Дуни, сапожник. Бейлис поручил Козаченко отравить его. Был запуган еврейской стороной и соответственно воздействовал на дочь, запретив ей говорить «о жидах». Утверждал, что с 1910 г. дети не могли проникать на завод, чтобы кататься на мяле.

[23] Оболонский Н. А. – профессор судебной медицины Киевского университета, судебно-медицинский эксперт по делу, производивший повторное вскрытие трупа Ющинского 26 марта 1911 г. Скоропостижно умер во время следствия.

[24] Туфанов Н. Н. – приват-доцент Киевского университета, прозектор, производивший повторное вскрытие трупа А. Ющинского 26 марта 1911 г.

[25] Косоротов Дмитрий Петрович – профессор судебной медицины Военно-медицинской академии и С.-Петербургского университета, эксперт в «деле Бейлиса».

[26] Троицкий Иван Гаврилович (1858 – ?) – профессор С.-Петербургской духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии; эксперт на суде по религиозным вопросам. Если верить еврейским авторам, Троицкий был рекомендован евреям как эксперт самим архиепископом Антонием (Храповицким), однако почему-то сначала вместе с И. Б. Пранайтисом «под строжайшим секретом» работал на Н. А. Машкевича и переводил книгу монаха Неофита. Лишь затем превратился в эксперта защиты. (*Кацис Л.* Кровавый навет и русская мысль. – М. – Иерусалим, 2006. – С. 84, 111).

[27] Шнеерсон Файвель (Павел) Бунимов – мещанин местечка Любавичи, «продавец сена и овса»; из династии Любавических цадиков, представитель религиозной талмудической секты любавичских хасидов; его отец был общественным резником в м. Носовка Черниговской губ. Шнеерсон обещал Андрею «показать его отца». Участвовал вместе с Бейлисом и еще одним евреем в захвате Андрея при катании на мяле.

[28] Пранайтис Иустин Бонавентура (*Pranaitis*) (1861–1917) – католический священник, каноник (член епископского совета), магистр богословия, преподаватель древнееврейского языка в католической Духовной академии в С.-Петербурге. В период следствия по делу занимал равную епископской должность куратора всех католических церквей Туркестанского края. На суде выступал в качестве эксперта по религиозным вопросам.

[29] Коковцов Павел Константинович (1861–?) – профессор на кафедре еврейского языка и еврейско-арабской литературы; эксперт по религиозной экспертизе. Однофамилец председателя Совета Министров В. Н. Коковцова.

[30] Тихомиров Павел Васильевич – профессор Нежинского историко-филологического института, эксперт на суде по религиозным вопросам.

[31] Мазе Яков – московский казенный раввин, эксперт на суде по религиозным вопросам.

[32] Талмуд (ивр. «учение, учеба») – многотомный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, охватывающий Мишну и Гемару в их единстве. Центральным положением ортодоксального иудаизма является вера в то, что Устная Тора (Пятикнижие Моисея) была получена Моисеем во

время его пребывания на горе Синай, и его содержание веками передавалось от поколения к поколению устно, в отличие от Танаха (еврейской Библии), который носит название Письменная Тора (Письменный Закон).

[33] Каббала (ивр. «получение, принятие, предание») – эзотерическое течение в иудаизме, появившееся в XII в. и получившее распространение в XVI в. Эзотерическая Каббала представляет собой традицию и претендует на тайное знание содержащегося в Торе божественного откровения. Законченное учение каббалы было сформировано в Средние века. Основу каббалы составляют сочинения Йецира, Багир, Зоар и писания Ари (раввина Ицхака Лурия Ашкенази, известного под именем Аризаль).

[34] Шулхан Арух (ивр.; букв. «накрытый стол») – кодекс практических положений, составленный в XVI в. Йосефом Каро. Шулхан Арух признан всеми, без исключения, направлениями иудаизма, признающими Устный Закон. В Шулхан Арухе содержится множество человеконенавистнических положений, свидетельствующих о презрении талмудических иудеев к так называемым «аккумам», «гоям», т. е. неевреям, которых было положено не считать даже за людей, разрешалось обманывать и т. д.

[35] Есть у этой ненависти и духовное объяснение: совершив богоубийство, евреи перестали быть богоизбранным народом. Это вполне определенно сказал отвергнувшим Его иудеям Иисус Христос: «Ваш отец – диавол» (Ин. 8:44). Избранничество переходит к иным народам, воспринявшим Христианство, это выражено во многих местах Евангелия, например о передаче виноградника другим виноградарям: «отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21:43). Поскольку Христианство учит, что обетования Божии предназначены для всех людей, независимо от национальности, – тем самым Христианство было воспринято иудеями как экзистенциальный враг, упраздняющий еврейскую национальную богоизбранность со всеми ее желаемыми привилегиями земного господства.

[36] «Зогар», книга Зоар (ивр. *сэфэр hа-зоhар*, от ивр. сияние) – основная и самая известная книга из каббалистической литературы. Каббалисты утверждают, что книга была написана

рабби Шимоном Бар Йохаи (РаШБИ) во II в. по Р. Х., но известность она получает лишь в XIII в. (поздняя датировка) благодаря сефардскому раввину Моше де Леону. Основное содержание книги Зоар – это комментарий к Торе (к ее пяти книгам). Полный русский перевод книги выполнен Эфраимом Баухом.

Речь Г. Г. Замысловского на суде по делу М. Бейлиса. Тридцать третий день. 27.10.1913.

Источник: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. III. – Киев, 1913. Прения сторон. Речи прокурора, гражданских истцов, защитников и резюме председателя. – С. 235–242 (печатается в сокращении).

[1] Шмаков Алексей Семенович (1852–1916) – присяжный поверенный округа Московской Судебной Палаты, один из руководителей Русской монархической партии, публицист, специалист по еврейскому вопросу. Перевел и издал книгу немецкого гебраиста о судебном процессе в Германии в 1883 г., доказавшем истинность человеконенавистнических положений еврейского кодекса Шулхан Арух» (*Эккер К.* «Еврейское зерцало» в свете истины. Научное исследование. – М., 1906). На киевском процессе был поверенным Александры Приходько. Скончался от болезни сердца.

[2] Исповедная тайна ограждалась в Российской Империи законом (ст. 704 Устава уголовного судопроизводства) настолько, что даже на суде ради раскрытия преступления священник не имел права ее обнаружить. Однако мнение свое об убийстве о. Федор Синькевич выразил в письме от 16 ноября 1913 г. журналисту Клепацкому по его просьбе (см. выше – выдержку из книги Г. Г. Замысловского «Убийство Андрюши Ющинского»).

[3] Грузенберг Оскар Осипович (1866–1940) – защитник в деле Бейлиса. Масон, кадет. «Прославился» как главный защитник в политических «громких делах»: защищал Л. Д. Бронштейна (Троцкого) (1905), А. М. Пешкова (Горького), В. Г. Короленко, студента Дашевского по обвинению в покушении на убийство черносотенца П. А. Крушевана. Член еврейского «Политбюро», координировавшего Февральскую революцию. Временным правительством был введен в Сенат, был депутатом Учредительного собрания. После октябрьского переворота Грузенберг

эмигрировал, жил в Германии и Франции, сблизившись там с сионистскими кругами. С 1927 г. жил в г. Риге.

[4] Лисунов – вор.

[5] Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) – присяжный поверенный, защитник Бейлиса. В 1877 г. приобрел известность участием в знаменитом «процессе 193-х». Выступал защитником в крупных политических процессах: дело эсера-террориста Г. Гершуни и др. После большевистского переворота эмигрировал за границу, издал мемуары «Что глаза мои видели».

[6] Нежинская (урожд. Ющинская) Наталия – во время Киевского процесса 28 лет, тетка Андрея Ющинского, сестра Александры Приходько. Скончалась до суда.

[7] Нежинская (по второму мужу, по первому мужу – Ющинская) Олимпиада Яковлевна – во время Киевского процесса 65 лет, бабушка Андрея Ющинского.

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. Г. ЗАМЫСЛОВСКОГО

Польский вопрос в Государственной Думе третьего созыва сессии 1. – Вильна, 1908.

Речь депутата Г. Г. Замысловского, произнесенная в заседании Государственной Думы 25 апреля 1908 г. по вопросу о контингенте новобранцев. – СПб., 1908.

По поводу законопроекта «О переходе из одного вероисповедания в другое». – Харьков, 1909.

Развал высшей школы. Речь в заседании Государственной Думы 20 апреля 1911 г. – СПб., 1911.

Жертвы Израиля. Саратовское дело (По подлинным документам). – Харьков, 1911.

Умученные от жидов. Саратовское дело. По актам подлинного производства. – Харьков, 1911.

Правые в III Государственной Думе. – Харьков, 1912 (под псевдонимом Юрский Г.).

Дело Тагиева. – СПб., 1912.

Убийство Андрюши Ющинского. Речь в Киевском окружном суде 24 октября 1913 г. – СПб., 1914.

Умученные от жидов. Саратовское дело. По актам Государственного Совета. Изд. 2-е, исправленное и переработанное. – СПб., 1914.

Убийство Андрюши Ющинского. Исследование в 3 ч. – Пг., 1917.

СОДЕРЖАНИЕ

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997–2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 100 томов).

Редактор Л. А. Попенова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 10.01.2013 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 31,25 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
Русская архитектура и скульптура
Русская живопись
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.

Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская (восточнославянская) этнография, 672 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История – Душа – Победы, 808 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.